Пенка Филкова

Староболгарские традиции в истории русского литературного языка

София · 1991

В книге рассматривается определенный круг проблем, связанных с международной функцией древнеболгарского литературного языка. Специальному анализу подвергнуты вопросы его эволюции на древнерусской и русской языковой территории, его роли в литературно-языковых процессах в Киевской и Московской Руси и в пополнении лексических, фразеологических и стилистических ресурсов русского литературного языка на разных этапах его развития.

Книга задумана как учебное пособие в помощь студентам русистам, болгаристам, славистам, историкам, а также аспирантам, дипломникам, стажерам и др.

© Пенка Димитрова Филкова, 1991,
C/O JUSATOR, SOFIA

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Введение

Древнеболгарский литературный язык 7

1. Древнеболгарский язык 10
2. Характерные специфические черты древнеболгарского литературного языка 14
3. Дискуссионные проблемы в анализе древнеболгарского литературного языка 32

Глава первая

Литературно-языковое развитие в Киевской Руси и древнеболгарские языковые традиции 50

1. Древнеболгарский литературный язык в Киевской Руси. . 50
2. Формирование древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка в Киевской Руси 58
3. Формирование древнерусской разновидности (типа, варианта) древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка в Киевской Руси 72
4. Формирование письменно-литературной разновидности (типа, подсистемы, стиля) древнерусского языка. . . . 82

а) Официально-деловой тип письменно-литературной разновидности древнерусского языка 90

б) Историко-повествовательный (народно-литературный) тип письменно-литературной разновидности древнерусского языка. 93

Глава вторая

Литературно-языковое развитие в московской Руси и староболгарские языковые традиции 108

1. Письменно-литературная разновидность великорусского (русского) языка в Московской Руси и староболгарские языковые традиции 109

а) Официально-деловой (приказный) тип письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка 115

б) Историко-повествовательный тип письменно-литературной разновидности великорусского

(русского) языка 124
2. Церковнославянский литературный язык (русская редакция староболгарского литературного языка и ее русская разновидность) в Московской Руси и староболгарские языковые традиции 140
а) Русская редакция староболгарского литературного языка (церковнославянский литературный язык) 144
б) Русская разновидность (тип) церковнославянского литературного языка в Московской Руси . . 160

Глава третья

Литературно-языковое развитие в России в XVIII в. и староболгарские языковые традиции 172

1. Литературно-языковое развитие в первой половине XVIII в. и староболгарские языковые традиции . . 172
а) Церковнославянский литературный язык 173
б) Русская разновидность церковнославянского литературного языка в первой половине XVIII в. 178
в) Повествовательно-исторический тип письменно-литературной разновидности русского языка в первой половине XVIII в. 189
г) Официально-деловой тип письменно-литературной разновидности русского языка в первой половине XVIII в. 196
2. Литературно-языковое развитие в середине и во второй половине XVIII в. и староболгарские языковые традиции 203
а) Теоретическое обоснование в середине XVIII в. единой системы русского литературного языка с тремя стилями 205
б) Теория трех стилей и художественно-речевая практика во второй половине XVIII в. 220
в) Дискуссия о месте и роли церковнославянского языка в литературно-языковом развитии в конце XVIII - начале XIX в. 229

Глава четвертая

Древнерусская и русская редакция староболгарского литературного языка (собственно церковнославянский литературный язык) - один из источников пополнения лексических ресурсов литературного языка 237

I. Староболгаризмы (староболгарские лексические единицы 241

II. Заимствование староболгарских слов 271

А. Заимствование староболгарских слов 276

Б. Калькирование староболгарских слов 283

В. Изменение употребительности староболгарских и русских вариантов и дублетов 287

1. Сокращение употребительности (ретардация) . . некоторой части староболгарских и русских вариантов и дублетов 288

2. Прекращение употребительности (аннигиляция) известной части староболгарских и русских вариантов и дублетов 294

3. Активизация употребительности 306

Г. Семантическое и функционально-стилистическое разграничение, раскалывание семантической и функциональной зоны 308

III. Состав староболгарских слов в лексике русского литературного языка 317

IV. Классификация староболгарских слов в лексике русского литературного языка 336

Глава пятая

Древнерусская и русская редакция староболгарского литературного языка (собственно церковнославянский литературный язык) - один из источников пополнения стилистических ресурсов лексики русского литературного языка 342

1. Пополнение староболгаризмами стилистически окрашенной лексики русского литературного языка. . . . 350

2. Пополнение староболгаризмами состава синонимических средств русского литературного языка . . . .
3. Пополнение староболгаризмами состава средств словесной образности русского литературного языка . . . . . .
4. Стилистические функции староболгаризмов в художественной и публицистической речи . . . . . .

Глава шестая

Древнерусская и русская редакция староболгарского литературного языка (собственно церковнославянский литературный язык) - один из источников пополнения фразеологических ресурсов русского литературного языка . . . . . .

1. Генезис церковнославянских устойчивых сочетаний . .
2. Лексический состав библейских и других устойчивых сочетаний и выражений . . . . . .
3. Семантические особенности библейских и церковнославянских сочетаний и выражений . . . . . .
4. Экспрессивные свойства, стилистические функции функции и приемы использования устойчивых сочетаний и выражений, источником которых является христианская церковнобогослужебная, богословская и т.п.литература . . . . . .

ЗАКЛЮЧЕНИЕ . . . . . .
Источники и использованные сокращения. . . . . .

СТАРОБОЛГАРСКИЕ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Введение

Древнеболгарский литературный язык

Русский литературный язык, в котором по словам М.В.Ломоносова, каждый нашел бы "великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображеният краткость греческого и латинского языков"[1], отличается своей сложной вековой и разносторонней историей.

Русский литературный язык, как и всякий развитой язык с длительной письменно-литературной традицией, характеризуется наличием богатейших языковых средств и выразительных возможностей, реализованных и засвидетельствованных в замечательной древнерусской и русской литературе и в разнообразных видах письменности XI-XX вв.

Формирование и развитие русского литературного языка осуществляется на основе различных источников и в результате действия многообразных внутренних и внешних факторов. При всем их разнообразии и при условии отличий в степени их участия и интенсивности в отдельные исторические периоды основной источник развития остается постоянным. Это язык народа.

Другим важным источником, особенно в донациональный период (XI-XVII вв.), является староболгарский литературный язык (древнеболгарского и среднеболгарского периода IX-XI вв., XII-XV вв.) в его древнерусской (и русской) редакции и ее древнерусской (и русской) разновидности (типе, варианте). Староболгарские языковые традиции представлены в различной степени действенности на всех этапах истории русского литературного языка. Главный фактор, который определяет значимость этих традиций, особенно в XI-XVII вв., это доминирующая роль религиозной идеологии. "Средние века, - пишет Ф.Энгельс, - присоединили к теологии и превратили в ее

---

[1] М.В.Ломоносов. Российская грамматика. Полное собрание сочинений, т.VII. М., 1952, с.394.

подразделения все прочие формы идеологии"[2]. Другим главным фактором являются интенсивные культурные, литературные и другие связи Киевской Руси с Болгарией и Византией. Таким образом, доминирующее положение религиозной идеологии, христианской литературы и церкви обусловили и важную роль языка религии, церковнославянского языка по функции, древнеболгарского по этногенезису в развитии древнерусской (и русской) литературы и письменности и ее языка.

Изучению старобългарских традиций в истории русского литературного языка и посвящена данная монография, в которой рассматриваются в обобщенном виде отдельные основные аспекты этой обширной проблемы.

Различные стороны изучаемой проблемы исследовались и представлены в трудах славистов разных стран и особенно русских, советских и болгарских филологов. См., напр., работы таких авторов, как Р.А.Аванесов, В.В.Акуленко, А.А.Алексеев, Б. Ангелов, В.В.Аниченко, Л.Андрейчин, А.М.Бабкин, К.Бабов, А. Бартошевич, С.Б.Бернштейн, Г.И.Белозерцев, Г.А.Богатова, А.Бончев, Е.Ф.Будде, С.К.Булич, Ф.И.Буслаев, Ив.Буюклиев, Ст.Вархол, Е.М.Верещагин, В.В.Веселитский, Р.Вечерка, В.В.Виноградов, В.В. Виноградова, Г.О.Винокур, В.П.Вомперский, Д.С.Ворт, А.Х.Востоков, Л.В.Вялкина, Вл.Георгиев, Ст.Городес, Е.Георгиев, А.И.Горшков, Л.К.Граудина, Ел.Георгиева, Н.К.Гудзий, К.Гутшмид, А.Давидов, Е.И.Демина, Н.М.Дылевский, П.Динеков, Ек.Дограмаджиева, Ц.Досева, Ив.Дуриданов, Н.Н.Дурново, И.П.Еремин, А.И.Ефимов, В.М.Живов, Л.П.Жуковская, В.В.Замкова, Е.А.Земская, В.В.Иванов, Св.Иванчев, И.С.Ильинская, А.В.Исаченко, Е.И.Иссерлин, В.М.Истрин, Е.С.Истрина, Т.Н.Кандаурова, Е.Ф.Карский, В.Кипарский, А.Киримский, Г.П.Князькова, Е.Г.Ковалевская, Л.С.Ковтун, М.Н. Кожина, В.В.Колесов, Е.С.Копорская, А.С.Копорский, А.И.Копыленко, С.И.Котков, С.Кохман, М.Кравар, К.Куев, П.С.Кузнецов, Й.Курц, Л.Л.Кутина, Х.Г.Лант, Б.А.Ларин, В.Д.Левин, Ив.Леков, О.Лешка, Д.С.Лихачев, Г.А.Лукина, А.С.Львов, Б.М.Ляпунов, Е.К. Мансветова, В.Ф.Мареш, Н.Е.Маркарьян, Е.О.Меладзе, Н.А.Мещерский, Х.Милейковска, А.Минчева, К.Мирчев, Д.Иванова-Мирчева, Г.Михаила, Н.Г.Михайловская, В.В.Немчук, С.П.Обнорский, Р.Павл

[2] К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения, т.21, с.314

ва, А.Лашен, Б.П.Адрианова-Перетц, Р.Пиккио, О.Г.Перхова, Хр. Първев, Цв.Ралева, Я.Ригер, Р.Ружичка, Б.М.Русановский, М.Русек, А.М.Селищев, Фр.Славский, А.И.Соболевский, Б.С.Сорокин, Ф.П.Сороколетов, М.Н.Сперанский, А.И.Срезневский, Л.Тонка, И.Тихомиров, Н.И.Толстой, Б.В.Томашевский, Н.Тот, Н.С.Трубачев, Н.С.Трубецкой, Л.С.Улуханов, Б.А.Успенский, Л.А.Устьянов, Ф.П.Филин, П.Филикова, Г.Хютль-Фольтер, Г.А.Хабургаев, Ф.Хам, Р.М.Цейтлин, Е.Т.Черкасова, П.Я.Черных, Д.Чижевский, Н.М.Шанский, А.А.Шахматов, Г.В.Шевелов, Д.Н.Шмелев, Л.П.Якубинский и др.

На важную роль старославянских языковых традиций обращают специальное внимание видные советские филологи.

Так, напр., В.В.Виноградов отмечает, что "тесная связь древнерусского литературного языка с языком старославянским, который никогда не был чужд русскому народу, ставила историческое развитие русского литературного языка в иные, более выгодные условия сравнительно с западноевропейскими языками"[3]. Ф.П.Филин пишет, что "старославянский язык, возникший на древнеболгарской основе"... "сыграл выдающуюся роль в истории русской (шире – восточнославянской) речевой культуры"[4]. В.М.Русановский указывает на то, что "старославянский язык был одним из источников формирования древнерусского литературного языка, а следовательно, одним из компонентов тех культурных традиций, которые вырабатывались в условиях самостоятельной жизни восточного славянства"[5]. Р.М.Цейтлин подчеркивает большую роль древнеболгарского языка "в развитии других славянских литературных языков"[6], а Д.Н.Шмелев замечает: "Особую роль в истории русского литературного языка играл на протяжении столетий

---

3 В.В.Виноградов. Величие и мощь русского языка. М.,1944,с.8.

4 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка. М. 1981, с.215, с.4.

5 В.М.Русановский. Роль Киева в развитии литературных языков Киевской Руси.–Вопросы языкознания, 1982, № 4, с.29.

6 Р.Цейтлин. Значение древнеболгарского языка в становлении славянских литературных языков (на уровне лексики).–В: Първи международен конгрес по българистика. Исторически развой на българския език. С., 1983, с.75.

старославянский язык... Еще его называют древнеболгарский, так как переводы были сделаны на один из диалектов болгарского языка"[7].

Цель данной работы предполагает в первую очередь определение сущности понятия древнеболгарский язык.

I. Древнеболгарский язык

Древнеболгарский язык – язык болгарской (славяноболгарской) народности в IX-XI вв. Известно, что в первой половине IX в. осуществляется объединение основной части славян болгарских в пределах болгарского (славяноболгарского) государства, главным территориальным ядром которого стали области Мизия, Фракия и Македония[8].

Древнеболгарский язык функционирует в двух основных формах или подсистемах – нелитературной (народно-разговорной, диалектной) и письменно-литературной. Нелитературная (народно-разговорная, диалектная) форма или подсистема служит средством общения болгарской (славяноболгарской) народности в IX-XI вв. В этот период и на ее основе и конкретнее на основе Солунского юговосточного болгарского диалекта возникает и стала функционировать и письменно-литературная форма, подсистема древнеболгарского языка. В течение своего двухвекового существования древнеболгарский литературный язык опирается на широкий ареал болгарской языковой территории: южные говоры вокруг Солуни, восточные говоры в районе столиц Плиски и Преслава, юго-западные говоры вокруг книжно-литературного центра Охрид. Воздействие этих диалектов на литературный язык обусловлено ролью трех отмеченных центров в возникновении и развитии древнеболгарской письменности[9].

---

[7] Д.Н.Шмелев. Современный русский литературный язык. Лексика. М., 1977, с.243.

[8] Д.Ангелов.Образуване на българската народност.С.,1971,с.24

[9] Ек.Дограмаджиева, Кр.Костова. Проблемы дефиниции древнеболгарского языка на основе определения других древних славянских языков. – В: Славянска филология, т.19,С.,1988, с.23.

Основоположниками древнеболгарского литературного языка (т.е. письменно-литературной подсистемы древнеболгарского языка) являются Кирилл и Мефодий, дело которых блестяще продолжают их ученики, последователи, древнеболгарские писатели, напр. Климент Охридский, Наум, Константин Преславский, Черноризец Храбр, Йоан Экзарх, Козма Пресвитер и др.

Древнеболгарский литературный язык непосредственно засвидетельствован в сохранившихся древнеболгарских памятниках (рукописях и надписях), возникших в болгарской языковой среде в древнеболгарский период с IX по XI в. включительно. Это, с одной стороны, древнеболгарские рукописи, манускрипты, написанные глаголицей и кириллицей (азбуки, созданные для древнеболгарского языка), напр. Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Ассеманиево евангелие, Охридское евангелие, Клоцов сборник (кодекс), Синайская псалтырь, Синайский служебник, Синайский требник (евхологий), Зографский палимпсест, Боянский палимпсест, Рыльские листки, написанные глаголицей, а также Саввина книга, Супрасльский сборник (кодекс), Енинский апостол, Листки Ундольского, Зографские листки, Хиландарские листки, написанные кириллицей[10]. С другой стороны, это древнеболгарские надписи (кириллические и частично глаголические) на камнях, на стенах, на сосудах, на плитах, на печатях, на монетах и т.д., напр. надпись из скального монастыря около села Крепча 921 г., надпись на корчаге 930-931 г. в Преславе, Добруджанская надпись 943 г., надпись на надгробном камне, сделанная в 993 г. по распоряжению Самуила, Варошская надпись 996 г., Битолская надпись (Ивана Владислава 1015-1016 г.), надгробная надпись Мостича, Бесарабские надписи и т.д.[11]

---

[10] К.Куев. Съдбата на старобългарските ръкописи през вековете. С., 1979.

[11] См. К.Константинов. Два старобългарски надписа от скалния манастир при с.Крепча,Търговищко.-Археология,1977,№ 3; Д. Богдан. Добружанская надпись 943 г.-ROMANOSLAVIA , 1958,I; И.Заимов. Битолски надпис на Иван Владислав,С.,1970;И.Иванов.Български старини из Македония,С.,1931.Ст.Станчев, Б. Иванова, М.Балан, П.Боев, Надписът на чъргублия Мостич,С.,

Древнеболгарский литературный язык представлен также и в переводных и оригинальных трудах учеников Кирилла и Мефодия, древнеболгарских писателей и в анонимной переводной литературе (гомилитической, житийной, патристической, повествовательной, исторической, юридической и т.д.), возникшей в древнеболгарский период. Все эти сочинения сохранены в более поздних среднеболгарских, русских или сербских списках, в которых древнеболгарская языковая основа осложнена и некоторыми другими языковыми чертами. Поэтому такие списки оцениваются как непрямые, вспомогательные, косвенные источники исследования древнеболгарского литературного языка. См., напр., труды Кл.Охридского (Похвальные слова, поучения, Пространное житие Кирилла, каноны, Триодь цветная и др.), Наума (канон), Константина Преславского (стихирари, каноны, Учительное евангелие, Азбучная молитва, Церковное сказание, Историки, Четыре слова против ариан, Триодь постная и др.), Иоанна Экзарха (Небеса, Шестоднев, похвальные слова и др.), Черноризца Храбра (Сказание о буквах), Пресвитера Козмы (Беседа против богомилов), переводы, сочинения Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Ефрема Сирина, Иоанна Синайского, переводы хроник Иоанна Малалы, Иоанна Зомары и т.д.[12]

Древнеболгарский литературный язык после непродолжительной Моравской миссии продолжает свое существование на родной древнеболгарской языковой территории.

1955; Г.Михаиле, Старославянские надписи, открытые в с.Бесарабь, Revue roumaine de linquistique, 1964, № 9.

12 Климент Охридски. Събрани съчинения, София, т.1, 1970, т.2, 1971, т.3, 1973; Ст.Кожухаров. Песенното творчество на старобългарския художник Наум Охридски. - Литературна история, кн. 12, 1984; К.М.Куев. Азбучната молитва в славянските литератури. С., 1974; Ал.Милев, Старобългарският превод на "Четири слова против арианите". - Старобълг.лит-а, кн.2, 1977; А.Джамбелука-Коссова. Черноризец Храбър. О писменехь, С., 1980; Д.Мирчева. Йоан Екзарх Български. Слова, 1971. Йоан Екзарх. Шестоднев. С., 1981; А.Давидов. Речник-индекс на презвитер Козма. С., 1976; Д. Ангелов. Презвитер Козма и беседата му против богомилите. С., 1945; История русской лит-ы X-XVII веков, М. 1980.

С первого перевода евангелия, сделанного Константином Кириллом, начинается история древнеболгарского литературного языка, который в течение IX-XI вв. непрерывно совершенствуется, расширяя свою диалектную базу и общественные функции. Он функционирует не только как язык религии, богослужения и христианской литературы, но обслуживает также церковную организацию, государственный аппарат, образование и в определенных аспектах быт в Болгарии.

Возможности дальнейшего развития и совершенствования древнеболгарского литературного языка заключаются в высоких качествах языка переводов Кирилла и Мефодия. Можно указать на богатство его книжной лексики и сложных слов, формировавшихся в большинстве случаев на народной основе, на значительный пласт калькированных и иноязычных слов, которые обогащают его выразительные возможности и семантические ресурсы, на умелое использование словообразовательных и грамматических средств, характерных для народной речи, на исключительное разнообразие художественно-выразительных средств[13].

Древнеболгарский язык обозначался его современниками и их близкими потомками синонимическими терминами - родовым наименованием словѣнскы или видовым названием блъгарскы[14].

Древнеболгарский язык (в письменно-литературной и народно-разговорной формах), как свидетельствуют языковые данные сохранившихся древнеболгарских рукописей, надписей, списков с трудов древнеболгарских писателей, среднеболгарской письменности, а также данные болгарских народных говоров и современного болгарского литературного языка, характеризовался, с одной стороны, языковыми чертами, унаследованными из праславянской эпохи, общими для всех (или отдельных) славянских языков. С другой стороны, древнеболгарский язык отличался от остальных славянских языков рядом характерных языковых черт,

---

13 К.Мирчев. Константин-Кирил, създател на старобългарския книжовен език.-Български език, 1963, № 3.

14 Ек.Дограмаджиева, Кр.Костова. Проблемы дефиниции... с.27

которые определяют его своеобразие, специфику. Это является результатом того, что "начиная с VI-VII вв. н.э., - как пишет Ф.П.Филин, - все основные процессы изменения в славянской речи давали в разных славянских областях разные результаты"[15]. Общеславянским был в определенных случаях лишь исходной материал.

Поскольку в данной работе рассматриваются староболгарские (т.е. древнеболгарские и среднеболгарские) языковые традиции в истории русского литературного языка, то указываются те главные дифференциальные черты древнеболгарского языка, которые определяли его отличия от древнерусского языка. Следует подчеркнуть, что многие из указанных отличительных признаков до сих пор характерны для русского и болгарского языков.

2. Характерные специфические черты древнеболгарского литературного языка

Древнеболгарский литературный язык характеризуется рядом специфических черт, которые отличают его от древнерусского языка. Многие из этих отличий рассматриваются в работах различных исследователей[16]. Другие приводятся здесь в сжатом, информативном виде. Укажем на характерные, специфические черты древнеболгарского литературного языка, привлекая данные и современного болгарского языка, поскольку, особенно в последние годы, отдельные авторы отрицают древнеболгарскую принадлежность первого литературного языка славянских народов.

---

[15] Ф.П.Филин. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962, с.165.

[16] В.В.Иванов. Историческая грамматика русского языка. М., 1983; Е.Ф.Карский. Славянская кирилловская палеография. М., 1979; Р. Павлова. Болгарско-русские и русско-болгарские языковые связи. С., 1979; А.М.Селищев. Старославянский язык. М., 1951; И.Тот. Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI-начале XII вв. С., 1985; Из трудов А.А.Шахматова по современному русскому языку. М., 1952 и др.

а) Фонетические специфические черты древнеболгарского литературного языка:

– шт (ѿ) на месте праславянских сочетаний *tj, а также kt', gt', напр. в др.болг. свѣща, нощь, мощь в совр. болг. свещ, нощ, мощ, в русск. свеча, ночь, мочь;

– жд на месте праславянского сочетания dj , напр. др. болг. виждѫ, межда, ѫжда, совр.болг. виждам, межда, ръжда, русск. вижу, меж, ржа;

– сочетания – штѳ (штр) и –ждр из trj, drj , напр. др.болг. оухытрѣти, оумождрѣти и русск. ухитрять(ся), умудрять;

– ятовый гласный – ѣ (широкое –ê, – а, что непосредственно отражено в глаголице – Ⱁⰵ), напр. др.болг. бѣлъ, вѣра, грѣхъ , совр.болг. бял, вяра, грях, русск. белый, вера, грех;

– начальное –а (без – j), напр. др.болг. азъ, агньць, агнѧ , совр.болг. аз, агнец, агне, русск. я, ягненок;

– начальное – ja , напр. др.болг. ѧсти, ѧмь, ѧздити, ѧхати, совр.болг. ям, яздя, яхам, др.русск. ѣсти, ѣмь, ѣздити, ѣхати, совр.русск. есть, ем, ездить, ехать;

– начальное je (ѥ) , напр. др.болг. ѥдинъ, ѥзѣро, совр.болг. един, езеро, есен, русск. один, озеро, осень;

– начальное ju (ю), напр. др.болг. ѭгъ, ѭноша, ѭность, совр.болг. юг, юноша, юност, др.русск. оугъ, оуноша, оуность;

– носовые гласные ,у которых в древнеболгарском литературном языке были буквенные обозначения ѧ, ѧ, ѧ, ѧ, ѧ, ѧ, напр. др.болг. сѧдъ, пѧть, ѧзъікъ, совр.болг. съд, пет, език, русск. суд, пять, язык;

– неполногласные сочетания –ра, –рѣ, –ла, –лѣ между согласными в одной морфеме (на месте праславянских сочетаний tort, tert, tolt, telt), напр. др.болг. градъ, брѣмѧ, глась, шлѣмъ , совр. болг. град, бреме, глас, шлем, др.русск. городъ, беремя, голосъ, шеломъ;

– начальные сочетания –ра, –ла перед согласными (на месте праславянских сочетаний or, ol под нисходящей интонацией), напр. др.болг. равьнъ, лакъть, ладии , совр.болг. равен, лакът, ладия, русск. ровный, локоть, лодка.

- сочетания плавных -р, -л с редуцированными -ъ, -ь (между согласными), напр. др.болг. **скрѣбь, слѣньце, врьхъ** совр. болг. скръб, слънце, връх, др.русск. скърбь, сълнце, въръхъ и совр.русск. скорбь, солнце, верх;

- сохранение -ъ в определенных позициях на всех этапах истории болгарского языка и его изменение в -о в русском языке, напр. др.болг. **вънъ, дъска, сънъ**, совр. болг. вън, дъска, сън, др.русск. вънъ, дъска, сънъ, русск. вон, доска, сон.

б) Некоторые морфологические (в отдельных случаях фонетического естества) черты древнеболгарского литературного языка

- формы дат. и местн. пад. ед.ч. личного местоимения -ты и возвратного местоимения, напр. др.болг. **тебѣ, себѣ** и др. русск. тобѣ, собѣ;

- формы род., вин., твор. пад.ед.ч. личного местоимения третьего лица -она (указательного по происхождению), напр. др.болг. **-ѥѧ, -ѭ, -ѥѭ** и др.русск. **-ѥѣ, -ю, -ею**;

- формы вин.пад.мн.ч. личного местоимения третьего лица -онъ, -она, напр. др.болг. **-ѧ** и др.русск. **-ѣ**;

- формы род., вин., твор.пад. ед.ч. ж.р. указательных, притяжательных и определительных местоимений -та, -си, моꙗ, -наша, -вьсꙗ, напр. др-болг. **тоѧ, сеѧ, моѥѧ, нашеѧ, вьсеѧ**; **тѫ, сьѭ, моѭ, нашѫ, вьсѭ**; **тоѭ, сеѭ, моѥѭ, нашеѭ** и др.русск.: тоѣ, сеѣ, моею, нашеѣ, вьсеѣ; ту, сю, мою, нашу, вьсю, тою, сею, моею, нашею, вьсею;

- формы имен., вин. пад.ж.р.мн.ч. этих же местоимений -та, -си, -моꙗ, -наша, -вьсꙗ, напр. в др.болг. **сьѧ, моѧ, нашѧ, вьсѧ** и др.русск. сиѣ, моѣ, нашѣ, вьсѣ;

- формы род., дат., местн.пад. ед.ч. вопросительного местоимения -чьто, напр. др.болг. **ѹѥсо** (или **ѹьсо, ѹѥсого**) **ѹѥ** (или **ѹьсомоу** наряду с **ѹѥмоу**), **ѹѥсомь** (наряду с чемь) и др.русск. чего, чемоу, чемь;

- формы твор.пад.ед.ч.м.(и ср.) и ж.р. кратких прилагательных, напр. др.болг. **добромь** и **синемь, добрѫ** и **синѭ** и др.русск. добръмь и синьмь, доброю и синею;

– Формы род.пад.ед.ч. и им.пад.вин.пад.мн.ч.ж.р. простых (кратких) прилагательных типа синѣа, напр. др.болг. **синѣ** и др.русск. синѣ;

– Формы род., дат.,мест.пад.м. (и ср.) р.ед.ч. сложных (полных) прилагательных типа добрыи, напр. др.болг. **добраѣго** (и **добрааго, добраго**), **доброуѣмоу** (и **доброуоумоу, доброумоу**), **добрѣѣмь** (**добрѣѣмь**) и др.русск. доброго, доброму, добромъ;

– Формы род., дат., мест.пад. м. (и ср.) р.ед.ч. сложных (полных) прилагательных типа синии, напр. др. болг. **синѣаѣго** (и **синѣааго, синѣаго**), **синѣоѣмоу** (и **синѣоумоу, синѣомоу**), **синиѣмь** (и **синиимь, синимь**) и др.русск. синего, синему, синемъ;

– Формы род., дат.,вин.,твор.,мест.пад.ед.ч.ж.р. сложных (полных) прилагательных типа добраѧ, напр. др.болг. **добрыѣѧ, добрѣи, добрѧѧ, доброѧ, добрѣи** и др.русск. добрыѣ (и доброѣ), доброи, добрую, доброю, доброй;

– Формы род., дат.,вин.,твор.,мест.пад. ед.ч. ж.р. сложных (полных) прилагательных типа синѣаѧ, напр.др.болг. **синѣѧѧ, синии, синѣѣѧ, синиѣѧ, синии** и др.русск. синѣѣ (и синеѣ), синей, синюю, синею, синей;

– Формы вин.пад.мн.ч.м.р. и им.,вин.пад.мн.ч. ж.р. сложных (полных) прилагательных типа добрыи, добраѧ и синии, синѣаѧ, напр. др.болг. **добрыѣѧ, синѣѧѧ** и др.русск. добрѣ, синѣ;

– Некоторые формы, которые выражают значение превосходной степени с **-нан**; формы положительной степени с наречиями **сѣло** или **вельми**, формы положительной степени с префиксом **прѣ-** См. в др.болг. **нанстарѣи, сѣло высокъ, вельми старъ, прѣмилостивъ** и др.русск.: самыи старый, очень (самый) высокий, весьма старый, самыи милостивый;

– Отдельные формы числительных, напр. др.болг. **единъ, единъ на десате, седмь, седмь на десате, седмь десатъ, осмь, осмь на десате, осмь десатъ, девать десатъ, четыре десате, тысаща** и др.русск. одинъ, одинъ на десате (и позже одиннадцать), семь, семь на десате (и позже семнадцать), семьдесатъ, восмь, восмь на десате (и позже восемнадцать), восемь десатъ, девать десатъ (и позже девяносто), четыре десате (и позже сорок), тысяча;

Пермская библиотека

– Отдельные падежные формы имен существительных.

Форма твор.пад.ед.ч. существительных м.р. и ср.р. типа родъ, лѣто, конь, море, напр. др.болг.: родомь, лѣтомь, конемь, полемь и др.русск.: родомъ, лѣтомъ, конемъ, морьмъ;

Форма вин.пад. мн.ч. существительных типа конь, напр. др.болг. коня и др.русск. коня;

Формы вин., твор.пад. ед.ч. существительных типа жена, напр. др.болг. женѫ, женоѭ и др.русск. женсу, женою;

Формы род., вин., твор.пад.ед.ч. и имен.и вин.пад. мн.ч. существительных типа волна, напр. др.болг. волѣ, волѭ, волеѭ, волѧ и др. русск. волѣ, волю, волею, волѣ;

Форма твор.пад.мн.ч. существительных типа имѧ, словѧ, строчѧ, напр. др.болг. имены, словесы, строчѧты и др.русск. именьми, словесьми, строчѧтьми.

– Отдельные формы глагола.

Формы 1 л.ед.ч. тематических глаголов и 3 л.ед.ч. и 3 л.мн.ч. тематических и атематических глаголов настоящего (будущего простого) времени, напр. др.болг. знаѭ, знаеть, знаѧть; хвалѭ, хвалить, хвалѧть; ѥсть, сѫть; дасть, дадѧть и др.русск. знаю, знаеть, знаютъ; хвалю, хвалить, хвалятъ; есть, соуть; дасть, дадѧть;

Формы 3 л.мн.ч. аориста, напр. др.болг. хвалѧ, быша и др.русск. хвалиша, быша;

Формы 3 л.дв.ч. аориста, напр. др.болг. хвалиста, быста и др.русск. хвалиста, быста;

Формы всех лиц и чисел имперфекта, напр. др.болг. видѣахъ, видѣаше – в ед.ч., видѣахомъ, видѣашете, видѣахѧ – в мн.ч., видѣаховѣ, видѣашета, видѣашете – в дв.ч. (имперфектные формы –ѣа, –аа представлены в древнеболгарском языке и в стяженном виде, напр. хотѣше и хотѣаше и т.д.) и др.русск. видѣахъ, видѣаше, видѣаше – в ед.ч., видѣахомъ, видѣасте, видѣахоу(ть) – в мн.ч., видѣаховѣ, видѣаста, видѣаста – в дв.ч.;

Формы 3 л. ед. и мн.ч. перфекта, напр. др.болг. далъ ѥсть, дали сѫть и др.русск. далъ есть, дали соуть;

Формы всех лиц и чисел плюсквамперфекта (давнопрошедшего времени), напр. в др.болг. бѣхъ, бѣ, бѣ(и бѣаше) творилъ – ед.ч., бѣхомъ, бѣсте, бѣша (и бѣахѧ) творили – мн.ч.,

бѣховѣ, бѣста, бѣсте творила – дв.ч. и др.русск. бѣхъ, бѣше, **бѣше творилъ** – ед.ч., бѣхомъ, бѣсте, бѣхоу(ть) творили – мн.ч., бѣховѣ, бѣста, бѣста творила – дв.ч.

Формы возникающего будущего времени в прошлом, ставшего характерным для болгарского языка, напр. др.болг. **вълнии же вълнѣаахѫ са въ ладиѭ ѣако оуже погрѣзнѣти хотѣаше** (Зогр., Мар., Мк.4,17), в болг. "щеше да пстъне" и в русск. "чуть было не утонула", "должна была утонуть".

Описательные (аналитические) формы повелительного наклонения, напр. др.болг. **да придѫтъ, да речетъ** (в болг. нека да дойдат, нека да кажат) и русск. пусть они придут, пусть (пускай) он скажет;

Формы 2 и 3 л. ед.ч. повелительного наклонения нетематических глаголов, напр. др.болг. **даждь, ѣждь, вижды, вѣждь** и др.русск. дажь (дай), ѣжь (ешь), вижь (вишь, смотри), вѣжь (знай).

– Некоторые формы причастий.

Формы им.пад.ед.ч. м.,ср.р. кратких причастий действительного залога настоящего времени, напр. др.болг. **ида і, зная, пиша** и др.русск. ида, знаа, пиша.

Формы всех падежей м.,ср.,ж.р.ед., мн. и дв.ч. кратких причастий действительного залога настоящего времени,напр. формы ж.р.ед.,мн. и дв.ч. глагола нести в др.болг.: **несѫштн** (им.пад.,ед.ч.),**несѫшта** (род.пад.ед.ч.), **несѫштн** (дат.пад. ед.ч.), **несѫштѫ** (вин.пад.ед.ч.), **несѫштѥѭ** (твор.пад.ед.ч.), **несѫштн** (мест.пад.ед.ч.), **несѫшта** (им.пад.мн.ч.), **несѫштъ** (род.пад.мн.ч.),**несѫштамъ** (дат.пад.мн.ч.),**несѫшта** (вин.пад. мн.ч.),**несѫштами** (твор.пад.мн.ч.),**несѫштахъ** (мест.пад. мн.ч.), **несѫштн** (им., вин. пад. дв.ч.), **несѫштю** (род.,мест. пад. дв.ч.), **несѫштама** (дат., твор, пад. дв.ч.). См. соответствующие формы в др.русск. несоучи (им.пад.ед.ч.), несоучѣ (род.пад.ед.ч.), нессучи (дат.пад.ед.ч.), нессучсу (вин.пад. ед.ч.), несоучею (твор.пад. ед.ч.), несоучи (мест.пад.ед.ч.), несоучѣ (им.пад.мн.ч.), несоучь (род.пад.мн.ч.), несоучамъ (дат.пад.мн.ч.), несоучѣ (вин.пад.мн.ч.), несоучами (твор.пад. мн.ч.), несоучахъ (мест.пад.мн.ч.), несоучи (им.,вин.пад.дв.ч.) несоучсу (род.,мест.пад.дв.ч.), несоучами (дат.,твор.пад.дв.ч.)

Формы всех падежей м.,ср. и ж.р., ед.,мн. и дв.ч. сложных (полных) причастий действительного залога настоящего времени, напр. формы глагола нести в др.болг.: **несѫи** (м.р., им.пад.,ед.ч.), **несѫштаѥго** (м.р.,род.п.,ед.ч.),**несѫштѣмоу** (м.р.,дат.п., ед.ч.), **несѫштьи** (м.р.,вин.пад.,ед.ч.), **несѫштиимь** и **несѫштѣимь** (м.р.,твор.пад.,ед.ч.), **несѫштиимь** и **несѫштѣи** (м.р.,мест.пад.,ед.ч.) и соответствующие формы в др.русск.: несаи (м.р.,им.пад.,ед.ч.), нєссучего (более старое несоучаего – м.р.,род.пад., ед.ч.), несоучемоу (м.р.,им. пад., ед.ч.), несоучьи (м.р., вин.пад., ед.ч.), нессучимь (м.р., твор.пад., ед.ч.), несоучемь (м.р., мест.пад., ед.ч.), и т.д.

Формы твор.пад.ед.ч. и вин.пад. мн.ч. м.р. кратких причастий действительного залога прошедшего времени, напр. др. болг.**несѫшемь** (твор.пад.ед.ч.), **несѫша** (вин.пад.мн.ч.) и др.русск. несъшьмъ (твор.пад.ед.ч.) и несъшѣ (вин.пад.,мн.ч.).

Формы род.пад. ед.ч. и им. и вин.пад.мн.ч.ж.р. кратких причастий действительного залога прошедшего времени, напр. Др.болг. **несѫша** и др.русск. несъшѣ.

Указанные различия в формах кратких причастий действительного залога прошедшего времени представлены и в сложных (полных) формах, напр. др.болг. **несѫшаѧ** (род.пад.ед.ч.ж.р.) и др.русск. несъшѣѥ.

Некоторые формы страдательных причастий прошедшего времени, напр. др.болг. **оубиѥнъ, открꙑвенъ, заколенъ** и др.русск. оубитъ, открытъ, заколотъ. См. и другие подобные формы, напр. **арѣзновенъ, вѣдѣхновенъ, (сѫ)прикосновенъ**.

– Различные виды наречий местоименного происхождения и с именными основами.

Наречия местоименного происхождения, напр. др.болг. **доньдеже** (русск. до того, до тех пор), др.болг. **ѥгда** (русск. когда, если), др.болг. **камо** (русск. куда), др.болг. **ꙗко** (русск. как, вот) и др.

Наречия с именными основами, напр. др.болг. **абиѥ** (русск. сейчас, тот час), др.болг. **беспристанн** , болг. непрестанно, (русск. постоянно), др.болг. **вькоупѣ** , болг. вкупом (русск. вместе), др.болг. **горѣ** , болг. горе (русск. вверх, вверху), др.болг. **дслоу** , болг. долу (русск. вниз), др.болг.

дьнысь , болг. днес (русск. сегодня), др.болг. спакы , болг. опаки (русск. наоборот, иначе), др.болг. обаѵе , болг. обаче (русск. все-таки), др.болг. пакъ , болг. пак (русск. снова) и др.

– Формы определенного члена, засвидетельствованные в др.болг. языке в процессе формирования. Впоследствии они стали характерной особенностью болгарского языка[16], напр. в др.болг. „са бн не родилъ чловѣкъ тъ" – (Зогр.,Мф., 26), в болг. – човекът, в русск. – тот человек; в др.болг. „рабъ тъ повѣдѣ се" (Мар.,Л.,14), в болг. – рабът, робът, в русск. тот раб и др.

в) Некоторые синтаксические особенности древнеболгарского литературного языка.

– Зачатки аналитизма, который впоследствии тоже стал характерной чертой болгарского языка[17], напр. в др.болг. „въ домѣ оц)а моѥго сѣнтелн многы сѫтъ" (Зогр.,Ио. 14,2) и „въ домоу..." (в Мар.,Ассем., Сав.), в болг. "в дома....", в русск. "в доме...".

– Зачатки вытеснения инфинитивных форм и их замены формами на –да, которые тоже стали впоследствии характерными для болгарского языка[18]. См., напр., в др.болг. „повелѣ г(оспод)ь ѥго да продадатъ" (Зогр.,Мар., Ассем., Мф. 18,25), в болг. "... да го продадат", в русск. "... продать его (или чтобы его продали)"; в др.болг. „въхштѫ да жівѫ въ домоу" (Син.пс. 26,4), в болг. "... да живея", в русск. "... жить (или чтобы я жил)".

Засвидетельствованы и случаи употребления частицы/союза –да с сослагательным наклонением, напр. др.болг. „молитъ са б(ог)оу да бн забылъ грѣхы ѥго" (Евх., 38 б 8), в болг. "... да би забравил", в русск. "... забыть (или чтобы он забыл)".

---

16 Ив.Дуриданов. Старобългарският език в синхрония и диахрония.–В Славянска филология,С.,1988,с.14.

17 Там же, 10–14.

18 К.Мирчев. Към историята на инфинитивната форма в български език.– Годишник на СУ. Историко–филологически факултет, 23, № 12. С., 1937.

– Дательный падеж принадлежности (дательный притяжательный), представленный в древнеболгарском литературном языке, наряду с родительным падежом принадлежности[19]. Конструкции с дательным падежом принадлежности и особенно краткие формы дательного падежа личных местоимений и возвратного местоимения (ми, ти, си, ѥмъ и др.) в приименном употреблении для выражения принадлежности получили широкое распространение в дальнейшей истории болгарского языка. См, напр., в др.болг. „лнцѣ отьцю ми" (Сав.,лф. 18,10), в совр.болг. "... на баща ми", в русск. "... отца моего"; в др.болг. "възложи на нѧ рѫкѫ си" (Сав.,лф. 9,18), в совр.болг. "... ръката си", в русск. "... руку свою".

Конструкция дательный самостоятельный, которая состоит из имени существительного или местоимения в дательном падеже и согласованного с ним причастия действительного (в отдельных случаях страдательного) залога, была широко представлена в древнеболгарском литературном языке. См., напр., „шьдъшю же ємѹ въ вратѣ оѹзрѣ" (Зогр., лф.26), в совр.болг. "... когато той...", в русск. "... когда (или в то время как, так как) он..."

Вопрос о появлении дательного самостоятельного в древнерусском языке остается дискуссионным. Но нет сомнений, что староболгарские традиции сыграли определенную роль в распространении этой конструкции[20].

– В древнеболгарском литературном языке беспредложный местный падеж (локатив) употреблялся редко[21], напр. "... ѳеодора архиепа цѣградѣ" (Календарь к Ассем. ев.), в болг. "... в Цариград", в русск. "... в Царьграде". В древне-

---

19 А.Минчева. Развой на дателния притежателен падеж в български език. С., 1964.

20 И. Белоруссов. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковнославянской и древнерусской письменности. – Русский филологический вестник. Б., 1899.

21 Г.А.Хабургаев. Старославянский язык. М., 1974, с. 381.

русском языке беспредложный местный падеж, несмотря на синтаксическую ограниченность, оставался в употреблении дольше (до середины XIII в.)[22].

– Различные конструкции и глагольные сочетания с предлогами. В составе предлогов (а также наречий в функции предлогов и устойчивых сочетаний существительных с предлогами), засвидетельствованных в древнеболгарском литературном языке, выделяются как предлоги, которые не были свойственны живому древнерусскому языку, так и предлоги общеславянского распространения, которые представлены в различных конструкциях и глагольных сочетаниях со значениями, несходными с их значениями в русском языке, а также в конструкциях с другими предлогами. Учитывая это, мы указываем на подобные конструкции в выборочном порядке.

В качестве примера подобных отличий в значении и употреблении предлогов укажем на конструкции с предлогом –от в древнеболгарском литературном языке в сопоставлении с русским языком.

– Конструкция с предлогом –от, который имеет значение перемещения, направления действия из пределов, изнутри пространства, выведения из состава, напр. в др.болг. "изиде отъ гроба " (Супр. 558,5), в совр.болг. –от, в русск. –из;

– Конструкция с предлогом –от, который выражает значение перемещения, направления действия с поверхности, напр. в др.болг. "съдѣе отъ коня" (Супр. 146,2), в совр.болг. –от, в русск. – с;

– Конструкция с предлогом –от, который означает материал, вещество, из которого изготовляется (изготовлен)предмет, напр. в др.болг. „сътвори бнть отъ врѣвн " (Зогр., Ио.2,15), в совр.болг. – от, в русск. –из;

– Конструкция с предлогом –от, который употребляется для обозначения деятеля, производящего действие, выраженное

---

22 Р. Павлова. Пространственные конструкции в древнерусском языке в сопоставлении с древнеболгарским языком. С., 1977.

страдательным причастием, напр. в др.болг. „ПОСЛАНЪ БЫСТЬ ОТЪ БОГА" (Супр. 244,3), в совр.болг. – от, в русск. творительный без предлога – богом;

– Конструкция с предлогом –от для выражения части целого, напр. в др.болг. „ДА ВЪКОУСАТЪ ОТЪ БРАШЬНА" (Супр. 58,11), в совр.болг. – от, в русск. – родительный без предлога;

– В подобном значении предлог –от засвидетельствован и в сочетании с местоимениями или числительными, напр. в др. болг. „ЕДИНЪ ОТЪ ОУЧЕНИКЪ ЕГО" (Зогр.,Мс. 13,23), в совр.болг. – от, в русск. – из;

– Глагольное сочетание с предлогом –от для выражения модального и эмоционального отношения, напр. в др.болг. „НЕ БОН СА ОТЪ МЯКЪ" (Супр. 16,7), в совр.болг. –от, в русск. – родительный падеж без предлога.

Глагольное сочетание с предлогом –от для обозначения инструментива, оттенка причины, напр. в др.болг. „ОТЪ ОГНЬНА ИЗГОРѢВ'ША" (Супр. 517,4), в совр.болг. – от, в русск. – творительный без предлога.

– Глагольное сочетание с предлогом –от для выражения оттенка полноты, напр. в др.болг. ИСПЛЬНЕНАНЬ ОТЪ ПРАХА (Супр. 555,29), в совр.болг. – от или – с, в русск. – творительный без предлога или родительный без предлога.

– Глагольные сочетания с предлогом –от для выражения намерения изменить определенные отношения, напр. в др.болг. „УОУДЕСЪ ОТЪ НЕГО ПРОСИТИ" (Супр. 30,16), в совр.болг. –от, в русск. – у.

– Глагольное сочетание с предлогом –от, выражающее значение извлечения выгоды, напр. в др.болг. „ОТЪ МЕНЕ ПОЛЬЗЕВАЛЪ СЕ ЄСИ"(Зогр., Мф. 15,5).

В конспективном виде можно указать и на некоторые другие типы конструкций с предлогами. См.:

– Конструкция с предлогом –по для выражения превращение в другое состояние, напр. в др.болг. „ВСДА НА ВИНО ПРѢЛАГАЄМА БѢАШЄ"(Супр. 398,25), в совр.болг. –на, в русск. –в;

– Конструкция с предлогом –на для выражения предназначения, напр. в др.болг. "ВИНОСОЖЄ НЄ ВЪЗЄМАТЬТЪ НА ПАТЬ" (Зогр.,Мф.6,8), в совр.болг. –на (за), в русск. –в;

– Конструкция с предлогом –на в значении отправления, напр. в др.болг. „**готови са на пѫть**" (Супр. 216, 13), в совр.болг. – на (за), в русск. –в;

– Конструкция с предлогом –с для выражения средства, цели, напр. в др.болг. „**не о хлѣбѣ единомь живъ**" (Зогр.,Л.,4,4), в совр.болг. – за, в русск. – творительный без предлога (хлебом);

– Предлог –о в устойчивых сочетаниях типа „**о десняѣ странѣ**" (в др.болг.), в совр.болг. "от дясна страна", в русск. "по правую сторону";

– Глагольное сочетание с предлогом –о, напр. в др. болг. „**не прикасайте са о крьстехъ**" (Син.пс.,104,15), в совр. болг. –о (до), в русск. – к чему/кому;

– Конструкция с предлогом –прѣдъ для означения направления движения, местоположения, а также времени, напр. в др.болг. „**стоѭ прѣдъ вратьі**" (Сав.Йо. 18,16), в совр. болг. – пред, в русск. – перед.

– Конструкция с предлогом –прѣжде для выражения отношения времени, напр. в др.болг. „**оумьрѣіи прѣжде васѣхъ**" (Супр. 460, 11), в совр.болг. – преди, в русск. – раньше.

– Конструкция с предлогом –посрьди (посрѣдѣ) для означения места и времени, напр. в др.болг. „**посрѣдѣ горъ проідѣтъ водьі**" (Син.пс. 103,10), „**посрѣдѣ живнѣ**" (Супр. 451,11), в совр.болг. сред, посред, по средата, в русск. по (в) середине.

– Конструкция с предлогом –пс для означения причины, напр. в др.болг. „**пс жестосрьдьію вашеіу**" (Зогр.,Мк.10,5), в совр.болг. – поради, в русск. – из-за, ради.

– Конструкция с предлогом –по со значением действия, которое совершается за кем/чем-н., напр. в др.болг. „**народи по немь идоша**" (Зогр.,Мт.14,13), в совр.болг. –зад (пс), в русск. – вслед за.

– Конструкция с предлогом –пс для выражения последовательности (самостоятельности), напр. в др.болг. „**раздаѭлати ємѹ· единъ по единомѹ**" (Зогр.,Мк.14,19), в совр.болг. –пс, в русск.– за.

– Конструкция с предлогом –при для означения близости,

напр. в др.болг. „стоѣахѫ же при кр(ь)сть" (Зогр.,Йо.,21, 4), в совр.болг. – при (до), в русск. – у, около.

– Конструкция с предлогом –при для выражения наличия, присутствия, напр. в др.болг. „при народѣ ... исповѣдати" (Супр. 149,15), в совр.болг. – при (пред) в присъствие), в русск. – в присутствии.

– Конструкция с предлогом –с для обозначения орудия средства действия, напр. в др.болг. „възсвалѧ ...съ пѣсньмь" (Син.пс. 68,31), съ лопатоѭ потрѣбити (Супр. 127,24), в совр.болг. –с, в русск. – творительный без предлога.

– Конструкция с предлогом –срѣдѣ со значением места, напр. др.болг. „срѣдѣ земльа ... вндаште" (Супр. 401,13), в совр. болг. – сред, в русск. – посередине.

– Глагольное сочетание без предлога с глаголом благодарити, который в др.болг. языке употреблялся с дополнением в дат. и вин. пад., напр. „благодарѣ ти о(ть)ѵе" (Супр.309,7), „благодарнвъ в(о)га" (Супр. 517,19), в совр.болг. – благодаря ти (на тебе), в русск. – благодарить кого/чего (тебя).

– Некоторые союзы и союзные слова (местоимения, наречия, частицы в роли союзов) представленные как в древнеболгарском языке, так и в большинстве случаев и в современном болгарском языке в сложноподчиненных предложениях, имели в древнерусском языке (как и в современном русском языке) другие соответствия или не были характерны для народно-разговорного (древнерусского и великорусского) языка, напр. др.болг. аѳе , совр. болг. ако (както, когато, защото); др.русск. аче, совр.русск. если (как, когда, потому что); др.болг. дабы , совр.болг. за да, русск. чтобы; др.болг. ѣдъва , совр. болг. едва, др. русск. одва, совр.русск. едва; др.болг. нбо , совр.болг. защото, русск. потому что (так как), др.болг. нже , совр.болг. който, русск. который, др.болг. нли , совр.болг. или, русск. либо, или; др.болг. камо , совр.болг. къде, русск. куда; др.болг. обаче , совр.болг. обаче, русск. однако; др. болг. понеже , совр.болг. понеже, русск. потому что; др.болг. тъкмо, совр.болг. тъкмо, русск. только что; др.болг. ако, ꙗко , совр. болг. ако, русск. если и т.д.

– Сравнительные обороты с союзом –ако (аки, яко), напр. "исчезать, аки дым", "аки лев рыкаяй", "яко тать в нощи"

и др., в совр.болг. - като, в русск. - как.

г) Словообразовательные оссбенности древнеболгарского литературного языка.

В древнеболгарском литературном языке (как и в современном болгарском) наряду с общеславянскими средствами словообразования засвидетельствованы и некоторые характерные для него приставки, суффиксы, компоненты сложных слов, представленные в соответствующих лексических единицах. Укажем на некоторые отдельные примеры.

- Лексические единицы с приставками, характерными для древнеболгарского (и современного болгарского) литературного языка:

- въз/въс: др.болг. **възглавница**, совр.болг. възглавница, русск. подушка; др.болг. **възглась**, совр.болг. възглас, русск. возглас (из др.болг.), др.болг. **вьскрьсение** совр.болг. възкресение, русск. воскресение (из др.болг.). В русском языке представлены исконные слова с приставкой -вз, напр. вздох, вздумать, вздернуть;

- из/ис (с выделительным значением), напр. др. болг. **изгонити**, совр.болг. изгоня, русск. выгнать; др. болг. **избранъ**, совр.болг. избран, русск. выбранный; др.болг. **испити** совр.болг. изпия, русск. выпить; др.болг. **исходъ**, совр.болг. изход, русск. выход;

- пре (прѣ), напр. др.болг. **прѣдати**, совр.болг. предам, русск. передати; др.болг. **прѣмѣна**, совр.болг. премяна, русск. перемена; др.болг. **прѣливати**, совр.болг. преливам, русск. переливать;

- раз/рас, напр. др.болг. **разбойникъ**, совр.болг. разбойник, др.русск. розбоиникъ, др.болг. **распѧдити**, совр. болг. разпъдя, др.русск. роспудити; др.болг. **разоумъ**, совр. болг. разум, русск. разум (из др.болг.). См. русск. роспись, россыпь;

- Лексические единицы с характерными для древнеболгарского (и современного болгарского) литературного языка суффиксами.

- арь, напр. др.болг. **вратарь**, совр.болг. вратар, др. русск. воротник, совр.русск. вратарь (из др.болг.); др. болг.

ключарь, совр.болг. ключар, др.русск. ключник; др.болг.**рыбарь**, совр.болг. рибар, русск. рыбак;

– ьство, напр. др.болг. **блаженьство**, совр.болг. блаженство, др.болг. **общьство** совр.болг. общество, др.болг.**рождьство** совр.болг. рождество. В русском языке эти слова относятся к заимствованиям из древнеболгарского литературного языка.

– ение (ение), напр. др. болг. **благоволѣнїе**, совр. болг. благоволение; др.болг.**възкрѣсенїе**, совр.болг. възкресение, др.болг.**рожденїе**, совр.болг. рождение. В русском языке эти слова являются староболгаризмами.

– ущ, –ющ, –ащ, –ящ, напр. др.болг. **хвалѧщꙗ** (краткое действительное причастие род.пад.ед.ч.м.р.), совр. болг. хвалещ, др.русск. хваля ча;

– Именные сложения. Для болгарского языка на всех этапах его исторического развития характерно богатство именных сложений.

Исследования Ив.Кочева[23], М.Мъжлековой[24], В.Радевой[25] и других болгарских авторов доказывают народную основу словообразовательных моделей именных сложения в древнеболгарском литературном языке. См.:

– др.болг. **благодать**, совр.болг. (и в болгарских народных говорах) благодат; др.болг. **дрѣводѣлꙗ**, совр. болг. (и в болг. народных говорах) дърводелец; др.болг. **зълодѣи**, совр.болг. (и в болг. народных говорах), злодей; др.болг.**лицемѣръ**, совр.болг. (и в болг.народных говорах) лицемер; др.болг. **полоунощь**, совр.болг. (и в болг. народных говорах) полунощ и т.д.

---

[23] Ив.Кочев, Вм.Кочева, Л.Домусчиева. За народната основа на словообразователните модели на сложните съществителни в старобългарски език.–В: Славянска филология,т.19,С.,1988.

[24] М.Мъжлекова. Лексиката на класическите старобългарски паметници в сравнение с данните на съвременните български териториални говори. АКД.Велико Търново,1985.

[25] В.Радева. Лексикалното богатство на българските говори.С., 1978.

д) Лексические отличительные черты древнеболгарского литературного языка.

Своеобразие лексической системы древнеболгарского литературного языка определяется и наличием обширного слоя лексических единиц, основная часть которых сохраняется и в современном болгарском литературном языке. В.В.Виноградов пишет, что "... своеобразие литературного языка обусловлено не столько его фонетической базой, сколько особенностями его лексики, семантики, синтаксиса"[26]. Ф.П.Филин, отвечая на вопрос, "какие уровни важны для различения друг от друга близкородственных языков", отмечает: "Конечно, важны все уровни. И все же лексико-семантический уровень занимает особое место. Как известно, язык - важнейшее средство общения. Значения и их понимание воплощены в словах и в сочетаниях слов"[27].

Учитывая это, мы обратим внимание на некоторые характерные для древнеболгарского (и современного болгарского) литературного языка лексические единицы, выделяя несколько разрядов.

- Лексические единицы, засвидетельствованные первоначально в древнеболгарской языковой зоне. Они отличаются большим разнообразием словообразовательных типов, семантической структуры, фонетической формы, напр. др.болг. **алъчьнъ**, совр. болг. алчен, др.болг. **влъшьбьнъ**, совр.болг. вълшебен, др. болг. **жупьлъ**, совр.болг. жупел; др.болг. **мастить**, совр.болг. мастит; др.болг. **прокаждати**, совр.болг. прокуждам[28] и пр.

- Праболгарский субстратный слов (лексические единицы и деривативные образования на их основе) представлен на всем протяжении истории болгарского языка. Эти остатки языка Аспарухових болгар засвидетельствованы первоначально на древнеболгар-

---

[26] В.В.Виноградов. К истории лексики русского литературного языка. - Русская речь, т.1, Л., 1927, с.90.

[27] Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981, с. 239.

[28] Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под.ред. О.Н.Трубачева. Вып.1-14. М., 1974-1988.

ской (славяноболгарской) языковой территории в языке славян болгарских, напр. др.болг. **блъгаринъ**, совр.болг. българин, др. болг. **боляринъ**, совр.болг. болярин; др.болг. **дѣлы**, совр. болг. делва; др.болг. **кумиръ**, совр.болг.кумир; др. болг. **книжьникъ**, совр.болг. книжник; др.болг. **санъ**, совр.болг. сан[29].

- Дериватные образования на основе греческих, латинских, еврейских и других слов. В древнеболгарской языковой зоне получили первоначальное распространение большое количество дериватных образований на основе греческих, латинских, еврейских и др. слов. Эти деривать представлены на всех этапах исторического развития болгарского языка. В некоторых случаях возможно параллельное лексико-семантическое развитие в отдельных славянских языках. Но факт первоначальной письменной фиксации подобных слов и их распространение в болгарской языковой области остается неизменным, напр. др.болг. **ангельскъ** и совр. болг. ангелски; др.болг. **варварьскъ** и совр.болг. варварски; др.болг. **епископьство** и совр.болг. епископство; др. болг. **комъканьѥ** и совр.болг. комкане и др.

- Кальки греческих, латинских, готских и др. слов, которые тоже представлены на протяжении всей истории болгарского литературного языка. Эти кальки засвидетельствованы впервые в древнеболгарской письменности, напр. др.болг. **благодатьнъ**, совр.болг. благодатен; др. болг. **благословити**, совр. болг. благословя; др.болг. **великодоушьнъ**, совр. болг. великодушен; др.болг. **ѥдиногласьнѥ**, совр.болг. единогласие; др.болг. **законодатель**, совр.болг. законодател; др.болг. **чюдотворьць**, совр.болг. чудотворец и др.

- Лексические единицы, засвидетельствованные в южнославянской языковой зоне. На всех этапах истории болгарского литературного языка выделяется и слой лексических единиц, рас-

---

[29] А.С.Львов. Инозычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы). - В: Славянское языкознание, ..., 1978.

пространенных в южнославянской языковой зоне. Все эти слова получили первоначальное письменное выражение в древнеболгарской письменности X-XI вв., напр. др.болг. **бракъ**, совр. болг. брак; др.болг. **влъхва**, совр.болг. влъхва; др. болг. **десница**, совр.болг. десница; др.болг. **единьство**, совр.болг. единство; др.болг. **жрьтва**, совр.болг. жертва; др.болг. **жрьць**, совр.болг. жрец и т.д.

– Праславянские слова с фонетическими особенностями, характерными для древнеболгарского (и современного болгарского) литературного языка, напр. др.болг. **азъ**, совр.болг. аз, русск. я; др.болг. **глась**, совр.болг. глас, русск. голос; др. болг. **мєжда**, совр.болг. межда, русск. межа; др.болг. **нощь**, совр. болг. нощ, русск. ночь; др.болг. **слънцє**, совр.болг. слънце, русск. солнце и т.д.

– Праславянские слова с семантическими отличиями в древнеболгарском литературном языке и в древнерусском языке. Подобные слова тоже необходимо принимать во внимание при изучении отличительных признаков двух языков и их взаимодействия. См., напр., лексические единицы баба, ближний, варъ, грив(ь)на, гробъ, доухъ, жена, животъ, моужь, могила, пиво, сѣно, троудъ и др.

Слово **баба**, напр., засвидетельствовано в древнеболгарском языке с тремя значениями: а) бабушка, б) повивальная бабка, в) пестунья, воспитательница[30]. В древнерусском языке это слово представлено тоже с тремя значениями: а) бабушка, б) повивальная бабка, в) вообще женщина, преимущественно замужняя[31]. Следовательно, семантические отличия установились в участке семантических компонентов "пестунья, воспитательница" (в древнеболгарском языке) и "женщина, преимущественно замужняя" (в древнерусском языке).

Следует подчеркнуть, что Д.Мирчева, рассматривая состав лексики "Словаря древнеболгарского языка", специально ст-

---

[30] **Slownik jazyka staroslovenskjeho.** Вып.3, Praha. с.68

[31] Словарь русского языка XI–XVII вв. Т.1. М., с. 61

мечает, что около 95 % этой лексики сохраняется до сих пор в современном болгарском языке или в его диалектах. Это доказывает, что "древнеболгарский период - действительно первый письменно регистрированный период в развитии болгарского языка, что Кирилло-Мефодиевский язык по своей этнической принадлежности древнеболгарский"[32].

И так, древнеболгарский (как и современный болгарский) язык и древнерусский (как и современный русский) язык характеризовались и характеризуются наличием ряда общих языковых черт, обусловленных общностью их происхождения. Наряду с этим они различались (эти различия с течением времени увеличивались) и различаются на всех лингвистических уровнях.

Проанализированные фонетические, морфологические, словообразовательные, синтаксические и лексико-семантические черты древнеболгарского литературного языка, основная часть которых сохраняется и в современном болгарском литературном языке, свидетельствуют об единстве болгарского языка (в народно-разговорной и письменно-литературной форме) на всех этапах его исторического развития. Все это дает полное основание считать, что древнеболгарский язык, как было указано, язык болгарского народа (славяно-болгарской народности) конца IX - начала XI века, что древнеболгарский литературный язык - это письменно-литературная форма древнеболгарского языка.

3. Дискуссионные проблемы в анализе древнеболгарского литературного языка

В IX в., как отмечалось, на Балканском полуострове образуется обширное болгарское (славяноболгарское) государство, формирована болгарская (славяноболгарская) народность, которая приобщается к христианской религии, устанавливаются характер-

---

32 Д.Иванова - Мирчева. Характерни особености на лексиката в старобългарските паметници. - В: Славянска филология, т. 19 С., 1988, с.30.

черты ее языка, общие для широкого ареала болгарской языковой территории, которые по целому ряду признаков отличаются от языков других формирующихся славянских народностей, в частности, от древнерусской.

В этих условиях тогда закономерно возникает и письменность, представленная в сохраненных в списках канонических переводных памятниках и сригинальных трудах Кирилла, Мефодия, их учеников, древнеболгарских книжников, в многочисленных надписях IX-XI вв. Уже указывалось, что сопоставление языковых черт этих письменных источников с данными языка среднеболгарской письменности, болгарских народных говоров, современного болгарского языка и других славянских языков свидетельствует очевидно , что в возникшей письменности выражены нормы языка славяноболгарской (болгарской) народности. Следует подчеркнуть, что при таких сопоставлениях используется комплексный подход, при котором принимаются во внимание все языковые уровни в целом. выбор и анализ отдельных языковых черт не может дать полного представления, потому что славянские языки разграничиваются по различным признакам. Мы подчеркиваем это, так как в отдельных трудах на основе одного суффикса, засвидетельствованного в одном слове, пытаются доказать, что Мариинское и Зографское евангелия, например, "восходят к западнославянскому тексту, который никак не может быть квалифицирован как древнеболгарский"[33]. А все характерные языковые черты Мариинского и Зографского евангелий, которые определяют специфику древнеболгарского литературного языка, которые засвидетельствованы и в остальных памятниках древнеболгарской письменности, которые в основной своей части сохранились в болгарских народных говорах, в современном болгарском языке - все это остается без всякого внимания и анализа.

Высказаны были и соображения, что "старославянский язык был настолько близок к языку восточных славян, что его

---

[33] Л.П.Жуковская. Еще раз о старославянском языке. - Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 46, № 1, 1978, с.79

нельзя было рассматривать в качестве более возвышенной (стилистической) разновидности их собственного языка"[34]. Но рассмотренные языковые отличия, которые засвидетельствованы на всех уровнях языковых систем древнеболгарского и древнерусского языков, не согласуются с подобными утверждениями. Именно эти отличия доказывают, как отмечает Ф.П.Филин, "наличие в древнерусскую эпоху близкородственных, но самостоятельных языков"[35].

Изучая проблемы возникновения славянской письменности и деятельности Кирилла и Мефодия, некоторые авторы высказывают мнение, что диалект Солуня, на который ориентировались Кирилл и Мефодий, "был южнославянским"[36] или "одним из балканских (географически - македонских) славянских диалектов"[37], что он "в IX в. не мог быть древнеболгарским ... ранее его распространения в состав болгарского царства [illegible]"[38]. Высказывались даже утверждения, что "язык солунских славян, которых называли "солунские братья", мог быть только грекизированным, но никак не болгаризированным"[39].

Эти и другие подобные оценки показывают необходимость дальнейшего обсуждения указанных проблем.

В работах многих диалектологов, историков славянских языков, археологов можно найти научные соображения и основные факты. На основе конкретного сравнительно-сопоставительного языкового материала доказывается, что на протяжении VII-IX вв.

---

[34] B.O.UNBEGAUN. LE RUSSE LITERAIRE EST-IL D'ORIGINE RUSSE. REVUE DES ETUDES SLAVES.44,1965, p.20.

[35] Ф.П.Филин. Истоки и судьбы..., с. 239.

[36] В.М.Живов. Проблемы формирования русской редакции церковнославянского языка на начальном этапе.-Вопросы языкознания, № 1, 1987, с.54.

[37] Г.А.Хабургаев. К вопросу о терминологическом обозначений объекта палеославистики.-Вопросы языкознания,№ 4,1987,с.64.

[38] Там же

[39] Л.П.Жуковская. Еще раз о старославянском языке..., с.81.

в южном праславянском макродиалекте очерчиваются постепенно три области со своими специфическими языковыми особенностями"[40], основная из них – это различия в рефлексах *tj, *dj, *kt. В этих областях протекают процессы консолидации и формирования южнославянских языков – болгарского (славяноболгарского), сербохорватского и словенского.

Исследование языковых особенностей диалекта Солуня показывает, что он относится к восточной, болгарской (славяноболгарской) группе южных славянских языков. В рамках болгарской группы – это крайневосточный болгарский диалект, очень близкий к северовосточным болгарским диалектам и в частности к Преславскому говору[41]. Исторические, топонимические и лингвистические данные свидетельствуют о том, что славяно-болгарские племена проникли не только в окрестности Солуня и в Солунь, но достигли отдельных беломорских островов и даже малой Азии[42]. Обстоятельство, что их диалекты не входят в состав Болгарского государства, не может служить аргументом отрицания их языковой и этнической принадлежности к восточной, болгарской (славяноболгарской группе южных славян. Многие факты показывают, что нередко границы диалектов, говоров не совпадают с государственными границами.

Что касается вопроса о "грецизированном" характере диалекта Солуня, то подобное утверждение следовало бы аргументировать фактами. Языковые особенности, которые были рассмотрены во второй части работы, не согласуются с подобной констатацией.

---

40 Ив. Бурмов. Праславянски период в развоя на южнославянската езикова група. – В: Увод в изучаването на южните славянски езици. С., 1986, с.41.

41 Ив. Кочев. Основно диалектно делене на българския език. – Български език, кн.4, 1980; Ив.Кочев. Старобългарските диалектни явления и понятието солунски говор. – Български език, кн. 3, 1987.

42 См. Вл.Георгиев. Етничната принадлежност на славянските имена в Гърция.–Български език, кн.1, 1986; С.Цанова, Говорът на Самос, Мала Азия. АЗ, С., 1986.

В научной литературе находит выражение и другой подход к древнеболгарскому языку. Отдельные лингвисты утверждают, что "старославянский с самого начала выступил как язык литературный, искусственный"[43], что в Моравии на его основе возник "западнославянский извод церковнославянского языка", а в Болгарии - "болгарский извод церковнославянского языка, который ни в каком плане не может быть отождествлен с разговорным языком славянского населения Болгарии"[44]. Высказывается и мнение, что "старославянский язык, представленный в церковных книгах, изначально не был языком определенного славянского народа и не отражал какой-либо один славянский диалект"[45].

Несомненно, переводы и труды Кирилла, Мефодия и их учеников и последователей отличаются богатством лексики, особенно книжной, абстрактной, сложной синтаксической организацией, разнообразием выразительных средств и т.д. Ведь это переводы богослужебных, богословских трудов, в которых раскрываются нравственно-философские основы нового христианского мировоззрения. Такое содержание предполагает активное использование именно книжной, абстрактной лексики, метафорических средств, осложненных синтаксических конструкций, заимствований из греческого, латинского, еврейского языков, калькирование и словотворчество, приспособление части существующих лексических единиц к выражению новых понятий и пр. Диалектный материал подвергается детальной литературно-языковой обработке. В этом смысле древнеболгарский язык в его письменно-литературной форме не тождествен и не мог быть тождествен необработанному народно-разговорному, диалектному языку славян болгарских, конкретнее солунскому диалекту. Это разные функциональные сферы - книжно-литературная и народно-разговорная,

---

[43] В.М.Живов. Проблемы формирования русской редакции..., с.54

[44] Там же

[45] Л.П.Жуковская. К истории русского литературного языка древнейшего периода. - Вопросы языкознания, № 5, 1972, с.61.

которые, как показывают истории литературных языков других стран, сближаются только в национальный период их развития, в условиях всеобщей грамотности. Но с точки зрения генетической это разные функциональные сферы одного и того же языка, языка болгарской (славянскоболгарской) народности. Мы указали на целый ряд дифференциальных признаков древнеболгарского языка (напр. азъ, бразда, гладъ, ношть, межда, злодѣи, благодарить, равьнъ, изливати и т.д.), представленные как в книжно-литературной, так и в народно-диалектной сферах. В древнеболгарском (как и в современном болгарском) языке указанные языковые средства не являются стилистически маркированными, книжными, потому что они функционируют в двух упомянутых сферах. Это общеупотребительные, общенародные, стилистически нейтральные лексические единицы. Совершенно по-другому обстоит дело в древнерусском и в современном русском литературном языке. В нем упомянутые языковые средства (типа азъ, бразда, гласъ, ношь, межда и т.д.), относящиеся к древнеболгарским заимствованиям, у которых представлены общеупотребительные, общенародные русские соответствия (напр. я, борозда, голос, ночь, межа и т.д.), воспринимаются как стилистически маркированные. Поэтому, наверное, некоторые авторы, которые переносят указанные языковые отношения в древнерусском (и в современном русском) литературном языке на языковые отношения в древнеболгарском (и в современном болгарском) литературном языке, недооценивают характер их принципиальных функционально-стилистических отличий.

Полное игнорирование дифференциальных признаков древнеболгарского (и современного болгарского) языка приводит некоторых авторов, как упоминалось, к убеждению, что старославянский язык (по их терминологии) какой-то абстрактный, неопределенный язык, без родины и народа, его создателя и носителя, что он "не отражал какой-либо один славянский диалект", что это искусственный международный язык (наверное, типа эсперанто), созданный для удовлетворения потребностей религии. Все это не соответствует культурно-историческим и прежде всего языковым фактам.

Не согласуется с лингвистическими фактами и утверждение о том, что переводы Кирилла, Мефодия и их учеников "должны

были соответствовать западнославянским диалектам Моравии и Паннонии, а не южнославянскому диалекту Солуни"[46].

Кирилл и Мефодий, создавая славянскую письменность, спираются как на основу на диалект Солуня, потому что они знают его отлично еще с детских лет. У них блестящая филологическая подготовка, которая дает им возможность быстро и хорошо ориентироваться в характере близкородственных старых славянских языков и диалектов даже в те времена, когда они остаются еще неизученными. Именно это родство дает солунским первоучителям полную уверенность, что их переводы и труды будут понятными и доступными для славян. Анализ языка этих переводов и трудов свидетельствует о том, что в них воплощены и выражены характерные черты диалекта Солуня, а не западнославянских диалектов.

Спорными представляются и констатации, что после формирования "западнославянского извода церковнославянского языка" в Болгарии появляется "болгарский извод церковнославянского языка". В данном случае буквально все нуждается в уточнении, напр.: а) если термин церковнославянский язык указывает на функцию языка, то какова его этно-генетическая сущность, так как обычно название определенного языка связывается с наименованием соответствующего народа: б) как определяется сущность понятия извод; в) чем отличается болгарский извод церковнославянского языка от церковнославянского языка.

Если обратимся только к одному из указанных аспектов, к вопросу об изводе, редакции церковнославянского языка, то необходимо учесть следующее. Языковая редакция, извод предполагает "проникновение чужих, готовых элементов в другую языковую основу"[47] или "в идеале: сознательную замену некоторых единиц и узлов системы иноструктурными элементами"[48]. Но

---

[46] З.П.Жуковская. Предисловие.-В: Древнерусский литературный язык и его отношение к старославянскому. М.,1987, с.4.

[47] Л.Иванова-Мирчева.Въпроси на българския книжовен език до Възраждането. С.,1987, с.63.

[48] С.Иванов. К вопросу о системном описании так называемых редакций древнеболгарского литературного языка. – Tradycje Cyryla i Methodego w jezykach i literaturach słowiańskich. Warszawa. 1988, s.124.

если подобное объяснение будет воспринято, то в терминах "западнославянский извод церковнославянского языка" и "болгарский извод церковнославянского языка" невыясненной остается их вторая часть - "церковнославянский язык". В работах авторов, которые используют указанные термины, термином "церковнославянский язык" обозначается язык списков с переводных канонических книг Кирилла, Мефодия, их учеников и последователей (или по другой терминологии, старославянский язык, древнеславянский язык, древне-церковнославянский язык, кирилло-мефодиевский язык, древнеболгарский литературный язык и др.). Таким образом термин "западнославянский извод церковнославянского языка" следует понимать как проникновение определенных западнославянских черт в языковую основу церковнославянского языка. Но на древнеболгарской почве подобного проникновения иноструктурных болгарских элементов не происходит, потому что языковая основа церковнославянского языка - древнеболгарская, как было показано. Следовательно, термин "болгарский извод церковнославянского языка" не является правомерным.

Неубедительными кажутся анализы и подсчеты лексики древнеболгарских канонических памятников X-XI вв., которые проводятся в отдельных трудах. Указывается, что "около 50 % слов, извлекаемых из древнеславянских памятников, не связаны с живыми славянскими говорами и являются грецизмами оригиналов или (значительно чаще) книжными новообразованиями переводчиков, использовавших славянские корни и словообразовательные средства"[49], остальная часть лексики "представлена по преимуществу лексикой общеславянской", диалектно ограниченная лексика составляет не более 10 % и "не связана с каким-либо одним раннеславянским диалектным ареалом"[50]. Подобные подсчеты даются в более детальном виде: "праславянский слой лек-

---

[49] Г.А.Хабургаев. К вопросу о терминологическом обозначении объекта палеославистики, 65-66.

[50] Там же, с. 66.

сики составляет 50 % по отношению к общему количеству слов", "к праславянскому слою относят диалектные слова, которые могут быть как южнославянские, так и западнославянские. Они составляют не менее 10 %, "18 % составляют иноязычные слова и не менее 30 % - кальки и искусственно созданные слова"[51]. В результате таких подсчетов и подобного генетического подхода к древнеболгарской лексике делается вывод, что диалект, на который ориентировались Кирилл и Мефодий, "был славянский, но отнюдь не моравским и не болгарским середины IX в."[52].

Различные мнения о праславянском слое лексики древнеболгарской письменности высказаны и в трудах других авторов.

А. Мейе, напр., пишет, что "если старославянский язык в отношении грамматических явлений может быть сопоставлен с общеславянским языком, то лексика его носит диалектный характер"[53]. Л.П.Жуковская считает, что "старославянский язык имел огромный общеславянский фонд лексики, словообразовательных формантов, более чем на 90 % (это надо и можно постепенно уточнить) общий фонемный состав и состав грамматических форм"[54].

Особое внимание обращается на диалектные слова в праславянском слое лексики славянских языков в трудах Н.О.Трубачева[55], Ф. Славского[56] и др. Н.О.Трубачев пишет: "можно ожидать, что 20-25 % состава праславянского словаря образуют все возможные диалектизмы, элементы ограниченного распространения[57].

---

51 А.С.Львов. Праславянский слой старославянской лексики. - Вопросы языкознания, № 2, 1976, с.74,84.

52 А.С.Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, с.305.

53 А.Мейе. Общеславянский язык. М.,1951,с.395.

54 Л.П.Жуковская. О некоторых проблемах истории русского литературного языка.-Вопросы языкознания, № 5, 1972, с.74.

55 Н.О.Трубачев. О составе праславянского словаря (проблемы и задачи).-В: Славянское языкознание, М.,1963.

56 **F. Slawski. Nad pierwszem tomem slownika praslowianskiego. - Rocznik slawistyczny. t. 34. Wroclaw-Warszawa-Krakow-Gdansk. z.1.**

57 Н.О.Трубачев. О составе праславянского словаря...,с.186.

Количественные данные в указанных трудах существенно отличаются. Некоторые авторы считают, что праславянский слой в составе лексики канонических памятников X–XI вв. составляет 50 %, другие – меньше. Часть исследователей выделяет в составе указанной лексики 10 % диалектизмов, другие – 20–25 %, а некоторые и больше.

Независимо от колебаний в количественных характеристиках, подобные данные следует принимать во внимание при историко-этимологическом анализе лексики различных славянских языков. У всех у них засвидетельствованы такие слои, как праславянский, локально-диалектный, заимствованный и т.д. Но состав и соотношение этих слоев и особенно изменение праславянского фонда, представлены в различных славянских языках по-разному. Именно это определяет и своеобразие, специфику состава их лексических систем. На основе подобной дифференциации на лексическом уровне они отличаются друг от друга. Поэтому здесь обращается внимание на данный подход к лексике.

В древнеболгарском языке, как в его письменно-литературной форме, так и в нелитературной, действительно засвидетельствован значительный слой греческих слов. Основная часть из них, как показано в различных трудах, – это обозначения реалий, понятий, относящихся к новой христианской религии и богослужению, напр. апостолъ, адъ, ангелъ, архангелъ, епископъ, идолъ и т.д. Многие греческие слова проникали и устным путем в результате, как известно, соседства двух народов.

Отдельные слова в памятниках древнеболгарской письменности X–XI вв. относятся к составу чешско-моравской лексики, напр. малжена, оплатъкъ, папежь и др.[58] Они связаны с миссией в Великой Моравии.

Воспримем, что состав "диалектизмов, элементов ограниченного распространения", представленный в лексике памятников древнеболгарской письменности, занимает промежуточное

---

58 А.С.Львов. Чешско-моравская лексика в памятниках древнерусской письменности. – В: Славянское языкознание. М., 1968.

место в рамках указанных 20–25 % (Н.О.Трубачев), 10 % (А.С. Львов, Г.А.Хабургаев).

Остается один из основных слоев лексики памятников древнеболгарской письменности X–XI вв. – праславянский. В специальных указанных трудах он рассматривается как общее единое целое, составляющее 50 % (А.С.Львов, Г.А.Хабургаев) или "огромный общеславянский фонд" (Л.П.Жуковская). Но подобный подход к составу праславянского слоя заслоняет, искажает реальную картину его расслоения в отдельных славянских языках. По этому поводу можно упомянуть еще раз веские доводы Ф.П.Филина, который, изучая образование языка восточных славян, пишет, что после VI–VII вв. н.э. развитие славянской речи стало идти другим путем. "Если исходной базой новообразований в это время по-прежнему является унаследованная общеславянская языковая система, то результаты всех основных изменений, как правило, получают ярко выраженный локальный характер"[59]. Постепенно языковые процессы, напр. изменение праславянских сочетаний типа *tort, *dj, *tj и т.д., стали разъединять существенно славянские языковые области. "Общеславянским был лишь исходный материал"[60].

Следовательно, изучение праславянского слоя лексики канонических памятников X–XI вв. необходимо осуществлять с учетом изменений, которые происходят в этот период. Такой корректный лингвистический, сравнительно-исторический подход к праславянскому слою этой лексики приводит к совершенно другим результатам.

В праславянском слое лексики канонических памятников древнеболгарской письменности X–XI вв. четко выделяются пять групп слов: а) слова, получившие распространение в славянских языках, напр. бити, вода, домъ, зъло, къто, мои, новъ, три и т.д.; б) слова, подвергнутые определенным изменениям как в древнеболгарской языковой зоне, так и в отдельных других сла-

---

[59] Ф.П.Филин. Образование языка восточных славян. М.–Л., 1962, с. 219

[60] Там же, с. 164.

вянских зонах, напр. бразда, злато, млѣко, исходъ, единъ, възносити, работа, югъ, баба и т.д.; в) слова, подвергнутые известным изменениям преимущественно в древнеболгарской языковой области, напр. азъ, агньць, гражданинъ, межда, рождьство, въсхыштати, мощь, хыштьникъ и пр.; г) слова, распространенные первоначально на древнеболгарской языковой территории, напр. алчьнъ, въпросъ, жьрьць, зьрьниѥ, маститъ, младьньць и т.д.; д) слова, сохраненные на всех этапах истории болгарского языка, вышедшие из употребления в различных славянских языках и говорах, напр. бѣсьнъ, злакъ, зракъ, лѣха, овьнъ, роуно, рыбарь и т.д. Именно слова второй, третьей, четвертой и пятой группы слов, рассматриваемых в совокупности, составляют основной пласт лексики древнеболгарской письменности X–XI вв., который определяет в основном характер дифференциальных признаков древнеболгарского и современного болгарского языка и отличает его от остальных славянских языков. Изменения в составе праславянского слоя лексики "получили большое значение в системе дифференциальных признаков складывавшихся славянских языковых групп и отдельных славянских языков"[61].

В недифференцированном виде представлен в отдельных исследованиях и второй основной слой лексики канонических памятников X–XI в., к которому относят "не менее 30 % калек и искусственно созданных слов" (Львов) или "50 % слов, не связанных с живыми славянскими говорами, являющимися книжными новообразованиями переводчиков..." (Г.А.Хабургаев). Подобный подход и в данном случае не раскрывает реальной языковой картины, искажает ее.

Действительно, отдельные слова в каноних древнеболгарских памятниках X–XI вв. отличались своим книжным искусственным характером, напр. **БѢЗМЬЗДЬНИКЪ, БЛАГОДАТВОРЬНЫЕ ВЪЗБЛАГОВѢСТИТИ** и т.д. Это оказалось неизбежным в процессе перевода сложной богослужебной, богословской литературы.

---

[61] Ф.П.Филин. Образование языка восточных славян..., с.232.

Но основная часть книжных новообразований, сложных слов, калек получила широкое распространение, потому что в болгарских народных говорах существовали подобные словообразовательные типы, как было показано, или соответствующие слова, напр. др.болг. **БЛАГОДАТЬ** и благодат в болг. народных говорах, др.болг. **БЛАГОСЛОВИТИ** и благословя в болг. народных говорах, др.болг. **ДѢВОДѢЛЬЦЬ** и дърводелец в болг. народных говорах, др.болг. **ꙁѣЛОДѢИ** и злодей в болг. народных говорах и т.д.

Следовательно, дифференцированный подход к лексике памятников древнеболгарской письменности X-XI вв., учет ее дифференциальных признаков, ее происхождения, данных народных говоров и пр. показывает, что эта лексика в основной своей части была связана с живым диалектом языка славяноболгарской (болгарской) народности, что она устойчиво сохранилась на всех этапах развития болгарского языка в его письменно-литературной и нелитературной формах.

Дискуссионным оказывается и вопрос о диалектном дроблении праславянского языка, о его позднем распаде.

В научной литературе было высказано мнение о том, что в эпоху деятельности славянских первоучителей (в IX в.) "отдельных славянских языков в это время не было"[62], что нельзя "говорить о славянских диалектах того времени как о самостоятельных языках"[63]. Отмечается, что "к середине же IX в. Славия в лингвистическом отношении представляла собой множество близкородственных диалектов ("никакого" языка!), характеризовавшихся "волнообразной" непрерывностью ст южных границ их распространения на Балканском полуострове до Прибалтики и от поречья Эльбы до верхнего течения Оки. ... называть их древне-

---

62 Н.С.Трубецкой. Общеславянский элемент в русской культуре.- В: К проблеме русского самопознания, Париж, 1927, с.60.

63 Н.Н.Дурново. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. Byzantinoslavica.- Praha, 1929, t.I

болгарскими, древнесловенскими, древнесловацкими, древнечешскими (и т.д.) можно только с учетом их последующей судьбы, проецируя на карту распространения славянских диалектов IX в. границы более поздних средневековых народностей"[64].

Обсуждение этого вопроса является важным и необходимым. Но в данном случае здесь будут рассмотрены только конкретные проблемы, связанные с возможностью или невозможностью существования славяноболгарской (болгарской) народности и ее языка (древнеболгарского) в IX в., когда возникла славянская письменность.

Действительно, можно согласиться с констатациями, что "первая письменная фиксация славянской речи, осуществленная Кириллом и Мефодием, отражает состояние языка, близкое к праславянскому"[65], что до окончательного распадания праславянского языка праславянские диалекты "испытывали процессы дивергенции и конвергенции"[66]. Формирование самостоятельных славянских языков, как показывает изучение их истории, не является результатом прямолинейного разветвления праславянского языка. Самостоятельные славянские языки из существующего диалектного дробления складываются постепенно в результате действия определенных исторических, культурных, социальных, лингвистических и др. факторов.

Нельзя не учитывать и другие важные соображения по данному вопросу. На основе различных данных доказывается, что после VI-VII вв. славяне стали распадаться на самостоятельные этнические группы, что постепенно начали возникать самостоятельные славянские государства, отдельные славянские народности, стало формироваться сознание своей обособленности, что

---

64 Г.А.Хабургаев. Старославянский язык как язык средневековой славянской культуры.- В: Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988, с.14.

65 В.К.Журавлев. Наука о праславянском языке.-В: Х.Бирнбаум. Праславянский язык. Достижения и проблемы его реконструкции. М., 1987, с.12.

66 В.А.Дыбо. Вступительная статья.-В: Х.Бирнбаум.Праславянский язык.Достижения и проблемы его реконструкции.М.,1987,с.12.

тогда, как уже отмечалось, "основные процессы изменения в славянской речи давали в разных славянских областях разные результаты", "общеславянским в этом случае был лишь исходный материал"[67].

Следовательно, два типа основных факторов в совокупности действуют при формировании самостоятельных языков и конкретно славянских, которые обуславливают их выделение из диалектного дробления. С одной стороны, лингвистический фактор. Это языковые изменения, которые постепенно нарастают и приводят к возникновению определенного набора дифференциальных признаков в отдельных славянских диалектах, достаточных для их разграничения. С другой стороны, культурно-исторический, социальный фактор. Это складывание самостоятельных государств, формирование отдельных народностей на основе объединения различных племен, распространение религии. Все это создает благоприятные условия для нивелирования племенных отличий, для распространения дифференциальных признаков соответствующего праславянского диалекта на всей языковой территории.

Так, например, к IX в. сложный и продолжительный процесс формирования славяноболгарской (болгарской) народности с его двумя сторонами - консолидационной и ассимиляционной - завершается. Славяноболгарское государство, которое возникает в 681 г., имеет уже двухвековую историю, на протяжении которой осуществляется объединение основной части болгарских славян. Главным территориальным ядром славяноболгарского государства становятся Мизия, Фракия и Македония[68]. Принятие христианства в 865 г. создает решающие условия для завершения этногенетического процесса. Формируется и сознание обособленности славяноболгарской (болгарской) народности, что в "IX-X вв. нашло терминологическое выражение в одновременном употреблении слов "славяне" и "болгары" как наименование народности в равнозначном смысле"[69], а также в обозначении их языка терминами "сла-

---

[67] Ф.П.Филин.Образование языка восточных славян., с.163,164.

[68] Д.Ангелов. Образуване на българската народност.С.,1971,с.3

[69] Там же, с. 384.

вянский, словенский" и "болгарский". Свидетельства употребления этих терминов представлены в различных ранних славянских, византийских, латинских и других источниках (см. более подробно)[70].

В IX в. намечаются и лингвистические факторы, которые способствуют складыванию языка славяноболгарской (болгарской) народности, древнеболгарского языка. Во-первых, это постепенное установление некоторых специфических языковых черт, характерных для древнеболгарского языка, напр.: 1) употребление -жд, -шт (ѫ , щ), на месте праславянских *dj, *tj, 2) якающее произношение -ѣ, 3) наличие лексических единиц, свойственных языку аспаруховых болгар, 4) вытеснение родительного падежа, выражающего притяжание, дательным падежом, 5) зачатки аналитизма, 6) появление определительного члена и др. Во-вторых, это утверждение подобных характерных языковых черт на всей болгарской языковой территории в результате формирования народности и объединения различных племен, а также процессов миграции и особенно возникновения письменности и их закрепления и распространения в письменной форме.

Итак, факты свидетельствуют о том, что в IX в. существует славяноболгарская (болгарская) народность, язык которой характеризуется рядом специфических черт, отделяющих его от диалектного состояния. Этот ранний период существования болгарского (славяноболгарского) языка обозначается термином "древнеболгарский язык". Так и ранний период существования русского языка, например, определяется термином "древнерусский язык" как язык древнерусской народности.

В IX в., когда появляется древнеболгарская письменность, из диалектного дробления уже складываются самостоятельные славянские языки.

---

[70] Ек. Дограмаджиева, Кр. Костова. Проблемы деффиниции древнеболгарского языка..., 25-26; Д. Ангелов. Образуване на българската народност.., 315-347, W. VONDRAK, ALTKIRCHENSLAVISCHE GRAMMATIK. II. AUGLAGE. BERLIN, 1912.

В этот период происходит консолидация и обособление южнославянских языков – болгарского (славяноболгарского), сербохорватского, словенского, стали формироваться и другие славянские языки.

В указанный период существует болгарское (славяноболгарское) государство, болгарская (славяноболгарская) народность, которая приобщается к христианской религии, формируется язык этой народности, характеризующийся определенными дифференциальными признаками, сохранившийся до наших дней.

В IX в. возникает и древнеболгарская письменность на основе диалекта Солуня, который относится к восточной, болгарской (славяноболгарской) группе южных славянских языков, и в котором находят выражение черты юговосточного болгарского диалекта.

Таким образом, болгарский язык древнеболгарского периода стал функционировать в двух основных формах – письменной литературной и нелитературной. Обозначение его письменно-литературной формы термином древнеболгарский литературный язык проистекает из его этно-генетической и лингвистической сущности. Древнеболгарский литературный язык воплощает черты языка болгарского народа древнеболгарского периода, представленные в главном и на современном этапе его исторического развития.

Древнеболгарский литературный язык употребляется в качестве литературного языка в некоторых славянских и неславянских странах. Международная функция не противопоставляется его этнической принадлежности. Так и международная функция английского языка, например, не противопоставляется его этнической принадлежности.

Древнеболгарский литературный язык получает распространение и в Киевской Руси. Он был перенесен вместе с христианскими богослужебными и другими переводными и оригинальными книгами в связи с принятием и внедрением христианства. На древнерусской почве древнеболгарский литературный язык был подвергнут некоторым изменениям под воздействием древнерусского языка. В результате этого постепенно стал формироваться локальный тип или древнерусская (а позже русская) редакция (извод, вариант, рецензия, разновидность – по другой терми-

логии) древнеболгарского литературного языка. Следовательно, термин "древнерусская редакция древнеболгарского литературного языка" выражает точно этногенетическую сущность изучаемого лингвистического феномена. С одной стороны, он указывает на его древнеболгарскую языковую основу, устойчиво сохраненную независимо от различных изменений. С другой стороны, он показывает, что древнеболгарский литературный язык на древнерусской языковой территории подвергнут отдельным изменениям, установившимся под воздействием древнерусского языка. Термин "древнерусская (русская) редакция церковнославянского языка" раскрывает функциональную сущность древнеболгарского литературного языка, который используется в России в первую очередь как язык церкви, богослужения, христианской религии и литературы.

Все это ясно свидетельствует о том, что скептическое отношение с этнической принадлежности языка переводов и сочинений Кирилла, Мефодия и их учеников, обозначение его разными терминами на основе его функций или международного значения не являются обоснованными.

Высказанные соображения обуславливают выбор соответствующей терминологии и понятийного аппарата. В работе учитывается как этногенетический, так и хронологический аспекты. Поэтому используются термины "древнеболгарский литературный язык", "древнеболгарская (и русская) редакция древнеболгарского (и староболгарского) литературного языка и т.д.

Глава первая

ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ РАЗВИТИЕ В КИЕВСКОЙ РУСИ И ДРЕВНЕБОЛГАРСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ТРАДИЦИИ

Древнеболгарские языковые традиции играют важную роль в литературно-языковом развитии в Киевской Руси, которое отличается своим многосторонним и сложным характером. Это предопределяет анализ различных аспектов изучаемой проблематики.

1. Древнеболгарский литературный язык в Киевской Руси.

Древнеболгарский литературный язык, первый славянский книжно-литературный язык, благодаря конкретным культурно-историческим условиям, рано выходит за рамки культового языка и начинает выполнять не только функции книжно-литературного языка болгарской (славяноболгарской) народности, но и функции международного литературного языка в определенных регионах. Он получает распространение в Великой Моравии и Панонии, в Сербии и Хорватии, на территории румынских княжеств и в Древней Руси, где он функционирует с различной продолжительностью. Разные стороны его истории в этих странах исследуются в трудах таких авторов, как А.А.Алексеев (1987 г.), Ив. Бурмов (1985 г.), А.Бартошевич (1973 г.), Я.Бауэр (1962 г.), С.Б.Бернштейн (1984 г.), С.К.Булич (1893 г.), Н.Ван-Вейк (1957 г.), Б.Велчева (1988 г.), Е.М.Верещагин (1972 г.), Р.Вечерка (1974 г.), Г.О.Винокур (1959 г.), В.В.Виноградов (1978 г.), Вл.Георгиев (1985 г.), Ел.Георгиева (1983 г.), А.И.Горшков (1983 г.), Ив. Гълъбов (1963 г.), А.Давидов (1988 г.), Ив.Добрев (1984 г.), Е.Дограмаджиева (1983 г.), Ив.Дуриданов (1988 г.), Н.Н.Дурново (1969 г.), П.Джорджич (1975 г.), В.М.Живов (1988 г.), Л.П. Жуковская (1987 г.), С.Иванов (1983 г.), Св.Иванчев (1988 г.), Т.П.Ильяшенко (1970 г.), М.М.Копыленко (1966 г.), Ст.Кохман (1976 г.), И.Курц (1962 г.), Д.С.Лихачев (1979 г.), В.Д.Левин (1964 г.), О.В.Малкова (1981 г.), В.Ф.Мареш (1961 г.), Н.А.Мещерский (1975 г.), Д.Иванова-Мирчева (1987 г.), К.Мирчев (1968 г.), М.Младенова (1985 г.), Г.Михаила (1963г.), А.Младенович (1982 г.), Л.Мошинский (1966 г.), А.Назор (1966 г.), Р.Павлова (1986 г.), Й.Русек (1983 г.), Р.Ружичка (1962 г.),

В.М.Русановский (1982 г.), А.И.Соболевский (1980 г.), Н.И. Толстой (1988 г.), И.Тот (1985 г.), А.Тотоманова (1985 г.), Р.Скаловска (1976 г.), Ф.П.Филин (1981 г.), П.Филкова (1988г.), И.Хам (1964 г.), Р.М.Цейтлин (1983 г.), Р.О.Цетт (1972 г.), Я.Шатковский (1981 г.), А.А. Шахматов (1941 г.) и др.; B.ARNIM (1931), C.BARTULA (1973), H.BIRNBAUM (1975), D.BROZOKIC (1970), A.SOSTAL (1963), N.DURNOVO (1929), J.GALABOV (1978), F.GRIVEC (1960), J.HAMM (1958), Z.HAUPTOVÁ (1968,1971), B.HAVRANEK (1956), K.HORÁLEK (1948), G.HÜTTL-FOLTER (1983), A.ISSATSCHENKO (1970), V.JAGIĆ (1899), H.KEIPERT (1970), J.KURZ (1958), P.LAVROV (1927), T.LEHR-SPLAWINSKI (1955), O.LEŠKA, A.KURIMSKY (1965), H.LUNT (1975), F.MARES (1963), K.MEYER (1939), F.MIKLOSICH (1876), L.MOSZYNSKI (1968), R.NAHTIGAL (1936), O.NEDELJKOVIĆ (1969), I.PAČLOVÁ (1971), A.PASCHEN (1933), J.RIGER (1975), B.ROSENKRANZ (1955), FR.SŁAWSKI (1974), S.SŁOŃSKI (1950), T.SZYMAŃSKI (1968), G.SHEVELOV (1950), VJ.ŠTEFANIĆ (1962), B.UNBEGAUN (1965), R.VEČERKA (1973), J.VRANA (1970), M.WEINGART (1939), D.WORD (1974) и др.

Древнеболгарский литературный язык в процессе своего функционирования в иноязычной среде подвергается различным изменениям. Первоначально такие изменения, возникающие под воздействием местного языка, имеют спонтанный и непоследовательный характер. Постепенно некоторые из них становятся устойчивыми, последовательными, осознаются как обязательные нормативные черты. Так постепенно формируются редакции (изводы, локальные типы, варианты, разновидности, по другой терминологии) староболгарского литературного языка. Они связаны общей древнеболгарской (славяноболгарской) языковой основой, в которой устойчиво сохранялись характерные для древнеболгарского (славяноболгарского) языка языковые черты, но отличаются друг от друга определенным набором "вторичных этнических локальных наслоений в результате функционирования в иноязычной среде"[71]

---

[71] Е. Дограмаджиева, Кр. Костова. Проблемы дефиниции древнеболгарского языка... с. 23.

Следовательно, в эволюции древнеболгарского литературного языка ясно разграничиваются две линии развития. Во-первых, это изменения древнеболгарского литературного языка в своей собственной языковой среде, осуществляющиеся в результате его собственного языкового развития. Во-вторых, это изменения древнеболгарского литературного языка, функционирующего в иноязычной среде, которые обусловлены ее воздействием. Именно по отношению к этой второй линии развития следует относить случаи формирования его редакций.

Вопрос о сущности редакции является очень важным, потому что от ее объективной и целостной интерпретации зависит не только характер использованной терминологии, но и выявление реального значения соответствующей редакции в истории конкретного литературного языка.

Термин "редакция" является полисемантическим и имеет как текстологическое и палеографическое значение (первичное), так и лингвистическое, которое здесь обсуждается и используется. Этот термин, который многие палеослависты используют для обозначения различных локальных модификаций староболгарского литературного языка, уже вошел в обиход.

Целесообразное определение лингвистической сущности понятия "редакция" дается Д.Мирчевой, которая подчеркивает, что "основная черта языковой редакции это проникновение чужих, готовых элементов в другую языковую основу, это встреча и взаимодействие двух различных языковых систем"[72]. С.Иванов с основанием пишет, что термин "языковая редакция (т.е. в идеале: сознательная замена некоторых единиц и узлов системы иноструктурными элементами)"... позволяет подразумевать прежде всего сформировавшийся и в известном смысле автономный языковой феномен со своими внутренними и внешними параметрами объективного существования и опознания текстов"[73].

---

[72] Д.Иванова-Мирчева. Въпроси на българския книжовен език до Възраждането. С., 1987, 63-64.

[73] С.Иванов. К вопросу о системном описании так называемых редакций древнеболгарского литературного языка, с.124

Обсуждение вопроса о сущности понятия "языковая редакция" показывает наличие и других ее признаков, на которые здесь обращаем внимание.

Первое дополнение связано с тем, что формирование языковой редакции является результатом и известной адаптации, приспособления определенной языковой системы (языка) к другой (к другому языку). В.В.Виноградов отмечает, что "процесс сближения и взаимодействия структуры старославянского языка со строем восточнославянской речи происходил в XI в. (как свидетельствуют памятники) настолько интенсивно, что можно ставить вопрос о своеобразной акклиматизации или ассимиляции старославянского языка на русской почве"[74]. Так, например, происходит приспособление древнеболгарского -шт (ѱ), относящееся к праславянскому сочетанию *tj , к древнерусскому -шч (свѣшча), благодаря наличию общего рефлекса праславянских сочетаний типа *stj, *skj, *sk' в двух языках, т.е. праславянское pouskjon в др.болг. поѹштѫ , др.русск. поушчоу. Следовательно, языковая редакция предполагает не только "проникновение чужих элементов" или "сознательную замену некоторых единиц", но частичное приспособление некоторых элементов к другим.

Второе дополнение относится к случаям возникновения вариативности в редакции, при которой не происходит проникновение или замена языковых единиц. Так, например, М.Смотрицкий в своей "Славенской Грамматике" рекомендует в род.пад. мн.ч. формы - грѣхъ и грѣховъ как одинаково допустимые в XVII в. Форма - грѣховъ может рассматриваться как результат воздействия аналогической формы в русском языке, хотя известно, что в болгарском языке среднеболгарского периода в род.пад.мн.ч. известна и форма -грѣховъ наряду с грѣхъ. Следовательно, в данном случае "проникновение языкового элемента" не сопровождается заменой, а сохранением как "своего", так и "чужого" (т.е. старого и нового) элемента.

---

[74] В.В.Виноградов. История русского литературного языка. Избранные труды. М., 1978, с.95.

Третье дополнение необходимо сделать в связи с тем, что языковая редакция – явление динамическое. В некоторых случаях и "проникновение чужих языковых элементов", и "сознательная замена некоторых единиц системы инструктурными элементами" оказываются недолговременными, так как находят выражение на определенном отрезке времени, а потом изменяются (или исчезают). Так, например, древнерусские скончания –ъмь, –ьмь в твор.пад.ед.ч. имен существительных с основой на –о, –jо, которые заменяют в редакции на начальном этапе ее формирования скончания –омь, –емь в твор.пад.ед.ч. имен существительных этого же типа, характерные для древнеболгарского языка (напр. рабъмь вм. рабомь), с течением времени вытесняются старыми окончаниями –омь, –емь (напр. рабомь – рабъмь – рабомь). Но распространение окончаний –омь, –ьмь в твор.пад.ед.ч. обусловлено не только древнеболгарскими традициями, но и процессом прояснения еров, который происходит в древнерусском языке.

Четвертое дополнение имеет отношение к изменению и развитию редакции, к ее эволюционному характеру. Анализ языка древнерусской (и русской) письменности показывает, что некоторые изменения происходят в более ранний период, а другие в более поздний. Это предполагает и соответствующий выбор и употребление терминов, которые должны выражать по возможности точно сущность обозначаемого явления. Так, например, изменения в сочетаниях –трът, –тлът, –трът, –тлът (типа слънце – сълнце) осуществляются еще в древнерусский период. Они, следовательно, определяют характер древнерусской редакции (а не русской). С другой стороны, постепенное устансвление –жд (из праславянского dj) относится к периоду после XIII–XIV вв., когда выделяется язык русской народности. Это более позднее изменение становится языковой чертой русской (а не древнерусской) редакции. В таком смысле термины древнерусская редакция и русская редакция выражают сравнительно точную хронологию изменения в редакции, которые возникают под воздействием древнерусского языка (в Киевский период) или великорусского, русского языка (в Московский период).

Пятое дополнение касается вопроса о характере языковых элементов, которые подвергаются изменениям. Некоторые ав-

торы считают, что изменениям подвергаются преимущественно языковые элементы (фонемы, морфологические формы и т.д.), которые не совпадают в языковых системах, вступивших в языковые контакты. Это так, но следует добавить, что в большинстве случаев изменения возникают в рамках сходных языковых явлений. Так, напр., изменения в сочетаниях типа -трът, -тьрт осуществляются в общих праславянских лексических единицах, см.: кръмити, кърмити, слънце - сълнце и т.д. В таком виде представлено и изменение праславянского сочетания - *dj в -жд и -ж, напр., рождати и рожати, вижду и вижу и пр.

Следует еще дополнить, что языковые проникновения, заимствования и пр., которые характеризуют формирование редакций, изменяют только частично языковую систему, в конкретном случае систему древнеболгарского литературного языка. Независимо от определенных изменений, которые происходят на древнерусской и русской почве, его языковая основа, его основные характерные черты и дифференциальные признаки устойчиво сохраняются, напр. лексические единицы с неполногласием, с начальным -а, -е, -ра, -ла, с приставками -пре, -въз/въс,-из/ис, -низ/нис, различные конструкции с предлогами, праболгарский субстратный слой, сложные слова с компонентами типа -благо, -бсго и т.д.

Древнеболгарские языковые элементы в данном случае в большинстве своем представлены в лексических единицах, выражающих новые понятия, напр. в древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка: благоволити, благодать, Богородица, величие, владыка, владычество, гражданинъ, десница, естество, крещ, искуситель, кумиръ, маслина, мощь, мощи, нисхождение, нравъ, общество, правовѣрный, прѣмудрость, расхищати, рассуждение, священникъ, трѣбникъ, хищникъ, черноризецъ и т.д.

Учитывая все высказанные соображения, мы могли бы предложить более широкое определение понятия "языковая редакция". В обобщенном виде языковая редакция - это частичное изменение элементов языковой системы (языка) под воздействием другой системы (языка). Языковая редакция, которая формируется постепенно, сохраняет устойчиво главную часть исходной языковой основы, свои основные дифференциальные признаки, которые

продолжают отличать ее от местного языка. Языковая система характеризуется своим динамическим характером и устойчивыми определенных изменений, которые находят выражение как в прекращении некоторых элементов или в замене одних элементов другими, так и в частичной адаптации или в возникновении вариативности. Языковая редакция формируется окончательно в период ее кодификации.

Именно в этом смысле употребляется в данной работе термин языковая редакция (и конкретно древнерусская и русская редакция старобългарского литературного языка древнеболгарского и среднеболгарского периода).

Другие авторы используют термины "русская редакция старославянского языка", "русская (и старорусская) редакция церковнославянского языка", "русский извод церковнославянского языка", "русский локальный тип старославянского языка", "русская редакция древнеболгарского языка" и др.

Древнеболгарский литературный язык проникает в Древнюю Русь в результате ее приобщения к христианской религии и организации христианской церкви и богослужения. Внедрение нового христианского мировоззрения, новой религиозной идеологии не могло бы осуществляться без христианской богослужебной, богословской, проповеднической и т.п. литературы. Поэтому установление христианства в Древней Руси сопровождается распространением большого количества списков с древнеболгарских переводов с греческого языка, с оригинальных сочинений древнеболгарских авторов и частично непосредственных переводов с греческого языка. См., например,: евангелия, псалтыри, апостолы, минеи, триоди, кондакари, служебники, часословы, требники, тропари, октоихи, патерики, кормчие, сочинения Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского, Ефрема Сирина, Григория Назианзина, Изборник Святослава 1073 г., Златоструй, Торжественник, жития Алексея Человека божьего, Саввы Освященного, Антония Великого, Синайский патерик, Хождение Богородицы по мукам, хроники Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Девгениево деяние, Физиолог и т.д.

Широко представлены в древнерусских списках сочинения древнеболгарских книжников, напр. "Слова" Климента Охридского, "Сказание о письменех" Черноризца Храбра, "Азбучная молитва"

Константина, "Шестоднев" Иоанна, экзарха Болгарского, "Беседа против богомилов" Козьмы Пресвитера и т.д. В последние годы выявлено большое количество таких списков. Так, например, К.Куев указывает на 126 русских списков "Похвального слова Михаилу и Гавриилу" Кл.Охридского (К.Куев, 1966), на 68 списка русского извода "Сказания о письменех" Черноризца Храбра (К.Куев, 1967), на 38 русских списков "Азбучной молитвы" Константина (К.Куев, 1974). Все 25 дошедших до нас полных списков "Беседы против богомилов" Козьмы Пресвитера были выполнены на Руси (Л.Богунов, 1973). Изучая эти проблемы, П.Динеков подчеркивает: "проникнув однажды на Русь, произведения Климента Охридского, Константина Преславского и Черноризца Храбра начинают жить самостоятельной жизнью. Они попадают в новое окружение, становятся частью русской литературы"[75].

Известны в Древней Руси и отдельные памятники других славянских литератур, но они представлены в ограниченном количестве, поэтому не могли сыграть существенную роль в сложных историко-литературных и языковых процессах, происходивших в культурной жизни древнерусской и великорусской народности.

В Киевскую Русь древнеболгарский литературный язык проникает вместе с указанной списанной переводной и оригинальной древнеболгарской письменностью. Р.Павлова справедливо отмечает, что "важнейшим доказательством распространения древнеболгарских книжных богатств на Руси являются данные языка"[76].

После перенесения в Древнюю Русь, древнеболгарский литературный язык сказывается, хотя и в близкородственной, но в другой этнической инозычной среде, которая начинает оказывать определенное воздействие на него. Это обуславливает постепенное возникновение частичных изменений в системе древнеболгарского литературного языка и служит основанием для выделения его древнерусской редакции.

---

[75] П.Динеков. О распространении древнеболгарской литературы на Руси. - В: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, 30-31.

[76] Р.Павлова. Болгарско-русские и русско-болгарские языковые связи. С., 1979, с.66.

2. Формирование древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка в Киевской Руси

В древнеболгарском и древнерусском языках наряду с общими и сходными языковыми элементами, относящимися в основном к праславянскому наследию, существуют отличия на всех лингвистических уровнях, которые указываются во введении.

Процесс формирования древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка связан с установлением более или менее устойчивых изменений, засвидетельствованных в различных памятниках письменности. Известная часть древнеболгарских языковых единиц, общих или сходных с древнерусскими, не подвергаются изменениям, напр. брат, белый, вода, говорить, дом, много, три и т.д. Другая часть из них - подвергается, напр. слъньце, раждати, доброуоумоу и др. Г.А.Хабургаев считает, что "старославянские черты усваивались лишь в том случае, если они не противоречили системе родного языка книжников"[77].

При списывании переводных и сригинальных древнеболгарских рукописей, предназначенных для удовлетворения потребностей в связи с распространением христианства в Древней Руси, древнерусские книжники допускают некоторые изменения, явившиеся в целом результатом известной адаптации, приспособления древнеболгарского литературного языка к древнерусскому. По этому поводу В.В.Виноградов пишет: "В начале это был процесс освоения и приспособления к своей народной и социальной почве развитого, богатого синонимикой и отвлеченными, философскими, научными и общекультурными системами слов письменно-литературного языка, сформировавшегося на чужой - хотя и родственной народно-диалектной основе"[78].

Некоторые из языковых изменений древнеболгарского языка в Древней Руси осуществляются более последовательно, принимают устойчивый, регулярный характер, постепенно становятся пока-

---

77 Г.А.Хабургаев. Старославянский-церковнославянский-русский литературный.-В: Вопросы русского языкознания. Вып.V. История русского языка в древнейший период. М.,1984, с.14.

78 В.В.Виноградов. История русского литературного языка. Избранные труды. М., 1978, с.101.

зателем формирующейся нормы древнерусской редакции. По мнению И.Тота, "этот процесс лучше всего объясняется теорией, согласно которой на народной почве инварианты, характерные для древнеболгарского языка, в зависимости от временных и географических факторов постепенно становятся вариантами"[79].

Другие языковые изменения, которые не проводятся последовательно и регулярно, не имеют системного характера и появляются эпизодически, не становятся нормативными.

Конечно, во всех конкретных случаях, по отношению к разным периодам и видам памятников следует учитывать различные тенденции в эволюции редакции: ее динамический характер, который обуславливает появление новых черт и вытеснение некоторых старых, роль книжной традиции, содействующей сохранению ряда несовпадающих языковых единиц, сознанное или интуитивное стремление древнерусских книжников приспособить, изменить или заменить подобные единицы, что приводит к возникновению вариативности.

Различия в стабильности языковых изменений древнеболгарского литературного языка на древнерусской почве дает основание некоторым авторам выделять в редакции два типа признаков: а) системообразующие признаки редакции, где находятся древнеболгарская языковая константа и ядро системы, являющее собой регулярные отклонения от древнеболгарского языка в сторону местного языка; б) системонейтральные признаки, включающие варианты в древнеболгарской языковой системе, и "некоторые явления, которые без натяжки бы объяснялись как ошибки при переписывании и редактировании"[80].

Плодотворным является и другой подход: "Системный характер лингвистического изучения древнерусских письменных источников выступает, следовательно, как обязательное условие их аде-

---

[79] И.Тот. Русская редакция древнеболгарского языка в конце X - начале XII вв. С., 1985, с. 332.

[80] С.Иванов. К вопросу о системном описании так называемых редакций древнеболгарского литературного языка, [illegible]

кватной интерпретации в плане истории литературного [illegible]. Конкретный языковой факт, будь то целый текст или отдельная словоформа, с необходимостью должен быть рассмотрен в его отношении с другими однородными фактами"[81].

Учитывая все высказанные соображения, мы [illegible] отнести к составу системообразующих признаков формирующейся древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка в первую очередь те языковые явления, которые представляют собой более или менее регулярные системные отклонения от древнеболгарской языковой нормы в различных древнерусских письменных памятниках.

К системообразующим изменениям можно отнести:

а) Замену буквенных обозначений носовых гласных ѫ, ѧ, ѩ, ѭ буквами чистых гласных -оу, -а, -а, - э, напр. послушании (с -оу вместо ѫ), пѣчахъ (с -'а вместо ѧ) (в Остромировом евангелии); замену в обратную сторону "при которой они писались на месте букв чистых гласных, напр. отѫ деньць и отѫ деньць, рабѫ и рабу (в Остромировом евангелии). наряду с этим наблюдается особенно на начальном этапе и в списанных памятниках и этимологически правильная постановка юсов, представленная наряду с их смешением с буквами чистых гласных в других случаях в одном и том же памятнике, напр. мѫжь, вѫ[illegible], междѫ (в Остромировом евангелии). См. более подробно: (И.Гот, 1985, В.Б.Колесов, 1979 и др.). Подобные замены и смешения буквенных обозначений явились результатом отсутствия ринизма в древнерусском языке в XI в. Этимологически правильная постановка юсов в других случаях связана с ролью письменной традиции системы графики, которые древнерусские книжники старались сохранять. Некоторые авторы полагают наличие орфографической нормы на промежуточном этапе (Н.Н.Дурново, 1989, Б.[illegible] Тивов, 1984, 1987).

---

81 А.А.Гиппиус. Система формальных признаков языка древнерусской письменности как предмет лингвистического изучения.- Вопросы языкознания, 1989, № 2, с. 98.

б) Расположение редуцированных –ъ и –ь (или –о и –е из них) перед плавными –р и –л между согласными. Подобное расположение праславянских сочетаний редуцированных с гласными, характерное для древнерусского языка, условно отмечается как търт, тълт, тьрт, тьлт, напр. кърмити, дължникъ, съръбъ и др. Для древнеболгарского языка, как известно, были характерны постпозиция редуцированных, условно обозначаемая как трът, тлът, трът, тлът, напр. кърмите, длъжьникъ, грѣбно и др.

Древнерусское расположение редуцированных –ъ и –ь перед плавными –р и –л представлено более или менее последовательно в различных древнерусских списках. См., напр., в "Остромировом евангелии": въстъргнете, върхи, върви, въвъше, държати, дължьникъ, дългъ, първыи, пьрста, пьрстень и т.д. См. еще в "Житии Феодора Студита": въздьржаниѥ, върхъ, дългаго, дълготърпьние, цълкьныи, дьржатель, дьржати, дьрзостию, кърмьникоу, обдьржить, първо, първонастольника, пьрвыи, пьрстъмь, съмъдъ и др.

В некоторых древнерусских рукописях (списках) наряду с древнерусским расположением редуцированных перед плавными сохраняется в отдельных случаях и древнеболгарское расположение редуцированных после плавных. См., например, в "Бычковской псалтыри": дълготоу, дьржава, жьртва, пьрстъ и др., а наряду с ними испълнение, стврьзоша и т.д.

В различных древнерусских памятниках засвидетельствованы случаи написания плавных с редуцированными по обеим сторонам, напр.: въстьрьгнете, почьрьпатъ и др. (в "Остромировом евангелии"), испълънь, жьрьтвахъ, твьрьдо и др. (в "Изборнике 1073 г."), дьрьжава, дьрьжа, мьрьзъкыи и др. (в "Житии Нифонта"). Подобные случаи оцениваются некоторыми лингвистами как "графическое явление объединения древнерусского произношения и старославянского написания"[82]. Другие авторы оценивают первоначальное появление этих написаний как орфографический прием, повлиявший и на книжное произношение (Д.Дунков, Р.Станков, 1988).

---

[82] В.В.Иванов. Историческая грамматика русского языка. М., 1983, 102-103.

в). Последовательное использование эпентетического –л в неначальном слоге слова. В древнеболгарских памятниках не наблюдается единства в передаче эпентетического –л в указанной позиции, так как в них находит выражение процесс его утраты. В восточнославянских языках "эпентетический –л постоянно сохраняется"[83]. Сохранение эпентетического –л в древнерусских рукописях обусловлено, несомненно, древнерусским воздействием. См., например, в "Мстиславовом евангелии": корабль, куплю, люблю, прѣломль, тьрплю и т.д.

г) Распространение –ж на месте праславянского *dj*. В древнеболгарском языке рефлекс данного праславянского сочетания передается буквами –жд. Это является одной из самых характерных его особенностей, специфической и для современного болгарского языка. В древнерусском языке сочетание –ж + д, например, жьдати становится возможным после падения редуцированных – ждати. Трудности, связанные с произношением –жд в ранний период (XI–XII вв.), когда сочетание –ж+д не было свойственным древнерусскому языку, явились причиной более или менее последовательной замены древнеболгарского рефлекса –жд древнерусским –ж в древнерусских списках[84]. См., например, в "Мстиславовом евангелии": вижю, вижь, гражаахоу, дажь, жажюще, зижюции, межю, одежею, осоужаите, рожении и т.д.

Следует отметить, что в употреблении –ж на месте древнеболгарского –жд не было строго установленной последовательности. В различных древнерусских памятниках (списках) засвидетельствована вариативность, возникшая в результате стремления древнерусских книжников к соблюдению традиции графики древних рукописей, с одной стороны, и давления нормы древнерусского языка. См. в указанном "Мстиславовом евангелии": виждю и вижю, виждь и вижь, вождь, даждь и дажь, жаждеть и жажюща, зиждете и зижюшоу, междю и межю, одежда и одежахъ, осоуждали и осоужаите, прѣжде и преже, рожденоѣе и роженоу, рождениѣе и рожении и т.д.

---

[83] О.В.Малкова. О связи церковнославянского языка русской редакции со старославянским языком.–Вопросы языкознания, 1981, № 4, с.84.

[84] А.А.Шахматов. Из трудов А.А.Шахматова по современному русскому языку. М., 1952, с.250.

д) Рефлекс праславянских сочетаний tj, kt', gt' передается в древнеболгарских памятниках буквой щ (и диграфом шт) и произносится как -шт (-ш't'). В древнерусских списках этот рефлекс тоже передается буквой щ , диграфом -шт или в редких случаях буквой -ч (под воздействием древнерусского языка). На древнерусской почве щ (-шт) произносится как -ш'ч'. Это установившееся книжное произношение -ш'ч' отличается как от древнеболгарского -шт (ш't), так и от древнерусского -ч'. Произношение -ш'ч' возникает, по мнению А.А.Шахматова, в результате аналогии рефлекса праславянских сочетаний stj, skj, sk' , который у восточных славян представлен как -ш'ч', а в древнеболгарском языке -ш't', напр. праславянское pouskjon , др. болг. пощтж , др.русск. поущчоу, болг. пущам.

Следует подчеркнуть, что предпосылки для возникновения произношения -ш'ч' (графически -щ) существуют и в древнеболгарском языке. Наряду с рефлексом -шт (графически -ш) праславянского сочетания *tj в отдельных диалектах древнеболгарского языка устанавливается и рефлекс -шч, сохранившийся в отдельных говорах. В результате диссимиляции появляется начальное -ч в слове -чужд на месте древнеболгарского -штоуждь[86].

е) Приспособление произношения рефлекса праславянских сочетаний *stj, *skj, *sk' , который в древнеболгарском языке передается как -ш't' (графически -щ, -шт), к древнерусскому -ш'ч' (графически -щ), напр. в древнеболгарском языке: ищи (иш't'и), крьщати (крьш't'ати), отъпоущати (отъпоущ't'ати) и др., в древнерусском - ищи (иш'чи), крьщати, крещати (креш'-ч'ати), отъпоущати (отъпоущ'ч'ати).

ж) Постепенное приспособление начального - на в древнеболгарском языке, которое возникает в результате изменения сочетания j ѣ (j ě) в на, напр. в др.болг. настѫ, нашь, настие, наденье, наздти, нахати (в болгарском языке - ям, ястие, ядене, яздя, яхам), к ѣ (e, j e) в древнерусском языке, в котором не произошло изменение - ѣ в -на, напр- ѣсти, ѣмь, ѣденье,

---

85 А.А.Шахматов, Из трудов А.А.Шахматова по современному русскому языку, М.,1952, с.251

86 К.Мирчев. Историческа граматика на български език.С.,1958, с. 141.

ѣздити, ѣхати (в русском языке – есть, ездить, ехать).

В древнерусских списках это приспособление, [illegible] ция находит графическое выражение в замене –ѣ (в [illegible] словах) через –ѣ, напр. ѣдении (в Лит.Киф.), ѣсти ([illegible]), ѣмь (мстисл.ев.), ѣхати (Усп.сб.) и др. Наряду с [illegible] мерами в древнерусских списках встречается и написание –ѣ, [illegible] рактерное для древнеболгарского языка, напр. ѣсти, ѣмь ([illegible] мстисл.ев.), ѣстиье (в Прол.) и пр.

з) Приспособление произношения –ѣ, характерное для древнеболгарского языка (как открытое –ѣ, широкое –ѣ), [illegible] шению ѣ в древнерусском языке (как закрытое –ѣ или –е). Подобная аккомодация заслоняется традицией графики. В древнерусских списках устойчиво сохраняется написание –ѣ, напр. бѣлс, бѣсъ, вѣра, грѣхъ, мѣсто, нѣмъ и пр. (в мстисл.ев.). Вариативность в употреблении –ѣ или –е в древнерусских списках, которая объясняется тем, что в древнерусском языке "гласные –е и –ѣ по своим артикуляторным характеристикам практически идентичны"[87], представлена в более ограниченном количестве примеров, напр. вѣрьне и верьне, лѣпс и лепс, сбрѣте и сбрете, тѣлесьныи и телесьныимь и др. (Усп.сб.).

и) Варьирование в обозначении старославянских рефлексов –рѣ, –лѣ (праславянских сочетаний tert, telt), которое во многих древнерусских списках и оригинальных памятниках христианской литературы представлены как с –рѣ, –лѣ, так и с –ре, –ле, напр. брѣга и брегъ, брѣдивъ и вредить, врѣма и врема, облѣчена и облечена, прѣходите и преходите, срѣдѣ и средь, чрѣва и чрево и др. (в мстисл.ев.).

Некоторые авторы считают, что "поздняя норма XIII – XIV вв. предписывала написание –е лишь в рефлексах tert , но не в рефлексе telt : предъ, но плѣнъ"[88].

---

87 Б.А.Успенский. Архаическая система церковнославянского произношения, М., 1968, с.28.

88 Б.М.Живов. Проблемы формирования русской редакции церковнославянского языка на начальном этапе. – Вопросы языкознания, 1987, № 1, с.48.

Но конкретный языковой материал свидетельствует о том, что как и в некоторых других случаях, в рассматриваемый период варьирование характерно и для употребления -рѣ и -ре, -лѣ и -ле, напр. врѣмени и времени, влѣчахоу и влечаше, врѣдсу и вредсу, жрѣбии и жребии, извлѣкохъ и извлече, облѣче и облече, плѣнѣнь и пленени, прѣжде и преже, срѣдѣ и средѣ и т.д. (в Усп.сб.).

Варьирование и в данном случае обусловлено артикуляционной близостью -ѣ и -е в древнерусском языке, что приводит к их замене в графике.

к) Распространение окончания -ть 3-ьего л.ед.и мн.ч. настоящего (и простого будущего) времени глаголов. В древнеболгарском языке регулярное окончание 3-ьего л.ед. и мн.ч. настоящего (и будущего простого) времени глаголов -тъ, напр. **берѣтъ, берѫтъ, хвалитъ, хвалятъ, ѥстъ, сѫтъ** и т.д. В редких случаях встречается и окончание -ть в 3-ьем л.ед.ч., напр. **придеть, речеть, ѣсть, прѣдасть.** К.Мирчев отмечает, что окончание -ть остается не вполне ясным. Возможно, это старое окончание, вытесненное окончанием -тъ, или в данном случае выражается смешение -ъ и -ь в слабой позиции[89].

В древнерусском языке регулярное окончание 3-ьего л. ед. и мн.ч. настоящего (и будущего простого) времени глаголов -ть, напр. несеть, несоуть, хвалить, хвалять, есть, соуть и т.д.

Учитывая это, мы имеем основание присоединиться к предположению, что широкое распространение окончания -ть в древнерусских списках обусловлено и воздействием со стороны древнерусского языка. См. в "Остромировом евангелии": родить, можеть, ѥсть, подобаѥть, хощеть, приходить, могѫть, коупать и т.д., в "Мстиславовом евангелии": глашаѥть, подобаѥть, ѥсть, слоужить, съхранить, прѣбываѥть, изгонить, идоуть, знаѭть и т.д. И.Тот указывает на количественный перевес форм на -ть в исследованных им рукописях[90].

---

89 К.Мирчев. Старобългарски език. С., 1956, с.83.

90 И.Тот. Русская редакция древнеболгарского языка, с. 320.

л) Постепенное установление формы -ому в дат.пад.ед. ч.м. и ср.рода полных прилагательных. В древнеболгарском языке постепенно в результате выпадения интервокального - j , ассимиляции гласных и последующего их стяжения происходит изменение первичного окончания дат.п.ед.ч. прилагательных м. и ср.рода - оукемоу в оуоумоу, а впоследствии - оумоу. В древнерусском языке в дат.п.ед.ч.м. и ср.рода полных прилагательных устанавливается окончание -ому, связанное с результатом влияния указательного местоимения в дат.п.ед.ч. - тому.

Следовательно, постепенная замена окончания -оумоу (оуоумоу) в дат.пад.ед.ч. м. и ср.р. окончанием -ому, которая представлена в древнерусских списках, может рассматриваться как воздействие нормы древнерусского языка. Конечно, необходимо учитывать, что подобное вытеснение окончания -оуоумоу сначала окончанием -оумоу, а потом и -ому, происходит и в болгарском языке среднеболгарского периода тоже под воздействием местоименного склонения.

Замена окончания -оумоу (более старого -оуоумоу) в дат.пад.ед.ч. окончанием -ому происходит постепенно. В некоторых памятниках и в этом случае засвидетельствовано варьирование форм -оумоу, оуоумоу и -ому.

В "Мстиславовом евангелии", напр., последовательно употребляется окончание -оуоумоу: жьрьчьскоуоумоу, законьноуоумоу, морьскоуоумоу, лоукавоуоумоу, нечистоуоумоу и т.д. В "Житии Ф.Студита" представлена преимущественно форма -ому, напр.: б(о)жьствьномоу, варварьскомоу, великомоу, добромоу, земьномоу, иерейскомоу, лоукавомоу, моудромоу, повиньномоу и т.д. В "Успенском сборнике" засвидетельствованы все указанные формы, напр. великоуоумоу и великомоу, врѣменьномоу, дивьноумоу, д(оу)ховьноумоу и д(оу)ховьномоу и т.д.

м) Распространение окончания -ъмь,-ьмь в твор.пад.ед. ч.имен существительных с основой на -о и - е, характерного для древнерусского языка. В древнеболгарском языке в твор.пад.ед.ч. у имен существительных этого же типа склонения было окончание -омь, -ѥмь, напр. родомь , златомь , конемь , мѣремь . Только в отдельных случаях встречается окончание -ъмь, -ьмь, которое является результатом воздействия имен существительных с основой -и, напр. слоухъмь , гласъмь .

В многих древнерусских памятниках, списках представлено окончание -ъмь, -ьмь в твор.пад.ед.ч. имен сущ.м.и ср.р. с основой -с и -jс, напр. в "мстиславовом евангелии": авраамъмь братъмь, богъмь, гладъмь, гласъмь, даръмь, златъмь, кораблъмь, людьмь, мужьмь, народъмь, образъмь, огнымь, сдрьмь и пр. Распространение указанной формы является, несомненно, результатом воздействия нормы древнерусского языка.

Варьирование отмечается и в этом случае. В различных древнерусских списках представлены обе формы -ъмь и -омь, -ьмь, и.-емь, напр. в "житии Ф.Студита": гладомь и гладъмь, существомь и существъмь, трудомь и трудъмь, сумомь и оумъмь и т.д.

в) Распространение -оу в начале слова без - j , что было характерно для древнерусского языка. В древнеболгарском языке, как известно, перед -у развивался -j , напр. ѣгъ (в др. русск. - сугъ), ѣноша (в др.русск. - суноша) и пр. В различных древнерусских списках последовательно использовано начальное -оу, которое можно объяснить воздействием древнерусского языка. См., напр., суга, суности, суноша, оунъ, суньца, оуньше и единичное кьлнаа (в мстисл.ев.), оуга, оуность, суношѧ , суношьскъмь, оунъ, оуныи, оуньць, оунъча (в Усп.сб.), сугъ, суность, суношѧ , оунъ, оуный (в Изб. 1076 г.) и т.д.

II Периферийные, нерегулярные, несистемные признаки древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка.

Воздействие древнерусского языка находит выражение в древнерусских списках в употреблении отдельных форм полногласия -ро, -ло, -ре, -ел, начального -о, формы -ѣ в род.пад. ед.ч. и в имен.-вин. пад.мн.ч. имен существительных с основой на -jа, формы местоимений -тобѣ, -собѣ, флексии -а в им.пад. ед.ч.м.р. причастий действительного залога настоящего времени и т.д.

Но изменения подобного типа встречаются редко, эпизодично, в некоторых списках представлены единичными примерами. Следовательно, такие языковые черты следует относить к периферийным, нерегулярным, несистемным признакам возникающей древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка, которые не играют роли в процессе ее формирования и эволюции.

К системообразующим, характерным признакам древнерусской редакции целесообразно относить языковые единицы (черты),

представленные в значительном количестве примеров, в различных памятниках, в более системном виде, даже если засвидетельствована и вариативность.

Языковая норма формирующейся древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка отличается своим динамическим характером, неравномерным протеканием процесса сложения, изменением отдельных признаков в различные периоды. Некоторые из изменений характеризуются относительной регулярностью, устойчивостью в Киевский период напр. употребление -ж на месте -жд (типа прежде), форма -ть на месте -тъ (типа глаголить), форма -ъмь в твор.пад.ед.ч. на месте -мь (типа златъмь) и др. Другие изменения устанавливаются более стабильно, напр. рефлексы носовых (типа моужъ), начальное -су (типа сугъ), окончание дат.пад.ед.ч. -ому (типа доброму).

Действие книжных традиций древнеболгарского языка обуславливает возникновение вариативности во всех рассмотренных случаях, как уже отмечалось, напр. виждь и вижь, хвалитъ и хвалить, златомь и златъмь, мужь и моужъ, югъ и сугъ, доброуоумоу и доброму и т.д. Но давление древнерусской нормы определяет более или менее стабильное установление древнерусских единиц (черт, признаков).

Формирование древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка осуществляется под воздействием двух противоположных тенденций. С одной стороны, это тенденция к расширению изменений в системе древнеболгарского языка под воздействием нормы древнерусского языка, древнерусской языковой среды, в которой он функционирует. С другой стороны, это тенденция к сохранению основных характерных языковых черт древнеболгарского литературного языка, так как древнерусские книжники относятся бережно к священному языку религии, стараются соблюдать его нормы, разграничивают его от древнеболгарского языка.

Сложение древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка в результате определенных изменений под воздействием древнерусского языка является только одним аспектом ее формирования.

Другой аспект, в такой же степени существенный, как и первый, это устойчивое сохранение древнеболгарской константы характерных дифференциальных признаков древнеболгарского лите-

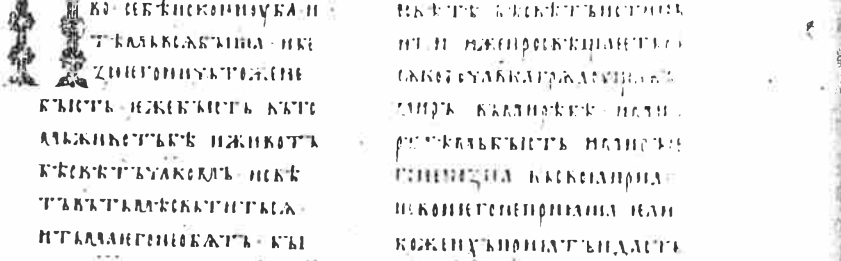
ратурного языка. Именно в сохранении этих признаков, языковых черт находит выражение важная роль древнеболгарских традиций при формировании древнерусской редакции.

Устойчиво сохраняются в качестве языковой основы этой редакции такие дифференциальные признаки древнеболгарского литературного языка, как неполногласные сочетания (типа градъ, злато, время, млеко), начальные -а, -е(ѣ-), -ра, -ла (типа азъ, единъ, рабъ, ладия), -щ на месте соответствующих праславянских сочетаний (типа освещать, нощь, священник), префиксы -пре(прѣ), -раз (рас), -въз (въс, воз, вос), -из/ис с выделительным значением (типа престолъ, разумъ, воздухъ, ископать), конструкции с определенными предлогами (типа изыде отъ града), причастные конструкции, обширный слой сложных слов (типа благодарить, великодушие), лексических единиц (типа кумир, маститый), сложные предложения с союзами и союзными словами (типа понеже, сбаче) и т.д.

Следует специально подчеркнуть, что именно уровень лексики, семантики, синтаксиса, словообразования древнеболгарского литературного языка устойчиво сохраняются в древнерусской языковой среде. Это относится главным образом к языку древнерусских списков с переводных и оригинальных памятников древнеболгарской письменности. Язык оригинальной древнерусской христианской литературы отличается некоторыми дополнительными особенностями, которые дают основание выделять его.

Стабильное сохранение основных дифференциальных признаков древнеболгарского литературного языка, ставшего языковой основой древнерусской редакции, находит выражение во всех древнерусских списках. См., напр., в "Мстиславовом евангелии": а) лексические единицы с неполногласием: благъ, блазнить, бремена, влагы, властелинъ, власть, власы, врагъ, врата, вратарь, вредить, гладъ, глава, гласъ, гладити, градъ, злато, класъ, кратъ, младьньць, мрежа, обладаютъ, облакъ, область, пламени, плевелъ, праздникъ, прах, храмъ; б) начальные -ла, -ра, -а,-е: лакъть, раба, рабъ, рабыни, равьнъ, азъ, агньць, езера и др.; в) лексические единицы с -щ: аще, вещи, възлещи, възмоущааше, дъщери, дыхающю, коуща, лежащь, мощи, мощьно, нощьноу, обращь, пещь, пища, плащаницю, полоуношти, хыщьникъ, и др.; г) лексические единицы с префиксами -въз, -низ, -из, -пре: възаалкахъ, въз-

браните, възбоужю, възвеличилъ, възвратиша, възгласить, въздати, избавити, извлече, изгонити, износить, исходить, низъхождению, пребываю, предаю, пренесеть и др.; д) сложные слова и кальки: богослови, благохваливъ, благоволихъ, благовоньны, законоучитель, зълословити, маломощи, самовидьци и др.; е) лексические единицы, характерные для древнеболгарского языка: алкати бракъ, бисьръ, вълагалища, владычества, десница, десною, жьртво жьртвьникъмь, жестокъ, жьрьць, зиждете, зьданиѥ, источникъ, книжникъ, ковчегъ, кошьниць, сребрьникъ и др.; ж) конструкции с различными предлогами: бичь отъ вьрви, мнози отъ оученикъ. и т.д. (См., напр., в "Мстиславовом евангелии":

Изучая традиции древнеболгарского литературного языка в литературно-языковом развитии в Киевской Руси, мы видим их большую роль в сложении древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка. Они находят выражение в том, что древнеболгарская языковая константа составляет ядро, основу этой редакции. И.Тот с основанием подчеркивает, что "несмотря на наличие вариантов, древнеболгарский язык и на Руси оставался по своему характеру древнеболгарским, сочетаясь с определенными русизмами, т.е. он сохранил свою характеристику, свой облик,

хотя и не без изменений"[91].

Следует дополнить, что с этими традициями связано использование и внедрение системы графики, навыки письма. Особенно важно то, что древнерусская редакция древнеболгарского литературного языка становится важным источником заимствования языковых единиц разного типа (лексических единиц, суффиксов, префиксов, фразеологических оборотов, разнообразных конструкций). Этот источник остается жизненным на протяжении веков.

Термин "древнерусская редакция древнеболгарского литературного языка" раскрывает этно-генетическую и культурно-историческую сущность рассматриваемой языковой системы литературного выражения, которая имеет большое значение для литературно-языкового развития Киевской Руси.

В ее сложении основную роль играет древнеболгарский литературный язык, который становится языковой основой. Важную роль играет и древнерусский язык, нормы которого определяют некоторые изменения в системе древнеболгарского литературного языка в древнерусской языковой среде. Древнерусская редакция древнеболгарского литературного языка в качестве престижного языка религиозной идеологии в Средние века служит образцом, эталоном в развитии других письменно-литературных систем выражения.

Уже отмечалось, что в научной литературе используются и другие термины для обозначения древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка: русская редакция старославянского языка, церковнославянский язык русской (древнерусской) редакции, русский извод церковнославянского языка, русский локальный тип древнеболгарского языка, церковнославянский язык и т.д. Несомненно, каждый термин выражает соответствующие научные позиции авторов.

Но этно-генетический принцип обозначения языков, в том числе и литературных, остается основным. Термин "церковнославянский язык", например, выражает основную функцию древнеболгарского литературного языка, которую он выполняет в качестве языка церкви, богослужения, богословия, христианской лите-

---

[91] И.Тот. Русская редакция древнеболгарского языка.., с. 332.

ратуры. В таком смысле термин "русский извод (редакция) церковнославянского языка", который встречается в различных трудах, обозначает язык церкви, церковнославянской литературы, богослужения и т.п. (т.е. функциональный аспект) на русской почве с некоторыми русскими чертами (т.е. локальный, языковой аспект).

Подобная замена термина "древнерусская (русская) редакция древнеболгарского языка", который выражает его этно-генетическую сущность, термином "русский извод (редакция) церковнославянского языка", характеризующий его функциональное предназначение, является причиной дискуссий. Это свидетельствует о том, что использование терминов следует аргументировать.

3. Формирование древнерусской разновидности (типа, варианта) древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка в Киевской Руси.

Несколько десятилетий после начала распространения древнеболгарской переводной и оригинальной канонической, богословской и вообще христианской литературы (обычно в списках) в Древней Руси начинают возникать и оригинальные труды, созданные древнерусскими книжниками[92]: жития, послания, сказания, торжественные и учительные слова, моления, поучения, проповеди, хождения и т.д.

В XI-XIV вв. появляются блестящие оригинальные сочинения древнерусских книжников, напр. Слово о законе и благодати митрополита Илариона, Поучение к братии архиепископа Луки Жидяты, Послание Фоме митрополита Климента Смолятича, Торжественные слова на церковные праздники (а также молитвы и каноны) епископа Кирилла Туровского, слова и поучения игумена Феодосия Печерского, слова и поучения епископа Серапиона Владимирского, Послание митрополита Никифора, Послание архиепископа Василия, Моление Даниила Заточника, Киево-Печерский патерик, Слово о князях, Поучение Вл.Мономаха и т.д.

Значительную роль в литературном развитии играют житийная и паломническая литература. Киевская Русь была заинтер-

---

[92] История русской литературы X-XVII веков. М.,1980,с.38.

сована в упрочнении авторитета государства и русской церкви в сфере межхристианских отношений. Это определяет важное значение таких трудов, как Житие Бориса и Глеба, Житие Феодосия Печерского, Повесть и житие Александра Невского, Житие Михаила Черниговского, Житие княгини Ольги, Житие Авраамия Смоленского, Житие Варлаама Хутынского, Житие и хождения Даниила, Сказания святых мест в Царьграде, Хождение в Царьград Добрыни, Беседа с святынях Царьграда и т.д.

Эта древнерусская оригинальная проповедническая, учительная, житийная, паломническая и т.п. литература органически связана с идеями христианской религии, пропагандирует сущность нового христианского мировоззрения. Религиозная идеология, христианская церковь и литература занимают в этот период, как и во всей средневековой Европе, доминирующее положение в духовной жизни древнерусской народности. Естественно, что и язык религии, церкви и христианской литературы, древнеболгарский литературный язык в его древнерусской редакции, отличается большим общественным авторитетом в Древней Руси. Поэтому древнерусские книжники, в большинстве своем служители культа (епископы, митрополиты, игумены и т.д.), очень хорошо, профессионально знакомые с языком христианской религии, начинают пользоваться им при создании своих сочинений.

Таким образом, в Киевской Руси древнеболгарский литературный язык древнерусской редакции выходит за рамки функциональной сферы культа и постепенно становится книжно-литературным языком религиозной идеологии (христианской литературы, христианского вероучения, богословия, нравоучения, философии, возникающих отраслей науки и образования).

Древнерусские книжники первоначально соблюдают старательно и последовательно нормы древнеболгарского литературного языка в его древнерусской редакции, напр. митрополит Иларион, епископ Кирилл Туровский и др. Но с течением времени в трудах древнерусских авторов накопляются ряд дополнительных древнерусских языковых особенностей, которые представлены в различных реализациях, в неустойчивом и изменяющемся виде. В результате этого постепенно обособляется древнерусская разновидность древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка.

Следовательно, еще в Киевский период на древнерусской почве намечается процесс внутренней расслоенности, расчленения системы древнеболгарского литературного языка. С одной стороны, выделяется его древнерусская редакция, с другой – древнерусская разновидность (тип, вариант, вид, стиль) древнерусской редакции Древнеболгарского литературного языка, представленная в оригинальной и переводной христианской литературе, создаваемой древнерусскими книжниками. В теоретическом плане в процессе функционирования любого (литературного) языка возникают процессы его известного расслоения и расчленения в зависимости от различных факторов, конкретных для отдельных языков.

В Киевской Руси между древнеболгарским литературным языком древнерусской редакции и ее формирующейся древнерусской разновидностью намечаются некоторые различия, которые дают основание для их разграничения, несмотря на то, что подобное расчленение устанавливается в отдельных памятниках очень трудно. Во-первых, это различия в генезисе письменности. Древнерусская редакция древнеболгарского литературного языка засвидетельствована в более или менее установленном виде в списанной переводной и оригинальной древнеболгарской (и среднеболгарской) письменности. Древнерусская разновидность древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка представлена в древнерусской оригинальной и переводной христианской письменности. Во-вторых, различия наблюдаются и в механизме воспроизведения рассматриваемых разновидностей. Древнеболгарская (и среднеболгарская) переводная и оригинальная литература получает распространение при помощи буквального списывания текстов, что определяет пассивное воспроизведение их языка. При создании своих сочинений древнерусские книжники воспроизводят древнеболгарский литературный язык активно и творчески, потому что его воспроизведение осуществляется на основе механизмов порождения заимствованной речи со всеми вытекающими последствиями и в первую очередь возникающей интерференцией. В-третьих, постепенно обособляющиеся две разновидности древнеболгарского литературного языка характеризуются еще различиями в их дальнейшей истории и в функциональном статусе. Древнерусская редакция древнеболгарского литературного языка, которая функционирует как язык церкви, богослужения, культа, христианской богословской и т.п.ли-

тературы, воспринимается как священный язык христианской религии. Нарушение его норм вызывает резкие реакции и его подвергают систематическим правкам с целью устранения разночтений, ошибок, отклонений от установленной нормы. Это обуславливает известную стабильность языковой системы древнерусской редакции. После некоторых дополнительных изменений, которые будут рассмотрены отдельно, она сохраняется стабильно и остается до наших дней в сфере культа. Другим историческим развитием отличается древнерусская разновидность древнеболгарского литературного языка древнерусской редакции. Она функционирует в качестве книжно-литературного языка религиозной идеологии в широкой сфере философской, нравоучительной и др. христианской литературы, в науке, в образовании. В процессе воспроизведения древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка древнерусские книжники более свободно используют древнерусские (позже русские, польские, западноевропейские и др.) языковые средства, создают свои новообразования, изменяют другие. К середине XVIII в. М.В.Ломоносов кодифицирует систему литературного языка, объединяя эту разновидность с существующими русскими письменно-литературными разновидностями в общей системе трех стилей единого русского литературного языка. В его системе древнерусская (и русская) разновидность древнерусской (и русской) редакции становится языковой основой высокого стиля и объединяется с русскими в своей языковой основе средним и низким стилями. Наконец, это лингвистические отличия, которые постепенно увеличиваются. Древнерусская редакция древнеболгарского литературного языка создана на древнеболгарской языковой основе, в ее формировании и функционировании участвуют частично определенные древнерусские языковые средства (с большей или меньшей степенью устойчивости и продолжительности). Древнерусская разновидность древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка тоже возникает на древнеболгарской основе, но в ней иноязычные средства представлены в неустанном расширении их состава, на всем протяжении ее истории, на всех уровнях. С течением времени это нарушает целостность этой разновидности, которая становится неустойчивой, неупорядоченной и к середине XVIII в., когда М.В.Ломоносов объединяет ее с русскими стилями, перестает функционировать самостоятельно. Именно в этой

разновидности происходит активный процесс заимствования древнеболгарских языковых средств, их адаптации и изменения употребительности некоторой части из них.

Эта возникающая и обособляющаяся разновидность древнеболгарского литературного языка древнерусской редакции во многих трудах по истории русского литературного языка не разграничивается, потому что конфессиональный язык, язык религиозной идеологии рассматривается как единое целое в качестве книжно-литературного языка.

Другие историки русского литературного языка учитывают начальный процесс ее обособления в Киевский период и обозначают ее различными терминами с точки зрения своих взглядов на сущность языковой ситуации в указанный период.

Один из первых выделяет рассматриваемую разновидность, обозначая ее термином "церковно-книжный стиль древнерусской письменной речи", Г.О.Винокур ,который пишет в 1943 г.: "Каждый из трех основных разделов древней русской письменности имеет свой особый стиль речи. Соответственно этим разделам можно говорить о церковно-книжном, деловом и собственно-литературном стилях письменного языка древнейшей поры как его основных типичных разновидностях. Материальная основа этих стилистических разветвлений создавалась разной пропорцией скрещения двух начал древнерусской письменной речи: книжного, имевшего свои корни в старославянской традиции, и обиходного, имевшего источником живые говоры восточного славянства"[93].

Более подробно исследует особенности этой разновидности В.В.Виноградов, который обозначает ее термином "книжно-славянский тип древнерусского литературного языка", отмечая: "Проникновение на Русь старославянского языка и формирование на его основе книжно-славянского типа древнерусского литературного языка не могло ни стеснить, ни тем более подавить передачу на письме и дальнейшую литературную обработку восточнославянской народно-поэтической и историко-мемуарной традиции"[94].

---

[93] Г.О.Винокур.История русского литературного языка.-В: Избранные работы по русскому языку.М.,1959,с.44.

[94] В.В.Виноградов.История русского литературного языка..,с.87.

Разграничивает рассматриваемую разновидность и Ф.П. Филин, который выделяет "церковнославянский язык с двумя типами: а) собственно церковнославянский язык - язык богослужебной и примыкающей к ней литературы, переведенной или созданной в Болгарии и других славянских странах, которая читалась и переписывалась на Руси; в этом языке имелись восточнославянские напластования, особенно в фонетике и морфологии; б) славянорусский язык - язык оригинальных произведений, написанных русскими, в которых преобладала церковнославянская стихия, но в той или иной степени присутствовал восточнославянский субстрат" ..."Славянорусский тип церковнославянского языка русской редакции представлен многочисленными произведениями XI-XIV вв."[95] Видно, что Ф.П.Филин употребляет два термина "славяно-русский язык" и "славянорусский тип церковнославянского языка русской редакции" как синонимы.

Выделяется эта разновидность древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка и в трудах других советских авторов и славистов разных стран. См., напр., труды таких авторов, как: А.Бартошевич (1973 г.), А.И.Горшков (1983 г.), А.Н.Кожин (1981 г.), Е.Г.Ковалевская (1979 г.), Б.А.Ларин (1975 г.), В.Д.Левин (1964 г.), Н.А.Мещерский (1981 г.), И.С. Улуханов (1972 г.), П.Д.Филькова (1973 г.) и др.

В работах одних авторов древнерусская разновидность древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка рассматривается как тип (стиль, вариант, вид) древнерусского литературного языка, в других - как тип (стиль, вариант, вид) церковнославянского языка русской редакции (церковнославянской письменной речи).

Несомненно, рассматриваемая древнерусская разновидность древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка выполняет функции книжно-литературного языка древнерусской народности. Именно с точки зрения функциональной эта письменно-литературная система выражения может рассматриваться как один из типов (стилей, вариантов, видов) книжно-литера-

---

[95] Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка... с. 259.

турного языка древнерусской народности (древнерусского языка, по мнению некоторых авторов, или церковнославянского языка, по мнению других). Но с точки зрения этно-генетической и лингвистической, с точки зрения взаимосвязи как с древнеболгарским литературным языком, так и с древнерусским, это письменно-литературная система выражения является древнерусской разновидностью древнеболгарского литературного языка древнерусской редакции. Поэтому, независимо от громоздкости данного термина, мы вводим его в данную работу, так как, по нашему мнению, более точно выражает сущность понятия.

Изучение древнерусской разновидности показывает, что ее языковая основа - древнерусская редакция древнеболгарского литературного языка, которая, как отмечалось, характеризуется определенными древнерусскими языковыми чертами, напр. наличие рефлексов -оу, -ю, -а, -'а (на месте носовых); расположение -ъ, -ь перед плавными; рефлекс -ж на месте определенного праславянского сочетания; употребление епентетического -л, начального -су, окончания -ому (в дат.пад.ед.ч.), -ъмь, -ьмь (в твор.пад.ед.ч.), -ть (в 3 л.ед.и мн.ч. глаголов) и др.

См., напр., в "Житии Феодосия Печерского": "отъ коудоу соуть и камо идоуть", "отъ суны въросты", "начати преже мою", "и повелѣ великому Никону", "преспѣваше троудъмь", "льгъкъмь с(рд)цьмь", "и роукама прѣдсуща вълнсу", "возы пълны соуще", "сицимь же образъмь", "б(лг)сословлению въ", "по съмьрьти блаженаго", "да пиють", "о възграженнии такого домоу" и т.д.

В отличие от древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка ее древнерусская разновидность характеризуется и другими чертами. Это, во-первых, использованием различных реалий, топонимов, этнонимов, антропонимов и т.п., выражающих конкретную общественно-политическую жизнь древнерусской народности. Это, во-вторых, ряд лексических новообразований, которые являются результатом словотворчества древнерусских книжников. В-третьих, это и другие дополнительные древнерусские языковые единицы, которые используются более свободно и в большем количестве по сравнению с древнерусской редакцией, напр. слова с полногласием, с начальными

-о, -я, -ро,с префиксами -вы, -рсз/рсс, с окончаниями -сго (в род.пад.ед.ч.), -ов, -ей (в род.пад.мн.ч.), разрушенный перфект, характерные для древнерусского языка предложно-падежные и беспредложные конструкции и т.д. Это также употребление характерных для поэтики народного творчества художественно-выразительных средств (постоянные эпитеты, метафоры и др.).

См., напр., в "Сказании о Борисе и Глебе": "въ то же времѧ бѣаше пришелъ Борисъ издростова", "сребро и золото.вина и медове. брашьна чѣстьнаѧа и быстрии кони. и домозе красьнии", "акы не было николи", "къ комоу сию горькоую печаль простерети", "и ночь проимавъ помостъ на берестовѣмъ", "пришедъ Вышегородоу ночь", "и искочи ишатьра", "начаша скакати зълии сни въ лодию", "отъ передъ-славы къ Ꙗрославсу", "то ты не хсчеши мене послоушати", "вьсю волость русьскоую", "межю дъвѣма колодама" и т.д.

См. еще и в "Житии Феодосия Печерского": "и растьрзавъши сорочицю на немь", " " изиде отаи из домоу", "и се начатъ старьца льстию вызывати", "дроугыимъ въ боубѣны биющемъ", "и сѣсѣде съ конѣа", "поставленъ бысть епископъмь Ростову городоу", "вьниде въ манастырь тоу сощии близъ города", "таче по томь епископоу въ Володимирьскоую оболость", "и коунами тому давъ отъпоусти", "къто къ воротамъ приходи", "къ одиноі же келии" и т.д.

Использование различных древнерусских языковых единиц характеризует один аспект формирования и выделения древнерусской разновидности древнеболгарского литературного языка. Второй аспект, в такой же мере существенный, это сохранение и воспроизведение традиций древнеболгарского литературного языка, который становится языковой основой, ядром древнерусской разновидности его древнерусской редакции. Это связывает древнерусскую редакцию древнеболгарского литературного языка с ее древнерусской разновидностью. Поэтому они воспринимаются как разновидности (типы, варианты) одного языка - древнеболгарского литературного языка, а не как самостоятельные системы литературного выражения.

В древнерусской разновидности древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка сохраняются и воспроизводятся древнерусскими книжниками его основные дифференциальные

черты, напр. неполногласие, начальные -а, -е, лексические единицы с -щ, -с префиксами -пре, -въз/въс, -раз/рас, -из/ис, окончания -аго (-ааго), -ыя, -ея, причастные формы с суффиксами -ущ, -ющ, -ащ, -ящ, сложные слова, кальки, лексические единицы, характерные для лексической системы древнеболгарского языка, различные специфические для него конструкции и т.д.

См., напр., в "Слове на антипасху" Кирилла Туровского: "нынѣ новорожаемии агньци, быстро путь перуще", "ни источници, ни древеса", "преста бо идолослуженiе", "жертву възнесе", "праздьнующе побѣдны д(н)ь", " его же вкушающе съдравы бываху и врагомъ сташни", "нъ аще и младеньцѣ изби", "млекоученiа съсуть", "и се уже ѡгради слатку подаваютъ воню", "добродѣтели пущающе, раискаго пакы бытiа", "и крестьное рало в мыслехъ браздахъ погружающе" и т.д.

См. еще в "Слове о законѣ и благодати" митрополита Илариона: "прежде законъ, потомъ благодати", "сѣдящу емъ предъ дверьми куща своеа", "единъ съпрестоленъ отцу", "и уже не капищь съграждаемъ, но Христовы церкви зиждемъ", "предалъ люди твоя и градъ", "виждь же и градъ величьствомъ сияющь","къ живущиимъ бо на земли", "но преизлиха насыщем ся сладости книжныя" и др.

См. и "Киево-Печерский патерик": "паче же не хощеть", "азъ же и отець къ нему", "не от града бо прииде в чернечьство", "да не празденъ будет", "въ единy же нощь пришедше татие", "послa убо единаго отъ боляръ своих", "азъ же, недостойный рабъ его", "хощу церковь възградити", "и пловущимъ нам, бысть буря", "господи, прости мя, яко сего ради пояса днесь погыбаю, понеже Възяхъ отъ честнаго твоего и человѣкоподнаго ти образа", "Антоний же прииде въ градъ Киевъ, мысляше, где пребыти", "преносять честыа мощи святаго Феодосиа" и т.д.

Следует специально подчеркнуть, что именно в древнерусской разновидности древнеболгарского литературного языка древнерусской редакции осуществляется процесс заимствования древнеболгарских языковых средств (фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных, фразеологических).

См., напр., использование К.Туровским в его "Слове на антипасху" таких древнеболгарских языковых единиц, как: праздника, преста, древеса, власти, облакъ, вретищь, разумнаа,

агньци, будущихъ, рыбари, мрежю, азъ, градъ, нощи, пещи, брашна, хранимъ, требы, младенець, единъ, благодать, завѣса, врата, свѣщенъ, главахъ, съдравіе, ѣестьство, добродѣтель, бракахъ, паки, источи, ризы, въскресшаго и т.д.

См. еще употребление Ларисном в "Одеве с записи о благодати" следующих древнеболгарских языковых единиц: благодати, прежде, единъ, млекс, будущемъ, раждаше, поносе, жрѣ, възнесении, странамъ, нощисе, зиждуть, свѣщи, паки, аще, престa, естьство, възвратися, бракъ, въскреси, власть, исцѣлѣ, глаголаше, преиссохши, бездна, блата, источникъ, разума, елень, сребра, грады, страны, богородица, освящение, полснъ, вѣкъ, послуноши и т.д.

В древнерусской разновидности древнеболгарского литературного языка древнерусской редакции представлены впервые лексические образсвания, не засвидетельствованные ни в древнеболгарской письменности, ни в русских диалектах. Основная часть таких лексических единиц создана по образцам древнеболгарских слов, при их образовании использованы древнеболгарские морфемы и компоненты. Мы имеем основание предполагать, что многие из этих лексических образований формирсваны древнерусскими книжниками на древнерусской почве. См., напр., безблагодатный (Феод.Печ.), безглавный (К.Тур.), блазнитель (К.Тур.), всзбранный (Феод.Печ.), злопсминание (Псуч.Сер.Влад.), мирсдержный (К.Тур.), разносущие (К.Тур.), соборсвание (Ѣ.митр.Кипр.) и т.д.

И так, традиции древнеболгарского литературного языка играют плсдотворную, конструктивную роль при формирсвании древнерусской разновидности (типа,стиля, варианта) его древнерусской редакции. Основные, характерные черты древнеболгарского литературного языка устойчивс сохраняются и воспрсизводятся древнерусскими книжниками. Эти черты, языковых средств станс вятся языковой основойдревнерусской разновидности его древнерусской редакции, которая используется древнерусскими авторами при создании оригинальных и переводных сочинений, удовлетворят определенные потребности духовной, культурной жизни древнерусской народности, воспринимается как собственная писменно-литературная система выражения, потому что в ней используются разнообразные древнерусские языковые средства.

Роль традиций древнеболгарского литературного языка выражается и в том, что в изучаемой древнерусской разновидности его древнерусской редакции осуществляется процес заимствования древнеболгарских языковых средств. В ней возникают процессы взаимодействия древнеболгарских и древнерусских единиц, формируются синонимические разногенетические ряды, новые лексические образования, в ней начинает осуществляться отбор, фильтрирование языковых средств, что обуславливает их дальнейшую эволюцию и место в системе лексики русского литературного языка национальной эпохи.

4. Формирование письменно-литературной разновидности (типа, подсистемы, стиля) древнерусского языка.

Общий праславянский источник древнерусского и древнеболгарского (славяноболгарского) языков, их генетическая и типологическая близость определяют доступность древнеболгарского литературного языка, который древнерусские книжники усваивают без особых затруднений. Это дает возможность использования кирилловского алфавита для светских нужд, свободного применения навыков письма к древнерусскому языку.

Распространение древнеболгарского литературного языка в Древней Руси, его расчленение и формирование на основе древнерусской редакции и ее древнерусской разновидности (типа, стиля, варианта), нормы которых древнерусские книжники усваивают хорошо, является важным стимулом развития (у них) осознанного отношения к явлениям родного древнерусского языка, к его системе, к нормам, к его письменной организации. Таким образом, в условиях функционирования языка христианской религии (древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка и его древнерусской разновидности), стимулирующего воздействия его норм, использования некоторой части его языковых средств и их синтезирования со средствами древнерусского народного языка, языка древнерусского народного творчества, языка дописьменных правовых, административных, военных, дипломатических и др. традиций постепенно формируется и письменно-литературная разновидность древнерусского языка. Эта разновидность возникает, постепенно развивается и совершенствуется вместе с появлением

и неуклонным развитием древнерусской светской оригинальной официально-деловой письменности и литературы. Письменно-литературная разновидность (по терминологии других авторов - тип, стиль, вид, вариант, подсистема) древнерусского языка выделяется в трудах многих русских и советских ученых и славистов других стран. См., напр., труды таких авторов, как Р.И.Аванесов, 1955 г.; А.А.Алексеев, 1988 г.; А.Бартошевич, 1973 г.; Г.О.Винокур, 1959 г.; В.В.Виноградов, 1978 г.; А.И.Горшков, 1983 г.; Б.В.Замкова, 1975 г.; Е.Г.Ковалевская, 1978 г.; С.Л. Котков, 1980 г.; Л.Л.Кутина, 1978 г.; Б.А.Ларин, 1975 г.; Б.Д. Левин, 1968 г.; Д.С.Лихачев, 1979 г.; А.С.Львов, 1975 г.; М.Л. Мещерский, 1981 г.; Д.Иванова-Мирчева, 1987 г.; С.П.Обнорский, 1946 г.; В.М.Русановский, 1982 г.; А.И.Соболевский, 1980 г.; О.В.Творогов, 1976 г.; И.С.Улуханов, 1972 г.; Ф.П.Филин, 1981 г.; Г.Х.Фольтер, 1974 г. (Ворт); П.Д.Филкова, 1973 г.; Л.П.Якубинский, 1953 г. и т.д.

В связи с этим необходимо вспомнить соображения Б.В. Виноградова, который пишет, что "проникновение на Русь старославянского языка и формирование на его основе книжнославянского типа древнерусского литературного языка не могло ни стеснить, ни тем более подавить передачу на письме и древнейшую литературную обработку восточнославянской народно-поэтической и историко-мемуарной речевой традиции"[96]. Подобные мысли высказывает и Н.А.Мещерский, обративший внимание на то, что "церковнославянский язык не подавил собой языкового развития восточных славян, а, наоборот, дал мощный толчок их природного языка"[97].

Формирующаяся письменно-литературная разновидность древнерусского языка (или народно-литературный язык) начинает функционировать в светских сферах древнерусского государства, права, дипломатии, военного, торгового и ремесленного дела, та-

---

[96] В.В.Виноградов. История русского литературного языка..., с. 87.

[97] Н.А.Мещерский. История русского литературного языка. Л., 1981, с. 39.

можни, в официальной и частной переписке, в светской литературе.

Укрепление Киевского государства, расширение его международных связей, развитие военного и торгового дела, законодательства, судопроизводства, делопроизводства и вообще официальных деловых отношений обуславливает активное нарастание деловой официальной письменности. Появляются "Русская правда", "Грамота Мстислава", "Договорная грамота с Ригой и Готским берегом", "Договорная грамота Александра Невского", "Договорная грамота Новгорода", договоры русских с греками, "Духовное завещание новгородца Климента", "Договор Михаила Ярославича", "Грамота Андрея Александровича", "Церковный устав князя Ярослава" и т.д.

Драгоценными памятниками древнерусской оригинальной светской литературы и языка являются повествовательные и повествовательно-исторические сочинения, среди которых особое место занимают "Слово о полку Игореве", "Поучение Владимира Мономаха", "Моление Даниила Заточника", "Повесть о битве на реке Калке", "Повесть о разорении Батыем Рязани", "Повесть о Петре Ордынском", "Слово о погибели Русской земли" и др.

На заре развития древнерусской письменности и литературы возникает летописание, которому суждено было стать ведущим явлением в истории русской культуры, напр. Повесть временных лет, Владимирский летописный свод, Галицко-Волынская летопись, Летописец Переславля Суздальского, Новгородская первая летопись, Рогожский летописец и др.

С течением времени и с развитием светской официально-деловой, повествовательной и исторической древнерусской письменности и литературы создаются литературно-языковые традиции, связанные с жизнью древнерусской народности и ее языком. Изучение языка светской древнерусской письменности и литературы раскрывает такую же сложную внутреннюю расслоенность, расчлененность, как и в жанровой системе и в языке богослужебной, церковно-религиозной, христианской, проповеднической, учительной и т.п. литературы.

Принимая во внимание эту языковую расслоенность, некоторые ученые разграничивают и в составе письменно-литературной разновидности древнерусского языка (в народно-литера-

турном древнерусском языке) два типа (стиля, вида, варианта разновидности)- народно-литературный тип и деловой тип. По отношению к их терминологическому обозначению и в данном случае наблюдаются расхождения. Г.О.Винокур, напр., пишет о "деловом и собственно-литературном стилях письменного языка древнейшей поры"[98], выделяя "деловой стиль, основанный на обиходных средствах языка" и собственно-литературный стиль, который "создается совмещением и взаимопроникновением книжного и обиходного начал языка, так что одно из них дополняет другое"[99]. В.В.Виноградов отмечает, что древнерусская народность обладает тремя типами письменного языка, один из которых - восточнославянский в своей основе - обслуживает деловую переписку. Образцы делового типа древнерусского письменного языка - договоры с греками, Мстиславова грамота, "Русская правда" и др. В.В.Виноградов выделяет и тип письменно-литературного языка, который имеет общенародную основу и широко совмещает элементы живой восточнославянской народно-поэтической речи "и славянизмы, особенно при соответствующей стилистической мотивировке". Этот тип представлен в русских летописях, в "Слове о полку Игореве", в "Слове Даниила Заточника"[100]. В другой своей работе В.В.Виноградов разграничивает два типа древнерусского литературного языка - "книжно-славянский или церковно-книжный" и "народно-литературный или литературно-обработанный народный тип"[101], признавая язык деловой письменности фактом письменной речи.

Д.С.Лихачев отмечает, что в древнерусском литературном языке "можно выделить различные типы и стили", подчеркивая: "Письменный литературный русский язык был связан не только с койне важнейших административных центров Руси. В одной из сво-

---

98 Г.О.Винокур. История русского литературного языка..,с.44.

99 Там же, с. 47, 49.

100 Б.В.Виноградов. Вопросы образования русского национального языка.-В: История русского литературного языка.М.,1978, с. 185.

101 В.В.Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка.-В: История русского литературного языка.М.,1978, с.87.

их разновидностей он трансформировал и перенесли в письменность язык устной поэзии"..."Разновидность эта давала себя знать то в "Поучении Мономаха", то в "Ипатьевской летописи", то в "Слове о погибели Русской земли", но больше всего она представлена в "Слове о полку Игореве"..."[102]

Н.А.Мещерский пишет: "Из всех предлагаемых классификаций стилистических ответвлений древнерусского литературного языка для первоначальной киевской эпохи кажется наиболее рациональной та, в которой выделяются три основные жанрово-стилистические разновидности, а именно: церковно-книжная, как ее полярная противоположность в стилистическом отношении - деловая (собственно русская) и как результат взаимодействия обеих стилистических систем собственно литературная (светско-литературная). Естественно, что подобное трехчастное членение предполагает и промежуточные звенья классификации - памятники, в которых объединяются различные языковые черты"[103].

Ф.П.Филин тоже указывал на разнородный характер древнерусской литературы, письменности и ее языка, разграничивая "древнерусский литературный язык с двумя типами: а) язык деловой письменности с отдельными церковнославянскими вкраплениями; б) язык повествовательной литературы (произведения разных жанров), восточнославянский в своей основе, но с широким использованием церковнославянских средств"[104].

Другие авторы считают, что в донациональный период в Киевской и Московской Руси в качестве литературного языка функционировал только церковнославянский язык (или русский церковнославянский язык, церковнославянский язык русского извода). Язык деловой письменности такие авторы считают письменной фиксацией необработанного народно-диалектного древнерусского и великорусского языка, а светская повествовательная древнерусская

---

102 Д.С.Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979, с. 83,85.

103 Н.А.Мещерский. История русского литературного языка. Л., 1981, с.43

104 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка... с.259.

и великорусская литература остается неподвергнутой анализу (напр. Б.М.Живов, 1987 г.; Ив.Гълъбов, 1963 г.; А.Ъ.Исаченко, 1975 г.; Н.И.Толстой, 1988 г.; Б.О.Унбегаун, 1968 г.; Б.А.Успенский, 1983 г.; Г.А.Хабургаев, 1984 г.; А.А.Шахматов, 1941г. и др.).

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что при оценке письменно-литературной разновидности древнерусского и великорусского языка следует исходить из реальной языковой действительности.

Неправомерно было бы оценивать языковые нормы древнерусской официально-деловой письменности и светской повествовательно-исторической литературы с позиций современных высокоразвитых литературных языков. Не следует также механически сопоставлять средневековые литературные языки, которые находятся на разных этапах развития, у которых имеются различные культурно-исторические традиции и которые занимали различное положение в общественной жизни средневекового общества.

В эпоху Средневековья в условиях присоединения к теологии "все прочие формы идеологии" (Энгельс, 314) христианская литература и ее язык занимают доминирующее положение в социальной иерархии языковой ситуации в Киевской и Московской Руси. Язык религиозной идеологии (древнеболгарский литературный язык древнерусской редакции и ее древнерусской разновидности) характеризуется своими вековыми культурно-историческими традициями, возникшими в процессе переводов богатой и сложной богослужебной, богословской, философской и т.п. греческой литературы и развивавшимися вместе с развитием оригинальной древнеболгарской и среднеболгарской письменности.

Письменно-литературная разновидность древнерусского языка возникает вместе с появлением и развитием древнерусской оригинальной светской официально-деловой письменности и повествовательно-исторической литературы, она удовлетворяет светские потребности древнерусской общественности в сферах законодательства, судопроизводства, делопроизводства, дипломатии, части духовной жизни и т.д. Все это находит выражение в отборе и использовании языковых средств, в организации текстов. Древнерусская письменно-литературная система, которая находится в процессе формирования, развивается и совершенствуется в ус-

ловиях широкого распространения языка религиозной идеологии и воздействия его норм. Это тоже оказывает несомненное воздействие на ее языковые черты.

Указанные особенности определяют своеобразие сложения письменно-литературной разновидности древнерусского языка. По этому поводу Ф.П.Филин пишет: "Появляется собственная древнерусская литература (деловая, художественная, летописная и др.), в основе языка многих памятников которой легла живая восточнославянская речь (конечно, не в своем натуральном виде, а преобразованная самими свойствами письменности, т.е. не непреднамеренная, не непроизвольная, а так или иначе обдуманная, организованная, постепенно приобретшая свои особые традиции"[105]. Следует подчеркнуть, что диалектная проницаемость в письменно-литературной разновидности древнерусского языка представлена в ограниченном виде. В сложении и развитии рассматриваемой разновидности определенную роль играют и древнеболгарские традиции. В связи с этим Г.О.Винокур отмечает: "Синтезирование двух начал в языке есть самое характерное явление истории русского языка в целом"[106].

Формирующаяся письменно-литературная разновидность древнерусского языка, которая начинает функционировать в светских сферах общественной жизни древнерусской народности, является более открытой системой, потому что она связана непосредственно с живым языком народа, служит для удовлетворения его многообразных светских потребностей. Отсутствие установленной кодификации обуславливает вариативность и подвижность в употреблении языковых средств. Д.С.Лихачев специально указывает на то, что "древнерусский письменно-литературный язык был менее устойчив, менее замкнут, чем язык церковнославянский. Он не имел той неподвижной базы "образцов", которой обладал язык

---

105 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка., с. 223.

106 Г.О.Винокур. История русского литературного языка, с. 49.

церковнославянский. В нем не было стремления к "самоочищению" от чуждых форм"..."церковнославянские формы и слова получали здесь стилистические оттенки и смысловые нюансы, постоянно обогащали его"[107].

Более открытый характер формирующейся письменно-литературной разновидности (подсистемы) древнерусского языка обуславливает возможность некоторой ее проницаемости и проникновения народно-разговорных, народно-поэтических, старобслгарских, церковнославянских, тюркских и других языковых средств. Различный состав и комбинации этих средств с праславянскими и древнерусскими, относящимися к ее языковой основе, определяют возникновение, по словам В.В.Виноградова, "разнообразных промежуточных родов речей", "промежуточных разновидностей литературной речи"[108].

Анализ древнерусской светской официально-деловой письменности и историко-повествовательной литературы показывает, что отбор языковых средств, их организация и комбинация определяются во многом содержанием, темой, предназначением, отношением к изображению, жанром, требованиями сложившегося литературного этикета и т.д. Это свидетельствует об определенной осознанности языкового употребления, о стремлении к упорядочению, к усовершенствованию, к литературно-языковой сбработке, о формировании соответствующих традиций и литературно-языковой нормы. Эти взаимозависимости раскрыты очень хорошо Д.С. Лихачевым: "Выбор писателем церковнославянского языка или церковнославянских слов и форм для одних случаев, древнерусского - для других, а народно-поэтической речи - для третьих был выбором всегда сознательным и подчинялся определенному литературному этикету. Церковнославянский язык неотделим от церковного содержания, народно-поэтическая речь - от народно-поэтических сюжетов, деловая речь - от деловых"[109].

---

[107] Д.С.Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, с. 84

[108] В.В.Виноградов. История русского литературного языка.., с. 105-106.

[109] Д.С.Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, с. 82

Таким образом, при изучении староболгарских традиций мы имеем основание принимать наличие письменно-литературной разновидности древнерусского языка (или древнерусского народно-литературного, по другой терминологии), в составе которой расчленяются и выделяются на основе определенных лингвистических и функционально-жанровых особенностей два типа (или, по другой терминологии, стиля, вида, варианта): а) официально-деловой и б) историко-повествовательный. Староболгарские языковые традиции находят в известном смысле различное выражение в указанных двух типах письменно-литературной разновидности древнерусского языка. Общими в двух типах является кирилловский алфавит, некоторые принципы лингвистической организации текстов, часть языковых средств, заимствованных из древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка. Разными оказываются часть состава и объем этих средств, а также приемы и способы их употребления. В связи с этим староболгарские языковые традиции рассматриваются отдельно в двух типах письменно-литературной разновидности древнерусского языка.

а) Официально-деловой тип письменно-литературной разновидности древнерусского языка

Язык древнерусской светской официально-деловой письменности характеризуется определенной обработанностью, потому что у нее имеются длительные традиции, уходящие в языческое обычное право, устное ораторское искусство, фольклор[110]; его письменная фиксация играет активную роль "в организации речи, делая речь преднамеренной, продуманной"[111]; диалектная проницаемость языка этой письменности не большая; в ней "в течение длительного времени существовали однотипные формулы, штампы и клише, а церковнославянизмы употреблялись не беспорядочно, а

---

[110] Д.С.Лихачев. Русский посольский обычай XI-XIII вв. - В: Исторические записки, т. 18, М., 1946.

[111] Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка, с. 181.

для определенных целей"[112]; несмотря на то, что этот язык открыт влиянию народно-разговорного языка, "тем не менее и в нем действовали какие-то факторы стабильности"[113]. У языка рассматриваемой письменности и определенное функциональное назначение - это регулирование официально-деловых отношений. Нормы языка древнерусской светской официально-деловой письменности характеризуются еще и тем, что средства художественной выразительности, поэтики народного творчества и т.п. используются эпизодически.

Языковые древнеболгарские традиции представлены в рамках указанной формирующейся нормы языка этой письменности.

В древнерусской светской официально-деловой письменности древнеболгарские языковые традиции находят конкретное выражение в следующем. Во-первых, Это использование древнеболгарских лексических единиц, терминов и устойчивых словосочетаний, относящихся к понятийной системе христианской религии, церковного быта, богослужения, напр. благословление, благословити, Богородица, владыка, знамение, крещение, освящати, пришествие, рождество, священникъ, храмъ, домъ, церковный, крестъ целовати, раб божий, раб грашный, святой духъ и т.д. К этой группе относятся и заимствования из греческого языка, многие из которых получают распространение посредством древнеболгарской письменности, напр. ад, епископ, икона, монастырь, митрополит и т.д. Во-вторых, Это привлечение древнеболгарских лексических единиц, которые удовлетворяют потребности в средствах для выражения определенных понятий, реалий и т.д., напр. благодарити, бракъ, боляринъ, будущий, власть, владети, вещь, виноградъ, время, законъ, идольский, изветъ, измена, ковчегъ, маслина, общий, община, разбойникъ, разумъ, рабъ и др. В-третьих, Это употребление некоторых устойчивых сочетаний, обычно в зачинах и концовках, у которых однотипный характер, а также определенный тип придаточных условных предложений, отдельных конструкций и

---

112 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка, с. 253.

113 А.А.Алексеев. Пути стабилизации языковой нормы в России XI-XVI вв. - Вопросы языкознания. № 2, 1987, с. 39.

грамматических форм, напр. се азъ, се азъ рабъ божий, написано в граде, "аще кто убьет...", "аще ли кто покусится...", "да умрет", погубившаго и т.д. Наконец, следует отметить и эпизодическое использование некоторых древнеболгарских лексических единиц и грамматических форм, у которых в этой же письменности засвидетельствованы и древнерусские эквиваленты, напр. аще и др.русск. аче, градъ и др.русск. городъ, дщерь и др.русск. дочь, нощное и др.русск. ночное, паки и др.русск. опять, убиеть и др.русск. убьеть и т.д.

См., напр., древнеболгарские слова, конструкции и грамматические формы в тексте договора русских с греками (911г.) "Аще вывержена будет лодья вѣтром великим на землю чюжю, и обрящуться тамо иже от нас Руси. Аще кто идеть снабдѣти лодию с рухлом своимь (и) отослати паки на землю крестьанскую, да проводимь ю сквозѣ страшно мѣсто, дондеже приидет в бестрашное мѣсто. Аще ли таковая лодья ли от буря боронениа земнаго боронима не может возборонитися в своа си мѣста, спотружаемся гребцем тоа лодья мы Русь, допроводим с куплею их поздорову..."

См. древнеболгарские слова и устойчивые словосочетания в "Грамоте великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода" (около 1130 г.): се азъ, княжение, святому Георгиеви, Богородица, братие, пришьствия, игумене; в "Духовном завещании новгородца Климента до 1270 г.": се азъ рабъ б(ж)ии, с(тго), д(х)а, черница, прѣ(дъ); в "Продажной Хоньки Васковой на Каленников монастырь 1378 г.": во има о(т)ца и с(н)а и с(тг)о д(х)а, аминь, б(ж)ьею м(лт)ью, мунастырь, протодьяконови, б(лг)влѣньемь, с(т)оѣ б(ц)и и т.д.

И так, роль древнеболгарских языковых традиций в древнерусской светской официально-деловой письменности выражается в использовании кирилловского алфавита и некоторых принципов лингвистической организации текстов, в расширении лексических, фразеологических и грамматических ресурсов официально-делового типа письменно-литературной разновидности древнерусского языка.

б) Историко-повествовательный (народно-литературный) тип письменно-литературной разновидности древнерусского языка.

В письменно-литературной разновидности древнерусского языка, как указывалось, выделяется и историко-повествовательный тип (стиль, вид, вариант).

В. В. Виноградов отмечает, что очень рано в Древней Руси "развивается своеобразный третий тип письменно-литературного языка, который употреблялся в жанрах художественной литературы в той мере, в какой последняя в то время выделялась среди общей массы письменности. Этот тип древнерусского литературного языка имел общенародную основу и развивался на базе древней, восходящей к далеким дописьменным эпохам традиции народно-поэтической речи, представляющей собой при отсутствии письма своеобразную форму устно-литературного выражения. Он широко представлен в русских летописях (в особенности в их повествовательных частях). Его ярчайшим образ является "Слово о полку Игореве"..."[114]

Рассматриваемый тип характеризуется и В. М. Русановским: "... в XII-XII ст. в результате творческого взаимодействия древнерусского и старославянского языков выработался новый тип литературного языка, представленный в Слове о полку Игореве, в Повести временных лет др. Эти памятники отличаются живыми и несспоримыми связями с народным древнерусским языком."[115]

Принимая во внимание основные жанры его употребления (исторические и повествовательные сочинения), мы обозначаем этот тип условным термином "историко-повествовательный тип". В работах В. В. Виноградова он назван терминами "народно-литера-

---

114 В.В.Виноградов. Вопросы образования русского национального литературного языка.-В: История русского литературного языка.Избранные труды. М.,1978,с.185.

115 В.М.Русановский. Роль Киева в развитии литературных языков Киевской Руси.-Вопросы языкознания, № 4, 1982, с.30.

турный тип", "литературно-обработанный народный тип литературного языка"[116]. Ф.П.Филин определяет "язык "повествовательной литературы" (произведений разных жанров), восточнославянский в своей основе, но с широким использованием церковнославянских средств"[117] тоже термином "тип древнерусского литературного языка". Д.С.Лихачев использует термин "разновидность русского литературного языка": "Письменный литературный русский язык был связан не только с койне важнейших административных центров Руси. В одной из своих разновидностей он трансформировал и переносил в письменность язык устной народной поэзии, обладавший особой стилистической функцией и владевший своими поэтическими формулами и поэтической лексикой"..."Разновидность эта давала о себе знать то в "Поучении" Мономаха, то в Ипатьевской летописи, то в "Слове о погибели Русской земли", то в "Повести о разорении Рязани Батыем", но больше всего она представлена в "Слове о полку Игореве"..."[118].

В древнерусской светской (главным образом) оригинальной повествовательной и исторической литературе древнеболгарские языковые средства представлены широко, их использование характеризуется разнообразием. Древнерусская редакция древнеболгарского литературного языка и ее древнерусская разновидность являются один из важных источников языковых средств для этого типа письменно-литературной разновидности древнерусского языка.

В историко-повествовательном типе письменно-литературной разновидности древнерусского языка засвидетельствованы различные древнеболгарские языковые средства, которые умело и творчески используются древнерусскими книжниками. Это обширный слой древнеболгарских лексических единиц, устойчивых сочетаний,

---

116 В.В.Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка.-В: История русского литературного языка.Избранные труды.М.,1978,с.102.

117 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка,с.с. 259.

118 Д.С.Лихачев. Поэтика древнерусской литературы,с.85.

художественно-выразительных средств, различные грамматические формы, падежно-предложные и другие конструкции. Здесь более подробно будут рассмотрены лексические единицы. Ф.П.Филин с основанием отмечает, что "... лексико-семантический яровень занимает особое положение. Как известно, язык - важнейшее средство общения. Значения и их понимание воплощены в словах и в сочетаниях слов"[119].

К древнеболгарскому лексическому слою, засвидетельствованному в рассматриваемой повествовательной и историко-повествовательной древнерусской светской литературе, можно отнести три группы слов: а) лексические единицы, связанные с христианской религией, церковным бытом, богослужением, напр. алтарница, ангельский, апостольский, архангеловъ, архиепископский, архиерейский, архимандрити, блаженный, боголюбивый, богомолецъ, богомудрый, богоотецъ, Богородица, богоугодный, богохульный, богоявление, владыка, великомученикъ, владыческий, владычица, власяница, вышний, грехолюбецъ, грехопадение, дароприношение, евангельский, единоверникъ, еретический, епископство, ересный, естество, жертва, жертвенникъ, жертвоприношение, жрецъ, заутреня, златоустъ, знамение, игуменство, игуменья, игумении, идоложрецъ, идолослужение, идольский, иерейский, иерейство, иконоборский, иконописецъ, исповедникъ, исповедание, искусъ, священникъ, чернецъ, черница, храмъ и т.д.; б) лексические единицы, получившие распространение как наименования определенных понятий, например: алчный, ароматный, безбожникъ, безвременный, безделие, бездна, беззаконие, безобразие, безумие, безрассудный, беспомощный, бесстрастие, благодать, благодарити, благодушие, благополучный, благоразумие, благоприятный, благородие, благословити, божественный, божество, бракъ, брачный, величавый, вертепъ, вещь, влага, владение, владети, властный, власть, воздухъ, воздушный, виноградъ, востокъ, восточный, восхищати, вражда, врагъ, враждебный, вселенная, всемогущий, гражданинъ, главный, добродетель, единица, единогласный, единодушный, единый, единство, елейный, естество, естественный, жестокий, животное, живущий, жребий, завещание, завещати, здравый,

---

119 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка, с. 239.

заградити, златоверхий, злодей, злодейство, злонравный, злочестивый, извратити, издохнути, искоренити, исполинъ, кавнь, клеветникъ, коварный, коварство, мракъ, мощь, победа, помощь, торжество и т.д. в) однокоренные варианты и разнокоренный дублеты, у которых представлены древнерусские общеупотребительные эквиваленты, напр.: аз (и я), агнецъ (и ягненскъ), бразда (и борозда), брегъ (и берегъ), блато (и болото), брань (и война, бой), власы (и волосы), выя (и шея), врата (и ворота), влачити (и волочити), вертоградъ (и садъ), гладный (и голодный), гласъ (и голосъ), глава (и голова), градъ (и городъ), горе (и наверху), глаголъ (и слово), глаголати (и говорити), днесь (и сегодня), длань (и ладонь), древо (и дерево), дщерь (и дочь), десный (и правый), езеро (и озеро), единъ (и одинъ), злато (и золото), златити (и золотити), златный (и золотой), иже (и который), испити (и выпити), кладезь (и колодезь), класъ (и колосъ), крава (и корова), краткий (и короткий), ладия (и лодка), ланита (и щека), лобзати (и целовати), младый (и молодой), млеко (и молоко), мрежа (и мережа, сеть), мразъ (и морозъ), нощь (и ночь), обаче (и однако), облый (и круглый), преходити (и переходити), премена (и перемена), предъ (и передъ), плещи (и плечи), рыбарь (и рыбак), свеща (и свеча), тысяща (и тысяча), хощу (и хочу), чреда (и череда, очередь), чресла (и поясница), юдоль (и долина) и т.д.

Исключительно разнообразным является использование этих трех основных групп древнеболгарских слов.

Сложным и многоплановым характером отличается как содержание, так и язык древнерусского летописания. Так, напр., в "Повести временных лет" объединяются библейская легенда с разделении земли после потопа, выписки из Григория Амартола, рассказ о крещении Ольги, сказание о Борисе и Глебе, сказание о Печерском монастыре, цитаты из священного писания, деловые документы, светские повести и т.д. Различия в содержании, в сюжетах, в предметах, о которых идет речь в "Повести", определяют и различия в письменно-литературных системах выражения. Исключительное своеобразие языка "Повести временных лет" и других летописей определяется сложным взаимопроникновением и чередованием древнерусской разновидности древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка и письменно-литературной

новидности древнерусского языка.

Д.С.Лихачев обращает специальное внимание на зависимость использования языковых средств от предмета речи, ст содержания и пр., определяя сущность литературного этикета в поэтике древнерусской литературы. Он указывает на то, что один и тот же летописец "по нескольку раз меняет свою манеру, стиль своего изложения в зависимости от того, пишет ли он о сражении князя или о его смерти, передает ли содержание его договора или рассказывает о его женитьбе. Но не только выбор устойчивых стилистических формул определяется литературным этикетом, - меняется и самый язык, которым автор пишет"[120].

Изучение состава лексики в "Повести временных лет" показывает широкое использование древнеболгарских слов, относящихся ко всем трем указанным группам, напр. азбучный, аще, болярин, брань, бисьръ, благая, бракъ, брашьно, виноградъ, властель, власть, власяница, врагъ, врата, время, вретено, въздати, въздоити, възрастъ, възмоужати, вькусити, вьскормити, вьспитати, вьступати, глава, глаголати, гладъ, гласъ, градъ, грамотникъ, единовластьць, забрало, злато, зьдание, завистьникъ, златьникъ, извѣтъ, изобилие, ископати, клаколъ, изънемогати, клеветати, кънижникъ, лъжица, моужьство, нарешти, нашествие, невѣгласъ, непраздьна, нищии, нравъ, область, обѣщати, овощи, одежда, одѣяние, осрамити, пещера, пещь, платьно, плѣнение, плѣнъ, плѣнити, плѣньникъ, побѣда, посрамити, потреба, праздьновати, празьнъ, праздьникъ, праздьньство, предати, прѣложити, прельстити, прельщение, прелюбодѣй, прѣлюбодьяние, престояти, преставитися, пророкъ, просвѣщати, рабъ, рабыня, рабичищь, разорити, рака, распьря, растьлѣти, риза, самовластьць, самодьржець, сановьникъ, свѣща, сребро, срамити, срамъ, срамьныи, срачица, срѣда, страна, съблажьнение, съблазнь, съвъкоупити, съвѣтъ, сътворити, съхранити, сребро, треба, тысящникъ, оучитель, суспение, хлапъ, храбръ, храбрьство, храмъ, храмина, цѣсарьство, чрьвие, чьтвъртъкъ, чьрноризьць, чьрньць и др.

---

120 Д.С.Лихачев, Поэтика древнерусской литературы..., 81-82.

Древнеболгарские лексические единицы в "Повести временных лет" используются в одних случаях в своей номинативной функции, напр.: "И иде Киеву и творяще требу кумирсм с людми своими"; "В си же времена прииде Семисн пленяа Фракию, греки же послаша по печенеги"; "Посемь же Володимер живяше в законе хрестьянстве, помысли создати церковь пресвятыя богородица, и послав приведе мастеры от Грек"; "И бе у него сын красен лицем и душею; на сего паде жребий по зависти дьяволи"; "И живяше Олег мир имеа ко всем странам, княжа в Киеве"; "И благослови ю патреарх, и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь"; "Си слышав патреарх, повеле созвати крилос, по сбычаю створиша праздник, и кадила вожьгоша, пенья и лики съставиша" и др.

Во многих случаях употребление древнеболгарских языковых средств в "Повести временных лет" предопределяется определенными заданиями (напр. в сбращениях к бсгу, к духовным лицам, в цитатах из богослужебных книг, из молитв, в прямой речи священнослужителей, царей, послов, княжеской верхушки, в разговорах с христианской вере, о крещении и т.д.). См., напр.: "Володимер же рад быв, яко позна бога сам и людье его възрев на небс рече: "Христе боже, створивый небо и землю! Призри на новыя люди сия... Утверди и веру в них праву и несовратьну и мне помози, господи, на супротивнаго врага, да, надеяся на тя"; "Володимер видев церковь свершену, вшед в ню и помолися бсгу, глаголя: "Господи боже! Призри с небесе, и вижь. И пссети винограда своего. И сверши, яже насади десница твоя"..."; "Бе бо любя слсвеса книжная, слыша бо единсю, евангелье чтимс: "Блажени милостивии, яко ти помилованы будут"... и Давыда глаголюща: "Блажен мужь милуя и дая"; Соломона же слыша глаголюща: "Вдаяй нищему, бсгу в заим даеть"; "Си слышав Володимер, рече посланым ст царю: "Глаголите царема тако: яко аз крещюся, яко испытах преже сих дний закон вашь" и т.д.

Употребление древнеболгарских языковых средств в "Повести временных лет" может определяться и стремлением летописца к усилению художественности выражения, к приближению к священному языку религии, его желанием подчеркнуть значимость изображаемсго, выразить более эмоционально отношение к событиям. См., напр.: "И рече Святослав: "да не посрамим земле

Русские, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имам. Аще ли побегнем, срам имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собоу". И реша вои: "Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим..."; "Реша же дружина Игорева: "Да аще сице глаголеть царь, то что хочем более того, не бывшеся имати злато, и сребро, и паволоки?"; "И послуша его Ярополк, и избег пред ним затворися в граде Родыне... И бе глад велик в нем, и есть притча и до сего дне: беда аки в Родне"; "Мы убо не можем забыти красоты тоя, всяк бо человек, аще вкусит сладка, последи горести не приимаеть, тако и мы не имам сде быти"; "И посла Володимер ко царема, Василью и Костантину, глаголя сице: "Се град ваю славный взях" и т.д.

Во многих частях "Повести временных лет", описывая обыкновенные события, летописец использует только отдельные древнеболгарские языковые элементы. См.: "Створив же мир Святослав с греки, поиде в лодьях к порогам. И рече ему воевода отень Свеналд: "Пойди, княже, на коних около, стоять бо печенези в порозех". И не послуша его и поиде в лодьях"; "Иде Святослав на Дунай на Болгары. И бившемься обоим, одоле Святослав болгаром и вся город 80 по Дунаеви, и седе княжа ту в Переяславци, емля дань на грьцех"; "И заехав, уби и, бо бо ловы дея Олег. И о том бысть межю ими ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свеналд: "Пойди на брат свои и прими волость его", хотя отмьстити сыну своему" и пр.

Разнообразная и сложная языковая мозаика "Повести временных лет" создана в результате искусного и дифференцированного использования различных языковых средств и прежде всего древнерусских и древнеболгарских, умелого их комбинирования, концентрации, чередования, их подчинения определенным заданиям содержательного и стилистического порядка. Это является естественным результатом образованности, грамотности летописцев, в большинстве своем монахи, отлично владеющие не только родным древнерусским языком, но и языком христианской религии. Именно владение указанными языками дает им исключительную возможность, с одной стороны, для комбинирования их языковых средств, с другой, для чередования самых языковых систем."Прежде всего в летописи вырабатывались нормы этого языка, своего

рода "средний стиль" русского Средневековья".[121]

Г.Хютль приходит к выводу, что "летописи написаны не на двух языках или на двух "типах языка", а на языке, в основе которого взаимопроникновение церковнославянских и древнерусских компонентов. Этот язык можно условно назвать древнерусский литературный язык. Условно потому, что он представляет собой не литературный язык в современном понятии, т.е. не нормированную, стандартизованную целостную систему, а характеризуется именно отсутствием непрерывно обязательных орфографических, фонетических и морфологических норм"[122].

Несомненно, в летописях и в ряде других светских древнерусских исторических и повествовательных сочинений возникает письменно-литературная разновидность древнерусского языка, нормы которой находятся в процессе формирования, что обуславливает и большую вариативность.

Следует подчеркнуть, что в некоторых летописях (напр. Новгородской, Суздальской, Киевской, Волынской, Псковской, Московской и др.) древнеболгарские языковые средства используются в более ограниченном составе. Древнерусская языковая основа сохраняется в более целостном виде. См., напр., отрывок из "Псковской летописи": "Тоя же зимы князь великий Иван Васильевич разгневася на князя тферского Михаила Борисовича ,что начат дружбу держати с литовскым королемь Андреемь и съветы с ним творити с всем и испроси в корля за себе выуку. И того ради князь великий посла на него воеводы своя с множеством вои. И плениша всю землю их, и взяша 2 города и сожгоша; и тако владыка тферский бояры добиша чолом, и смиришася".

См. и отрывок из "московского летописного свода": "Тоя же зимы князь великий Иван Данилович прийде в Торжек с всеми князи Низовъскими и, прислав в Новъгород, наместникы свои сведе, а сам седе в Торъжьку и бе в нем от крещения и до

---

121 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка, с. 263.

122 Грета Хютль-Борт- Спорные проблемы изучения литературного языка в древнерусский период. - In: WIENER SLAVISTISCHES JAHRBUCH, т. 18. WIEN, 1973, 47.

збора, воюючи волость Новгородскую. Новгородци не послаша к нему послы своя с челобитьем, зовучи его на стол в Новъгород. Великий же князь Иван Данилович челобитья их не прия, а миру не да и поиде к Москве".

Следовательно, формирующаяся письменно-литературная разновидность древнерусского языка в сфере исторической, историко-повествовательной и повествовательной светской древнерусской литературе свободно, но все-таки выборочно заимствует и использует древнеболгарские языковые средства.

Д.С.Лихачев с основанием обращает внимание на сознательное стремление "к разграничению церковнославянского и русского языка, церковнославянских и русских форм, стремление задержать ассимиляцию. В основе всех этих стремлений лежат требования литературной обрядности, подчиняющие себе соображения стилистического порядка"[123].

Древнеболгарские языковые средства, а также система древнерусской разновидности древнеболгарского литературного языка древнерусской редакции дают древнерусским книжникам уникальную возможность чередовать их с древнерусскими. При помощи подобного чередования избегается монотонность и трафаретность языкового выражения, которое становится более разнообразным, ярким и стилистически обагренным. Очень существенным является то, что у древнерусских авторов появляется возможность раскрывать содержание в детализированном виде, акцентировать отдельные аспекты. Хорошей иллюстрацией этих положений может служить язык "Поучения Владимира Мономаха".

В своих рассуждениях о боге, в цитатах из богослужебных книг, в передаче речи священных лиц и т.д. Вл.Мономах привлекает систему древнерусской разновидности древнеболгарского литературного языка древнерусской редакции. См., напр.: "Господь нашь, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и паки и до живота нашего. Яко отець, ча-

---

123 В.С.Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, с. 86

до свое любя, бья, и паки привлачить е к собѣ, тако же и господь нашь показал ны есть на врагы побѣду". При описании своей жизни, быта, походов и т.д. Вл.Мономах прибегает к письменно-литературной разновидности древнерусского языка. См., напр.: "А се в Черниговѣ дѣялъ есмь: конь диких своима руками связалъ есмь в пушах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того же по ровни ѣздяималъ есмь своими руками тѣ же кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розьх и с конемь, олень мя один болъ, а 2 лося, одинъ ногами топталъ, а другый рогома болъ... И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, не щадя головы своея".

Чередование письменно-литературных систем выражения раскрывает сознательное отношение древнерусских книжников к языковому материалу, который используется выборочно, в зависимости от содержания, темы, сюжета. Поэтому трудно согласиться с отдельными авторами, которые утверждают, что "Владимир Мономах не стремится быть писателем. Он не ставит подобной задачи и не старается писать литературным языком. Его фраза часто построена в соответствии с интуитивной логикой разговорного языка, не совпадающей с логикой правильных построений"[124].

Выборочное использование древнерусских или древнеболгарских языковых средств, древнерусской письменно-литературной разновидности или древнерусской разновидности древнеболгарского литературного языка древнерусской редакции становится одним из важных признаков формирующейся языковой нормы историко-повествовательного (народно-литературного) типа, одним из характерных приемов его употребления. См., напр., отрывки из "Повести о разорении Рязани Батыем": "Великий князь Ингварь Ингоревич возде руце на небо со слезами возва, глаголаша: "Господи, боже мой, на тя уповах, спаси мя, и от всех гонящих избави мя. Пречистая владычице Христа бога нашего, не остави мене на время печали моея. Великие стастотерпцы и сродники наши Борис и Глеб, будите мне помощники, грешному, во бранех"; "И князь Фео-

---

124 А.Вайян. Заметки о "Поучении" Владимира Мономаха. – В: "Проблемы современной филологии. М., 1965, с. 339.

дор Юрьевич прииде на реку на Воронеж к царю Батыю, и принесе ему дары и моли царя, чтобы не воевал Рязанския земли. Безбожный царь Батый льстив бо и немилосерд, прия дары, и охабися лестию не воевати Резанския земли. И ярася-хваляся воевати Русскую землю".

Свободное использование древнеболгарских языковых средств и в отдельных случаях системы древнерусской разновидности древнеболгарского литературного языка древнерусской редакции в светских древнерусских исторических и повествовательных сочинениях определяет известную близость их языка с языком древнерусской христианской, религиозной литературы, представленной в древнерусской разновидности древнеболгарского литературного языка древнерусской редакции. Основное отличие между ними, которое дает основание для их разграничения, это их различная языковая основа. Историко-повествовательный тип письменно-литературной разновидности древнерусского языка характеризуется своей древнерусской языковой основой, расширенной свободным привлечением древнеболгарских языковых средств, которые в одной или другой степени используются целенаправленно, поскольку нормы находятся в процессе сложения. Древнерусская разновидность древнеболгарского литературного языка древнерусской редакции отличается своей древнеболгарской языковой основой, расширенной древнерусскими языковыми средствами.

Сопоставительный анализ двух отрывков из сочинений, относящихся к жанрам древнерусской светской и религиозной литературы, ясно показывает отличие их языка.

См., напр., отрывок из "Новгородской первой летописи" (историко-повествовательный тип письменно-литературной разновидности древнерусского языка): "И Всеводод изимав мужи их, и исковав, посла е в Володимирь, а сам поиде с новгородци и с клеветникы, поиде на Рязаньскую волость; и прииде к Проньску, и рече: "Предадите ми ся". Они же сташа с княземь Изяславом с третьим Володимирицем; кир Михаил побеже переде ис Проньска. И отъя у них воду, и они передашася".

См. и отрывок из "Слова о снятии тела Христова с креста" Кирилла Туровского: "Праздьникъ от праздника честьнѣи приспѣлъ есть, подавая благодать божию святѣй церкви. Яко же бо и пленица златы, растворены жьньчюгомъ, съ многоцѣньнымъ

камениемь, веселять, зрящих на ня очи - нъ паче сих духовная нам красота, праздьници святии, веселяще вѣрьных сердца и душа освящающе".

Изучение историко-повествовательного типа письменно-литературной разновидности древнерусского языка с точки зрения роли древнеболгарских языковых традиций раскрывает и другой характерный и важный аспект. Это использование обширного пласта древнеболгарских вариантов (типа азъ, вижду, единъ, злато, нощь) и дублетов (типа выя, днесь, ланита, понеже), которые еще в начальный период развития древнерусской светской повествовательной, повествовательно-исторической и исторической литературы начинают использоваться как художественно-выразительные средства (эпитеты, метафоры, сравнения и т.д.). Древнерусские книжники оценивают и употребляют подобные древнеболгарские варианты и дублеты как стилистически маркированные единицы, как особые языковые средства престижного языка христианской религии. Этими средствами древнерусские авторы не только избегают монотонности и повторения (я-аз, вижу-вижду, золото-злато, ночь-нощь и т.д.), но подчеркивают значимость изображаемого, достигают эмоционального звучания, подъема, художественной выразительности. Яркой иллюстрацией является употребление древнеболгарских вариантов и дублетов в бессмертном шедевре древнерусской литературы "Слово о полку Игореве". В нем наряду с праславянскими, восточнославянскими, народно-поэтическими, тюркскими и др. языковыми средствами употребляются широко, умело, с чувством меры все указанные группы древнеболгарских слов, напр.: азъ, аки, багряный, бо, Богородица, брань, брегъ, бремя, величие, вельми, веселие, вещий, вижду, Владимиръ, власть, вовращися, возграяти, въспѣти, въстонати, врань, врата, время, въскрѣмити, глаголати, гласъ, градъ, драгой, древо, единъ, жажда, жестокий, жребий, забрало, заутреняя, здрав, злато, златовръхии, златъ, златокованний, злачены, знамение, иже, издалеча, изронити, искусити, испити, иссушити, истягнут, камо, крамола, крѣпость, лозие, междю, младъ, мужество, насилие, нощь, нужда, облаки, полунощи, страна, среди, славию, сребро, храбрый, хощу и т.д. (Слово о полку Игореве).

Некоторые из указанных древнеболгарских единиц используются в "Слове о полку Игореве" в своей номинативной функции

напр.: "чи ли въспѣти было, вѣщеи Бояне, Велесовъ внуче", "помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобицѣ", "позвониша заутреню рано у святыя Софеи" и т.д. Но основная часть из них, прежде всего варианты и дублеты, употребляются в определенных художественно-выразительных целях (как эпитеты, сравнения, в метафорических выражениях, ритмичных фразах и т.д.). Можно согласиться с И.С.Улухановым, что некоторые древнерусские авторы "ставили перед собой не только задачу зафиксировать факт, но и создать образную картину или использовать средства художественной выразительности для того, чтобы сделать свою речь более красочной или убедительной"[125]. См., напр., в "Слове о полку Игореве": "ступаетъ въ златъ стременъ"; "изрони злато слово"; "а злата и сребра ни мало того потрепати"; "пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ"; "съ вами, Русици, хощу главу свою приложити"; "древо с тугою къ земли преклонилось"; "уже бо Сула не течетъ сребреными струями"; "скача, славию, по мыслену древу"; "уныша бо градомъ забралы", "бусови врани възграяху" и др.

В "Слове о полку Игореве" различные языковые средства составляют единое художественное целое. Поэтический дар автора "Слова о полку Игореве" находит выражение в неповторимом органическом соединении этих средств, в их искусном, мастерском употреблении. См.: "На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемъ рано кычеть"; "мъгла поля покрыла, щекотъ славии успе"; "а князи сами на себе крамолу коваху"; "не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша?"; "грозы твоя по землямъ текутъ, отворяеши Киеву врата", "не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода: единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелие"; "прысну море полуноци; идутъ смерци мъглами", "страны ради, гради весели... Слава Игорю Святъславичю", "О Донче! не мало ти величия, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелыну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ" и т.д.

---

125 И.С.Улуханов. О языке Древней Руси. М., 1972, с. 95.

Использование древнеболгарских языковых средств в целях художественной изобразительности представлено особенно ярко и в "Молении Даниила Заточника". См.: "не зри на мя, аки волкъ на агнеца"; "И ланитѣ твои яко сосуд, исполненъ водъ ароматныхъ"; "Зане князь щедръ, аки рѣка, текуща без бреговъ", "Мужи глава женам, а мужем князь, а князю богъ"; "Княже мои, господине! Яви ми зракъ лица своего, яко гласъ твои сладокъ"; "псомъ бо и свиниамъ не надобѣ злато, ни сребро, ни безумному драгии словеса"; "златом хороброво мужа не добыти, а мужи хоробрые злата добудут"; "иступая опаки умом своим, ползая мыслию, яко змия по камению". В "Молении Даниила Заточника" использованы в своей номинативной функции многие древнеболгарские слова, композиты, книжные образования, относящиеся к составу лексики древнеболгарского литературного языка, напр. багряница, беззаконие, безумный, благословити, богодохновенный, бракъ, брашно, вещь, вкусити, власть, властелинъ, воздухъ, вселенная, вышний, гражданинъ, доброразумие, единогласно, злонравенъ, иноческий, источникъ, книжникъ, крепость, милосердие, младенецъ, многоцѣнныи, мужество, насажденный, неразумный, неимущий, нравъ, обладати, одежда, осуждати, облакъ, овощь, побѣда, полезенъ, помрачити, премудрость, преступление, пророкъ, рабъ, раба, рабыни, разумный, разумъ, священникъ, соборъ, составъ, срамляти, страна, трикраты, уединятися, умилосердитися, учение, храбрыи, художество, царствие, церковникъ, чернецъ, юность и др. См.: "Зло бо жена ни научения слушает, ни священника чтит", "Птица бо радуется весни, а младенець матери", "Княже мои, господине! Помяни мя въ княжении своем, яко аз раб твои, сынъ рабыни твоея" и т.д.

И в "Молении Даниила Заточника" разнородные языковые средства умело и мастерски объединяются и составляют художественно целое. См., напр., "Вид твои яко ливан избран, очи твои яко кладязь воды живы", "Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужь женѣ своеи"; "Егда лежиши на мяхкихъ постеляхъ подо соболми одѣялы, а меня помяни, господине, подъ единъ платном лежаще"; "Богат красен несмыслен, то аки зголовие паволок и драгими соломы напхано" и др.

Итак, на развитие историко-повествовательного типа письменно-литературной разновидности древнерусского языка древнерусская редакция древнеболгарского литературного языка и ее древнерусская разновидность оказывают разностороннее и благотворное воздействие. С древнеболгарскими языковыми традициями связаны не только использование навыков письма, письменной организации текстов и расширение лексических, фразеологических и грамматических ресурсов. Особенно важным является то, что древнеболгарские языковые единицы обогащают стилистические ресурсы историко-повествовательного типа. Часть из них обособляются как особенно характерный пласт стилистически маркированных художественно-изобразительных средств, которые получают широкое распространение в русской литературе XVIII-XIX вв. Истоки этих средств связаны именно с историко-повествовательным типом на заре развития поэтики древнерусской литературы.

Древнеболгарские языковые средства дают древнерусским книжникам исключительную, неповторимую возможность достигать стилистической окрашенности и художественной выразительности при помощи их умелого вовлечения в языковую ткань текстов. А наличие двух систем письменно-литературного выражения предлагает им уникальную возможность создавать разнообразную многоплановую выразительную языковую композицию текстов при помощи варьирования этих систем в зависимости от различных установок (темы, сюжета, цитирования, предмета речи и пр.).

Следовательно, древнерусская редакция древнеболгарского литературного языка и ее древнерусская разновидность являются для древнерусских книжников важным образцом, стимулом обработки древнерусского народно-разговорного языка и формирования на его основе и с участием праславянских, восточнославянских, народно-поэтических, древнеболгарских и других языковых средств письменно-литературной разновидности древнерусского языка.

Древнерусская редакция древнеболгарского литературного языка и ее древнерусская разновидность служат и важным источником пополнения лексических, стилистических и других ресурсов письменно-литературной разновидности древнерусского языка.

Глава вторая

ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ РАЗВИТИЕ В МОСКОВСКОЙ РУСИ И СТАРОБОЛГАРСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ТРАДИЦИИ

В Московской Руси (XIV-XVII вв.) литературно-языковое развитие продолжается и обогащается. Оно осуществляется в условиях большого подъема общественно-политической и культурной жизни великорусской (русской) народности, дальнейшего широкого распространения церковно-богослужебной и другой христианской переводной (в списках) и оригинальной литературы, а также активного нарастания великорусской (русской) светской литературы и официально-деловой письменности. В этот период распространение получают и печатные книги. Книгопечатание способствует упрочнению языковых норм письменно-литературных систем, унификации графических форм письма, пробуждения интереса к проблемам языка.

В Московской Руси сохраняются и развиваются традиции литературно-языкового развития в Киевской Руси, отличающегося отсутствием единой системы письменно-литературного выражения в разных видах и жанрах обширной переводной, списанной и оригинальной литературы и письменности, генетической расчлененностью и функциональной дифференциацией таких систем.

На сохранившиеся системы древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка с ее древнерусской разновидностью и письменно-литературной разновидности древнерусского языка с двумя типами (официально-делового и историко-повествовательного) начинают оказывать воздействие сложные и многогранные внутрилингвистические и экстралингвистические факторы. Указанные письменно-литературные системы выражения, объединенные общей ролью письменно-литературного языка, но генетически разнородные и функционально и жанрово разграниченные, вовлекаются в

противоположные процессы литературно-языкового развития. С одной стороны, возникают процессы активного развития великорусской (русской) светской литературы и официально-деловой письменности, а также значительного изменения великорусского (русского) языка. С другой стороны, протекают процессы, обусловленные воздействием южнославянской (и в первую очередь среднеболгарской) литературы и ее языка и общим развитием идеологической, культурной жизни великорусской народности.

Эти процессы оказывают различное воздействие на развитие существующих систем письменно-литературного выражения, поэтому они рассматриваются отдельно и с точки зрения определения роли староболгарских языковых традиций.

1. Письменно-литературная разновидность великорусского (русского) языка в Московской Руси и староболгарские языковые традиции.

Изучение письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка (русского народно-литературного языка, по другой терминологии) в Московской Руси раскрывает действие важных экстралингвистических и лингвистических факторов, которые оказывают воздействие на общественно-политическое, культурное и литературно-языковое развитие в рассматриваемый период (XIV-XVII вв.).

К середине XII в. Киевское государство приходит в упадок. Усиление феодальной раздробленности Руси, постепенное обособление северо-восточной Руси от Руси западной и юго-западной в период монголо-татарского ига, процессы развития западных и южных земель в составе Великого княжества Литовского, а позднее Польши, приводят к тому, что с XIV века из единой древнерусской (древневосточнославянской) народности начинают складываться самостоятельные народности: великорусская (русская), украинская и белорусская. Процесс формирования этих народностей теснейшим образом связан с образованием государственных объединений из разрозненных княжеств.

Постепенный экономический рост, а также политическое укрепление и обособление северо-восточной Руси приводят к созданию самостоятельной великорусской (русской) народности и

великорусского государства. Основными центрами развития великорусской народности становятся Владимир, Суздаль, Ростов, Тверь и позднее Москва, которая в 14–16 вв. объединяет в едином Российском государстве все северновеликорусские области и северо-восточную половину южновеликорусских княжеств.

Важным свидетельством формирования великорусской народности и ее языка является установление на всей территории расселения народности языковых черт, характерных для нее. Р.А. Аванесов отмечает, что язык великорусской народности, несмотря на свое диалектное многообразие, "был единым во всех своих элементах фонетической системы, грамматического строя и словарного состава"[126].

В фонетике постепенно происходят некоторые изменения, напр. изменение –е в –о в определенной позиции (см. лед – л'од, береза – бер'оза); изменение слабых –ъ, –ь в –о и –е после плавных –р, –л между согласными (см. дрьва – дрова, сльза – слеза); а также –ъ и –ь в –о и –е перед плавными –р и –л между согласными (см. търгъ – торгъ, мьртвыи – мертвый); изменение –ыи, –ии в определенной позиции в –ой, –ей (см. молодыи – молодой, лии – лей). Значительные изменения происходят и в морфологии, напр. унификация различных типов склонения (см. сокол и сын, учитель и гость, село и слово и т.д.); унификация некоторых старых различий твердых и мягких основ (см. местн.пад. столѣ и кони, женѣ и земли и пр.); развитие форм им.п.мн.ч. на ударяемое –а от имен сущ.м.р. (см. города́, берега́ и др.); унификация форм дат., твор. и местн. падежей мн.ч. имен существительных (см. ученикамъ, учениками, ученикахъ); установление окончания –ы в им.п.мн.ч. существительных м.р. с основой на –о и окончания –и в вин.п.мн.ч. существительных м.р. с основой на –jо (см. плоды, дожди); утрата звательной формы, а также двойственного числа и замена его множественным, повсеместная замена –ц, –з, –с заднеязычными –к, –г, –х в формах склонения (см. рукѣ – руке, ногѣ – ноге); разрушение старой системы прошедших времен, в частности, утрата имперфекта (см. несѧхъ, несѧше...), аориста (см. знахъ, зна...) плюсквамперфекта

---

126 Р.А.Аванесов. Проблемы образования великорусской народности. – Вопросы языкознания, 1955, № 5, с.11.

(см. бдхъ, неслъ, бдше неслъ...), разрушение перфекта (см. велелъ есмь и велелъ); образование форм повелительного наклонения от глаголов I-го спряжения на ите вместо -ете (см. несите, идите), появление форм повелительного наклонения с -к, -г у глаголов на заднеязычные (см. помози - помоги) и т.д.

В XIV-XVII вв. происходят изменения и в словарном составе языка великорусской народности. Появляются слова крестьянинъ, деньги, лавка (в значении "торговое помещение"), мельникъ, пашня, пуговица, деревня, кружево и т.д.

Все эти изменения находят в одной или другой степени отражение и выражение в письменно-литературной разновидности великорусского языка. Они приводят к более заметному разграничению между великорусским (русским) народно-разговорным языком и его письменно-литературной разновидностью, в котором традиционно сохраняются ряд старых языковых черт. По этому поводу Ф.П.Филин пишет, что "древнерусское наследие, вышедшее из употребления в живой речи (например аорист и имперфект, двойственное число), включается в разряд архаизмов"[127]. Действительно, изменения в народно-разговорном языке великорусской (русской) народности, с одной стороны, и сохранение некоторых старых (главным образом праславянских) языковых форм в его письменно-литературной разновидности, с другой стороны, обуславливают расширение противопоставленных единиц, которые воспринимают как архаические (книжные) - общеупотребительные (не книжные), напр. сльза - слеза, Петр - П'отр, злый - злой, городи - города, столи - столы, руце - руке, читалъ есмь - читалъ и т.д.

Учитывая указанные изменения, мы рассмотрим типы (виды, варианты, стили, по другой терминологии) письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка и старославянские языковые традиции.

В специальных исследованиях по истории русского литературного языка нет единого мнения по вопросу о письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка и ее терминологическом обозначении.

---

127 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка, с. 277.

Некоторые лингвисты выделяют в Московской Руси два типа (стиля, вида, варианта, разновидности) письменно-литературного языка. Г.О.Винокур, напр., отмечает, что "прежние границы церковно-книжного и литературного стилей речи становятся неотчетливыми"[128]. Он разграничивает два стиля (по его терминологии): церковно-книжный и деловой, подчеркивая, что по сравнению с первой эпохой письменности в московский период "недостает среднего члена, то есть такого стиля письменной речи, который представлял бы собою результат скрещения двух описанных"[129] (т.е. церковно-книжного и делового). Н.А.Мещерский тоже считает, что "московский период имеет лишь две разновидности - церковно-книжную и деловую, - поскольку промежуточная, народно-литературная разновидность к этому времени растворилась в двух крайних разновидностях литературно-письменного языка"[130]. В.Д.Левин отмечает, что главной чертой литературного языка московской эпохи "является противопоставление двух типов: письменного-книжно-литературного в публицистике, науке, повествовательно-исторической литературе и приказного в государственно-официальной сфере"[131].

Отдельные языковеды разграничивают в московский период тоже два типа письменно-литературного языка, но другого порядка. В.В.Виноградов, напр., намечает две схемы периодизации, которые относятся к двум типам литературного языка: книжно-славянского (а) X-XIV вв.; б) XIV-XVII вв.; в) XVII - начало XVIII вв.) и народно литературного (а) X-XIV вв.; б) XIV-XVII вв.; в) XVII - начало XVIII вв.). "Со второй половины XVII в. оба типа древнерусского литературного языка растворяются в новой системе трех стилей русского литературного языка, твердо вступающего на путь национального развития"[132]. А.И.Горшков, рассматривая русский

---

128 Г.О.Винокур. История русского литературного языка, с. 63

129 Там же, с. 64

130 Н.А.Мещерский. История русского литературного языка, с.113

131 В.Д.Левин. Краткий очерк истории русского литературного языка. М.,1964, с.96.

132 В.В.Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, с. 151.

литературный язык в эпоху Московского государства, тоже выделяет два типа: книжно-славянский и народно-литературный[133].

Другие историки русского литературного языка и литературы считают, что и в Московский период сохраняется разобщенность, расчлененность литературного языка. Д.С.Лихачев пишет, что "церковнославянский язык, несмотря на все ассимиляционные процессы, дожил до XX в."[134]. С другой стороны, письменный литературный русский язык был связан не только с койне важнейших административных центров Руси. В одной из своих разновидностей он трансформировал и переносил в письменность язык устной народной поэзии"[135]. Ф.П.Филин отмечает, что после XIV в. церковнославянский язык расслаивается. Его относительное единство в канонической богослужебной и примыкающей к ней литературе сохраняется, "чего уже нельзя сказать о литературе светской, написанной на этом языке. "Славяно-русский тип" церковнославянского языка, особенно позднего периода, был пропитан русизмами и начинал сближаться с русским литературным языком "повествовательного типа". Сближался, но не совпадал с ним"[136]. Подобные соображения высказаны и А.И.Соболевским: "рядом с церковнославянским языком старая Русь употребляла народный живой русский язык, и памятники последнего, параллельно с памятниками первого, тянутся издревле до новейшего времени"[137].

Известная часть филологов считает, что в Московской Руси в качестве литературного языка продолжает функционировать церковнославянский язык. Этот язык рассматривается в более широких рамках как единый литературный язык православного славянства в период средневековья, существующий в нескольких постоянно взаимодействующих вариантах - порою влияющих друг на друга,

---

133 А.И.Горшков. История русского литературного языка. М.,1969, с. 105-124.

134 Д.С.Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, с. 82.

135 Там же, с. 85.

136 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка, с. 285.

137 А.И.Соболевский. История русского литературного языка. Л., 1980, с.22.

порою друг от друга отталкивающихся[138]. Более конкретно указывается на то, что "в Московской Руси функционирует один литературный язык (церковнославянский язык великорусской редакции)"[139]. Наряду с этим высказываются соображения по вопросу о церковнославянском языке и о том, что "в русской традиции вычленяются по крайней мере два типа книжного языка: гибридный язык, продолжающий старые традиции, и грамматический более изощренный книжный язык"[140].

Изучение лингвистических особенностей быстро развивающейся великорусской (русской) светской исторической, историко-повествовательной, повествовательной и т.п. литературы и обширной официально-деловой письменности дает полное основание для выделения и в Московской Руси письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка, в которой расчленяются два типа (подсистемы, вида, варианта, стиля): историко-повествовательный (по терминологии Б.В.Виноградова, нарядно-литературный) и официально-деловой (приказный). В данной работе они рассматриваются главным образом с точки зрения установления характера старославянских языковых традиций. Следует подчеркнуть, что указанная светская великорусская (русская) литература и письменность является историко-культурной реальностью и нуждается в конкретной лингвистической оценке. Известно, что язык, в частности письменно-литературный, как объект непосредственного наблюдения и описания представлен именно в текстах (в литературе, в письменности). Л.В.Щерба определяет тексты как "совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы"[141].

---

138 Н.И.Толстой. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян.-Вопросы языкознания, 1961, № 1.

139 Б.А.Успенский. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка, М., 1988, с.65.

140 В.М.Живов. Роль русского церковнославянского языка в истории славянских литературных языков.-В: Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988, с.66.

141 Л.В.Щерба. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.-В:Л.В.Щерба.Языковая система и речевая деятельность.Л., 1974, с.26.

а) Официально-деловой (приказный) тип письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка.

В системе письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка в Московской Руси выделяется на основе определенных жанровых, функциональных и лингвистических особенностей официально-деловой тип (подсистема, вид, вариант, стиль), который не только сохраняет киевские традиции, но развивает и обогащает их. Официально-деловой тип обозначается в различных трудах неодинаковыми терминами, как указывалось.

Г.О.Винокур отмечает, что "Московская Русь знала и другой стиль - деловой. Этот стиль речи принято называть приказным языком, так как наиболее типичные его образцы находятся в приказном делопроизводстве XVI-XVII вв."[142]. А.А.Алексеев пишет, что "Русский деловой язык в отличие от церковнославянского ни в коей мере не был мертвым письменным языком. Своей зависимостью от живого обиходного языка, онтологической вторичностью по отношению к нему, характером языковой нормы он сближается с современным литературным языком, различаясь путями и способами стабилизации языковой нормы[143]. В.В.Виноградов подчеркивает, что "Московский деловой язык XV-XVII вв., вбирая в себя элементы говора Москвы и диалектов окружающей его этнографической среды, получает известную литературную обработку и нормализацию"... "Расширение литературных функций письменно-делового языка все больше содействует превращению его в своеобразный стиль литературной речи"[144]. Ф.П.Филин указывает на то, что "..."Язык московских приказов", как иногда называют деловую письменность Московской Руси, прочно утвердился в культурном обиходе"[145].

---

142 Г.О.Винокур.История русского литературного языка,с.64.

143 А.А.Алексеев. Пути стабилизации языковой нормы в России XI-XVI вв.- Вопросы языкознания, 1987, № 2, 41-42.

144 В.В.Виноградов. Вопросы образования русского национального языка.-В: История русского литературного языка. Избранные труды.М.,1978, с.187.

145 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка, с. 281.

В.Д.Левин использует несколько терминов. "Московская Русь знала и другой тип письменного языка – язык деловой, приказный. Будучи основанным на живой, народно-разговорной речи Москвы XIV-XVII вв., стражая в той или иной степени особенности развития московского говора, приказный язык не был в то же время механическим слепком живой речи; он представлял собой определенный тип литературного языка"[146].

Изучение языка официально-деловой письменности Московской Руси показывает, что он выполняет известные функции (язык государства, права, канцелярии, дипломатии, военного и торгового дела и др.), удовлетворяя потребности деловых общественных отношений. Этот язык представлен в характерной жанровой системе (государственные акты, своды законов, челобитные, статейные списки и т.д.). Употребляясь в правовой, канцелярской, дипломатической и т.д. официально-деловой письменности, он подвергается известной обработке. У него длительная традиция; однотипные предложения, обороты, штампы, клише, термины и другие языковые средства отбираются и употребляются в обоснованной, последовательной и упорядоченной форме, поэтому он не совпадает с спонтанной живой разговорной речью. Для него характерна ограниченная диалектная проницаемость и наличие определенных норм. Все это дает основание считать язык обширной и разнообразной по содержанию и форме официально-деловой письменности Московской Руси типом (или видом, вариантом, подсистемой, стилем) письменно-литературной разновидности (формы) великорусского (русского) языка.

Формирование и укрепление Московского централизованного государства обуславливает объединение разрозненных земель и изолированных удельных княжений. Его интенсивное экономическое, политическое и культурное развитие, усиление его международных связей влечет за собой расширение сфер употребления делового типа и видов письменности, в которых он применяется, появление

---

146 В.Д.Левин. Краткий очерк истории русского литературного языка, с. 95.

необходимости в упорядочении, привлечение большого числа грамотных людей, которые становятся профессиональными писцами. Первоначально с обязанностями писцов справляются служители церкви (дьяконы, дьяки и подьяки). С течением времени писцов начинают выбирать и из светских людей. Таких писцов великокняжеских и местных канцелярий, получивших наименование приказов, продолжают традиционно называть дьяками, подьячими. Дела в приказах "вершились приказными дьяками, выработавшими особый "приказный слог", близкий к разговорной речи простого народа, но хранивший в своем составе и отдельные традиционные формулы и обороты"[147].

К концу XVI в., как отмечает А.И.Аванесов, деловой тип "стал едва ли не общим для всего обширного Русского государства, постепенно вытесняя собой местные разновидности приказного языка во всех областях"[148].

В изучаемый период официально-деловая письменность, которая обслуживает различные сферы общественной жизни великорусской (русской) народности (государство, право, канцелярию, дипломатию и т.д.) быстро возрастает. Наряду с разнообразными официальными московскими, новгородскими, псковскими, двинскими и др. грамотами, появляются новые своды судебных постановлений, записи судебные, записи расспросные, челобитные, дипломатические отчеты, увещательные послания, акты, своды постановлений, формулярники, писцовые, разрядные, таможные, приходо-расходные, вкладные книги, книги городового дела, руководства по ведению хозяйства, травники, лечебники, справочники, труды по астрономии, медицине, географии и т.д., напр.: Духовная грамота Московского князя Ивана Калиты, Духовная грамота Московского князя Димитрия Ивановича, Духовная Ивана Юрьевича Грязного, Двинские грамоты, Грамота Псковского князя Ивана Александровича, Грамоты

147 Н.А.Мещерский. История русского литературного языка, с.112.

148 Р.И.Аванесов. Проблемы образования языка великорусской народности, с. 433.

из Новгорода в Ригу, Грамота Новгородского посадника Александра Фоминича в Ригу, Грамота Новгородских наместников Ивана и Василия в Юрьев, Грамота Новгородского посадника Василия Никитича в Ригу, Псковская судная грамота, Судебники 1497 и 1589г., Челобитные Ив.Пересветова, Домострой, Статейные списки Г. Микулина, Ф.Писемского и др., Акты Московского государства, Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней Руси, Акты, записанные в крепостной книге XVI в., Акты исторические, Акты Тверского Отроча монастыря, Арзамасские поместные акты, Акты Троицкого Сергиева монастыря, Разрядные книги, Послания Ивана Грозного английской королеве Елизавете I, шведскому королю Юхану III, польскому королю Стефану Баторию, Тысячная книга, Дворовая тетрадь, Уложение царя Алексея Михайловича, Подлинник о книжном переплете, О России в царствование Алексея Михайловича Гр. Котошихина, Назиратель, Вести-Куранты, Книга Большому чертежу, Космография, Травник, Лечебник и т.д.

Возрастает не только официально-деловая письменность и слой светских и духовных профессиональных писцов. Появляются разные школы и направления делового письма, распространяется скорописное письмо.

Деловой тип письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка развивается на основе московского говора. Именно в деловом типе раньше всего находят отражение изменения в произносительных нормах, в грамматическом строе и в лексическом составе живого народно-разговорного языка Московской Руси. Деловой тип в Московский период, как и в Киевский период, отличается рядом характерных для него черт, напр. широким использованием терминологической, конкретной лексики, реалий, топонимов, антропонимов, этнонимов, некоторыми специфическими синтаксическими конструкциями, однотипными предложениями, оборотами, штампами и т.д. Но в указанный период его лексические ресурсы расширяются, появляются новые грамматические формы, своеобразные приемы художественной обработки текстов, более активно вовлекаются староболгарские и другие иноязычные лексические единицы.

В XVI-XVII вв. происходит постепенное сближение делового типа с историко-повествовательным типом письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка. В.В.Да-

нилов на богатом материале раскрывает различные приемы художественной речи в грамотах и других документах, напр. рифмованная речь в распространенном изложении, рифмованная неметрическая речь, синонимы, формулы метонимического персонифицирующего типа (напр. "куда топор ходил, куда коса ходила"), рифмованные формулы (напр. "другу не дружить, а недругу не мстить") и др.[149]

Анализ лингвистических особенностей делового типа письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка с точки зрения староболгарских языковых традиций показывает как сохранение, так и дальнейшее более активное использование этих традиций.

- В официально-деловой письменности Московского государства, как и в Киевский период, используются различные староболгарские лексические единицы и устойчивые словосочетания, относящиеся к сферам христианской религии, богослужения, церковного быта и т.д., напр. благословити, благословение, Богородица, багряница, безверный, безгрешный, безначальный, благовестник, благовещение, благоговение, богоявление, богоугодный, возвеличити, волхв, воскресение, воскресати, воскресный, вселенский, вышний, владыка, говение, говети, гостинник, добросчестивый, духоборец, духовник, дьяконство, евангельский, единосущный, елейный, жертва, жертвенник, жрец, заклинание, заутренний, зелейник, игуменство, идолослужение, идольский, иерейский, иерейство, инок, крестити, крещение, купель, молебный, молитва, монастырский, мученик, мясопуст, священник, старец, храм, святой дух, раб божий, крест целовати и т.д.

См., напр., отрывок из "Духовной грамоты Ивана Юрьевича": "Во имя святые живоначальные троицы отца и сына и святаго духа. Се яз раб божии Иван Юрьевич Грязной пишу сию духовную своим цѣлым умом и разумом...";

---

149 В.В.Данилов. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII в. - Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1955, т.XI.

См. и отрывок из "Духовного завещания Евфросинии Семеновны Кушелевой": "Во имя отца и сына и святаго духа. Се яз, раба божия инока Офросинья, пишю грамоту душовную своим целым умом, кому ми што дати или на ком што взяти...";

– В Московский период в официально-деловой письменности используются, как и в Киевский период, различные староболгарские единицы и словосочетания, относящиеся к светской сфере. По сравнению с Киевским периодом их состав и объем расширяется, захватывая разнообразные тематические группы, напр. бездна, благоухание, благолѣпие, божественный, бракъ, бытие, время, врагъ, вторникъ, величество, величати, верховный, вестникъ, виноградъ, влага, вещь, воздухъ, власть, вождь, возвышати, вопросъ, воспитание, восстание, востокъ, вселенная, всенародный, всемогущий, гражданинъ, гражданский, главный, гласити, грамматикъ, державный, деяние, достоинство, добродетель, достояние, единица, единовластный, естество, единогласие, жертвовати, жажда, животное, живущий, жительствовати, жребий, завещание, заблуждати, законодатель, законопреступный, запрещение, злодейство, злонравный, книжникъ, козни, коснети, крамольникъ, краткий, лихоимство, лицемерие, маститый, мощный, между, милосердный, миролюбный, миротворецъ, мнение, многосильный, нравъ, надежда, наследникъ, облакъ, область, общий, общество, ограждати, праздникъ, рабъ, разумъ, существо, царствие и т.д.

См., напр., отрывок из "Послания шведскому королю Иоанну III" Ив.Грозного: "Божественнаго (...) существа(...) милостью и властию и хотѣниемъ скифетродержателя Российскаго царствия, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси.(...) честныя нашия степени величества слово наше то Ягану, королю Свѣискому и Готцкому и Вендийскому...

А Вифлянские земли намъ не перестать доступать, докудова намъ еѣ богъ дасть. А лихорадство печалъ ты, какъ сѣлъ еси на государство. И пословъ нашихъ великихъ, боярина нашего и намѣсника смоленскаго Ив.М.Воронцова, да дворетцкаго нашего московского В.И.Наумова, да дьяка нашего Ив.Васильева сына Лапина, неповинно за посмѣхъ велѣлъ еси ограбити и безчествовати, в сднихъ сорочкахъ поставили".

См. также отрывок из переводного труда "Книга глаголаемая назиратель", представляющая собой своего рода энцикло-

педию по вопросам сельского хозяйства: "При воротѣх двора мощно есть уростити два дерева высокие, гдѣ бы люди могли себѣ в холодѣ отдыхати или почивати во времѧ жаркое. увидѣвши предреченные дѣла. мощно причь великого харчю плетневъ или рвовъ и перекопов дворецъ себѣ постановити..."

"...Обираи мѣсто такое, чтобы бы со всѣх сторонъ каменною горою окруженное. только с одное стороны приступъ для удобного восходѣ. и было бы сицевое мѣсто к непріятельском приступѣ добрѣ оборонно".

См. еще отрывок из "Космографии сирѣчь всемирное описание земель": "Куба островъ подъ властью короля Ишпанского богатъ есть золотомъ и мѣдью, иногда в рекахъ песокъ золотой показуется. Въ томъ острову объявляютъ сугубые дѣла чюдесные: первое чюдо есть ровное поле межъ двема горами и на двѣ либо на три мили Ишпанские, нарицаютъ сеѣ поле каменистое, того для что на томъ поле родятся ядра каменные столь многие, что многие корабли тѣми ядрами наполнити мочно и своимъ естествомъ столь круглые родятся".

См. и отрывок из "Лечебника от многих мудрецовъ о различныхъ врачевскихъ вещехъ": "О гвоздичном маслѣ. Аще того масла уканешь в воду капли двѣ или три - подаетъ благоухание рукамъ и благолѣпие лицу. То же масло, аще вольешь немного в горѣлое вино и пит на тщее сердце, и тѣм гортань вычищает и перси и голос тончит и нестравленную ѣству в желудке стравитъ, и желудковым болѣзнемъ помогаетъ"..

– Под воздействием староболгарских языковых традиций в великорусской (русской) официально-деловой письменности сохраняются некоторые старые формы склонения, спряжения и т.д., которые в народно-разговорном языке были подвергнуты изменениям, напр. съ щиты – съ щитами (твор.пад.ед.ч.), писалъ есмь – писалъ (перфект со связкой и без связки) и т.д. Используются и грамматические формы, характерные для церковнославянского языка, напр. великаго великого (в род.пад.ед.ч.), старыя – старые (в им.пад.мн.ч.), ея – еѣ (в род.пад.ед.ч.), придаточные предложения с -иже, -понеже, -аще и др. и с -который, -так как, -если и т.д. Подобные формы, как и разширение состава и объема староболгарских лексических единиц, обуславливает известное сближение двух типов (официально-де-

лового и историко-повествовательного) письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка.

См., напр., отрывок из "Послания шведскому королю Юхану III" Ив.Грозного: "А что прежния ваши жили по городомъ и по государьскимъ мѣстомъ, а не по мужитцкимъ деревнямъ, и кто будетъ роду вашего былъ, опричь отца твсего, и ты скажи именно, и которые короли были от которого роду. А что писалъ еси о Арцымагнусе королѣ, и мы то вѣдаемъ, что вы мужичей родъ, да родствомъ въгосударилися, а не по достоинству".

- В некоторых трудах, относящихся к великорусской (русской) официально-деловой письменности, наблюдается использование староболгарских языковых средств или чередование систем письменно-литературного выражения (великорусской и церковнославянской, староболгарской в своей языковой основе) в зависимости от содержания, от темы, сюжета, от предмета речи и от других подобных целевых установок.

Подобное чередование языковых средств или систем письменно-литературного выражения засвидетельствовано, напр., в "Домострое". См. языковой образец рекомендаций, связанных с бытом, с устройством хозяйства: "Столъ и блюда и ставцы и лошки и всѧкие суды и ковши и братены, воды сгрѣвъ из ѳтра перемыти и вытерьти и высушить, а после ѡбѣда такс же и вечере а ведра и ночвы и квашни и корыта и сита и решета и горшки и корчаги такс(ж) всегды вымыти, и выскрес(т)ъ, и вытертъ". См., с другой стороны, языковой образец рассуждений с воспитании: "Казни с(н)а своего ѡ(т) юности его и покоитъ тѧ на старость твою и не ѡслабля и биѧ м(лд)ца, аще бо жезломъ биеши его не оумретъ, но з(д)равие бѫдетъ... дщерь ли имаши положи на ни(х) грозѣ свою соблюдаеши ѧ ѡ(т) телесны(х) да не посрамиши лица своего".

Такая зависимость языковых средств от предмета речи засвидетельствована во многих других документах и трудах.См., напр., в "Послании польскому королю Стефану Баторию" Ив.Грозного: с одной стороны, "онъ отъ насъ отбежав, да и таис будучи, на нашу голову крымского подымал, и от того нас богъ сохранил, и ныне он подастраивает тебя..."; с другой стороны, "уповая на божью всещедрую милость, ждем и чаем от его все-

могущия десницы милость, и державу, и силу, и побѣду приати на вся видимыя и невидимыя враги своя. Яко же господь возхощет, тако свое достояние искру благочестия истиннаго христианства в Российском царстве сохранитъ".

В некоторых документах и трудах привлечение языковых средств обусловлено не только предметом речи, но даже и социальным положением адресатов. Ярким примером являются послания Ив.Грозного.

В послании, которое Ив.Грозный посылает монахам Кирилло-Белозерского монастыря, использован язык религии в зависимости от адресата (это монахи), от употребления цитат из богослужебной литературы. См. отрывок из "Послания в Кирилло-Белозерский монастырь" Ив.Грозного: "Азъ братъ вашъ недостоинъ есми нарещися, но, по еуангельскому словеси, сотворите ми яко единаго от наемникъ своихъ, тѣмже припадия частныхъ ногъ вашихъ стопамъ и милъ ся дѣя, - бога ради престаните от такового начинания. Писано бо есть: "Свѣтъ инокомъ - ангели, свѣтъ же миряномъ - иноки". Иноческое подобаетъ вамъ, нашимъ государемъ, и насъ, заблуждьшихъ во тмѣ гордости и сѣни смертнѣ, прелести тщеславия и лакомсердия просвѣщати".

Послание Ив.Грозного английской королеве Елизавете I, которое отличается своим деловым светским характером, написано на русском языке. См.: "И коли уж такъ, и мы тѣ дѣла оставим на сторону. А мужики торговые, которые оставили наши государские головы, и нашу государскую честь и нашимъ землямъ прибытокъ, а смотрят своих торговых дѣлъ, и они посмотрят, как учнут торговати! А московское государьство покамѣстъ без английских товаров не скудно было".

- К XVII в. в некоторых документах и трудах делового характера староболгарские языковые средства начинают использоваться в целях достижения комического эффекта, иронии, сатиры, пародии. Подобная экспрессивность достигается в результате несоответствия между традиционными языковыми средствами священного языка религии и предметом речи, а также отрицательного отношения к изображаемому.

См., напр., в "Колязинской челобитной", в которой в виде прошения, составленного монахами-пьяницами Калязинского

монастыря, раскрывается разложение монастырского быта: "Жалоба, государь, нам, богомольцам твоим, того же Колязина монастыря, на архимарита Гавриила. Живет он, архимарит, не гораздо, забыл страх божий и иноческое сбещание и досаждает нам, богомольцам твоим... И мы, богомольцы твои, архимариту говорили и добра доводили, и к пиву приводили и часту ему говорили: будет, архимарит, хочешь у нас в Колязине подоле побыть и с нами, крыловшаны, в ссвете пожить, и себе большую честь получить, и ты б почаще пива варил да святую братию почаще поил, пореже бы в церковь ходил, а нас бы не томил... И он, архимарит, монашескому житию не навычен, крыловское правило и всенощное пиво ни во что вменяет, за то нас, не смысля, крепко смиряет".

Итак, в Московский период деловой тип письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка расширяет свои функции, сферы употребления и жанровую систему. Он получает общегосударственное применение, подвергается дальнейшей обработке и нормализации. В этот период староболгарские языковые традиции находят более углубленное выражение. Расширяется состав и объем староболгарских языковых средств в официально-деловой письменности. Разнообразнее становятся приемы их употребления. Все это приводит к постепенному сближению делового типа с другими системами письменно-литературного выражения.

б) Историко-повествовательный тип письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка.

Разграничение историко-повествовательного (или народно-литературного) типа письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка основывается на существовании светской великорусской (русской) исторической, историко-повествовательной, повествовательной и т.п. в московский период, которая отличается характерными для нее языковыми чертами, жанровой системой и функциями.

В научной литературе нет единства по вопросу о выделении и терминологическом обозначении этого типа (вида, варианта, стиля) письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка, как указывалось.

В.В.Виноградов, рассматривая проблемы периодизации народно-литературного (или еще, по его терминологии, народно-культурного, народно-обработанного) типа русского языка до XVIII в., отмечает, что хотя и его периодизация "сближается с периодизацией книжно-славянского типа в своих начальных истоках и в конечном этапе преобразования в связи с возникновением и развитием трех стилей русского литературного языка, но оказывается более расчлененной и сложной"[150].

Д.С.Лихачев пишет, что в одной из своих разновидностей письменный литературный русский язык "трансформировал и переносил в письменность язык устной народной поэзии, обладавшей особой стилистической функцией и владевший своими поэтическими формулами и поэтической лексикой"... "Эта разновидность русского литературного языка не имела "сплошного" развития от XI до XVII в. включительно"[151].

Ф.П.Филин изучает дальнейшее развитие типа древнерусского литературного языка, по его определению, представленного в повествовательной литературе (в произведениях разных жанров), и обращает внимание на расцвет русского летописания в XV-XVII вв., на появление бытовой повести, пародийно-сатирических сочинений, записей русского фольклора, исторических песен и т.д.[152]

Г.О.Винокур, как упоминалось, считает, что в эпоху расцвета Московского государства в литературно-письменной речи вычленяются два стиля, по его терминологии, церковно-книжный и деловой. В результате того, что "прежние границы церковно-книжного и литературного стилей становятся неотчетливыми"..." в показанной стилистической системе недостает среднего члена, то есть такого стиля письменной речи, который

---

150 В.В.Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, с. 150.

151 Д.С.Лихачев. "Поэтика древнерусской литературы", с. 85.

152 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка, с. 281-283.

представлял бы собой результат скрещивания двух" указанных[153].

Б.А.Успенский указывает на то, как отмечалось, что "в Московской Руси функционирует один литературный язык (церковнославянский язык великорусской редакции)"[154]. По мнению автора, "книжный церковнославянский язык в этот период коррелирует с русским некнижным языком. "Культура формирует свой антипод, свое зеркальное отображение: русский язык оформляется в языковом сознании как нечто противоположное языку церковнославянскому"[155].

В данной работе воспринимается наличие как письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка наряду с его народно-разговорной, необработанной разновидностью, (формой), так и расчленение, расслоение в составе этой письменно-литературной разновидности, в которой выделяются типы (или виды, варианты, стили, разновидности, по другой терминологии): деловой и историко-повествовательный .

Историко-повествовательный тип письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка выделяется, подчеркнем снова, на основе наличия определенных видов и жанров великорусской литературы, в которой он представлен, характерных для него функций и лингвистических черт.

В Московской Руси интенсивно развивается повествовательная литература, которая получает особый расцвет в XVII в. Можно указать на такие повествовательные сочинения, как "Задонщина", "Сказание о Довмонте", "Повесть о битве на реке Воже", "Сказание о битве новгородцев с суздальцами", "Повесть об ослеплении Василия II", "Повесть о посаднике Добрыне", "Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород", "По-

---

153 Г.О.Винокур. История русского литературного языка, с. 63, 64, 67.

154 Б.А.Успенский. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка, с. 65.

155 Там же, с. 64.

весть о стоянии на Угре", "Сказание о Псковском взятии", "Сказание о Магамете и Салтане" Ив.Пересветова, "Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков", "Повесть о Еруслане Лазаревиче", "Повесть о Горе и Злочастии", "Повесть о Шемякином суде", "Повесть о Ерше Ершовиче", "Повесть о Фроле Скобееве", "Повесть о Фоме и Ереме", "Сказание о крестьянском сыне", "Сказание о попе Саве" и др.

В Московский период получает расцвет и летописание, напр. Троицкая летопись, Летописец Еллинский и Римский, Софийская I летопись, Никоновская летопись, Московский свод 1479 г., Севернорусский летописный свод 1472 г., Львовская летопись, Ермолинская летопись, Летописная повесть о Куликовской битве и т.д.

В этот период расширяется жанровая система светской литературы. Появляются хождения (в смысле путешествий) светских людей, напр. "Хождение за три моря" Афанасия Никитина, "Хождение" Стефана Новгородца, "Хождение по святым местам Востока" купца Василия Познякова, "Хождение на Восток" Ф.А. Котова и др. Распространение получают оригинальные и переводные публицистические сочинения, новеллы, переводной рыцарский роман и авантюрная повесть и другие жанры, напр. "Рукописание Магнуша", "О причинах гибели царств", "История семи мудрецов", "Повесть о Бове королевиче", "Повесть о Петре Златых Ключей", "Азбука о голом и небогатом человеке" и пр.

Несмотря на утверждения некоторых авторов, что в Московский период историко-повествовательный (или народно-литературный) тип письменно-литературной разновидности больше не выделяется, а также на соображения других авторов, что подобной системы письменно-литературного выражения нет, анализ языка указанных сочинений показывает, что в них находят выражение и отражение языковые нормы историко-повествовательного типа письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка, что в этом типе сохраняются и развиваются традиции Киевского периода.

Историко-повествовательный тип, как и в Киевский период, остается сравнительно открытой системой выражения, которая допускает свободное использование русских народно-раз-

говорных, народно-поэтических, праславянских, староболгарских, польских и других языковых средств. Его языковая основа в целом остается великорусской (русской), отличающейся не только языковыми признаками, отмеченными и в Киевский период, напр. слова с полногласием, с -ч, -ж, с начальными -о, -я, -ро, -ло, с окончаниями -ого и т.д., но и рядом новых черт, свойственных живому народному великорусскому (русскому) языку, напр. изменения -ъ и -ь после плавным -р, -л, распространение окончаний -ы (в им.пад.мн.ч.), -ам (в дат.пад.мн.ч.), -ами (в твор.пад. мн.ч.), -ах (в местн.пад.мн.ч.), форм разрушенного перфекта (типа читал), форм -ть и -чь инфинитивов, формы -шь (во 2-ом лице ед.ч.) глаголов и т.д. Большое место занимает и в этот период конкретно-бытовая лексика, реалии, этнонимы, антропонимы, топонимы и др., выражающие особенности конкретной действительности, жизни великорусской (русской) народности. Во многих сочинениях употребляются художественно-выразительные средства народного творчества.

См., напр., отрывки из "Задонщины": "На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской, трубы трубят на Коломнѣ, бубны бьют в Серпухове, стоят стязи у Дону великого"; "О соловей лѣтняя птица, что бы ты, соловей, выщекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его"; "Сѣдлай, брате Андрѣй, свои борзи комони, а мои готови - напереди твоих осѣдлани. Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полков, колько, брате, с нами храбрые литвы"; "И в то время по Рязанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличют, но толко часто вороны грают"; "а пути им сведоми, а перевозы им изготовлены, но еще хотят сильно голови свои псложить за землю Рускую".

См. и отрывки из "Севернорусского летописного свода 1472 года": "Князь велик прииди от царевича ис полону на Дмитриевъ день в Переяславлѣ, и прииде на Москву. И сдумавше князь Дмитрей Шемяка да князь Иван Андреевич Можайски, а с ними кормолил с Москвы Иван Старков, да и от гостей и от троицьских черньцев, и пришли к Москве изгоном"; "Князь Василей Юрьевичь псиде изъ Дмитрова опять на Кострому, а к великому князю розметные послалъ, и владыку ростовскаго, идучи, пограбилъ, и

живе на Костромѣ до пути, и поиде къ Галичю, а из Галича на Устюг, а вятчане с нимъ. И стоя подъ городомъ 9 недѣль, и городъ взялъ, а князя великого воеводу Глѣба Ивановича убилъ Оболенъского".

См. еще отрывки из переводной "Повести о Бове Королевиче": "Бова ударил дворецкого копием глухим концом, и дворецкий пал на землю мертв и лежал три часа, одва востал. И Бова поехал на дело ратное и смертное. И скочил Бова впрям через городскую стену. И увидел славный богатырь Лукопер, что выскочил из Орманскаго царства храбрый витязь через городскую стену, и стали на поле съезжатся два сильные богатыря"; "Дружневна, уклонясь, вскрала из рукава усыпающего зелья и поднесла королю Маркобруну. И короля Дружневна была в любви, и велел ей наперед пить. И Дружневна почела перед ним уничижатца: "Государь мой корель Маркобрун, не доведетца мне, девке страднице, прежь тебя пити, выпей, государь, тот кубок ты, и яз по другой пошлю". И король Маркобрун выпил кубак меду и уклонился спать".

Отрывки из светской историко-повествовательной оригинальной и переводной великорусской (русской) литературы ясно свидетельствуют о том, что языковые традиции Киевского периода сохраняются и развиваются, что обрыва этих традиций нет в московский период, хотя происходят различные изменения.

Историко-повествовательный тип письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка выполняет информативную и эстетическую функции, удовлетворяя в известной степени культурные потребности великорусской (русской) народности.

Изучение традиции староболгарского литературного языка (древнеболгарского периода X-XI вв. и среднеболгарского периода XII-XV в.) показывает их разнообразные реализации в московский период.

- Обширный слой староболгарских языковых средств (т.е. древнеболгарских и среднеболгарских), напр. лексические единицы, устойчивые словосочетания, словообразовательные типы с префиксами -пре, -из, -въз (вз, вс), -раз (рс), причастные формы с суффиксами -ущ, -ющ, -аш, -ящ и т.д., получают широкое распространение и становятся общеупотребительными. См.: алчный, адский, багряница, безверие, безгласный, беззаконникъ, бесплодный, благовестить, благословенный, благодарный, благодушие, благо-

словение, благодать, благородие, благотворить, благоуханный, блаженный, Богородица, богомили, болезнь, братоубийца, бремя, бракъ, будущий, бытие, буква, варварский, ваяние, великодушие, великолепие, величать, величие, владыка, власть, вертепъ, вечерня, вещать, вещь, вещество, виноградъ, влага, вкусъ,вкушать, влагать, влагалище, владычество, владеть, властелинъ, внешний, внушать, вовлекать, вождь, возбуждать, всзвещать,возвращать, возвышение, возгласъ, воздержание, всздухъ, воздушный, всззрение, возлагать, возмужать, возмущение, возникать, возражать, возрастъ, волшебный, волхвъ, вообразить, воплощать, воскресение, воспитать, воспоминание, время, восстать, востокъ, грядущий, дерзость, достижение, достояние, дьяконство, евангельский, единица, единство, елейный, еретичество, ехидный, жезл, желание, жертва, жертвенникъ, жрецъ, жребий, завещать, заблуждение, здание, златоустъ, избавлять, известие, извлекать, изгонять, издание, изменять, измена, праздновать, предатель, пленить, прегрешить, преклонение, помощь, прекращать, прелесть, прельщать, премудрый, преподобный, преставиться, преступление, престолъ, рабъ, разумъ, сущий, страна, существо, храбрый,храмъ и т.д.

В этот период состав и объем староболгарских языковых средств возрастает. Это связано с широким распространением новых переводов богослужебной и другой христианской литературы, с исправлением старых, с проникновением новых сочинений авторов среднеболгарского периода.

См., напр., отрывки из "Повести об ослеплении Василия II": "В самую же литургию пригонил к великому князю в недѣлю о блуднѣмъ, Бунком зовуть, повѣдая ему, што идуть на него князь Дмитрей Шемяка да князь Иванъ Можайский ратью. И не ять ему вѣры, понеже бо тотъ Бунко за мала того преже отъехал к князю Дмитрею, и рече: "Си смущають нас. И яз съ своею братьею въ крестномъ целованьи. То какъ можеть быти такъ?" "Князь же велики поставль икону на мѣсто свое и пад ниць у гроба чюдотворцева Сергьева, слезами обливаяся и велми възыхая и кричаньем моля, захлипаяся, яко удивитися всѣм сущимъ ту, и слезы испусти злодѣемь тѣмъ противным".

См. и отрывки из переводного политического трактата "О причинах гибели царств": "Тако же и всякому начальнику подобает

беречись от гневу, потому что гневъ затмѣвает чесные дела. Пищут мудрецы о Александру царю македонском, акоже много образцовъ показовал непобѣженого сердца своего, но что он иногда скорый был до гневу и для ради того всѣ своь дѣла чесные и великие затмѣвал: убилъ неповинного старого приятеля своего"; "Здумалъ хитростью и насильством доступить того, которое дѣло было с великою жалостью отца тоѣ девицы ее, таково же и всего миру".

См. еще отрывки из "Повести об Азовском осадном сидении донских казаков": "И почал нам говорить голова их яныческой словом царя своего турскаго и от четырех пашей его: "О люди божии, царя небесного! Никем вы в пустынях водими или посылаеми, яко орли парящие без страха по воздуху летаете и яко лви свирепыи в пустынях рыстаете, казачество донское и волное и свирепое"..."; "чтобы умереть не в ямах и по смерти б учинить на Руси слава вечная, взяли мы иконы чудотворныя, предтечину, да Николину, да пошли с ними противу бусурманов на выласку. И милостию божиею, и молитвою пречистыя богородицы, и заступлением небесных сил, и помощию их угодников предтечи Иоанна и Николы чудотворца, на выласке явно бусурманов побили".

– Староболгарскими книжными традициями обусловлено сохранение в историко-повествовательном типе ряда падежных форм имен существительных, местоимений, прилагательных, числительных, различных форм глаголов, конструкции и т.д., которые в народно-разговорном великорусском (русском) языке были подвергнуты изменениям, указанным раньше, напр. формы звательного падежа (типа жено, княже), им.пад.мн.ч. (типа городи, столи), дат. пад.мн.ч. (типа сторожем, полком), вин.пад.ед.ч. (типа мя), формы инфинитива (типа узнати), формы аориста, перфекта, имперфекта, плюсквамперфекта (типа написа, читалъ есмь) и т.д. Распространение получают и грамматические формы, характерные для языка религии, напр. род.пад.ед.ч. (типа великаго), им.пад.мн.ч. (типа добрыя) и др. Это свидетельствует о том, что книжники эпохи Средневековья и в светской литературе учитывали языковые традиции богослужебной христианской письменности, стремились приблизить язык своих сочинений к ее престижным языковым нормам.

См., напр., отрывки из "Летописной повести о Куликовской битве": "Князь же великый прииде к рѣць к Дону за два дни

до Рождества святыа богородица. И тогда приспѣ грамота от преподобнаго игумена Сергиа, от святаго старца, благословенаа; в ней же писано благословение его таково, веля ему битися с татары: "Что бы еси, господине, тако и пошолъ, а поможет ти богъ и святаа богородица"; "Заутра же в суботу порану, месяца сентебря 8 день, в самый праздникъ Госпожинъ, всходящу солнцу, и бысть тма велика по всей земли, и мгляно было бяше того утра до третиаго часа. И повелѣ господь тмѣ уступити, а свѣту пришествие дарова. Князь же великый исполчи полки своа велиции".

См. и отрывки из "Хождения" Стефана Новгородца: "А оттоле идохом къ святому Димитрию, ту лежит тѣло святаго царя Ласкариасафа, тако бо бѣ имя его, и цѣловахомъ"; "Ту же множество людей лежить больных на одрѣх, различными недуги одръжими, приимають исцѣления".

См. также отрывки из "Повести о Шемякином суде": "Брат же ему не хотяше дати ему лошеди и глагола ему: "Много ти, брате, ссужал, а наполнити не мог". И егда даде ему лошадь, он же вземь нача у него хомута просити"; "Выслушав же Шемяка челобитную, глаголя убогому: "Отвещаи". Убогии же, не веды, что глаголати, вынял из шапки тот заверчены камень, показа судии и поклонися".

– Распространение получают и определенный слой староболгарских лексических единиц и устойчивых сочетаний, у которых были общеупотребительные русские эквиваленты. Это в основном часто употребительные лексемы, которые воспринимаются как средства, характерные для священного языка религии, напр. азъ, азъ есмь, азъ грѣшныи, аки, аще, брегъ, брань, врата, вельми, адовы врата, врата градские, градъ, царствующий градъ, написано въ градь, славный градъ, глава, главу положить, глаголати, гласъ, гласъ божии, древо, честное древо, драгий, дщерь, егда, забрало, змий, лукавый змий, злато, злато-сребро, иже, иже с ними, кладезь, младый, нощь, нареченный, обаче, позлатить, паки, понеже, рещи, свьща, сице, тысяща, убо, хощу, чрево, чресла, юдоль и т.д.

См., напр., отрывки из "Хождения на Флорентийский собор": "И видѣхом град велми чюденъ, и поля бяху, и горы невеликы, и садове красны, и полати велми чюдны, позлащены врьхы"; "От славнаго града Любка моремь тысяща верстъ, а брегом полторы

тысящи"; "Той убо град величеством подобен есть Любку. И среди града того суть столпы устроены, в мьди позлащены".

См. и отрывки из "Хронографа 1617 года": "Во граде убо Путимлѣ и во всѣи землѣ Черниговския страны инъ нѣкто прелукавый змий возста имянемъ Петрушка, козаческой товарищъ, родом звенигородецъ"; "Собравъ убо от народа многая сокровища сребра, и одари люди ратныя оброки довольными. И сице собра полкы многия и военачалника изкусна во бранехъ".

См. еще отрывки из "Повести о Бове королевиче": "И от Бовина гласу на море волны востали и кораблъ потресеся. Гости корабельщики дивяшеся, что детище млада кричит громким гласом"; "Слыхал аз у старых людей: который государь добраго холопа купит"; "И прекрасная королевна Дружневна ухватила Бовину ногу и примала Бову за буйную главу и целовала его во уста".

– В историко-повествовательном типе и в московский период староболгарские варианты (типа агнецъ, езеро, хладъ) и дублеты (типа выя, ланита, понеже) активно используются как стилистически маркированные единицы и служат средством художественной выразительности (в качестве стилистически выразительных эпитетов, сравнений, метафор и т.д.),напр. агнецъ,азъ, бразда, браздить, блато, вертоградъ, вежды, вранъ, влачити, власы, горний, гласить, глаголъ, днесь, длань, десница, златить, златый, исходить, куща, мразъ, прагъ, перси, славий, сребрить, слана, царствие и т.д.

См., напр., употребление указанных средств в "Задонщине": "А уже соколи и кречати, белозерские ястреби рвахуся от златых колодицъ"; "Уже, брате, лѣтѣти главе твоей на траву ковыль"; "трава кровию прслита бысть, а древеса тугою к земли приклонишася"; "Марья рано плакаша у Москвы града на забралах, а Ркучи тако"; "Уже поганые оружия свои повергоша, а главы свои подклониша под мечи руские. И трубы не трубят, и уныша гласи их"; "Простите мя, братия, и благословите в сем вѣце и в будушем. И пойдем, брате, князь Владимер Андрѣевичь, во свою Залескую землю к славному граду Москве".

См. примеры и в "Повести об азовском осадном сидении донских казаков": "О люди божии, царя небесного! Никем вы пустынях водими или посылаеми, яко орли парящие без страху по всздуху летаете... Как от века не наполните своего чрева гладнова?

Кому приносите такие обиды великие и страшные грубости? Наступили есте вы на такую великую десницу высокую"; "Питаемся мы, аки птицы небесныя: ни сеем, ни орем, ни в житницы збираем. Так пытаемся подле моря Черное. А злато и сребро емлем у вас за морем -- то вам самим ведомо!".

– Стилистически маркированные староболгарские языковые средства используются многими авторами в целях создания экспрессии приподнятости, торжественности, эмоциональной выразительности.

См., напр., в "Задонщине": "Оле жаворонок, лѣтняя птица, красных дней утѣха, возлѣти под синие облаки, посмотри к сильному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю"; "Уже бо, братие, возвеяша сильнии вѣтри на устъ Дону и Непра, прилелѣяша великиа тучи на Рускую землю, из них выступают кровавые зори, а в них трепещут синие молнии".

См. также в "Летописной повести о Куликовской битве": "Приспѣ, братие, время брани нашея, и прииде праздникъ царици Марии, матере божии богородици и всѣх небесных чинов, и госпожи всея вселеныа и честнаго еа Рожества. Аще оживемъ – господевы есмы, аще умремъ за миръ сей – господеви есмы!" "Да како азъ възглаголю – братия моа, потягнем вси вкупѣ съ одного, а самъ лице свое почну крыти и хоронитися назад? Не могу в томъ быти, но хощу яко же словомъ, такоже и дѣлом напереди всѣх и пред всѣми главу свою положити за свою братию и за вся христианы".

См. и в "Повести об Азовском осадном сидении донских казаков": "Несть ему никова ровна или подобна величеством и силами на свете! Единому лице повинен он богу небесному и един лише он верен страж гроба божия, по воли ж божии: избра его бог на света едина от всех царей. Промышляйте себе в нощь сию животом своим, не умрите от руки царя турсково смертью лютою".

– Использование староболгарских языковых средств обусловлено и другими целевыми установками, напр. в случаях цитирования евангельских, библейских и других христианских текстов, в стрывках из молитв, в обращениях к богу и вообще к священным лицам, к царям и князям, при описании церковного быта, при воспроизведении речи священнослужителей и т.д.

См., напр., в "Хождении" Стефана Новгородца: "Ту есть монастырь женскы в имя ея, при мори. Есть же чюдно велми: в всякую среду и пяток, аки праздникъ, множьство мужей и женъ подаваютъ свѣща и масло и милостыню".

См. в "Повести о стоянии на Угре": "Воздай же им, господи, по дѣлом и по лукавству начинания, по дѣлом рук их, дай же им. Быша бо их жены тамо, возлюбиша бо паче жены, нѣже православную християнскую вѣру и святыя церкви, в них же просвѣтишася и породившеся банею святаго крещения, согласившеся предати християнство".

См. и в "Летописной повести о Куликовской битве": "Князь же Дмитрей... иде къ соборной церкви матери божии Богородици, и пролья слезы, и рече: "Господи, ты всемогий, всесильный и крѣпкий въ бранех, въистину еси царь славы, сътворивый небо и землю, помилуй ны пресвятыа матере молитвами, не остави нас, егда унываемъ!... О многоименитаа дево, госпоже, царице небесных чинов, госпоже присно всеа вселенныа и всего живота человеческаго кормителнице! И въздвигни, госпоже, руцѣ свои пречистаа".

См. еще в "Московской повести о походе Ивана III на Новгород": "Тако же и митрополит Филип посылаше к ним, наказающе их, яко отец, чада своя, по господню словеси, еже рече въ Еуагельи: "Аще съгрѣшит к тебѣ братъ твой, шедъ обличи его предъ собою и тѣм единемъ".

– Чередование великорусских (русских) и других языковых средств со староболгарскими в зависимости от темы, от предмета речи, от содержания, от характера изображаемого, от различных целевых установок, экспрессий и т.д. дает великорусским (русским) авторам возможность создавать разнообразную сложную языковую мозаику. В одном и том же произведении в Московский период многократно меняется манера выражения, осуществляются почти незаметные переходы от одного языка к другому. Все это – естественный результат того, что книжники являются билингвами, что многие из них придерживаются к правилам литературного этикета.

См., напр., отрывки из "Повести об ослеплении Василия II": "Князь же велики внутрь церкви услыша князя Ивана глаголюща и воспи велми, глаголя: "Брате, помилуй мя, не лишити мя зрити образа божиа и пречистыя матери его, и всѣх святыхъ его! А не изиду из монастыря сего и власи главы своея урѣжу зде". В

данном отрывке выбор языковых староболгарских средств определен обращением действующего лица к богу, Богородице и его святых. "А тѣ сторожи сказаша князю Ивану, что есть сторожи за Радонѣжемъ на горѣ. Он же повелѣ сани. многы изрядити, как возы с рогозинами, а ини с польстьми, а в нихъ по два человѣка в доспѣсѣ, а третий послѣ идеть, как бы за возом". В этом отрывке выбор русских (праславянских, восточнославянских, великорусских) языковых средств обусловлен предметом речи, изображением конкретной действительности, случая.

В некоторых повествовательных, исторических и других сочинениях, в которых предмет речи не связан с религиозной христианской тематикой, авторы остаются в рамках великорусского (русского) языка в его письменно-литературной разновидности, привлекая староболгарские языковые средства эпизодически. См., напр., отрывок из "Хождения за три моря" Афанасия Никитина: "И тут есть Индийская страна, а люди ходят всь наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а всѣ ходят брюхаты, а дѣти родятся на всякый год".

См. и отрывок из "Повести о Фроле Скобееве": "И потом Фрол Скобеев пожелал иттить до нужника, и был он тут один, а мамка стояля в сенях со свечею; и как вышел Фрол Скобеев, и стал говорить мамке: "ах, моя свет - матушка! много наших сестер здесь"..."

В московский период ряд авторов пишут свои исторические, повествовательные и другие сочинения на церковнославянском языке (в его великорусской, русской разновидности). Это определяется не только предметом речи, различными целевыми установками, но и престижным положением языка официальной христианской религии в общественной жизни великорусской народности.

См., напр., отрывок из "Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году":"В 20 же первый день маиа, грѣх ради наших, бысть знамение страшно в градѣ; нощи убо против пятка освѣтися град всь, и видѣвше стражи тѣчаху видѣти бывшее, чаяху бо - турцы зажгоша градъ; и вскликаше велием гласом. Собравшим же ся людьм мнозем, видѣвша у великие церкви Премудрости божиа у вьрха из вокон пламеню огнѣну".

См. и отрывок из "Временника" Ивана Тимофеева: "И яже злоба о Борисе извещана бѣ, должно есть и благодеяний его и

мирови не утаити и в среду глаголемых совнести, аше та и притворна имъ к людем бяху по всему. Елика убо злотворная его подробно написати подщахомся, сице и добротворивая о нем исповѣдати не обленимся".

Но языковые средства языка христианской религии оказываются в известной степени недостаточными, когда появляется необходимость в выражении событий, явлений, предметов светской конкретной действительности великорусского (русского) народа. Тогда авторы привлекают русские реалии, этнонимы, топонимы, антропонимы, специфические наименования, обороты, термины.

– Староболгарские языковые традиции в рассматриваемый период не только сохраняются, но и творчески развиваются и обогащаются русскими книжниками.

В некоторых жанрах русской светской литературы, прежде всего в сатирической, (особенно в XVII в.) староболгарские языковые средства начинают использоваться в целях достижения юмористического эффекта, комизма, иронии, сарказма в тех или иных ситуациях. По этому поводу В.В.Виноградов пишет, что "высокая литературная речь перестает быть безусловным предметом почтительного восхищения"[156]

В "Сказании о крестьянском сыне", напр., староболгарские языковые средства используются в определенной двупланности. С одной стороны, они служат средством речевой характеристики героя повести – вора, который учился, но не доучился церковнославянской грамоте. С другой стороны, они используются в целях создания юмора и пародии, обусловленной несоответствием между бытовой ситуацией (описание грабежа, воровства) и высокостильными языковыми средствами (лексическими единицами, устойчивыми сочетаниями, цитатами из богослужебных книг). См.: "И почал тать в клеть спускатся по веревке, а сам рече: "Сниде царь Соломон во ад и сниде Иона во чрево китово, а я в клеть крестьянскую"; "Нашел у крестьянские жены убрус и учал опоясыватся, а сам рече: "Препоясыватся Исус лентием, а я крестьянские жены убрусом"; "И нашел на блюде калачь да рыбу и учал ясти, а сам рече:

---

156 В.В.Виноградов. Вопросы образования русского национального литературного языка, с. 189.

"Тело Христово приимите, источника безсмертнаго вкусите"; "И увидел на крестьянине новую шубу и он снял, да на себя болокался, а сам рече: "Одеяся светом, яко ризою, а я одеваюся крестьянскою новою шубою"; "И крестьян... взял березовой ослоп и ударил татя в лоп. И он, тать, рече: "Окропиши мя иссопом и очищуся, и паче снега убелюся"; "И тать клеть отворил и возгласил товарищам своим: "Обременении, покою вас! А что я зделал, собрал, и вы пособите мне вынести вон"...

Многоплановое использование староболгарских языковых средств наблюдается в "Сказании о куре и лисице", в которой дается диалог между героями (попом - исподником, скрытым за сказочным образом лисицы, и грешником, представленном в сказочном образе кура). Авторская речь ограничена отдельными связывающими репликами и описаниями. Языковые средства, характерные для языка церковно-богослужебной литературы, чередуются средствами, свойственными для русского народно-разговорного языка, в зависимости от предмета речи, от речевой характеристики и других целевых установок. В результате несоответствия между языковыми средствами (цитатами из богослужебных и богословских книг, ссылками на евангельские притчи, на библейские рассказы и т.д.) и намерениями, внутренними мотивами героев возникает комическая, ироническая тональность, сказание превращается в гротеск. См.: "И рече куру лисица: "Чадо мое милое, громогласны кур! Вознеслся еси на прекрасное древо, красота твоя неизреченная, глас твой на небеси, а косы твои до земли... И аще народ услышит глас твой, не могут изглаголати доброты и смирения твоего. Сам ты, чадо милое, чтешь притчу о мытаре и фарисеи: пришед з гордостию на покаяние, и спасения не получить, но и паче погрешить. Тако и ты осужден будеши". Манера выражения, язык попа - исповедника в образе лисицы меняется, когда маска благочестия сбрасывается и раскрывается истинное намерение: "И рекла куру лисица: "Не сули ты мне журавля в небе, токмо дай синицу в руки. Не сули мне в год, сули в рот. А ты у меня и сам в руках, не дарого мне твое красное перья и твои лестныя слова. А я теперь сама галадна, хочу я тебя скушать"...".

В "Сказании о попе Саве" автор пародирует церковные прославления-акафисты и каноны, в которых каждый стих - от-

рока начинается обязательным "Радуйся", а вслед за ним перечисляются заслуги прославляемого. В данном случае церковное прославление является пародией, потому что после возгласа "Радуйся" перечисляются не заслуги, а следует изобличение персонажа. См.: "Радуйся, шелной Сава, другной поп Саво,/Радуйся, что у тебя бараденка выросла, а ума не вынесла!/ Радуйся, вшивая глава, дурной поп Сава./ Радуйся долги поп и яко боярски холоп./ Радуйся, с добрыми людми побронялся, а в хлебне сидя веселяся./ Радуйся, пив вотку, а ныне и воды в честь./ Радуйся, Сава глупой, и всей глупости твоей слава..."

Итак, приведенные факты свидетельствуют о том, что и в Московский период историко-повествовательный тип письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка продолжает играть определенную роль в литературно-языковом развитии.

Староболгарские языковые традиции устойчиво сохраняются и обогащаются русскими авторами. Староболгарские языковые средства продолжают использоваться как один из источников расширения лексических, фразеологических, грамматических, словообразовательных и стилистических ресурсов. Особенно усиливается стилистическая роль этих средств, которые начинают умело использоваться в целях достижения приподнятой тональности, комического эффекта, в целях создания речевой характеристики, при цитировании молитв, богослужебных книг и т.д. Все больше углубляется зависимость использования этих средств от предмета речи, от содержания, от характера изображаемого, от отношения к нему.

Историко-повествовательный тип является важным источником стилистического многообразия в использовании рассматриваемых средств, которое становится так актуальным в русской литературной речи XVIII, XIX и даже XX вв.

2. Церковнославянский литературный язык (русская редакция староболгарского литературного языка и ее русская разновидность) в Московской Руси и староболгарские языковые традиции.

Традиции древнеболгарского литературного языка (в его древнерусской редакции и ее древнерусской разновидности) в Московской Руси в общем сохраняются, в отдельных аспектах изменяются, расширяются и обогащаются. В эту эпоху языковые традиции связываются с более широким охватом явлений древнеболгарского и среднеболгарского периода, поэтому используем термин "староболгарский литературный язык" как обобщенное наименование литературного языка древнеболгарского периода (IX–XI вв.) и среднеболгарского периода (XII–XV вв.).

На сохранение и развитие традиций староболгарского литературного языка в Московский период воздействие оказывают следующие важные факторы: процессы, связанные со вторым южнославянским влиянием, и тенденции развития идеологической, литературной, культурной жизни великорусской (русской) народности.

Одним из основных факторов дальнейшего развития староболгарских традиций оказывается т.н. второе южнославянское влияние и связанные с ним процессы. Второе южнославянское влияние представляет собой, как известно, комплекс общественно-политических, идеологических, культурных, литературных, искусствоведческих и лингвистических явлений (см. Д.С.Лихачев, 1960; Р.Павлова, 1979; А.И.Соболевский, 1980; И.Талев, 1973; Ф.П.Филин, 1981 и др.). Из всего состава проблем здесь отобраны только несколько, которые относятся к отдельным историко-культурным, лингвистическим, литературно-стилистическим аспектам.

Для южнославянской (главным образом болгарской и частично сербской) литературы XIV век – время большого оживления и подъема. Старые переводы с греческого подвергаются пересмотру и исправлению на основании сличения с оригиналами. Это тексты из священного писания, из святоотеческих творений, из житий святых и хронографов. Вместе с тем появляются и многие новые переводы различных произведений греческой литературы: богослужебные, песнопения, сочинения святых отцов, светские повести.

Распространяются и оригинальные труды южнославянских авторов, главным образом жития.

К перенесенным в Россию переводным и оригинальным сочинениям относятся не только новые редакции переводов Четвероевангелия, Псалтыри, Песни Песней, Апостола, гимнографической литературы, служебных миней, Слов Григория Богослова, Пандектов Никона Черногорца, Лествицы Иоанна Лествичника, Синайского патерика, Жития Антония Великого, Слова Мефодия Патарского и др., но и впервые переведенные сочинения Василия Великого, Исаака Сирина, Григория Синаита, Григория Паламы, Иоанна Златоуста и т.д., а также некоторые оригинальные жития, похвальные слова и послания. В результате распространения этих переводных и оригинальных сочинений "русская литература оказалась увеличившейся почти вдвое и что вновь полученные ею литературные богатства, отличаясь разнообразием, удовлетворяли всевозможным потребностям и вкусам и давали обильный материал русским авторам"[157].

С южнославянским влиянием (особенно болгарским) связаны различные изменения в орнаменте рукописей, графики, орфографии и особенно языка богослужебной, богословской и другой христианской литературы в России в XV в.

В Болгарии книжная реформа (реформа принципов переводов с греческого языка, реформа графики, орфографии, литературного языка, стиля изложения) проводится в XIV в. Реформа обусловлена необходимостью в исправлении богослужебных, религиозных книг, которые в течение нескольких веков значительно изменяют свой первоначальный вид (с точки зрения языка и содержания). В таком смысле правка, редактирование этих книг осуществляется с целью устранения разночтений, ошибок, отклонений от первоначального облика древнеболгарских переводов с греческих церковных книг. Книжная реформа проводится в школе патриарха Евфимия и с целью унифицирования церковных текстов и установления единых норм старобол-гарского литературного языка. Эта реформа теснейшим образом связана с мировоззрением исихастов. Для них как и

---

157 А.И.Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность. - В: История русского литературного языка. М., 1980, с.158.

для многих богословов эпохи средневековья, познание - это выражение мира средствами языка; слово и сущность воспринимаются как неразрывно связанные. Отсюда обостренное до фанатизма внимание к внешней форме слов и к их значениям, к правильности языка, графики, орфографии. Малейшие неточности в священном языке религии, по их мнению, способны породить ересь. Это определяет их нетерпимое отношение к всякого рода ошибкам, отклонениям в переводах, разночтениям. Стремление к точности и буквализму переводов с греческого, к цитатам из священного писания, к традиционным оборотам приводит к известной унификации языка богослужебной, богословской, христианской литературы. В результате книжной реформы болгарский литературный язык среднеболгарского периода (т.е. староболгарский литературный язык) сближается с древнеболгарским литературным языком, насыщается некоторыми языковыми средствами и особенностями, характерными для греческого языка (лексическими единицами, оборотами и пр.). Все это приводит к дальнейшему отрыву от живого народно-разговорного болгарского языка среднеболгарского периода.

С южнославянским воздействием (прежде всего болгарским) связано распространение в некоторой части великорусской (русской) литературы витийственного риторического литературного стиля, манеры выражения "плетение (извитие) словес". Связь этого стиля с книжной реформой несомненна. Его особенности были непосредственно связаны и с идеями средневековой литературы (главным образом житийной, церковно-панегирической, нравоучительной и т.п.), в которой святое, священное, возвышенное должно было выражаться особым отбором языковых средств. Д.С.Лихачев отмечает, что язык этой литературы "должен был быть языком приподнятым и, в известной мере, абстрактным. Первичные ассоциации высокого литературного языка средневековья характерны тем, что они отделены от обыденной речи, возвышены над нею и оторваны от конкретного быта и бытовой речи. Чем больше разрыв между литературной речью и речью бытовой, тем больше литература удовлетворяет задачам абстрагирования мира. Отсюда проходящее через все средневековье стремление сделать язык высокой литературы языком "священным", неприкосновенным быту, не всем доступным,

ученым"[158].

Литературный стиль "плетение словес" основан на внимательнейшем отношении к слову: к его звуковой стороне (аллитерации, ассонанны и т.д.), к его написанию, к его семантике (сочетания синонимические, тавтологические, однокоренные и пр.), на стремлении к лексическим новообразованиям, на активном привлечении книжных сложных слов, калек с греческого и пр. Поиски эмоционально выразительных слов, нагромождение эпитетов, метафор, символов, приподнятость и экспрессия, сочетающиеся с абстрагированием и т.п., исходят из тех же представлений о тождестве слова и значения, внешней формы и божественной сущности, что лежат и в основе книжной реформы.[159]

Характерные черты книжной реформы нашли выражение, напр., в среднеболгарском переводе "Хроники Константина Манассия". В нем используются буквы ѕ, ꙁ, і, ѳ, ѣ, ѧ, ѧ, ѥ, ѯ, ѱ, ѵ, ҁ паерок и тождественные ему по функции знаки ҃ , ҄ , ᾽ , буквенные обозначения цифр. В "Хронике Манассия" засвидетельствован обширный слой греческих слов, калек с греческого, сложных слов, книжных новообразований, напр. аггелъ, аеръ, епафродитъ, бездна, бездоушьны, благородный, въздоухъ, златоризьны, книгородный, любоꙗждьство, многоразвратный, пръвонача́лъствоу҃, свѣтлонасажденъ, събезчинъствовати, тлъстобраздьны, шипкозраченъ и т.д.

Второе южнославянское влияние в Московской Руси оказывается созвучным внутренним тенденциям, процессам развития русской литературы и, в более широком аспекте, идеологической, политической и культурной жизни Московского государства. Это время, когда успешно завершается борьба русского народа против татарского ига, когда начинается активное экономическое, политическое и культурное развитие общественной жизни Московской Руси. В этот период возрастает авторитет великокняжеской

---

158 Д.С.Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. – В: IV Международный съезд славистов. Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960, с.117.

159 Там же, с. 114.

власти и московской церкви на фоне идеологии самодержавной власти, которая находит поддержку в среде высшего духовенства. Тогда распространяются идеи приемственности Москвы по отношению к Византии и идеи о Москве как о новом центре православного славянского мира, которые засвидетельствованы в выражении "Москва есть третий Рим". Следует обратить внимание и на бурный подъем национального самосознания и широкого развития церковно-панегирической литературы, в которой прославляется героическое прошлое и настоящее Руси, возвечиваются образы великих князей, святых, священнослужителей. Все это создает благоприятную почву для усвоения южнославянской (в большей части болгарской) литературы, идей книжной реформы и принципов риторического литературного стиля "плетения словес".

Второе южнославянское влияние в Московской Руси находит выражение главным образом в системе староболгарского литературного языка русской редакции и ее русской разновидности (типа, вида, варианта), которые рассматриваются отдельно.

а) Русская редакция староболгарского литературного языка (церковнославянский литературный язык).

В Московской Руси традиции староболгарского литературного языка (в его русской редакции и ее русской разновидности) устойчиво сохраняются во многих аспектах, а в других получают дальнейшее развитие.

В этот период, как было отмечено, получают широкое распространение вновь отредактированные или вновь переведенные богослужебные, богословские и другие христианские книги, а также новые переводы сочинений византийских писателей и некоторые оригинальные труды болгарских книжников среднеболгарского периода. Вместе с этим книжным богатством проникает и староболгарский литературный язык (т.е. болгарский литературный язык среднеболгарского периода), в котором выражены нормы, принципы Евфимиевской реформы. Именно указанное расширение богослужебной христианской литературы, ее распространение в Московской Руси, применение и развитие принципов книжной реформы, принципов специфической манеры выражения играют важную роль в сохранении и развитии традиций староболгарского

литературного языка.

Принципы книжной Евфимиевской реформы получают распространение и развитие в Москве с конца XIV в. и особенно в XV в., когда проводится интенсивная работа по исправлению, редактированию списков ранее преведенных богослужебных, богословских и других христианских книг под руководством митрополита Киприана. Книжная деятельность митрополита Киприана, иеромонаха Пахомия Логофета, митрополита Григория Цамблака и другип книжников имеет важное значение для внедрения и развития принципов Евфимиевской реформы (Д.Мирчева, 1988; Д.С.Лихачев, 1960; А.И.Соболевский, 1980 и др.).

Многообразным изменениям подвергаются графика, орфография, язык, стиль (манера выражения) богослужебных и других христианских книг. Укажем в обобщенном виде на некоторые из этих изменений.

В XV в. старший полуустав заменяется младшим полууставом, который, как пишет Д.С.Лихачев, "ясно выражает свою зависимость от южнославянской графики - ст письма болгарских и сербских рукописей"[160]. На почерки рукописей того времени устанавливается и воздействие греческого минускульного письма[161]. Появляются новые начертания букв -а, -е, -и, -в, -ж, -з, -к, -т, -ч, -ъ, -ь; воскрешаются постепенно исчезающие буквы ѡ, ѯ, ѣ ; распространение получают буквы ѵ (вместо пс), ѯ (вместо кс), -ы (вместо ѣі), -оу (вместо у), ѳ, ѵ, ѕ (зело); устраняется йот (-j) перед -а, и -е; возобновляется в известной мере написание -ъ, -ь после плавных, а не перед ними, напр. дрьзнати, връхъ, двойное -г(вместо -нг) в греческих словах, напр. аггелъ и др.

В этот период развитие получает пунктуация, появляется запятая в том значении, в каком употребляется и теперь, изменяются функции точки, точки с запятой и двоеточия. Изменяется и орнамент рукописей. Рукописи, писанные младшим полууставом, сопровождаются геометрическим и реже растительным орнаментом; в заглавиях статей появляется вязь, а в конце - воронка и др.[161]

---

160 Там же, с. 96

161 М.Н.Сперанский. "Греческое" и "лигатурное" письмо в русских рукописях XV-XVI веков. - Byzantinoslavica, 1932, t.IV.

В изучаемый период традиции древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка сохраняются. Наряду с этим в языке указанной переводной и списанной богослужебной, богословской и т.п. христианской литературы наблюдаются некоторые изменения, которые являются результатом воздействия как великорусского (русского) языка, так и староболгарского литературного языка. Это дает основание обозначать систему письменно-литературного выражения, представленную в упомянутой переводной и списанной богослужебной, богословской, христианской литературе, термином русская редакция староболгарского литературного языка, которая отличается от древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка определенными чертами, раскрывающими ее эволюцию. Языковые особенности русской редакции староболгарского литературного языка рассматриваются как с точки зрения новых черт, так и с учетом сохранения традиций и древнеболгарской (и староболгарской) языковой основы.

А. В Московский период древнерусская редакция древнеболгарского литературного языка подвергается некоторым изменениям, которые, как было подчеркнуто, определяют необходимость в использовании более точного в хронологическом отношении термина - Русская редакция староболгарского литературного языка. Изменения устанавливаются более или менее устойчиво на протяжении нескольких веков.

- Изменениям подвергнуты редуцированные -ъ и -ь в сильной позиции в сочетаниях с плавными -р и -л в положении, когда редуцированные находятся после плавных, напр. кръвь, глътка, плъть, крьстъ, сльзъ (род.пад.мн.ч.). В этих сочетаниях -ъ и -ь постепенно проясняются в -о, -е, напр. кровь, глотка, плоть, крестъ, слезъ. Произношение -о и -е на месте -ъ и -ь в слабой позиции развивается в результате аналогии с формами, в которых -ъ и -ь оказываются в сильной позиции, напр., кровавый по аналогии с кровь, глотать - глотка, крестить - крестъ, слеза - слезъ, блоха - блохъ, дрова - дровъ и т.д. См. в Библии 1581г.: "изыдетъ кровь" (Притчи Солом., гл. 30), "И дрова огневи" (Притчи Солом., гл. 26), "И въ чревѣ матери ваѫхъ плоть"(Прем. Солом., гл. 7).

- Более сложной и противоречивой оказывается эволюция сочетаний редуцированных -ъ и -ь с плавными -р и -л, представ-

ленных в древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка в форме -ър, -лъ, -ьр, напр.: гърло, гърдыи, скърбь, вълкъ, дългии, дьржати, мъртвыи, върхъ и т.д. В великорусском (русском) языке -ъ и -ь в указанных сочетаниях проясняются, напр. горло, гордый, скорбь, волкъ, долгий, держати, мертвый, верхъ и др. В русской редакции староболгарского литературного языка сначала (главным образом в XV-XVI вв.) под воздействием книжной реформы распространение получают первичные сочетания типа -ръ, -лъ, -рь, -ль, характерные для древнеболгарского языка, напр. грьло, гръдъ, скрьбь, влькъ (и влькъ), длъгъ (и дльгъ), дрьжати, мрьтвъ, врьхъ (и врьхъ) и др. Постепенно в русской редакции устанавливается вторичная метатеза и прояснение еров под воздействием употребления слов с указанными сочетаниями в русском языке, напр. горло, гордый, скорбь, волкъ, долгий, держати, мертвый, верх и т.д. Подобная эволюция находит выражение в возникновении вариативности, напр. дьржати - дръжати - держати, дългии - длъгъ - долгии, скърбь - скръбь - скорбь и т.д. См., напр., в Библии 1581 г.: "и перваго гласа" (Прем.Солом., гл. 7), "долголѣтнеи старости неправеднаго"(Прем. Солом., гл. 4), "вз ша верхнюю риз " (Книга Пѣсни, гл. 5), "ꙗко вервь червлена" (Книга Пѣсни, гл. 5), "ꙗко врьвь чрьвлена" (Книга Пѣсни, гл. 4), "мжъ же мдръ длъго тръпитъ" (Притчи Солом., гл. 14) и др.

- Медленно протекает процесс прояснения -ъ в -о в словах типа съборъ, въсходъ, въстокъ и др. В этих случаях, когда -ъ находится в слабой позиции, на древнерусской почве происходит падение -ъ, напр. сборъ, всходъ, востокъ. Появление -о на месте слабого -ъ в словах рассматриваемого типа (соборъ-съборъ, восходъ-въсходъ, востокъ-въстокъ) - "результат влияния их церковнославянского произношения"[163]. Но книжная традиция обуславливает продолжительное сохранение -ъ и -ь в слабой позиции. Это является причиной распространения вариативности, напр.: въстокъ-востокъ, съборъ-соборъ и др. Следует отметить и случаи, когда в

---

[163] В.В.Иванов. Краткий очерк исторической фонетики русского языка. М., 1961, с.70.

церковном пении "этимологические редуцированные передаются особым образом – через так называемую хомонию"[164], например, поется "носимо" вместо "носимъ", "есте" вместо "есть".

См. вариативность в написаниях типа въстокъ – востокъ, съборъ–соборъ в Библии 1581 г.: "совѣты же нечестивы(х) льстивы" (Притчи Солом., гл. 11), " ѡ(т) востокъ с(лнч)ных" (Иовъ), "съхранити заповѣди" (Псалт., гл.16), "создаша храмы" (Притчи Солом., гл.13), "аще востанете и въставитъ любовь" (Книга Пѣсни, гл. 30), "въ воздвигнен|е с(рд)ца нашего" (Прем.Солом., гл. 2), "и возрастъ старости" (Прем.Солом., гл. 4), "и красоты възлюбихъ ѭ" (Прем.Солом., гл. 7), "ѭже возлюбилъ еси" (Еклесіа стъ, гл. 9).

В сильной позиции –ъ и –ь последовательно представлены в Библии 1581 г. как –о и –ь, напр. "зима преиде, дождь ... проиде" (Книга Пѣсни, гл. 1).

– Распространение получают староболгарские слова (древнеболгарского и среднеболгарского периода) с –жд (из *dj), напр. блуждати, вождь, гражданинъ, даждь, жажда, заграждение, зиждати, между, надежда, одежда, осуждати, осуждение, преграждати, рождество, рождати, рассуждати, рассуждение, тождество, угождати, угождение, убеждение, учреждение, угождати, чуждый и др. См. в Библии 1581 г.: "въ земли чюждеи" (Книги Маккав., гл. 6), "и съхожден|е временъ" (Прем. Солом., гл. 8), "живыи меж(д)ѫ грѣшными" (Прем.Солом.,гл.4), "виждь сътвореіа б(ж)іа " (Еклесіа стъ, гл. 7), "изыдетъ с нимъ побѣжден|е" (Притчи Солом., гл. 21), "наслаждаю(т) д(ш)ѫ" (Притчи Солом., гл.13), "и ходѣхъ в широтѣ" (Псалт, 116).

В XVI в., как показывают данные Библии 1581 г., в отдельных случаях сохраняется –ж, характерное для древнерусской редакции. См. в Библии 1581 г.: "досаж_аетъ словомъ" (Притчи Солом., гл. 21), и рядом "всѣмъ досаждаетъ", "рѫцѣ же свои оутвержаетъ" (Притчи Солом., гл. 30).

---

164 Б.А.Успенский. Архаическая система церковнославянского произношения. М., 1968, с.39.

Распространяются и староболгарские слова с начальным –ю, напр. югъ, южный, юноша, юношеский, юношествовати, юность, юнецъ, юнотка, юнотство, юничий, юностный, юдоль, юродъ, юродство, юродивый и др. См. в Библии 1581 г.: " (т) юности моея" (Прем.Солом., гл. 8), "юноша остръ" (Прем.Солом., гл.8),"идетъ къ югѹ" (Еклесіастъ, гл.1).

– Постепенно определяется и система церковнославянского произношения, в которой соблюдается различение –е и –ѣ и фрикативность –г, в которой отсутствует переход –е в –о под ударением, аканье, а также оглушение конечных согласных[165].

См., например, написание слов с –е и с –ѣ в Библии 1581 г.: "противѹ дѣломъ его" и "не приведи нечестиваго"(Притчи Солом., гл.24), "свѣтило же нечестивы(х) грѣси" (Притчи Солом., гл.20), "безъ совѣта творитъ" (Притчи Солом.,гл. 13).

Осложняется графика, орфография и пунктуация, как упсминалось, изменяется орнамент богослужебных и других христианских книг. Устанавливаются, напр., буквы для обозначения двух звуков (ѯ – кс, ѱ – пс, ѿ – от), различные буквы для обозначения одного звука (є, ѣ –е; и, і –и; о, ѡ – о; оу,ѹ – у; ѣа, ѧ – я; ѕ, ꙁ – з), широкое распространение получают – ҃ , запятая, различные надстрочные знаки. Уставное письмо уступает место полууставу. С введением книгопечатания в XVI в. печатный шрифт отливают по образцу полуустава. Полууставный шрифт остается для книг церковных и после 1708 г., когда согласно указу Петра Великого утверждается гражданский шрифт[165]. См., напр., в Библии 1581 г.: „ПЪТІѢН СВОѢХЪ НАСЫТѢСА ДРѢЗОСЕРДА ѾZАМЫШЛЕНІѢ ЖЕ СВОЕ МѢЖЪ БАГЪ· НЕZЛОБНВЪ ВѢРѢ ІМЕТЪ ВСАКОМЪ СЛОВЕСН" .

Намечаются и некоторые грамматические изменения, которые в большинстве случаев кодифицированы грамматикой М.Смотрицкого (1627 г.).

---

165 Там же, с. 94

166 Е.Ф.Карский. Славянская кирилловская палеография, М.,1979.

Наряду со старыми формами стали закрепляться и новые окончания: в им.пад.мн.ч.м.р. наряду с -и появляется -ы, напр. раби - рабы, щити - щиты; в род.пад.мн.ч.м.р. наряду с нулевым окончанием в некоторых случаях употребляются формы -овъ, -евъ, -ей, напр. пророкъ - пророковъ, отецъ - отцевъ, мужъ - мужей; в твор.пад. мн.ч.ср.р. эпизодически используются и форм формы -ами, -ями наряду со старыми окончаниями -ы, -и, напр. воины - воинами, поли - полями; в местн.пад.мн.ч. м.ср.р. тоже эпизодически появляются окончания -ахъ, -яхъ наряду с скончаниями -ехъ (ѣхъ), -ихъ, напр. лицѣхъ - лицахъ, знамениихъ - знамениях; в род.пад.ед.ч.ж.р. наряду с окончаниями -е, -ѧ, -ѣ встречается и форма -и, напр. землѧ - земли и др. Подобное изменение падежных форм, обусловленное их приспособлением к изменениям этих же форм в русском языке, определяет возникновение вариативности, которая находит яркое выражение в Библии 1581 г.: См., напр.: "власы мои окропишасѧ " и "власи твои ꙗко стадо козницъ" (Книга Пѣсни, 4;5), "совѣты же нечестивы(х) льстивы" (Притчи Солом., 11); "мнози грѣси бываю(т)" (Притчи Солом., 29), "съкрꙋши главы врагъ наши(х)" (Книги Сир., 36), "и воды не преидꙋтъ береговъ его" (Притчи Солом., 8), "И гнѣвъ звѣреи" (Прем.Солом., 6), " о грѣсехъ свои(х) молитсѧ " (Книги Сир., 28), "сътворенъ бы(с) страхъ гнѣ на всѣхъ црствахъ" (Паралип.,16), "осквернитъ дшꙋ свою тѫждими брашны" (Книги Сир., 40), "и взѧ грады его... съ селами его" (Паралип., 13), "се глетъ адонаи гъ горамъ и холмомъ, и полѧмъ" (Иезек., 6), "истръгнꙋ ва(с) ѡ(т) землѧ моеѧ " (Паралип.,7), "и създа... благости земли своеѧ " (Паралип., 8).

Утверждается окончание -омъ, -емъ в твор.пад. ед.ч. м.,ср.р., напр. рабомъ, селомъ, краемъ. См. в Библии 1581 г.: "сташе ... предъ дворомъ" (Паралип., 20), "азъ же всѣмъ срдцемъ моимъ испытаю" (Псалт., 118).

Б. В этот период в богослужебной литературе появляются некоторые фонетические и грамматические особенности, характерные для литературного языка среднеболгарского периода.

- В отдельных словах на месте -ѧ употребляется -е (наряду с -ѧ). См., напр., в Библии 1581 г.: "чадо зле кленетъ" (Притчи Солом., 3), "о нихъ клѧ тсѧ " (Книги Сирах.,

33), "и вънесе сосѫды... сребрены и златы" (Книги царствъ,15).

Изучая эволюцию носовых, К.Мирчев отмечает, что "под сильным влиянием орфографической традиции среднеболгарский писатель в редких случаях решался поставить на месте ѧ -е"[167].

– Дальнейшее распространение получает замена инфинитивных форм формами на -да. См. в Библии 1581 г.: "крадетъ бо да насытитъ дшѫ свою алчющѫ" (Притчи Солом., 6), "изведоша же на нихъ совѣтницы да разорѧтъ совѣтъ и(х)" (Книги прьвые Ездры, 4), "прїидѫ съ мѫжи малы да вижѫ лица ваша с миро(м)" (Книги Маккав., 7), "въ насъ бо нѣсть толика крѣпость, да можемъ семѫ съпротивити" (Паралип., 20).

– Увеличивается количество примеров, в которых находит выражение тенденция к аналитизму. См. в Библии 1581 г.: "в дѣла его прежде вѣкъ основа мѧ " (Притчи Солом., 8), "ходящѫ о(т) гра(д) во гра(д)" (Книги Сирах., 35), "о(т) вѣкъ на вѣкъ призрѣ" (Книги Сирах., 34).

– Постепенно расширяется и употребление формирующейся членной формы. См. в Библии 1581 г.: "стѣна та, иже остави... съзидати" (Паралип., 16); "услыша цр҃ь словеса та" (Книги Маккав., 6).

– Широкое распространение получает конструкция с дательным падежом принадлежности. См. в Библии 1581 г.: "и не приближисѧ къ дверемъ дому еѧ " (Притчи Солом., 5), "И плакасѧ по не(м) весь їиль по словеси гню"(Книги Царств,14), "далеко ти есть путь" (Книга Царств, 19).

– Появляются староболгарские слова (среднеболгарского периода), напр. аеропарный (Ман.Хрон.), архиерействовати (Ман.Хрон.), благоговети (Притчи Солом.), богогласъ (Ман. Хрон.), благопоручникъ (Книги Сирах.), великомудрый (Гр. Цамбл.), ветротленный (Притчи Солом.), высокосердый (Притчи Солом.), дерзосердый (Притчи Солом.), долгоденствие (Книги Сирах.), живописание (Книги Сирах.), зверогонитель (Ман.Хрон.), иконоборский (Гр.Цамбл.), ляща (Иезек., 4), миролюбный (Гр. Цамбл.), пролетний (Ман.Хрон.), петел (Добр.ев.), словонаказание (Гр.Цамбл.), священнословствовати (Гр.Цамбл.), слабосердъ (Притчи Солом.), тулоносец (Ман.Хрон.), храбрость (Ман. Хрон.) и т.д. См. в Библии 1581 г.: "слабосердъ же порѫганъ

167 К.Мирчев.Историческа граматика на българския език.С.,1958, с.102.

будетъ" (Притчи Солом., 11), "мерзокъ... вс ѧкъ высокосердыи" (Притчи Солом., 15), "и пѣтелъ хода в кокошехъ добрѣ" (Притчи Солом., 30) и др.

В. В Московский период в русской редакции староболгарского литературного языка сохраняются некоторые черты древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка, напр. рефлекс -оу на месте носового - ѫ , напр. роука, моужъ, зоубъ; епентетическое -л в сочетании с губными в корнях слов, напр. земля, куплю, люблю; произношение -ш'ч' (на месте -ш'т', относящееся к праславянским сочетаниям - *stj, *skj, *sk, напр. тьшча, поушчоу, ишчоу; сохранение в некоторых случаях -ж, относящееся к праславянскому сочетанию - dj , напр. рожество, вижу, осоужати, а также окончания -ть в 3-ем л. глаголов (наст. и буд.прост.вр.), напр. пишеть, знаютъ и др. и -ть (в факультативном использовании) в 3-ем л.мн.имперфекта, напр. несѧхоу(ть), хвалѧхоу(ть) и др.; окончание -ому, -ему в дат.п. ед.ч. м.ср.р. полных прилагательных, напр. великому, синему; окончание ѣ в формах вин.пад. мн.ч. м.р. с древней основой на -jo и формах род.пад.ед.ч. и имен. и вин. пад.мн.ч.ж.р. с древней основой на -jā (напр. конѣ, землѣ; форма -а причастия наст.вр.действ.зал. в изъяв.накл., напр. ида, неса и др. См. в Библии 1581 г.: "и домъ сеи ѳдетъ въ притчю" (Паралип., 7), "пре(д) очима босѳть бжїима на пѳтїе мѫжѳ" (Притчи Солом., 5), "обращены къ далнему дому" (Паралип., 3), "дасть исповьданїе стому вышънему" (Книга Сирах.,47), " положиша на мѧ ... ненависть за възлюбленїе" (Псалтырь, 168), "И не оставлѧемъ вины славе нашеи" (Книги Маккав.,9), "да принесѳть древа кедрова" (Книги прьвые Ездры, 4), "да оутвержаетсѧ наше слово" (Притчи Солом., 4), "ничтоже мнѣхъ быти къ рассуженїю тоѧ " (Прем.Солом., 7).

В списанной богослужебной и вообще христианской литературе встречаются и другие русские особенности, но они характеризуются своим эпизодическим, несистемным характером и не могут считаться нормативными, напр. слова с полногласием, с начальным -о, с приставкой -вы, с окончанием -ого (в род. пад.ед.ч.м.ср.р. имен прилагательных) с суффиксом -ян, разрушенный перфект и т.д. См. в Библии 1581 г.: "и въ сторожеѳ(х) сокровищем вси расхододы оуготованы имѣ" (Книги вторые

Параллип., 4), "зима и знои, лѣто и осень. днь и нощь не престанѫт" (Книги Бытїа, 4), "облечены въ брона плетены, и шлемы мѣдѧны на главахъ ихъ" (Книги Маккав., 6), "погубилъ іоуда, и братїа его всѣхъ" (Книги Макав., 7), "вырѣза херѫвимы на стѣна(х)" (Книги Паралип., 3) и т.д.

Г. В Московский период в списанной богослужебной и другой христианской литературе устойчиво сохраняются древнеболгарская языковая основа, характерные отличительные черты древнеболгарского литературного языка, его дифференциальные признаки, напр. слова с –щ на месте праславянских *tj, *kt', *gt' (типа хощу, нощь), с начальным –а (типа азъ, агньць), с начальным –ја (типа ѣсти, ѣхати), с начальным –је (типа единъ, езеро), с начальным –ју (типа юноша, югъ), с неполногласием (типа бразда, злато), лексические единицы с характерными приставками и суффиксами (типа възгласъ, изливати, прѣстолъ, разоумъ, вратарь, знающий), описательные (аналитические) формы повелительного наклонения (типа да боудетъ), различные конструкции с предлогами (типа изиде отъ, сътвори отъ), характерные лексические единицы (типа алчный, благодать, коумиръ, варварский) и т.д. Следует отметить, что в Московский период в литературе рассматриваемого типа устойчиво сохраняются и лексические единицы, в которых представлены результаты второй палатализации (типа волци, нозѣ), старые падежные формы –омъ, емъ (в дат. пад.мн.ч.м. и ср.р. типа къ домомъ, къ княземъ), –ы, –и (в твор.пад.мн.ч. м. и ср.р. типа съ щиты, с учители), –ѣхъ, –ихъ (в местн.пад.м. и ср.р. типа на столѣхъ, вѫполихъ), –е, –ю, –у, –о, –и (в зват.п. ед.ч. м., ср. и ж.р. типа роде, учителю, сестро, огни); сохраняются и инфинитивные формы на –ти (типа говорити, писати, т.е. в безударной позиции), окончания –ыи, –ии (в форме имен.пад.ед.ч. м.р. полных прилагательных типа злыи, т.е. в ударной позиции), редуцированные –ы и –и в позиции перед –ј или і в сильной позиции (типа крыю, бию), формы двойственного числа (типа родома, сестрама), система форм прошедших времен и т.д., которые в великорусском языке подвергаются изменениям. См. в Библии 1581 г.: "егда оскорбѧѫтъ его врази ок(рс)тъ, приноше(м)е ѳща, агньца млечна" (Книги Сирах., 46), "коль прѣмѫдрисѧ въ юности своеи, и наплънисѧ ако рѣка разѳма" (Книги Сирах.,

46), "възри очима своима... на въстокъ" (Иезек.,8), "не бѫдетъ ли брань между нами и вами, прїидѫ съ мѫжи малы да вижѫ лица с миро(м)" (Книги Маккав., 7), "не въ множествѣ вои одолѣнїѧ брани есть, но ѡ(т) н(бг)и крѣпость" (Книги Маккав., 3), "и предамъ ѧ в чужди рѫцѣ... и погибнетъ совѣтъ ѡ(т) старецъ" (Иезек., 7), "не совѣщаваи с по(д)зирающимъ тѧ и ѡ(т) зазраѧщи(х) тѧ съкрыи совѣтъ" (Книги Сирах., 37), "и· избѣжитъ ѡ(т) нихъ, и раби г(м)ъ длъгъ ѡ(т)даютъ" (Притчи Солом., 21), "Крадыи, крадетъ бо да насытитъ д(ш)ѫ свою алчющѫ " (Притчи Солом., 6), "и веселисѧ съ женою ѩже ѡ(т) юности твоеѧ , елень любви и жребѧ твои(х) благодатїи да бесѣдѫетъ тебѣ" (Притчи Солом., 5), "аз же оста(х) ед нъ, и прїидохъ възвестити" (Книги Иовъ, 1), "море постави ѡ(т) десныѧ страны противѫ востокѫ" (Паралип.,4), "да зиждетъ домъ б(ж)ї и. долготу лакоть въ мѣрѫ прьвѫю" (Паралип.,3) и др.

Все указанные языковые черты, которые устанавливаются с большей или меньшей устойчивостью, особенно после исправления и редактирования богослужебных, церковных книг такими книжниками, как Иоаким, Филарет, Никон, определяют языковые нормы русской редакции староболгарского литературного языка и ее отличия от древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка.

С конца XVI и особенно в XVII в., когда получают распространение печатные церковные книги, языковые нормы русской редакции староболгарского литературного языка стабилизируются и не подвергаются дальнейшим существенным изменениям. В таком установленном языковом виде печатные богослужебные книги начинают использоваться во всех восточных праславянских церквях.

В болгарской лингвистической литературе язык указанных богослужебных книг традиционно отмечается термином "церковнославянский язык", которым указывается на его основные функции в качестве языка православной церкви, богослужения. По этому поводу Д.Мирчева отмечает: "Церковнославянский язык – это язык корпуса богослужебных книг, которые употребляются в восточноправославном богослужении, отпечатанных впервые в России в середине XVII в., а после этого широко распространенных в восточнославянском мире (России, Болгарии, Сербии, Румынии). Это в сущности последний период в развитии русской редакции

древнеболгарского языка"[168].

Учитывая характерные языковые черты русских богослужебных, церковных и других христианских книг Московского периода, в которых засвидетельствованы как древнеболгарские и староболгарские, так и древнерусские и русские специфические языковые признаки, мы могли бы определить языковую систему, выраженную в этих книгах, термином "русская редакция старобол-гарского литературного языка", выражающим точно хронологическую и генетическую сущность рассматриваемого языкового феномена. Но поскольку нельзя произвольно менять лингвистическую традицию, мы будем пользоваться термином "церковнославянский язык". Не только болгарские языковеды, но и многие другие слависты употребляют термин "церковнославянский язык" в подобном значении. Ф.П.Филин, напр., пишет: "Собственно церковнославянский язык - язык богослужебной и примыкающей к ней литературы переведенной или сознанной в Болгарии и других славянских странах, которая читалась и переписывалась на Руси"[169].

Другие лингвисты не разграничивают язык христианской богослужебной и другой (в основном списанной и переводной) литературы от языка оригинальной русской литературы, в которой находит выражение христианское мировоззрение (житийной, проповеднической, паломнической и т.п.), и рассматривают язык этой неоднородной литературы как общее единое образование (напр. В.М.Живов, 1988; Б.А.Успенский, 1983 и др.). Но подобный подход к языку этой разнородной литературы с точки зрения генезиса, жанров, механизмов передачи речи не дает возможности для раскрытия сложной языковой действительности, различий в тенденциях развития; приводит к некоторым спорным заключениям. А.И.Горшков, напр., подвергая анализу состояние литературного языка в Московской Руси, пишет, что в этот период "грани между церковно-религиозной, повествовательной светской литературой и "деловой письменностью" в отношении их содержания начинают постепенно стираться"[170]. Это дает ему основание

---

168 Д.Иванова-Мирчева. Въпроси на българския книжовен език до Възраждането, С.,1987, с. 344-345.

169 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка; с. 259

170 А.И.Горшков. Теоретические основы истории русского литературного языка.М.,1988, с.125.

утверждать, что "разновидности литературного языка, которые были ориентированы на старославянские образцы (т.е. разновидности, по терминологии В.В.Виноградова, объединяемые понятием "книжно-славянский тип языка"), и разновидности литературного языка, которые функционировали в самобытных жанрах русской литературы (т.е. разновидности, по терминологии В.В. Виноградова, объединяемые понятием "народно-литературный тип языка"), для читателей и писателей XIV-XV вв. стали мало и трудно различимыми"[171]. Е.Г.Ковалевская отмечает, что "в Московском государстве фактически перестает существовать различие между двумя типами литературного языка Киевской Руси (народно-обработанным типом литературного языка, или древнерусским литературным языком, и книжнославянским типом, или церковнославянским языком)"[172].

Но анализ языка разнообразной и богатой великорусской (русской) литературы и письменности раскрывает его неоднородный и сложный характер. Он выражает тенденции как взаимодействия и взаимопроникновения, так и разграничения и расчленения различных разновидностей (подсистем, типов, вариантов, стилей) литературного языка. Известное нивелирование различий и взаимопроникновение наблюдается главным образом в рамках русской разновидности церковнославянского языка и историко-повествовательного типа письменно-литературной разновидности великорусского (русского) языка. Но различия между языком русской официально-деловой письменности и собственно церковнославянским языком усугубляются. Поэтому мы считаем целесообразным учитывать реальное расчленение литературного языка.

Изучая церковнославянский язык (русскую редакцию староболгарского литературного языка) с точки зрения староболгарских традиций, мы могли бы отметить следующие характерные особенности.

Во-первых, Староболгарский литературный язык становится основой (ядром) церковнославянского языка (русской редакции староболгарского литературного языка), в которой устойчиво со-

---

171 А.И.Горшков. Теоретические основы истории русского литературного языка. М.,1983, с.125.

172 Е.Г.Ковалевская. История русского литературного языка. М., 1978, 109-110.

храняются, как упоминалось, основные специфические черты древнеболгарского и среднеболгарского литературного языка, напр. слова с неполногласием, с -жд, -щ, с начальными -а, -я, -ю, -е, -ра, -ла, с приставками -пре, -воз/вос, -из/ис, -раз/рас, с суффиксами -ащ, -ящ, -ющ, -ущ, -ищ, -ен и др., праболгарский субстратный слой, различные конструкции и т.д. См. отрывки из Библии 1581 г.: "съ премѫдрост҃ію зиж(д)етсѧ храмъ. и съ разѹмомъ исправлѧетсѧ . и съ чювств҃емъ исполнѧю(т)сѧ съкровища... помощь же с(рд)цемъ съвѣтнымъ. премѫдрость и мысль б(лг)а, въ вратѣхъ премѫдрыхъ." (Притчи Солом., 24); "и с(рд)це его дасть въспровреши браз(д)ѫ, и вдьн҃е его на насыщен҃е юнець. Тако всѧкъ дрѣводелѧ и хѫдожни(к), иже нощи ꙗко дни проваждаетъ. дѣлающи истѫкан҃ѧ печат҃и... Тако же и ковачь седѧ близъ наковални... теплотою пещи оутрѫдитсѧ , гласомъ млата приклонитъ оухо его" (Книги Сирах., 38).

Староболгарская языковая основа церковнославянского языка не дает основания считать, что он является "гибридным языком"[173], в котором "традиционно книжные элементы переплетаются с элементами разговорного языка",... а "признаками книжности оказываются лишь некоторые структурные характеристики книжного языка"[174]. Как раз наоборот. Основными структурными характеристиками книжного (т.е. церковнославянского) языка остаются почти все указанные дифференциальные признаки староболгарского литературного языка. Церковнославянский язык воспринимает лишь некоторые структурные характеристики русского языка.

Во-вторых. Староболгарские языковые традиции обуславливают сохранение в церковнославянском языке ряда грамматических форм, категорий, конструкций и т.д., которые в русском языке, как указывалось, подвергаются некоторым изменениям, напр. окончания -омъ, -емъ (в дат.пад.мн.ч.м.ср.р. имен существительных типа столъ, село), -ы, -и (в твор.пад.мн.ч.м.ср.р. имен существительных типа столъ, село), формы двойственного числа (имен существительных, прилагательных и т.д.), формы

---

173 В.М.Живов. Роль русского церковнославянского языка в истории славянских литературных языков.-В: Актуальные проблемы славянского языкознания.М.,1988,с.54.

174 Там же, с.55.

аориста, имперфекта, перфекта, давнопрошедшего времени, формы инфинитива с суффиксом -ти, дательный самостоятельный (обособленный причастный оборот), результаты второй и третьей палатализации, написание -ый, -ий (в позиции под ударением) и т.д. См. в Библии 1581 г.: "не даждь сна своима очима, ни въздрѣмли вѣкома своима" (Притчи Солом., 6), "мнози бо несътвориша, яко в законѣ написано есть поидоша гоницы" (Книги вторые Паралип., 30), "помилуи насъ гй въ бл(г)оволе[н]іи люд[і]и твоихъ... съгрѣшихомъ съ ѡ(т)цы нашими" (Псалтырь, 15). "и п[і]ите вино еже черъпахъ вамъ... сѣде при двере(х) домѫ своего на столици" (Притчи Солом.,9), "въ шестыи м(с)ць, въ пѧ тыи д(н)ь м(с)ца сѣдѣхъ в домѫ моемъ" (Йезек., 8), "И бысть вожемъ на всѣхъ ц(р)ѣхъ. ѡ(т) рѣки Ефрата, даже до земл[и] иноплемени(к)" (Книги вторые Паралип.,9). Различная эволюция языковых элементов указанного типа расширяют состав дифференциальных признаков, которые определяют отличия между церковнославянским языком и русским.

В-третьих. Со староболгарскими традициями (и особенно сревнеболгарского периода) связаны различные процессы нормализации и усовершенствования графики, орфографии, правописания. Уже указывалось, что в Московский период распространение получает полуустав, что по его образцу отливается печатный шрифт с введением книгопечатания в XVI в. Полуустав, в котором основные линии менее правильны, в котором изменяется написание букв, расстояние между ними и устанавливается система букв, изобулиет знаками препинания, ударения и придыхания. Распространяется запятая "главным образом с XV века, проникнув от югославян"[175], устанавливаются правила употребления точки, вопросительного знака, знака переноса и т.д. (·, +, ÷, ", ~, »), а также правила употребления надстрочных знаков (ударений, придыханий, титл и др.). Все указанные особенности, как отмечает Е.Ф.Карский, - "развивались из подражания наших писцов югославянским полууставным рукописям XIV-XV вв., проникшим на Русь после разгрома болгар и сербов турками. Русские полуус-

---

175 Е.Ф.Карский. Славянская кирилловская палеография, с. 224.

тавные рукописи XV-XVI вв. почти ничем, кроме языка, не отличаются от югославянских соответствующего времени"[176].

В-четвертых. Со староболгарскими традициями (главным образом среднеболгарского периода) связано и развитие нового витийственного стиля "плетение словес", в котором вырабатывается особая манера выражения, характерные приемы употребления речевых единиц.

Особенности стиля "плетения словес" подробно проанализированы Д.С.Лихачевым, который подчеркивает, что этот стиль основан на внимательном отношении к слову, к его звуковой стороне (аллитерации, ассонансы и пр.), к этимологии слова (сочетание однокоренных слов, напр. насытите сытых до сытости), к особенностям его семантики (напр. сочетания синонимические, тавтологические и пр.), на любви к словесным новообразованиям, составным словам, калькам с греческого и т.д.[177]

В-пятых. Церковнославянский язык (со своей староболгарской языковой основой), священный язык религии и вообще христианской идеологии, и в рассматриваемый период продолжает оставаться образцом, эталоном в литературно-языковом развитии, важным источником лексических, фразеологических и стилистических ресурсов.

Итак, староболгарский литературный язык играет основополагающую роль в сложении и развитии церковнославянского языка (русской редакции староболгарского языка) Московского периода. Именно этим определяется важное значение его традиций.

---

[176] Е.Ф.Карский. Славянская кирилловская палеография, с. 224.

[177] Д.С.Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. - В: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960.

б) Русская разновидность (тип) церковнославянского литературного языка в Московской Руси.

Важную роль в литературно-языковом развитии в Московской Руси (XIV-XVII вв.) играет и русская разновидность (тип, стиль, по другой терминологии) церковнославянского литературного языка.

Эта разновидность по-разному определяется и обозначается в различных трудах по истории русского литературного языка. В.В.Виноградов характеризует ее как "книжно-славянский тип древнерусского литературного языка", отмечая, что в истории книжно-славянского типа в "XI-XVI вв. наблюдаются свои закономерности. Эти закономерности обусловлены не только внутренними тенденциями его развития, не только взаимодействием его с народно-литературным типом языка или с живой народно-разговорной восточно-славянской, а затем великорусской речью, но и воздействием на него других литературно-книжных языков - византийского и особенно южнославянских, а в XVII в. - и польского"[178]. Ф.П.Филин использует несколько терминов для обозначения рассматриваемой разновидности церковнославянского языка: "славянорусский язык", "славянорусский тип церковнославянского языка русской редакции", "славянорусский тип литературного языка" и "славяно-русский тип церковнославянского языка"[179]. Ф.П.Филин отмечает, что "церковнославянский язык, приспосабливаясь к местным условиям, подвергался постоянной, но разной по степени (в зависимости от содержания и назначения произведений) русификации, превращался в "славяно-русский тип" литературного языка, который наметился еще в древней Руси"[180]. Д.С.Лихачев не выделяет такой разновидности в рамках церковнославянского литературного языка. Он

---

178 В.В.Виноградов. Основные проблемы изучения..., с. 126.

179 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы..., 259, 284, 285.

180 Там же, с. 184.

пишет о крайней сложности "развития языка литературы в Древней Руси с ее двумя литературными языками - церковнославянским и русским, из которых последний обладал еще несколькими типами"[181].

Мы принимаем во внимание расслоение, расчленение в системе церковнославянского языка и выделяем его русскую разновидность (тип).

Русская разновидность (тип) церковнославянского литературного языка в Московской Руси, как и предшествовавшая ей древнерусская разновидность (тип) древнеболгарского литературного языка древнерусской редакции, представлена в основном в русской оригинальной (и частично переводной) литературе, в которой находит в одной или другой степени выражение христианского мировоззрения (жития, слова, похвальные слова, проповеди, поучения, предания, плачи, хождения и т.п.).

В этот период происходит расширение жанровых рамок русской разновидности церковнославянского литературного языка, которая начинает использоваться в некоторой части исторической, повествовательно-исторической, повествовательной, эпистолярной литературы, в публицистических, филологических, научных, богословских сочинениях, а к XVII в. в различных новых жанрах (напр. в виршах, в театральных сочинениях, в ораторской прозе и др.) русского барокко. Это находит объяснение в некоторых особенностях развития русской литературы, культуры и общественной жизни изучаемой эпохи. Общий подъем национального самосознания, рост и укрепление Московского государства, стремление возвеличить историю Руси, прославить жизнь князей и святых, как уяоминалось, находят соответствующее отражение в литературе, способной передать высокий подъем чувств времени, значимость и торжественность тем, недосягаемость и возвышенность предмета изображения. Все это создавало очень благоприятные условия для возникновения новых жанров, для выделения панегирической, высокой литературы, для распространения витийственного стиля "плетения словес" Евфимиевской школы.

---

181 Д.С.Лихачев. Поэтика древнерусской литературы..., с.85.

Образцами русской разновидности церковнославянского литературного языка являются такие сочинения, как "Житие Стефана Пермского", "Житие Сергия Радонежского", "Житие Варлаама Хутынского", "Житие Дмитрия Донского", "Житие Михаила Клопского", "Великие Четьи Минеи" митрополита Макария, "Житие протопопа Аввакума", "Слова и Послания" М. Грека, "Слова и послания" митрополита Даниила, "Предание и Устав" Н.Сорского, "Беседа преподобных Сергия и Германа", "Слово похвальное" инока Фомы, "Послание" митрополита Киприана, "Плач о пленении и о конечном разорении московского государства", "Хождение Стефана Новгородца", "Хождение на Флорентинский собор", "Книга степенная царского родословия", "Временник" Ив.Тимофеева, "Переписка Андрея Курбского с Ив.Грозным", "История о великом князе Московском" Андрея Курбского, публицистические сочинения Ио.Волоцкого, В. Патрикеева, Александрия, Филологические труды Л.Зизания, Ив. Федорова, М.Смотрицкого, Ф.Поликарпова, "Арифметика" А.Магницкого, вирши С.Полоцкого, К.Истомина, "Комедия о Юдифи","Повесть с взятии Царьграда", "Повесть о Новгородском белом клобуке", "Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием", "Повесть о начале Москвы", "Повесть о Савве Грудцыне", "Повесть о Карпе Сутулове", "Повесть об Юлиании Лазаревской" и т.д.

Эти различные по жанру, тематике и сюжету сочинения русских книжников связаны не только единством выражения христианского мировоззрения, но и общностью системы литературно-языкового выражения (т.е. русской разновидности или типа церковнославянского литературного языка).

Русская разновидность церковнославянского литературного языка выделяется как особый тип на основе определенных признаков, которые отличают ее от собственно церковнославянского языка (т.е. русской редакции староболгарского литературного языка). Можно указать на следующие отличия.

- Русская разновидность является результатом творческого воспроизведения системы церковнославянского литературного языка (т.е. русской редакции староболгарского литературного языка) русскими книжниками, а собственно церковнославянский литературный язык (т.е. русская редакция староболгарского литературного языка), как упоминалось, обособляется в процессе списывания канонических богослужебных, богословских и т.п. перевод-

ных и частично оригинальных главным образом староболгарских книг. См., напр., отрывок из "Жития Сергия Радонежского": "И изведше съ старцем, поставиша пред ним брашно. Старець же вкуси брашна, благослови родители его и хотяше отити. Родители же его моляху старцу, въпрашающе его и глаголюще: "Отче господине! Пожди еще да въпрашаем тя... Сие смиренное отроча наше, его же благословяеши и хвалословиши, о нем же много блага предглаголеши..." и отрывок из "Библии 1581 г.": "ꙗкс десницею покрыe(т) ихъ, и мышцею защититъ и(х). и пр҃иметъ оружіе ревности его, и вор҃жено сътворитъ създаніе на мщеніе врагомъ. и облечетъ въ брон҃ правды, и обложитъ шле(м) сѹда истинна" (Прем.Солом.,5).

– Русские книжники при воспроизведении церковнославянского литературного языка более свободно используют в своих сочинениях и переводах русские лексические единицы, реалии, топонимы, этнонимы, антропонимы, выражающие особенности общественно-исторической русской действительности, а также заимствования из различных языков (украинского, польского, латинского и др.). В канонической, богослужебной и др.списанной литературе подобные проникновения представлены бегло. См., напр., отрывок из "Слова о житии великого князя Дмитрия Ивановича": "Третиему же сыну своему, князю Андрею, далъ есть градъ Можаескъ, да другый городок – Бѣлозеро съ всѣми волостьми и пошлинами; се же княжение нѣколи бывало Белозерское. Четвертому же сыну своему, князю Петру, далъ есть городъ Дмитровъ" и отрывок из "Библии 1581 г.": "и оукраси храмъ каменіемъ драги(м) славно. и позлати злато(м). и стѣны его, и врата, и окна, и двери, и вырѣза хер҃вимы на стѣна(х)... горницы же сплелъ златомъ, и сътвори паки в домъ с(т)ы(х) с(т)а" (Книги вторые Паралип., 3).

– Постепенно в русской разновидности церковнославянского литературного языка расширяется вариативность форм, напр. храми и храмы (в им.пад. мн.ч.), ученикомъ и ученикамъ (в дат. пад.мн.ч.), щиты и щитами (в твор.пад.мн.ч.), землѣ и земли (в.род.пад.ед.ч.), добраго и доброго (в род.пад.ед.ч.), добрыя и добрые (в им.пад.мн.ч.), писалъ есмь и писалъ, читати и читать (форма инф.), читаеши и читаешь (2 л.ед.ч.) и т.д. В

собственно церковнославянском литературном языке (в списанной канонической, богослужебной и др.литературе) старые грамматические формы стабильно сохраняются. См., напр., отрывок из "Жития протопопа Аввакума": "А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много - по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам еще же и в царствующем граде и во стране сибирской проповедую и уча слову божию". и отрывок из "Библии 1581 г.": "И рече ми. си словеса. и г(ь) б(ъ) с(т)ыхъ п(рр)къ посла а(гг)а своего показати рабо(м) свои(м), им же есть быти вскорѣ. Се пр҃ид҃ скоро блаженъ съблюда҂ и словеса пророчества книги се҂. И азъ ꙗоаннъ видѣхъ с҃а и ѳлышахъ" (Апокалипсисъ, 22).

- Эволюция собственно церковнославянского литературного языка (русской редакции староболгарского литературного языка) отличается от эволюции его русской разновидности. Язык канонической, богослужебной и другой главным образом списанной литературы характеризуется устойчивым сохранением установленной в Московской Руси нормативной системы. Собственно церковнославянский литературный язык сужает свои функциональные сферы и сохраняется до наших дней в сфере культа, богослужения, христианской литературы. Русская разновидность (тип) церковнославянского литературного, языка, представленная в русской литературе, в которой находит выражение христианское мировоззрение, постепенно сближается с языком русской светской литературы и письменности (т.е. с историко-повествовательным и деловым типом письменно-литературной разновидности русского языка). Это создает благоприятные условия для их объединения в рамках единого русского литературного языка, что обосновано теорией М.В. Ломоносова о трех его стилях. См., напр., отрывки из канонической и русской (христианской и светской) литературы,

Отрывок из "Библии 1581 г.": "и с(рд)це его дасть въ провреши браз(д)ꙋ , и бдѣн҃іе его на насыщен҃іе юнець. тако вс҂къ древодѣл҂ и хꙋдожни(к), иже ночи ꙗко дни провождаетъ. дѣлающи истꙋкан҃іа печат҃и, и прилежан҃іе его измѣнити" (Книги Сирах., 38).

Отрывок из "Великих Миней-Четьих" Макария: "И писанс бысть мучение и подвизи въ славном градѣ Пскове Великиа Русиа благословениемъ и повелѣниемъ святѣйшаго архиепископа Макария богоспасаемых градовъ Великаго Новаграда и Пскова... И аще кто чтет и послушает мучение славнаго мученика христова Георгиа, да подасть ему господь богъ милость и в день судный да сподобит стати одесную престола своего" (Житие Георгия Нового).

Отрывок из трактата "О причинах гибели царств": "Надобет государем и начальником во всякомъ горударстве добро и праведно жити, чтобы были образцем всякихъ добродѣтелей того для, что каковых обычаевъ будет царь, таковы же, смотря на него, будут и подданые его. Есть к тому и простая притча: каков купецъ или торговый человекъ, таковъ и товаръ его".

– Разной оказывается и эволюция графики, орфографии, пунктуации и орнамента канснических богослужебных и т.п. главным образом списанных книг и сочинений (оригинальных и переводных) русских книжников. В канонической богослужебной христианской (в основном списанной) литературе устойчиво сохраняются все характерные черты младшего полуустава (перечисленные раньше буквы, знаки препинания, надстрочные знаки, сокращения, вязь и т.д.). С введение книгопечатания печатный шрифт отливается по образцу полуустава, как упоминалось[182]. Русский полуставный шрифт употребляется в печатных книгах церковных и гражданских вплоть до 1708 г., когда согласно указу Петра Великого прежний полуставнэй шрифт остается только для церковных книг, книг духовного содержания, а для светских книг предписывается употреблять утвержденный им гражданский шрифт[183]. См., напр., отрывки из церковных и светских книг XVI–XVIII вв.

Отрывок из "Библии 1581 г.": "Блженъ бо мужъ иже послушаетъ мене, и чтикъ иже пути мо хранитъ, и бд и при моихъ дверехъ прно стрегi и по[9] бо мойхъ входъ. исходи бо мои исходи живота, и готовлется хотѣнiе ѡ га" (Притчи Солом.,10).

---

[182] Е.Ф.Карский. Славянская кирилловская палеография, с. 173.

[183] Там же, с. 180.

Отрывок из "Повести о Савве Грудцыне": "Влѣто отсотворенїя мира 7114 бысть воградѣ велицем истюзѣ нѣкто муж славенъі богатъ зѣло, імянем Фома Грудцын Усовъ. Видѣвъ гонение имятежъ велик на христіаны вросійскомъ государствѣ іпомногим градомъ абие оставляетъ великіі градъ устюгъ иписеляется вонизовски ислявны градъ царственны казань".

Изучению языковых черт русской разновидности церковнославянского литературного языка с точки зрения роли староболгарских языковых традиций дает основание для выделения следующих аспектов.

Во-первых. Русская разновидность, как и церковнославянский литературный язык, формируется на староболгарской языковой основе, отличающейся определенными чертами (дифференциальными признаками), указанными в начале работы, напр., лексические единицы с неполногласием, с -жд, -щ, с начальными -а, -е, -ю, -я, -ра, -ла, с приставками -воз(вос), -из(ис), -пре, -раз, с суффиксами -ущ, -ющ, -ащ, -ящ, с окончаниями -аго, -ыя и т.д., а также сложные слова, кальки, праболгарский лексический слой, причастные обороты, различные предложно-падежные конструкции и др.

См. отрывок из "Повести о житии царя Феодора Ивановича": "По сем же благочестивый царь и великий князь Феодор Иванович всеа Русии от патриарха Иева благословение приемлетъ, возвѣщая ему, како божиею помощию и пречистые богородицы и великих чюдотворцев молитвами и заступлением невѣрнии языцы победишася и отческие грады паки к нему возвратишася. Патриархъ же, слышав сия ото устъ благочестиваго царя, зѣло возрадовася со всѣмъ священным соборомъ и хвалу воздавъ всемогущему премилостивому богу, побѣдное славословие приносяще, глаголя: "Кто богъ велий яко богъ нашъ? Ты еси богъ творяй чюдесная единъ: дивенъ еси, господи".

См. еще отрывок из "Плача о пленении и о конечном разорении московского государства": "Воста предтеча богоборнаго анѣтихриста, сынъ тмы, сродникъ погибели, от чина иноческаго и дияконъскаго и преже свѣтлыи аггельскии чинъ поверже и отторгнувся от части християнъския, яко Июда от пречистаго апостольскаго лика. И избѣжавъ въ Полщу и тамо безъчистенныхъ богомерскихъ ересей съкрижали сердца своего на-

полнилъ,и тмообразную свою душу паки предая въ руцѣ сатанины, и въмѣсто святыя кристианъския вѣры греческаго закона люторанскую треокаянную вѣру возлюбивъ".

См. также отрывок из "Слова похвального" инока Фомы: "Писаниа же твоя, еже ми еси прислал к намъ, и азъ сиа любовно приахъ, и в немъ же добрѣ вимы, что же писано о соединении святыя божиа Христовы церкви, но яко да будеть святый вселенъский соборъ по первому преданию святыих правилъ и по чину святыхъ седми соборъ...

По благодати божии данного нам Исус Христомъ на утверждение земъли, и на крѣпость, и на устроение человечьскому роду, и яко же боголюбивымъ и богоугоднымъ, хощу вамъ внести слово".

См. и отрывок из "Третьего послания Курбского Ивану Грозному": "Аще пророцы плакали и рыдали о граде Ерусалиме и о церкве преукрашенной, от каменей прекраснѣйшей созданной, и о сущих, живущих в нем, погибающих, како не достоит нам зѣло восплакати о разорению града бога живаго, или церкви твоей телѣсной, юже создал господь, а не человекъ.".

См. отрывок из "Комедии притчи и блудном сыне" Симеона Полоцкого: "Отче мой драгий! отче любезнейший! /Аз есмь по вся дни раб ты смиреннейший: /Не смерти скоро аз желаю тебе,/ Но лет премногих, яко самому себе/ Честнии руце твои лобызаю./ Честь воздаяти должну обещаю./ Уст твоих слово в сердци моем выну/ Сохраню, яко подобает сыну./ На твоем лице хощу выну зрети,/ Всю мою радость о тебе имети./ Во ничто злато и сребро вменяю."

Во-вторых. Со староболгарскими языковыми традициями связан процесс заимствования обширного слоя староболгарских слов (древнеболгарского и среднеболгарского периода), а также грамматических форм, которые становятся широкоупотребительными и используются в различных жанрах разнообразной русской литературы, напр. ангельский, алойный, алчный, апостольство, благоверный, благодать, боготворити, бремя, врагъ, время, владычество, власть, вещь, величество и т.д., а также формы действительных причастий, прилагательных на -аго, -ыя и др.

См., напр., отрывки из "Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков": "Приходит же благовѣрный царь государь в соборную церковъ живоначальныя Троица, и припадает со слезами пред святым образом живоначальной Троицы, и молит в Троицы славимого бога, дабы ему, государю, богъ подалъ милость свою свыше и побѣду на невѣрныя враги и насилующих во Христа вѣрующему народу. Тако еже приходит пред чюдотворную икону пречистыя богородицы".

В-третьих. Активное использование цитат из богослужебной и другой христианской литературны, ссылки на старозаветные и новозаветные источники, воспроизведение речи священнослужителей и других духовных лиц, рассказы о жизни святых, о монастырском и церковном быте и т.п. - все это тоже обусловлено действием староболгарских традиций.

См., напр., отрывки из "Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе": "Святый же рече: "Се за дерзость твою повелѣваю ти: сее нощи донеси мя из Великого Новаграда въ Иерусалимъ-град и постави мя у церкви, идѣ же гробъ господень, и изъ Ерусалима-града сее же нощи в келии моей," в ню же дерзнулъ еси внити. И азъ тя испущу"..."; "О святыхъ бо своих Христос рече: "Блажении изгнани правды рады, яко тѣхъ есть царство небесное!"..."

См. еще отрывок из "Послания Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае": "мысленный рай то и есть, брате, егда вся земля огнемъ искушена будетъ, по апостольскому словеси: "Чаемъ небесъ новых и земли новые, егда истинный свѣтъ - Христос - сниде на землю"... О семъ раю мысленомъ Христос рече: "Суть етери от здѣ стоящихъ, иже не имуть вкусити смерти, дондеже узрятъ царствие божие, пришедша в силѣ"..."

См. и отрывок из "Истории о великом князе Московском" Андрея Курбского: "Рече Иоаннъ Златоустый во Словѣ о женѣ злой, эму же начало: "Днесь намъ Иоанново преподобие и Иродова лютость егда возвѣщалась, смутились и внутренные, сердца вострепетали, зракъ помрачился, разумъ притупился, слухъ скутался" и прочие"; "Возведенъ бысть Филипъ, с Соловецкова острова игуменъ на архиепископский престолъ руские митрополии. муж, яко рѣхом, славна и велика рода и от младости своея волною мнишескою нищетою и священолѣпным жителством украшенъ в разуме же крѣпокъ".

В-третьих. Староболгарские языковые традиции в Московский период в рамках русской разновидности церковнославянского литературного языка обогащаются и развиваются. Различные языковые средства староболгарского литературного языка (приставки, суффиксы, корневые морфемы, компоненты сложных слов, модели и пр.) используются русскими авторами в процессе формирования лексических новообразований. Мы обозначаем их условным термином церковнославянизмы, поскольку они возникают в системе церковнославянского языка и его русской разновидности (типа), напр. ангеловидный (ВМЧ), алтародверь (Арс.Проск.), анафематство (Д.патр.Ник.), баснотворный (Д.патр.Ник.), благочиние (Посл.Фст.), возгласникъ (Жит.Серг.Рад.), враждотворный (Кн.Степ.), всеградный (Врем.Ив.Тим.), высокопрестольный (Д. патр.Ник.), греходелатель (Аввак.Кн.толк.), гробозданный (Врем.Ив.Тим.), дерзодейство (Врем.Ив.Тим.), доброречие (Н. Сорск.), единосоветный (Аввак.Кн.обл.), жребствование (М.Гр.), звездозрительный (М.Гр.), златошвейный (Скриж.), звероподобный (Сл.митр.Дан.), злоглаголание (Н.Сорск.Мол.), краткословный (М.Гр.), каменноваятель (Арс.Проск.), латинсмудренный (М.Гр.), многоплачие (Жит.Стеф.Перм.), обготворение (Аввак. Кн.бес.), равномерность (Магн.Арифм.), радостотворец (Жит. Серг.Рад.), страждевождь (Жит.Ст.Перм.), соболезнование (Бер.), чернокнижник (Епиф.), чредоначальник (ВМЧ) и т.д.

См., напр., отрывки из "Временника" Ивана Тимофеева: "Тробозданное же златое умодьлство все красотою его многою нельпотне Ростригою лжецарем на доможительныя потребы безообразни сокрушени разсыпашеся, неже хитротворение, красоты жалость от разбиения удержа"... "Таков бо той бысть рабсцарь, яко и прочая величайшая и прегордыя по вселенней цари, иже нечестивыхъ державъ обладателя, рабородства того не отвращахуся, ни гнушахуся, державного ради соименства; и благоразумия его о земныхъ слышаше, справаго братства и другслюбства не отметахуся".

В-четвертых. Староболгарские языковые традиции развиваются и в плане стилистическом. Староболгарские языковые средства являются не только системообразующими элементами, но начинают выполнять и стилистические функции.

В русской литературе XV-XVII вв. и особенно в произведениях, которые относятся к литературным стилям "плетение словес" и "барокко", староболгарские языковые средства воспринимаются как стилистически маркированные, они усиливают риторичность, пафос изложения, эмоциональное напряжение.

См., напр., отрывки из "Жития Стефана Пермского": "И вси наша глаголати: ..."Камо заиде доброта твоя, камо отъиде отъ насъ, или камо ся еси дѣлъ, отъ насъ изиде, а насъ сирыхъ оставилъ еси, пастуше нашь добрыи, оставилъ еси свое си стадо заблуждатися и скытатися по горамъ, горопленнымъ и волкохищнымъ быти"... "Да и азъ многогрѣшный и неразумный, послѣдуя словесемъ похвалении твоихъ, слово плетущи и слово плодящи, и словомъ почтити мняши, паки глаголя: что еще ты нареку, вожа заблуждьшимъ, обрѣтателя погыбшимъ, наставника прелщенымъ, руководителя умомъ, чистителя осквернѣннымъ, взискателя расточенымъ, стража ратнымъ, кормителя алчющимъ, помощника обидымымъ, молитвеника тепла, ходатаа вѣрна, кумиромъ потребителя".

См. и отрывок из "Эпитафии на смерть Симеона Полоцкого" Сильвестра Медведева: "Зряй, человече, сей гроб, сердцем умилися,/ О смерти учителя славна прослезися./ Учитель бо зде токмо един таков бывый,/ Богослов правый, церкве догмата хранивый./ Телом со избранными даст ему возстати,/ С ними же в десней стране веселии стояти; И внити во вечную небесную радость,/ Неизглаголанную тамо присно сладость".

В русской сатирической литературе XVII в. староболгарские языковые средства начинают использоваться в целях создания юмористического эффекта, достижения иронического, сатирического звучания или гротескного изображения. По этому поводу В.В.Виноградов, как отмечалось, пишет, что "высокая литературная речь постепенно перестает быть безусловным предметом почтительного восхищения"[184].

В "Службе кабаку", напр., представлено пародирование церковной службы в честь преподобного мученика. Автор, осуж-

---

[184] В.В.Виноградов. Вопросы образования русского национального языка. - В: Истории русского литературного языка, с. 189.

дающий кабак и пьяниц - "мучеников", пострадавших на кабаке, учитывает содержание и форму церковной службы в честь мученика, пострадавшего за веру. Автор показывает профессиональное знание церковных служб, песнопения, чтения, распорядок службы. Пародирование церковной службы обусловлено задачей автора: осудить кабак, пьянство и пропойц при помощи языковых средств церковнославянского языка, которые в сознании читателей той эпохи, учившихся читать по Часослову и Псалтыри, ассоциируются с прославлением святых. Пародирование церковной службы, создание юмористического эффекта автор достигает в результате чередования средств церковнославянского и русского народно-разговорного языков, разрушения установленных церковных текстов и произвольного их изменения. Известный текст из "Часослова" ("Ныне отпущаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мои спасение твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей") автор разрушает и изменяет следующим образом: "Ныне отпущаеши с печи мне, раба своего, еще на кабак по вино и по мед и по пиво, по глаголу вашему с миром, яко видеста очи мои тамо много пьющих и пьяных. Спасайте их и не опивайте их, светло тамо открыты окна и двери приходящим людям". Слова молитвы "Святый боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас" в "Службе кабаку" звучат: "Свяже, хмель, свяже крепче, свяже пьяных и всех пьющих, помилуй нас, гольянских".

Многоплановое использование староболгарских языковых средств представлено, как упоминалось, в "Повести о бражнике", "Сказании о куре и лисице" и т.д.

Все высказанные соображения дают полное основание утверждать, что староболгарские языковые традиции играют важную роль в формировании и функционировании русской разновидности церковнославянского литературного языка. Староболгарский литературный язык становится его языковой основой, сохраняя устойчиво свои отличительные, дифференциальные признаки. Староболгарские языковые средства, которые являются системообразующими, в Московский период начинают выполнять и стилистические функции, взаимопроникая и взаимодействуя с русскими и частично с украинскими, польскими, латинскими и др.языковыми элементами.

Глава третья

ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ РАЗВИТИЕ В XVIII в. И СТАРОБОЛГАРСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ТРАДИЦИИ

В истории русского литературного языка XVIII в. занимает исключительное положение. В специальных исследованиях с основанием отмечается, что это было время интенсивного, противоречивого, осложненного борьбою различных тенденций формирования новых норм литературной речи, постепенного сложения системы стилей[184а].

1. Литературно-языковое развитие в первой половине XVIII в. и староболгарские языковые традиции

Литературно-языковое развитие в первой половине XVIII в. остается сложным. Тогда происходит постепенное изменение языковой ситуации, функционального статуса церковнославянского литературного языка и его русской разновидности и русского письменно-литературного языка (с его двумя типами, разновидностями), места, которые они занимали в общественной жизни России, и роли в литературно-языковом развитии. Все эти проблемы рассматриваются в основном с точки зрения староболгарских языковых традиций.

Литературно-языковое развитие в XVIII в. характеризуется действием разнообразных тенденций, которые обуславливают формирование единой системы русского литературного языка.

В рассматриваемый период продолжают функционировать церковнославянский литературный язык (с его русской разновидностью) и письменно-литературная разновидность русского

---

185 Процессы формирования лексики русского литературного языка. Предисловие. М.-Л., 1966, с.3.

русского языка (с историко-повествовательным и официально-деловым типами).

а) Церковнославянский литературный язык

В первой половине XVIII в. собственно церковнославянский литературный язык продолжает функционировать в сфере культа, христианской церкви, богослужения, теологии, христианской литературы. В указанной сфере, как упоминалось, он сохраняется до наших дней без особых изменений.

В рассматриваемый период продолжается издание церковных книг для нужд богослужения, различных православных обрядов и для священнослужителей (требники, служебники, каноники, чиновники, часословцы, октоихи, триоди, ирмологии, библейские книги, соборники и т.д.). Распространяются некоторые печатные и рукописные церковно-религиозные труды. Указом Петра I с 1712 г. начинается работа над пересмотром и исправлением текста первопечатной Московской Библии[185]. С XVII в. возникает активное взаимодействие русских и украинских изданий церковных книг, напр. московский Апостол (1621 г.), московский Псалтырь (1615 г.), московское евангелие (1657 г.), московские издания "Пролога" (1640-1643 гг.), "Маргарита" Иоанна Златоуста (1640-1641 гг.), "Церковного устава" (1641 г.), киевский Номоканон (1624 г.)[186]. Особое значение для окончательной стабилизации языковой нормы собственно церковнославянского литературного языка имеет издание Новой (Елизаветинской) Библии (1751 - 1756 гг.). С конца XVIII в. появляются русские переводы некоторых церковнославянских текстов Библии, напр. "Послание к римлянам" в переводе Мефодия Смирнова (1794 г.).

С 1708 по 1710 г. создается новый гражданский печатный шрифт. Старый шрифт, который остается только для книг

---

186 А.В.Горский. К.И.Новоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. I. Священное писание. М., 1855, с.165.

187 Я.Д.Исаевич. Преемники первопечатника. М., 1981.

церковно-богослужебных, христианских, сохраняет указанные черты русского полууставного шрифта. Его очертания не изменяются до первой половины XIX в., когда для издания "Остромирова евангелия" составляется шрифт, близкий к древнему уставу. Этот шрифт совершенствуется П.И.Шафариком и им начинают печатать древнейшие памятники[187].

Гражданский печатный шрифт, который создается работниками московской типографии при участии Петра I, отличается от старого шрифта тем, что в нем сначала вовсе исключаются некоторые буквы, напр. омега (ѡ), пси (ѱ), кси (ѯ), юс малый (ѧ), юс большой (ѫ), ижица (ѵ) и т.д., вводятся буквы -э, -я (йотированное -а), устраняются титлы и силы (т.е. ударения), начертание букв округляется[188] (в соответствии с русским рукописным нецерковным письмом и графикой применявшихся в то время в Европе шрифтов). С течением времени возвращаются буквы ѵ, ѳ, силы - ударения, над і ставятся везде две точки. По этому поводу В.В.Виноградов отмечает, что "реформа шрифта, не разрушая в корне графических основ церковнославянской письменности, отражала "переходное", "смешанное" состояние русского литературного языка. Однако значение ее было велико. Усиливалась потребность в более четком разграничении "церковных" и гражданских форм и категорий речи"[189].

Специально следует подчеркнуть соображения В.В.Виноградова по поводу реформы азбуки и ее значения для истории литературного языка: "введение русской гражданской азбуки обозначало упадок церковнокнижной культуры средневековья, утрату церковнославянским языком господствующего положения в структуре русского литературного языка и вместе с тем наме-

---

188 Е.Ф.Карский. Славянская кирилловская палеография, с.180-181.

189 П.П.Пекарский. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862, т.2.

190 В.В.Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков.М., 1982, с.91.

чало пути дальнейшей борьбы за создание на народной основе национально-русского литературного языка"[190].

Изменения, которые наблюдаются в языке церковно-богослужебной, христианской литературы, незначительны. Они устанавливаются на основе существующей кодификации церковнославянского языка, представленной в грамматиках М.Смотрицкого (1619 г., 1648 г., 1721 г.) и Ф. Поликарпова (1721 г.). Московское издание грамматики М.Смотрицкого (1721 г.), которая связывается и с именем Ф. Поликарпова, рекомендует некоторые новые формы (или варианты форм) по сравнению с московским изданием грамматики М.Смотрицкого (1648 г.), напр. в дат.пад.ед.ч.: святынѣ (и старое святыни); тысячѣ - тысячи (и старое тысящи); в местн.пад.ед.ч.: сердцѣ (и старое сердци); в им.пад.мн.ч.: отцы (и старое отци); в род.пад.мн.ч.: воиновъ - воинъ (и старое воинъ); в твор.пад.мн.ч.: именами-имены (и старое имены) и т.д.

Появляются оценки языковых форм с точки зрения разграничения церковнославянских и русских. Так, напр., В.К. Тредиаковский в "Разговоре об ортографии" комментирует формы типа "человеком" (дат.пад.мн.ч.) следующим образом: "точно славенски, а мы их ныне произносим и пишем через а так: человекам"[192]. По отношению к формам имен.пад.мн.ч. прилагательных "добрии, добрыя, добрая" он отмечает: "употребляются точно в церковном языке, но гражданский наш инако"[193]. Характерными для церковнославянского языка он считает формы аориста, двойственного числа и др.[194]

---

191 В.В.Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. М., 1982, с.90.

192 Л.Л.Кутина. Последний период славяно-русского двуязычия в России. - В: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М.,1978,с.255.

193 В.К.Тредиаковский.Сочинения.СПб.,1849,т.3, с.50.

194 Там же, с. 611.

195 Там же, с.202.

Подобные оценки связаны и с различиями в ударении отдельных слов в церковнославянском и в русском языках. Интересные данные содержатся в статье профессора Московского университета А.А.Прокоповича-Антонского, в которой он приводит следующие примеры различий в "церковном и гражданском выговоре", напр. в церковнославянском языке: дары, дерзнет, жесток, защитить, избавитель, избран, крамола, милостыня, посрамлен, преданный, призван, рамена, сумрак, терпит, удержан, утешитель, философ, цена и пр.; в русском языке: дары, дерзнет, жесток, защитить, избавитель, избран, крамола, милостыня, посрамлен, преданный, призван, рамена, сумрак, терпит, удержан, утешитель, философ, цена и др.[195]

Об отдельных изменениях в лексике богослужебных христианских книг можно судить на основе работы справщиков священного писания, которые на месте слова "препругъ" пишут "покрывало", на месте "в'ногатицы" - "в'горницѣ" и т.д.[196]

Появляются и данные, свидетельствующие о том, что церковнославянский литературный язык функционирует и в устной форме в среде духовенства, священнослужителей, учащихся в духовных школах и т.п. В.К.Тредиаковский в предисловии перевода романа французского писателя Поля Тальмана "Езда в остров любви" (1730 г.) отмечает, что на церковнославянском языке "прежде сего не толко я им писывал, но и разговаривал со всеми"[197]. Подобные данные содержатся и в "Русской грамматике" Г.В.Лудольфа (Оксфорд, 1696 г. См. переиздание и перевод русской грамматики и вступительную статью и примечания Б.А.Ларина, Л., 1937 г.).

В целом нормативная система церковнославянского литературного языка представлена в первой половине XVIII в. в

---

196 Труды Общества любителей российской словесности, ч.IV. М., 1812, с.71-77.

197 А.В.Горский, К.И.Невоструев. Описание славянских рукописей. С., 165-166.

198 В.К.Тредиаковский. Сочинения, т.3, СПб., 1849, с. 649-650.

стабилизированном виде, не подвергается дальнейшим существенным изменениям, сохраняется до наших дней в сфере церкви, богослужения, духовной семинарии, христианской литературы.

Староболгарские языковые традиции играют важную роль, потому что староболгарский литературный язык остается языковой основой церковнославянского литературного языка, в котором сохраняются указанные главные дифференциальные древнеболгарские признаки, являющиеся системообразующими, напр. неполногласие, -жд, -щ на месте определенных праславянских сочетаний, начальные -а, -е, -ю, -я, -ра, -ла, приставки -пре,-воз/вос, -из/ис (с выделительным значением), -раз/рдс, суффиксы -ущ, -ющ, -ащ, -ящ, причастные и другие конструкции и пр.

См. отрывок из "Следованной псалтыри 1713 г.":

„Тогда исплънишѣ радости оуста наша, и языкъ нашъ велїа. Тогда рекут' въ езыцѣ, възвеличилъ естъ гъ сътворитъ съ ними, възвеличилъ естъ гъ...

Староболгарские языковые традиции обуславливают сохранение обширного ряда старых грамматических форм, которые в русском языке подвергаются изменениям, напр. прошедшие времена (аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект), суффикс -ти инфинитивов, окончание -ши (2 л.ед.ч. настоящего/будущего простого времени), некоторые окончания имен существительных (-и в имен.пад.мн.ч. м.р.; -ом, -ем в дат.пад.мн.ч.м.ср.р.; -ы, -и в твор.пад.мн.ч.м.ср.р.), двойственное число, звательный падеж и т.д. См., напр., в "Следованной псалтыри 1713 г.": възвеличилъ естъ, хождаху, сътворити, ги, въ рцѣ и др.

Староболгарские языковые традиции определяют целостность, стабильность языковых норм церковнославянского литературного языка, который и в первой половине XVIII в. остается образцом для других разновидностей литературного языка.

б) Русская разновидность церковнославянского литературного языка в первой половине XVIII в.

В первой половине XVIII в. русская разновидность церковнославянского литературного языка продолжает выделяться и функционировать как тип (подсистема) литературного языка. Уже отмечалось отсутствие единого мнения по вопросу о наличии, характере и наименовании этой разновидности.

В.В.Виноградов определяет "XVII–XVIII вв. как переходный этап к образованию единых норм русского национально-литературного языка в первые десятилетия XIX в."... этот этап обозначается "с начала или с середины XVII в., со времени распространения системы трех стилей, когда на базе прежнего книжно-славянского типа древнерусского литературного языка формируются высокий и посредственный стили русского литературного языка XVII–XVIII вв."[199].

Ф.П.Филин обращает внимание на относительное единство церковнославянского языка в канонической богослужебной и примыкающей к ней литературе, "чего уже нельзя сказать о литературе светской, написанной на этом языке. "Славяно-русский тип" церковнославянского языка, особенно позднего периода, был пропитан русизмами и начинал сближаться с русским литературным языком "повествовательного типа"..."[200]

Выделяет в первой половине XVIII в. русскую разновидность церковнославянского языка и Л.Л.Кутина, которая с основанием отмечает, что "судьбы старой письменной традиции в России XVIII в. (книжно-славянский тип языка) в русистике изучены чрезвычайно слабо"[201].

Рассматриваемый период определяется Б.А.Успенским как "переход от церковнославянско-русской диглоссии к церковно-

---

199 В.В.Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка.., с.150.

200 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка, с. 285.

201 Л.Л.Кутина. Последний период славяно-русского двуязычия в России. -В: Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов.М., 1978, с.242.

славянско-русскому двуязычию. Поскольку двуязычие, в отличие от диглоссии, является нестабильной языковой ситуацией – оба языка конкурируют друг с другом, а не распределяют свои функции, – русский язык постепенно оттесняет церковнославянский на периферию языкового сознания, узурпируя права и функции литературного языка и оставляя за церковнославянским в конечном счете лишь функции языка культового"[202].

А.И.Горшков считает, что в Петровскую эпоху "разрушились старые системные связи языковых единиц в пределах текста, создавались новые словесные ряды, которые пока еще не получали четкого композиционного оформления "в сложном единстве целого". Оставалась, таким образом, открытой проблема лингвистической организации текстов различных типов. А поэтому и тексты не объединялись в достаточно определенные типологические ряды, следовательно неясно вырисовывалась система подсистем литературного языка"[203].

Высказываются и соображения о том, что "в чистом виде церковнославянский язык к XVIII в. практически не существует. Его заменяют национализированные и опрощенные на народно-языковой почве разнообразные видоизменения"[204].

Действительно, русская разновидность церковнославянского литературного языка (книжно-славянский тип русского литературного языка или славяно-русский тип церковнославянского языка, по другой терминологии) может рассматриваться как видоизменение церковнославянского языка на русской народно-языковой почве. Следует отметить однако, что собственно церковнославянский литературный язык, представленный в канонической и другой христианской староболгарской оригинальной и переводной литературе, устойчиво сохраняет свою староболгарскую язы-

---

202 Б.А.Успенский. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М.,1983, с. 109

203 А.И.Горшков. Теоретические основы истории русского литературного языка.М.,1983, с.138.

204 И.К.Белодед, Г.П.Ижакевич,З.Т.Франко. Взаимосвязи между украинским и другими славянскими языками в XVI–начале XVIII в.–В: Вопросы образования восточно-славянских национальных языков.М.,1962,с.88.

ковую основу и отдельные русские черты, которые устанавливаются прочно и принимают нормативный характер. В русской оригинальной и переводной литературе первой половины XVIII в., связанной в одной или другой степени с христианским мировоззрением, русские авторы более свободно допускают русские, украинские, польские, западноевропейские и др. языковые средства, в результате чего обособляется русская разновидность церковнославянского литературного языка. Она отличается от собственно церковнославянского литературного языка сферами употребления, жанрами, определенными лингвистическими признаками, более широкой вариативностью.

Русская разновидность (тип) церковнославянского литературного языка, как и в предшествующий период, представлена в оригинальных и переводных сочинениях русских авторов. Сферы ее употребления остаются широкими и разнообразными.

Это, с одной стороны, богословская, церковно-дидактическая, догматическая, проповедническая, панегирическая и полемическая литература, связанная с нравственно-философскими проблемами христианства, с церковными прославлениями, с идейными столкновениями между сторонниками православия и католицизма, а также протестантизма, никоновской церкви и раскольников. Появляются в этот период печатные и рукописные труды Ф.Поликарпова (напр. "Объявление о продерзателях", "Первое учение отроком", "Слово в неделю осьмую надесять", "Духовный регламент", "Панегирикос", "Слово о власти и чести царской", "О исхождении св.Духа", "Рассуждение о нетлении мощей" и др.), Дм.Ростовского (напр. "Минеи четьи", "Рассуждение о образе божии", "Розыск о Брынской вере" и др.), Ст. Яворского (напр. "Камень веры", "Знамения пришествия антихристова" и др.), "Пращица новосочиненная противо вопросов раскольнических", "Слово о богодарованном мире" и т.д.

С другой стороны, русская разновидность засвидетельствована в значительной части научной (исторической, лингвистической, математической и т.д.) и технической русской оригинальной и переводной литературы, напр. "Правда воли монаршей", "Лексикон трехязычный", "Розыск исторический о понтификсах" и "О смерти Петра Великого краткая повесть" Ф. Про-

коповича, "Деяния церковная и гражданская" Дезария Барсния, "Книга историография..." Мавро Урбини, "Аполлодора грамматика Афинейскаго библиотеки", "Книга систима" Дм. Кантемира, "Арифметика" А.Магницкого, "География генеральная" Б.Варения, "Книга учащая морского плавания" И.Копиевского, "Книга Марсова" А.Малле, "Проект о школах" И.Посошкова, "Книга земледелательная" и т.д.

Русская разновидность церковнославянского литературного языка представлена также и в части художественной литературы изучаемого периода (драматургической, повествовательной, в поэзии и пр.), напр. драмы "Слава Российская", "Стефанотокос", "Владимир" (Ф.Прокоповича), повести "Повесть о разорении града Трои", "Повесть о Париже и Вене", "Апофегматы", стихотворения, песни "Епиникион или песнь победная на преславную победу Полтавскую" (Ф.Прокоповича), "Победославная песнь на победу Полтавскую", "Кто идет с войском, лаврами венчанный" и др.

Показательно, что авторы и переводчики сочинений, относящихся к указанным сферам и жанрам литературы, по-разному определяют язык своих трудов: "славенский язык", "славенский диалект", "славянороссийский язык", "славенороссийский диалект", "русский язык", "российский язык", "гражданское наречие" и др. См. "Философия естественная.., ныне же на славенский язык переведенная", "Книжку г.Еразма о разговорахъ.., перевели на славенороссийский языкъ", "Книга, учащая морскаго плаванія.., от латинскаго языка преведе на славянороссийскій діалектъ", книги С.Пуффендорфа "на россійскій съ латинскаго преведенныя" и др. По-видимому, и в первой половине XVIII в., как и в настоящее время, отсутствует единое мнение о сущности и наименовании рассматриваемой разновидности (типа) церковнославянского литературного языка. Особенно важно то, что некоторые современники изучаемого периода осознают реально существующее расслоение церковнославянского литературного языка, в составе которого выделяются собственно церковнославянский литературный язык (т.е. русская редакция старобългарского литературного языка), более нормализованный и архаизованный тип (подсистема), с одной стороны, и его русская разновид-

ность, более русифицированный тип (подсистема), с другой. Ряд свидетельств доказывают это. Так, напр., Ф. Поликарпов в предисловии к "Географии генеральной" пишет: "Преводих сиа (книгу) не на самый славенский высокий диалект против автора сочинения и хранения правил грамматических, но множае гражданскаго посредственнаго употреблях наречия"[205].

Л.Л.Кутина с основанием отмечает, что "попытка создания упрощенной редакции, облегченного варианта книжно-славянского языка для нужд просвещения и пропаганды в 20-е годы XVIII в. несомненна"[206]. Но анализ языка существующей древнерусской и русской литературы и письменности свидетельствует, как показано, о формировании подобного "облегченного варианта книжно-славянского языка" еще в Киевский период, когда возникает сложное расслоение языка существующей собственной, списанной и переводной литературы и письменности.

В лингвистическом отношении русская разновидность церковнославянского литературного языка отличается некоторыми характерными чертами. Как и в предшествующий период, церковнославянский литературный язык продолжает оставаться ее языковой основой. Это означает, что наряду с установленными языковыми староболгарскими средствами (напр. слова с неполногласием, с -жд, -щ в определенной этимологической позиции, с начальными -а, -я, -ю, -е, -ра, -ла, с приставками и суффиксами -воз/вос, -из/ис (с выделительным значением), -низ/нис, -пре, -раз/рас, -ущ, -ющ, -ащ, -ящ, различные предложно-падежные и другие конструкции и т.д.) в нем представлены и регулярные древнерусские и русские черты (напр. рефлексы -у, -ю, -я, -а на месте носовых, сочетания редуцированных с плавными между согласными типа гърло-горло, мьртвыи-мертвый, вълкъ-волкъ, -л-епетентетикум, окончания -сму (в дат. пад.ед.ч.м.ср.р. полных прилагательных и т.д.).

---

205 Б.Варений. Географиа генералная Небесным и земноводным круги ... Прев.с лат.яз.на рос. М.,1718.

206 Л.Л.Кутина. Последний период славяно-русского двуязычия с. 262.

См., напр., отрывок из драмы "Слава российская": "Персия. Многими аз богатствы всегда изобилна,/ Не издам никогда же аз гласа умилна./ Многие мне царствия рабско покорены/ И под мою державу весма преклоненны;/ Не буду иным царством аз дани давати,/ Но еще буду иных в плен к себе взимати.../ Вси, чаю, возмнят мене быти полномощну,/Златом, драгим богатством не весьма же тощну".

См. и отрывок из "Слова" Ф.Прокоповича: "Аще бо могли быхом удивитеся пределу толикия крепости в нечувственной натуре, кольми паче ко удивлению возбуждает ум человеческий таковое от естества своего подлежащее немощи вещество, человек глаголю, сей всем внешним и внутренним душевным и телесным страданиям подверженный. Но зри, что не творит?..."

Русская разновидность церковнославянского литературного языка первой половины XVIII в. характеризуется более свободным использованием ряда дополнительных русских языковых средств (фонетических, грамматических, словообразовательных, лексических, фразеологических и др.), которые входят в состав вариативных рядов вместе с соответствующими церковнославянскими (и староболгарскими) и архаическими праславянскими языковыми средствами, напр. аз-я, блато-болото, великия-великие, грагол-слово, дщерь-дочь, един-один, злыи-злой, иже-который, красиваго-красивого, лежати-лежать, писах-писал и т.д. См., напр., отрывок из тракта С.Пуфендорфа "О должности человѣка и гражданіна": "Дано бо есть человѣку, да бы не токмо разлічныя вещи, которые въ мірѣ семъ случаются могъ познавати, оныя межѣ собою уподобляти, и отъ того новыя себѣ изобрѣтати познанія: но да бы такожде могъ усмотрѣвать, что творіти имать, и ко исполненію того подвізатіся, и тое самое ко извѣстному правілу, и намѣренному концу сообразно производіти: и что имать оттуду проізоіти, внімать, и хотя что содѣялъ уже, разсуждать согласуется ли правілу. Ибо не вся изволенія человѣческая всегдашнімъ и едіноподобнымъ образомъ двіжутся. Но некоторые отъ сіхъ внутреннімъ человѣка двіженіемъ возбуждаются... Такожде и не ко всѣмъ предлогамъ или намѣреніямъ равноподобно человѣкъ касается".

См. еще и стрывок из романа "История о Париже и Вене": "Во время бо свсе дщер породи прекрасну,/Всякъ, видя, подобляше сию солнцу ясну./ И во всю вселенную бысть сия навина,/ Всяку сущу на земли радость бѣ едина./ Король же с королевою зелс рад бываше,/ Яко толѣ прекрасную дочку свою зряше-/Благоволи оную абие крещати/ и славное имя ей Вена даровати:/ Для славы града того, Вены, нареченной,/ Хотя быти по себе сней наслѣдственной./ Сице во своихъ кралевскихъ жилищахъ воспитать,/ Исабѣлью мамъку ей псвеле приставить".

В русской разновидности церковнославянского языка изучаемого периода появляются различные заимствования из украинского, латинского, западноевропейских и других языков, новообразования, термины и обороты, а также языковые средства, характерные для других разновидностей (тип а)литературного языка.

К.С.Аксаков отмечает, что в этом "ярко является характер тогдашнего слога, - эта смесь церковнославянского языка, простонародных и травиальных слов, травиальных выражений и оборотов русских и слов иностранных"[207]. См., напр., отрывок из "Истории о Париже и Вене": "Потом же Адоардъ Парижа моляше/ Иттить с ним за едино, украсив шленты,/ Взявши с собою мусикійски инструменты: Бяху играгели оба зѣло славны/ И в мусикійских науках в Венѣ не обрѣтеся им главны./ Вземше цытру, за едино слсво вставше, Нощію идоша, где Вена спавше./ Своим пѣнѣем Парих Бену возбуждаше/ И знакъ гласом и музыкою даяше.../ И нача утешати сладкими вещаньми:/ - Париже любѣзнейшій, ужс бс болше года,/ Какъ я и самъ в страсти сей не имамъ от вода:/ мало - по-малу хожду, умъ мой порушая".

Относительная нормализованность, кодифицированность и стабильность литературно-языковых норм церковнославянского литературного языка в конфессиональной (церковно-богослужебной) сфере и неустойчивость, вариативность литературно-языковых норм его русской разновидности в сферах панегирической

---

207 К.С.Аксаков. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. - В: К.С.Аксаков. Собрание сочинений, т. 2, М., 1875, т.252.

научной и другой литературы в результате проникновения инструктурных языковых средств являются основным аргументом для выделения двух разновидностей (типов) церковнославянского литературного языка, эволюция которых оказывается различной. Церковнославянский язык, как упоминалось, сохраняется до наших дней в конфессиональной сфере, а для его русской разновидности первая половина XVIII в. – последний этап ее функционирования в качестве нормативной подсистемы литературного выражения. Именно тогда обозначается процесс постепенного распада, разрушения русской разновидности церковнославянского литературного языка и ее объединения с письменно-литературной разновидностью русского языка, что находит выражение в теории М.В. Ломоносова о трех стилях русского литературного языка. Во многих сочинениях изучаемого периода указанные языковые процессы находят определенное отражение. См., напр., отрывок из трактата В.Н.Татищева "Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ": "Весма полѣзно взнатныхъ услугахъ быть чающему учить нетокмо отечества своего ноидругихъ гдарствъ: дѣяния ѣлѣтописи ѣли гистория ѣхронографиа... землѣописание ѣли географиа показуетъ нетокмо положение мѣстъ дабы вслучае войны ѣдругих приключенияхъ знать все оного всукреплениях ѣпроходахъ ѣспособности ѣневозможности притом нравы людѣи природное состояния воздуха ѣземли доволство плодовъ ѣбогатствъ ѣзбыточество ѣнедостатки во всякихъ вѣщахъ наипаче же собственного отечества. потомъ пограничнымъ с которыми часто некторые дѣла яко надежду к помощи ѣопасность от их нападения ѣмѣемъ весма состоятѣлно знать дабы в гдрственном правлении ѣсовѣтахъ будучи овсемъ соблгоразумиемъ анеяко слѣпой о краскахъ разсуждать могъ".

В рассматриваемый период появляются замечания по поводу нарушения норм церковнославянского литературного языка или точнее его русской разновидности. В цитированном "Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищ" В.Н.Татищев отмечает: "2. есть же славенскаго языка многіе слова прибавкою или убавкою некоторых букв от простых людей перепорчены, яко вмѣсто глава, мразъ, гладъ, страна, двадесять пишутъ голова, мороз, голодъ, сторона, двадцать", ... "3. Словенскаго жъ

языка окончаниями странными, искаженъ и сложениями непорядочными речи перепорчены".

Расслоение, которое возникает еще в составе древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка в Киевской Руси и приводит к постепенному выделению ее древнерусской разновидности, сохраняется и в первой половине XVIII в., когда окончательно решается эволюция двух разновидностей. Система собственно церковнославянского литературного языка расценивается как архаизованный, трудно доступный книжный язык. Можно вспомнить в связи с этим соображения Ф.Поликарпова, который в 1723 г. пишет в своем заявлении Синоду: "Книга Григория Богослова Назианзена, с прочими, иже с ней, переведена необыкновенною славянщизною, паче же рещи еллинизмом, и затем о ней мнози недоумевают и отбегают"[208].

Изучение староболгарских языковых традиций в русской разновидности церковнославянского литературного языка первой половины XVIII в. дает основания для несколько обобщений.

Во-первых. Языковой основой русской разновидности церковнославянского литературного языка, как отмечалось, остается церковнославянский литературный язык (т.е. русская редакция староболгарского литературного языка). В таком смысле староболгарские языковые средства продолжают оставаться системообразующими по своей сущности. См., напр., отрывок из "Интермедии": "Смерть. Что, старче древни, слезно вопиеши?/ Чесо мя ради до себе зовеши?/ Имя ми есть Смерть. Аз мир умерщвляю,/ Души от телес людских разлучаю.../ Не льсти мя старче! По гласу тя знаю./ Чего хощеши, повежды, вопрошаю./ Старик. Прости мя, Смерть! Се правду вещаю:/ На помощь милость твою призываю,/ Пособи дрова на плеща возложити./Твоим пособством престани тужити".

Во-вторых. Староболгарские языковые традиции обуславливают сохранение ряда архаических форм, конструкций, оборотов, лексических единиц, не употребительных в письменно-лите-

---

208 С.Н.Браиловский. Ф.П.Поликарпов-Орлов, директор московской типографии. - В: ЖМНП, 1894, № 9-11, с. 31.

ратурной разновидности русского языка и особенно в русском народно-разговорном языке. См., напр., отрывок из трагикомедии Ф.Прокоповича "Владимир": "Ярополк. Что вижду? Киев се есть. Горе мне! О горе!/ Умерший единою, се уже повторе/ Умрети чаю. Почто, плачевний удоле/ Адский, послал мя еси семо! Сие поле/ Большую скорбь и позор лютейший имеет:/Увидит мя Владимир и паки убиет./ Аще же и не может меч духа убити.../ О граде тяжкий моим очесем! О злаго/ Жилище разбойника! Добре таковаго/ Князя достоин еси, аще болезнь чужда/ Не болит тебе, аще болезнь чужда."

В-третьих. В рассматриваемый период частое использование староболгарских языковых средств в торжественных словах, в ораторской прозе, в панегирической поэзии, в стихах торжественных, в патетических драматургических сочинениях и т.д. приводит постепенно к формированию у них соответствующей коннотации, которая накладывается на их основное значение и начинает придавать оттенки торжественности, эмоционального подъема. К середине XVIII в. возникает определенная зависимость между староболгарскими языковыми единицами, предметом речи (напр., героические события, значимый предмет обсуждения и т.п.), отношением к нему (напр. благоговение, восторг и т.д.) и определенными жанрами (напр. оды, героические поэмы и др.).

В творчестве выдающихся русских писателей середины XVIII в. и его второй половины проводится не только отбор староболгарских языковых средств, но и осуществляется указанная зависимость их употребления от предмета речи, отношения к нему и жанров. Эти тенденции кодифицируются в теории М.В.Ломоносова о трех стилях русского литературного языка. Староболгарские и церковнославянские языковые единицы становятся одним из основных средств выражения в высоком стиле. Таким образом, изменяется статус староболгарских языковых средств. Из системообразующих (т.е. языковых средств, принадлежащих системе церковнославянского языка) они превращаются в стилеобразующие (т.е. отобранные языковые средства, которые употребляются в высоком стиле русского литературного языка).

См. употребление староболгарских языковых средств в первой половине XVIII в., когда они представлены как системообразующие, (т.е. они представлены в русской разновидности церковнославянского литературного языка), напр. в отрывке из сочинения Ф.Прокоповича "Владимир": "Аз первый прозрел его, яко лицемерно/ Начат богом служити: слыши тайну странну./ Первие он ко богом и жерцом пространну/ Имеруку и, егда жертву приношаше,/ Радость, праздник, торжество, веселие наши/ Бе тогда: воли толсти и тучние крави/ Убиваеми бяху и довольно страви/ Не бози токмо, но и жерци имеяхом/ И не токмо ни мало тогда не стужахом;/ Но, - вируй ми, о княже! - жрец Перуна, бога,/ Добре чрево исполнил от тука премнога".

См. употребление староболгарских языковых единиц в середине XVIII в., когда они редуцируются и используются как стилеобразующие языковые средства (т.е. характеризующие высокий стиль русского литературного языка), напр. в отрывке из героической поэмы М.В.Ломоносова "Петр Великий": " Там нимфы по брегам в веселии ликуют, / И в осень зафиры между древами дуют; Вменяя, что лице земное расцвело./ Тогда возвел монарх веселое чело/ К начальникам своих победоносных ратных,/ Что видит в целости другов своих обратных./ Отрада всех живит, стократно выше бедств./ Отвсюду слышен глас желаний и приветств: "Уже нам, государь, твоими в запад персты/ Врата для подвигов торжественных отверсты"..."

В-четвертых. В первой половине XVIII в. русская разновидность церковнославянского литературного языка остается одним из главных источников расширения лексических, фразеологических, стилистических и частично грамматических ресурсов русского языка и главным образом его письменно-литературной разновидности. Конкретные примеры приводятся в следующем параграфе.

Итак, русская разновидность церковнославянского литературного языка продолжает играть определенную роль в литературно-языковом развитии в первой половине XVIII в. и особенно в начале XVIII в. Намечаются языковые процессы, которые приводят к середине XVIII в. к объединению русской разновидности церковнославянского литературного языка с письменно-литературной разновидностью русского языка.

в) Повествовательно-исторический тип письменно-литературной разновидности русского языка в первой половине XVIII в.

В литературно-языковом развитии первой половины XVIII в. в России выделяется и функционирует, как и в предшествующий период, письменно-литературная разновидность русского языка, в составе которой в зависимости от функциональных сфер, системы жанров, от целевых установок и в первую очередь от отбора и организации языковых средств продолжается языковое расслоение и вычленение двух ее языковых типов (подсистем): историко-повествовательного и официально-делового.

Исследователи истории русского литературного языка по-разному характеризуют, как отмечалось, литературно-языковое развитие в первой половине XVIII в.

В.В.Виноградов, определяя периодизацию "истории народно-культурного или народного обработанного типа древнерусского литературного языка до середины XVII- начала XVIII в.", пишет, что "в это время народно-литературный тип особенно широко и многообразно вбирает в себя элементы живой народно-разговорной речи и вливается не только в простой, но и в посредственный, отчасти даже в сфере лексико-фразеологической - и в высокий стиль русского литературного языка XVII-XVIII веков"[209].

А.И.Горшков указывает на то, что в начале XVIII в. "оставалась открытой проблема лингвистической организации текстов различных типов. А поэтому и тексты не объединялись в достаточно определенные типологические ряды, следовательно неясно вырисовывалась система подсистем литературного языка. Однако потенциальные возможности русского литературного языка Петровской эпохи были огромны. В некоторых сферах его употребления намечались зачатки принципиально новой

---

[209] В.В.Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, с. 150-151.

лингвистической организации текста. Такими сферами были прежде всего повествовательная литература и научная (а также научно-популярная, техническая и учебная литература"[210].

Н.А. Мещерский подчеркивает, что "еще ярче стилистическая пестрота и неупорядоченность литературного языка Петровской эпохи обнаруживается при рассмотрении языка и стиля переводных и оригинальных повестей этого времени"[211].

Е.Г.Ковалевская отмечает, что "так называемое "посредственное наречие" используется не только в текстах деловой и научно-популярной литературы, но и в художественной литературе (светские переводные и оригинальные повести, драмы, зарождающаяся лирика)"[212], обращая внимание на то, что посредственное наречие "это новый тип письменного литературного языка, в котором уживались элементы церковнославянского языка, старого государственного приказного языка и элементы обиходной разговорной речи XVIII в."[213].

В.Д.Левин пишет, что "наибольшей пестроты и неупорядоченности достигает язык в светских жанрах художественной литературы - повести, лирике, переводных драматических произведениях"[214].

Все указанные констатации правдиво раскрывают сложный характер литературно-языкового состояния в первой половине (особенно в Петровскую эпоху) XVIII в., когда не только расширяется состав светской литературы, но возникают новые жанры, изменяется характер образования, устанавливаются контакты с западноевропейскими языками, появляются призывы к отказу от использования церковнославянского языка в светских сферах, когда отсутствуют филологические труды, ре-

---

210 А.И.Горшков. Теоретические основы истории русского литературного языка., с. 138.

211 Н.А.Мещерский. История русского литературного языка, с. 150.

212 Е.Г.Ковальевская. История русского литературного языка, с. 144.

213 Там же, с. 142.

214 В.Д.Левин. Краткий очерк истории русского литературного языка, с. 121.

гламентирующие литературно-языковые нормы, когда эти нормы отражают процессы переходного этапа языковой ситуации. Некоторые авторы считают даже, что в XVIII в. "утверждается в своих правах новый русский литературный язык"[215].

Анализ языка русской светской (оригинальной и переводной) повествовательной, исторической и другой подобной литературы первой половины XVIII в. показывает, что историко-повествовательный тип (народно-литературный тип) письменно-литературной разновидности русского языка все еще выделяется в его системе. Жанровые рамки этого типа (или подсистемы) продолжают расширяться. Наряду с различными повестями, в которых развиваются традиции демократической литературы второй половины XVII в., появляются истории (гистории - в значении повествования), романы, мемуары, исторические сочинения, комедии, бытовая и любовная лирика, народные исторические песни, пьесы, сатиры, записи народного творчества и т.д., напр. "Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли", "История о Александре, российском дворянине", "Езда в остров любви", "История российская" В.Н.Татищева, "Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина им самим описанная", сочинения И.Т.Посошкова "Завещание отеческое" и "О скудости и богатстве", сатиры А.Д.Кантемира, "Комедия о графе Фарсоне", "Комедия о Франталпее", стихотворения П.А.Квашина, стихотворения "Буря море раздымает", "Уж как пал туман на сине море", и др., исторические песни "Ах, бедные головушки солдатские", "Как по матушке Москве" и др., стихотворения А.Д.Кантемира "О купиде", "К трекозе" и др., стихотворения и басни В.К.Тредиаковского "Прошение любви", "Ворон и лисица" и др.

Язык указанных светских сочинений, русский в своей основе, отличается известной нестабильностью норм, вариативностью языковых единиц. Но, как отмечалось, историко-повест-

---

215 Б.А.Успенский. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка, с.110.

вовательный (или народно-литературный) тип письменно-литературной разновидности русского языка на всех этапах своего существования остается более открытой подсистемой выражения, в которой свободно используются народно-поэтические и народно-разговорные, общеупотребительные и архаические, праславянские и иноязычные, староболгарские и церковнославянские и др. языковые средства.

См., напр., отрывок из "Истории о Александре, российском дворянине": "Александр, скоро на улицу побежал, и поровнясь с пасторскими полатами, устремился на все окна смотреть, и узрил ее в окне седящу, дивился красоте ея. Элеонора ж , узрев Александра, возмнила быть некоему шуту: того ради отворя окно, рече ему громко: "Чего, человече, желаеши? Или мадел зданию снимаеши? Александр отвещал: "О желании моем скоро известна будишь!" И паки на квартиру возвратился и пришед посланной девке подарил 20 червонных и просил, чтоб ему помощь учинила, как бы с государынею ея познаться. Она же обещала возможно вспомогание, а ради лучшего совета просила сроку до утра. Александр, опустя девку, размышлял много; способнейшего случая никоего не домыслился и был всю ночь в великом диспорате".

В некоторых сочинениях находит выражение стремление авторов к освобождению от архаизмов, от неупотребительных и труднодоступных староболгарских, западноевропейских и других заимствований, к более нормализированному, последовательному использованию русских народно-разговорных, народно-поэтических и общеупотребительных языковых средств. См., напр., отрывок из стихотворения "Уж как пал туман на сине море": "Уж как пал туман на сине море,/ А злодей-тоска в ретиво сердце./ Не сходить туману с синя моря,/ Уж не выйти кручине из сердца вон./ Не звезда блестит далече во чистом поле,/ Курится огонечек малешенек./ У огонечка разостлан шелковый ковер,/ На коврике лежит удал доброй молодец,/ Прижимает белым платком рану смертную,/ Унимает молодецкую кровь горячую./ Подле молодца стоит тут его бодрой конь,/ И он бьет копытом в мать сыру землю,/ Будто слово хочет вымолвит хозяину:/ Ты вставай, вставай, удал доброй молодец,/ Ты садися на меня, на своего слугу;/ отвезу я добра молодца в свою сторону/ К отцу, к ма-

тери родимой, к молодой жене."

См. еще отрывок из романа "Езда в остров любви" (в переводе В.К.Тредиаковского): "Но когда мы хотѣли пристать къ одному острову, гдѣ мы думали отдохнуть и повеселиться, тогда встала превеликая буря, и вѣтръ такъ силной, что онъ насъ бросилъ съ великою наглостію къ другому берегу на противъ того, на которои мы хотѣли вытти. Насъ тамъ было чрезъ четири или пять часовъ, но потомъ оная буря затихла, и Солнце появилсся на Небѣ такъ красно, что оно таково никогда небывало. А мы нашлися близко одного острова, у котораго берега украшены были очюнь прекрасными садами".

См. и отрывок из "Истории российской" В.Н.Татищева: "У грузинцовъ когда время родить приспеетъ посадят роженицу среди избы наковре, инеколико мусчинъ вшед кней съ саблями върукахъ машут и страсчаютъ доколе родитъ, мня что для страсчанія легче родить. Укалмыкъ случилось мне видеть прироженице, вкибитке неколико духовныхъ, которые часто, илекари бываютъ, и немного женшинъ призываютъ около кибитки по поставленному белсму знаку множество народа собрався поютъ и кричатъ и чим знатнее роженица темъ более людей сходится исвеликимъ крикомъ ожидаютъ рожденія".

Нет сомнения, что традиции историко-повествовательного типа письменно-литературной разновидности русского языка сохраняются и в первой половине XVIII в. Тогда появляются важные свидетельства о причинах отказа использования церковнославянского литературного языка (его русской разновидности) в различных жанрах русской (оригинальной и переводной) светской литературы, что допускается в Московский период (XIV-XVII вв.). Так, напр., в 1730 г., в предисловии к осуществленному им переводу романа французского писателя П. Тальмана "Езда в остров любви", В.К.Тредиаковский пишет: "На меня, прошу васъ покорно, не изволте погнѣваться, (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны) что я оную не славенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собои говоримъ. Сие я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенскои, у насъ есть языкъ церковнои; а сия книга мирская. Другая: языкъ славенскои въ нынѣшнемъ вѣкѣ у нас очюнь

теменъ, и многия его наши читая не разумьютъ; а сия книга есть сладкия любви, того ради всѣмъ должна быть вразумителна. Третия: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что язык славенскои нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не толко я имъ писывалъ, но и разговаривалъ". Следовательно, в начале XVIII в. в среде филологов и литераторов наличие двух систем письменно-литературного выражения (церковнославянской и русской) не только осознается и признается, но и определяются признаки, которые обуславливают их различия: сферы (церковная - мирская), жанры (богослужебные - книги любви), доступность (темный славенский язык - вразумительный русский язык), качества (очень сильный, жесткий, жестокий славенский язык - простой природный русский язык).

Наличие указанных двух систем письменно-литературного выражения признается и другими общественными кругами в России в начале XVIII в. Так, напр., как подчеркивалось, В.Мусин-Пушкин, один из сторонников языковой политики Петра I, докладывает ему о переводе "книжки г. Еразма": "Я префекту приказал, чтобы исправил и речения б клал некоторые русским обходительным языком"[216]. Характерно в этом отношении распоряжение самого Петра I Синоду (1724 г.) о составлении Катехизиса: "... чтоб просто написать так, чтоб и поселянин знал, или на две: поселяном простяе, а в городах покрасивее для сладости слышащих"[217]. Я.В.Брюс, который составляет "Книгу лексикон, или Собрание речей по алфавиту с российского на голланский язык (1717 г.), пишет Петру I: "И хотя... сыщутся не мало слов, не сходных с простым наречием и со иными лексиконы, однако ж я принужден был следовати лексикона"[218].

---

216 П.П.Пекарский. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862, т. 2, с. 368.

217 Там же, т. 1, с. 181.

218 Там же, т. 1, с. 302.

В развитии историко-повествовательного типа письменно-литературной разновидности русского языка важную роль продолжают играть староболгарские языковые традиции.

Во-первых. Староболгарские языковые средства остаются важным источником пополнения ресурсов книжной лексики русского языка. См., напр., отрывок из книги И.Т.Посошкова "Завещание отеческое": "Намъ не золотомъ, ни серебромъ, ниже накладными волосами надобаетъ себя украшати, но паче подобаетъ намъ себя украшати въ воинъскомъ дѣле храбрости, въ судейскомъ дѣлѣ - правосудіемъ.., мастеровымъ же людемъ - въ тщателномъ художествѣ. Въ духовномъ же дѣлѣ паче всѣхъ воспомянутыхъ украшеній, украшатися благочестивою правою христіанскою древнею вѣрсю; къ тому же украшатися книжнымъ ученіемъ, грамматическимъ и риторъскимъ, и философъскимъ разумомъ".

Во-вторых. Староболгарские языковые средства становятся одним из источников пополнения стилистических ресурсов русского языка. Они используются как стилистически выразительные средства (эпитеты, метафоры, сравнения и т.д.). См., напр., их употребление в переводе В.К.Тредиаковского "Езда в остров любви": "Перестань жаловаться на нещастье, мои гласъ;/ позабудь, и ты сердце, кручину на малъ часъ", "Премногія красятъ цветы/ Чрезъ себя прекрасныи брегъ тои", "Розы, тюлипы, жесмины/ Благовонность испускаютъ", "Всегда древа имѣютъ плоды свои спѣлы, /Вѣтви всегда зелены". См. еще и оду В.К.Тредиаковского "Вешнее тепло": "Прохлада майская надхнула;/ Изчезъ мразъ, и трѣскуче зло", "Среди насъ вѣкъ златый воскресъ;/ Псарь в рощахъ намощенъ стрѣляетъ", "Что ихъ жжетъ огнь любви жарчайшій;/ Отъ яркой разности гласовъ".

В-третьих. В первой половине XVIII в. сохраняется и продолжается традиция использования старобслгарских языковых средств в целях создания комического эффекта, экспрессии юмора, иронии, сатиры. См., напр., их употребление в сатирах А.Д. Кантемира: "Епископомъ хочешь быть? Уберися въ рясу,/ Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата/ Пусть прикрсетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,/ Клобукомъ покрой главу, брюхо борсдою"; "Златой вѣкъ до нашего не дотянулъ роду;/ Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣлс", "Нѣтъ правды въ людяхъ, Кричитъ безмозглый церковникъ;/ Еще не епископъ я, а знаю ча-

ссвникъ,/ Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,/ Въ Златоустѣ не запнусь".

В-четвертых. Во многих из указанных сочинениях старославянские языковые средства свободно используются в сочетании с разнообразными генетическими и стилистическими средствами. Это неизбежный этап в процессах разрушения двуязычия в литературной сфере и сложения единых норм в результате нормализации.

См., напр., употребление различных стилистических, генетических, архаических, новых языковых средств в "Гистории о российском матросе Василии Кориотском": "Новый атаман Василий крикнул великим гласом: "Молодцы удалые, во фрунт!" И все разбойники - единым оком мигнуть - все во фрунт стали, и Василий нарошно пред ними, якобы что знает волшебное, взяв два замка большие, привязал к ногам своим и около всех разбойников обежал, поклонился и выставил бочку вина, всем по ковшу поднес. Тогда вси разбойники между собою реша: "Хорош, братцы, наш атаман новой, лучше старого"..."

г) Официально-деловой тип письменно-литературной разновидности русского языка в первой половине XVIII в.

В первой половине XVIII в. продолжает функционировать и официально-деловой тип (подсистема) письменно-литературной разновидности русского языка, выделяясь сферами употребления, системой жанров, назначением, функцией и в первую очередь установленными языковыми чертами.

В специальных трудах по истории русского литературного языка этот вопрос рассматривается неоднозначно, во многих случаях бегло или вообще не ставится.

В.В.Виноградов отмечает, что в Петровскую эпоху "происходит резкое усиление значения разновидностей государственной, приказной речи, расширение сферы ее влияния. Заботы передового общества и правительства о "внятном" и "хорошем стиле" переводов, о сближении их с "русским обходительным языком", с "гражданским посредственным наречием", с "простым русским языком" отражали сложный процесс формирования общерус-

ского национального языка"[219]. В.В.Виноградов обращает также внимание на то, что "из делового приказного слога при помощи разговорной речи постепенно вырастают новые стили научно-технических произведений, новые стили публицистической и повествовательной литературы"[220].

А.И.Горшков считает, что "наряду с интенсивным развитием литературного языка в Петровскую эпоху происходит дальнейшее расширение функций "делового языка", связанное с ростом значения и увеличением разновидностей деловых документов и деловой переписки"[221].

Н.А.Мещерский подчеркивает, что "в языке деловой письменности Петровской эпохи сосуществовали противоборствуя элементы старые, традиционные, и новые. К первым отнесем церковнославянские слова и формы, а также выражения из старомосковского языка приказов; ко вторым - малоосвоенные языком иноязычные заимствования (варваризмы), просторечие, черты диалектного словоупотребления, произношения и формообразования"[222].

А.И.Соболевский указывает на то, что "деловой язык петровского времени - живой язык образованного класса того времени, класса, к которому принадлежал царь и его двор. Он не был чистым русским языком, таким чистым, каким был деловой язык в Москве XV-XVII вв. Он заключал в себе довольно много славянизмов, едва ли встречавшихся в живом употреблении, принадлежавших исключительно письменному"[223].

Ф.П.Филин высказывает соображения о том, что "вопреки утверждениям Б.О.Унбегауна, А.В.Исаченко и др. какой-либо про-

---

219 В.В.Виноградов. Вопросы образования русского национального литературного языка.-В: Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978, с.193.

220 Там же, с. 194.

221 А.И.Горшков. Теоретические основы истории русского литературного языка, с. 139.

222 Н.А.Мещерский. История русского литературного языка, с. 149.

223 А.И.Соболевский. История русского литературного языка.Л., 1980, с.118.

пасти, обрыва языковых традиций между древнерусской и московской деловой литературой и деловой письменностью XVIII и XIX-XX вв., как одной из сфер русского литературного языка, не было, хотя изменений, разумеется, произошло немало"[224]

Изучение языка русской официально-деловой письменности в первой половине XVIII в. свидетельствует о том, что в целом, независимо от различных частичных изменений, языковые традиции официально-делового типа (подсистемы) письменно-литературной разновидности русского языка сохраняются и развиваются и в рассматриваемый период. Сохраняются и расширяются как функциональные сферы, так и жанровая система официально-делового типа, который представлен не только в традиционных сферах и жанрах государства, права, администрации, военного и торгового дела, но и в газетном деле, а также частично в научно-популярной, технической, научной литературе, в различных описаниях, речах, трактатах, манифестах и т.д. См., напр., "Собрание законов Российской империи", "Письма и бумаги императора Петра Великого", "Письма русских государей и других особ царского семейства", "Ведомости", "Приемы циркуля и линейки", "Учение и практика артилерии", "Книга мирозрения", "Разговор у адмирала с капитаном о команде" К.Н.Зотова, "Брюсов календарь", "Артикул воинский", "Приклады, како пишутся комплименты разные", "Манифест о разрыве мира с Турцией 1711г. книга "О скудости и богатстве" и "Проект о школах" И.Т.Посошкова. "Разговор дву приятелей о пользе науки и училищ" В.Н. Татищева, "Реляции" и "Трактат о стихотворстве" А.Д. Кантемира, книга "Разговор между чуждестранным человеком и российским об ортографии", речь "О чистоте российского языка" и трактат "Новый и краткий способ к сложению российских стихов" В.К.Тредиаковского и др.

Основные лингвистические черты официально-делового типа (подсистемы) письменно-литературной разновидности русского языка устойчиво сохраняются и в первой половине XVIII в

---

224 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка, с. 279

(русская языковая основа, частотность терминологической и конкретной лексики, новые грамматические формы и др.). См., напр., отрывок из "Ведомостей" (1703 г.): "Из Олонца пишут. Города Олонца, поп Иван Окулов, собрав охотников пеших с тысячу человек, ходил за рубеж в свейскую границу и разбил свейские Ругозенскую, и Гиппонскую, и Сумерскую, и Керисурскую заставы. А на тех заставах шведоб побил многое число и взял рейтарское знамя, барабаны и шпаг, фузей и лошадей довольно, а что взял запасов и пожитков он, поп, и тем удовольствовал солдат своих. А достальные пожитки и хлебные запасы, коих не мог забрать, все пожег. И Соловскую мызу сжег и около Соловской многие деревни, дворов с тысячу, пожег же. А на вышеписанных заставах, по сказке языков, которых взял, конницы шведской убито 50 человек, пехоты 400 человек".

В изучаемый период для официально-делового типа становится характерным и широкое использование заимствований из западноевропейских языков, которые употребляются свободно наряду с другими установленными языковыми средствами. См.,напр., отрывок из книги К.Н.Зотова "Разговор у адмирала с капитаном": "Адмiралскiи(ъ)вопросъ. Когда не хочешь потерять много земли оборотомъ повѣтру, тогда как дѣiствовать надобно. Капитанскiи отвѣтъ(з). Потомъ когда кораблю сталъ приходить на другую сторону, тогда бiзань роспусти и наполни заднiя парусы и притягивай ихъ шкуты и брасы, а передньiми палоши покамѣстъ уже у заднiхъ булiны натянутся".

Официально-деловой тип (подсистема) письменно-литературной разновидности русского языка подвергается дальнейшей литературной обработке. Во многих жанрах наблюдается более активное использование книжно-абстрактной лексики, старых лексических и грамматических единиц, староболгарских, народно-поэтических, художественно-выразительных средств, новых форм вежливости. См., напр., отрывок из "Трактата с стихотворстве" А.Д. Кантемира: "Государь мой! Я не знаю, для какой причины отправленныя Вами книги въ прошломъ годѣ только на сей недѣлѣ ко мнѣ дошли; но вы из того изволите узнать, для чего я медлилъ удовольствовать желанiе ваше въ томъ, что касается до книжицъ подъ титломъ Новаго и краткаго способа къ составленiю стиховъ русскихъ." "Нашъ языкъ, напротиву, изрядно стъ

славенскаго занимаетъ стмѣнныя слова, чтобъ стдалиться въ стихотворствѣ отъ обыкновеннаго прстаго слога и укрѣпить тѣмъ стихи свои; также полную власть имѣетъ в преложеніи, которое не только стихъ, но и простую рѣчь украшаетъ".

См. и отрывок из "Проекта о школах" И.Т.Посошкова: "Для Россіиския славы; наипачеж ради духовныя пользы, довелось бы в Россіи сострить академия великая всехъ наук исполненная, дабы в великой Россіи, великая и академия была"... "Слышалъ я что крымскіе татарове дѣтей своих ни за какую вину не бьютъ дабы он былъ буявъ и безстрашенъ и сему мочно вѣрить что правда аще кто из младенчества в наказан и возрастетъ тои и до смерти будет блѓоговѣин, а кой в бестрашіи. возрастет тотъ таковъ уже и состарѣется яко младое древцо куды нахилишь туды и во старости криво будет".

В официально-деловом типе, как и в других письменно-литературных разновидностях, устанавливается известная неустойчивость и неупорядоченность языковых норм в результате использования разнородных в генетическом, стилистическом, хронологическом и лингвистическом отношении средств (праславянских, русских, староболгарских, западнсевропейских, народно-разговорных, народно-поэтических, книжных, новых и старых грамматических форм и т.д.). См., напр., отрывок из письма Петра Великого к генералу князю А.И.Репину: "Сегодня получил я ведомость о Вашем толь худом поступке, за чьто можешь шеею запълатить, ибо я чрезъ господина губернатора подъ смертью не велелъ ничего в Ригу пропускать. Но ты пишешь, что Огильвии тебе велелъ. Но я так пишу: хотя бъ и ангелъ, не точию сей дерзновенникъ и досадитель велелъ бы, но тебе не довълело сего чинить. Впреть же аще единая щепа пройдетъ, ей богомъ клянусь, без головы будешь".

Староболгарские языковые традиции в официально-деловом типе находят выражение в первую очередь в пополнении его лексических ресурсов. См., напр., отрывок из речи "О чистоте российского языка" В.К.Тредиаковского: "Ясно есть, что и трудности въ нашей должности не толь есть трудна, чтобъ побѣждена быть не возмогла. Одно тщаніе, одна ревность, одна неусыпность отъ насъ требуется. Можно жъ дать и способъ,

чѣрезъ который тщаніе, ревность и неусыпность непреминуемо имѣть мы будемъ"... "Впрочемъ, Господа, хотя и кажется мнѣ, что я нѣсколько доказалъ пользу, славу, и препобѣждаему трудность въ новой сей нашей должности; но всеконечно не знаю, приличнымъ и свойственнымъ ли словомъ сіе я исполнилъ".

Староболгарские языковые традиции обуславливают использование староболгарских языковых единиц и в определенных стилистических целях для выражения определенных коннотаций (торжественности, иронии и т.д.), ассоциаций с христианской религией, церквью и т.д. См., напр., отрывок из книги И. Т. Посошкова "О скудости и богатстве": "Самъ гдь бгъ рекъ гля, яко единъ рабъ не можетъ дву господамъ служити тако и воину, и инаго чина члвку, всякому, свой чинъ прямо вести а в другой предѣлъ не вступати"... "А аще гсдь бгъ у насъ в россійскомъ цртвѣ, устроитъ сицѣ: еже судьи и всѣ правители будутъ кійждо управлять, свое дѣло с прильжаніемъ, а въ купечество не въступати: но токмо ихъ от обидников защищати такожде и военным людямъ, ни афицѣрамъ, ни салдатамъ в купечество не въступати".

Сохранение ряда архаических грамматических форм и лексических единиц тоже обусловлено воздействием староболгарских языковых традиций. Некоторые употребительные еще во XVII в. формы, слова и обороты в изучаемый период начинают обособляться как архаические, специфические "приказные", "канцелярские" элементы, напр. инфинитивные формы с суффиксом -ти, окончания полных имен прилагательных -аго, -ыя, книжные слова типа -глаголати, -нареченный, -пребывати, -воедино и т.д., различные архаические местоимения, наречия, частицы, союзы, союзные слова типа -аще, -бо, -вельми, -дондеже, -егда, -елико, -кои, -обаче, -оный, -понеже, -семо, -сице, -тако, -токмо, -яко и т.д. См., напр., отрывок из книги И.Т.Посошкова "О скудости и богатстве": "Аще такои краткосной судъ будетъ ворам и разбоиникамъ то имъ страшнее жестоких смертеи будетъ понеже кои разбоиникъ ни попадется то уже взвороту ему не будетъ"... "О семъ судьямъ велми надлежитъ пещися что бы в тюрмахъ колодниковъ не много было то бы добро ежели і единаго узника не было худая судьямъ похвала что колодников много деръжатъ".

Итак, официально-деловой тип и в первой половине XVIII века все еще выделяется как функционально и жанрово обособленная подсистема письменно-литературного выражения в системе русского языка. Старославянские языковые традиции продолжают играть определенную роль в его развитии.

Обобщая, следует подчеркнуть, что в первой половине XVIII в. происходит известное нивелирование прежней обособленности различных видов (подсистем) письменно-литературного выражения (русской разновидности церковнославянского языка, повествовательно-исторического типа и официально-делового типа русского языка), представленных в богатой и разнообразной русской литературе. Все они связаны тем, что выполняют общую роль литературного языка, что обслуживают один и тот же языковой коллектив и представлены в его литературе. С другой стороны, они остаются до известной степени разграниченными, потому что выполняют различные функции, находят выражение в различных жанрах и сферах общественной жизни русского народа.

Но процесс постепенного нивелирования их противопоставленности, который возникает еще во второй половине XVII в., в первой половине XVIII в. расширяется и углубляется. Это нивелирование является результатом распространения общих лексических слоев на общей праславянской основе (русских, старославянских, западноевропейских, греческих, латинских и др.), общих стилистических разрядов на стилистически нейтральной основе (книжных, народно-разговорных, народно-поэтических, стилистически меркированных, экспрессивных), на основе сохранения ряда общих праславянских грамматических форм, фонем, морфем и т.д. Взаимопроникновение языковых средств (общих и различных) указанных трех разновидностей письменно-литературного выражения (русской разновидности церковнославянского языка, историко-повествовательного и официально-делового типов русского языка) приводит постепенно к их сближению, к разрушению их целостности и противопоставления. Нарушается также функциональное и жанровое разграничение. Все это создает условия для формирования единой системы русского литературного языка, в которой объединяются, сливаются все разновидности (типы) письменно-литературного выражения.

4. Литературно-языковое развитие в середина и вс второй половине XVIII в. и староболгарские языковые традиции.

В русской литературе, в русской официально-деловой письменности первой половины и середины XVIII в. находит выражение, как указывалось, процесс нивелирования, сглаживания, обособленности упомянутых разновидностей (типов) письменно-литературного выражения (русской разновидности церковнославянского языка, историко-повествовательного и официально-делового типов русского языка). Этот процесс представлен неравномерно в различных видах и жанрах русской литературы и официально-деловой письменности рассматриваемой эпохи. Но принципы нивелирования языковой противопоставленности и разрушения целостности выделяемых разновидностей (типов) письменно-литературного выражения становятся общими. Это, с одной стороны, взаимопроникновение и взаимодействие разнородных языковых средств (праславянских, русских, староболгарских, западноевропейских и др., книжных, народно-разговорных, народно-поэтических, стилистически нейтральных и др., общеупотребительных, архаических, новых и др.). С другой стороны, это постепеннсе освобождение языковых средств от функциональной и жанровой зависимости.

См., напр., употребление разнородных языковых средств в переводном романе "История о Париже и Вене", в котором в целом выражаются нормы русской разновидности церковно-славянского литературного языка, но частично использованы русские и западно-европейские лексические единицы (наряду с праславянскими и староболгарскими), архаические, общеупотребительные и новые грамматические формы, книжные, абстрактные, народно-разговорные и народно-поэтические слова и обороты и др.: "Во время бо свсе дщер породи прекрасну, / Всякъ, видя, подобляше сию сслнцу ясну./ Король же с кралевою зело рад бываше,/ Яко толь прекрасную дочку свою зряше. / Благоволи оную абие крещати/ И славное имя ей Вена даровати./"... "Тогда стецъ велїе торжество учреждаше,/ Егда сынъ родися, имя Парижь нарицаше./ Когда же Яковъ в дом королевской вхождая,/ Сына же своего Парижа при себѣ вождая, Политикам, церемоніям і всякаго благородных обычая,/ Боинским

регулам и стихотворным наукам обучая".

См. и отрывок из "Реляции" А.Д.Кантемира, в которой находят выражение нормы официально-делового типа письменно-литературной разновидности русского языка. В ней представлены частично староболгарские и западноевропейские слова, старые и новые грамматические формы, книжные и обиходные единицы: "На прошедшей недѣлѣ доносилъ я, что дѣло объ акцизѣ непріятной здѣшнему министерству имѣло конецъ. Тогда общее было мнѣніе, что другихъ слѣдствій оно имѣть не будетъ"... "Въ прошлую среду гишпанской посолъ имѣлъ у короля приватную аудіенцію, на которой жалобу приносилъ съ стороны своего государя, что два алшрійскіе корабля подъ протекціею аглинскихъ кораблей введены въ Гибралтаръ, въ чемъ аглинской командиръ поступилъ противно дружбы, на оное ему г-ну послу отвѣтствовано, что понеже дворъ гишпанской трудность чинить, чтобъ изъ гишпанскихъ провинцей потребныя провизіи привожены были въ Гибралтаръ, его англинское в-о надѣется правильно поступать, защищая алшріцовъ, которые къ его гарнизону хлѣбъ привозятъ".

См. еще отрывок из "Гистории о российском матросе", в котором находят отражение нормы историко-повествовательного типа письменно-литературной разновидности русского языка. Но эти нормы характеризуются определенной нестабильностью в результате использования разнородных языковых средств: "Минувшу же дни по утру рано прибежал от моря есаул их команды и объявил: "Господин атаман, изволь командировать партию молодцов на море, понеже по морю едут галеры купецкие с товары". Слышав то, атаман закричал: "Во фрунт!" То во едину часа минуту все вооружишася и сташа во фрунт. Токмо российской матрос Василий единъ стоит без ружья особо, понеже не определен. Тогда разбойники реша атаману: "Что наш новоприемной товарищ стоит без ружья и не в нашем фрунте; извольте приказать оружие выдать". И атаман вскоре повеле ему оружия выдать"... "Василий, встав на коленки, рече: "Государыня, прекрасная девица, королевна, ты роду какого и како сими разбойники взята". И отвеща девица: "Изволь, милостивый государь, слушать, я тебе донесу"...".

В это время постепенно принимает все более очерченные формы другое противопоставление и обособление разнородных языковых средств, отбор и сочетание которых в различных видах литературы и официально-деловой письменности начинает определяться в зависимости от темы, предмета, содержания, от жанра и стиля.

а) Теоретическое обоснование в середине XVIII в. единой системы русского литературного языка с тремя ее стилями

В литературно-языковом развитии в России в середине XVIII в. созревает острая общественная необходимость в устранении основных противоречий, характерных для литературного языка, в его нормализации и кодификации.

Нивелирование обособленности, противопоставленности различных типов (разновидностей, подсистем) письменно-литературного выражения, взаимопроникновение их языковых средств, возникновение стилистической пестроты и неупорядоченности в их употреблении - все это приводит к постепенному распаду старой системы письменно-литературного двуязычия, системы типов (разновидностей, подсистем) церковнославянского и русского языков.

В недрах старой распадающейся письменно-литературной системы закладываются постепенно основы новой системы отбора и организации разнородных языковых средств.

Процесс складывания единого литературного языка на русской народной основе при сохранении всех жизнеспособных и необходимых староболгарских, западноевропейских и др. языковых средств сопровождается формированием других, новых дифференцированных его подсистем (разновидностей, типов, стилей). Этот процесс заканчивается лишь в первой половине XIX в. и на протяжении почти целого столетия (с середины XVIII в.) протекает в условиях действия противоречивых тенденций и попыток устранения основных противоречий, упорядочения и нормализации.

Г.О.Винокур подчеркивает, что "к середине XVIII в. благодаря усилиям теоретиков литературного языка, каковы Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, в этот процесс в значитель-

ной мере было внесено нормализующее начало, особенно заметно и плодотворно сказавшееся в литературной практике и теории второй половины века"[225].

Огромную роль в нормализации формирующейся системы единого литературного русского языка играет стилистическая теория и литературная практика М.В.Ломоносова. В своих трудах "Предисловие о пользе книг церковных в российском языке", "Российская грамматика", "Риторика" и др. выдающийся русский ученый и писатель с поразительным даром научного обобщения и филологическим проникновением определяет нормы и статус единого литературного языка и его трех стилей (подсистем).

М.В.Ломоносов имеет ясное представление и четко разграничивает русский язык в его письменно-литературной разновидности и церковнославянский литературный язык. В 1764 г. в отзыве о плане работы А.Л.Шлецера М.В.Ломоносов пишет: "Однако он (т.е. Шлецер - П.Ф.) поистине знает, сколько речи, в российских летописях находящиеся, разнятся от древнего моравского языка, на который переведено прежде священное писание, ибо тогда русский диалект был другой, как видно из древних речений в Несторе, каковы находятся в договорах первых русских князей с князями греческими. Тому же подобны законы Ярославовы, "Правда Русская" называемые, также прочие исторические книги"[226]. Нелишне напомнить, что у многих современников М.В.Ломоносова, а также и у некоторых филологов XIX-XX вв. отсутствует дифференцированный подход при изучении языка древнерусской и русской литературы и официально-деловой письменности. Определенная часть из них отождествляет церковнославянский литературный язык и письменно-литературную разновидность русского (и древнерусского) языка. Другая часть считает церковнославянский язык единственным литературным языком в эпоху Средневековья. Третья часть воспринимает автономное формирование литературного языка на русской народной основе.

---

225 Г.О.Винокур. Русский литературный язык во второй половине XVIII века. - В: Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с.138

226 М.В.Ломоносов. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1952, т.7, с.899.

М.В.Ломоносов относится с глубоким уважением к традициям церковнославянского литературного языка, обращая внимание на ряд существенных аспектов. В результате непосредственных контактов и через церковнославянский литературный язык русский язык обогащается достижениями греческой языковой культуры. "Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, - пишет М.В.Ломоносов, - когда церковные книги с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители"... "Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводу ветхого и нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и оттуду умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно"[227].

М.В.Ломоносов специально подчеркивает, что "по важности освященного места церкви божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особливое почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит"[228]. Он рекомендует "всем любителям отечественного слова"... "дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует"[228]. В результате чтения книг церковных и знакомства с церковнославянским языком "всяк будет уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах" и "отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков"[229].

М.В.Ломоносов постоянно разграничивает русский язык от церковнославянского, указывая на "пользу от книг церковных

---

227 М.В.Ломоносов. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1952, т.7, с. 587-588.

228 Там же

229 Там же

славенских в российском языке", выражая уверенность в том, что "российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится"[230]. С другой стороны, он предлагает упорядочение литературного языка на основе отбора и объединения наиболее целесообразных, нужных, важных и выразительных языковых средств церковнославянского языка (по существу его русской разновидности) и письменно-литературного русского языка, считая, что "российский язык утвердится" именно "старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российском"[231].

Употребление церковнославянских и русских языковых средств, представленных в рамках единого русского литературного языка, ставится в зависимости от установленных норм выделяемых трех стилей в его системе.

В "Предисловии о пользе книг церковных в российском языке" М.В.Ломоносов пишет: "Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка. К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: бог, слава, рука, ныне, почитаю (т.е. праславянские слова - П.Ф.). Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: отверзаю, господень, насажденный, взываю (т.е. староболгарские слова - П.Ф.). Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: обаваю, рясны, овогда, свене и сим подобны (т.е. архаические неупотребительные староболгарские слова - П.Ф.). К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: говорю, ручей, который, пока, лишь (это общеупотребительные праславянские слова; только слово лишь является собственно

---

230 Там же

231 Там же

русским - П.Ф.). Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употреблять не пристойно, как только в подлых комедиях."[232]

Следовательно, на лексическом уровне языковую основу единого русского литературного языка составляют пласты общеупотребительной праславянской и русской лексики, а также вразумительные староболгарские лексические единицы, употребительные преимущественно в книжной сфере. В других своих трудах М.В.Ломоносов пишет и о западноевропейских словах, предлагая оставлять только те из них, которые усвоены русским языком и "в также пришли обыкновение, что будто бы они сперва в российском языке родились"[233]. За пределами лексики русского литературного языка М.В.Ломоносов оставляет три группы слов: а) "неупотребительные и весьма обветшалые" староболгарские слова; б) русские "презренные слова"; в) "дикие и странные слова нелепости, восходящие к нам из чужих языков"[234].

Лексические пласты, составляющие лексическую основу единого русского литературного языка, оцениваются М.В.Ломоносовым через призму различных категорий: а) историко-генетической (т.е. выделяются праславянские, русские, староболгарские и западноевропейские лексические единицы); б) стилистической (т.е. "российский язык имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий"); в) естетической (т.е. разные степени русский язык имеет "по приличности"; кроме того из разряда русских слов исключаются "презренные слова"); г) понятийной (т.е. выделяются староболгарские вразумительные слова, а также западноевропейские); д) хронологической и нормативной (т.е. разграничиваются общеупотребительные, малоупотребительные, неупотребительные и обветшалые слова)[235].

М.В.Ломоносов нормализирует литературный язык, обозначая его термином "российский язык", разграничивает в его системе три стиля и, что исключительно важно, определяет нормы

---

232 Там же, с. 588-589

233 Там же, с. 608

234 Там же, с. 588-591

235 Там же

этих стилей, указывает на принципы отбора и сочетания различных языковых средств, устанавливает зависимость между языковыми средствами, темой (предметом) и жанром. В "Предисловии о пользе книг церковных в российском языке" он подчеркивает: "От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий. Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются"... "Средний стиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностию, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость"... "Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия"... "Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных. Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средним, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суть комедиц, увеселительные эпиграмы, песни, в прозе - дружеские письма, описания обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению"[236].

В "Российской грамматике" и частично в "Риторике" М.В. Ломоносов регламентирует орфоэпические, акцентологические и грамматические нормы установленных трех стилей. Эти регламентации подчиняются его основной концепции, что система литературного языка русской нации основывается на синтезе нужных,

---

[236] Там же, с. 589.

общепринятых, жизнеспособных и выразительных русских и церковнославянских языковых средств.

Изучение роли староболгарских языковых традиций в литературно-языковом развитии середины и второй половины XVIIIв. соприкасается именно с процессами нормализации литературного языка, которые находят выражение в трудах М.В.Ломоносова и в сочинениях выдающихся русских писателей, ученых и других деятелей русской культуры.

Со староболгарскими языковыми традициями непосредственно связано обособление и выделение высокого стиля единого русского литературного языка. По учению М.В.Ломоносова, как упоминалось, языковую основу высокого стиля составляют праславянские и староболгарские языковые средства (т.е. языковые средства церковнославянского литературного языка), специально отобранные и кодифицированные. Ломоносов регламентирует использование тех староболгарских лексических единиц, "кои хотя обще употребляются мало и особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны". Он приводит такие примеры, как: отверзаю, господень, насажденный, взываю, но изучение языка сочинений Ломоносова свидетельствует об использовании значительного пласта подобных староболгарских лексических единиц, напр. богиня, божество, блаженство, бесконечный, брег, бездна, воздвигать, владетель, величество, воздыхать, вознести, власть, владычество, внимать, возгласить, восхищать, восстенать, врата, вселенная, град, глас, гласить, глад, дщерь, дерзостный, древо, десница, естество, един, златые, изваянный, мраз и т.д. (в героической поэме "Петр Великий"). См. еще использование подобных лексических единиц в "Оде Екатерине Алексеевне": богиня, благостыня, блаженный, блаженство, благоволить, благословить, благословенный, брег, божественный, вышний, всходящий, возвысить, воздвигнуть, вознести, воззреть, всбудить, великодушный, воссиять, восхищенный, владычество, врата, владетель, глас, гордыня, денница, десный, дщерь, добродетель, единодушный, един, здравие, златые, злак, источник, изувер, класы, младый, множество, ограждать, обогащение, обращать, премудрость, предвидеть, пребыть, просвещать, рождение, священный, сокращать, союз, сладкогласный, торжествовать, храбрый, член и т.д.

М.В.Ломоносов определяет и место обширного слоя старославянских лексических единиц, которые не проникли в систему письменно-литературной разновидности русского языка, подчеркивая: "неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как сбаваю, рясны, овогда, свене и сим подобные"[237].

В высоком стиле нормой признаются еще: а) оканье (т.е. сохранение безударного -о, напр. хорошо); б) отсутствие перехода -е в -о под ударением перед твердыми согласными (т.е. орел, а не орёл); в) сохранение различий между -ѣ и -е; г)фрикативное произношение -г; д) ударения типа: высóко, избрáн, дáры; е) окончание -а в род.пад. ед.ч. м.р. (напр. трепета); ж) окончание -е (-ѣ) в местн.пад. ед.ч.м.р. (в поте); з) формы сравнительной и превосходной степени прилагательных на -ейший, -айший, -ший; и) сохранение архаических форм числительных (типа четырдесятый, вторыйнадесять); к) причастия, а также деепричастия на -а; л) употребление оборота "дательный самостоятельный"[238].

М.В.Ломоносов не только отбирает и регламентирует состав старославянских языковых средств высокого стиля, но и уточняет жанры, как отмечалось, "сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях".

Таким образом, старославянские языковые единицы начинают играть роль стилеобразующих средств, являясь одним из признаков высокого стиля русского литературного языка середины и второй половины XVIII в. Следует заметить, что стиль (или штиль) в стилистической теории М.В.Ломоносова - это "целесообразно организованная и общественно осознанная система языковых средств"[239], что целью этой теории является "выработка такого описания, - как с основанием подчеркивает В.П.Вомперский, - с помощью которого можно представить "штили" литературного языка в виде системы или точнее говоря, системы систем (высокий, средний, низкий "штили")"[240].

---

237 Там же, с.588.

238 М.В.Ломоносов. Полное собрание сочинений, т.VII.

239 В.П.Вомперский.-О понятии "штиля" в стилистической теории М.В.Ломоносова.-В: Вопросы стилистики. М., 1966, с.50.

240 Там же, с.47.

См., напр., отрывок из "Оды на день тезоименитства великого князя Петра Феодоровича" М.В.Ломоносова:

Возвысится, как кедр высокий,
Над сильных всех твоя глава;
Ты, как змию, попрешь пороки.
Пятой наступишь ты на льва.
...
Прострешь свои державны длани
Ко вышнему за нас в церквах
Покажешь меч и страх в день брани,
Подобно как твой дед в полках.
Премудрость сядет в суд с тобою,
Изгонит лесть и ков с хулою.
И мужество твои чресла
Скрепит для общей нашей чести,
Защитит нас к противных мести,
Дабы исторгнуть корень зла.

См. и отрывок из героической поэмы М.В.Ломоносова "Петр Первый":

Тогда возвел монарх веселое чело
К начальникам своих победоносных ратных,
Что видит в целости другов своих обратных.
Отрада всех живит, стократно выше бедств.
Отвсюду слышен глас желаний и приветств:
"Уже нам, государь, твоими в запад персты
Врати для подвигов торжественных отверсты".

См. еще и отрывок из "Поздравительного письма Г.Г.Орлову" М.В.Ломоносова:

Предводит польза их и следует успех.
Стократно счастливы ее под кровом нивы,
Где лавры собрал Петр, она садит оливы,
Возносят грады там в веселии главы;
О как красуетесь, Балтийски бреги, вы!
Тритоны с нимфами там громко восклицают.

Значение староболгарских языковых традиций определяется и тем, что они играют определенную роль как стилеобразующие средства, хотя и с известными ограничениями, и в среднем стиле. В связи с этим приходится напомнить еще раз соображения М.В.Ломоносова, который пишет: "средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские в высоком штиле употребительные, однако с некоторою осторожностию, чтобы слог не казался надутым"[241].

Очень сложно установить инварианты среднего стиля, в том числе и состав "речений славенских", так как моделирование норм среднего стиля затрудняется наличием разнообразных вариантных единиц и элементов высокого и низкого стилей.[242] М.В. Ломоносов рекомендует "сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли"[243]. Несомненно, он и в среднем стиле устанавливает зависимость между темой, предметом речи, содержанием (т.е. изображение геройства, высокие мысли) и староболгарскими языковыми средствами. Мы могли бы определить состав этих средств в среднем стиле, принимая во внимание сочинения Ломоносова и то, что к среднему стилю он относит еще стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги, элегии, "описания дел достопамятных и учений благородных".

См., напр., в "Письме о пользе стекла" М.В.Ломоносова: агнец, безвредный, бисер, брег, брань, блаженный, благословенный, безбедный, бесплодный, безмерный, божественный, благоговение, вещь, вознести, вздух, враны, враг, вред, веселие, воз-

---

241 М.В.Ломоносов. Предисловие о пользе книг церковных, с.590.

242 Н.И.Толстой. Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков XVII–XVIII вв. – В: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, с.11.

243 М.В.Ломоносов. Предисловие о пользе книг церковных, с.590.

двигнуть, вселенная, величество, восстать, глас, глава, горящий, глад, град, драгой, единство, естественный, жертва, жрец, здравие, злато, златый, искусство, искусный, изрыть, краткий, лицемеры, мраз, младость, мрак, невежда, облаки, оный, обратный, отвращать, обращать, премудрость, пламень, полунощный, пища, предать, помощь, пребывать, прекрасный, посрамить, предел, пространство, рождать, разумный, страна, сонмище, средина, сребреный, твердь, учредить, хранить, храниться, хлад, храмина, чрез, члены и др. См. в связном тексте "Письма о пользе стекла":

Венцы врагам корысть, и плоть их вранам пища!
И кости предков их из золотых гробов
Чрез стены подают к смердящим трупам в ров!
С перстнями руки прочь и головы с убранства.
Секут, несытые и златом и тиранством.
Иных, свирепствуя, в средину гонят гор
Драгой металл изрыть из преглубоких нор.
Смятение и страх, оковы, глад и раны,
Что наложили им в работе их тираны,
Препятствовали им подземну хлябь крепить,
Чтоб тягота над ней могла недвижна быть.
Обрушилась гора! Лежат в ней погребенны
Бесчастные! или поистине блаженны.

В изучаемый период протекает и другой процесс, характеризующийся известной эволюцией староболгарских языковых единиц, которые выполняют роль стилеобразующих языковых средств в высоком и частично в среднем стилях русского литературного языка. На базе отобранных и закрепленных в русской литературе и официально-деловой письменности староболгарских языковых единиц (наряду с другими разрядами слов) формируется пласт стилистически маркированных, художественно-выразительных, экспрессивных средств. Постепенно возникает расслоение в составе староболгарских языковых единиц в процессе их употребления в различных видах и жанрах литературы и письменности с различной целевой установкой и разнообразным словесным окружением. Староболгарские языковые единицы используются уже не только

как стилеобразующие средства, характеризующие высокий стиль и частично средний, но и как стилистические, как носители многообразных оттенков экспрессивности (торжественной, лирической, юмористической и т.д.) В недрах классицизма зарождаются и получают в дальнейшем возможность самостоятельного развития новые стилистические категории, напр. пиитизмы, поэтизмы, иронизмы, историзмы, канцеляризмы[244], в которых староболгарские языковые единицы занимают важное место. Наряду с этим в их составе постепенно обособляются разряды, которые пополняют ресурсы стилистически нейтральной, книжной, разговорной, просторечной, жаргонной и даже диалектной лексики.

Со староболгарскими языковыми традициями связан процесс проникновения в систему лексики формирующегося единого русского литературного языка обширного пласта староболгарских лексических единиц. Они вступают в определенные взаимоотношения с остальными лексическими единицами этой системы. Между ними устанавливаются системные связи, которые обуславливают возникновение различных семантических изменений в составе староболгарских лексических единиц. В рассматриваемый период четко выделяются некоторые процессы и типы семантических изменений[245]: а) возникновение или расширение полисемии (напр. адский, веяние, волшебный, двойственный, грехопадение, иссыхать, качество, насыщать, отрасль, празднование, размерять, славословить, убожество, член, хищник и пр.); б) закрепление переносно-отвлеченных значений (напр. бесплодный, возбуждать, воспитание, восстание, гражданин, единица, жупел, златоуст, извлекать, кумир, младенец, насыщать, откровение, первобытный, рабский, страж, торжество, фарисейский, чуждый и др.); в) сокращение или разрушение полисемии (напр. бремя, воздержать, глас, естество, жребий, здание, изречение, кропление, мечтание, насы-

---

244 В.В.Замкова. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в., Л., 1975.

245 П.Филкова. Типы семантических изменений староболгарских слов в лексике русского литературного языка. – Болгарская русистика, 1989, № 2.

щение, отрицание, пещера, разум, среда, торжище, умащать и др.); г) перестройка семантической структуры (напр. алчный, благоверный, бытие, вождь, вкус, время, вселенная, гражданство, единство,жертва, зрение, искус, книжник, мощный, немощный, сглашение, общество, область, правоверие, раскол, священный, течение, упразднять, художник, чуждый, юродивый и др.); д) появление теологических значений (напр. благодать, вознесение, грамматик, дароносец, единственный, жертвенник, здравие, искус, кощунствовать, лик, многогрешный, неправедный, омовение, послушание, рождение, странник, таинство, упокойный, шествие и др.)[246] е) действие секуляризации (напр. ангельский, божество, воплощение, грехопадение, демонский, еретический, жрец, законник, исповедь, казнь, мученик, освящение, праведник, риза, святыня, троица, целование и др.); ж) развитие художественно-синонимических значений (напр., с одной стороны, бесплотный, варварский, гробокопатель, двойственный, жидовский, ехидный, животное,змий, истреблять, книжный, лихоимец, молчальник, нравный, окаяние, праздный, рабство, смрад, тление, угодник, хищник, язычник и др.; с другой стороны, бесценный, восхищение, дерзновение, естественный, жертвенный, изваяние, изящный, кумир, мужественный, обаяние, пророк, райский, святыня, трезвый, художество, чудотворец, явление и т.д.); з) семантическое заимствование и семантическая индукция (напр. влияние, возбуждение, гражданский, дух, испытание, мужественный, нераздельный, ствлеченный, просвещать, развлечь, совещать(ся), течение, чувственный и пр.); и) семантическое взаимодействие (напр. будущий, главный, издать, искупление, отверзти, обратный, предать, преступить, течение и др.); к) целостное изменение семантической структуры (напр. алчба, блажить, воспитание, главный; давление, заблуждать, изверг, клеврет, мытарство, надлежащий, общежитие, похищать, разврат, средство, творительный, уродство, юнец и др.);

---

246 П. Филкова. Типы семантических изменений старобългарских слов в лексике русского литературного языка. - Болгарская русистика, 1989, № 2,3; Е.С.Копорская, Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М., 1988.

л) процесс энантиосемии (напр. блаженный, брань, изменить, лестный, маститый, оглашение, помазать, прельщать, угодник, учреждение, хитрость, художник, язычник и др.)[247]

Староболгарские языковые традиции обуславливают проникновение в систему лексики русского литературного языка XVIII в. значительного слоя лексических единиц, которые в результате различных семантических изменений, семантической дифференциации подвергаются процессу специализации, терминологизации, напр. бытие, вещество, вещь, вещный, вкус, владычество, влияние, воззрение, внешний, вопрос, время, всеобщий, гражданин, гражданский, движение, действие, деяние, естество, житие, здравый, искусство, низвергать, область, обращение, общение, общество, общий, отвлеченный, плоть, предел, просвещение, развитие, существо, телесный, учреждение, член и др.[248]

Итак, в середине XVIII в. М.В.Ломоносов осуществляет жизненно необходимую кодификацию русского (российского) литературного языка, исходя из реально установившихся тенденций литературно-языкового развития в условиях изменения характера церковнославянско-русского двуязычия.

Церковнославянский литературный язык (в генетическом отношении русская редакция староболгарского литературного языка), изигравший важную роль в литературно-языковом развитии Киевской и Московской Руси, постепенно сужает сферы функционирования. Он употребляется в богослужении, богословии, является обязательным предметом школьного преподавания, в различных видах и жанрах христианской богослужебной, нравоучительной и др. литературы.

Русская разновидность церковнославянского литературного языка (книжно-славянский тип или славянорусская разновидность) определяется М.В.Ломоносовым как языковая основа высокого стиля русского (российского) литературного языка.

Письменно-литературная разновидность русского языка (дошедшая в историко-повествовательном и официально-деловом типах)

---

247 П.Филкова. Типы семантических изменений староболгарских слов в лексике русского литературного языка.-Болгарская русистика 1989, № 3.

248 В.В.Веселитский. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII-начала XIX в., М.,1972.

неуклонно расширяет сферы функционирования, проникая в различные области общественной жизни (в светскую литературу, в науку, образование, искусство, политику и т.д.). В этой письменно-литературной разновидности (подсистеме) русского языка М.В.Ломоносов расчленяет два стиля: средний и низкий.

В результате кодификационной деятельности М.В.Ломоносова регламентируются отбор и сочетание языковых средств русского (российского) литературного языка, жанры литературы, сферы его употребления. Все регламентации подчиняются основной концепции М.В.Ломоносова, что систему литературного языка необходимо строить на основе синтеза употребительных, нужных, понятных и жизнеспособных праславянских, русских, церковнославянских и западноевропейских языковых средств. Отобранные старославянские языковые средства становятся в русском (российском) литературном языке стилеобразующими единицами, т.е. характерными чертами высокого стиля и частично среднего. В системе церковнославянского литературного языка они остаются системообразующими средствами.

М.В.Ломоносов, как упоминалось, обозначает систему литературного языка с его тремя стилями термином российский язык, природный язык. См.: "Высоким штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных"[249]. В российском языке "великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка"[250]. М.В.Ломоносов приветствует усилия тех, кто "к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением оного без искусных в нем писателей немалс затмится слава всего народа"[251].

Некоторые авторы пишут о формировании нового русского литературного языка в Ломоносовский период. Но литературно-

---

249 М.В.Ломоносов. О пользе книг церковных в российском языке, с. 589.

250 М.В.Ломоносов. Российская грамматика, с. 391-392.

251 М.В.Ломоносов. О пользе книг церковных..., с. 591.

языковая практика ясно свидетельствует о том, что староболгарские языковые традиции и традиции письменно-литературной разновидности русского языка сохраняются, а не обрываются.

Новыми являются, с одной стороны, объединение регламентированной русской разновидности церковнославянского литературного языка с регламентированной письменно-литературной разновидностью русского языка в рамках единой системы литературного языка, с другой стороны, отбор, организация и общественная осознанность системы языковых средств, системы трех стилей литературного языка. В.Д.Левин с основанием пишет, что "весь пафос теории Ломоносова заключается в утверждении литературных прав русского языка и ограничении церковнославянской стихии, определении ее истинной - весьма почтеной, но все же ограниченной - роли в системе русского литературного языка"[252]. Действительно, в высоком стиле сохраняется не целостная система церковнославянского литературного языка, а только отобранные употребительные и вразумительные его языковые средства. Русский язык в своей письменно-литературной форме представлен в широких рамках среднего и низкого стилей. В процессы бурного развития русской светской литературы и официально-деловой письменности средний и низкий стили подвергаются дальнейшей литературной обработке.

Процесс сложения единых норм русского национального литературного языка находит свое блестящее завершение в первой половине XIX в. в творчестве выдающихся русских писателей, критиков, ученых, деятелей науки, культуры, искусства и особенно в творческом гении А.С.Пушкина.

б) Теория трех стилей и художественно-речевая практика во второй половине XVIII в.

Теория трех стилей регламентирует и кодифицирует в основных чертах нормы русского (российского) литературного языка середины XVIII в. Эти нормы находят отражение и выражение и в

---

252 В.Д.Левин. Краткий очерк истории русского литературного языка, с. 132.

русской литературе и официально-деловой письменности второй половины XVIII в.

Нормы высокого стиля воплощаются в одной или другой степени в различных одах, героических поэмах, панегириках, похвальных словах, торжественных речах, в произведениях церковного красноречия, вообще в прозаических речах о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются", по словам Ломоносова. В зависимости от этого к высокому стилю практически могут относиться и некоторые научные и публицистические сочинения, а также трагедии. Лексический состав таких жанров в основном совпадает с нормами, указанными Ломоносовым в его рассуждении "О пользе книг церковных в российском языке", а грамматический состав - с нормами, которые обобщаются в его "Российской грамматике".

Староболгарские языковые традиции находят выражение прежде всего в том, что в указанных жанрах широко используются лексические единицы, относящиеся к древнеболгарским и церковнославянским источникам. Они все еще сохраняются как стилеобразующие средства, характеризующие высокий стиль русского литературного языка второй половины XVIII в., напр. трагедии "Дмитрий Самозванец", "Мстислав" и "Синав и Трувор" А.П.Сумарокова, трагедии "Росслав", "Вадим" и "Дидон" Я.Б.Княжина, "Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления" Д.И.Фонвизина, трактат П.А.Плавильщикова "Нечто о врожденном свойстве душ российских", поэма "Елисей" В.И.Майкова, "Ода на войну с турками" В.П.Петрова, эпическая поэма "Россияда" и трагедия "Венецианская монахиня" М.М.Хераскова, оды, поэмы и стихотворения Г.Р.Державина "Фелица", "На взятие Измаила", "Водопад", "На смерть князя Мещерского" и др., философские и публицистические сочинения "О человеке", "О самодержавстве", "Беседа о том, что есть сын отечества", ода "Вольность", стихотворение "Осмнадцатое столетие" и др. А.Н.Радищева и т.д.

См., напр., отрывок из поэмы В.И.Майкова "Елисей или раздраженный Вакх":

Ах, нет, я пред тобой грешу, любезна муза,
С невеждами отнюдь не ищешь ты союза,
Наперстники твои знакомы между нас;
Единого из них вмещает днесь Парнасс,

Другие и теперь на свете обитают,
Которых жительми парнассикими считают.
Итак, полезнее, мне мнится, самому
Последовати их рассудку и уму.

См. и отрывок из оды "Фелица" Г.Р.Державина:

Богоподобная царевна
Киргиз-кайсацкия орды,
Который мудрость несравненна
Открыва верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет.
Где добродетель обитает!
Она мой дух и ум пленяет;
Подай найти ее совет.

См. еще отрывок из трактата А.Н.Радищева "Беседа о том, что есть сын отечества": "Не все рожденные в отечестве достойны величественного наименования сына отечества (патриота). Под игом рабства находящиеся не достойны украшаться сим именем. Поудержись, чувствительное сердце, не произноси суда твоего на таковые изречения, доколе стоиши при праге. - Вступи и виждь! Кому не известно, что имя сына отечества принадлежит человеку, а не зверю или скоту или другому бессловесному животному? Известно, что человек существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею, что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума".

См., также, отрывок из трагедии "Вадим Новгородский" Я.Б.Княжина:

Чего ж я жду?... О дщерь, несчастна и любезна!-
Когда Отечеству жизнь наша бесполезна,
Став праздными его свидетельми оков,
Нам ползать ли в толпе тирановых рабов?...
Ты плачешь, горестью моею поражена?
Не плачь! утеха есть несчастным откровенна!
Она для робских душ ужасна и горька,
Великодушию приятна и сладка:

Не быть, престать сей свет - тиранов жертву - видеть;
Смерть благо, ежели жизнь должно ненавидеть!

Подобные сочинения дают богатый материал для изучения характерных особенностей высокого стиля в эпоху расцвета русского классицизма, для выявления состава староболгарских языковых средств, которые получают распространение в русском литературном языке именно благодаря высокому стилю.

Ресурсы высокого стиля стали одним из важных источников пополнения состава языковых средств революционной гражданской поэзии декабристов, Пушкина, Лермонтова и др., а также публицистики революционных демократов. Определенные староболгарские лексические слои сохраняются и обособляются как стилистические средства для выражения экспрессии торжественности, риторичности, патетичности, приподнятых чувств и эмоционального напряжения. В таких целях они используются многими русскими и советскими писателями и публицистами XIX и XX вв., что будет проанализировано в следующих разделах.

Староболгарские языковые единицы в сильно редуцированном составе остаются стилеобразующим средством и в среднем стиле русского литературного языка второй половины XVIII в.

Жанровые рамки и языковой состав среднего стиля особенно широки. В нем находит выражение сложное взаимодействие и взаимопроникновение книжных, стилистически нейтральных и народно-разговорных средств, праславянских, русских, староболгарских, западноевропейских и других лексических единиц и т.д. В литературно-художественной практике средний стиль находит наиболее полное отражение, с одной стороны, в сфере художественной литературы, напр. в стихотворениях, в театральных сочинениях, в сатирических произведениях, в элегиях, эклогах, в оригинальных и переводных повестях и романах, отчасти даже в комедиях (при изображении положительных персонажей); с другой стороны, в научной, научно-популярной, исторической, литературно-критической, общественно-политической, официально-деловой и др. оригинальной и переводной литературе.

Образцы среднего стиля представлены в элегиях, эпистолах, эклогах и сатирах А.П.Сумарокова, в стихотворной повести "Душенька" и других работах И.Ф.Богдановича, в сатирико-бытовых

повестях "Пересмешник или славенские сказки", "Пригожая повариха", "Самозванец Гришка Отрепьев"; в сатирической поэме и других работах М.Д.Чулкова; в литературно-критическом "Опыте исторического словаря о российских писателях"; в сатирических произведениях в журналах "Трутень", "Живописец" и пр. Н.И.Новикова; в романах Ф.А.Эмина; в трудах Н.Н.Поповского, А.А. Барсова, Д.С.Аничкова, Я.П.Козельского, И.А.Третьякова, С.Е. Десницкого и др.; в статьях и трактатах деятелей "Вольного экономического общества", напр. "О земледелии" И.М.Комова; в географических описаниях И.И.Лепехина, Н.Я.Озерецкого, В.Ф. Зуева и др.; в переводных сочинениях, напр. "Диэтика", "Чудеса натуры", "Письма о разных физических и филозофических материях" Л.Эйлера и т.д.

См., напр., отрывок из сатиры А.П.Сумарокова "О благородстве":

Сию сатиру вам, дворяня приношу
Ко членам перьевым я отечества пишу.
Дворяня без меня свой долг довольно знают;
Но многие одно дворянство вспоминают,
Не помня, что от баб рожденных и от дам
Без исключения всем праотец Адам...
... Пойди и землю рой или руби дрова:
От низких более людей не отличайся
И предков титлами уже не величайся
Сей Павла воспитал, достойного корон!
Дабы подобен был Екатерине он;
С Спиридоновым валы Орловы пребегают
И купно на водах с ним пламень возжигают.

См. еще отрывок из стихотворения Г.Р.Державина "Приглашение к обеду":

Приди, мой благодетель дивный,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди, - и дом, хоть не нарядный,
Без резьбы, злата и сребра,
Мой посети; его богатство -
Приятный только вкус, опрятство
И твердый мой, нельстивый нрав.

Приди от дел попрохладиться.
Поесть, попить, повеселиться
Без вредных здравию приправ.
Не чин, не случай и не знатность
На русской мой простой обед
Я звал, одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благотворитель
Приди - и насладися благ.

См. и отрывок из статьи А.И.Радищева "О самодержавстве": "Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собой неограниченной власти; но ниже закон, извет общия воли, не имеет другого права наказывать преступников опричь права собственныя сохранности. Если мы живем под властию законов, то сие не для того, что мы оное делать долженствуем неотменно, но для того, что мы находим в оном выгоды".

В жанровых рамках среднего стиля тоже обособляется определенный слой лексических единиц, в том числе и старославянских, которые пополняют ресурсы художественно-выразительных средств, становятся носителями экспрессии поэтичности, нежности, изящности, лиризма. По этому поводу Г.О.Винокур отмечает, что "изменились не столько слова, сколько вкус. Старым словам, обладавшим в прошлом разного рода "высокой" экспрессией - то эмоциональной "громкости" и "пышности", то рассудочной отвлеченности, то гражданственности ... была сообщена экспрессия "сладостности", нежности, пластичности и музыкальности"[253].

В указанной функции слой поэтической (в том числе и старославянской) лексики используется в творчестве различных авторов XVIII-XX в. См., напр., стрывок из стихотворения "Русские девушки" Г.Р.Державина:

---

[253] Г.О.Винокур. Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина. В: Избранные работы по русскому языку. М.,1959,с.337.

Зрел ли ты, Певец Тиисский,
Как в лугу весной бычки
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка;
Как, склонясь главами, ходят
Башмаками в лад стучат
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими
Груди нежные дышат;
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь.

Некоторые писатели, особенно Н.М.Карамзин и его сторонники в конце XVIII- начала XIX в., начинают активно использовать староболгарские лексические единицы в составе перифрастических выражений, как эпитеты и метафоры, напр. царица хлада, преклонить выю, врата Запада, на персях Природы, златые дни и т.д.

См., напр., отрывок из произведения Н.М.Карамзина "Остров Борнгольм": "Друзья! Прошло красное лето; златая осень побледнела; зимний пух сыплется на хладную землю – простимся с природою до радостного весеннего свидания ... Ночь была ясная; свет полной луны осребрял темную зелень на древних дубах и вязах".

В среднем стиле с особой силою выражаются поиски норм национального русского литературного языка. М.В.Ломоносов, определяя нормы рассматриваемого стиля, опережает усилия крупнейших русских писателей и деятелей культуры, науки и образования второй половины XVIII в. – первой половины XIX в., направленные на создание единой системы русского литературного языка на народной основе, объединяющей все исторически сложившиеся, жизнеспособные, значимые, нужные, выразительные языковые средства. Мы писали о рекомендациях М.В.Ломоносова, который отмечает, что в среднем стиле "можно использовать некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностию, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако

остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И, словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность"[254].

На фоне подобной стилистической "равности" привлечение более концентрированного состава староболгарских языковых средств дает возможность авторам ставить определенные акценты, выражать соответствующие эмоционально-экспрессивные оценки.

В "Путешествии из Петербурга в Москву" А.Н.Радищева, напр., богатство тем, широкий схват различных сторон действительности, многообразие героев, различное отношение к изображаемому обуславливает использование разнообразных языковых средств. Стилистическая "равность" нарушается в случаях, когда автор в одних или других целях активизирует слои старобслгарской или народно-разговорной лексики. Так, напр., в "Проекте в будущем" (Хотилев) эмоциональное напряжение, гражданский пафос, риторичность изложения достигаются А.Н.Радищевым при помощи активизации староболгарских языковых средств: "Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец нашея тощеты, насытитель нашего глада, тот кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает не имея права распряжати ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит. ... И мы страну опустсшения назовем блаженною для того, что поля ее не поросли тернием и нивы изобилуют произращениями разновидными; назовем блаженною страною, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза покрова. О, дабы опустети паки обильным сим странам!"

Отбор языковых средств меняется в "Путешествии из Петербурга в Москву", когда А.Н.Радищев рассказывает, напр., с крестьянке и воспроизводит ее язык. См. отрывок из "Городни": "В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила: - Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительской? Поля наши порастут травою, мохом - наша хижина. Я, бедная престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя?"

---

254 М.В.Ломоносов. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке, с.590.

Стилистическая однотонность изменяется и в результате нарушения норм употребления стилеобразующих языковых средств. Так, напр., как отмечалось, "низкий стиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте"[255]. "Сим штилем" М.В.Ломоносов рекомендует писать комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе - дружеские письма, описания обыкновенных дел. Но и в этих жанрах появляются различные староболгарские языковые единицы, которые объединяются с общеупотребительными и даже народно-разговорными русскими языковыми средствами. См., напр., отрывок из комедии "Бригадир" Д.И. Фонвизина:

"Советник. Она смиренна, яко агнец, трудолюбива, яко пчела, прекрасна, яко райская птица, яко горлица.

Бригадир. Разве умна, как корова, прекрасна, как бы и то... как сова.

Советник. Как дерзаешь ты применить свою супругу к ночной птице?"...

История русского литературного языка во второй половине XVIII в. проходит под знаком начинавшегося кризиса системы трех стилей. Г.О.Винокур с основанием пишет, что "нормализующие тенденции, шедшие от теоретиков языка и литературы, не могли подчинить себе целиком живые процессы, совершавшиеся в языке того времени"[256].

В этот период наблюдается ослабление регламентаций употребления различных речевых средств в одном из трех стилей. Многие авторы используют различные стилеобразующие средства в рамках только одного произведения. Богатство русского литературного языка, которое накапливалось многими веками, оказывается разобщенным, разделенным между различными стилями и жанрами.

Все это приводит к постепенному стиранию границ между стилями, раскрывает недостаточность и бесперспективность системы трех стилей, обуславливает ее распад.

---

255 М.В.Ломоносов. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке, с.590.

256 Г.О.Винокур. Русский литературный язык во второй половине XVIIIв.-В: Избранные работы по русскому языку, М., 1959, с.15

в) Дискуссии о месте и роли церковнославянского литературного языка в литературно-языковом развитии в конце XVIII – начале XIX вв.

Развитие русского литературного языка в конце XVIII – начале XIX в. идет неуклонно по пути формирования на народной основе единой системы, которая объединяет при помощи отбора и определенных критериев все необходимые, значимые, употребительные и выразительные достижения языковой культуры (праславянские, восточнославянские, русские, польские, староболгарские, церковнославянские, греческие, латинские, западноевропейские, народно-разговорные и т.д. языковые средства).

Исторически сложившиеся языковые средства объединяются воедино и получают возможность принципиально новых группировок и использования в зависимости от функций и сфер употребления литературного языка. Это приводит к сложению его функционально-стилевой системы.

В конце XVIII и начала XIX в. все еще проводятся дискуссии о месте и роли церковнославянского литературного языка в литературно-языковом развитии в России, о значении его языковых средств в сфере художественной литературы, публицистики и других функциональных стилей. Споры о литературном языке, о его сущности и его развитии занимают "центральное место в русской культурной жизни того времени, они приобретают широкий общественный смысл"[257].

Некоторые авторы все еще остаются на позициях Ломоносовских трех стилей и значимости высокого стиля, сложившегося на основе церковнославянского литературного языка. Так, напр., в "Отечественных записках" печатаются "Мысли о Сумарокове и других писателях", где отмечается: "Мы хотим писать как говорим? Да что писать? – шуточки, сказочки, песенки? – не спорю. Но разве нет у нас среднего и высокого слога? Не уже ли распространить сие правило и на все важные сочинения? Тогда мы ничего путного иметь не будем, не различим простонародной

---

257 Б.А.Успенский. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. М., 1985, с.5.

сказки от поэмы"... "Мнение, что славенские книги не могут нынешним нашим сочинениям служить образцами, есть мнение весьма неосновательное, отводящее нас от силы языка и красноречия"[258].

Литературный язык продолжает восприниматься отдельными деятелями культуры как общая система письменно-литературного выражения, объединяющая славенский язык (т.е. церковнославянский) и русский, которые находятся в иерархическом соотношении (высокий - простой или высокий - средний - низкий).

А.С.Шишков в своих заметках "О переводах священных писаний" пишет: "Язык у нас славенский и русский один и тот же. Он различается только (больше нежели всякой другой язык) на высокой и простой. Высоким написаны священныя книги, простым мы говорим между собою и пишем светския сочинения, комедии, романы, и пр. Но сие различие так велико, что слова, имеющия одно и то же значение, приличны в одном и неприличны в другом случае: воззреть очами и взглянуть глазами суть два выражения, не смотря на одинаковое значение слов, весьма между собою различныя. Когда поют: „се жених грядет во полунощи, я вижу Христа; но когда тож самое скажут: „вон жених идет в полночь", то я отнюдь не вижу тут Христа, а просто какова нибудь жениха. Сколько смешно в простых разговорах говорить высоким славенским слогом, столько же странно и дико употреблять простой язык в священном писании"[259].

В других своих работах А.С.Шишков разграничивает "слоги российские" от "славенского языка": "Простой, средний и даже высокий слог Российский конечно не должен быть точно словенский, однакож сей есть истиннсе основание его, без которого он не может быть ни силен, ни важен"[260]. Он специально подчеркивает: "Ничего нет безрассуднее, как думать, что Словенский язык не нужен для красоты новейшаго росскийского слога"[261].

---

258 Отечественные записки, 1828, март, № 25, с.527.

259 А.С.Шишков. Записки, мнения и переписка, Berlin, 1870, т.II, с.215-216.

260 А.С.Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803, с.72.

261 Там же, с.73.

Выделяет "высокий, умеренный и простой слог" и П. Калайдович, который указывает на то, что "в высоком слоге у нас употребляются славенские (слова – П.Ф.): око, глаголю, секира, а в разговоре, простом и умеренном слоге, русские: глаза, говорю, топор и др."

Развитие сравнительно-исторического языкознания содействует более глубокому осмыслению генетической близости, родства славянских языков, общности их праславянского источника, их различной эволюции, роли церковнославянского литературного языка в литературно-языковом развитии других славянских языков, особенно русского.

В рецензии на книгу В. Григоровича "Статьи, касающиеся древнего славянского языка" подчеркивается: "Нам Провидение определило быть хранителями Православия в среде славянства; отсюда такое развитие церковно-славянской литературы у нас, такое богатство ее памятников, такая близкая связь церковнославянского языка с народным и такое распространенное практическое знакомство с первым"[263].

Сам В.Григорович считает, что "в истории нашего просвещения не столь важен вопрос о влиянии церковнославянского языка на русский, сколько обратное влияние русского на церковнославянский"[264].

Признают церковнославянский и русский отдельными языками и выдающиеся русские писатели того времени. Н.М.Карамзин, например, пишет в "Истории Государства Российского", что "разсеянныя по Европе, окруженныя другими народами, Славянския племена утратили единство языка, и в течение времен произошли разныя его наречия"[265]. Язык Библии, переведенной Кириллом и Мефодием, "сделался образцом для новейших книг Христианских, и сам Нестор подражал ему; но Русское особое наречие сохрани-

---

263 Москвитянин, 1852, т.V, № 18, с.69.

264 В. Григорович. Статьи, касающиеся древнего славянского языка. Казань, 1852, с.14-15.

265 Н.М.Карамзин. Истсрия Государства Россiйского СПб.,1818, т. I, с. 105.

лось в употреблении, и с того времени мы имели два языка, книжный и народный. Таким образом изъясняется разность в языке Славянской Библии и Русской Правды"[266].

В статье "Путешествие из Москвы в Петербург" А.С.Пушкин подчеркивает: "Давно ли стали мы писать языком общепонятным? Убедились ли мы, что славенский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать „да лобзает мя лобзанием" вместо „целуй меня"[267]. А.С.Пушкин и в своих статьях, и в своем творчестве утверждает народный язык как источник русского литературного языка. Широко известно его высказывание: "Есть у нас свой язык; смелее! - обычаи, история, песни, сказки и пр."[268]. Наряду с этим А.С. Пушкин учитывает большое значение церковнославянского языка и открывает возможности своим творчеством для отбора на основе принципов соразмерности и сообразности различных средств церковнославянского (главным образом лексических и фразеологических). Он оценивает высоко поэтическое творчество М.В.Ломоносова: "Слог его, ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным"[269].

В рассматриваемый период церковнославянский литературный язык теряет свои позиции в светской сфере общественной жизни русской нации, но остается важным источником пополнения лексических, фразеологических и стилистических ресурсов русского литературного языка.

---

266 Там же, с. 251

267 А.С.Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург. ПСС, т.I-XVI. М., 1937-1949, т.XI, с.226.

268 А.С.Пушкин. О французской словесности. ПСС, т.XII, с.191-192.

269 А.С.Пушкин. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А.Крылова. ПСС, т.XI, с.33.

А.А.Бестужев (Марлинский) очень образно выражает эти новые тенденции: "Язык славянский служит теперь для нас арсеналом: берем оттуда меч и шлем, но уже под кольчугой не одеваем героев своих бычачьею кожею, а в охабни рядимся только в маскарад. Употребляем звучные слова, например, вертоград, ланиты, десница, но оставляем червям старины семо и овамо и тому подобные"[270].

Высоко ценит староболгарские традиции (особенно в лексике и фразеологии) В.Г.Белинский. Он указывает на то, что О.И.Сенковский „слова "сии и оные" хочет совсем изгнать из языка русского, равно как и слова: объемлющий, злато, младой, очи, ланиты, уста, чело, рамена, стопы и пр. Увлекшись своею мыслию, он не хочет видеть, что слог в самом деле не один, что самый драматический язык, выражая потрясенное состояние души, разнится от простого разговорного языка, равно как драматический язык необходимо разнится от языка проповеди. Не говорим уже о различии стихотворного языка от прозаического"[271]. В.Г.Белинский подчеркивает не только зависимость языковых средств от жанров и видов литературы, от тематики и выражаемых чувств. Он обращает внимание на очень важный аспект в употреблении староболгарских языковых единиц, которые не стали общеупотребительными, на их использование в качестве средств исторической стилизации. По этому поводу В.Г.Белинский пишет: "Русский язык – один из счастливейших языков по своей способности передавать произведения древности. Невежды смеются над славянскими словами и оборотами в переводе Гнедича (перевод "Илиады" – П.Ф.); но это именно и составляет одно из его существеннейших достоинств. Всякий коренной самобытный язык, в период младенчества народа, в созерцании которого жизнь еще не распалась на поэзию и прозу, но и самая проза жизни споэтизирована, – такой язык, в своем начале, бывает полон слов и оборотов, дышащих какою-то младенческою простотою и высокою поэ-

---

270 А.А.Бестужев (Марлинский). Замечания на критику... касательно "Опыта краткой истории русской литературы" – Сын отечества, 1822, ч. 77, № 20, с.263.

271 В.Г.Белинский. Литературные пояснения. ПСС, т.I–IV, 1953–1954, т.II, с.546.

зией; со временем эти слова и обороты заменяются другими, более прозаическими, а старые остаются богатым сокровищем для разумного употребления, и наоборот, если их некстати употребляют. Так у нас остались древние поэтические слова: ланиты, очи, уста, перси, рамена, храм, храмина, праг и т.п., заменившиеся прозаическими словами: щеки, глаза, губы, груди, плечи, хоромы, порог и т.п. ... В переводы "Илиады" наши слова под пером вдохновенного переводчика, исполненного поэтического такта, - истинное и бесценное сокровище!"[272]

В XIX в. староболгарские языковые средства многими авторами используются и как средство речевой характеристики, когда они выражают речевые портреты служителей культа и других лиц, близких к духовной среде. Это хорошо обосновывает Ф.М.Достоевский: "Многие из поучений моего старца Зосимы (или лучше сказать, способы их выражения) принадлежат лицу его, т.е. художественному изображению его. Я же,.. если б лично от себя выражал их, то выразил бы их в другой форме и другим языком. Он все не мог ни другим языком, ни в другом духе выразиться, как в том, который я придал ему. Иначе не создалось бы художественного лица"[273].

В XX в. вопрос о староболгарских языковых традициях продолжает оставаться актуальным, староболгарские языковые единицы сохраняются как один из источников художественно-изобразительных средств. А.М.Горький очень тонко отмечает наметившееся расслоение в их составе: "Остаются в силе такие церковные словечки, каковы: лицемерие, двоедушие, скудоумие, лихоимство и множество других словечек, коими, к сожалению утверждается бытие фактов. Поэтому один из корреспондентов моих, утверждая "необходимость изгнать из языка церковнославянские слова", стреляет мимо цели: изгонять нужно прежде всего постыдные факты из жизни, и тогда сами собою исчезнут из языка слова, определяющие эти факты. В старом славянском языке все-таки есть веские, добротные и образные слова, но необходимо различать язык церковной догматики и проповеди от языка поэ-

---

272 В.Г.Белинский.Русская литература в 1841 году.Собрание сочинений в трех томах.М.,1948,т.II, .156-157.

273 Ф.М.Достоевский.Письмо к Н.А.Любимову,7 августа.-В: Русские писатели о языке. Л.,1954,с.551

зии"[274].

Функционально-стилистическое расслоение староболгарских языковых средств приводит к стабилизации их места в системе лексики русского литературного языка. Это можно проиллюстрировать на основе анализа состава и места указанных языковых средств в языке А.С.Пушкина.

По данным "Словаря языка Пушкина"[275] в творчестве А.С. Пушкина засвидетельствовано около 21290 лексических единиц. Из них свыше 3000 относятся к староболгарскому (и церковнославянскому) пласту. Предварительно следует подчеркнуть, что А.С. Пушкин проводит отбор староболгарских языковых единиц и подвергает их резкому количественному сокращению по сравнению с их составом в древнерусской и русской письменности и литературе XI-XVIII вв.[276]

Сокращению подвергаются староболгарские лексические единицы, известные по памятникам древнерусской и русской письменности и литературы XI-XVIII в., но не получившие распространения. Это слова малоупотребительные, трудно доступные, отличающиеся искусственностью, напр. алкионитский, антипатствовати, баальство, вапление, веледарование, и т.д. Не использует А.С. Пушкин и некоторые староболгарские лексические единицы, засвидетельствованные в русской литературе и письменности XVIII в., напр. богонеистовствовать, велевратно, всепремощный, есень, любомирный, обаче, понеже, превелий, произреши, рабичищ, средина, тысяща, четыредесятый и др.

Наряду с этим А.С.Пушкин пользуется обширным пластом староболгарских лексических единиц, которые отличаются своими функционально-стилистическими качествами. Значительное место в языке Пушкина занимают староболгарские слова, которые относятся к составу общеупотребительной, стилистически нейтральной лексики русского литературного языка, напр. ароматный, владеть,

---

274 А.М.Горький. О языке. Собрание сочинений,т.I-XXX, М., 1949-1954, т. XXVII, с. 165.

275 Словарь языка Пушкина. М., 1956-1961, т.I-4

276 П.Филкова. Старобслгаризмы и церковнославянизмы в лексике русского литературного языка.София,1987, т.1-3.

возвратить, вторник, время, исторический, книжный, мраморный, наречие, общество, пещерный, различный, шлем и т.д.

Выделяется и обширный слой староболгарских лексических единиц, которые Пушкин использует как художественно выразительные средства для достижения различной экспрессии и определенных стилистических целей. Многие из них остаются на периферии системы лексики русского литературного языка. См.: агнец, аз, блато, брада, брадатый, бразда, брань, брег, вежды, влачить, воззреть, вострубить, вран, выя, глава, глагол, глад, глас, гласить, горний, град, длань, днесь, дольний, драгой, древо, здравие, зиждать, златить, злато, змий, иже, куща, ладья, лобзание, младой, младость, млат, мраз, нощь, праг, рыбарь, сребро, сребриться, хлад, хладный и т.д.

Большую группу составляют староболгарские слова, которые представлены в составе книжной, абстрактной лексики, использованной Пушкиным, напр. благоухание, властитель, властолюбивый, воскрешать, достоверность, единовластие, жертвоприношение, злодейство, клятвопреступник, малодушие, нравоучительный, обременить, плодотворный, преображение, славословить, тщеславие, хищение, чудотворный и т.д.

Итак, в конце XVIII - начале XIX в. староболгарские языковые единицы окончательно освобождаются от стилевой и жанровой зависимости. Они перестают быть стилеобразующим средством (принадлежностью высокого и частично среднего стиля). В рассматриваемый период определяется их место в системе русского литературного языка, в его функциональных стилях.

С конца XVIII в. со староболгарскими языковыми традициями связывается процесс пополнения ресурсов лексики, фразеологии, словообразования, грамматики, стилистики русского литературного языка некоторой части староболгарских языковых средств. Именно отдельные аспекты этого процесса являются предметом анализа в следующих разделах работы.

Глава четвертая

ДРЕВНЕРУССКАЯ (И РУССКАЯ) РЕДАКЦИЯ СТАРОБОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (СОБСТВЕННО ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК) - ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Роль староболгарских языковых традиций выражается не только в том, что основная, характерная часть языковых средств, определяющих специфику староболгарского литературного языка (древнеболгарского и среднеболгарского периода) остаются языковой основой как древнерусской (и русской) редакции древнеболгарского (и староболгарского) литературного языка, так и ее древнерусской (и русской) разновидности (или типа), т.е. церковнославянского литературного языка, по другой терминологии. Определенную роль играют эти традиции, как уже упоминалось, и в формировании и развитии письменно-литературной разновидности древнерусского и русского (великорусского) языка.

Значение староболгарских языковых традиций в этом аспекте выражается в том, что с ними связан значительный вклад в пополнение лексических ресурсов формирующейся письменно-литературной подсистемы древнерусского (и русского) языка и особенно единого русского литературного языка (XVIII-XX вв.).[277] Древнерусская и русская редакция староболгарского литературного языка (т.е. церковнославянский литературный язык, по другой терминологии) становится одним из важных источников пополнения лексических ресурсов как древнерусской и русской разновидности церковнославянского литературного языка, так и письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка (его народно-литературного и делового типов, по другой терминологии), а также русского литературного национального языка.

---

277 П.Д.Филкова. Старобългарски и църковнославянски лексикални елементи в руския литературен език. АДД,С.,1988.

Процесс заимствования староболгарских лексических единиц протекает на протяжении многих веков в сложных условиях литературно-языкового развития в Киевской и Московской Руси, когда функционирует как церковнославянский язык с его древнерусской и русской разновидностью (т.е. древнерусская и русская редакция староболгарского литературного языка и ее старорусская и русская разновидность), так и древнерусский и русский язык с его письменно-литературной разновидностью (т.е. народно-литературный и официально-деловой типы, по другой терминологии).

У названных двух генетически родственных и типолгически близких языков имеются обширные по составу слои лексических единиц, относящихся к общему праславянскому источнику напр. брат, без, бить, вода, великий, видеть, гость, глухой, дар, два, десять, добрый, дом, жить, жито, заря, зима, игла, купить, лист и т.д. Слова данного типа после распада праславянского языка сохраняются без особых изменений в различных славянских языках. В условиях общности подобных лексических единиц процесс заимствования не находит выражения. Он оказывается действенным в составе других лексических пластов. Во-первых. Это лексические единицы, которые тоже связаны по генезису с праславянским языком, но отличающиеся в двух языках своей звуковой или грамматической формой, своей словообразовательной или семантической структурой и т.д. По этому поводу Ф.П.Филин отмечает, что "общеславянским был лишь исходный материал ... результаты всех основных изменений, как правило, получают ярко выраженный лскальный характер"[278]. См., напр., азъ, бразда, вижду, единъ, исходити, рыбарь, гривьна (ожерелье) и др. (в церковнославянском языке) и -я, борозда, вижу, одинъ, выходити, рыбакъ, гривьна (монета) и др. (в древнерусском и русском языке). Во-вторых. К праславянскому составу относятся и лскально ограниченные слова, представленные, напр. в южнославянской, староболгарской и др. языковых зонах, напр. въртоградъ, глаголати, дьньсь, десный, десница, зидати и др. (в церковнославянском языке) и садъ, говорити, сегодня, пра-

[278] Ф.П.Филин. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962, с. 164, 219.

вый, правая рука, строити и др. (в древнерусском и русском языке). В-третьих, выделяется значительный пласт лексических единиц, представленных на разных этапах исторического развития в одном из языков. В древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка – это лексические единицы, обозначающие понятия, относящиеся к христианской религии, к новым предметам, явлениям, процессам, действиям, это различные реалии, антропонимы, этнонимы, топонимы и т.д. См., напр.: богоявление, владыка, крещение, помазание, священникъ; вьселенная, вькоусъ, маслина, праздникъ, пространство, разоумъ, тщеславие; българинъ, български, солоунянинъ и т.д. Именно указанные три группы лексических единиц подвергнуты процессу заимствования.

Предварительно следует подчеркнуть, что основное условие для заимствования, как отмечают с основанием многие лингвисты, – это установление контактных межъязыковых отношений, распространение двуязычия (Е.М.Верещагин, 1969; У.Вайнрайх, 1972; Б.Гавранек, 1972; Ю.А.Жлуктенко, 1974; Л.П.Крысин,1968; Г.Пауль, 1960; В.Ю.Розенцвейг, 1972; А.Россети, 1972; Э.Хауген, 1972 и др.). Некоторые авторы рассматривают двуязычие как особый случай языкового контакта. Б.Гавранек считает, что термин "двуязычие" при изучении развития языка следует применять лишь к коллективному двуязычию, т.е. ограничить его теми случаями, когда в одном языковом коллективе (а не только у отдельных его членов) имеются и используются две разные грамматические системы и два разных словаря"[279].

Независимо от расхождений в понимании механизма заимствования, распространенным среди лингвистов является мнение, что заимствованием можно назвать процесс перемещения различных языковых единиц (лексических, морфологических, синтаксических и т.д.) из одного языка в другой, что оно осуществляется в условиях межъязыковых отношений или языковых контактов. "Два или несколько языков находятся в контакте,-пишет У.Вайнрайх, - если их попеременно использует один и тот же чело-

[279] Б.Гавранек. К проблематике смешения языков. -В: Новое в лингвистике. М.,1972, вып. VI,с.96.

век"[280]. В таком смысле лингвистическая сущность контактных межъязыковых отношений состоит в том, что основанием этих отношений является общность носителя (индивида, группы, определенной части общества), функционирование контактирующих языков в общении одних и тех же носителей[281].

В Древней и Московской Руси общность носителя - это грамотная часть древнерусского (и русского) языкового коллектива, которая может попеременно пользоваться как церковнославянским литературным языком, так и древнерусским (и русским) с его письменно-литературной разновидностью.

Контактные межъязыковые отношения, взаимодействие языков принципиально является двусторонним процессом[282]. Но направление воздействия зависит от многих факторов и особенно от статуса контактирующих языков. Престижное положение церковнославянского литературного языка, священного языка христианской религии в Древней и Московской Руси, напр., в условиях доминирующего положения религиозной идеологии в общественной жизни, обуславливают его значительное воздействие на древнерусский (и русский) язык. Использование языковых средств священного языка христианской религии воспринимается как признак образованности, литературного этикета. Это определяет более открытый характер письменно-литературной разновидности древнерусского (и русского) языка, в которую свободно проникают заимствования из церковнославянского литературного языка. Б.Гавранек отмечает, что при контактных межъязыковых отношениях "активным является заимствующий язык, а пассивным язык, из которого заимствуют"[283]. Воздействие древнерусского (и русского) языка на церковнославянский литературный язык остается ограниченным, потому что язык христианской религии является объектом постоянных забот, систематических исправлений, его

---

280 U. Weinreich. Languages in Contact. Findings and problemes. 2 ed. The Hague, Mouton, 1963, p.1.

281 Ю.А.Жлуктенко. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974, с.15.

282 Ю.Д.Дешериев. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958, с.155.

283 Б. Гавранек. К проблематике смешения языков. - В: Новое в лингвистике. М., 1972, вып.VI, с.107.

нормы соблюдаются более строго. В результате этого церковнославянский литературный язык сохраняется как более закрытая, стабильная система письменно-литературного выражения.

Устанавливающиеся контактные межъязыковые отношения определяют характер взаимодействия соответствующих языков. Оно может охватить процессы, вызывающие перенесение, копирование, возникновение или утрату определенных единиц, стимулирующие или тормозящие отдельные тенденции и т.д. А.Мартине справедливо подчеркивает, что "взаимодействие языков – один из самых могучих стимулов языковых изменений"[284]. Особенно характерными являются лексические инновации в условиях двуязычия и установления контактных межъязыковых взаимодействий, когда возникают различные изменения в составе лексического инвентаря, в синонимических отношениях между ними, в их словообразовательных, парадигматических и синтагматических связях, в семантической структуре, в стилистических свойствах, изменения в употребительности, изменения в лексико-семантических микросистемах и т.д.

Из обширного круга подобных проблем в данной работе исследуется в основном вопрос о заимствованиях из древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка (или по другой терминологии, церковнославянского литературного языка), их эволюция и место в системе лексики единого русского литературного языка национального периода.

I. Староболгаризмы (староболгарские лексические единицы)

Заимствования из древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка целесообразно обозначать термином староболгаризмы (или староболгарские лексические единицы), который раскрывает точно их происхождение. Староболгаризмы выражают характерные, отличительные, специфические черты

---

284 А. Мартине. Распространение языков и структурная лингвистика. – В: Новое в лингвистике. М., 1972, вып. VI, с.83.

старобслгарской (древнеболгарской и среднеболгарской) лексики, засвидетельствованной в переводной с греческого языка и оригинальной древнеболгарской и среднеболгарской литературе, распространенной в Киевской и Московской Руси преимущественно в списках. В случаях, когда некоторые лексические единицы не зафиксированы в указанной переводной и оригинальной древнеболгарской и среднеболгарской литературе, но представлены в оригинальных и переводных сочинениях древнерусских (и русских) авторов, их старобслгарское происхождение следует специально аргументировать и доказывать возможность их существования в лексике старобслгарского (литературного) языка. Термин старобслгаризмы указывает и на то, что соответствующие старобслгарские слова проникли в древнерусскую и русскую разновидность древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка (по другой терминологии, древнерусскую и русскую разновидность церковнославянского литературного языка или книжно-славянский тип древнерусского литературного языка), а также в письменно-литературную разновидность древнерусского и русского языка (XII-XVII вв.) и в единый русский литературный язык нового времени (XVIII-XXвв.). Некоторая часть старобслгаризмов проникла и в народно-разговорный и народно-поэтический язык. Так, напр., слово престол, засвидетельствованное в русском литературном языке (древнего и нового периода), относится к составу старобслгаризмов, потому что в нем выражены некоторые характерные, отличительные черты староболгарской лексики (это, с одной стороны, фонетическая форма - неполногласие; с другой стороны, словообразовательная структура - приставка пре; с третьей, предметно-смысловая соотнесенность с христианской религией - это высокий стол, стоящий посередине церковного алтаря). Принимаются во внимание и сферы его первоначальной фиксации и распространения (древнеболгарские и среднеболгарские памятники, памятники древнерусской и русской письменности). Учитываются кроме того данные славянских языков, диалектов, лексикографических трудов.

Слово болгарынѧ (българыня, блъгарыни), напр., засвидетельствованное в "Сказании о Борисе и Глебе" (см. "а отъ българынѣ Бориса и Глѣба", Усп.сб.,8г 3-4), не представлено

в памятниках древнеболгарской письменности. Мы относим его к составу староболгарской лексики и староболгаризмов, исходя из следующих соображений. Во-первых, в древнеболгарской письменности зафиксированы слова блъгаре, блъгары (Бит.надп.; Ман.Хр.), которые относятся к праболгарскому субстратному слою древнеболгарской лексики. Во-вторых , слово българыня относится к общему генетическому ряду българы (блъгары, блъгаре), българьскыи (блъгарьскыи). В-третьих, древнеболгарскому языку известен соответствующий словообразовательный тип, а также суффикс -ыни, напр. рабъ - рабыни, богъ - богыни.

Начальный этап проникновения староболгаризмов связан с их употреблением древнерусскими книжниками как в списанной переводной и оригинальной староболгарской литературе (т.е. в древнерусской редакции староболгарского литературного языка), так и в оригинальной и переводной древнерусской христианско-религиозной литературе (т.е. в древнерусской разновидности древнерусской редакции староболгарского литературного языка, по другой терминологии, в славяно-русской разновидности церковнославянского литературного языка или в книжно-славянском типе древнерусского литературного языка). См., напр., злато в древнеболгарском литературном языке (Сав.), в среднеболгарском литературном языке (Ман.Хр.), в списке переводной литературы, т.е. в древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка (Остр.), в памятнике оригинальной древнерусской христианско-религиозной литературы, т.е. в древнерусской разновидности древнерусской редакции древнеболгарского литературного языка (Жит.Феод.Печ.),напр. "и възьмъ злато" (Усп.сб., 45 а 31).

Следующий этап распространения староболгаризмов связан с их использованием в древнерусской и русской светской литературе и официально-деловой письменности, т.е. в письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка (или народно-литературного языка, типа). Многие из них становятся достоянием единого русского литературного языка (XVIII-XX вв.) и даже народно-разговорного и народно-поэтического. См., напр., историю распространения староболгаризма злато: "Рускаго злата насыпаша" (Сл.полк.Игор.), "Уже жены рускыя въсплескаша татарским златомъ" (Задон.),

"и въ съсудохранильницы невѣде колико злата и сребра" (Новг. I лет), "то тогда дати ему желѣзо из неволѣ до полугривны злата" (Правда Рус.), "Как злато твореное составливать" (Сим. Обих. книгоп.), "От головы до ног обвешан он сребром и златом" (Крылов, Оракул), "Его стихи блестят как злато" (Дельвич, Певец), "Не дари меня ты златом" (Хованский, Незабудочки), "И понесли оне честныя подарки злата серебра" (Кирша Д.).

Следовательно, цепь заимствования староболгаризмов устанавливается в определенной последовательности: 1/ староболгарский (древнеболгарский и среднеболгарский) литературный язык (по другой терминологии, старославянский, древнецерковнославянский язык и др.) – это общий источник; 2/ древнерусская и русская редакция староболгарского литературного языка (по другой терминологии, собственно церковнославянский литературный язык,русская редакция старославянского или церковнославянского языка) – это непосредственный источник на древнерусской и русской языковой территории; 3/ древнерусская и русская разновидность древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка (по другой терминологии, книжно-славянский тип древнерусского литературного языка, славяно-русская разновидность церковнославянского языка) – это языковая система, в которой происходит начальный этап проникновения, заимствования староболгаризмов; 4/ письменно-литературная разновидность древнерусского и русского языка (по другой терминологии, народно-литературный язык, народно-литературный и деловой типы древнерусского и русского литературного языка, древнерусский и русский литературный язык) – это близкородственная, но другая языковая система, в которой осуществляется процесс заимствования и решается дальнейшая судьба заимствований); 5/ единый русский литературный язык (XVIII–XX вв.) – это языковая система, в которой окончательно регламентируется состав, место и функции староболгаризмов; 6/ народно-разговорный (диалектный) и народно-поэтический русский язык – это языковая система, в которую проникают отдельные староболгарские слова не книжным путем.

Подобные этапы заимствования в условиях сложной расслоенности литературного языка, представленного в многообразной и разногенетической литературе и письменности, засвидетель-

ствованы историей тысячи староболгарских слов. См., напр., аз (Супр.,Изб. 1076 г., Жит.Бор.Гл., Сл.Дан.Зат., Сл.пол.Игор., Берест.гр., Георг.ген., Сум., Пушк.), бремя (Супр., Остр.,Изб. 1076 г., Хрон.Амарт., Каз.лет., Сл.полк.Игор., Посл.Сим.,Георг. ген., Кант., Пушк.), власть (Мар.,Остр., Жит.Бор.Гл.,Сл.Дан. Зат., Сл.полк.Игор., Посл.Сим., Радищ., Пушк., Лен.) и т.д.

Сравнительно-сопоставительное и историко-этимологическое изучение систем лексики болгарского литературного языка (древнеболгарского, среднеболгарского и современного периода), церковнославянского литературного языка (древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка и ее древнерусской и русской разновидности), письменно-литературной разновидности древнерусского и русского (великорусского) языка, современного русского литературного языка, а также диалектных данных на основе определенного круга отобранных источников и установленной системы критериев выявления староболгаризмов в древнерусской и русской литературе и письменности дало возможность в самом общем и предварительном виде установить состав староболгаризмов в письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка (XI-XVII вв.) и единого русского литературного языка (XVIII-XX вв.)[285].

а) Спорные проблемы терминологии

Изучение староболгарских традиций в лексике русского литературного языка на разных этапах его исторического развития сопряжено с определенными терминологическими трудностями. До сих пор в лингвистической литературе нет единогласия в толковании понятий и употреблении терминов для обозначения заимствованных лексических единиц из древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка[286].

---

285 П. Филкова. Староболгаризмы и церковнославянизмы в лексике русского литературного языка. С., 1987, т.I-III.

286 П. Филкова. К вопросу о наследии древнеболгарского и церковнославянского языков в лексике русского литературного языка. – Годишник на Софийския университет. Факултет по славянски филологии. С., 1981, т. 71,1.

В.В.Виноградов с основанием подчеркивает, что одной из самых актуальных задач изучения истории древнерусского литературного языка следует признать упорядочение и уточнение терминологии[287].

В настоящее время для обозначения заимствованных лексических единиц из древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка различные авторы используют свыше десяти терминов, за каждым из которых скрывается их определенная научная позиция. Приводим более или менее полный перечень таких терминов: старославянизмы, древнеславянизмы, славянизмы, южнославянизмы, церковнославянизмы, древнецерковнославянизмы, книжнославянизмы, древнеболгаризмы, староболгаризмы, болгаризмы (или старославянские, древнеславянские, славянские, южнославянские, церковнославянские, древнецерковнославянские, книжно-славянские, древнеболгарские, староболгарские, болгарские слова, лексические единицы, элементы и т.д.). Разграничение и уточнение терминологии затрудняется не только обилием терминов, но их недифференцированным употреблением, их использованием с различным значением или обозначением одного и того же термина разных лингвистических явлений. Не ставя перед собой цели подробно и специально оценивать достоинства и недостатки указанных терминол, мы выскажем некоторые соображения.

Старославянизмы (старославянские слова, лексические единицы, элементы). В употреблении термина "старославянизмы" (или старославянские слова, единицы, элементы и т.д.) наблюдаются главным образом два случая. Во-первых. Этим термином обозначают заимствованные лексические единицы из старославянского языка (т.е. из древнеболгарского литературного языка). Многие авторы разграничивают этот древнейший слой от более поздних заимствований из церковнославянского языка (т.е. из древнерусской и русской разновидности церковнославянского литературного языка или древнерусской и русской разновидности

287 В.В.Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, с. 35.

древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка). Так, напр., В.В.Виноградов отмечает, что "старославянская и позднее церковнославянская лексика, проникшая в древнерусский литературный язык из разнообразных книг разных славянских государств, была очень сложной"[288]. И.С.Улуханов указывает на то, что термин старославянизмы следует применять по отношению к тем элементам, "которые заимствованы русским литературным языком древнейшего периода (его книжно-славянским и народно-литературными типами) из старославянского языка"[289].

Во-вторых. Термином старославянизмы (старославянские слова, единицы, элементы и т.д.) обозначают без дифференциации как древнейший пласт заимствований из старославянского языка (т.е. древнеболгарского литературного языка), так и более поздний слой заимствований из церковнославянского языка (т.е. из древнерусской и русской разновидности церковнославянского литературного языка). Г.А.Хабургаев, напр., пишет, что "старославянскими по происхождению или образованными по старославянским образцам (словообразовательным моделям) являются многие наши термины, названия отвлеченных понятий"[290].

Учитывая традиции в использовании термина старославянизмы (старославянские слова, элементы и пр.), нельзя не принять во внимание, что он лишен определенности и не дает представления о генетической сущности данного типа заимствований (см., напр., грецизмы, латинизмы, русизмы, полонизмы, моравизмы и т.д.). Термин старославянизмы может быть использован для обозначения заимствований из любого старого (древнего) славянского языка.

---

288 В.В.Виноградов. Основные вопросы и задачи изучения истории русского литературного языка до XVIII в. - Вопросы языкознания, 1969, № 6, с. 8.

289 И.С.Улуханов. О судьбе славянизмов в древнерусском языке (На материале глаголов с приставкой -пре). - В: Памятники древнерусской письменности. М., 1968, с.21.

290 Г.А.Хабургаев. Старославянский язык. М., 1974, с.11.

Славянизмы (славянские слова, лексические единицы, элементы). Термин "славянизмы" (или славянские слова, славянские лексические единицы, славянские элементы) употребляется различными авторами, но в его толковании наблюдаются серьезные расхождения.

Во-первых. В работах некоторых авторов термин славянизмы используется в значении термина старославянизмы (т.е. староболгаризмы). Л.М.Шакун, напр., обращает внимание на то, что в силу определенных исторических обстоятельств "в старой белорусской письменности не произошло того органического слияния славянизмов с элементами народно-разговорного происхождения, как напр., в истории русского литературного языка"[291]. Л.М.Устюгова пишет, что "зависимость выбора славянизма или соотносительного русизма от тематических особенностей текста неизменно актуальна для каждого привлеченного к исследованию списка "Повести временных лет"..."[292].

Во-вторых. Другие лингвисты разграничивают два аспекта в толковании понятия "славянизм". Г.О.Винокур полагает, что все то, что перешло в русский литературный язык "из церковнославянского источника и связано с этим источником по своему происхождению, есть славянизм. Совсем другое дело славянизм в стилистическом смысле. Это есть славянизм не по происхождению, а по употреблению"[293]. Развивая идеи Г.О.Винокура, В.В.Замкова предлагает разграничить термины "церковнославянизмы" и "славянизмы" в плане истории языка,и в плане стилистики. Термин "церковнославянизм", по мнению В.В.Замковой, следует применять лишь при генетическом аспекте изучения русского языка на любой стадии его развития. Термин "славянизм" может быть применим лишь в

---

291 Л.М.Шакун. Книжнославянская лексика в памятниках белорусской письменности XVI-XVII вв. - В: Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. М., 1975, вып.1, с.61.

292 Л.М.Устюгова. К вопросу о соотношении книжной и народной лексики в основных списках "Повести временных лет".-В: Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции.,М.,1975,вып.1, с.53.

293 Г.О.Винокур. О славянизмах в современном русском литературном языке.-В: Избранные работы по русскому языку.М.,1959, с.443-444.

стилистическом плане и по отношению к определенному историческому периоду истории русского литературного языка, а именно, с середины XVIII в. до середины XIX в." "С точки зрения стиля "славянизмом" следует считать всякую стилистически маркированную единицу языка (как отдельное слово, так и отдельную форму слова), несущую в пределах высокого слога приподнятую экспрессию, являющуюся церковнославянизмом по происхождению или похожую на него"[294].

В-третьих. Некоторые языковеды определяют и используют термин "славянизмы" как обобщающее наименование. И.С.Улуханов считает, что славянизмами следует называть "те элементы, которые представлены в старославянском и церковнославянском языках (в том числе и книжно-славянском типе древнерусского литературного языка), но не представлены (за исключением заимствований из этих языков) в восточнославянской разговорной речи и народных типах литературного языка. Таким образом, "старославянизм" и "славянизм" - понятия генетические, а не стилистические. Вместе с тем славянизмы составляли основу книжной лексики на всех этапах развития древнерусского литературного языка. В состав славянизмов входят и славяно-русизмы. Этим термином мы называем слова, возникшие на русской почве по книжным словообразовательным моделям с использованием старославянских словообразовательных элементов"[295]. Г.Хютль-Ворт предлагает еще более широкое толкование. "В качестве самого общего термина для всех слов, отличающихся какой-либо церковнославянской чертой, предлагается термин славянизм. Термин, которому нами не придается ни генетического, ни хронологического разграничения"[296].

---

294 В.В.Замкова. "Славянизм" как термин стилистики. - В: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974, с.170.

295 И.С.Улуханов. О судьбе славянизмов в древнерусском языке.., с. 22.

296 Г.Хютль Ворт. Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка.., с. 6.

Наличие единого термина "славянизмы" для обозначения разнородных с точки зрения генетической, хронологической и стилистической лексических единиц осложняет еще больше существующий терминологический разнобой.

Книжнославянизмы (книжнославянские слова, единицы, элементы, образования). В трудах некоторых авторов заимствования из древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка обозначаются термином "книжнославянизмы" (книжнославянские слова, книжнославянские единицы, элементы или образования). Это обусловлено интерпретацией изучаемого языка как международного культурного книжного языка. Е.И.Демина указывает на то, что в основу типологической характеристики процесса становления лексической нормы славянских языков "должны лечь данные о функциях книжно-славянских и народных лексических элементов в ткани конкретных произведений"[297]. В.В.Акуленко отмечает, что менее последовательное сохранение книжнославянских элементов в белорусской переводной конфессиональной литературе, видимо было связано с тем, что православие в Белоруссии не переживало тогда такого подъема, как на Украине"[298].

Термин "книжнославянизмы" раскрывает в основном экспрессивно-стилистическую сущность изучаемых заимствований. Но в некоторых случаях термин "книжнославянизмы" не является вполне обоснованным, напр. при обозначении таких заимствований, как буква, вторник, епаршеский, жрец, иерейство, или, маслина, рождать и т.д. Кроме того он лишен этнической определенности.

Южнославянизмы (южнославянские слова, элементы, образования, заимствования). Отдельные лингвисты используют термин "южнославянизмы" в значении заимствований из старославянского языка (т.е. из древноболгарского литературного языка). А.И.Се-

---

297 Е.И.Демина. Проблемы соотношения книжной и народной лексики на начальном этапе становления современных славянских языков. – В: Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. М.,1975, вып.1, с.13.

298 В.В.Акуленко. О белорусском и украинском типах книжнославянского языка. – В: Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. М., 1975, вып.1, с.7.

лищев, напр., утверждает, что "невозможно утверждать, что в языке "Русской Правды" нет книжных, южнославянских (старославянских) элементов. Они, хотя и в небольшом количестве, имеются в языке этого памятника. Произвольно было бы приписывать эти южнославянизмы позднейшим переписчикам"[299]. Другие авторы употребляют указанный термин для обозначения лексических единиц, употребительных в южнославянской (древне и среднеболгарской и сербской) письменности. Так, Л.П.Жуковская, анализируя вопрос о втором южнославянском влиянии, подчеркивает, что пока сказать определенно нельзя, была ли ведущей в этот период "тенденция к архаизации языка или тенденция к южнославянским заимствованиям"[300].

Термин "южнославянизмы" является целесообразным для обозначения лексических единиц, характерных для южнославянского региона, напр. брак, властелин, врач, десница, жестокий и др. Но существует значительный пласт слов, засвидетельствованных первоначально в древнеболгарской языковой области или в древнейших памятниках письменности, напр. ангельский, благодушие, болгарский, вопрос, вещество, варварский, вселенная, жупел, жилище, законодатель, капище и т.д.Следовательно, термин "южнославянизмы" тоже лишен этнической определенности. Так и термин "восточнославянизмы", который как локально название является уместным, не может заменить наименования "русизм".

Церковнославянизмы (церковнославянские формы, элементы, слова, единицы, образования). Термин "церковнославянизмы" используется многими филологами, но с различным значением.

Во-первых. Некоторые ученые уупотребляют термин "церковнославянизмы" в значении заимствований из церковнославянского языка, т.е. из древнерусской и русской редакции старсболгарского литературного языка. Этот термин раскрывает функциональную сущность соответствующих лексических единиц. А.А.Шахматов пишет, что некоторые церковнославянские слова выдаляются

---

299 А.И.Селищев. О языке "Русской Правды" в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка. - В: Избранные труды. М., 1968, с.130-131.

300 Л.П.Жуковская. О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода. - Вопросы языкознания. 1972, № 5, с.75.

без труда как противоречащие звуковым особенностям русского языка. "Выделение их весьма поучительно, ибо оно обнаруживает на неопровержимых данных тот густой слой церковнославянских элементов, который сохранился в нашем литературном языке до сих пор"[301]. Н.И.Толстой указывает на то, что вопрос о взаимоотношении церковнославянских элементов с русскими элементами был и остается центральным вопросом истории русского литературного языка[302]. Б.А.Успенский считает, что с эпохи второго южнославянского влияния "можно говорить о церковнославянизмах как особой лексической категории русского языка"[303].

Во-вторых. Другие историки языка разграничивают "старославянизмы" (или староболгаризмы) от "церковнославянизмов", которые относятся к более позднему слою, засвидетельствованному в памятниках церковнославянской письменности. Так, Р.М. Цейтлин отмечает, что "старославянскими словами, значениями, формами мы называем только такие слова, значения слов, формы, которые зафиксированы в старославянских памятниках" ... "Соответственно церковнославянскими называем слова, употребляющиеся в церковнославянских памятниках"[304].

В-третьих. В лингвистической литературе встречается и другое определение сущности понятия и термина "церковнославянизмы". К составу церковнославянизмов "относятся целые лексические единицы (слова), засвидетельствованные в церковнославянском и заимствованные русским языком. Это общее понятие охватывает слова различного происхождения (из классического старославянского языка, эллинизмы, моравизмы, латинизмы, слова церков-

---

301 А.А.Шахматов. Церковнославянские элементы в современном русском литературном языке.-В: Из трудов А.А.Шахматова по современному русскому языку. М., 1952, с. 246.

302 Н.И.Толстой. Взгляды В.В.Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского литературного языков. -В: Исследование по славянской филологии.М.,1976, с.319.

303 Б.А.Успенский. К вопросу о семантических взаимоотношениях системно противопоставленных церковнославянских и русских форм в истории русского языка.-В: Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. М., 1975, вып.1, с.50.

304 Р.М.Цейтлин. Лексика старославянского языка.М.,1977, .25-26

нославянского языка разных редакций"[305].

Использование одного термина для обозначения различных лингвистических явлений приводит к дополнительным трудностям. Но при исследовании лексики древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка и особенно ее древнерусской и русской разновидности действительно выделяются генетически и хронологически две группы лексических единиц. С одной стороны, группа староболгарских слов древнеболгарского периода, напр. агнец (агньць, Син.пс.), благодать (Мар.), владыка (Клоц.), власть (Мар.) и т.д., и среднеболгарского периода, напр. аеропарный (Ман.Хр.), благоразумие (Ман.хр.), боголюбивый (Ман.хр.), петел (Добр.ев.) и т.д. С другой стороны, группа лексических единиц, засвидетельствованных в сочинениях с христианско-религиозным содержанием древнерусских и русских книжников. Такие слова не представлены в списках с переводной и оригинальной староболгарской литературы и в болгарских диалектах. Они не употребляются и в русских диалектах и в деловой письменности. См: ангелоименитый (Мин.Мая), архиераршеский (Д. патр.Ник.,II), благоучительный (Жит.Ал.Невск.), богоотступникъ (Посл.митр. Ионы Лит.еп. 1460 г.), великомразный (Жит.Иос.Вол.) и т.д. Подобные слова, засвидетельствованные в древнерусской и русской разновидности церковнославянского литературного языка (или древнерусской и русской разновидности древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка), могут условно быть обозначены термином церковнославянизмы.

Древнеболгаризмы, староболгаризмы, болгаризмы (древнеболгарские, староболгарские, болгарские слова. единицы. элементы). В исследованиях лингвистов, которые признают древнеболгарскую основу языка древнейших переводов богослужебных книг, часто используются термины "древнеболгаризмы", "болгаризмы". Так, Ф.П.Филин пишет: "В церковнославянском языке русской редакции господствуют старославянизмы (древнеболгаризмы)"[306].

---

305 Г.Хютль Ворт. Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка.., с. 6.

306 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка, М., 1981, с. 256.

Б.С.Ляпунов обращает внимание на то, что церковнославянский язык древнеболгарский лишь постепенно принимавший восточнославянские элементы в устах и под рукою русских книжников. Он полагает, что "язык великорусской (а до недавнего времени и украинской и белорусской) интеллигенции кишат веками усвоенными и совершенно незаметными для большинства церковнославянизмами, т.е. болгаризмами"[307].

Представляется целесообразным для обозначения заимствований из древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка использовать обобщенный термин "старобългаризмы", который не только точно выражает генетическую сущность соответствующих лексических единиц, но содержит и указание на хронологические отрезки: древнеболгарский период (IX-XI вв.), напр. бездна (Зогр.), благообразный (Зогр.), бремя (Супр.), врат (Клоц.), глаголати (Зогр.) и др. и среднеболгарский период (XII-XV вв.), напр. багрянородный (Ман.хр.), благоразумный (Ман.хр.), великодарование (Ман.хр.), златолюбивый (Гр. Памбл.) и т.д.

Терминологический разнобой ясно свидетельствует о том, что состав терминов для обозначения лексических заимствований из древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка и ее древнерусской и русской разновидности (т.е. из церковнославянского литературного языка и его древнерусской и русской разновидности) следует уменьшить, а значения унифицировать. Поэтому в данной работе используются два термина - староболгаризмы и церковнославянизмы.

б) Критерии выявления старобългаризмов

Вопрос о критериях выявления старобългаризмов рассматривается в работах ряда лингвистов (В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, В.В.Зеленева, Л.С.Ковтун, Р.Павлова, Ф.П.Филин, А.А.Шахматов и др.).

---

[307] Б.С.Ляпунов. Семасиологические и этимологические заметки в области славянских языков: Древнерусско -ив. -: Slavia, 1929 год. VII, ses. с.756.

Наибольшей популярностью пользуются критерии А.А.Шахматова, который устанавливает 12 фонетико-морфологических и словообразовательных признаков (слова с неполногласием, с –жд и –щ в определенной этимологической позиции, с сочетанием –ра, –ла в начале слова, с начальным –ю, с гласной –е, не перешедшей в –о, с префиксами –пре, –вез, с суффиксами –ствие и т.д.)[308].

Считая фонетико-морфолгические критерии, указанные А.А.Шахматовым, недостатсчными, В.В.Виноградов выдвигает дополнительные, напр. предметно-смысловой, культурно-исторический, фразеологический и текстологический. Он указывает на терминологическую парность (типа сегодня – днесь), на пересечение в одной лексеме двух рядов значений (типа квас – напиток и квас – закваска) и др.[309].

В.В.Замкова обращает внимание на словари, которые являются важным источником для анализа лексической системы языка[310]. Пометы стилистические или указывающие на источники, на генезис слов, выставленные в слсварях, могут быть использованы тоже в качестве критерия, потому что они выражают взгляды составителей словарей, выдающихся книжников XVI–XVII вв., крупнейших филологов, лексикографов XVIII–XX вв. В этом смысле очень важно изучить пометы типа "славенское слово" (слав.), "церковнославянское слово" (церксл.), "церковное слово"(церк.), которые даются в различных словарях русского языка XVIII–XXвв. Л.С.Ковтун с основанием считает, что важным показателем генетической сущности изучаемых лексических единиц является их включение в состав различных лексикографских трудов Средневековья[311], напр. "Толкование неудобь познаваемом в писаных ре-

---

308 А.А.Шахматов. Церковнославянские элементы в современном русском литературном языке.., с. 245–266.

309 В.В.Виноградов. К истории лексики русского литературного языка. – В: Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

310 В.В.Замкова. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975.

311 Л.С.Ковтун. Русская лексикография эпохи средневековья. М.–Л., 1963.

чах", "Азбуковник конца XVI в." В качестве критериев могут быть использованы, по мнению Р.Павловой, функционирование лексических единиц в определенных видах письменности, распространение (или отсутствие) в народных говорах, особенности и чистота употребления[312]. Ф.П.Филин специально подчеркивает необходимость в изучении реальной истории слов. "Говоря о лексике, нужно прежде всего видеть слово с его значениями, а не взятые в отвлечении его отдельные признаки, которые сами по себе не существуют в языке"[313].

Все указанные критерии выявления староболгаризмов (фонетико-морфологический, словообразовательный, лексико-семантический и т.д.) являются очень существенными, надежными и целиком используются в нашей работе. На основе этих критериев мы относим к составу старсболгаризмов в лексике русского литературного языка такие слова, как: аз (Супр.), благоуханный (Евх.), богоявление (Супр.), будущий (Супр.), велегласный (Супр.), величие (Ас.), великодушие (Ман.хр.), владычество (Мар.), гражданин (Супр.), единение (Супр.), крещение (Супр.), младенец (Сав.), надежда (Супр.), область (Зогр.), прекращать (Зогр.), постник (Ас.), прозрение (Сав.), пространство (Супр.), престол (Супр.), рождество (Ен.), рождение (Мар.), священник (Евх.), собор (Зогр.), трезвый (Супр.), угождать (Супр.), храм (Зогр.), юность (Супр.) и т.д. В данном случае принимались во внимание: а) особенности звуковой формы (неполногласие, -жд, -щ, начальные -а, -е, -ю, напр. гражданин, священник, аз, единение, юность), б) характер словообразовательной структуры (префиксы -из/ис, -пре, суффиксы -ущ, -ение, компоненты сложных слов -благо, -веле, -бого, напр. издать, прекращать, будущий, рождение, благоуханный, велегласный, богоявление), в) предметно-смысловые, понятийные, культурно-исторические особенности (напр. отнесение к религиозно-богослужебной сфере, к христианскому

---

312 Р. Павлова. Пространственные конструкции в древнерусском языке в сопоставлении с древнеболгарским. С., 1977.

313 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка, с. 60.

мировоззрению: богоявление, епаршеский, крещение, рождество, священник, храм), г) первоначальное распространение этих слов в древнеболгарской и среднеболгарской переводной и оригинальной письменности (напр. великодушие, владычество, гражданин, прекращать, пространство), д) отсутствие многих из указанных слов в русских народных говорах (напр. благоуханный, величие, единение, прозрение), е) включение ряда слов в состав средневековых лексикографических трудов (напр. престол - Бер.,юность - Зиз.).

Но указанные критерии выявления староболгаризмов во многих случаях не являются достатсчными. Без установления и использования дополнительных критериев и признаков очень трудно обосновать и раскрыть генетическую сущность значительного количества слов, засвидетельствованных в списках с переводной и оригинальной староболгарской письменности, т.е. в древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка, напр., адамантовый, адов, безводный, бесславный, вавилонянин, злоумный, доброписец, маловидный, многогрешный и т.д. Поэтому наряду с установленными предлагаем и несколько вспомогательных критериев, которые условно могут быть обозначены как: а) нормативно-функциональный, б) нормативно-текстологический, в) критерий относительной хронологии, г) ареальный критерий, д) критерий культурной преемственности, е) критерий генетической соотносительности.

Необходимо подчеркнуть, что ни один из известных и дополнительно предложенных критериев не может самостоятельно служить надежным свидетельством староболгарского происхождения изучаемых слов. Во всех случаях следует использовать комплексный подход, при котором привлекаются по возможности все существующие критерии, рассматриваемые в совокупности, применительно к условиям употребления слов в текстах и их реальной истории.

Нормативно-функциональный критерий означает учет языковой нормы первоначальной функциональной сферы (сфер) регулярного употребления изучаемых слов. С другой стороны, принимается во внимание и языковая норма функциональной сферы (сфер), в которой слова появляются эпизодически или вообще отсутствуют.

Так, напр., слово миродержатель, засвидетельствованное в староболгарской литературе (Син.евх.), представлено первоначально в регулярном употреблении в древнерусской и русской христианской письменности, в которой находят выражение нормы древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка и ее древнерусской и русской разновидности (см. Мин.1096г. Сент.,; Кир.Тур.Сл.; Жит.Авр.Чух.). Это дает основание, наряду с использованием и других критериев (напр. словообразовательного, предметно-семантического), отнести данное слово к составу староболгаризмов. На таком основании к ним относим и слова: антиохов(ъ), архиерействовать, аспидин(ъ), багряничный (багреничный), бедствовать, безвременно. безбсязненный, бесстудный, братоненавистный, великоименитый, варварствовать, даролюбивый, долгоживотный, долгословити, доброплодный, добросердый, египетский, еврейский и т.д.

Слово кроволитие включаем в состав русских образований на основании того, что оно не представлено в списках с старсболгарской переводной и сригинальной литературы, что оно засвидетельствовано в регулярном употреблении в русской светской официально-деловой и историко-повествовательной литературе (напр Швед.д.; АИ,II; Аз.пов., Чел.Лаз.).

Опора на характер нормативно-функциональной сферы регулярного употребления оказывается особенно надежной в случаях близости словообразовательной структуры определенных слов и отсутствия особых диференциальных признаков. Так, слова многомилостивый и многоможный, которые имеют сходную словообразовательную структуру, отличаются генетически. Слово многомилостивый относится к составу староболгаризмов на основе того, что оно засвидетельствовано в староболгарской литературе и что представлено в регулярном употреблении в древнерусской и русской христианской богослужебной и др. письменности, т.е. в древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка и ее древнерусской и русской разновидности (см.: Супр.;Мин. 1096 г., Окт.; Панд.Ант.; ВМЧ, Апр.; Сказ.Бор.Гл.; Белозер. перен.). Слово многоможный не зафиксировано в староболгарской письменности, оно представлено в регулярном употреблении в русской светской официально-деловой письменности, т.е. в пись-

менно-литературной разновидности древнерусского и русского языка (см. Рим.имп.д.,I; Куранты; Алф.). На основе нормативно-функционального критерия мы относим его к составу русских образований.

Нормативно-текстологический критерий может быть использован в случаях, когда изучаемые слова сохранены в единичных примерах в старой литературе, на основе которых трудно судить о сферах регулярного употребления и о генезисе вообще. В данном случае критерием может служить и языковая норма, которая находит воплощение в соответствующем тексте (памятнике, сочинении, жанре, даже в отдельных частях текста, напр. в летописных текстах). См., напр., слова многоочительный, и многодолжный. Слово многоочительный представлено в единичных примерах в старославянской и древнерусской и русской христианской литературе (см.: Супр., Апскал. XIII в.), напр. "и видить безъ очию създавшаго многосчителнаа и лежитъ" (Сл.Епиф. о погреб.).Учитывая и его отсутствие в древнерусской и русской светской литературе и диалектах, мы относим рассматриваемое слово к составу старославянских лексических единиц. Слово многодолжный зафиксировано в единичных примерах в русской светской деловой письменности, напр. "А человѣченкоя, холопъ разореной и многодолжной" (Д. Шакловит.,III), где находит выражение языковая норма письменно-литературной разновидности русского языка. На основе этого присоединяем данное слово к составу русских образований. Применяя нормативно-текстологический критерий, мы относим к старославянизмам такие слова, как: августалиев(ъ), аерный, аггреполистный, безвещный, варварообразный, велеречевати, великодарование, возбешение, возлак(ъ), всекрайный, гносименитый, гровядарь, даролюбный, жестокоумие, живоносец(ъ), злолюбный, злообразный, злократный, измлада, изрыгательница и т.д.

Критерий относительной хронологии применим в случаях, когда изучаемые лексические единицы засвидетельствованы как в списках старославянской переводной и оригинальной литературы, а также в христианской религиозной древнерусской и русской литературе, так и в древнерусской и русской светской официально-деловой и историко-повествовательной письменности, т.е. как в древнерусской и русской редакции старославянского литературного языка и ее древнерусской и русской разновидности, так и

менно-литературной разновидности древнерусского и русского языка. Особенно показательны случаи, когда системы обоих языков допускают возможность параллельного формирования соответствующих лексических единиц. Тогда для исследователя очень важно определение древности таких лексических единиц, времени их первоначальной письменной фиксации, сфер их распространения и учет стимулирующего воздействия письменной традиции.

Слово безводный, напр., представлено как в христианско-религиозной староболгарской и древнерусской и русской литературе, т.е. в древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка и ее древнерусской разновидности (напр. Мар., Псалт.Чуд., Жит.Сав.Освящ., Сл.Илар., Жит.Иоан. Мил. и т.д.), так и в древнерусской и русской светской письменности, т.е. в письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка (напр. Сл.полк.Игор., Хож.Кот. и др.) Возможности систем древнеболгарского и древнерусского языков допускают вероятность параллельного возникновения этого слова. В данном случае мы используем критерий относительной хронологии, принимая во внимание наиболее ранние письменные фиксации слова безводный (X-XI вв., напр. Мар., Псалт.Чуд.). Это дает основание считать, что староболгарская письменная традиция содействует распространению подобных слов, активизирует их употребление. См. еще: безвестный, безбог(ъ), безбожный, безбедный, бездетный, безмерный, безносый, безумие, безумный, бездомный, беспутный, бессловный, бесчестие, бесчестить, бесчисленный, братоубийца, братоубийство, великокрылый, добросердый, долгоногий, детородный, женолюбивый, злотворец, кровопийца, малоумный, многословить и др.

Ареальный критерий может быть использован для расширения информации о первоначальном распространении (или нераспространении) изучаемых слов в определенных языковых областях. Отсутствие таких слов на языковой территории одних славянских народов в период формирования отдельных славянских языков и их наличие в других регионах может служить как дополнительное свидетельство о их генетической отнесенности. Так, напр., слово болезненный засвидетельствовано первоначально (в X-XI вв.) на древнеболгарской языковой территории (Супр.). Отсутствие данных о его распространении на языковых территориях других

славянских народов[313], его использовании и в литературном языке среднеболгарского периода (Ман.хр. - XIV в.), а также в списках с древнеболгарской и среднеболгарской переводной и оригинальной литературы и в древнерусской и русской христианско-религиозной письменности (т.е. в древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка и ее древнерусской и русской разновидности, напр. Гр.Наз. XI в., Панд.Ант. XI в., Златостр. XII в., Кн.Енох., XIII в., Быт. XIV в., Изм. XIV-XV в., ВМЧ XVI в., Жит.Авв. XVII в.) - все это свидетельствует о древнеболгарском происхождении рассматриваемого слова, которое заимствуется древнерусскими книжниками и проникает и в письменно-литературную разновидность древнерусского (и русского) языка (см. Ник.лет.IX, Львов.лет.I, Всевол.ч.,Георг. 1710; Хераск.Кадм. и т.д.).

См. еще историю таких слов, как алчный, брак(ъ), бренный, багряный (багреный), бисерный, бубрег(ъ), величавый, в(ъ)нушить, вопрос(ъ), вожделеть, волшебный, врачебный, вещество, вратарь, девственный, достоверный, естественный, жилище, здание, изобильный, источник(ъ), изваяние, кумир(ъ), маститый, пространство, суета, хоругвы, художество и т.д.

Критерий культурной преемственности применим в случаях, когда изучается история лексических единиц, представленных в различных славянских языках, в том числе и в древнеболгарском (народном и литературном), но не получивших распространения на древнерусской языковой территории или рано вышедших из употребления в результате вытеснения другими лексико-семантическими эквивалентами.

Так, напр., слово камо засвидетельствовано в списках с переводной и оригинальной староболгарской литературы (Зогр., Остр., Жит.Ниф., Ио.екз.Шест.),в древнерусской и русской христианско-религиозной литературе (Жит.Ал.Нев., Сл.Дан.Зат.), а также и в древнерусской и русской светской письменности (Сл.

---

313 Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1975, вып. 2, с. 190.

полк.Игор., Пов.врем.лет, Новг.I лет). Слово камо известно и различным славянским языкам . На русской языковой территории оно постепенно вытесняется общеупотребительным лексико-семанкическим эквивалентом куда. К XVII в. слово камо относят к "славенским речениям" (см. Бер.), в XVIII-XIX вв. в академических словарях русского языка оно сопровождается пометами "славенское", "церковнославянское" (САР, СЦРЯ). Подобная оценка является результатом того, что слово камо сохраняется в церковнославянском литературном языке. Таким образом, культурная преемственность традиций древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка (т.е. церковнославянского литературного языка) не только содействует сохранению слова камо на периферии лексики русского литературного языка, но приводит к формированию определенной генетической квалификации, к его отнесению к составу "церковнославянизмов", "славянизмов" (т.е. староболгаризмов).

На основе рассматриваемого критерия к составу старобол-гаризмов можно отнести, хотя и с оговоркой, целый ряд слов, у которых были или постепенно устанавливаются общеупотребительные лексико-семантические эквиваленты, напр. бесный (и бешеный), витать (и находиться), выя (и шея), весь (и деревня), гобзовать (и умножать), десный (и правый), десница (и правая рука), дсить (и кормить грудью), злакъ (и трава, зелень), зракъ (и образ, вид, видение), колико (и сколько), кошница (и корзина, коробка), коприна (и шелк), коприва (и крапива), леха (и гряда в огороде), лой (и жир, сало), локва (и лужа), лоно (и грудь, пазуха), ланита (и щека), лжица (и ложка), ложе (и постель), лик (и лицо), лудый (и сумасшедший), мечка (и медведь), мастить (и мазать), мишца (и мошка), мерило (и весы), мытарь (и сборщик налога, откупщик), носило (и носилки), несытый (и жадный), наопак (и наоборот), обет (и клятва, зарок), останок (и остаток), пастырь (и пастух), рамо (и плечо), рыбарь (и рыбак), руно (и шерсть), риза (и наряд), стогна (и улица, площадь), творец (и бог), усмарь (и кожевник), шуица (и левая рука) и т.д.

Некоторые авторы считают, что "Н.Горяев и А.Преображенский допустили ошибку, отнеся русские слова, напр. мастить, перст, перси, рыбарь и др." к заимствованиям из церковнославянского языка, что такие слова, как "выя, гобзить, лице и др. известны различным славянским говорам"[315]. Но лексические единицы указанного типа связываются со староболгарскими традициями еще в XVI в. Так, в "Лексисе" Лаврентия Зизания (1596 г.) к "словенским словам" отнесены: выя, десница, зрак, злак, зелие, зеница, лоно, лице, недра, уста и др. В "Азбуковнике" (XVIв.) представлены такие "неудобь понимаемые речи": леха, лоно, овен и др.[317] В "Словаре Академии Российской" (СПб.,1789–1794,ч.1-6) пометой "славенское" сопровождаются наряду с рядом других и лексические единицы: бесный, доить, око, перси, плоть, пастырь, рамо, шуюца и др.

Критерий генетических связей (генетической близости) предполагает учет наличия (или отсутствия) мотивирующих или мотивированных слов в памятниках переводной и оригинальной древнеболгарской и среднеболгарской письменности, в их древнерусских списках и в христианско-религиозной древнерусской литературе. Так, напр., слово младость не представлено в памятниках древнеболгарской письменности, хотя в них употребляется слово младъ (Зогр., Мар., Асс., Сав., Зогр.) и ряд производных образований, а также слова отвлеченных значений с суффиксом -ость. Использование слова младость древнерусским книжником Иларионом, см. "и укрѣпьвъ от дѣтескыи младости" (Сл. Илар.,164, XI в., в списке XV в.), не является решающим аргументом в пользу предположения, что это слово формировано на древнерусской почве, потому что оно употребляется в среднеболгарском переводе "Хроники Константина Манассия" (синодальный список, XIV в.), см. "нападаетъ на багрѣнороднааго, младости

---

315 Из наблюдений над лексикой старославянских памятников. – Ученые записки Института Славяноведения АН СССР, М.,1954, т.IX, 142–167.

317 Сказания русского народа, собранныя М.Сахаровым.СПб.,т.II, 1849.

его въсѣчьскы,небрѣгъ" (л.113). В таком смысле мы имеем основание предполагать староболгарское происхождение слова младость, потому что в древнеболгарском языке существует мотивирующее слово - младъ и словообразовательный тип с суффиксом -ость, а наряду с мотивированным словом младость в древнерусской оригинальной литературе представлено такое же слово и в списке с среднеболгарского памятника.

В памятниках древнеболгарской письменности известно мотивированное слово говѣждь (Супр.), а в среднеболгарской и древнерусской и другие слова с этим корнем, напр. говядарь, (Ман.хр., Хроногр. 1512 г.), говядопасецъ (Хрон.ман.,Хроногр. 1512 г.). В среднеболгарской и древнерусской литературе употребляется слово говядо (Ман.хрон.,Ипат.лет.). Все это в совокупности дает основание считать, что мотивирующее праславянское слово говядо, вероятно, характерно и для древнеболгарского языка.

Критерий генетических связей дает основание для отнесения к составу староболгаризмов таких слов, как: алкатель, архангеловъ, багряничный, беспутие, благоверие, благотворение, братоубийственный, владычествовать, враждный, воображение, дерзновенный, естественный, златарь, изобретатель, иконоборство, коварствие, крамольный, любодеять, мраморный, надеждный, неблагодатный, превращение и т.д.

При использовании различных критериев необходимо применять комплексно-интеграционный метод (подход), который находит выражение в том, что для определения генезиса слов следует производить всесторонний анализ, привлекать все установленные или все уместные в отдельных конкретных случаях критерии и рассматривать их в совокупности применительно к условиям употребления слов в тексте, к их реальной истории. Так, напр., слово рождество определяется как староболгарское на основе характера фонетической формы (-жд), словообразовательной структуры (суффикс -ьство), понятийная отнесенность (религиозный праздник), сферы первоначальной фиксации и регулярного употребления (Мар. Зогр., Остр.), учета данных славянских языков, диалектов,средневековой лексикографии и т.д. При этом все критерии используются в совокупности применительно к употреблению слова рож-

дество в текстах, к его реальной истории, представленной в древнерусской и русской письменности.

в) Разграничение староболгаризмов и церковнославянизмов в лексике древнерусского и русского языка

Установленные критерии и комплексно-интеграционный метод (подход) в их использовании дают возможность определить в самых общих чертах состав староболгаризмов в лексике русского языка на разных этапах его исторического развития, а также разграничить староболгаризмы от церковнославянизмов, которые характеризуются генетической близостью и хронологическими различиями.

В.М.Истрин указывает на то, что "грани между старославянизмами и образованными по тем же образцам и моделям древнерусскими книжными словами очень зыбки и неясны"[318]. В.В.Виноградов тоже считает, что "этимологически родственные группы слов, несмотря на различия префиксов и суффиксов, в старославянском и древнерусском языках были семантически настолько близки, что провести точную границу внутри них между старославянизмами и древнерусизмами во многих случаях очень затруднительно"[319].

На данном этапе, когда полный состав лексики сохранившейся древнеболгарской и среднеболгарской, древнерусской и старорусской письменности еще не выявлен и не установлен, наши констатации имеют предварительный и до известной степени условный характер. Но все таки возможно наметить некоторые приблизительные установки, учитывая, что не все критерии являются в одинаковой степени значимыми.

При разграничении староболгарских слов от церковнославянских основное значение имеет нормативно-текстологический критерий, т.е. характер письменности и воплощенная в ней лите-

---

318 В.М.Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. М.-Л., 1930, т.II, с. 239-240.

319 В.В.Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, с. 94.

ратурно-языковая норма. Так, напр., староболгарские слова, в которых находят выражение специфические черты староболгарской лексики (напр. неполногласие, -жд, -щ, префиксы -из, -въз и т.д.), засвидетельствованы в староболгарской (т.е. древнеболгарской и среднеболгарской) переводной и оригинальной письменности, распространенной на древнерусской и русской территории преимущественно в списках. В ней выражаются нормы древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка (т. е. собственного церковнославянского литературного языка). См. агнець (Син.пс.,Усп.сб.), благодушие (Евх.,Жит.Феод.), вещество (Супр.,Гр.Наз.XI в.), возмущать (Супр.,Остр.), восхищать (Син. пс., Изб.1076г.), гладъ (Мар.,Остр.), дщерь (Мар.,Остр.), единение (Супр.,Мин.1096 г.), жупелъ (Зогр.,Палея Ист.), заграждать (Супр., Жит. Авр.Смол.), златолюбивый (Гр.Цамбл.,Усп.сб.), изгнание (Мар.,Мст.), разумъ (Супр.,Изб.1076 г.), рождение (Мар. Остр.), священный (Син.пс.,Мин.1096 г.), соборный (Супр.,Усп. сб.), срамословие (Кл.Охр., Панд.Ант. XI в.), тщеславие (Супр., Изб.1076 г.) и т.д.

Церковнославянские слова, в которых находят выражение специфические черты лексики церковнославянского языка (как староболгарские черты, напр. неполногласие, -щ, приставки из,пре и т.д., так и некоторые русские, напр. рефлексы носовых, епентетическое -л, названия церковных реликвий и т.д.), представлены в древнерусской и русской христианско-религиозной оригинальной и переводной письменности, возникшей на древнерусской и русской языковой территории. В ней выражаются нормы древнерусской и русской разновидности древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка (т.е. древнерусской и русской разновидности церковнославянского литературного языка). Такие слова не засвидетельствованы в списках с древнеболгарской и среднеболгарской переводной и оригинальной литературы. См.: анафематство (Д.прот.), антидорный (Опис.Холм.м.), багряноносець (Д.патр.Ник.), благопремывание (Жит.Стеф.Перм.), благорассудный (Сл.митр.Дан.), благочиние (Посл.митр.Фот., Пск. 1426 г.), боголюбство (Посл.митр.Ниф.1312-1315 гг.), брадобритець (Жит.Авв.), бранствовать (Д.патр.), вещество (Бер.), владетельство (Козм.), властожелательный (Кн.Степ.).

Русские (древнерусские и великорусские) лексические единицы выражают специфические черты лексики древнерусского и русского языка (напр. полногласие, -ж, -ч, приставки -вы, -вз и т.д.); они зафиксированы в светской оригинальной и переводной древнерусской и великорусской письменности, в которой находят выражение нормы письменно-литературной разновидности древнерусского и великорусского языка. Такие слова не засвидетельствованы (или встречаются эпизодически) в древнеболгарских и среднеболгарских списках. См: головникъ (Правда Рус.), головщина (Дон.д.), голодникъ (Ерм.лет.), голосистый (Львов, I лет.), гонщикъ (А.закл.), городить (Суд. Ив. III), городовой (Рим.имп.д.,I), горододержецъ (Дон.д..II), городникъ (Правда Рус.), горожанинъ (Тип.лет.), гороховникъ (Новг.лав.кн.), горячий (Ерм.лет.), государичь (Сказ.Авр.Палиц.), деревня (Лавр.лет.), деревенщикъ (Гр.Дв.I), деревщикъ (Кн.расх.Ник.), десятипядный (Астр.а.) и т.д.

Необходимо обратить внимание на то, что использование только одного или нескольких критериев без учета реальной истории изучаемых слов, не дает возможности для точной историко-генетической оценки. Так, напр., фонетическая форма и словообразовательная структура (наличие неполногласия, -жд, приставка -воз, суффикс -ость, компоненты сложных слов -благо, -бого и т.д.), таких слов, как: благоумность, безвлажность, безвредность, возвратный, вознаграждение и т.д., не являются достаточным основанием для отнесения указанных слов к составу староболгаризмов или церковнославянизмов, потому что они не засвидетельствованы в списках с древнеболгарской и среднеболгарской письменности и в памятниках церковнославянского языка (в двух его разновидностях). Первые фиксации этих слов относятся к XVIII в., а функциональные сферы их регулярного употребления - это русская научная, общественно-политическая и др. литература, в которой находят выражение нормы формирующегося единого русского литературного языка XVIII в. Некоторые авторы относят их к составу русских лексических новообразований[320]. В.В.Замкова с основанием пишет, что "новообразования

320 И.М.Мальцева, А.И.Молоткова, З.М.Петрова, Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л.,1975.

в языке на любой стадии его исторического существования – это факты развития самого языка. Если те или иные морфемы обладают словопроизводной способностью, это свидетельствует о жизнеспособности данной морфемы в языке и нет никакой принципиальной разницы, какого происхождения эта морфема: русского или иноязычного (церковнославянского или европейского)"[321].

Установление пластов староболгарских, церковнославянских и русских лексических единиц в древнерусской и русской письменности дает возможность разобраться в сложном вопросе о разграничении состава церковнославянизмов и русизмов в лексике болгарского литературного языка. Л.Андрейчин отмечает: "влияние русского языка очень разнообразное, оно переплетается с влиянием церковнославянского языка до такой степени, что во многих случаях очень трудно определить где кончается одно и откуда начинается другое"..."необходимо отличать церковнославянское влияние от русского"[322].

Русские лексические единицы, возникшие в рамках древнерусского и русского языка (прежде всего в его письменно-литературной разновидности), выражающие специфические черты его лексики, представлены в регулярном употреблении в оригинальной светской древнерусской и русской письменности. Они не засвидетельствованы (или встречаются эпизодически) в списках с древнеболгарской и среднеболгарской литературы, напр. барабан (Новг. III лет), барабанщик (Ремез.лет), беглый (Новг. I лет.), беглецъ (АМГ, III), безотступный (Рим.имп.д.), бесприютный (Заб. ик.), братишка (Ревел.а.), бродяга (Ремез.лет.), гадкий (Стих о жизни патр.), гнилецъ (Лек.), дача (АЮБ,I), двоеточие (АХУ, II), дворянинъ (Польск.д.,III), дворянство (АИ,IV), дворцовый (АЮБ,II), грабительство (АХУ,III), деятельный (Хроногр.1512г.), доводъ (АХУ,III), догадка (Сим.Послов.), душеприказчикъ (АЮБ, II) и т.д. Именно этот слой русской лексики относится к составу русизмов в болгарском литературном языке.

К составу церковнославянизмов в лексике болгарского

---

321 В.В.Замкова. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в., с.13.

322 Л.Андрейчин. Роля на старобългарската (и черковнославянската писмена традиция.–В: Из историята на нашето езиково строителство.С.,1977,с.33,26.

литературного языка относятся церковнославянские слова, о которых уже упоминалось. Это лексические единицы, возникшие в рамках древнерусской разновидности церковнославянского литературного языка (или древнерусской и русской разновидности древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка), выражающие специфические черты его лексики, представленные в регулярном употреблении в древнерусской и русской христианско-религиозной литературе. Они не засвидетельствованы (или встречаются эпизодически) в списках с древнеболгарской и среднеболгарской литературы. См. артосник (Чин.Холмог.), архипастырь (АИ, IV), анафематствовать (Д.патр.), беспоповщина (Розыск.лист.), благовестъ (ДАИ,V), благовестець (Кир.Тур.), благовестница (Кир.Тур.), благовидный (Жит.Дан.Перм.), благовоние (Пат.Печ.), благоденствие (Рим.имп.д.I), благоденственный (Жит.Дан.Пер.), благодетельствовать (Изм.), благорассудный (Сл.митр.Дан.), благоустроенный (Сл.митр.Дан.), благоустрой (ВМЧ, Ноябрь), благоутробие (Нил.Сор.Устав), благочинный (Посл.митр.Фотия), богобоязливый (Сл.о ц.Мих.), боготворение (М.Гр.), богохульство (Котош.) и т.д.

К составу церковнославянизмов в лексике болгарского литературного языка некоторые болгарские лингвисты относят староболгарские лексические единицы в русифицированной звуковой форме, напр. благоухание (Евх.), благоуханный (Евх.), вертеп (Клоц.I), дерзание (Мин. 1096 г.), жертва (Сав.) и т.д.

В лексике современного болгарского литературного языка сохраняются староболгарские языковые традиции и обширный слой староболгарских слов, напр. аз (Супр.), алчный (Супр.), благословить (Зогр.), благодушие (Евх.), благодарить (Супр.), бремя (Супр.), владыка (Клоц.), власть (Мар.), вражда (Клоц.), глава (Сав.), главный (Евх.), глад (Мар.), градить (Супр.), делва (Ман.Хр.), десница (Зогр.), длань (Супр.), днесь (Мар.), един (Мар.), езеро (Супр.), елень (Супр.), жажда (Син.Пс.), жупел (Зогр.), златарь (Ман.хр.), злато (Сав.), избегать (Евх.), изгнание (Мар.) и т.д.

Изучение лексикографической практики показывает, что в некоторых словарях русского языка и в словарях болгарского языка этимологические, генетические оценки определенных слов

представляются спорными.

Во-первых. В некоторых словарях и трудах часть лексических единиц болгарского литературного языка определяются как заимствования из русского языка, напр. бедствие (I Сир.), безболезненный (Гр.Наз.XI в.), величие (Ас.), величество (Супр.), вертец (Клоц.), вражеский (Супр.), воображение (Ман.), грядущий (Сав.), дарование (Супр.), действенный (Супр.) и т.д.[323]

См. еще: благодушествовать (Стих.XII в.), вертоград (Мар.), вещание (Панд.Ант.XI), высокопарный (Ман.Хр.), витийство (Изб.1073 г.), вопиющий (Зогр.), восток (Супр.), востсчный (Супр.), врачебный (Супр.), воззрение (Евх.), глаголать (Зогр.), делатель (Мар.), действо (Супр.)[324] и т.д.

На основе принятых критериев мы относим указанные слова к составу староболгаризмов в русском литературном языке. Их сохранение в современном болгарском литературном языке определяется действием традиций церковнославянского языка.

Во-вторых. В других словарях и трудах некоторые лексические единицы в русском литературном языке определяются как заимствования из староболгарского литературного языка (из старославянского, по другой терминологии), напр. изощрить, испитой, изможденный, измышлять, крайный. награда, поздравить, прохлада, предок, проницать, препятствие[325] и т.д. Но они не засвидетельствованы в памятниках древнеболгарской и среднеболгарской переводной и оригинальной письменности. Следовательно, у них другие генетические источники.

II. Заимствование староболгарских слов

Проблемы заимствования лексических единиц одного языка другим, в конкретном случае заимствования староболгарских (древнеболгарских и среднеболгарских) лексических единиц рус-

---

323 Български етимологичен речник.С.,1971,т.I,с.39,52,65,167, 179,205,207,277,319.

324 Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. С.,1974,с.35,56,58,61,62,68,70,75,85,99

325 Н.М.Шанский,В.В.Иванов,Т.В.Шанская.Краткий этимологический словарь русского языка. М.,1975, с.172,173,174,176,219,349, 371,361,369,363.

ским языком многоаспектны, сложны, и включают в себя не только комплекс вопросов лингвистического, но и экстралингвистического характера. Но главное условие, необходимое для заимствования, как считают многие лингвисты, - это двуязычие. Б.Шулан высказывает основательные соображения о том, что двуязычие - основа заимствования слов. "Для того, чтобы слово было заимствовано из иностранного языка и акклиматизировалось в новом языке, необходимо, чтобы члены перенимающего языкового общества были более или менее хорошо знакомы с передающим языком. Они должны стоять по крайней мере на ступени частичного билингвизма, иначе они не поймут значения слова, и заимствования не произойдет, во всяком случае такого заимствования, когда в заимствующем языке утверждается оригинальное значение"[326].

Независимо от расхождений в понимании механизма заимствования, распространенным среди лингвистов является мнение, к которому присоединяемся, что заимствованием следует назвать процесс перемещения различных языковых единиц (лексических, морфологических, синтаксических и т.д.) из одного языка в другой. Э.Хауген определяет заимствование как фонемное копирование иноязычной модели[327]. Заимствование выступает как один из результатов контактирования определенных языков в условиях двуязычия и установления межъязыковых отношений. В теоретической литературе их обычно обозначают термином "языковые контакты". У.Вайнрайх пишет: "Два или несколько языков находятся в контакте, если их попеременно использует один и тот же человек"[328]. Ю.Жлуктенко расширяет диапазон, отмечая, что основанием межъязыковых контактных отношений является общность носителя (индивида, группы, определенной части общества), функ-

---

326 B. Sulam. Zu einigen Fragen des Bilingmismus. Slavica, III. Debrecen, 1963, p.14.

327 E. Haygen. Review of "Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altenglischen" by H. Gneuss. — Language, vol.32, №4, 1956, p.762.

328 U. Weinreich. Languages in Contact. V., 1953, c.1.

ционирование контактирующих языков в общении одних и тех же носителей[329].

Заимствование староболгарских слов наступает тоже в результате возникновения контактирования между староболгарским литературным языком древнерусской и русской редакции и древнерусским и русским языком (прежде всего его письменно-литературной разновидности). В качестве общности носителей этих контактирующих языков в Киевской и Московской Руси выступает грамотная часть древнерусского и русского языкового коллектива. Именно она пользуется попеременно на протяжении нескольких веков указанными языками. Возникновению межъязыковых контактных отношений благоприятствуют родство двух языков, общность алфавита, широкое распространение староболгарской (древнеболгарской и среднеболгарской) письменности и вместе с ней староболгарского литературного языка древнерусской и русской редакции (или церковнославянского литературного языка, по другой терминологии), хорошее знакомство древнерусских и русских книжников с этим языком, который они используют и при создании своих трудов, выражающих идеи христианского мировоззрения. Очень важно то, что древнерусские и русские авторы при создании светских сочинений (повестей, сказаний, хождений и т.д.) используют письменно-литературную разновидность древнерусского и русского языка. Они билингвы, которые в зависимости от различных целевых установок привлекают языковые средства престижного языка религии, меняют языковой ход, сознательно чередуют эти две письменно-литературные системы выражения. Об этом свидетельствует язык "Повести временных лет", "Слова о полку Игореве", "Поучения Вл.Мономаха", "Посланий Ив.Грозного", "Домостроя", "Жития Аввакума" и т.д. Грамотная часть населения, профессиональные писцы используют письменно-литературную разновидность древнерусского и русского языка в сфере законодательства, судопроизводства, канцелярии, дипломатии и т.д.

---

329 Ю.А.Клуктенко. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974, с. 15.

Взаимодействие староболгарского литературного языка древнерусской и русской редакции с письменно-литературной разновидностью древнерусского и русского языка "началось с первых же шагов древнерусской письменности"[330].

Устанавливающиеся контактные межъязыковые отношения в условиях двуязычия обуславливают возникновение взаимодействия, которое может охватить процессы, вызывающие перенесение, копирование, возникновение или утрату определенных единиц, стимулирующие или тормозящие отдельные тенденции и т.д. А.Мартине отмечает: "Взаимодействие языков – один из самых могучих стимулов языковых изменений"[331].

Взаимодействие языков в условиях двуязычия и установления контактных межъязыковых отношений принципиально является двусторонним процессом[332]. Но направление воздействия, его сила и объем зависят во многом от статуса контактирующих языков, от их роли и места в общественной и культурной жизни речевого коллектива. В Киевской и Московской Руси устанавливается социально обусловленный билингвизм, который характеризуется тем, что две системы письменно-литературного выражения, обслуживающие грамотную часть (социально установленную) народности, находятся в положении функционального распределения и иерархического сосуществования. Староболгарский литературный язык древнерусской и русской редакции обслуживает сферы церкви, богослужения, богословия, науки, образования, религиозной литературы. В эпоху Средневековья он занимает доминирующее положение, потому что религиозная идеология господствует в общественной жизни. Письменно-литературная разновидность древнерусского и русского языка обслуживает сферы государства, права, дипломатии, военного и торгового дела, светской литературы и др. Именно этот статус изучаемых систем письменно-литературного

---

330 Ф.П.Филин. Сергей Петрович Обнорский.–Русский язык за рубежом, 1972, № 2, с.64.

331 А.Мартине. Распространение языков и структурная лингвистика.–В: Новое в лингвистике.М., 1972,вып.VI,с.83.

332 Ю.Д.Дешериев. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958, с.155.

выражения определяет сильное воздействие староболгарского литературного языка древнерусской и русской редакции (церковнославянского литературного языка), который воспринимается как священный язык христианской религии. Высокий социальный престиж предопределяет его широкое распространение и использование древнерусскими и русскими книжниками. Почти все авторы, книжники, профессиональные писцы активно заимствуют различные староболгарские языковые средства. Это воспринимается, несомненно, как признак образованности, учености, как возможность расширения лексических, стилистических и других ресурсов русского языка и прежде всего его письменно-литературной разновидности, обогащения его выразительных средств. Воздействие древнерусского и русского языка на священный язык религии остается более ограниченным, потому что нарушение его норм вызывает отрицательные реакции, проводятся систематические исправления, правки текстов христианской, богослужебной литературы. Таким образом, языковые нормы церковнославянского литературного языка (древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка) сохраняются в более или менее стабильном положении, а письменно-литературная разновидность древнерусского и русского языка остается более открытой системой, которая свободно допускает заимствование различных староболгарских средств.

Межъязыковые взаимодействия в условиях двуязычия обуславливают определенные изменения в составе лексического инвентаря, в синонимических отношениях, в употреблении лексико-семантических единиц, в соотношении между ними, в их словообразовательных, парадигматических и синтагматических связях, в семантической структуре и в стилистических свойствах.

В лингвистической литературе имеют место различные классификации типов лексических инноваций, изменений, возникающих в результате установления межъязыковых отношений. У.Вайнрайх, напр., предлагает различать два типа: 1) перенесение морфем из языка А в язык Б; 2) использование морфем языка Б в новой функции обозначения по образцу морфем языка А, с содержанием которых они идентифицируются[333]. Э. Хауген пред-

333 U. Weinreich. Languages in Contact, p.47.

лагает другую классификацию лексических инноваций: 1) заимствуемые единицы, в составе которых он выделяет: а) кальки и б) заимствованные слова; 2) собственные единицы, в составе которых он разграничивает: а) единицы стимулированного образования, б) единицы спонтанного образования[334]. Ю.А.Жлуктенко обращает внимание на семантическое заимствование и на изменение употребительности лексических единиц под воздействием другого языка[335]. Изучение процесса заимствования староболгарских лексических единиц дает основание для выделения нескольких основных типов лексических инноваций.

А. Заимствование староболгарских слов.

Заимствование или перенесение лексических единиц один из наиболее распространенных типов изучаемых инноваций. Заимствование (или перенесение) представляет собой лишь один из этапов общего процесса, в котором выделяются три стадии.

а) Использование лексических единиц является начальной стадией общего процесса. Оно обозначается в различных трудах и терминами "цитирование", "вкрапление". Главная особенность использования (или цитирования, вкрапления) состоит в том, что лексические единицы используются редко, эпизодически и поэтому остаются как бы на поверхности системы воспринимающего языка. Использование староболгаризмов древнерусскими и русскими книжниками отличается своим массовым характером. Больше половины выявленных нами староболгарских слов остались на начальной стадии процесса заимствования и относится к составу использованной лексики (около 9000 лексических единиц). Они встречаются главным образом в древнерусской и русской оригинальной и переводной христианской литературе (т.е. в древнерусской и русской разновидности древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка или, по другой терминологии, в древнерусской и русской разновидности церковнославянского литературного языка) и реже в древнерусской и русской светской литературе и письменности (т.е. в письменно-

334 E. Haugen. Review of..., p.766.

335 Ю.А.Жлуктенко. Лингвистические аспекты двуязычия, с. 152.

литературной разновидности древнерусского и русского языка). См., напр.: алча (Охр. Г.Ам.), архисинагогов (Зогр., ВМЧ), безбрашный (Супр., М.Гр.), безмужный (Супр., Сл.Илар.), бессрамник (Супр., ВМЧ), благожитие (Гр.Наз. XI в., Скриж.), благолепие (Ман.Хр., Изб. 1076 г.), благоприступный (Гр. Цамбл., Мин.Янв.), благоукрашати (Ман.хр., Жит.Герас.), благочествовати (Ман.Хр., Мин.Дек.), богобоивый (Панд.Ант.XI в., Кир.Тур.), боговидец (Супр.,Посл.Кл.Смол.), богобрие (Супр.,Мин.Февр.), боголюбезный (Ман.Хр., Поуч.митр.Фотия), богоносец (Супр., Жит.Авр.Смол.), власный (Супр., Жит.Авр.Смол.), властельский (Супр.,Усп.сб.) возверовати (Супр.,ВМЧ), злохитрый (Презв.Козма, Кир.Тур.) и т.д. См. в текстах: "аще ли почитаю бытийскихъ книгъ боговидица Моисея" (Посл.Кл.Смол.); "Господь бо свѣсть злохытрыхъ помышления" (Сл.Кир.Тур.) и др.

Окказиональный и сугубо книжный характер основной части староболгаризмов данного типа, а также их редкое использование является причиной того, что они не получают распространения и остаются на начальной степени использования.

б) Заимствование (или проникновение) лексических единиц относится к следующему этапу общего процесса заимствования. Характерным признаком заимствования (проникновения) является многократное использование иноязычных лексических единиц.

Староболгаризмы, отнесенные к данной группе, отличаются некоторыми признаками, характеризующими процессы лексического заимствования. Это – соотнесение слов с грамматическими классами и категориями заимствующего языка, их фонетическое освоение и семантическое восприятие. Причинами заимствования таких староболгарских слов являются их семантическая доступность, во многих случаях их сходство со соответствующими русскими (или праславянскими) эквивалентами, их стилистическая окрашенность, маркированность, которая находит выражение на фоне существующих общеупотребительных, стилистически нейтральных русских (или праславянских) соответствий. Наличие таких общеупотребительных, стилистически нейтральных русских (или праславянских) эквивалентов становится причиной того, что староболгарские слова, которые используются в различных видах и жанрах древнерусской и русской литературы и письменности, не проникают в

систему лексики русского литературного языка на правах освоенных слов и остаются в ее пассивном запасе.

Примерами заимствования (проникновения) могут служить такие староболгарские слова, как: агнец, аз, аки, блато, брада, бразда, брань (война), бранить (оборонять), брег, брашно, вежды, вертоградь, вертоградарь, виждь, вкупе, винарь, власы, влачить, возграждать, восхождение, вран, врата, выя, глава (голова), глагол (слово), глаголать, глад, гладный, глас, говедарь, горний, град (город), градный, градить, даждь, деннина, десница, десный, днесь, днешний, древо, драгой, дщерь, един, езеро, езерный, елень, елико, есень, жребец, злато, кладезь, мраз, озлатить, праг и т.д. См., напр., распространение староболгарского слова агнец и его использование в различных текстах: "Не зри на мя, аки волкъ на агнеца" (Мол.Дан.Зат.), "аки агньци непорочьни пр҃дашa души своя" (Новг. I лет.) "Овцы со своими непорочными агнцы блеют" (Телем.), "И заслужил название волка в коже агнца" (Карамз. Ист.), "Как агнец, жребию послушный (Пушк., Полт.), "Генеральша присмирела, аки агнец" (Дост.,Стем Степ.), "эти ласковые агнцы кричат о нашей законности"(Ленин, речь).

Несмотря на широкое использование рассматриваемых староболгарских слов, как показывают памятники древнерусской литературы и письменности, произведения различных жанров художественной и публицистической русской литературы XVIII-XX вв., они остаются в пассивном запасе лексики современного русского литературного языка. Это является важным свидетельством слежного процесса отбора староболгарских языковых средств, который подчинялся определенным закономерностям. Общеупотребительные, общенародные лексические средства русского литературного языка обычно не вытесняются иноязычными эквивалентами (старсболгарскими, западноевропейскими и т.д.). Но изучаемая категория староболгарских слов задерживается веками в употреблении, потому что в синонимических рядах, в которых она представлена, она отличается своей стилистической окрашенностью, маркированностью, напр. браздить – бороздить, длань – ладонь, дщерь – дочь, езеро – озеро, клас – колос, младый – молодой, нощь – ночь, рыбарь – рыбак и т.д.

Еще в древнерусский период, когда отсутствует нормализация и кодификация литературного языка и его употребления, использование староболгарских языковых средств и особенно синонимических по отношению к древнерусским и русским общеупотребительным, становится показателем литературного этикета, стремления древнерусских и русских авторов к достижению выразительной, художественно-экспрессивной речи. См., напр., в "Молении Даниила Заточника": "Егда веселишися многими брашны, а мене помяни", "Помилуй мя, господине, гласомъ блудного сына"; "Есмь бо яко древо сухо, стояще на пути", "Токмо азъ единъ жадаю милости твоея, аки елень источника воднаго". См. еще в "Слове о полку Игореве": "На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ", "Древо с тугою къ земли прѣклонило", "Русици, хощу главу свою приложити, а люби испити шеломъ Дону", "Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень".

Даже в XIX в., когда единый русский литературный язык развивается уже на общенародной основе, староболгарские слова рассматриваемого типа продолжают восприниматься и употребляться как художественно-выразительные единицы. По этому поводу Н.М.Карамзин пишет: "Из церковных книг мы можем собирать материалы и словесные богатства языка; но сие богатство ожидает души и красок от художника"[336]. В творчестве Карамзина встречаются многие случаи подобного употребления. См.: "В нашем хладном северном отечестве", "Паду ниц перед златыми кумирами человеческих заблуждений" (Цветок на гроб моего Агатона), "Златая осень побледнела", "Зимний пух сыплется на хладную землю" (Остров Бергольмц).

Подобное употребление наблюдается и в других жанрах литературы. См., напр., "Литературные мечтания" В.Г.Белинского "Дальше, дальше, смелый юноша! Туда в ученую Германию, там сады райские, а в тех садах древо жизни", "Оттуда он получил это вещий, пророческий глагол, потрасающий сердца", "Как блестят и белые чела златыми лентами, как дышат их нежные груди под драгими жемчугами". "Разве не один и тот же дух божий создал кротокого агнца и кровожадующего тигра".

---

[336] Вестник Европы, 1809, № 14, с.58.

в) Интеграция, освоение является завершающим этапом общего процесса заимствования. В данном случае лексические единицы органически врастают в воспринявшую систему, а их инородный характер в современный период развития языка можно определить лишь путем историко-этимологического анализа.

С этапом интеграции (освоения) связан значительный слой староболгарских слов. Главными признаками их ассимилированности можно считать их передача графемо-фонетическими средствами русского языка, их соотнесение с определенными грамматическими классами и категориями, их семантическая самостоятельность, автономность, их словообразовательная активность, регулярность их употребления в речи, функциональная активность, включение в системные связи русской литературной лексики. Основная часть староболгарских слов, отнесенных в данный разряд, обязаны своим проникновением в систему лексики русского литературного языка потребностями его в средствах для выражения определенных понятий, для обозначения новых предметов, реалий, различных оттенков, свойств, признаков, явлений и т.д. См.: алкать, ангельский, адский, бездна, благодушие, блаженство, благодарить, близнец, богословие, болгарский, бремя, буква, бытие, варварский, ваяние, великодушие, величание, вертеп, вещь, вещество, вкус, владыка, владеть, власть, возвышать, воздух, воскресение, вселенная, гражданин, главный, дерзость, добродетель, единство, жажда, жертвенный, жребий, завещать, здравый, здание, идолослужение, извлекать, крамола, краткий, кумир, ладья, лжесвидетель, лихоимство, маслина, маститый, между, молитвенный, мощь, мрак, надежда, нрав, нужда, облако, область, общество, община, освящение, плен, пламя, пища, правоверный, прекращать, прелесть, раб, равный, разум, священник, совесть, срам, требование, трезвый, упразднять, храм, храбрый, хранить, черноризец, юноша и т.д.

Староболгарские слова данного типа получают широкое распространение еще в древнерусский период. Они засвидетельствованы как в списках с переводной и оригинальной староболгарской литературы, так и древнерусской и русской христианской и светской письменности. См., напр., употребление староболгарского слова власть: "власть имамъ распяти тя" (Остр.ев.), "цесаре велиции и власте славьнии" (Златостр. XII в.), "самъ при-

имѣтъ единъ всю власть" (Жит.Бор.Гл.), "остави княжение, честь и славу и власть" (Пат.Печ.), "и потреби вся власти ты" (Флав. Полон.Иерус.), "раздавая власти имъ" (Пов.врем.лет), "беснующемуся дати ножь, а лукавому власть" (Сл.Дан.Зат.), "и власть собе раздѣлиша" (Новг. I лет), "уже не вижду власти сильнаго... брата моего Ярослава" (Сл.полк.Игор.), "хто желает власти, придут на него сласти" (Посл.Сим.) и т.д.

В результате широкого распространения таких старославянских слов они усваиваются не только духовенством, но и другими грамотными слоями, которые способствуют их освоению и интеграции. Основную роль в процессе их вхождения в лексическую систему русского литературного языка играет, несомненно, их распространение в качестве семантически автономных, полноценных слов, отвечающих потребностям языка в средствах для выражения определенных понятий, а также отсутствие полных лексико-семантических эквивалентов. Проникновение таких старославянских слов в систему лексики русского литературного языка предопределяет их дальнейшую эволюцию. Они входят в определенные взаимоотношения с остальными словами и подчиняются системности их связей. В процессе этих взаимоотношений изменяются во многих случаях семантические и синонимические отношения, происходит перестройка синонимических рядов.

См., напр., историю старославянского слова вещь, представленного в древнеславянском литературном языке со следующими значениями: 1) предмет, материя, 2) имущество, 3) естество, характер, 4) происшествие, 5) дело, 6) поступок[337]. На древнерусской и русской почве это слово получает распространение, сохраняя основные значения, напр. "не вещь чтуще" (ВМЧ), "многия свѣ вещи пометавше" (Псков.лет.II), "понеже всякъ без мысли начинаѧ вещь" (ВМЧ) , "не самъ впадаеть въ вещь" (Сл.Дан.Зат.)[338]. Слово вещь становится широко употребительным как обобщающее наименование предметов, вещей, происшествий, историй и т.д.,

---

337 **Slovnik jazyka staroslověnského. Praha, 1961, t.4, c.184.**

338 Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975, вып. 2, 136-138.

удовлетворяя потребность в подобном наименовании. Оно вступает в определенные взаимоотношения с остальными словами в различных синонимических рядах. Необходимость в более точном смысловом разграничении и установлении более четких парадигматических отношений предопределяет семантическое размежевание, специализацию и изменение семантической структуры. Эти процессы протекают постепенно и особенно активно в XVIII в.[339], когда начинает формироваться единая система русского литературного языка. В синонимическом ряду "вещь, предмет, штука" слово вещь специализируется для обозначения всякого неодушевленного предмета, всякого материального явления, напр. "Телеса си есть вещи, яже материю за начало имуть" (Филос.ест.), "по приятности или не приятности вещей глазам подлежащим"(Мн. миров). В другом тематическом и синонимическом ряду тоже происходит постепенно семантическое размеживание и специализация, см.: "вещь, имущество, утварь, скарб, добро", напр. "когда кто понуждает кого продать двор, землю или иную вещь" (Уч.отр.). Слово вещь специализируется для обозначения "того, что принадлежит к личному движимому имуществу". В синонимическом ряду "вещь, дело, поступок, событие", напр. "астрологию еяже способом будущих вещи наперед сказывати хотят" (Кн.мир.), слово вещь утверждается со значением "обстоятельство, явление, нечто" В синонимическом ряду "вещь, вещество, естество", напр. "Суперфиция мокрых вещей есть сферичная" (Георг.ген.), слово вещь не становится доминантой и выпадает из употребления в этом значении. На русской почве формируется новое значение староболгарского слова вещь- "произведение науки, литературы, искусства", которое засвидетельствовано в XVII-XVIII в., напр. "исписавъ бо прежде сия вещъ словенъским языком" (Пов.Мерк.Смол.), "география или вещь о которой научает география" (Геогр.ген.).

Основной состав освоенных староболгарских слов вступает в определенные взаимоотношения с остальными лексическими единицами русского языка. В результате этого начинается изменение и перестраивание синонимических рядов, функционирование, стилистическое и семантическое разграничение, изменения в кругу омонимов, синонимов, антонимов и т. д. В. В. Виноградов

---

339 Словарь русского языка XVIII века: Л., 1987, вып.3, с.100-104.

с основанием пишет: "Если бы и было возможно выделить основной фонд старославянской лексики, унаследованной русским литературным языком, то это было бы внешним решением проблемы. Центральные вопросы: что же нового, своеобразного внесено в понимание и развитие книжно-славянизмов и церковнославянизмов восточным славянством? Как протекал процесс сочетания славянизмов с русизмами"[340].

Б. Калькирование староболгарских слов

В отличие от заимствования, при калькировании заимствуется лишь структурная схема модели (слова или более сложной единицы), которая наполняется морфемами заимствующего языка.

Посредством подстановки староболгарских морфем главным образом в греческие модели (и частично в латинские, готские и др.) создается большое количество калек (слов и терминов) в древнеболгарском литературном языке, основная часть которых сохраняется в болгарском литературном языке среднеболгарского и современного периода. Распространенные на древнерусской языковой территории вместе с древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка, многие из этих калек проникают в древнерусскую и русскую разновидность древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка (в книжно-славянский тип) и в письменно-литературную разновидность древнерусского и русского языка, сохраняясь и в современном русском литературном языке. См., напр.: безбожий (греч. **atheos**), бездна (греч. **abyssos**), бесплодие (греч. **alarpia**), бесческие (греч. **atimia**), благоволить (греч. **eudokein**), благодарить (греч. **eucharistein**), благодетель (греч. **euergetēs**), благодеяние (греч. **eurgesia**), благоприятный (греч. **euprosdektos**), благородный (греч. **eugenēs**), благословить (греч. **eulogein**), благоухание (греч. **eudia**), Богородица (греч. **theotocos**), боготворить (греч. **theopoiein**), божество (греч. **theotēs**), великодушие (греч. **megalopsychia**), вели-

340 В.В.Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, с. 91-92.

колепие (греч. **megaloprepeia**), виноград (готск. **weinagards**), восток (греч. **anatolē**), вселенная (греч. **oikoumene**), естество (греч. **ousia**), лицемер (греч. **prosōpolēptos**), маслина (греч. **elaia**), милосердие (лат. **misericordia**), наречие (лат. **adverbium**), предтеча (греч. **prodromos**), совесть (греч. **syneidēsis**), торжество (греч. **panēgiris**), целомудрие (греч. **sōphrosynē**), язычник (греч. **ethnikos**) и т.д.

К этому разряду можно отнести условно лексические единицы, подвергнутые вторичному процессу калькирования, но калькирования семантического порядка. Первым этапом рассматриваемого процесса можно считать заимствование структурной схемы греческих, латинских, готских и др. моделей, которые наполняются староболгарскими морфемами. Второй этап связан с функционированием таких калек в русской литературной речи, где они к XVIII-XIX вв. начинают изменять свои значения вследствие семантических наслоений под воздействием главным образом западноевропейских языков. В данном случае происходит семантическое заимствование, семантическое калькирование.

См., напр., историю староболгарского слова общество (греч. **koinōtes, koinōnia** – общность, объединение), которое к XVIII в. начинает употребляться во всех значениях латинского **societas**. См. контексты, где общество выделяется как особое состояние человеческого коллектива или связывается с установлением исторического взгляда на него[341]: "Нужды и благосостояние (человека) обязывают его жить в обществе" (Коз.,Ст.фил.). К XIX в. влияние оказывает и французское **société** в таких выражениях, как **en société** (в обществе), **l'âme de la société** (душа общества)[342].

См. еще историю таких калек, как: благодеяние (Супр.), со значением "делание добра; помощь, милость", в XVIII в. засвидетельствовано и значение "жалованная земля, бенефиция" (лат. **beneficium**); возвращение (Супр.) со значением "обратный приход, приезд; отдача взятого; поворот; появление вновь", в

---

341 В.В.Веселитский. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII-начала XIX в. М., 1972, с.43.

342 Г.Хютль Ворт. Роль церковнославянского языка.., с.18.

XVIII в. представлено и терминологическое значение "отражение", напр. угол возвращения (нем. **Reflexions-Winkel**)[343]; состав и т.д.

Процесс семантического калькирования наблюдается и в составе определенного круга освоенных старославянских слов, в семантической структуре которых наметились семантические сдвиги главным образом под воздействием значений соответствующих слов некоторых западноевропейских языков. Этот процесс протекает особенно активно в XVIII–XIX вв., когда расширяются культурные связи русского народа и лексическая система русского литературного языка подвергается нормализации. См. историю таких слов, как: вкус (фр. **goût**); влияние (фр. **influence**); просвещение, эпоха просвещения (фр. **siècle des lumiéres**); развитие (нем. **Entwicklung**); среда (фр. **milieu**) и т.д.

Различные виды калек (словообразовательные, семантические и пр.), как и освоенные старославянские слова, входят в определенные взаимоотношения с остальными словами русского литературного языка и подчиняются системности их связей. В результате происходят различные виды семантических изменений, специализация и терминологизация значений. Старославянская калька бездна, напр., представлена в древнеславянских рукописях со значением "пропасть" (Супр.). На древнерусской почве происходит расширение семантической структуры этого слова в результате ассоциации со значением слова ад и переносного его использования. Возникают синонимические ряды: а) бездна, пропасть, напр. "Тьма верху бездны" (Быт.); б) бездна, ад, преисподняя, напр. "И бысть свержен с небес в бездну" (Ерм.-Ер., Соч.); в) бездна, неизмеримая глубина, напр. "источникъ и бл(г)ости бездна" (Требн.XVI в.). К XVIII в. семантическая структура кальки бездна продолжает расширяться. На основе ассоциативных связей слова бездна (в значении пропасть) с неизвестностью пропасти, неизмеримой глубины, которая вызывает чувство тревоги, беспокойства, возникает новое значение "беда; гибель; ужас", напр. "и в совершенную бездну погибели меня низвергнула" (Маркиз II). С другой стороны бездна ассоциируется с

---

[343] Словарь русского языка XVIII в. Л., 1987, вып. 3, с. 281.

чем-то беспредельным, неизмеримым, что обуславливает порождение другого нового значения "неисчислимое множество; очень много", напр. "денег страшна бездна" (Княж., Хваст.). Таким образом возникают и новые синонимические ряды: бездна, беда, гибель, ужас; бездна, очень много, множество, в которых возникают дополнительные взаимоотношения членов этих рядов. В современном русском литературном языке слово бездна устанавливается со следующими основными значениями: а) глубина, кажущаяся неизмеримой, не имеющая дна, напр. "На краю грозящей бездны я лежал" (Лерм.,Мцыри); б) неисчерпаемость, беспредельность, напр, "почувствовал себя сброшенным в бездну отчаяния" (Л.Толст.,Анна Кар.); в) множество, обилие, напр. "Дел у него была бездна" (Черныш., Что делать).

Лексико-семантическое взаимодействие, которое возникает в результате установления межъязыковых связей, обуславливает возникновение и других изменений. Можно вспомнить основательные соображения Е.Куриловича, который отмечает: "Когда новое слово, будь то неологизм или заимствование, появляется в языке, имеются две возможности. Либо обозначаемый объект также имеет что-то новое, ... либо - что более интересно для лингвиста - обозначаемый имел для себя название, которому с некоторых пор стало угрожать новое слово. Здесь очевидны два исхода: полное вытеснение слова В словом B_1 или раскалывание семантической зоны, занятой первоначально В"[344]. Следует дополнить, что изучение возникающих лексико-семантических взаимоотношений устанавливает наличие еще двух исходов: частичное вытеснение некоторой части разногенетических синонимов, которые остаются в составе пассивного запаса лексики, или их функционально-стилистическое разграничение.

Все указанные изменения (раскалывание семантической зоны, функционально-стилистическое разграничение, изменение употребительности) имеют место и в лексике русского литературного языка. Они происходят в течение веков и обусловлены системным

---

344 E. Kurilowicz. La mécanisme différenciateur de la langue. - Cahiers Ferdinand de Saussure. Genève, 1963, № 20, p.17

характером лексики, а также урегулированием синонимических отношений в составе разногенетических синонимов, входящих в различные синонимические ряды.

Подчеркнем еще раз, что заимствование староболгарских слов приводит к формированию в русском литературном языке рядов разногенетических синонимов, которые могут быть обозначены вслед за Р.М.Цейтлин терминами лексические варианты и лексические дублеты[345]. При этом термином лексические варианты обозначаются однокоренные слова, разграничащиеся во всех формах с точки зрения фонетической, морфологической или словообразовательной, напр. староболгарско-русские пары: аз-я, врата-ворота, есень-осень, нощь-ночь, рождать-рожать, великаго-великого, добрыя-добрые, изгнать-выгнать, петел-петух, рыбарь-рыбак и др. Следует специально оговорить условность генетической оценки терминов староболгарские и русские слова и формы типа аз-я, врата-ворота и т.д. В большинстве случаев это локальные (древнеболгарские и древнерусские) изменения праславянских слов и форм. Термином лексические дублеты обозначаются разнокоренные слова (староболгарские или локально ограниченные южнославянские и русские, а также праславянские общеупотребительные на древнерусской и русской языковой территории слова), напр. багряный-красный, выя-шея, вертоград-сад, десный-правый, днесь-сегодня, иже-который, коприна-шелк, кошница-корзина, ланита-щека, обаче-однако, понеже-так как, потому что, слана-иней и т.д.

Учитывая все эти соображения, мы рассмотрим еще несколько типов изменений в лексике русского литературного языка в результате проникновения староболгарских слов и установления лексико-семантических взаимодействий.

В. Изменение употребительности староболгарских и русских вариантов и дублетов

Совмещение староболгарских и русских вариантов и дублетов первоначально в рамках русской разновидности церковносла-

---

345 Р.М.Цейтлин. Лексика древнеболгарских рукописей X-XI вв., С., 1986, с.74-75.

вянского литературного языка (древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка) и письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка, а также особенно в системе единого русского литературного языка создает благоприятные условия для возникновения процессов лексико-семантического воздействия. У большинства из возникающих синонимических рядов вариантов и дублетов - сходные фонетические, морфологические или словообразовательные формы, а также семантическая структура. Это приводит к постепенному урегулированию их системных связей с остальными словами, к выпадению некоторых избыточных членов и к изменению употребительности других.

Изучение истории лексико-семантических взаимодействий между староболгарскими и русскими вариантами и дублетами с точки зрения изменения их употребительности показывает наличие двух типов таких взаимодействий, которые приводят к разным результатам. Это, с одной стороны, сокращение употребительности (ретардация) некоторых вариантов и дублетов и, с другой стороны, прекращение употребительности (~~ретардация~~ аннигиляция)[346] других.

1. Сокращение употребительности (ретардация) некоторой части староболгарских и русских вариантов и дублетов

Сокращение употребительности (ретардация) характерно как для староболгарских, так и для русских слов. Формирование рядов разногенетических синонимов (вариантов и дублетов) создает условия для возникновения лексико-семантической избыточности. Она могла быть устранена в некоторых случаях в результате постепенного сокращения употребительности определенной части староболгарских или русских вариантов и дублетов. В зависимости от этого разграничиваются три вида сокращения: а) сокращение употребительности (ретардация) староболгарских слов, б) сокращение употребительности русских слов, в) сокращение употребительности русских и староболгарских слов.

---

346 Ю.А.Жлуктенко. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974, с.152.

а) Сокращение употребительности (ретардация) староболгарских слов в лексике русского литературного языка

Совмещение определенной части русских и староболгарских слов в лексике русской разновидности церковнославянского литературного языка и в лексике письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка , а затем и единого русского национального литературного языка, как было сказано, обуславливает возникновение рядов следующего типа разногенетических вариантов и дублетов: аз – я, агнец – ягненок, агница – ярка, аки – как, блато – болото, бразда – борозда, бразднть – бороздить, брада – борода, брадатый – бородатый, брег – берег, вапить – красить, вельми – очень, вежда – веко, виноградарь – садовник, вертоград – сад, вкупе – вместе, власы – волосы, воздаяние – кара, восплакать – заплакать, восхотеть – захотеть, врабий – воробей, врата – ворота, всуе – напрасно, выя – шея, вран – ворон, глава – голова, глас – голос, горний – верхний, горе – вверху (вверх), град – город, градский – городской, градить – городить, грясти – идти, глаголать – говорить, глагол – слово, десный – правый, десница – правая рука, днесь – сегодня, длань – ладонь, древо – дерево, дщерь – дочь, драгой – дорогой, дондеже – пока, един – один, здравие – здоровье, зиждать – строить, златить(ся) – золотить(ся), златный – золотой, злато – золото, змий – змея, иже – который, израсти – вырасти, камо – куда, куща – шатер (шалаш), ланита – щека, лобзание – поцелуй, младый – молодой, мрежа – мережа, млат – молот, мраз – мороз, млеко – молоко, нощь – ночь, нощный – ночной, обаче – однако, облый – круглый, овен – баран, озлатить – озолотить, отвещать – отвечать, перси – груди, пелынь – полынь, петел – петух, праг – порог, пред – перед, плеши – плечи, прерубить – перерубить, провождать – провожать, пяток – пятница, рамена – плечи, рыбарь – рыбак, свеща – свеча, сребро – серебро, сребреный – серебряный, скудель – глина, славий – соловей, страж – сторож, телец – теленок, тысяща – тысяча, хлад – холод, хладен – холодный, хощу – хочу, чадо – дитя, четверток – четверг, чреда – очередь, чресла – поясница, чрез – через, шарить – красить, шуица – левая рука, юдоль – долина, яко – как и др.

Выясняя причины сокращения употребительности старославянских слов типа аз, брег, вкупе, дщерь, зиждать, и пр., следует подчеркнуть, что русские лексико-семантические эквиваленты типа я, берег, вместе, дочь, строить, были и остаются общенародными, общеупотребительными словами, характеризующимися регулярностью употребления в речи, функциональной и деривационной активностью, установленными системными связями с остальными словами. Это определяет их устойчивость в лексической системе русского литературного языка. Возникшая лексико-семантическая избыточность, напр. аз - я, брег - берег, вкупе - вместе, дщерь - дочь, зиждать - строить регулируется за счет сокращения употребительности старославянских слов. Характерно то, что они не выпадают из системы лексики русского литературного языка, а остаются в составе ее пассивного слоя, потому что сокращение употребительности сопровождается установлением у большинства из них стилистической маркированности на фоне общеупотребительных стилистически нейтральных русских вариантов и дублетов. В результате этого рассматриваемые старославянские слова постепенно начинают выделяться как стилистические средства художественной изобразительности. Начало процесса их стилистической обособленности наблюдается еще в памятниках древнерусской литературы. См.: "А древо не бологомъ листие сронi" (Сл.полк.Игор.), "Посла за сбиду Олгову, храбра и млада князя" (Сл.полк.Игор.), "Тогда великыи Святъславъ изрони злато слово" (Сл.полк.Игор.), "А древеса тугою к земли приклонишася" (Задонщ.), "Страны рады Гради весели" (Сл.полк.Игор.), "пореси поля прикрывають, стязи глаголють" (Сл.полк.Игор.), "яко гласъ твоъ сладокъ" (Кол.Дан.), "нощь, стонущу ему грозою, птичь убуди" (Сл.полк.Игор.) и др.

Изучаемые старославянские слова использовались и используются как стилистически маркированные средства и русскими и советскими авторами, которые привлекают их для выполнения различных стилистических заданий. В этом отношении наблюдается показательное сохранение и развитие традиций поэтики древнерусской литературы. См., напр.: "И ветер, ласкай листочки древес" (Пушк., Туча), "Вынзею шум младого дня" (Фет, Я полон), "Его стихи блистят как злато" (Дельвиг, Певец), "Красуйся, град Петров!" (Пушк., Медный всадник), "Гласил времен! металла звон!/ Твой

страшный глас меня смущает" (Держав.,Смерть кн.Мещерского), "Нощь и поле, и крик петухов" (Есенин, Нощь и поле), "Трапезник наш по древлему скитскому тако устроен: в среду и пятск трапезы поставляют... В страстную седмицу хлеб с водою точию ясти и зелие не варене. Во святый же великий четвертск пием вино" (Дост., Бр.Карамаз.) и т.д.

Следовательно, постепенное освобождение от лексико-семантической избыточности в кругу староболгарских и русских вариантов и дублетов типа аз – я, бразда – борозда, нощь – ночь, чресла – поясница и др. осуществляется в результате сокращения употребительности староболгарских слов и их обособления в качестве стилистически маркированных лексических средств.

б) Сокращение употребительности (ретардация) русских слов в лексике русского литературного языка

В результате совмещения известной части русских и староболгарских слов в русской лексике формируются ряды вариантов и дублетов другого типа: бремя – беремя, враг – ворог, вред – веред, влачить – волочить, возвратить – воротить, мощь – мочь, мощный – мочный, мрак – морок, немощь – немочь, нрав – норов, надежда – надежа, одежда – одежа, помощь – помочь, помощник – помочанин, пламя – полымя, плен – полон, праздний – порожний, пища – снедь, рождать – рожать, трезвый – тверезый, храниться – хорониться, шлем – шелом и т.д.

Указанные варианты и дублеты засвидетельствованы в большинстве случаев еще в памятниках церковнославянской и древнерусской письменности. См.: "идуще купьци на возѣхъ съ бремены тяжькы" (Жит. Феоц.Нест.), "и таможникомъ велѣти беремена всякие" (ААЭ.I).

Лексико-семантическая избыточность, которая возникает и в этом случае в результате формирования рядов разногенетических синонимов, постепенно ликвидируется за счет сокращения употребительности русских вариантов и дублетов. Причины их сокращения являются разнообразными и конкретными для каждой отдельной пары. Но выделяется и одна общая причина – это возникновение функционально-стилистического разграничения вариантов и дублетов, сопровождаемого в некоторых случаях и семантическим

размежеванием.

Староболгарские варианты и дублеты типа бремя, враг, мощь и пр., большинство из которых отличаются многозначностью, что обеспечивало большее количество речевых реализаций, наличием переносных значений, участием в ссставе устойчивых сочетаний, получают широкое распространение. Они проникают в состав лексики русского литературного языка, приобретают функциональную и деревационную активность, становятся регулярно употребительными в литературной речи. Все это определяет их стабильность в лексической системе русского литературного языка. Русские варианты и дублеты, представленные главным образом в номинативных и некоторых различных значениях, встречаются редко в литературных сочинениях. Они сохраняются преимущественно в сфере разговорной речи, напр. беремя, вслочить, мочь, рожать, и др., в диалектной речи и в просторечии, напр. воротить, вред, морок, немочь, одежа, а также и в составе народно-поэтической речи, напр. ворог, надежа, полон, полымя, шелом и др.

Функционально-стилистическое размежевание можно проследить на основе истории вариантов бремя – беремя. Слово бремя, которое в древнеболгарском языке засвидетельствовано со значением "груз, тяжесть", на русской почве расширяет свою семантическую структуру и начинает обозначать еще и "грузило, охапка, связка; товары; младенец в утробе; душевный гнет". См.: "съвязають со брѣмена тяжькая и неудобъ носсима" (Остр.), "мечя бремены чрезъ облаки" (Сл.полк.Игор.), "Несуще дрова сухая, кто ж свое бремя" (Алекс.), "бремена грѣховъ събирая" (Изб.1076 г.). В XVIII в. староболгаризм бремя получает широкое распространение со значениями "груз, тяжесть; душевный гнет; беременность". См.: "Елико болше есть бремя корабля нагруженаго" (Георг.ген.), "между тем бремя Селимино стчасу прирссстало" (Маркиз), "Ты тяжким бременем жизнь считаешь" (Трутень), "тяжкое бремя с себя слагает" (Апофегм.). Слово бремя вошло в состав ряда устойчивых сочетаний, напр. "под бременем", "бремя чего-л.", "бремя правления", "бремя власти", "сложить, снять бремя с кого-л." и др., которые встречаются часто в русской литературе XVIII–XX веков. См.: "Прогнать скуку бремя" (Кантем.,Сетира VI), "Между тем под бременем пбзнания и сомненья/ В бездействии ссстарится оно" (Лерм., Дума) и т.д.

Употребительность русского варианта беремя, засвидетельствованного с основными значениями "груз, тяжесть; охапка, связка", более ограниченная. См.: "таможникомъ велѣти беремена всякие... связывати" (ААЭ), "в беремяни по сту по штидесять кожъ" (Ревел.а.). В XVIII в. и особенно в XIX–XX вв. сферы употребления слова беремя с основным значением "большая охапка, тяжелая ноша" сужаются в рамках народно-разговорного просторечия и диалектной речи. См.: "Мое беремя было весьма тяжело" (Апулей), "Истопник явился в комнату, неся на спине беремя дров" (Салт.-Щедр., Сатира в прозе).

Таким образом, функционально-стилистическое (частично и семантическое) размежевание вариантов бремя – беремя, которые разграничиваются прежде всего по отношению к сферам употребления, в литературной и в нелитературной речи, содействует устранению лексико-семантической избыточности и обуславливает сокращение употребительности русского варианта беремя в литературном языке.

в) Сокращение употребительности (ретардация) русских и староболгарских слов в лексике русского литературного языка

В памятниках церковнославянского языка (с его двумя разновидностями) и письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка засвидетельствованы варианты типа возвеселить(ся) – взвеселить(ся), воздымать(ся) – вздымать(ся), возревновать – взревновать, возрыдать – взрыдать, пленник (в зн. пленный) – полоняник, пленить (в зн. взять в плен) – полонить, размысл – розмысл, чреда (в зн. последовательная смена чего-н., чья-н. очередь) – череда, чрево (в зн. живот, утроба) – черево и др. См.: "младенца своя на рукахъ воздымахау" (Жит. Мак.), "они дров вздымали из реки" (Арх.Он.) и т.д.

Указанные разногенетические варианты представлены и в русской литературе XVIII–XX вв. См.: "Там королевич мимоходом/ Пленяет грозного царя" (Пушк., Руслан и Людмила), "Один врагами полоненный ратник/ С письмом отпущен к милости твоей" (Толстой А., Смерть), "Судьба и жизнь в свою чреду,/ Все подвергалось их суду" (Пушк., Евгений Онегин), "... в них не было своей череды" (Бел.,Соч.Пушкина) и др.

Причины сокращения употребительности изучаемых вариантов обусловлены в основном тем, что у них были общеупотребительные, регулярно используемые в речи лексико-семантические эквиваленты (слова и словосочетания), напр. возвеселить(ся) - взвеселить(ся) и развеселить(ся), воздымать - вздымать и поднимать кверху, пленить - полонить и взять в плен, чревочерево и живот, утроба и пр.

2. Прекращение употребительности (аннигиляция) известной части староболгарских и русских вариантов и дублетов

Лексико-семантическое взаимодействие между староболгарскими и русскими вариантами и дублетами приводит в других случаях к прекращению употребительности одного из членов синонимической пары или обоих членов. Изучение сущности этого процесса и его результатов показывает наличие четырех разновидностей: а) прекращение употребительности как староболгарских, так и русских вариантов и дублетов; б) прекращение употребительности русских вариантов и дублетов; в) прекращение употребительности староболгарских вариантов и дублетов; г)прекращение или сокращение староболгарских или русских вариантов и дублетов.

а) Прекращение употребительности (аннигиляция) известной части староболгарских и русских вариантов и дублетов

В памятниках письменности церковнославянского языка (с его двумя разновидностями) и письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка засвидетельствована группа разногенетических вариантов типа аще - аче, блазе - болезе, благодеть - бологодеть, вежды - вежь, виждь - вижь, властель - волостель, даждь - дажь, заждь -зажь, лющий - лючий, луща - луча, ляща - ляча, маломощь - маломочь, междина - межина, междуречникъ - межречникъ, нуждникъ - нужникъ, обаждати - обажати, осужденикъ - осуженикъ, послежде - послеже, похуждати - похужати, прихождение - прихожение, повлака - поволока, плюща - плюча,

полунощие – полуночие, прак – порок, прапор – поропор, планина – полонина, привещати – привечати, рожденица – роженица, расстоятися – росстоятися, реши – речи, труждание – тружание, человекоугодник – человекоугодник и т.д. См.: "аще кто противится намъ" (Жит.Бор.), "аче кто конь погубить" (Пр.Рус.), "аште имѣеши дрьзновение къ властелемъ" (Изб. 1076 г.), "Богъ поставилъ насъ волостели" (Пов.врем.лет), "яко осужденикъ без дрьзновеня повиньнъ съмрьти" (Изб.1076 г.), "яко злодѣи и осуженикъ... предстоитъ предъ очима" (Каз.лет.) и др.

Наличие общенародных, широко распространенных лексико-семантических эквивалентов, представленных на разных этапах исторического развития литературного языка, является основной причиной постепенного прекращения употребительности рассматриваемых староболгарских и русских вариантов. См., напр., аще – аче и если, блазе – болозе и хорошо, благодѣть – бологодеть и дар, даждь – дажь и дай, луща – луча и копье, ляща – ляча и сочиво (сочевица, чечевица), прихождение – прихожение и приход, прапор – поропор и знамя, повлака – поволока и ткань, планина – полонина и гора, реши – речи и сказать, труждание – тружание и труд и т.д. См.: "мужа мала ростомъ, благодѣтей исполнъ" (ВМЧ, Сент.), "зань ж(е) ему бологодѣть" (Пр.Рус.), "и дасть еи дары многи злато и сребро" (Лавр.лет.). Кроме того некоторые из изучаемых вариантов используются очень редко и не получают распространения, напр. блазе – болозе, гождение – гожение, плюща – плюча, похуждати – похождати и пр. Другие выходят из употребления вместе с понятиями, которые они обозначают, напр. властель и волостель, междуречник и межречник, прак и порок и др.

Некоторые из рассматриваемых разногенетических синонимов, хотя и редко, используются русскими авторами XVIII–XX вв. обычно в определенных стилистических целях. См.: "аще быша был окрест тебе безчисленни" (Кн.земл.), "яко сказано: "аще кто душу положит за други своя" Вот тебе..." (Рыклин, Есть и такие), "–Тако хощеши ты сказати, отче? Так! Почто прямо не реши о том? (Балаш., Бремя).

б) Прекращение употребительности (аннигиляция) некоторой части русских вариантов

Лексико-семантическое взаимодействие русских и старославянских вариантов и дублетов находит выражение и в следующей группе разногенетических синонимов: благо – болого, беспомощный – беспомочный, временник – временник, время – веремя, вождь – вожь, вред – веред, вредить – вередити, влага – волога, владеть – володеть, владение – володение, жажда – жажа, жребий – жеребий, завещать – завечать, захождение – захожение, изящный – изячный, клевещу – клевечу, мрачно – морочно, между – межу, надежда – надежа, нужда – нужа, освобождать – освобожать, освобождение – освобожение, осуждать – осужать, осуждение – осужение, обещать – обечать, общий – обчий, общество – обчество, община – обчина, овощь – овочь, освещать – освечать, пещера – печера, пещерный – печерский, помощник – помочник, помощница – помочница, плевел – половел, порождать(ся) – порожать(ся), порождение – порожение, прежде – переже, присуждать – присужать, пленить – полонить, провождение – провожение, рассуждать – рассужать, рассуждение – рассужение, рождение – рожение, ропщу – ропчу, срамсором, сладкий – солодкий, среди – середи, совещать(ся) – совещать(ся) – совечать(ся), сокращу – скорочу, трепещу – трепечу, тождество – тожество, увещать – увечать, укрощу – укрочу, храбрый – хоробрый, хождение – хожение, хищный – хищение – хичник, член – челен(ок), шлем – шелом и др.

Разногенетические синонимы данного типа засвидетельствованы в памятниках церковнославянского и древнерусского языка (XI–XVII вв.). См. "и тогда сътворить" (Ост.), "а древо не бологомъ листвие срони" (Сл.полк.Игор.), "усобица бысть в те времена" (Пат.Печ.), "поеди, князь, в свое веремя ти есть" (Пов.врем.лет), "не терплю уже жажда" (Ост.), "люди изнемогаша жажею водною" (Радзив.лет.), "мрачна тьма есть" (Изб.1076 г.), "бысть дождевно и мрачьно" (Кн.Ездр.), "и морочно бысть велми" (Лавр.лет.), "не преступати никому ... въ жребий братень" (Лавр.лет.), "а два жеребья угорские земли за татарскимъ салтаномъ" (Рим.имп.д.I) и т.д.

Постепенно, особенно в период формирования единых норм русского литературного языка, старославянские слова проникают

в систему его лексики, а русские варианты и дублеты выходят из употребления. Причины подобной эволюции остаются до сих пор недостаточно выясненными. Трудно обосновать общую закономерность. Г.О.Винокур с основанием пишет, что "размеживание русских и церковнославянских вариантов одного и того же слова имеет разную историю применительно к каждому отдельному слову"[347]. Важным является соображение о том, что "лишь наиболее употребительные в церковно-книжных памятниках слова закрепляются в русском языке при наличии русских синонимов и отсутствии предпосылок для семантической дифференциации"[348]. Наряду с этим следует учитывать и ряд других причин разнообразного характера, напр. широкое распространение староболгарских слов и большое количество их речевых реализаций, их деривационная активность, характер вызываемых ими ассоциациями, наличие переносных значений или оттенков значений у многих из них, участие в составе устойчивых сочетаний, ограниченное использование некоторых русских вариантов, узость их функциональных сфер употребления и пр.

Примером может послужить история вариантов благо – болого. Древнеболгарское слово благо употребляется в древнеболгарском литературном языке со значением "благо, доброе дело". С этим значением оно получает широкое распространение на древнерусской почве, напр. "тогда сътвори благо" (ВМЧ, Окт.), "много б(лг)а творит" (Менандр), где расширяется его семантическая структура. В памятниках церковнославянского и древнерусского и русского языков засвидетельствовано значение "богатство, обилие блага", напр. "быть всякого блага обилно" (Новг. IV лет.), а также и значение "блаженство, благодать, благополучие", напр. "да не лишить и насъ высший спас небесныхъ благъ" (Бес.Вал.). Слово благо представлено и в составе ряда устойчивых сочетаний

---

347 Г.О.Винокур. О славянизмах в современном русском литературном языке. – В: Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 451.

348 И.С.Улуханов. О судьбе славянизмов в древнерусском литературном языке. – В: Памятники древнерусской письменности. М., 1968, с.56.

напр. "вечные блага", "небесное благо", "создатель всех благ", "желаю всяких благ", "народное благо" и др., см. "О вы, прослужившие путь умствованиям о благѣ народном" (Радищ. Торг.), Для слова благо характерна словообразовательная активность, оно составляет первую часть обширного слоя сложных слов, благодарить, благовоние, благодушие, благодать, благоволение, благовестник, благоденствие, благонравный и т.д.

Все это обуславливает большое количество речевых реализаций староболгарского слова благо, его широкое распространение и проникновение в систему лексики русского литературного языка. Русский лексико-фонетический вариант болого засвидетельствован в единичных примерах, напр. "а древо не бологомъ листвие срони" (Сл.полк.Игор.), "и болозѣ тому иже того добудет" (Сл.христ.). Редкая употребительность, отсутствие словообразовательных связей и регулярности использования в речи ослабляют позиции русского варианта болого, который выходит из употребления. В "Словаре русского языка XVIII в." он уже не представлен. Таким образом, возникшая лексико-семантическая избыточность, в результате появления староболгарского слова благо и формирования ряда благо – болого ликвидируется путем сокращения и прекращения употребительности русского варианта болого.

Показательной является и эволюция вариантов общий – обчий, засвидетельствованных в памятниках церковнославянского и древнерусского (и русского) языков, см.: общий (Изб.1073 г., Шест.Ио.екз., Прол.XIV в. и др.), обчий (Смол.гр., Пр.Русск., Пек.судн.гр., Ул.Ал.и др.). Сходство в звуковой форме и в отдельных значениях способствует семантической взаимопроницаемости фонетических вариантов общий – обчий. Староболгарское слово общий получает распространение и в древнерусской и русской письменности (Пек. I лет., АИ, Куранты и т.д.). Таким образом варианты общий – обчий оказываются в общей письменно-литературной системе выражения древнерусского и русского языка, где решается их дальнейшая эволюция. Это становится важной предпосылкой для возникновения лексико-семантического взаимодействия.

Ряд причин обуславливают постепенное вытеснение слова обчий вариантом общий. У вариантов общий – обчий, несмотря на их общий праславянский источник, существуют некоторые семанти-

ческие отличия. "Так и системы даже близкородственных языков никогда полностью не накладываются друг на друга"[349]. Староболгарское слово в отличие от русского варианта, напр., означает еще и "вселенский; общежительный; соборный", см.: "устрои общую ц(рквь) (Изб.1073 г.), "Авва Мина старѣишина обща жития" (Пат.Син.). Это создает условия для увеличения его речевых реализаций. Такие возможности создает и большая широта лексической сочетаемости[350] староболгарского слова общий, определяющая и характер дистрибуции, которая оказывается шире по отношению к сочетаемости и дистрибуции варианта обчий. См.: общая обитель, общий дом, общий монастырь, общая церковь, общее житие, общий бог, общее естество, общий владыка, общий праздник, общее воскресение, общее восстание, общая минея, общее послание, общая чаша, общий путь, общая смерть, общий закон, общая воля, общая участь и др., напр. "до общаго востания не входить" (Ав. Кн.толк.), "Феодосие общимъ братямъ наставникъ бысть" (Жит.Авр.Смол.), "онъ бо обьшть путь" (Изб. 1076 г.). Более ограниченный круг лексической сочетаемости и дистрибуции обуславливает и более ограниченный состав речевых реализаций. См.: обчий (вопчий) суд, обчий (вопчий, вопший) холоп, обчая грамота, обчая купчая, обчая правда, обчие люди, обчий хлеб, обчая ссылка и др., напр. "тому обьчии судъ" (Княж.уст.), "пожаловалъ вопчего своего холопа" (Пос.Жир.Зас.), "а опчая правда будетъ" (Ул.Ал.). Многочисленные образования с морфемой -общ тоже укрепляют позиции староболгарского слова общий в литературном языке, напр. приобщать, сообщать, общаться, общение, община, общник, общество, общежитие, общежительный, общежительство и т.д.

Ассимиляция русского слова обчий и его вытеснение староболгарским вариантом общий осуществляется в первую очередь в условиях, при которых варианты общий - обчий входят "в адекват-

---

349 Л.А.Новиков. Некоторые аспекты описания лексики.-Русский язык за рубежом, 1967, № 1, с.20.

350 Е.В.Кузнецова. О критериях выделения основного значения слова.-Русский язык за рубежом. 1969, № 1, с.82.

ные контексты"[351]. См. "итти намъ на общую правду" (Чел. Лаз., Суб.Мат.IV) и "слатися на опчюю правду" (Ул.Ал.), "воздаст общий суд миру всему" и "а будет простой человек с церковным,ино суд вопчей" (Суд.Ив.IV). К XVIII в. общественная литературно-языковая практика окончательно утверждает слово общий как общеупотребительная единица русской лексики. См.: "для общей славы божества" (Лом.,Разм.), "для общих благ мы то имеем" (Сум., Наст.), "какие будут общие права" (Собр.Зак.) и т.д. Вариант обчий выходит из употребления.

Фонетические варианты вождь – вожь тоже отлучаются продолжительным сосуществованием. Они засвидетельствованы в сходных значениях в древнерусской письменности, напр.: а) предводитель, военачальник: "и посла... събрати вся великиа воеводы, и сатрапаты, и вожда" (ВМЧ, Дек.) и "яко вожь и наставникъ мсковскаго воинства" (Пов.Кат.-Рост.), б) проводник, провожатый: "вождь ти будеть ц(рь)ству н(бсь)нууму акы ходатаи" (Изб.1076г.) "Ты-бъ далъ ему вожа доброво" (Дон.д.II). Важным этапом в истории взаимодействия фонетических вариантов вождь-вожь оказывается проникновение староболгарского слова вождь в письменно-литературную разновидность древнерусского и русского языка, напр. "не меншая бе потреба вожда и воинства" (ДАИ,V). Варианты вождь-вожь втягиваются в общие процессы урегулирования лексико-семантической избыточности и системных отношений. К XVIII в. определяется система значений вариантов вождь-вожь, в которой намечаются некоторые отличия. Староболгарское слово вождь употребляется с основными значениями: а) наставник, руководитель, напр. "Они наши пастыри, они и отцы, они и вожди" (Посошк. Кн.Скуд.), б) предводитель, военачальник, напр. "должно поружить его вождю надежному" (Карамз., М.Пос.), в) проводник, вожатый, напр. "тогда нас вождь старец арап повел" (Пут. Лукьян.). Наряду с этим на основе значения "наставник, руководитель" формируется и дополнительное значение "правитель, начальник", напр. "каким

---

351 В.А.Гречко. О некоторых проблемах лексической синонимии. -В: Очерки по синонимике современного русского языка. М.-Л., 1966, с.164.

образом страна может быть благополучна под такими вождями?" (Спетерб.журн.,I), а на основе "проводник, вожатый" возникает специализированное значение "вожатый, вожак (при животном), о животном - вожаке", напр. "вождь всего стада" (Вейсм.,Лекс.). Расширение значений обуславливает большее количество речевых реализаций слова вождь. Морфема - вожд представлена и в ряде лексических единиц: вожденачальник, вожденачальство, вождение.

Русский фонетический вариант вожь сохраняется в XVIII веке с основными значениями: а) проводник, вожатый, напр. "был с ним в вожах помянутой Морозко" (Краш.,Опис.Камч.), б) предводитель, военачальник, напр. "в неиже положены повѣсти... вожеи воинских, сенаторей" (Апофегм.).

В XVIII в. лексико-семантическая избыточность постепенно сокращается за счет дальнейшего урегулирования лексико-семантических взаимодействий вариантов вождь - вожь в системных связей лексики. В синонимическом ряду "вождь, вожь, военачальник" доминантой остается слово военачальник, а слова вождь и вожь в этом значении выходят из употребления. В другом синонимическом ряду "вождь, вожь, проводник" доминантой становится общеупотребительное слово "проводник (вожатый)", что определяет постепенный уход из употребления вариантов вождь и вожь. Староболгарское слово вождь получает широкое распространение с общим значением "общепризнанный руководитель", а употребительность слова вожь окончательно сокращается, что приводит к его выпаданию из лексико-семантической системы русского литературного языка.

в) Прекращение употребительности (аннигиляция) некоторой части староболгарских вариантов и дублетов

В письменности церковнославянского литературного языка и письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка отчетливо выделяется другая группа староболгарских и русских вариантов и дублетов. Постепенно их ряд распадается, потому что русские варианты и дублеты остаются общеупотребительными лексическими единицами, а староболгарские эквиваленты не проникают в систему единого русского литературного языка. К этому разряду староболгарско-русских вариантов и дублетов от-

носятся: абие – тотчас, алч(а) – голод, брадва – топор, брание – борьба, брав – боров, бреза – береза, блатина – болотина, бречи – беречь, буберг – почка, возглаголати – заговорить, вертоградарь – садовник, возглавница – подушка, вижду – вижу, вождю – вожу, впрящи – впрячь, врабий – воробей, вретено – веретено, главня – головня, гаши – штаны, говедарь – пастух (пасущий крупный рогатый скот), говяждий – говяжий, градити – городить; граждь – загородка, дивий – дикий, денонощие – сутки, делва – бочка, дольний – нижний, езеро – озеро, жещи – жечь, жребец – жеребенок, зиждати – строить, извлачити – вынимать, изметати – выбрасывать, изнести – вынести, испадати – выпадать, испражняти – выбрасывать, клада – колода, клатити – шатать, клати – колоть, крабий – коробка, крава – корова, крак – голень, краль – король, кралица – королева, кралевство – королевство, кроста – короста, куп – куча, лакоть – локоть, лещи – лечь, леля – тетка, лудый – сумасшедший, лой – сало, лещу – лечу, млеко – молоко, междина – промежуток, мащеха – мачеха, межда – межа, мещу – мечу, млети – молоть, мравий – муравей, мраз – мороз, мразити – морозить, мрети – умирать, м(у)шица – мошка, навечерие – канун, надежный – надежный, непреходимый – нескончаемый, ножница – ножны, нощвы – ночвы, сбаждати – клеветать, облещися – сдеться, обуща – обувь, огнище – костер, оградник – садовник, окаляти – запачкать, омраза – ненависть, онуща – онуча (обувь), опашь – хвост, остен – колючка, острищися – остричься, охабитися – портиться, охапати – укусить, отвещати – отвечать, паница – блюдо, пара – пар; пещи – печь, пещница – печь, пиянница – пьяница, плакати – полоскать, платно – полотно, плевница – амбар, плахий – робкий, плева – полова, пожещи – пожечь, полунощы – полночь, поне – хотя бы, помыю – помою, понеже – так как, попещися – попечься, посещи – посечь, посребрити – посеребрить, пребрати – побороть, превести – перевести, превод – перевод, предтещи – опередить, премена – перемена, преметатися – перебрасаться, преоблещися – переодеться, пререзати – перерезать, преплыти – переплыть, преходный – переходный, проврети – просунуть, провлещи – протянуть, продажда – продажа, прокуждать – уничтожать, (и выгонять) простреги – простереть, прохожду – прохожу, распуждати – прогонять, рещи – сказать (и говорить), ржда – ржа, рождие – ветки, рясны – подвески, сажду – сажу, сажда – сажа, свещник –

подсвечник, свила – шелк, свобождение – свобода, седмь – семь, сковрада – сковорода, слама – солома, слана – иней, сврачица – сорочка, средь – середина, сряща – встреча, стрещи – стеречь, тещи – течь, тожде – тоже, тлещи – толочь, трева – трава, труждание – труд, труждатися – трудиться, тщатися – беспокоиться, тысяща – тысяча, убо – потому что, увратися – повернуться, уже – веревка, умрети – умереть, унуща – обувь, усмарь – кожевник, утре – завтра, утруждать – затруднять, ухапляти – кусать, ушарити – покрасить, хлап – холоп, хлебарь – хлебопек, хранило – кладовая, цесарство – царство, чреп – черепок, учреждение – пир, шия – шея, ядати – есть, яздити – ездить, ятие – взятие, яхати – ехать, ячмык – ячмень и т.д.

Изучение употребительности указанных рядов староболгарских и русских вариантов и дублетов свидетельствует о том, что значительная часть староболгарских слов представлена преимущественно в памятниках церковнославянского литературного языка (с его двумя разновидностями). См.: "да естьствьнии суть вреди и алчь" (Ио.екз.Бог.); "и коемуждо брашьно в руку его" (Библ. Генн.); "на възглавьници съпя" (Еванг. 1144 г.); "въ глубину езерьскую въвреженъ" (Прол.XV в.); "жрѣбьця и тельця видимъ" (Гр.Наз.XI в.); "и по семь начатъ зиждати" (Жит.Феод.Едес.); "измерзъша ст мраза" (Ч.Ник.); "сътворшу смразу въ женах его" (ВмЧ, Дек.); "или в платье сблещись?" (Авв. Жит.) и т.д.

Некоторые из рассматриваемых слов засвидетельствованы и в памятниках письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка и сохраняются даже в XVIII в. См.: "да въстанеть абие да стидеть" (Ефр. Корм.), "и ту абье... иземьша мечя" (Лавр. лет.), "ье абие створьша двери" (Кн.сист.), "начнеть абие, и будет не видим" (Лайт.Ск.), "абие брак сотворил" (Пуф.,Ист.), "яко вертоградарь съ нимь благоизволи" (Ж.Рад.), "сдел работаше г(дн)у своему вертоградарь" (Брил.), "благаго вертоградаря есть дело пещися" (Пчелка I), "надлежит по наблюдением искусных вертоградарей" (Сл.нот.ист.,I), "еще ли къто възглаголеть" (Ефр.Корм.), "како возглаголю в представлении сего князя" (Львов.лет.,I), "а с вас что возглаголю?" (Иверск.Сл.), "и всесожжение возглаголит" (Жит. Ист.), "в исправлении сердец возглаголем" (Ефрем.) и т.д.

Общая и основная причина постепенного сокращения и прекращения употребительности изучаемых в этом разделе староболгарских слов – это наличие общеупотребительных русских слов и вариантов, которые в большинстве своем являются общенародными словами, соотнесенными с необходимыми для речевого коллектива предметами, признаками, явлениями и пр., которые характеризуются регулярностью употребления в речи, деривационной активностью, устойчивостью и значимостью в номинативной системе русского литературного языка. В таких условиях лексико-семантическая избыточность ликвидируется в результате прекращения употребительности соответствующих староболгарских слов, которые не проникают в систему лексики единого русского литературного языка и в словарях современного русского литературного языка не представлены. Но художественная речевая практика часто оказывается богаче и разнообразнее нормативных тенденций. Как и в других случаях, некоторые авторы привлекают отдельные вышедшие из употребления староболгарские варианты и дублеты, используя их в определенных стилистических целях. См., напр., употребление слова абие как средство речевой характеристики и создания комического эффекта: "Как у наших попов – "абие, абие!" /А на деле "бабие" (Беднэй, Зараза). См. еще испольэование слов млекс и слана как средство образности, напр. "Лестно было бы усладиться млеком Вашей мудрости" (Куприн, Корь), "Он весла, Афиры, / Чрез сланы пучины/ Летать на кораблях/ Вручил нам на веки" (Катен., Софокл). См. также привлечение слова сбуща при описании быта духовных лиц: "И о пище то попекись и о питии, и с монастырском строении, и об одежде и сбущи" (Печ., Лес.), См. и употребление староболгаризмов елень, мраз, реши как средство исторической стилизации и речевой характеристики: "елени по нынешним местом, коих нету в волости новгородской", "нету мразов таких, зим прежестоких", "не и то реши: "каке повернет" (Балаш., Время).

г) Прекращение или сокращение употребительности некоторых староболгарских и русских вариантов и дублетов

Анализ языка памятников церковнославянского литературного языка и письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка показывает наличие еще одной группы соотносительных староболгарских и русских вариантов и дублетов, которые отличаются тем, что в одних случаях староболгарские слова остаются на стадии сокращения употребительности, а русские варианты и дублеты выходят из употребления, напр. брань (война, битва) – боронь, брашно – борошно, вящий (вящший) – вячий (вятчий), забрало – заборало, крамола – коромола, крамольник – коромольник, чресла – чересла, чрево – черево и т.д. В других случаях на стадии сокращения употребительности остаются русские варианты и дублеты, а староболгарские слова выходят из употребления, напр. веще – вече, гаши – гачи, госпожа – Госпожа, плашити – полошить, тысящник – тысячник и т.д.

Указанные дублеты и варианты засвидетельствованы в памятниках церковнославянского литературного языка и письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка (XI–XVII вв.). См.: "то на кого тя брань гонимъ? (ВМЧ, Окт.), "быстъ брань велия в Твери" (Ник.лет.X), "стоиши на бронии, прыщеши ѡ вои (Сл.полк.Игор.), "свою царскую боронь учинить" (Счет.д. Троск.); "да въшедъ уставить крамолу" (Сказ.Бор.Гл.), "въздвиже крамолу межи руссскыми князи" (Новг.I лет.), "что чаетъ межъ ихъ коромолы" (Крым.д.I), "вшелъ въ коромолу к великому князю" (Дух.дог.гр.), "иже к тѣлеси приближени суть срачица и гаши" (Врем.Тим.), "удача роспустя гачи" (Сим.Посл.) и т.д.

Некоторые из староболгарских или русских вариантов и дублетов сохраняются в пассивном составе лексики русского литературного языка (XVIII–XX вв.) и используются в определенных стилистических целях русскими авторами XVIII–XX вв. См.: "вкусите его брашна, и сердце ваше усладится" (Рад.,Пут.), "утварь на столе деревянная, и солило, и солоница, и брашно" (Бород., Донской), "В сей жестокой брани мой рассудок тмится" (Чулк., Песни), "И за святое дело/ Сам поведи на брань свои полки" (А. Толстой, Смерть Иоанна), "вашшая бо есть премудрость размышля-

ти с смерти" (Апофегм.), "пусть вятшие не величаются" (Палаш., Бремя), "за кого примется, напустит и гачи" (Интерл.), "чего им полошиться-то?" (Григор.,Рыбаки), "ничто не могло изменить мнения Петра о стрельцах, ...что это - опасные крамольники" (Добр.,Первые годы) и т.д.

Причины сокращения или прекращения употребительности староболгарских или русских дублетов и вариантов разнообразны и различны в конкретных случаях. Во-первых, у большинства староболгарских и русских вариантов и дублетов имеются общенародные, регулярно употребительные в речи лексико-семантические эквиваленты, напр. брань - борснь и война (битва, бой), брашно-борошно и кушанье (яства), вящший - вя(т)чий и большой (лучший), крамола - коромола и мятеж (бунт, заговор), плашить(ся) - полошить(ся) и пугать(ся) и др. Во-вторых, процессы сокращения или прекращения употребительности отдельных староболгарских или русских слов могут быть обусловлены исчезновением предметов, явлений и т.д., которые они обозначали, напр. веще и вече (народное собрание), забрало и забороло (крепостная стена), тысящник и тысячник (начальник военного ополчения) и др.

3. Активизация употребительности

Другим следствием лексического взаимодействия церковнославянского литературного языка и древнерусского и русского языка (и прежде всего его письменно-литературной разновидности) является активизация некоторой части лексических единиц.

В этот разряд относим главным образом слова, которые могли возникнуть как лексические параллельные образования как в древнеболгарском, так и в древнерусском языке, поскольку их лексические системы допускали такую возможность, обладая праславянскими морфемами, участвующими в формировании подобных лексических единиц. Но обстоятельство, что такие слова засвидетельствованы первоначально в древнейших памятниках древнеболгарской письменности, распространенной в списках и в Древней Руси, дает основание обратить внимание на культурно-языковые традиции староболгарского литературного языка древнерусской и русской редакции и ее древнерусской и русской разновидности. Несомненно, эти традиции обуславливают активизацию упо-

требительности изучаемых лексических единиц в древнерусском и русском языке. К составу данной группы можно отнести: безбожный, безвестный, безводный, безгневный, бездельный, безгрешный, безделие, бездельный, бездетный, бездождие, бездушный, беззлобие, беззлобный, безмерный, безмолвие, безмолвный, безмужный, безобразить, безобразный, безумный, безумство, безумствовать, безумие, бескровный, беспечальный, бесплодный, беспутие, беспутный, бессмертие, бессмертный, бесстрашие, бесстрашный, бесчестие, бесчестить, бесчинник, бесчинный, бесчинство, братоубийство, братоубийца, вседневный, вседобрый, всемирный, всенародный, всесильный, высокопарный, двоеженец, двуличный, детеубийство, добровольный, добродушный, долголетный, долгорукий, душегубный, дожденосный, женолюбивый, зверообразный, злодейство, злословить, злоязычный, кровопийца, любочестие, маловерный, маловодие, малолетний, малословный, малодушие, малоумный, многоженец, многолетний, многомужный, многоплодный, многосложный, незлобие, непокорник, нестройный, неудобный, родоначальник, родословие, рукотворный, самовольство, самодержец, самолюбие, светозарный, твердосердый, худословие и т.д.

Изучение языка памятников церковнославянского литературного языка и письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка показывает широкое распространение подобных слов. См.: безводный (Мар.,Псалт.Чуд., Жит.Саввы Освящ., Г.Ам., Хожд.Дан.,Сл.полк.Игор.), бездельный (Ман.Хр.,Панд.Ант.XIв., Кир.Тур., Жит. Стеф.Махр.,Пос.Вас.,Рог.лет.,Дон.д.V, Моск. а), бездушный (Супр.,Ио.екз.Бог., ВМЧ, Дек., Ник.лет., Лет.Авр., Ав. кн.бес.), безмерный (Мар., Изб.1076 г., Льв.лет., Мол.Дан.Зат., Мол.Алм., Швед.д., Писц.д.V, Д.Иос.Колом.), бесплодный (Супр., Гр.Наз.XI в., Усп.сб., Стих. XII в., ВМЧ, Окт., Рим.д.,Польск. д.), бессмертный (Супр., Изб.1076 г., ДАИ I, Львов.лет.), бесчестный (Син.пс.,Усп.сб., Кн.Зак., Швед.д., Чел.солов.ин.,ПСЗI), всенародный (Гр.Цамбл., 2 Макк., Жит. Конст.Мур., Львов.лет., Пов.Кат.-Рост.), добровольный (Ман.Хр., Усп.сб.,Пск.лет.,АИ I), злочестивый (Мин.1097 г., Прол. XIV в., Львов.лет., Ио.Вол.Просв. Аз.пов.), малогодный (Супр., Изб. 1076 г., Жит.Ст.Перм., ВМЧ, Ноябрь), малодушие (Жит.Феод., Панд.Ант. XI в., Кн.Зак.,Пск.а.), многолетний (Евх.,Изб.1076 г.,Ник.лет.IX, Заб.Мат.,Ипат.лет., Лет.) и т.д.

Г. Семантическое и функционально-стилистическое разграничение (раскалывание семантической и функциональной зоны)

Семантическое и функционально-стилистическое разграничение (или раскалывание семантической и функциональной зоны) в составе установленной группы староболгарских и русских дублетов является общим и основным результатом ликвидирования возникшей лексико-семантической избыточности и урегулирования синонимических отношений и системных связей. Уже упоминались соображения Е. Куриловича о том, что при появлении заимствованных слов в определенных случаях возникает раскалывание семантической зоны, занятой первоначально местными словами. Можно добавить, что в других случаях возникает и раскалывание функционально-стилистической зоны. И.В.Арнольд с основанием пишет: "Общий закон системности явлений языка в применении к проблеме заимствований можно сформулировать следующим образом: всякое изменение в словарном составе языка в виде проникновения иноязычных заимствований влечет за собой семантические или стилистические изменения в уже имеющихся в языке словах и сдвиги в синонимических группах"[352].

В древнерусской и русской христианской и светской литературе и письменности выделяется слой староболгарских и русских дублетов и вариантов, которые характеризуются своими синонимическими связями. В зависимости от дальнейшей эволюции обособляем два типа дублетов и вариантов, подвергнутых определенным изменениям.

а) Семантическое разграничение староболгарских и русских дублетов и вариантов.

В данной группе объединяются староболгарские и русские дублеты и варианты, которые в процессе совместного функционирования разграничиваются семантически, обособляются как семантически самостоятельные лексические единицы, которые проникают в систему лексики единого русского литературного языка. Это пред-

---

[352] И.В.Арнольд. Лексикография современного английского языка. М., 1956, с. 213.

определяет их функциональную активность, регулярность употребления в речи, деривационную продуктивность. Только незначительная часть дублетов и вариантов постепенно выходит из употребления. Семантическое разграничение, раскалывание семантической зоны изучаемых лексических дублетов и вариантов можно проиллюстрировать следующими словами: алчный – голодный, блюсти – беречь, бездна – пропасть, будущий – будучий, брашно – борошно, брань – боронь, бранить(ся) – боронить(ся), влага – волога, власть – волость, вращать – ворочать, гражданин – горожанин, глава – голова, главный – головной, горящий – горячий, живущий – живучий, жребий – жеребий, здравый – здоровый, заградить – загородить, заграждение – загородка, издать – выдать, изливать – выливать, изводить – выводить, издыхать – выдыхать, изменять – выменять, искупить – выкупить, исполнить – выполнить, исправить – выправить, испустить – выпустить, исход – выход, истекать – вытекать, источить – выточить, исходить – выходить, исчерпать – вычерпать, исчислять – вычислять, краткий – короткий, млечный – молочный, могущий – могучий, мрак – морок, мрачити – морочити, насаждать – насажать, насаждение – насадка, невежда – невежа, оградить – огородить, ограждение – огораживание, прах – порох, преградить – перегородить, преграждение – перегораживание, предать – передать, преломить – переломить, пресечь – пересечь, преступать – переступать, провождать – провожать, провождение – проводы, среда – середа, средний – середний, срам – сором, срачица – сорочка, совратить – своротить, страна – сторона, странный – сторонний, хранить – хоронить, чреда – череда, чуждый – чужой и т.д.

Указанные староболгарские и русские дублеты и варианты засвидетельствованы в различных жанрах древнерусской и русской христианской и светской литературы и письменности. См.: брашно-борошно: "положиша трупиа рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ" (ВМЧ, Сент.), "ни пити, ни борошна ихъ примати" (Феол.Печ.), "съ пламяньнымъ копьемъ браняше Адаму въхода" (Сл.митр.Илар.), "а иныхъ до смерти побили, себя боронячи" (Польск.д.II), "и тако скончася власть Игорева" (Моск.лет.), "дасть ему волость на своемъ дому" (ВМЧ, Окт.), "будетъ великое и главное страшное дѣло" (ДАИ, XII), "папа былъ и головной" (Арс. Сух.Прен.), "ме-

чемъ жребия на сыны и на дщери наша" (Соф.I лет.), "на которого падетъ жеребии тому и вынемъ очи" (Рим.д.), "и отъида здрава въ домъ свой" (Ник.лет.X), "мало их от них здоровых отъехало" (Пов. о Сканд.), "издасть сребра на то из своее казны" (Новг. IV лет.), "старцы соборные выдали из ларца на росход" (Кн.прих.Кир.м.), "солнце мрачиши" (Евфр.Отраз.), "а они, мороча, глаголютъ" (Вып.Лаз.) и т.д.

Все указанные лексические дублеты и варианты могут стать объектом специального диахронического исследования. Развитие лексико-семантических взаимодействий разногенетических синонимов осуществляется на протяжении веков, отличаясь своим разноаспектным характером. Но основное направление эволюции является общим. Это постепенное семантическое разграничение, размеживание лексических вариантов и дублетов, раскалывание их семантических зон. Стабилизация их семантической структуры обусловлена общими процессами нормализации единого русского литературного языка, которая осуществляется к XVIII-XIX в. Разные результаты процесса семантического разграничения определенного слоя лексических дублетов и вариантов дают основание для выделения двух случаев.

Во-первых. В результате процесса семантического разграничения лексических вариантов и дублетов в системе лексики русского литературного языка сохраняются как самостоятельные лексические единицы как старославянские, так и русские слова. Укажем на семантическую эволюцию следующих пар.

Алчный - голодный. Указанная старославянско-русская дублетная пара засвидетельствована в памятниках древнерусской и русской христианской и светской литературы с общим значением "испытывающий голод", напр. "пребысть альчьнъ и жадьнъ" (Усп. сб.), "а Лазарь же голоден и боленъ" (Изм.), С указанным общим значением дублеты алчный и голодный сохраняются и в XVIII в., напр. "и остави его алчна и жаждна" (Кн. жит. 1705), "голоден из-за стола выходит" (Кант.,Сат.III). Семантические различия изучаемых дублетов представлены еще в XII-XVII вв. Старославянизм алчный употребляется как со значением "голодный", так и со значениями "жаждущий, стремящийся к чему-л." и "соблюдающий пост", напр. "идетъ альчьнъ съ ч(лвч)ьска с(пс)ения" (Усп.сб.);

"ожьдавъшеи алчени" (Ефр.Корм.). Русский дублет "голодный" используется как со значением "испытывающий голод", так и со значениями "вызванный голодом" и "неурожайный", напр. "голодною смертию помрутъ" (ДАИ, V); "в голодное или в ыное в какое время" (Ул.Ал.) . Таким образом, лексико-семантическая избыточность устанавливается в рамках значения "испытывающий голод": алчный - испытывающий голод, голодный - испытывающий голод. Эта избыточность постепенно ликвидируется в результате семантического размеживания дублетов. К XVIII в. доминантным значением староболгаризма алчный становится "жаждущий, стремящийся к чему-л.", напр. "и ищет алчным взглядом" (Дмитр. II). На его основе формируется и конкретизованное значение "жаждущий богатства, корысти", напр. "а жестоким и алчным ростовщикам узда" (Княж.,Скупой). Русский дублет голодный сохраняется с основным значением "испытывающий голод", напр. "голодный волк... приближился к стаду" (Поденщ.). Семантическое размеживание дублетов алчный - голодный обуславливает не только прекращение лексико-семантической избыточности, но и сохранение обоих дублетов как семантически самостоятельных лексических единиц лексики русского литературного языка, которые вступают в новые системные связи.

Власть - волость. Указанная пара староболгарско-русских вариантов засвидетельствована в памятниках древнерусской и русской христианской и светской литературы (XI-XVII вв.) с двумя общими значениями: а) господство, право повелевать, управлять, напр. "и тако скончася власть Игорева" (Моск.лет.), "и тако скончася волость Игорева" (Переясл.лет.); б) область, находящаяся под одной верховной властью, напр. "власти и села повоеваша" (Ник.лет.), "и волость их отимем" (Поуч.Вл.Мон.). В этот период намечаются и семантические отличия. Староболгаризм власть употребляется и со значениями: а) властность, право поступать по своей воле, напр. "не даи же ему власти во юности" (Дом.), б) органы власти, лица, облеченные властью, напр. "всяка д(у)ша властемъ повинуется" (Лавр.лет.). Русское слово волость употребляется и со значением "сельская территориально-административная единица", напр. "и нача Мисюрь волостьми своею казною... копати" (Сим.лет.). Возникшая лексико-семантическая избыточность в рамках двух указанных общих зна-

чений постепенно ликвидируется в результате дальнейшего семантического размеживания и выпадания из употребления некоторых значений. К XVIII в. уже намечаются семантические контуры вариантов власть – волость. Староболгаризм власть получает распространение со значениями: а) господство, право псвелевать, управлять, напр. "приемших власть и должность вязати" (Уч.отр.), б) лица, облеченные властью, напр. "властям дал гордой дух" (Опыт о чел.). На основе этих значений развиваются и ассоциативные значения: в) "сила, могущество", напр. "где власть где владычество свое порок распространил" (Зерц.безб.) и г)"право управления государством", напр. "оскорбление верховной власти" (Радищ.,Уш.). Русское слово волость устанавливается и с терминологическими значениями: а) сельская территориально-административная единица, напр. "Другая волость по Оми" (Радищ., ПСС III), б) земля, область какого-л. владетеля, напр. "Чтоб волости его были для сего отнуждены" (Вед.,II).

Варианты глава – голова представлены в памятниках древнерусской и русской христианской и светской литературы со следующими общими значениями: а) часть человеческого тела, см.: "съ вами, русици, хощу главу свою приложити" (Сл.полк.Игор.), "и за новгородскые волости голова сложити" (Моск.лет.), б) человек (как единица счета людей), см. "да вдамы по числу на главы" (Лавр.лет.), "и множьство паде головъ" (Новг.I лет.), в) главный, первенствующий, см.: "Иерусалимъ есть первый градъ и глава всѣхъ градовъ" (Проск.Арс.К.), "имам бо велика свѣтилника Х(а) б(а) н(шг)о голову над всѣми главами" (Корм.Балаш.), г) вершина, верх, см.: "и внегда же убо кочерги с(т)аго простерты главами вирямъ" (Жит.Пр.Уст.), "у полыни голова изсушити" (Пам.отреч.II). В этот период намечаются и семантические отличия. Староболгаризм глава засвидетельствован и со следующими значениями: а) купол церковного здания, напр. "и падеся глава церковная" (Ерм.лет.), б) раздел книги, документа, напр. "книгы о шести днии глава прьва" (Шест.Ио.екз.). Русское слово голова употребляется и со значениями: а) начальник, должностное лицо, напр. "чтоб голова и целовалники таможеные пошлины... збирали вправду" (Астрах.а.), б) убитый, напр. "и отложиша убиэние за голову" (Пр.Руск.), в) определенное количество, часть чего-л., напр. "голову сахару кушать на здоровье" (Переп.Хован.).

К XVIII в. начинается процесс семантического размеживания и постепенной стабилизации семантической структуры вариантов глава – голова. Староболгаризм глава утверждается со значениями: а) главный, старший, вождь, напр. "Рафаель глава Римской школы" (Карамз., Пут.), б) купол церкви, верхняя часть чего-л., напр. "Он видит пред собой превысочайшу гору, котора взнесена за облака главой" (Майк.,Игрок), в) раздел книги,документа, напр. "отписок, сказок, допросов... по главам именовать" (Пам.Сиб.). Слово глава в значении "части человеческого тела" постепенно вытесняется общеупотребительным русским лексико-семантическим эквивалентом голова, сохраняясь в пассивном запасе лексики русского литературного языка в качестве стилистически маркированной единицы. Русское слово голова продолжает функционировать со значениями: а) часть человеческого тела, б) начальник, в) часть чего-л. Постепенно возникают на основе различных ассоциаций и значения: г) передняя часть чего-л., д) единица счета (людей), е) ум, рассудок.

Следовательно, и в данном случае семантическое размеживание содействует как устранению лексико-семантической избыточности, так и сохранению вариантов в системе лексики.

Во-вторых. В отдельных случаях вместе со семантическим разграничением происходит и выпадение отдельных членов пар дублетов или вариантов. Общая причина обусловлена наличием общеупотребительного (или общеупотребительных) эквивалента (или эквивалентов). См., напр., историю вариантов брашно – борошно, которые засвидетельствованы с общим значением пища, напр., "и Много дни безъ брашна пребысть" (Ник.лет.X), "ни пити, ни борошна ихъ примати" (Фесд. Печ.). Староболгаризм брашно употребляется еще и со значением "съестные припасы", напр. "и ту начасей гетманъ брашно вс ссаду много готсвити" (Пов.Кат.-Рост.), а русский вариант борошно – с конкретизированным значением "мучное кушанье", напр. "а борошна колько могуть изъясти" (Пр Рус.). Варианты брашно – борошно не получают распространения, потому что у них были общеупотребительные лексико-семантические эквиваленты кушанье, еда, пища. Сохраняется в пассивном слое лексики русского литературного языка староболгаризм брашно, который становится стилистически маркированной единицей. См. "вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, дав страду

скорбящему" (Рад.,Пут.). "Бѣда для них, когда кто в писаниях своих употребляет слова: брашно, требище, рясна... и тому подобныя, которых они среду не слыхивали" (Шишк., Расс.).

б) Семантическое и функционально-стилистическое разграничение староболгарских и русских дублетов и вариантов.

В этой группе объединяются староболгарские и русские дублеты и варианты, которые в процессе совместного употребления разграничиваются не только семантически, но и функционально и функциснально-стилистически. Общая причина этого процесса тоже связана с разрушением возникшей лексико-семантической избыточности. В результате этого некоторые дублеты и варианты сохраняются в книжной речи, другие в диалектной сфере, в разговорной речи или просторечии. См. алкать - голодать (и чувствовать голод), бремя - беремя, влачить - волочить, враг - ворог, вред - веред, вредить - вередить (и бередить), мощь - мочь, маломощный - маломочный, надежда - надежа, нрав - норов, нужда - нужа, немощь - немочь, одежда - одежа, обратить - оборотить, отвратить - отворотить, праздний - порожний, пища - снедь, преграда - перегородка, рождать - рожать, трезвый - тверезый, храм - хором(ы) и т.д.

Указанные варианты и дублеты засвидетельствованы в различных памятниках древнерусской и русской христианской и светской литературы (XI-XVII вв.). См.: "одежды не стало, а зимовье каплет" (Авв.Жит.), "раненымъ на пищу и на одежу" (Дон.д. IV), "не имат мощи" (ВМЧ, Апр.), "и у имъ не бы мочи" (Новг. I лет.), "и реченно бысть имъ не вредити" (Чел.Лаз.), "въ уности своей вередих" (Поуч.Вл.Мон.).

Семантическое и функционально-стилистическое разграничение староболгарских и русских дублетов и вариантов можно проиллюстрировать на примере вариантов влага - волога, которые засвидетельствованы в памятниках древнерусской и русской литературы и письменности (XI-XVII вв.) с общими значениями: а) жидкая пища (похлебка, щи и т.п.), напр. "приготови ны влагу" (Алекс.), "ино и упродас(т) на иную вологу" (Дом.), б) масло, сметана, жиры (и т.п.пищевые продукты), напр. "а не бѣ варива, ни соли, ни влагы" (Жит.Серг.Рад.), "за кормъ, и за вологу, и

за мяса..." (Пр.Рус.), Наряду с этим староболгаризм влага представлен и более общими значениями: а) жидкость, вода, напр. "малу влагу имушти" (Изб. 1076 г.), б) сырость, влажность, напр. "тая соль, влаги ради, поспущается" (Х.Рад.). Возникшая лексико-семантическая избыточность прекращается в результате сужения семантической структуры староболгаризма влага, который к XVIII в. засвидетельствован с основными значениями: а) жидкость, вода, напр. "может впущенную ему во уста влагу поглощать" (Сельск.леч.), б) сырость, влажность, роса и т.п., напр. "премногие влаги из океана возносятся" (Геогр.ген.), Русское слово вологa, которое сохраняет свои значения "жидкая пища; масло, жиры и т.п.", напр. "никакой у нас вологи не было" (Письма помещ.), сохраняется в диалектном употреблении. Оно уходит из употребления, потому что в литературном языке функционируют общеупотребительные лексико-семантические эквиваленты, напр. масло, жиры, сметана, щи и т.д.

Варианты вред - веред представлены в памятниках древнерусской и русской литературы (XI-XVIII вв.) со следующими общими значениями: а) болезнь (часто с кожными симптомами), напр. "яко же больной человѣкъ объявить врачу вредъ свой" (Поуч. еп. Стеф.), "а еже то, рече, инакъ вередъ" (Вопр.Кир.), б) нарыв, язва, опухоль, напр. "руку прилагаше къ вреду имѣже боляше на шии" (Жит.Бор.Гл.), "лечить... всякие раны и лихие вереды" (Мат.мед.). Староболгаризм вред употребляется и с другими значениями: а) увечье, напр. "вънѣ вредъ носить" (Ис. и Варн.), б) ущерб, убыток, напр. "врагомъ мысли зло, но не своего ради вреда" (Менандр), в) порок, грех, напр. "яко исцѣление вредом пос(т) есть" (Изм.). Возникшая лексико-семантическая избыточность ликвидируется как в результате семантического разграничения, так и функционально-стилистического. К XVIII в. русское слово веред функционирует только со значением "нарыв, язва, опухоль", напр. "всякие вереды вылѣчивает" (Парн.шепет.). В дальнейшем оно сохраняется в просторечной сфере, потому что слова нарыв, язва, опухоль - общеупотребительные. Староболгаризм вред тоже сужает свою семантическую структуру, сохраняя основное значение "ущерб, порча", напр. "от чего доходам вред (Кант., Сат.У), получая широкое распространение вместе с производными образованиями вредный, вредить, вредитель, вредность,

вредоносный, вредительство.

Показательной является история семантического и функционально-стилистического разграничения вариантов бремя – беремя, которые в древнерусской и русской литературе (XI–XVIIвв.) представлены со следующими общими значениями: а) ноша, груз, напр. "несуще солому, полову и дрова сухая, кто ж свое бремя" (Алекс.), "беремена всякие, коробьи и бочки, свивати и связывати" (ААЭ, I), б) связка, вязанка, охапка, напр. "иная же своя одѣяниа во бремяни своем носяша" (Жит.Ал.Ош.), "а в беремяни по сту по штиседятъ кожъ" (Ревел.а.I), в) не родившийся еще ребенок, напр. "еже кто бремя зачатъ" (Сим.Пол.,Орел), "дадутъ вдовь на беремя" (ПСЗ,I). Староболгаризм бремя обладает и дополнительным переносным значением "тяжесть, душевный гнет", напр. "взяти имъ посольства бремя" (Пов.Кат.-Рост.). В XVIII в. семантическая соотносительность вариантов бремя – беремя все еще сохраняется, они продолжают функционировать с указанными тремя общими значениями, напр. а) ноша, груз: "елико болше есть бремя корабля нагруженаго" (Геогр.ген.), "хотя мое беремя было весьма тяжело" (Апулей,II), б) связка, охапка: "за плечьми тяжкое бремя кольев" (Гесн.Идил.), "медвѣдь, дсбычу взяв в беремя"(Держ.,III), в) не родившийся еще ребенок, беременность: "бремя Селимино отчасу приростало" (Маркиз.II), "пусти меня в нево, на время, поколь мое пройдет беремя" (Сум., Притчи). В XVIII – XIX вв. варианты бремя – беремя вовлекаются в общий процесс стабилизации семантической структуры многозначных слов и урегулирования синонимических отношений. В синонимическом ряду "бремя, беремя, ноша, груз" доминантами становятся общеупотребительные слова "ноша, груз". В другом синонимическом ряду "бремя, беремя, охапка, связка, вязанка" в общем употреблении сохраняются тоже получившие широкое распространение народные слова "охапка, связка, вязанка". Общеупотребительное народное слово беременная и новообразование беременность вытесняют варианты бремя и беремя. В результате этих изменений в синонимических рядах ликвидируется лексико-семантическая избыточность в паре разногенетических синонимов бремя – беремя. Староболгаризм бремя сохраняется с основным переносным значением "тяжесть, душевный гнет, то, что угнетает", напр. "на что столько наук.., этим бременем можно замучить ум" (Кез.,Расс.). Рус-

ское слово беремя остается в просторечной и диалектной сфере со значением "большая охапка, тяжелая ноша", напр. "Истопник... явился в комнату, неся на спине беремя дров" (Салт.Щедр., Сат. в прозе).

Итак, взаимодействие систем церковнославянского литературного языка и письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка обуславливает формирование рядов соотносительных староболгарских и русских вариантов и дублетов. Наличие подобных рядов вариантов и дублетов является общей причиной установления лексико-семантической избыточности в лексике единого русского литературного языка. Освобождение от возникшей лексико-семантической избыточности при наличии системных связей в лексике осуществляется в результате постепенного сокращения (ретардации) и прекращения (аннигиляции) употребительности староболгарских или русских членов синонимических рядов, а также в результате их семантического и (или) функционально-стилистического разграничения. К этим изменениям следует отнести и активизацию некоторой части лексических единиц в письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка под воздействием определенных староболгарских словообразовательных типов.

Общий закон системности явлений языка в применении к заимствованиям и их функционированию обуславливает в целом различную эволюцию различных слоев старославянизмов в русском литературном языке.

Процессы использования, проникновения, интеграции и калькирования староболгарских слов, процессы семантического и функционально-стилистического разграничения старославянских и русских дублетов и вариантов, а также изменение их употребительности, протекают медленно, на протяжении веков. Они определяют неповторимый характер лексического взаимодействия церковнославянского и русского языков.

III. Состав старославянизмов в лексике русского литературного языка

Состав старославянизмов в лексике русского литературного языка (в диахроническом аспекте – это древнерусская и русская разновидность церковнославянского языка и письменно-лите-

ратурная разновидность древнерусского и русского языка) до сих пор остается не окончательно установленным, высказываются мнения по этому вопросу. А.А.Шахматов, напр., считает, что русский литературный язык "содержит в себе еще и теперь наполовину слова, формы и обороты древнеболгарской книжной речи"[353]. Б.О.Унбегаун высказывает мнение, что "в своей основе словарный состав современного русского литературного языка продолжает оставаться церковнославянским, и не только оставаться, но и развиваться и обогащаться при помощи церковнославянского словообразования"[354]. С другой стороны, выдвигается противоположная точка зрения. М.Н.Петерсон, напр., пишет, что "если принять во внимание коэффициент употребительности, то и в речевом потоке все заимствованные слова любого происхождения (цел., греч., лат. и т.д.) едва составят в среднем процентов 10, а исконно русские процентов 90 и даже больше"[355]. Подобного мнения придерживается и Н.М.Шанский: "более 90 % словарного запаса современного русского литературного языка составляют исконно русские слова"[356].

Эти противоречивые суждения о генезисе лексики русского литературного языка не являются результатом исчерпывающего количественного анализа и всестороннего историко-лингвистического и этимологического исследования. Так, А.А.Шахматов приводит всего лишь около 740 примеров в пользу своего утверждения, что лексика современного русского литературного языка содержит наполовину слова, формы и обороты древнеболгарской книжной речи. М.Н.Петерсон обосновывает свои констатации о том, что процентов 90 и даже больше лексики современного рус-

---

353 А.А.Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. – В: Энциклопедия славянской филологии. Пг. 1915, вып. XI, с.39.

354 Б.О.Унбегаун. Язык русской литературы и проблемы его развития. – В: Communication de la délégation française et de la délegation Suisse. Paris. 1968, p.129.

355 М.Н.Петерсон. Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941, с.19.

356 Н.М.Шанский. Лексикология современного русского литературного языка. М., 1972, с.71-72.

ского литературного языка составляют исконно русские слова на основе "рассмотрения 500 слов из произведений Пушкина, взятых из разных мест"[357].

В последние годы этому вопросу посвятил несколько своих работ Ф.П.Филин. Основой подсчетов для него служит семнадцатитомный "Словарь современного русского литературного языка", в котором включено около 120 000 слов, "Частотный словарь русского языка", в котором даны сведения о частотности около 4000 слов, и "Обратный словарь русского языка", в котором представлены около 125000 слов. Исходя из установленных А.А.Шахматовым фонетико-морфологических и словообразовательных признаков (неполногласие, образования с приставками -пре, -воз и т.д.), как единственно доступных для обобщающих выводов, Ф.П.Филин приходит к выводу, что "слов с формально-генетическими признаками церковнославянизмов насчитывается... менее 10 %"[358].

Предварительно следует подчеркнуть, что состав староболгаризмов на разных этапах развития русского литературного языка (в его диахроническом понимании) менялся.

Определение состава заимствований из древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка (собственно церковнославянского литературного языка) предполагает предварительное извлечение и анализ всех слов в памятниках древнеболгарской, среднеболгарской, церковнославянской и древнерусской (и великорусской) письменности. Эта исключительно трудоемкая и масштабная работа в основных аспектах уже сделана коллективами сотрудников "Словника языка старославянского" в Праге, "Словаря русского языка XI-XVII вв." в Москве, "Словаря древнерусского языка" в Москве, "Словаря русского языка XVIII в." в Ленинграде. Специально следует подчеркнуть наличие уникальных картотек староболгарского языка в Софии и Праге, древнерусского и старорусского языка в Москве, праславян-

---

357 М.Н.Петерсон. Лекции по современному русскому литературному языку, с. 21.

358 Ф.П.Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981, с.58.

ского лексического фонда в Москве и Кракове, русского языка XVIII–XX вв. в Ленинграде. Кроме того имеются капитальные академические словари почти всех славянских языков, имеются хорошие частотные, обратные, исторические, этимологические и др. словари отдельных славянских языков. Богатый материал содержит и различные более старые издания, напр. "Церковный словарь" (СПб., 1817–1819) П.Алексеева, "Словарь церковнославянского языка" (СПб., 1858–1861) А.Х.Востокова, "Полный церковно-славянский словарь" (М.,1900) Г.Дьяченко, "Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный" (СПб.,1806–1822), "Словарь церковнославянского и русского языка" (СПб., 1847), "Материалы для словаря древнерусского языка" (М.,1958) И. И. Срезневского, "Лексикон треязычный" (М., 1704 г.) Ф.Поликарпова и т.д.

Весь этот выявленный огромный словарный материал дает возможность приступить к сплошному сравнительно-сопоставительному изучению. Его историко-этимологическое, генетическое определение является задачей историко-этимологического словаря. Но такого словаря еще нет. Поэтому на данном этапе сравнительно-сопоставительный анализ необходимо проводить параллельно с историко-этимологическим анализом лексики древне (средне и ново) болгарского, церковнославянского и древне (и старо) русского и русского языков. На основе этого можно охарактеризовать ее специфические, отличительные черты, разграничить различные генетические слои (праславянский, инославянский и т.д.) и определить состав староболгарских слов в русском литературном языке. Принимаются во внимание и данные существующих этимологических словарей русского языка, напр. М.Фасмера (Этимологический словарь русского языка, М.,1964–1973), А.Преображенского (Этимологический словарь русского языка, М., 1910 – 1914) и др., а также различных исследований (напр. В.В.Виноградова, Г.О.Винокура, В.В.Замковой, И.С.Ильинской, Е.С.Копорской, Т.Н.Кандауровой, В.Д.Левина, Р.Павловой, Б.А.Успенского, И.С.Улуханова, А.А.Шахматова, Ф.П.Филина и т.д.). Таким образом, на основе выявленного состава лексики древнерусской и русской христианской и светской литературы и использования определенной системы критериев мы можем в самом общем виде установить (насколько это возможно на данном этапе) пласт

староболгарских слов в русском литературном языке на различных этапах его исторического развития.

а) В древнерусской и русской христианской и светской литературы и письменности (XI–XVII вв.), представленной в "Материалах для словаря древнерусского языка" И.И.Срезневского, в "Словаре русского языка XI–XVII вв.", в картотеке "Словаря древнерусского языка" и в картотеке специально исследованных нами памятников, засвидетельствовано около 18000 староболгарских слов. К этому составу относим как древнейший слой древнеболгарских слов, засвидетельствованных в известных сохранившихся памятниках древнеболгарской письменности (X–XI вв.), напр. аз (Супр.), ангельский (Супр.), багрить (Супр.), безочие (Зогр.), благочестивый (Супр.), блаженный (Зогр.), богиня (Супр.), ваяние (Супр.), влага (Супр.), владыка (Клоц.), власть (Мар.), враг (Клоц.), главный (Евх.), град (Сав.), девственный (Супр.), днесь (Мар.), единогласие (Супр.), жрец (Супр.), злато (Сав.), книжник (Аосем.), младенец (Сав.), надежда (Супр.), община (Супр.), просвещение (Син.), расхищать (Син.), среда (Супр.), торжество (Супр.), юг (Супр.) и т.д., так и древнеболгарский слой лексических единиц, не зафиксированных в древнейших рукописях (X–XI вв.), но представленных в древнерусских списках (XI–XIII вв.) с древнеболгарской переводной и оригинальной литературы, напр. безгласный (Гр.Наз.XI в.), безропотный (Панд. Ант.XI в.), благонадежный (Панд.Ант.XI в.), болгарский (Храбр), высокоумие (Презв.Козма), возврат (Изб.1073 г.), возглавница (Ев. 1144 г.), гражданство (Гр.Наз.XI в.), двойственный (Ио. экз.Грам.), доброверный (Ио.экз.Бог.), древодельный (Гр.Наз. XI в.), единственный (Ио.экз.Грам.), еретичество (Пресв.Козма), единовластие (Гр.Наз.XI в.), единородный (Изб.1073 г.), законодатель (Пресв.Козма), злонравство (Пресв.Козма), исповедь (Пресв.Козма), изобилие (Изб.1073 г.), краснопевный (Конст. Болг.), местоимение (Ио.экз.Грам.), многоречие (Презв. Козма), наречие (Ио.экз.Грам.), образование (Ио.экз.Бог.), празднование (Ио.экз.Бог.), предлог (Ио.экз.Грам.), раздвижение (Храбр), средство (Ио.экз.Бог.), суждение (Ио.экз. Бог.), сиречь (Конст.Болг.), царица (Пресв.Козма) и т.д.

К указанному составу староболгарских слов относим и более поздний среднеболгарский, староболгарский слой лекси-

ческих единиц, засвидетельствованных первоначально в среднеболгарской переводной и оригинальной литературе (во многих случаях в древнерусских списках XIII–XVII вв.), напр. архитектонствовать (Исх. XV в.), благоуправление (Гр.Цамбл.), восходница (Добр.ев.), великомудрый (Гр.Цамбл.), всенародный (Гр.Цамбл.), гражданский (Ман.Хр.), доблественный (Гр.Цамбл.), звероядь (Ник.Панд.), зверогонитель (Ман.Хр.), златощитник (Ман.Хр.), иконоборский (Гр. Цамбл.), кралица (Ман.Хр.), кощунословие (Ник.Панд.), лжеинок (Гр.Цамбл.), мечка (Ник.Панд.), майка (Добрейш.ев.), младость (Ман.Хр.), многоречивый (Гр. Цамбл.), мечтательный (Гр.Цамбл.), недвижение (Гр.Цамбл.), обуща (Ник.Панд.), петел (Добр.ев.), преписание (Гр.Цамбл.), предница (Ман.Хр.), пролетний (Ник.Панд.), рукоположить (Гр. Цамбл.), священнословствовать (Гр.Цамбл.), тунеядец (Ник. Панд.), хранильница (Добр.ев.) и т.д.

Староболгарские слова (древнеболгарского и среднеболгарского слоя) получают распространение, как показывают памятники древнерусской литературы и письменности, еще в Киевский период. См., напр., в "Сказании о Борисе и Глебе" (Усп.сб.): аз, аше, аки, агнец, абие, ангельский, апостольский, блаженный, безбожный, благодать, блаженник, болярин, братоубийство, благостыня, брань, багряница, бреши, беззаконовать, благословить, благословление, болгарыня, брашно, время, возвратить, вещать; власть, вседержателев, восхотеть, вопреки, воздвигать, велеречевати, велеречие, воззреть, восхотеть, воздыхание, воздаять, возлюбить, вельми, враг, возрадовать, возрасти, владыка, возложить, влещи, восторгать, воздеть, вопить, возмездие, возмощи, врачество, глава, глас, горящий, глаголать, гонящий, град, глад, дондеже, добролепный, добродетель, драгий, дерзость, дерзновенный, един, елико, жребий, жезл, живущий, горящий, живодавец, златый, зрящий, заклать, како, клас, крамола, кровопийца, крещение, лежащий, многомилостивый, млеко, младенствовать, мимоходящий, мощи, немощный, немощь, нелицемерный, непраздный, небрежение, обещать, отвещать, сбщий, отшествие, пред, предать, преставиться, помощь, правоверие, презреть, прострадать, поне, прелесть, прещедрый, покаяние, престол, потребить, предлежащий, псалмопевец, победить, престать,

плотоядец, преблаженный, предивный, преходящий, посещать, православие, посрамить, раб, разум, разуметь, рещи, свеща, сохранить, советник, страстотерпец, смрад, сокровище, страна, туне, тещи, смущать, умреть, хранить, человеколюбец и др.

В "Житии Феодосия Печерского" представлен тоже обширный слой староболгаризмов, свидетельствующий о том, что к XII в. древнерусские книжники свободно используют систему древнерусской разновидности древнерусской редакции староболгарского литературного языка (или, по другой терминологии, книжно-славянского типа древнерусского литературного языка, славяно-русского типа церковнославянского языка). См.: "изъ млада", "въставъ ношию", "ожьжения пещьнаго", "и имъши влечаше". "от чреслъ его", "богодъхновеный Феодосии", "б(ж)ствьною рьвьностию", "чьрноризьцю искусьну", "вьшедъ въ пещеру", "еже ти на потребу","яко же хощеши", "еже на пользу", "м(лт)вою и алканиемь", "бы же тъгда вещь пречюдьна", "богу могущуму", "въ области твоей", "храбри от брани", "стадо иже и распудивъ", "вькуси отъ брашьна", "яко на прельщение ему", "копахуть зелиинааго ради растения", "пребывахуть въ любви", "славословие съвръшаше", "правьдьникъ бо рече", "добрыими нравы", "обаче ищете", "дондеже паки будяше чьрньць искусьнъ", "от бога власть", "иде въ храмъ", "яже суть сии любодѣяния, татьбы и клеветы, праздьнословия, пияньство, братоненавидѣние", "приближаеть ся змии лукавый", "отъврьзи врата", "аще хощеши потрѣпи", "ради славословия", "христолюбивый князь", "отъ кладязя", "и за власы имъше", "вратаря възъвавъ", "до трии кратъ", "съподоби мя съобщьнику быти", "яздящю тому", "то стадо искоренити", "откуду есть сладость", "или хлѣбы пещи", "яко же вражию часть сущю", "мощьнъ есть пищю", "боголюбивый князь" и т.д.См. отрывок из связного текста "Жития Феодосия Печерского": "и никто же приходилъ къ тъгда же б(л)женыи призвавъ икономa подасть емоу гривьноу злата г(л) а. чьто г(л)еши брате анастасе. ако не имамъ чимъ коунити братии требованиѣа, нъ сице шьдъ коупи еже на потребоу братии" (Усп. сб.).

Придерживаясь норм древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка,древнерусские (и русские) книжники воспроизводят ее характерные черты. Поэтому в трудах, выражающих христианское мировоззрение (проповеди, поучения,жи-

тия и т.п.), древнерусских авторов, напр. митр. Илариона, К. Туровского, С.Владимирского, Л.Жидяты, Ф.Печерского, митр.Никифора, архиеп. Василия и т.д. староболгарские языковые средства употребляются регулярно как нормативные признаки использованной письменно-языковой системы.

Особенно показательным является употребление староболгарских языковых средств в светских сочинениях древнерусских (и русских) авторов, ь официально-деловой письменности, где представлена система письменно-литературной разновидности древнерусского (и русского) языка. В данном случае процесс заимствования староболгаризмов обуславливается определенными мотивами, напр. для обозначения новых понятий, реалий и т.п.,для достижения художественно-выразительного воздействия, для воспроизведения текста, когда приводятся цитаты из библейских источников, молитв, церковных служб и пр. Очень рано системы церковнославянского литературного языка (древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка и ее древнерусской и русской разновидности) и письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка начинают чередоваться в одном и том же сочинении в зависимости от предмета речи, от сюжета, от общественного положения персонажей и пр. Постепенно староболгарские языковые средства начинают использоваться в целях создания речевой характеристики духовных лиц, описания быта служителей культа, монахов, для достижения патетической тональности, лиризма, юмористического эффекта и т.д. Все эти целевые установки обуславливают активное использование различных слоев староболгарских слов на протяжении многих веков (почти тысячелетия), что определяет уникальный характер языка древнерусской и русской литературы и письменности (XI-XVIII вв.). Независимо от продолжающихся споров по вопросу о сущности и характере языка этой светской литературы и письменности, факты свидетельствуют о том, что рассматриваемый язык не совпадает с языком христианской, церковно-богослужебной и т.п. литературы, в которой находят выражение нормы церковнославянского литературного языка (т.е. древнерусской и русской редакции старсболгарского литературного языка и ее древнерусской и русской разновидности). Другое дело, что в светской древнерусской и русской литературе и письменности (XI-XVIIIвв.),

особенно в повествовательной, исторической и т.п., свободно и активно используются староболгарские языковые средства. Но мы уже подчеркивали, что в условиях контактных межъязыковых взаимостношений направление воздействия зависит особенно от статуса контактирующих языков, что в определенные периоды и в соответствующих условиях не чужой язык, а собственный язык народа, как пишет Э.Виндиш, подвергается смешению под влиянием чужого языка[359], что при двуязычии обычно "активным является заимствующий язык, а пассивным язык, из которого заимствуют"[360].

Развитие древнерусской и русской литературы и официально-деловой письменности (XI–XVIII вв.) обуславливает непрерывное расширение состава староболгарских лексических единиц, которые используются в разнообразных целях.

Так, в "Слове о полку Игореве" засвидетельствованы различные старсболгарские языковые единицы, напр. аз, аще, аки, багряный. Богородица, брань (в зн. битва), братия, брег, бремя, бо, величие, вельми, веселие, Владимир, власть, воззреть, возмутить, воспеть, вран, врата, время, глава, глаголать, глас, древо, един, жажда, жестокий, жребий, забрало, замышление, заутренняя, здравый, злато, златоверхий, златой, златокованный, злаченный, знамение, иже, изострить, изронить, искусить, испить, истягнуть, камо, крамола, между, младой, мужество, нощь, нужда, облак, послушь, преградить, преклонить, пяток, приходать, псбеда, пламя, расхитить, славий, сократить, страна, среди, сребро, храбрый, хощу, чрез и др. Все указанные староболгаризмы использованы наряду с обширными слоями праславянской, восточнославянской, древнерусской, тюркскй и др. лексики, напр. аже, аркучи, бдеть, бебрян, беда, бежать, без, бела,

---

359 **E. Windisch. Zur Theorie der Mischsprachen und Lehnwörter. Berichte über Sacnsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. , Bd. 49, 1897, p 101-126.**

360 Б. Гавранек. К проблематике смешения языков. – В: Новое в лингвистике. М., 1972, вып. VI, с.107.

белый, берег, бессв, бить, бог, богатый, бслван, бслогс, бслонь, борзый, боричев, борснь, бссый, бсярин, брат, брехать, Брячислав, буря, буссв, бывать, былина, быля, быстрый, быть, васильков, ваш, вежа, век, велесов, велеть, великий, венедици, вергнуть(ся), вережен, верх, веселый, вести, весь, ветер, вечер, веять, видеть, вино, вихрь, внук, вода, Волга, вслк, воля, вонзить, ворота, Всеволод, вскормить, всесть, высесть, выскочить, высоко, Вячеслав, галица, галичьский, галичь, Гзак, Глебовна, гнездо, говор, гсворить, голсва, гора, Гориславичь, горностай, город, городенъский, горячий, готов, готский и т.д. Любой отрывок из "Слова о полку Игореве" раскрывает восточнославянскую, древнерусскую языковую основу "Слсва" и заимствованный слой староболгарских слов, которые используются и в номинативном значении и как средство художественной изобразительности (как метафоры, эпитеты, сравнения и пр.): "Камо Туръ поскочяше своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя, поскепаны саблями каленымъ шеломы Оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде. Кая раны, дорога братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола" (Сл. полк.Игор.).

Отмечался уже сложный характер языка "Повести временных лет" (XI–XII вв., в списках 1377 г. и 1425 г.), в которой на фоне праславянской, восточнославянской, древнерусской лексической основы, напр., аче, богатый, бой, боронити, борсться, борошно, бсярин, боярский, боярец, веремя, веретено, вира, вода, воз, володеть, волость, ворог, ворон, ворота, вступить, веверица, ведро, веник, вено, вече, голод, голубник, город, горох, горсть, грамота, данник, двор, дворянин, деревянный, дом, дочка, жить, забороло, закуп, залечь, зверина, золото, золотник, креть, коледа, колодник, колодязь, куна, лапоть, лодья, мех, невод, норов, оборонить, сгородить, оконце, осромить, отрубь, паволока, перегнуть, печера, печь, поварна, поклеп, полонить, порог, посадник, продажа, робичичь, русь, свеча, скоморох, сором, середа, сорочка, стеречечь, сторона, узорочье и т.д., использован обширный староболгарский слой, напр. благая, болярин, брак, брань, брашно, виноград, властель, власяница, власть, враг, врата, время, вретище, воздати, возраст, возмужать, воспитать, глава, глаголать, глад, глас,

град, единовластец, жезл, забрало, досаждение, златник, злато, здание, искупить, кладязь, клевета, книжник, мужество, нашествие, непраздна, нрав, область, обещать, оградить, одежда, онуща, осрамить, пещера, пещь, пища, платно, пленение, пленник, победа, победить, посрамить, потреба, праздновать, праздный, праздник, предаться, прекладать, прельстить, прелюбодей, прелюбодеяние, препоясание, престоять, праг, просвещать, раб, рабыня, рабычищ, распря, реши, самовластец, самодержец, свеща, сребро, срамить, срам, среда, страна, соблазнить, совокупить, совет, сохранить, треба, тысящник, учитель, хлап, храбрый, цена, чревие, черноризец, шлем, ядение и т.д.

В донациональный период (XI-XVIII вв.), когда сохраняется ситуация билингвизма в письменно-литературной сфере, состав старославянизмов постоянно расширяется, как упоминалось, потому как оригинальная христианская и светская древнерусская и русская литература, так и переводная и оригинальная древнеболгарская и среднеболгарская литература получают широкое распространение. В таких трудах, как "Житие Дм.Ивановича", "Житие митр.Петра", "Житие Ст.Пермского", "Житие Серг.Радонежского", "Житие Варл.Хутынского", "Житие преп.Даниила", "Житие Мих.Клопского", "Житие прот.Аввакума",в"Похвальных словах и посланиях"М.Грека, в "Посланиях" Ф.Карпова, Корнилия, Спиридона-Саввы, инока Фомы, игумена Памфила, старца Филофея, в "Поучениях" митр.Петра, митр. Феогноста, митр. Даниила, Н.Сорского, в публицистике И.Волоцкого, В.Патрикеева, Ив.Пересветова, А.Курбского, Ив.Грозного, Авр.Палицына, в произведениях С. Полоцкого, К.Истомина, С.Медведева, Ф.Прокоповича, в летописях, напр. в "Воскресенской летописи", в "Никоновской летописи", во "Владимирском полихроне", в "Книге степенной", в повествовательной литературе, напр. в "Повести о взятии Царьграда", в "Повести о Московском взятии",в"Повести о Вавилонском царстве", в "Повести о Карпе Сутулове", в "Сказании о Магомете Салтане", в "Сказании о Тихвинской иконе", в "Хождении инока Зосимы", в "Хождении священноинока Варсонофия", в лексиконах Л.Зизания, П.Берынды, Ф.Поликарпова, в Азбуковниках, в "Домострое", в "Стоглаве" и т.д. представлен обширный массив старославянских слов, которые находятся на различных стадиях заимствования.

В московский период их употребление тоже зависит от использованных письменно-литературных систем. В христианской и примыкающей к ней великорусской (русской) литературе, в которой находят выражение нормы русской разновидности церковнославянского литературного языка, регулярное употребление староболгарских языковых средств определяется тем, что они являются нормативными единицами. В житиях, проповедях, поучениях, посланиях, хождениях и др. жанрах, относящихся в содержательном плане к христианской литературе, засвидетельствованы различные слои староболгарской лексики.

См., напр., небольшую часть состава староболгаризмов, использованных в "Житии С. Радонежского": "благодарим бога за премногу его благость", "глаголю же преподобнаго Сергиа", "млъчанию предати и в забытие положити", "нужда ми бысть распытовати", "яко же не мощно", "тяшько бремя понести", "аще бо азъ не пишу", "милости его благыя и благодати его сладкыя", "елико хощет", "мое неразумие вразумити", "прежде рождения его", "въ единъ от дний", "абие внезаапу младенець начят въпити", "яко драгый камень", "в среду бо и в пяток не приимаше ни от млека кравья", "алчень младенець пребываше", "пещь огньную угасиша", "ей агньца держати", "бысть законом естества", "вьниде въ храм молитвенный", "его же благословяеши и хвалословиши", "яко мати сущаа, яко чадолюбица", "иссушая плоть свою", "уже время свящати ю", "акы пръвый инокь, началообразный трудоположникъ", "на жребий праведных" и т.д.

В рассматриваемый период русская разновидность церковнославянского литературного языка (т.е. русская разновидность русской редакции староболгарского литературного языка или книжно-славянский тип русского литературного языка) расширяет свои жанровые рамки и сферы функционирования. Многие русские книжники сказывают предпочтение престижному языку христианской религии и используют его и в новых и в традиционных жанрах светской литературы (напр. в исторических, повествовательных, публицистических, драматургических, эпистолярных и т.д.). Это содействует дальнейшему расширению состава [illegible] староболгарских [illegible]

См., напр., в [illegible] "Повести [illegible] Московском"

многие премудрые", "аще и возбранящу ему сего беззакония", "родилася в законопреступлению и во сладострастию лютость", "о, храбръ, - глаголюще, - будет сей царь и мужественъ!", "еще во младости его, безчисленными плененными варварскими", "соединяетца во общение единъ благородный тогда юноша", "И якого царя? Юного, и во златострастиях и в самоволствии без отца воспитанного", "присовокупляет в помощь архиерея", "дивится обращению его и благочестию", "мужей разумных и ссверешенныхъ" "понеже не токмо богъ разумъ и даръ духа храбрости тогда подавал", "со оныя же предреченныя страны" и т.д.

См. и в "Повести о Карпе Сутулове": "в том же граде друг бысть велми богат", "аз тебе оставляю денег на потребу на что купити брашна", "даждь ми сто рублев", "у меня не доставшу сребра", "аще ты со мною сотворишь", "хотяше пребыти с нею", "она даде ему свою женскую срачицу", "в то же время прииде ко вратом пон", "благ господь, понеже подает ми безмерную и превеликую радость", "егда аз насыщуся и наслаждуся твоея красоты", "послышав от нея таковые глаголы", "и быша от срамсты яко мертвы", "и похвали ея целомудренны разум", "он возрадовася о такой премудрости жены своей" и т.д.

См. еще и в "Сказании Авраамия Палицына": "колико чудотворений показа нам богъ", " и испытах вся подробну составшихся иноковъ доброрассудительных и от всинъ благоразумных и ст прочих православных христьянъ", "напою жаждущая душа божественнаго словесе", "посла тогда к западным и к полунощным странамъ", "дышут сердца еретикъ злочестивых", "вся грады развращаютъ служащеи симъ", "всенощному же славословию... бысть", "боголюбивый же пастырь, архимарит Иасафъ, и весь священный соборъ", "не дастъ вам жезла на жребий свой господь", "абие устрашися злый враг кровопийца", "в нощь же о стражи градстей трезствоваху".

В русской светской литературе и письменности московского периода, в которой находят выражение нормы письменно-литературной разновидности русского (великорусского) языка, староболгарские слова используются в более ограниченном количестве. Их употребление во многом определяется образованностью книжников, авторов, их целевыми установками и пр.

См., напр., отрывки из "Задонщины": "беловерские ястреби рвахуся от златых колодиць на камена града Москвы", "занеже трава кровию пролита бысть, а древеса тугою к земли приклонишася", "Марья рано плакаша у Москвы града на забралах, аркучи тако", "уже бо поганые татары поля наша наступают, а храбрую дружину у нас истеряли", "Уже поганые оружия своя повергоша, а главы своя подклониша под мечи руские", "И трубы их не трубят, и уныша гласи их" и т.д.

См. отрывки из "Повести об Азовском осадном сидении донских казаков": "яко звери воют страшны над главами нашими розными голосами", "ни в каких странах ратных таких людей не видали мы", "как от века не наполните своего чрева гладного? Кому приносите такие обиды великие?", "наступили есте вы на такую великую десницу высокую, на государя царя турсково","у царя взяли любимую цареву вотчину славной и красной Азов град и рыбный двор", "так питаемся подле море Черное, а злато и сребро емлем у вас за морем – то вам самим ведомо", "а мы люди божии, а холопи государя царя московского, а се нарицаемся по крещению православные крестьяне" и т.д.

См. и отрывки из "Службы кабаку": "Что тя наречем, кабаче? Река ли еси быстрая, но понеже бе на тебе время нощное", "изучился красти, по миру ходя, малсумны рабе, и непослушливы делателю бесснания, ты наготу кабацкую понесл еси", "блажен еси, яко никакова тебе скорбь не может от пития разлучити, ни тебси, ни посушники, ни глад, ни срам, ни родивших тя журбы", "на малой вечерни поблаговестим в малые чарки, также позвоним в толоконушки пивишка" и т.д.

Итак, в эпоху Средневековья, когда религиозная идеология занимает ведущие позиции в общественной жизни древнерусской и великорусской народности, и язык христианской религии доминирует в языковой ситуации Киевской и Московской Руси. В этих условиях процесс заимствования старославянских языковых средств (и языковых образцов богослужебных) протекает активно, в широком диапазоне, без специальной регламентации и нормализации. Это определяет разнородный характер языка многих светских сочинений, в которых языковая норма представлена в нестабилизирован-

б) К XVIII в., когда начинается формирование единой системы русского литературного языка, а церковнославянский язык постепенно сужает сферы функционирования и замыкается в рамках культа, когда получает широкое распространение светская демократическая литература, а наряду с ней и труды А.Д. Кантемира, В.К.Тредиаковского, М.В.Ломоносова, Н.М.Карамзина, А.С.Пушкина и других выдающихся деятелей русской культуры XVIII - начала XIX в., посвященные проблемам нормализации русского литературного языка, начинается процесс урегулирования и состава староболгаризмов.

Анализ состава лексики трех академических словарей: "Словарь Академии Российской (ч.I-VI, СПб., 1806-1822 гг.)", "Словарь церковнославянского и русского языка" (т.I-IV,СПб., 1847) и "Словарь современного русского литературного языка" (т.I-XVII, М.-Л., 1950-1965) и языка сочинений различных русских авторов XVIII-XX вв. показывает значительное сокращение состава староболгаризмов в лексике русского литературного языка, в которой сохраняются в общей сложности около 10 000 староболгарских слов, представленных по-разному в русской лексике XVIII, XIX и XX вв.

Наблюдения над составом староболгаризмов, которые выходят из употребления, показывают, что это в основном три категории слов: а) окказиональные, сугубо книжные, мало доступные лексические единицы, которые в предшествующий период используются редко, напр. аеропарный, басночревный, бесплищный, благоискушествовати, благопищный, благоплеменство, богозданный, боголукавый, ветротление, вовращися, возалкатися, власожелинный, глубокоустный, гобзие, гонзание, гордоумие, готовословитися, и т.д.; б) староболгарские слова, тоже редко употребительные в предшествующий период, у которых имеются в русском языке общеупотребительные лексико-семантические эквиваленты, относящиеся к конкретно-бытовой действительности, напр. бара (и лужа, болото), белег (и знак; шрам; клеймо, ярлык), бележити (и клеймить; отмечать), блатина (и болотина), блещание (и блеск), брадва, брады (и топор, секира), брав (и баран), бубрег (и почка), брысало (и полотенце), вапа (и лужа; залив; озеро), вилица (и вилка), винарь (и торговец вином, виночерпчий), главня (и головня), госпожда (и госпожа), гради-

на (и сад, огород; кустарник), ляща (и чечевица) и т.д.; в) староболгарские слова, выходящие из употребления вместе с понятиями, которые они обозначают, напр. августалиев (относящийся к августовский), веще (и вече), властель (и волостель), кумирница (языческий храм; место, где находятся идолы), кущепочтение (праздник переселения в кущи, в хижины), луща (и копье), манихеяне (еретики, последователи одной из христианских сект), маркиане (еретики, последователи другой из христианских ересей), местник (судья; должностное лицо в христианской церкви), междуречник (житель Месопотамии), повестель (и проповедник), прак (и порок, стенобитное орудие) и т.д. Свыше 8000 подобных староболгарских слов не проникают в состав лексики единого русского литературного языка XVIII–XX в. А.С.Пушкин подвергает староболгаризмы отбору и привлекает наиболее употребительные или художественно значимые, стилистически маркированные. Анализ лексики, представленной в "Словаре языка Пушкина" (т.1–4, М.,1956–1961), показывает, что он не использует такие староболгарские слова, как абие, агня, алкота, алча, аще, багряничный, баралище, баснословие, безбрадный, безбрашный, безгласие, беззаконствовать, благонравство, благопотребный, богоборный, боговидец, велеречить, великогласный, возбуяние, говяда, гордоумие, деломерный, дерзостить и т.д.

Регламентации процесса сокращения определенной части староболгарских слов появляются в XVIII – XIX вв. Так, напр., М.В.Ломоносов, как отмечалось, исключает из системы лексики русского литературного языка неупотребительные и весьма обветшалые речения, напр. обоваю, рясны, овогда, свене и сим подобные" (Предисловие о пользе книг церковных в российском языке). А.А. Бестужев (Марлинский) пишет по поводу использования средств языка религии: "Употребляем звучные слова,напр., вертоград, ланиты, десница, но оставляем червям старины семо и овамо, говяды и тому подобные"[361]. Регламентация осуществля-

---

[361] А.А.Бестужев (Марлинский). Замечания на критику... касательно "Опыта краткой истории русской литературы" – Сын отечества. СПб., 1822, ч.77, № 20, 262–263.

ется и в академических словарях русского литературного языка, в которых староболгарские неассимилированные слова обозначаются пометами типа "церк" (церковнославянское слово), "в церк. кн." (употребительное в церковных книгах)" и т.п.

В состав лексики русского литературного языка проникают в основном три категории слов: а) староболгаризмы, которые обязаны своим проникновением в систему лексики русского литературного языка потребностями его в средствах для выражения определенных, необходимых для речевого коллектива понятий, новых предметов, явлений и т.д., напр. алкать, ангельский, багряница, благодать, благоговеть, благословлять, благодать, богиня, буква, вещь, виноград, власть, вселенная, владыка, возбуждать, воскресение, время, вражда, гражданин, добровольный, досаждать, единица, единственный, еретический, жребий, жрец, законоучитель, зрение, злодейство, извещение, издание, изложение, искусить, количество, крамола, крещение, лицемер, мрак, между, надежда, облак, преграждать, прелесть, раб, черноризец, член, юноша и т.д.; б) староболгаризмы, которые дополняют семантическую структуру соответствующих русских слов новыми значениями, напр. власть (и волость), гражданин (и горожанин), здравый (и здоровый), издать (и выдать), исходить (и выходить), искоренить (и вырвать с корнем), исполнять (и выполнять), краткий (и короткий), невежда (и невежа), ограждать (и огораживать), преграда (и перегородка), предать (и передать), прах (и порох) и т.д.; в) староболгаризмы, которые занимают определенные позиции в книжной речи, а русские соответствия – в народно-разговорной, диалектной или просторечной, напр. алкать (и голодать), бремя (и беремя), вред (и веред), враг (и ворог), влачить (и волочить), мощь (и мочь), мощный (и мочный), немощь (и немочь), одежда (и одежа), плен (и полон), праздный (и порожний), рождать (и рожать), трезвый (и тверезый), чуждый (и чужой) и т.д.

В XVIII–XX вв. постепенно обособляются на периферии системы лексики русского литературного языка обширный слой староболгарских слов, у которых имеются общеупотребительные лексико-семантические эквиваленты, являющиеся общенародными слова, характеризующиеся регулярностью употребления в речи,

ункциональной и деривационной активностью, см.: аз - я, аг-
ец - ягненок, блато - болото, браздить - бороздить, бразда -
орозда, власы - волосы, выя - шея, врата - ворота, горний -
ерхний, глас - голос, град - город, глава - голова, днесь -
егодня, длань - ладонь, злато - золото, кладезь - колодезь,
ладый - молодой, нощь - ночь, озлатить - озолотить, праг -
орог, понеже - так как, тысяща - тысяча, хлад - холод и т.д.
тароболгарские слова не выпадают из системы лексики русско-
о литературного языка, потому что они обособляются как сти-
истически маркированные лексические единицы, которые служат
усским художникам слова выразительным средством для создания
удожественной изобразительности. В связи с этим можно вспом-
ить рассуждения Н.В.Гоголя, который пишет о русском языке:
он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеми-
утно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка цер-
овно-библейского, а с другой стороны, выбирая на выбор мет-
ие названия из бесчисленных своих наречий, имея возможность
аким образом в одной и той же речи восходить до высоты, не-
ступной никакому другому языку, и спускаться до простоты..."[362]

Судя по данным "Словаря языка Пушкина", в котором пред-
тавлены около 21 300 слов, А.С.Пушкин использует свыше 3 000
тароболгаризмов, среди которых особое место занимают рассмат-
иваемые стилистически маркированные старобoлгарские слова,
пр. аз, агнец, брада, брадатый, бразда, брег, брань (война,
ажение), вежды, влачить, воздать, вран, врата, выя, глад,
агол (слово), глаголать, глас, град, днесь, длань, древо,
ико, здравие, зиждать, златиться, злато, колико, куща, ла-
та, лобзать, младой, младость, млат, мраз, нощь, полнощь,
аг, пред, рыбарь, славий, сребро, сребриться, страж, стегна,
ещник, хлад, хладный, юдоль, яко и т.д.

В современном болгарском литературном языке не пред-
авлен слой окказиональных, сугубо книжных, мало доступных
ов типа аеропарный, арианствовати, баснечревный и т.п.,

---

[362] Н.М.Гоголь. В чем же наконец существо русской поэзии.-В: Полное собрание сочинений. М.-Л., 1947-1952, т.VIII, с. 408.

слова, обозначающие исчезнувшие предметы, явления и т.д., на
веще, забрало, пращник, и др., а также слова, вытесненные п
различным причинам синонимами, напр. виноград – лозе (и гро
де), вертоград – градина, выя – шия, прапор – знаме и др. В
остальные группы слов, рассмотренных здесь, в том числе и с
ва, оставшиеся на периферии системы лексики русского литера
турного языка, напр. аз, агнец, брег, врата, днесь, длань,
един, есень, злато, здравие, кладезь, куща, младый, мраз, мле
млеко, нощь, обаче, понеже, праг, плещи, рыбарь, хлад, хлад
чрево и т.д., а также слова, не употребительные в русском л
тературном языке (XVIII–XX вв.), напр. брадва, бреза, бубре
(бъбрек), возглавница (възглавница), вретено, гащи, главня,
говядарь (говедар), говяждий (говежд), делва, дивий, (див),
бец, жребица, звонец (звънец), зидарь (зидар), зиждати (съ
дам), златарь, зрак, извор, изгарати (изгарям), изгнилый,
нести (изнеса), клада, крава, краварь, крадение, крак, кра
кралица, краста, мащеха, нощвы, омраза, паница, полунощь, р
(ръжда), сажда (сажди), свещник, утре, хлебарь, яздити (язд
яхати (яхам) и т.д., в болгарском литературном языке остают
общеупотребительными, стилистически нейтральными лексически
единицами. Именно этот лексический слой характеризует разли
и систем лексики древнеболгарского и древнерусского языка.

Обобщая, следует подчеркнуть, что состав староболга
ских слов в лексике русского литературного языка на разных
этапах его исторического развития меняется в зависимости от
места церковнославянского литературного языка (с его двумя
новидностями) и древнерусского и русского языка (с его писк
но-литературной разновидностью) в общественной жизни древне
ской и великорусской народности и русской нации.

Общее направление процесса представлено как постоян
нарастание состава староболгарских слов в донациональный пе
од (XI–XVII вв.), когда церковнославянский язык занимает до
нирующие позиции в социальной йерархии языковой ситуации,
постепенное сокращение состава определенных староболгарски
ксических единиц в национальный период (XVIII–XX вв.), когд
единый русский литературный язык становится общенациональн
основной системой письменно-литературного выражения. Проце
сокращения состава староболгаризмов сопровождается дальней

семантической и функцио[illegible]ической специализ[illegible]
тароболгарских слов, к[illegible] в составе лексики
усского литературного языка, и расширен[illegible] системных связей
остальными лексическими единицами.

IV. Классификация староболгарских слов в лексике русского литературного языка

Староболгаризмы в лексике русского литературного языка могут быть классифицированы на базе различных принципов, которые в отдельных случаях неизбежно пересекаются, потому что многие классификационные аспекты невозможно представить в чистом виде. Принимая во внимание это, мы могли бы предложить классификацию староболгаризмов и определить их типы на основе нескольких принципов.

а) Хронологический. На основе хронологического принципа, который учитывает хронологию возникновения и распространения староболгаризмов, в их составе разграничиваются три слоя.

Первый. Это древнейший слой, засвидетельствованный в сохранившихся древнеболгарских рукописях X–XI в., напр. алчать (Супр.), благовестить (Мар.), ваяние (Супр.), великодушный (Супр.), властелин (Супр.), влачить (Супр.), вопрос (Евх.), гражданин (Супр.), грехопадение (Син.), дерзновение (Супр.), дольний (Супр.), епископский (Супр.), единство (Евх.), жертвенный (Супр.), жупел (Зогр.), законоположение (Супр.), исповедание (Супр.), коварство (Супр.), мужественный (Супр.), настоящий (Клоц.), освещение (Супр.), обогащать (Евх.), одежда (Мар.), причастие (Супр.), преображение (Мар.), раб (Мар.), храна (Супр.), существо (Евх.), терзание (Супр.), троица (Клоц.), увещание (Супр.), юг (Супр.) и т.д.

Второй. Это тоже древнеболгарский слой, но он засвидетельствован первоначально в древнерусских списках с древнеболгарских переводных и оригинальных памятников, напр. антихристов (Златостр. XII в.), безделие (Пат.Син.), благовестник (Панд.Ант.XI в.), благотворение (Панд.Ант.XI в.), богохульный (Тихир. XII в.), богословие (Панд.Ант.XI в.), возвышаться

(Ев. 1164 г.), возвеселиться (Пресв.Козма), граматик (Гр.Н XI в.), доброумный (Пресв.Козма), душевредный (Мин. 1096 г единогласно (Мин. 1096 г.), единоначалие (Мин.Новг.), злат точивый (Мин.1097 г.), изобразить (Мин. 1096 г.), искушени (Пат.Син.), лихоимство (Пресв.Козма), непреходящий (Пресв. Козма), поповство (Пресв.Козма), равноденный (Ио.екз.Шест. резание (Храбр), самородный (Ио.екз.Бог.), чудотворство (И екз.Бог.) и т.д.

Третий. Это более поздний, среднеболгарский (старо гарский) слой, представленный первоначально в переводной оригинальной болгарской литературе среднеболгарского перио (XII-XVI в.), засвидетельствованный в различных старорусск списках, напр. благоприступный (Гр. Цамбл.), безгласно (Н Панд.), гладость (Никон.Панд.), добротворение (Никон.Панд. зверообразный (Ман.Хр.), звездосмотритель (Мин.Хр.), злато трубный (Ман.Хр.), крепкорукий (Ман.Хр.), лакомствовать (Н кон.Панд.), мечка (Никон.Панд.), миролюбный (Гр.Цамбл.), рицание (Никон.Панд.), пропудить (Добр.ев.), толкователь Цамбл.) и т.д.

б) Генетический. Классификация староболгарских сло с точки зрения их генезиса предполагает принятие во внима их первоисточника. На основании подобного подхода можно ви делить тоже три слоя староболгаризмов.

Первый. Лексические единицы, возникшие на праславя ской основе, которые на древнеболгарской почве были подвер нуты определенным фонетическим, словообразовательным и др. изменениям, характерным для древнеболгарского языка, напр. агнец (Син.), аз (Супр.), блуждение (Супр.), бразда (Син.) вещь (Ассем.), власть (Мар.), вождь (Евх.), возвращение (Супр.), глава (Сав.), гласовать (Клоц.), длань (Супр.), е ва (Супр.), единодушный (Супр.), жребий (Супр.), издыхание (Евх.), испустить (Зогр.), крамола (Супр.), лакоть (Зогр.) мощный (Супр.), мрак (Супр.), надежда (Супр.), невежда (Ох новорожденный (Супр.), нужда (Зогр.), облако (Син.), облас (Зогр.), обращать (Супр.), обременять (Супр.), общество (Супр.), община (Супр.), одежда (Мар.), освещать (Супр.), освящение (Евх.), пещь (Супр.), пещера (Сав.), плевел (Зо

плен (Син.), праздник (Клоц.), превращать (Ен.), равный (Мар.), рыбарь (Зогр.), храм (Зогр.), хранить (Клоц.) и т.д.

Второй. Дериватные образования на основе греческих, латинских, еврейских и т.п.слод, засвидетельствованных первоначально на древнеболгарской языковой территории, напр. адамов (Супр.), адский (Супр.), ангельский (Супр.), апостольский (Супр.), вавилонский (Сав.), варварский (Ман. Хр.), винарь (Мар.), греческий (Супр.), демонский (Евх.), дьяконство (Евх.), евангельский (Клоц.), еврейский (Сав.), еретичество (Пресв. Козма), идолослужение (Охр.ап.), иерейство (Супр.), иконоборский (Гр.Цамбл.), комкание (Супр.), комкать (Евх.), манный (Лев.), патриаршеский (Супр.), патриаршество (Супр.).

Третий. Праболгарский субстратный слой (лексические единицы и дериватные образования на их основе), который представлен первоначально в древнеболгарской и староболгарской языковой зоне в языке славяноболгарской (болгарской) народности, напр. бисер (Сав.), белег (Ман.хр.), болярин (Супр.), болярский (Супр.), болгарский (Храбр.), болгарин (Бит.надп.), буберг (Никон. Панд.), былие (Супр.), ваяние (Супр.), изваять (Супр.), делва (Ман.Хр.), капище (Супр.), капищница (Супр.), ковчег (Зогр.), кощуна (Пресв.Козма), книжник (Зогр.), книжный (Супр.), кумир (Супр.), кумирница (Супр.), печатлеть (Супр.), сан (Супр.), суета (Син.), суетный (Изб.1076 г.), чертог (Супр.), чертожник (Юр.ев.), шарение (Усп.сб.), шареный (Супр.), шаречий (Супр.) и т.д.

в) Ареальный. Ареальный принцип классификации староболгарских слов предполагает выдвижение на первый план территории их первоначального распространения. С этой точки зрения в составе староболгаризмов разграничиваются тоже три слоя.

Первый. Лексические единицы, засвидетельствованные первоначально в древнеболгарской языковой зоне, напр. алчный (Супр.), болезненный (Супр.), величие (Ассем.), величавый (Супр.), внушить (Син.), внешний (Супр.), волшебный (Супр.), вооружить (Зогр.Л.), воплощение (Евх.), вопреки (Супр.), вопрос (Евх.), вразумить (Син.), врачебный (Супр.), временный (Ен.), вещество (Супр.), движение (Супр.), воздвижение (Ассем.), недвижимый (Клоц.), действенный (Супр.), священнодействовать

(Ман.хр.), добродетель (Ман.хр.), добронравный (Пат.Син.), доброчестивый (Супр.), достояние (Ассем.), естественный (Супр.) жертва (Клоц.), жертвенный (Супр.), жилище (Супр.) и т.д.

Второй. Лексические единицы, засвидетельствованные первоначально в южнославянской языковой области. Все слова данного типа получили первоначальное письменное выражение в памятниках древнеболгарской письменности X–XI вв. Вместе с ее распространением многие из них проникали в русский литературный язык. См.: брак (Зогр.), брачный (Мар.), бренный (Супр.), багрить (Супр.), багряный (Остр.ев.), багряница (Супр.), багрянородный (Ман.хр.), вертеп (Клоц.), влагать (Зогр.), властелин (Супр.), властолюбивый (Ман.хр.), врач (Зогр.), волхв (Супр.), верховный (Ассем.), вратарь (Супр.), десный (Мар.), десница (Зогр.), доблесть (Супр.), действовать (Супр.), древодельский (Гр.Наз. XI в.), единство (Син.), единение (Супр.), единодушный (Супр.), ожесточение (Супр.), жрец (Супр.), зидать (Пресв.Козма), здание (Клоц.), создание (Супр.), призвание (Супр.), изгнание (Мар.), истукан (Син.пр.) и др.

Третий. Лексические единицы, употребительные в болгарском литературном и народном языке на разных этапах его исторического развития, которые известны и некоторым другим славянским языкам. В русском литературном языке, несмотря на то, что у них были общеупотребительные лексико-семантические соответствия, они удержались более продолжительное время в употреблении под воздействием древне (и старо) болгарской традиции (и в различных словарях XVI–XX вв. отмечались как церковнославянизмы). См.: бесный (Зогр.) и бешеный, выя (Зогр.) и шея; десный (Зогр.) и правый; десница (Зогр.) и правая рука; доить (Ассем.) и кормить (грудью); зеница (Син.) и глаз, зрачок; зелие (Зогр.) и трава, растение; зрак (Супр.) и образ, вид.свет; злак (Син.) и зелень, трава, растение; мастить (Евх.) и мазать, умащать; око (Мар.) и глаз; плоть (Мар.) и тело; пастырь (Зогр.) и пастух; рамо (Супр.) и плечо; рало(Мар.) и соха; рыбарь(Зогр.) и рыбак; шуица (Зогр.) и левая рука и т.д.

г) Лингвистический. Классификация староболгарских слов с точки зрения лингвистической учитывает определенные языковые признаки, характерные для древне (и старо) болгарского языка (фонетические, грамматические, словообразовательные, семанти-

ческие, стилистические и т.д.) на основе таких признаков разграничиваются четыре слоя староболгаризмов.

Первый. Лексические единицы с характерными для древне (и старо) болгарского языка фонетическими признаками. См.: аз (Супр.), бремя (Супр.), влага (Супр.), влачить (Супр.), вождь (Евх.), вратник (Мар.), вред (Супр.), вредить (Супр.), время (Клоц.), вретище (Син.), вражда (Клоц.), враг (Клоц.), восхищение (Син.), главный (Евх.), глашать (Зогр.), древо (Ассем.), завещать (Зогр.), здравый (Зогр.), крамола (Супр.), мрак(Супр.), мощи (Супр.), мощный (Супр.), надежда (Супр.), нрав (Супр.), нужда (Зогр.), область (Зогр.), общий (Супр.), предел (Сав.), предатель (Зогр.), рождение (Мар.), сладость (Супр.), сокращать (Супр.), срам (Супр.), трезвый (Супр.), юноша (Евх.), юный (Супр.), юнец (Мар.) и т.д.

Второй. Лексические единицы, характеризующиеся наличием, некоторых словообразовательных и грамматических признаков,свойственных древне (и старо) болгарскому языку. См.: бесплодный (Супр.), беспомощный (Прем.Солом.), бессмертие (Супр.), безбоязненный (Усп.сб.), возбуждать (Супр.), возвращаться (Мар.), возвышать (Супр.), воздвижение (Сав.), возмужать (Супр.), возраст (Супр.), воспитание (Супр.), воспоминание (Син.), восток (Супр.), грядущий (Сав.), жизненный (Супр.), избегать (Евх.), извещение (Супр.), издать (Супр.), изливать (Евх.), изменять (Супр.), изобретать (Супр.), искусный (Супр.), превозносить (Мин.1096 г.), превышний (Супр.), преграждать (Супр.), предание (Зогр.), предложение (Зогр.), предписание (Супр.), предтеча (Евх.), различие (Супр.), разлучать (Ассем.), размышление (Супр.), разум (Супр.), разумный (Мар.), расстояние (Изб. 1073 г.), рассуждать (Мар.) и др.

Третий. Лексические единицы, которые с точки зрения понятийно-тематической и предметно-логической относятся к сферам христианской религии, богослужения, церковного быта. См.: алтарница (Толк.лит.), благовещение (Супр.), богоборец (Супр.), богословие (Панд.Ант. XIв.), владыка (Клоц.), владычество (Мар.), говеть (Супр.), грехопадение (Син.), дьяконник (Служ.Варл.XII в.), евангельский (Клоц.), ересный (Усп. сб.), еретический (Супр.), жертвенник (Мст.), живтворец

(Ассем.), хрец (Супр.), иконоборский (Гр.Цамбл.), иноческий (Супр.), искус (Супр.), исповедание (Супр.), исповедник (Супр.), исповедь (Пресв.Козма), креститель (Ассем.), крещение (Супр.), лжемонах (Ефр.Сир.), молитвенник (Син.), молитвенный (Супр.), монастырский (Супр.), мощи (Супр.), мученица (Сав.), мясопуст (Сав.), мироносица (Остр.ев.), миротворец (Панд.Ант. XI в.), оглашение (Супр.), отлучение (Супр.), помазанник (Син.), распятие (Сав.), святость (Супр.), священник (Евх.), треба (Супр.), требник (Супр.) и т.д.

Четвертый. Кальки и книжные образования, засвидетельствованные первоначально в древне (и старо) болгарской письменности. См.: бездна (Зогр.), безбожный (Супр.), беззаконный (Син.), бесстрастие (Супр.), благодарить (Супр,), благодать (Мар.), благодушие (Евх.), благоприятный (Супр.), благородие (Супр.), благословлять (Зогр.), благотворить (Зогр.), благоухание (Евх.), богоявление (Супр.), великодушный (Супр.), величание (Супр.), вертоград (Мар.), виноград (Супр.), восток (Супр.), добродетель (Панд.Ант.XI в.), добродеяние (Супр.), достоверный (Супр.), естество (Супр.), единодушный (Супр.), законодатель (Пресв.Козма), законоучитель (Ассем.), законопреступник (Син.), залог (Ио.экз.Грам.), злонравный (Супр.), злословить (Мар.), местоимение (Ио.экз.Грам.), милосердие (Мар.), общество (Супр.), пророк (Мар.), пророческий (Мар.), сострадание (Пат.Син.), тождество (Изб.1073 г.), целомудрие (Евх.), человеколюбие (Супр.) и т.д.

Указанные типы староболгарских слов в лексике русского литературного языка раскрывают многообразие и специфику старославянизмов.

Итак, древнерусская и русская редакция староболгарского литературного языка (собственно церковнославянский литературный язык) является одним из важных источников пополнения лексических ресурсов русского литературного языка.

Процессы заимствования староболгарских слов, которые сопровождаются сложными процессами их взаимодействия с русскими лексико-семантическими эквивалентами, протекают на протяжении многих веков.

Глава пятая

ДРЕВНЕРУССКАЯ И РУССКАЯ РЕДАКЦИЯ СТАРОБОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (СОБСТВЕННО ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК) - ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ПОПОЛНЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Изучение староболгарских традиций в истории русского литературного языка раскрывает тоже и их большую роль в расширении его стилистических ресурсов, в обогащении стилистических и функционально-стилистических маркированных средств, в установлении многообразных стилистических отношений, в увеличении состава и компонентов синонимических рядов, в развитии экспрессивных и художественно-выразительных возможностей и т.д. Следует подчеркнуть, что русский литературный язык, как и всякий развитой язык с длительными письменно-литературными традициями, обладает богатыми и разнообразными выразительными возможностями, в том числе и стилистическими. Стилистические ресурсы, как известно, имеются на всех уровнях языковой системы. Но особенно важным, значимым источником стилистических ресурсов является лексика.

Изучение стилистических ресурсов лексики (как и других уровней языка) предполагает описание экспрессивных возможностей ее единиц. Таким образом, объект описания - это лексические единицы, а предмет описания - их стилистическая окраска, их дифференциация по функционально-коммуникативным типам речи, их различия в образных и экспрессивно-оценочных компонентах, их экспрессивные функции, стилистические эффекты, которые обнаруживают себя в речевых актах, в синтагматическом плане.

Стилистические ресурсы лексики современного русского литературного языка рассматриваются в различных трудах по стилистике. Менее исследованным является исторический аспект

этой проблемы – формирование и развитие стилистических ресурсов, стилистических средств языка. Именно с этим историко-динамическим аспектом теснейшим образом связаны старославянизмы, которые изучаются как один из источников пополнения стилистических ресурсов лексики русского литературного языка.

Следует подчеркнуть, что важнейший источник стилистических ресурсов – это язык народа и нации с его основными подсистемами (письменно-литературной, диалектной, народно-разговорной). Но с точки зрения истории формирования стилистических ресурсов лексики русского литературного языка особое значение имеют и другие источники.

Другим важным источником пополнения стилистических ресурсов лексики русского литературного языка оказался церковнославянский литературный язык (древнерусская и русская редакции староболгарского литературного языка).

Но вопрос о стилистических ресурсах церковнославянского и русского языков является настолько многогранным, что трудно поддается однозначной интерпретации. Поэтому материал изучается на основе более или менее установленных подходов. Независимо от различий в определениях, оценках, терминах и классификациях, распространенным является подход отнесения к стилистическим ресурсам лексики: а) средства словесной образности, б) синонимические средства, в) разряды стилистической окрашенной лексики, г) разного рода слои лексики ограниченного употребления.

В синхронном плане различные аспекты этих проблем исследуются в работах многих авторов (О.С.Ахмановой, Ю.А.Бельчикова, В.В.Виноградова, Г.О.Винокура, Т.Т.Винокур, И.Р.Гальперина, П.Н.Денисова, В.Г.Костомарова, А.И.Ефимова, М.Н.Кожиной, Е.Ф.Потрищевой, О.В.Сиротининой, Ю.С.Сорокина, Д.И.Шмелева и т.д. Менее исследованным является диахронический аспект, вопрос о формировании и эволюции стилистических ресурсов, в том числе и староболгарских языковых средств. До сих пор эти средства изучались главным образом с точки зрения их стилистических функций в стилях художественной и публицистической речи XVIII–XX вв. (напр. работы К.А.Аксакова, В.В.Анохиной, В.В. Виноградова, Г.О.Винокура, Л.Граудиной, Е.А.Голубевой, В.В.

Замковой, И.С.Ильинской, Е.М.Иссерлин, Т.Н.Кандаурсвой, Ф.А. Краснова, Н.А.Левашевой, В.Д.Левина, М.А.Максимовича, В.И. Максимова, Е.А.Маргарян, Е.Н.Мансветовой, С.И.Обнорского, О.Г.Прохоровой, О.В.Творогова, У.С.Улуханова, Ф.П.Филина, П.Филковой, Р.М.Цейтлин, Е.Т.Черкасовой, Л.П.Якубинского и др.). Слабо изученными остаются вопросы о составе староболгарских слов, которые пополняют стилистические ресурсы русского литературного языка, о их стилистических функциях и приемах их употребления в различных стилях с точки зрения сохранения и развития традиции. Поэтому из широкого круга проблем, связанных с изучением роли староболгарских лексических единиц в пополнении стилистических ресурсов лексики русского литературного языка, в работе отбираются именно указанные менее изученные вопросы.

Предварительно следует уточнить некоторые основополагающие понятия и термины, относящиеся к проблеме о стилистических ресурсах, которые характеризуются своим сложным и дискуссионным характером. Различные единицы языковой системы, которые представлены в фонетике, лексикологии, словообразовании и грамматике, обладают и экспрессивными возможностями, стилистической значимостью. В связи с этим при изучении стилистических ресурсов лексики возникает необходимость в уточнении таких понятий и терминов, как стилистическая окраска, стилистическое значение, стилистическое средство, стилистическая функция, стилистический прием. Учитывая их дискуссионный характер, здесь указываются только на такие определения, которые воспринимаются в нашей работе.

Стилистическая окраска. Стилистическая окраска[363] характеризует лексические и другие средства, элементы языка в их системной организации, где она становится показателем их экспрессивно-оценочной и функционально стилистической диффе-

---

363 А.Н.Кожин, О.А.Крылова, В.В.Одинцов. Функциональные типы русской речи. М., 1982, с.69-80; Б.И. Хсванская. Стилистика французского языка. М., 1984, с. 95-176 и др.

ренциации. Она реализуется в актах коммуникации и играет с
щественную роль в создании различных стилистических эффект

Стилистическая окраска является синтезом двух осно
ных видов стилистической окраски: а) экспрессивно-эмоциона
но-оценочной, раскрывающей дополнительные экспрессивные, э
циональные и оценочные свойства лексического (вообще лингви
стического) средства, и б) функционально-стилевой (или фун
ционально-стилистической), указывающей на область обществе
ного применения лексического (вообще лингвистического) сре
ства.

Представляется целесообразным мнение о том, что эк
прессивно-эмоционально-оценочная окраска составляет часть
лексического и грамматического значения слов. Но мы учитыв
и то, что экспрессивные, эмоциональные и оценочные окраски
могут быть квалифицированными в некоторых случаях как рече
ми, индивидуальными, контекстно обусловленными.

Природа функционально-стилевой окраски иная. Эту ок
раску слова (и другие языковые средства, элементы) приобре
ют в процессе их применения в различных сферах общественной
деятельности.

В таком смысле стилистической окраской будем счита
экспрессивно-эмоционально-оценочные и функционально-стилев
свойства лексической единицы (шире - лингвистического сред
ства), включенные в ее основное, предметно-логическое и гр
матическое значения.

Стилистическая окраска относится, по-видимому, к ко
нотативным явлениям, которые не только указывают на предмет
но и несут в себе обозначение их отличительных свойств. В д
ном случае нельзя не согласиться с интерпретацией З.И.Хован
ской, воспринявшей более широкую трактовку коннотации. При
этой более широкой трактовке коннотация связывается не толь
ко со стилистической окраской, но и со стилистической функ
цией, с областью речевых эффектов. Следовательно, если в ка
честве основополагающих будут восприняты понятия "стилисти
ческая окраска" и "стилистическая функция", то коннотация
явится объединяющим, более широким понятием.

Необходимо добавить, что стилистическая окраска лекс

ческих единиц выделяется на фоне стилистически нейтральной. К стилистически нейтральным относят такие лексические (и вообще языковые) единицы, которые используются в различных сферах и условиях коммуникации при отсутствии стилистической окраски. Это общеупотребительные слова типа: вода, дом, мать, хлеб, говорить, читать, писать, белый, добрый, старый, два, десять и т.д. В употреблении, в речи нейтральные лексические единицы могут приобретать стилистические окраски, стилистическую значимость. В узусе происходит в некоторых случаях как нейтрализация стилистических окрасок, так и их видоизменение при "столкновении" единиц - разных стилистических (а также стилистических нейтральных) окрасок.[364]

Стилистическое значение. При определении понятия стилистического значения необходимо учитывать важные соображения некоторых исследователей. Д.Н.Шмелев считает, что "значимым в слове является не только его "предметное" значение (понятийное содержание), но и его экспрессивно-стилистическая окраска в широком смысле"[365]. Т.Г.Винокур обращает внимание на то,что "... стилистическое значение образуется на точке пересечения эмотивной окраски и функции слова и отличается не индивидуальным, а устойчивым, групповым употреблением", что "... стилистическое значение следовало бы определить как единицу узуса"[366]. Н.М.Разинкина определяет стилистическое (по ее терминологии - эмоциональное) значение "как способ реализации понятия в слове. Эмоциональное значение реализует выражение самых эмоций, ощущений, вызванных фактами окружающего нас мира"[367]. М.Н.Кожина указывает на то, что "Понятие стилистического значения близко понятию стилистической окраски с той, правда, разницей, что первое характеризуется более постоянной значи-

---

364 М.Н.Кожина. Стилистика русского языка..., 1983, с.35

365 Н.Д.Шмелев. Проблемы стилистического анализа лексики. М., 1973, с.254.

366 Т.Г.Винокур. О содержании некоторых стилистических понятий. - В кн. Стилистические исследования,..., 1972, с.38, 33.

367 Н.М.Разинкина. О разграничении понятий "эмоциональное значение" и "эмоциональная окраска". - Иностранные языки в школе, 1968, № 1, с.35.

мостью, общеупотребительностью"[368].

Учитывая указанные соображения авторов, мы могли бы определить стилистическое значение, составляющее часть семантической структуры слова, как созначение, которое имеет постоянный характер и воспроизводимость и которое служит для выражения стилистической окраски и стилистического эффекта.

Стилистические средства. Многие авторы считают, что в принципе любое языковое средство может быть стилистическим и является способом выражения признаков того или иного стиля в различных сферах и условиях коммуникации. Но это во многом зависит от осмысления самого понятия "стиль". Одни исследователи считают, что языковые средства создания и выражения стиля - это главным образом языковые единицы с устойчивой внетекстуальной стилистической окраской. Другие утверждают, что такие языковые средства могут быть как стилистически окрашенные, так и не окрашенные (нейтральные). Независимо от указанных различий, мы будем считать, что стилистические средства - это языковые единицы, обладающие стилистической окраской, что основной состав стилистических средств составляют стилистически окрашенные языковые единицы, которые обычно разделяются на две основные группы в соответствии с характером окраски: а) функционально окрашенные и б) экспрессивно окрашенные[369].

Функционально окрашенные средства, являющиеся принадлежностью письменно-книжной или устно-разговорной речи, традиционно разделяются на книжные и разговорные. Книжные средства обычно классифицируются по их принадлежности к определенным функциональным стилям (научному, официально-деловому, публицистическому и художественному). Разговорные средства используются преимущественно в стиле разговорной речи, в сфере непринужденного общения. Экспрессивно окрашенные средства придают речи определенный вид стилистической окраски (торжественный, неодобрительный, ласкательный, иронический, фамилярный и т.д.).

---

368 М.Н.Кожина. Стилистика русского языка, с. 32

369 Там же, с.37

Стилистическая функция. Языковая функция вообще определяется как назначение, роль, выполняемая различными единицами языка при их воспроизведении в речи. Следовательно, стилистическая функция имеет место в актах коммуникации.

При содержательном подходе к разграничению функций речевых единиц и определению стилистической функции, который использует З.И.Хованская[370], на первый план выдвигается характер репрезентации фактов действительности (ономасиологический принцип), который обнаруживает тесную связь как с лингвистическими особенностями высказывания, так и с участием коммуникативных факторов в формировании его смысла. Такой принцип позволяет выделить два способа реализации коммуникативной функции языка - нейтрально-информативную и стилистическую функции речевых единиц в конкретных актах общения.

Выделяя два способа репрезентации действительности - безлично-объективный и субъективный, З.И.Хованская[371] с основанием разграничивает и две функции речевых единиц: нейтрально-информативную и стилистическую, представляющие собой способы реализации коммуникативной функции в конкретных актах речевого общения. В случаях, когда лингвистические единицы не имеют стилистической окраски и актуализируют лишь тот семантический потенциал, который закреплен за ними языковой системой, а содержание высказывания не выходит за пределы безличной констатации факта, говорят о безлично-объективном способе репрезентации действительности, о нейтральной реализации коммуникативной функции языка и о нейтрально-информативной функции речевых единиц.

Если лингвистические единицы обогащаются эмоционально-экспрессивными, оценочными и функционально-стилевыми компонентами, которые дополняют соответствующий семантический потенциал, если содержание высказывания выходит за пределы безличной констатации факта, то можно говорить о субъективном способе репрезентации действительности и реализации коммуникативной

---

370 З.И.Хованская, Стилистика французского языка, с. 210.

371 Там же

функции языка, о стилистической функции речевых единиц.

Стилистическая функция присуща речевому общению в различных сферах употребления литературного языка, но более всего – в художественной, в обиходно-разговорной и частично в публицистической.

Стилистическую функцию следует разграничивать от эстетической, которая представляет собой воплощенное с помощью приемов художественного отображения действительности и воспринятое читателем идейно-художественное, эстетическое намерение писателя. Ее сущность, как с основанием подчеркивает З.И.Хованская[372], – во влиянии на формирование мировоззрения читателя посредством всей художественной структуры текста.

Стилистические приемы. Стилистические приемы участвуют главным образом в реализации эстетической функции и характеризуют литературно-художественную коммуникацию. Выделяют как стилистические приемы тропеического характера, которые создаются на базе тропов, так и стилистические приемы нетропеического характера.

Необходимо иметь ввиду, что троп не существует в языковой системе в готовом виде, а возникает в процессе речевого общения. "Троп – это использование лексической единицы, связанное с реализацией стилистической функции"[373].

Дополнительная функциональная нагрузка тропа, связанная с его участием в реализации эстетической функции в литературном произведении, превращает его в стилистический прием тропического характера (см. метафору, метонимию, олицетворение иносказания).

Выделение стилистических приемов нетропеического характера опирается на обнаружение их роли в реализации эстетической функции (см. эпитет, сравнение, иронию, гиперболу, лексический и синтаксический повторы, градацию и т.д.).

---

[372] З.И.Хованская, Стилистика французского языка, с. 215.

[373] З.И.Хованская, Там же, с. 288.

Таким образом, при рассмотрении роли староболгаризмов в пополнении стилистических ресурсов лексики русского литературного языка мы будем исходить из указанных толкований соответствующих понятий. Упоминалось, что к этим ресурсам обычно относят: а) разряды стилистической окрашенной лексики, б) синонимические средства, в) средства словесной образности и г) разного рода слои лексики ограниченного употребления.

1. Пополнение староболгаризмами состава стилистически окрашенной лексики русского литературного языка

Староболгаризмы занимают заметное место в составе стилистически окрашенной лексики современного русского литературного языка. На протяжении многих веков они с различной степенью интенсивности пополняют этот состав, который является совокупностью нескольких разрядов лексики: а) лексики с нулевой окраской (стилистически нейтральной), б) лексики книжной и разговорной, в) лексики функционально-стилевой (стилистической) и г) лексики экспрессивно-эмоционально-оценочной[374].

а) Пополнение староболгаризмами состава стилистической нейтральной лексики русского литературного языка

В лексике русского литературного языка выделяется обширный слой общеупотребительных, стилистически нейтральных слов. Этот слой составляют слова, которые в донациональный период одинаково свободно употребляются во всех жанрово-разнородных и функционально-разграниченных подсистемах литературного языка (церковнославянского и древнерусского и русского), а в национальный период одинаково свободно используются

---

[374] О.С.Ахманова. О стилистической дифференциации слов. – Сб. статей по языкознанию. М.,1958, Ю.А.Бельчиков. Лексическая стилистика. М.,1977, П.Н.Денисов. В.Г.Костомаров. Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной лексики. – Сб. Вопросы учебной лексикографии. М.,1968. Н.Н.Кожина. Стилистика русского языка, М.,1983 и др.

во всех функциональных стилях русского литературного языка. В изучаемый слой входят лексические единицы, являющиеся наименованиями конкретных предметов и явлений, их признаков, качеств и свойств, обычных и привычных действий и состояний.

Вне контекстуального употребления, при котором допускаются различные изменения, стилистически нейтральная, немаркированная общеупотребительная лексика обладает, по определению некоторых авторов, нулевой эмоционально-экспрессивной и функционально-стилевой окраской[375].

Староболгарские лексические единицы данного типа активно пополняют ресурсы стилистически нейтральной лексики древнерусской и русской разновидности церковнославянского литературного языка и письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка в период Киевской и Московской Руси. См.: александрийский, алойный, алтарница, архиерейский, ассирийский, багрить, багряница, безгласный, безводный, бездна, белоризец, бисер, благовещение, благодарить, богомилы, близнец, Богородица, богословие, болярин, брак, брачный, буква, виноград, виночерпий, владыка, водонос, возливать, волхв, время, всадник, вторник, говеть, гражданин, декабрьский, дьяконский, евангельский, еврейский, епископство, епископский, жезл, жертвенник, животное, житель, жрец, здание, заградить, заутреня, злак, зрак, изливать, идольский, инок, иудейский, казнь, канонник, капище, келейник, кесарский, клиросник, ключарь, книжник, козлище, кормчая, ковчег, крестить, кров, кузнец, купель, лествица, лжесвидетель, летописец, маслина, мироносица, местоимение, молитвенник, монастырский, мощи, мраморный, настоятель, начальник, облако, обитель, община, овощи, овощный, область, ограда, одежда, патриаршество, пещера, пещерный, писатель, пища, пламя, плащаница, плевел, пленник, плоть, площадь, причащать, причастие, пророк, раб, рабстник, равнять, растение, рождать, священник, страна, собор, стража, супруг, трапезник, требник, убежище, узник, храм, чернокнижец, шлем, юноша и т.д.

---

375 А.Н.Кожин, О.А.Крылова, В.В.Одинцов, Функциональные типы русской речи. М., 1982, с.77.

Усвоение этой лексики обусловлено тем, что "она отвечала насущным потребностям русской культуры и русского языка и отражала те культурно-исторические сдвиги, которые переживала Древняя Русь в связи с принятием христианства"[376]. Многие из указанных староболгарских слов проникают в систему лексики единого русского литературного языка и сохраняются в составе стилистически нейтральных слов. См., напр., распространение староболгаризма багряный (Остр., Изб.1073 г., Ман. Хр.): "багряныа его ризы" (Златостр. XII в.), "показати им... хламиду багряную" (Пов.врем.лет), "стоитъ столпъ... от багряна камени" (Хожд.Стеф.Новг.), "оба багряная столъпа погасоша" (Сл.полк.Игор.), "взялъ у нихъ ... камку багряну" (Польск. дела, I).

Рассматриваемые староболгарские слова становятся общеупотребительными, для них характерны семантическая самостоятельность, функциональная и деривационная активность, регулярность употребления в речи, у них устанавливаются системные связи с остальными словами.

б) Пополнение староболгаризмами состава книжной лексики русского литературного языка

Разряд книжной лексики русского литературного языка составляют разнообразные группы слов (общекнижные, книжно-отвлеченные, книжно-специальные). Обширные пласты староболгаризмов пополняют состав этой книжной лексики. Содержание переводных и оригинальных богослужебных, богословских, философско-проповеднических и т.п. христианских староболгарских книг, в которых находило выражение новое христианское мировоззрение, обуславливает активное использование книжной лексики. Распространение этих книг в Киевской и московской Руси содействует и заимствованию соответствующих старобалгарских слов, которые пополняют заметно состав книжной лексики как древнерусской и русской разновидности церковнославянского ли-

---

376 В.Д.Левин. Краткий очерк истории русского литературного языка. М.,1964, с.25-26.

литературного языка, так и письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка.

Общекнижный и книжно-абстрактный слой староболгарской лексики четко не дифференцирован по отдельным сферам употребления, но не характерен для обиходно-разговорной речи, напр. алчный, алкать, безвластный, безделие, безмолвие, безнадежный, бесконечный, бесплотный, благоволить, благодарный, благоразумный, благородный, благословение, благословлять, боготворить, божество, божественный, будущий, великодушие, великодушный, величать, верование, вкус, владеть, владычество, властный, возбуждать, возмущать, возвеличивать, волшебный, восклицание, воспоминание, восторг, восхищение, вражда, вышний, гордость, господство, грехопадение, грядущий, двойственный, дерзновение, добродушный, душеполезный, дыхание, единение, единичный, единогласный, единство, единственный, естественный, жажда, желание, жертва, жестокий, житие, жизнь, жребий, заветный, заблуждать, заблуждение, заклинание, звание, здравый, знание, знамение, знаменовать, изваяние, известный, извещение, излишний, изменять, изобиловать, изобретать, искус, искусный, искусство, искушение, исповедать, исполнять, исполнение, исправить, испытание, козни, клевета, краткий, кумовство, лестный, ликовать, лицемерить, мечта, милостыня, мирслюбный, мнение, многократный, многолетний, мощный, мудрость, мужество, надежда, нужда, нрав, насыщение, насущный, обладать, обличение, обогащать, обожать, образование, обратный, обращать, омрачить, освещение, освящать, пленение, победа, подвизать, положение, польза, помощь, помрачить, посещение, превращать, предатель, предлагать, премудрость, пророческий, просвещение, разум, различный, рассуждение, священный, священнодействовать, состав, твердыня, творение, течение, торжествовать, трезвый, уединять, угождать, удивление, умерщвление, художество, храбрый, хранитель, человечество, чуждый, щедрость, юношеский, юный, языческий, явление и т.д.

Старобългаризмы пополняют активно и состав книжной лексики, к которой в функционально-стилевом аспекте относятся пласты общенаучной, специальнонаучной, юридической, дипломатической, военной, публицистической, религиозной, художественной и т.д. лексики. Процесс заимствования старобългаризмов данно-

типа протекает особенно активно в период Киевской и Московской Руси и представлен в богатой и разнообразной древнерусской и великорусской письменности и литературе. См.: ангельский, апостольство, адский, архиепископство, астрологический, баснословие, браздить, безбожный, беззаконие, бессеменный, благовестить, благородие, блаженный, богоборец, Богородица, богословие, болезненный, братоубийство, брачный, бремя, будущий, бытие, варварский, ваяние, ведение, веление, величество, венценосец, верховный, власть, вещественный, вещание, взыскание, вкусный, вкушение, владычествовать, владение, властелин, внешний, вовлекать, военачальник, возвещать, возвышать, воздаяние, воздержание, воздушный, воззрение, воинственный, волхвование, всобразить, воображение, воплощение, вопросить, воскрешать, воскресение, воспитать, воспитание, восприять, всестание, восточный, восток, воцаряться, враждовать, врачевание, вредить, временный, время, вручение, всемогущий, вселенная, высочество, главный, гласный, гражданский, говение, грамматический, делитель, державный, добровольный, евангельский, единоверие, единогласие, епископство, жертвенный, живущий, животворный, жительство, завещать, заклинание, законопреступление, законоучитель, запечатлевать, зачатие, звательный, землемерие, изобретение, исповедание, исповедь, исследование, исторический, истязание, исцеление, количество, книжный, коварство, кончина, коснуться, кощунствовать, кропление, лжесвидетельство, лучезарный, мертвенный, мздоимство, милосердие, мощь, мрачный, наречие, нарочитый, наслаждение, немощь, обещание, обладание, общественный, областной, обновление, обращение, обременять, осуждать, очищение, ощущение, падение, первородный, первопрестольный, пожертвовать, порабощать, представление, преступление, прелюбодеяние, праздник, православный, рукополагать, сановный, самолюбие, самородный, совещание, суждение, тождество, течение, томление, указание, уравнять, умножение, управление, чествование, чувственный, чудотворство, членный, явление и т.д.

Первоначально подобные староболгаризмы, которые пополняют состав общекнижной, книжно-абстрактной, книжно-специальной лексики, получают распространение в древнерусской и русской разновидности церковнославянского литературного языка. Отсюда они проникают в письменно-литературную разновидность

древнерусского и русского языка. К XVIII в. они утверждаются в системе лексики единого русского литературного языка. См., напр., историю распространения староболгаризма время (Клоц.): "въздадять ему плоды въ врѣмена свои" (Остр.ев.), "усобица бысть в та времена" (Пат.Печ.), "въ время бо оно въстанеть" (Хрон.Амарт.), "торжьство и велико празденьство время то мѣнять" (Пов.врем.лет.), "за обиду сего времени, за землю русскую" (Сл.полк.Игор.), "в годы прежния, времена первоначальныя" (Кирша Д.) и т.д.

Все староболгаризмы рассматриваемого типа тоже удовлетворяют потребности литературного языка в средствах для выражения определенных отвлеченных понятий в различных функциональных сферах.

Указывалось уже, что значительный слой книжных старобългарских слов, которые отличались своим окказиональным, искусственным характером, своей труднодоступностью, редкой употребительностью не осваиваются и остаются на начальной стадии использования, напр. аеропарный, азамыслие, безгобинство, бесперный, вопречатися, доброговейный и т.д.

в) Пополнение староболгаризмами состава обиходно-разговорной лексики русского литературного языка

Функциональная сфера разговорно-обиходной речи обособляется в более поздний период, но ее истоки тоже уходят в период до формирования единого русского литературного языка. Разговорно-обиходная речь в рамках литературного языка, как отмечают многие лингвисты (Г.П.Князькова, А.Н.Кожин, О.А.Крылова, В.В.Одинцов, О.А.Лаптева, А.К.Панфилов, О.В.Сиротина, и др.), отличается непринужденным, непосредственным характером, экспрессивно-эмоционально-оценочной окрашенностью, конститутативностью (т.е. зависимостью от ситуации и контекста). Обиходно-разговорная речь используется в сфере повседневно-бытового, неофициального общения и реализуется в форме непринужденной диалогической или монологической речи на частные, бытовые темы, а также в форме неофициальной переписки, записей и т.п.

-В составе обиходно-разговорной речи выделяются обычно

три разряда слов: а) литературно-разговорные и обиходно-разговорные, которые составляют слой лексики относительно неограниченного употребления, б) разговорные слова с некоторым ограничением сферы употребления – обиходно-просторечные, разговорно-терминологические, разговорно-жаргонные, в) разговорные слова с явным ограничением сферы употребления – узко-диалектные, арготические и грубо просторечные. Литературно-разговорные и обиходно-разговорные слова составляют стилевой центр разговорно-обиходной речи. Некоторые авторы с основанием относят сюда и литературное просторечие, которое используется на правах специализированного стилистического средства. Старославянизмы пополняют и ресурсы разговорно-обиходной лексики русского литературного языка, но в более ограниченном количестве. Путь их продвижения в разговорную лексику русского литературного языка связан с их освоением, интеграцией, при которой заимствованные лексические единицы органически врастают в воспринявшую систему. Распространенные в качестве семантически самостоятельных слов, необходимых как средство общения, такие старославянизмы и церковнославянизмы входят в определенные взаимоотношения с другими словами, подчиняясь системности их связей. В процессе взаимодействия во многих случаях изменяются не только семантические и синонимические, но и стилистические отношения, происходят изменения в коннотативности, в их экспрессивно-эмоциональной окраске. Это становится возможным в условиях широкого распространения на Руси древнеболгарской и церковнославянской письменности, а вместе с ней и церковнославянского литературного языка, в условиях его обязательного изучения в школах вплоть до XX в., в результате его активного использования не только в сфере церкви, но и в некоторых других сферах и жанрах древнерусской и русской письменности, при наличии родственной близости двух славянских языков – церковнославянского (и древнеболгарского) и русского (и древнерусского). Все это определяет проникновение некоторой части старославянизмов даже в разговорно-обиходную лексику русского литературного языка. Следует подчеркнуть, что в ряде случаев их проникновение является результатом их семантических изменений (или изменений отдельных компонентов их содержательной структуры).

См., напр.: безбожный (в зн. неумеренный, бессовестный), бездельный (в зн. праздный), благоверный (как эпитет одного из супругов), благовестить (в зн. сплетничать, разглашать), благодарить (в зн. давать взятку), благодать (в зн. избыток), благой (в зн. упрямый), благословить (в зн. ударить), блажить (в зн. чудить, проказничать, капризничать; старое значение - восхвалять, оказывать милосердие), блаженный (в зн. глуповатый, чудаковатый), безобразить (в зн. безобразничать), братия (в зн. люди одной профессии, одной общественной среды), величать (в зн. называть кого-л. пренебрежительным именем, прозвищем), варварский (в зн. некультурный, жестокий, грубый), вертеп (в зн. убежище продажных женщин), говеть (в зн. долго не принимать пищи, скудно питаться), демонский (в зн. злой, коварный), душевредный (в зн. злой, бессовестный), елейный (в зн. притворный), ехидный (в зн. злой, язвительный, хитрый), жидовский (еврейский), крестить (в зн. делать изображение креста; двигаться крестообразно), мытарь (в зн. тот, кто добывает, достает что-л. обманом, плутовством), мытарство (в зн. обман, плутовство), молитвенный (в зн. набожный), молчальник (в зн. неразговорчивый человек), мощи (в зн. исхудалый, изможденный человек), невредный (в зн. приятный, привлекательный), несладкий (в зн. нерадостный), наслаждать (делать сладким), нравный (в зн. упрямый, своевольный), нужда (в зн. потребность в естественном отправлении), обещаться (в зн. обещать друг другу стать мужем и женой), обиратель (в зн. обирала), омрак (в зн. обморок), парить (в зн. мечтать), попирать (в зн. угнетать), послушник (в зн. тот, кто слушается, кто подчиняется), постный (в зн. худой; жанжеский), постник (в зн. подвергающий себя воздержанию), поздравляться (в зн. праздновать), познание (в зн. знакомство), пострекать (в зн. пожечь крапивой), праведный (в зн. справедливый; непорочный), предел (в зн. удел, доля), проклятие (в зн. ругательство), прохлаждаться (в зн. проводить время в безделье, в удовольствиях), прохлаждение (в зн. удовольствие), раб (в зн. тот, кто подобострастно исполняет волю вышестоящего лица), рабский (в зн. раболепный), радение (в зн. забота, старание), разбойник (в зн. шалун, баловник), разводы (в зн. пустые разговоры),

сатанинский (в зн. необычайный), сладкий (в зн. притворно-ласковый), сладость (в зн. сласти), телеса (в зн. о грузном, жирном теле толстяка, толстуши), хитрец (в зн. хитрый человек), хищник (в зн. тот, кто наживается, обогащается на ограблении), юродивый (в зн. сумасшедший) и т.д.

Путь продвижения некоторой части староболгаризмов в состав обиходно-разговорной лексики русского литературного языка связан, как отмечалось, с их широким использованием, с проникновением в систему русской лексики, с их употреблением в сниженных контекстах, где осуществляется и известное изменение их семантической структуры и стилистической окраски.

Староболгарское слово благоверный (Супр.), напр., засвидетельствовано в памятниках церковнославянской и древнерусской (и русской) письменности с двумя значениями: а) исповедующий истинную веру, см.: "преставися благоверный и христолюбивый князь Изяславъ" (Моск.лет.); б) праведный, благочестивый, см.: "И аще бо благовѣренъ обрящется" (Рус.Пр.). Эти значения сохраняются и представлены в русской литературе XVIII в., см. "множество людей б(лг)овѣрных от града... прийдоша" (Кн.Жит. 1705 г.). В XIX в. староболгаризм благоверный употребляется уже как шутливо-иронический эпитет одного из супругов, см.: "я ей скоро глаза открою; она увидит ясно, что за человек ее супруг благоверный" (А.Остр., Красавец-мужчина).

Известная часть староболгаризмов проникает в состав русской обиходно-разговорной лексики с соответствующей коннотативностью, которая обуславливает возможность продвижения в этот состав. См.: алчный (в зн. жадный, ненасытный), безбокий (в зн. крайний, неумеренный), бездушный (в зн. холодный, безжалостный), безобразить (в зн. безобразничать), бесплодный, беспутный (в зн. развратный), бесчинство, бесчинствовать, блудница, блудный, богохульный, буйство, велеречивый (в зн. хвастливый), гнушаться, глумиться, ехидный, жупел, злословить, исчадие, кичиться, лакомство, лицемерить, малодушный, малость, малоумный, мудровать, небрежный, неистовый, непотребство, окаянный, оглашенный, похабный, пребогатый, прегордый, презлой, прелукавый, разглагольствовать, треклятый, уродский, фарисейский, хитростный и др.

Немногочисленность староболгарских слов подобного типа объясняется характером их источника, священного языка религии. Лексические единицы народного источника свободно проникают в обиходно-разговорные сферы.

г) Пополнение староболгаризмами состава экспрессивно-эмоционально-оценочной лексики русского литературного языка

В современном русском литературном языке выделяется обширный слой лексики с определенной экспрессивно-эмоционально-оценочной окраской. Экспрессивность (как выражение чувств, выразительность), эмоциональность (как душевное переживание, чувства) и оценочность (как оценка, мнение о значении, сущности, роли и т.д. чего-н.) являются категориями, связанными с языком, психикой и мышлением, потому что с помощью языковых средств выражаются чувства, переживания и соответствующая оценка.

Некоторые авторы с основанием определяют эмоциональность как выражение душевного переживания, волнения говорящего, подчеркивая, что "она нередко создается разными средствами, иногда целым комплексом средств"[376]. Можно согласиться и с мнением, что "оценочность как языковая категория - это выражение в речи эмоционального отношения, вызванного сложившимся мнением о предмете высказывания"[377].

Следует подчеркнуть, что вопрос о том, возникает ли эмоционально-экспрессивно-оценочная окраска лишь в специальных контекстах и при выражении определенного содержания или она присуща семантической структуре соответствующих слов (наряду с их предметно-логической отнесенностью), остается дискуссионным.

---

376 Л.А.Киселева. Некоторые проблемы изучения эмоционально-оценочной лексики современного русского языка. - Сб. Проблемы русского языкознания. Ученые записки ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1968, т.281, с.127.

377 Там же, с. 384.

Более целесообразным представляется рассмотрение эмоционально-экспрессивно-оценочных окрасок слов как языковых, присущим словам как единицам системы языка, что не исключает возможность в некоторых случаях появления таких окрасок у слов стилистически нейтральных в различных контекстах. Тогда подобные окраски принимают характер речевых, индивидуальных, контекстно обусловленных.

Неоднозначно решается вопрос и о классификации различных видов эмоционально-экспрессивно-оценочных окрасок. Л.А.Булаховский, напр., противопоставляет слова изящные, эстетические - вульгарные, неэстетические; вежливые - грубые; торжественные, поэтические - прозаические; шутливые, насмешливые, иронические, бранные, пренебрежительные - выражающие ласковость[378]. В книге "Функциональные типы русской речи" предлагаются следующие виды эмоционально-экспрессивной окраски: 1) возвышенная, торжественная, 2) фамилярная, 3) оценочная: а) мелиоративная и б) пейоративная[379].

Мы воспринимает более общую классификацию слов с различными эмоционально-экспрессивно-оценочными окрасками: 1) староболгарские слова с различными положительными эмоционально-экспрессивно-оценочными окрасками: а) торжественной, б) лирической, в) одобрительной, г) шутливо-фамилиарной; 2) староболгарские слова с различными отрицательными эмоционально-экспрессивно-оценочными окрасками: а) иронической, б) неодобрительной, в) укоризненной, г) презрительной.

На всем протяжении истории русского литературного языка староболгарские слова пополняют ресурсы его эмоционально-экспрессивно-оценочной лексики. Различные виды окрасок постепенно формируются, во многих случаях пересекаются, истори-

---

378 Л.А.Булаховский. О слоге как предмете изучения. - Русский язык в школе, 1955, № 3.

379 А.Н.Кожин, О.А.Крылова, В.В.Одинцов. Функциональные типы русской речи. М., 1982, с.75.

чески изменяются, их характер может определяться и контекс
альными факторами. Все это определяет не полное и не строго
распределение староболгарских слов. Необходимо учитывать и
обстоятельство, что в различных случаях соответствующая окр
ка закрепляется в результате изменения семантической структ
определенных слов, появления нового (или новых) значения. В
эти вопросы, которые могут стать объектом специальных иссле
ваний, представлены в обобщенном виде.

Староболгарские слова с различными положительными эмоционально-экспрессивно-оценочными окрасками

Староболгарские слова пополняют различные разряды л
ксических единиц с положительными эмоционально-экспрессивно
оценочными окрасками.

Староболгарские слова с торжественной, возвышенной эмоционально-экспрессивно-оценочной окраской

В лексике русского литературного языка выделяется о
ширный слой староболгарских слов, характеризующихся своей т
жественной, возвышенной эмоционально-экспрессивно-оценочно
окраской. Она слагается постепенно в результате устойчивого
употребления соответствующих слов в текстах, в которых соде
жание, тематика, отношение к изображаемым событиям, фактам,
персонажам и т.д. предопределяют и появление приподнятой, р
торической и даже патетической тональности. К подобным сло
относятся такие староболгаризмы, как: алкать, благо, брань
зн. сражение, война, нападение), бранный, благодеяние, бла
говеть, благоговение, благоговейный, бессмертие, бессмертн
благословенный, благовещать, боготворить, воистину, велича
величание, величавый, величественный, величие, владычество,
венценосец, внимать, возвеличивать(ся), властелин, возвест
возвышать(ся), возглашение, воздаяние, воздвигать(ся), воз
лать, возливать, возмездие, возносить, возношение, вопиющи
вопиять, воскрилять, воспалять(ся), восславить, воссиять,
торгать(ся), восторг, вострубить, восхищать(ся), восхищени
воспрянуть, восславлять, воцариться, всемогущий, всесильны

горнило, грядущий, державный, дерзновение, дерзновенный, десница, деяние, доблесть, доблестный, долгоденствовать, единение, единоборство, единоплеменный, единосущный, жертвенный, жескотосердный, животворный, жребий, заветный, зиждется, зиждитель, злодей, злодейство, злодействовать, злодеяние, знаменование, зодчий, избавитель, издыхание, исконный, искус, испить, исторгнуть, клятвопреступный, кормило, кормчий, ликовать, маститый, миротворец, многострудный, мощь, нетленный, низложить, обет, обетованный, обрести, освящать, освящение, победный, поборник, подвижник, повелитель, подвизать, покаяние, поприще, посрамить, предтеча, поругание, преклонить(ся), поработить, пророческий, рукотворный, святилище, святотатственный, святыня, совлечь, создатель, стезя, страж, твердыня, творение, творец, тлетворный, тщетный, царственный и т.д.

См. употребление и распространение старославянизма брань в древнерусской и русской литературе: "и брани мъноги съ нимь съставъ" (Жит.Бор.Гл.), "устремися на брань" (Алекс.), "хотя ту брань створити" (Новг.I лет.), "на многих бранех бывали" (Пов.разор.Ряз.), "брань славна луче есть мира студна" (Радз.лет.), "веля ему ни излазити на брань" (Пов.врем.лет), "И бысть брань люта" (Флав.Полон.Иерус.), "еще же въ бранехъ суще" (Хрон.Амарт.), "уготовися на брань" (Ник.лет.X), "Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань" (Сл.полк.Игор.), "Возвратися, буря брани, загремите стрелы и копья" (Жук.,Орл.дева), "Встань, государь! И за святое дело/ Сам поведи на брань свои полки" (Л.Толст.см.Иоанна).

Староболгарские слова с лирической, поэтической эмоционально-экспрессивно-оценочной окраской

Староболгаризмы пополняют и ресурсы поэтизмов, слов с лирической, поэтической окраской. Такая окраска устанавливается в результате постоянного использования отобранного разряда слов в лирике, в различных поэтических жанрах русской литературы, особенно XVIII-XIX вв. Следует подчеркнуть, что до сих пор остается в тени вопрос об исторических корнях этой традиции. Изучение употребления староболгарских слов в древнерусской литературе показывает, что определенный слой

староболгарских вариантов и дублетов (типа аз, бразда, днесь, нощь, рыбарь, и т.д.) еще в период Киевской и Московской Руси обособляется в результате его устойчивого использования в различных стилистических целях. Пополняя ресурсы художественно-выразительных средств, староболгарские слова постепенно обретают лирическую, поэтическую окраску, сохраняясь главным образом в поэзии, в лирике. См.: ангельский, бразда, браздить, брег, вертоград, вертоградарь, власы, вежды, вран, врата, врабий, волшебный, волшебство, глас, глад, гладный, град (в зн. город), глава, (в зн. голова), глагол (в зн. слово, речь), глаголать, горний, древо, денница, днесь, длань, драгой, дщерь, един, елень, езеро, есень, злато, златный, златить, златокрылый, змий, клас, кладезь, кошница, кормило, лидия, ланита, мечта, мечтание, мечтательный, мечтать, младой, младость, млат, млеко, мраз, мрежа, нощь, нощный, обаче, озлатить(ся), петел, пелынь, плат, плещи, полунощный, полнощь, праг, праздничный, праздник, праздновать, пред, прекрасный, прелестный, прелесть, пяток, райский, рамена, рещи, рыбарь, свеща, сладкий, сладкогласный, сладость, слана, сребро, сребряный, сребриться, славий, светозарный, стогна, телец, тысяща, услаждать, хлад, хладный, хлябь, хощу, хранитель, чародей, чаровать, чарование, чрез, чресла, чреда, чудесный, чудотворный, шуица, юдоль, юный, юность и т.д.

См., напр., использование старославянизма злато в древнерусской и русской литературе: "обрете съкровище злата" (Пат.Печ.), "врата же девятые златом и сребром покованы" (Флавий Полон.Иерус.), "колико злата и сребра, яко нету числа" (Новг.I лет.), "да явятся яко злато искушено" (Пов.врем.лет), "звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово" (Сл.полк.Игор.), "уже жены рускыя въсплескаша татарьским златомъ" (Задон.), "и понесли оне честныя подарки злата сребра" (Кирша Д.), "Когда же на закате/Последний луч Зари/ Потонет в ярком злате" (Пушк.,Город), "Не нужно почести, не нужно злато" (Барат., Восп.), "Где все красуется, все вышит простотой,/ Где чужд холодный блеск и пурпура и злата" (Тютч., Посл.Гор.), "Его стихи блестят как злато" (Дельвиг, Певец), "Нет! злату не бывать души моей кумиром" (Дмитр., Подр. Горацию).

Староболгарские слова с одобрительной, мелиоративной эмоционально-экспрессивно-оценочной окраской

В лексике русского литературного языка выделяется слой, для которого характерна одобрительная, мелиоративная окраска. В данном случае основной является интеллектуальная оценка, которая составляет и номинативное содержание слов. Ресурсы этого слоя лексики тоже пополняются и староболгарскими лексическими единицами. См.: ароматный, беззлобие, безмятежный, бессмертный, бессмертие, благовестить, благовестник, благоволение, благоволить, благодарный, благодатный, благодать, благодушие, благодушный, благонадежный, благообразный, благоприятный, благоразумие, благородие, благородный, благородство, благословение, благословенный, благословлять, благость, благотворение, благотворить, благотворный, благоухание, благоуханный, благоухать, благочестивый, благочестие, блаженство, блаженствовать, богиня, великодушие, великодушный, великолепие, великолепный, верность, верование, веровать, витийство, возвеличение, возлюбить, восхвалять(ся), восхваление, вразумлять, всемогущий, главный, девственный, дерзновение, доблесть, доблестный, добродетель, добродушие, добродушный, доброта, довольный, довольство, достижение, достоинство, драгой, душеполезный, единогласие, единогласный, единодушный, животворный, здравый, изобилие, изобиловать, изрядный, изящный, искусный, красота, кротость, кумир, ласкание, лепота, любезный, любомудрие, милосердие, милосердный, милосердствовать, миролюбный, миролюбие, миротворец, миротворить, миротворный, многосильный, многославный, могущий, мудрость, мужественный, мужество, надежда, обаяние, первенство, пламенный, победа, победоносный, побеждать, праведник, преданный, разумный, радование, святыня, священнодействовать, священный, сердеведец, смирение, сокровенный, спасение, спасительный, творческий, терпение, трезвый, тучный, тщание, украшение, умиление, усердный, услаждать(ся), храбрый, храбрость, хранитель, христолюбивый, художество, целение, целомудрие, целомудренный, чадолюбивый, чарование, человеколюбие, человеколюбство, человеколюбец, чудотворец, чудодейный, чудотворство, щедроты, щедрость и т.д.

См., напр., распространение и употребление старобол-

гарского слова здравый: "сами сдрави суть" (Пчела), "и умъ ни твердъ,ни здравъ" (Флав.Поло.Иерус.), "и придоша вси сдрави" (Новг.I лет.), "Здрави же будете" (Алекс.), "паки возвратишася вси здрави" (Псков. 2 лет.), "здравы бысть христиане" (Ник. лет.), "Здрави князи и дружина, побарая за христьяны" (Сл. полк.Игор.).

См. еще и употребление староболгаризма мужество: "въ мужество же духовьно себе объяклъ еси" (Стихир. XII в.), "се же слышавъ король... таково мужество" (Жит.Алекс.Нев.), "поостриша сердца своея мужествомъ" (Задон.), "и поострй сердца своего мужествомъ" (Сл.полк.Игор.), "Иже словяше в них мужеством" (Пов.врем.лет), "Мужество есть великое свойство души" (Карамз., О любви), "Мужество покидало его" (Н.Остр.,Рожд.).

Староболгарские слова с шутливо-фамилиарной эмоционально-экспрессивно-оценочной окраской

Выделяется в лексике русского литературного языка и слой лексических единиц, для которых свойственна шутливо-фамилиарная окраска. Этот слой постепенно пополняется и староболгаризмами, характеризующимися тем, что они стали общеупотребительными словами, что многие из них были подвергнуты семантическим изменениям, что именно появление новых значений содействует установлению шутливо-фамилиарной окраски непринужденности. В других случаях появление подобной окраски обусловлено и характером контекста, содержанием, при котором возникает противоречие и противопоставление между выражаемым содержанием и использованными староболгарскими словами. См.: беспорочный, благоверный (в зн. эпитета одного из супругов), благорастворение, благовременне, благовидный, благородие, блаженный (в зн. глуповатый), богадельня (в зн. о месте работы, где люди бездеятельны), Богородица (в зн. непорочная женщина), благодушествовать, братия (в зн. содружество,компания), великопостный (в зн. унылый, тощий), вертеп (в зн. притон преступников, разбойников и т.п.), вертепный, ветошь (в зн. тряпье), вкупе, возлежать, возлежание, возлюбленный, возлияние (в зн. выпивка), возрадоваться, велегласный, великомученик, вретище, власатый, говеть (в зн. скудно питать-

ся), говение, действо, дражайший, домочадец, душегубный, жупел (в зн. что-то пугающее), заупокойный, здравие, злачный, златоуст, златоустый, змий, избранный, имярек, искусник, книжный, лик, лицедей, многоречивый, мудрование, мытарство, нравный, оглашенный (в зн. о человеке, ведущем себя бестолково), одеяние, окаянный, полчище (в зн. о большом количестве кого-н. чего-л.), попович, послушник, постный (в зн. хмурый, скучный), правоверный, преисподня, притча, телеса, угодник и т.д.

См., напр., употребление и распространение староболгаризма благоверный (Супр.): "и бл(г)овѣрно свое скончавши житие" (ВМЧ, Дек.), "а тобя, государя, благовѣрнаго царя, доступати не мочно" (Ив.Пересв.), "множество людей бл(г)овѣрных от града... прийдоша" (Кн.жит.), "она увидит ясно, что за человек ее супруг благоверный" (А.Остр., Красавец-мужч.), "пойдемте, я представлю вас своей благоверной" (Чех., Йоныч). Приведенные примеры ясно свидетельствуют о том, что изменение значения благоверный (т.е. православный; праведный, благочестивый) представлено в литературе XIX в., в которой благоверный употребляется в фамилиарной сфере как шутливо-иронический эпитет одного из супругов.

Староболгарские слова с различными отрицательными пейоративными эмоционально-экспрессивно-оценочными окрасками

На протяжении нескольких веков староболгарские слова пополняют и различные разряды лексических единиц с отрицательными эмоционально-экспрессивно-оценочными окрасками. В некоторых случаях отрицательные, пейоративные окраски устанавливаются в результате сдвигов в семантической структуре слов. В других - она обусловлена "специфическим смысловым содержанием, которое составляет значение слова"[380]. В известных случаях оп-

---

380 Н.М.Разинкина. О разграничении понятий "эмоциональное значение" и "эмоциональная окраска". - Иностранные языки в школе, 1968, № 1, с.35.

ределенную роль играет и контекст. Отрицательные, пейоративные окраски, как указывалось, различны. В связи с этим выделяются и несколько групп соответствующих слов.

Староболгарские слова с иронической эмоционально-экспрессивно-оценочной окраской

Лексические единицы с иронической эмоционально-экспрессивно-оценочной окраской составляют соответствующий разряд в составе стилистически окрашенной лексики русского литературного языка. Староболгарские слова начинают пополнять этот разряд еще в Киевский и Московский период, но процесс пополнения продолжается и в XVIII–XIX вв., в период формирования единой системы русского литературного языка, когда происходят активные семантические изменения ряда староболгарских слов. К рассматриваемому разряду относим такие староболгарские слова, как: агнец, благодетель, благонравие, блюститель, богобоязненный, богоугодный, велеречивый, велеречие, велеречить, витать, витийствовать, возглашать, воспарить, восседать, гордыня, греховный, душеполезный, дряхлость, достохвальный, дебелость, елейный, женолюбивый; зрак, изволение, изречь, искуситель, истукан, исчадие, кичиться, книжник, козлище, козлогласование, кумир, лицезрение, лобзание, лобзать, лихоимство, льстивый, многоглаголание, многоглаголивый, многоречивый, нажждение, низвергать, новсявленный, обитель, парить, подвизаться, преподобный, преподобие, превозносить, причетник, раскольник, смиреномудрие, тщеславие, тщета, усыпальница, ходатай, чистилище, чадо, язычник и др.

См., напр., история употребления старославянизма агнец. В древнерусский период и в XVIII в. это слово используется со значением "ягненок", и "кроткое, милосердное, чистое средство", напр. "и от того года агньци и козлищи гладять умираху" (Нит.Сав.сев.), "суть пришли агньци б(ж)ни" (Уст. сб.), "и наверх горы [illegible] взыти имуть, Агнцов закалают" (Кн. сист.), "Она смиренна яко агнец, трудолюбива яко пчела" (Фонв.Бриг.). В XIX–XX вв. наряду с указанными значениями появляется и значение "притворно кроткий человек", для которого характерна ироническая эмоционально-экспрессивно-оце-

ночная окраска, напр. "в это тяжелое время меньшевики и правые эсеры, эти ласковые агнцы, кричат о нашей шестокости" (Ленин, Речь 7 апреля 1918 г.).

Староболгарские слова с неодобрительной эмоционально-экспрессивно-оценочной окраской

В состав русской лексики с неодобрительной эмоционально-экспрессивно-оценочной окраской проникает и слой староболгарских слов. В большинстве случаев они обладают этой окраской как единицы системы языка постоянно. В других случаях подобная окраска появляется в результате семантического изменения некоторых слов, которое становится выразителем неодобрительной оценки. См.: адский (в зн. необыкновенный, страшный), бездельный, бездушный, бесплодный (в зн. бесполезный), бесплодие, бесполезный, бесстрастие, бесстрастный, бесславие, бесчувственный, братоубийство, братоубийца, буйство, властолюбец, властолюбивый, властолюбие, виновный, гниль, грабитель, грабление, грубость, досаждать, досаждение, двойственный, еретический, еретичество, жестокий, заблуждать, заблуждение, зловоние, зловонный, злонравный, злонравие, злосчастный, измена, изнурение, истребление, истреблять, клеветник, клеветать, клевета, крамола, крамольный, крамольник, кровопролитие, лакомство, лжеименитый, лжесвидетель, лжесвидетельство, лжесвидетельствовать, лихоимец, лихоимство, лицедей, лицеприятие, лукавство, лукавствовать, лукавый, маловер, маловерие, маловерный, малодушие, малодушный, многословить, многословие, наущать, наущение, неверный, неверие, незаконный, ненадежный, неплодный, непостоянный, непотребный, нечестивый, облагодетельствовать, обременять(ся), озлобление, облозлять(ся), осрамлять, порок, порочный, похищение, похищать, празднословие, пререкание, претить, рабство, разбойник, самомнение, славолюбие, сластолюбец, суета, суетный, томительный, усобица, утруждать, ухищрять, ухищрение, хитрец, хитрость, ходатайство, ядоносный и т.д.

См., напр., употребление и распространение староболгаризма алчный, который, в древнерусской литературе засвиде-

тельствован со значениями: а) голодный – "приходить нищий алчный Лазарь" (Уж. измена), б) жаждущий – "идеть алъчьнъ ч(лвч)ьска с(пс)ения" (Усп.сб.), в) соблюдающий пост – "н убо и ожьдавъшеи алчени" (Ефр.Корм.).

В XVIII в. эти значения сохраняются, напр. "и оста его алчна и жаждна" (Кант.Жит.), "Сомкнулись алчны к трону вѣжды" (Держ.Соч.). Наряду с этим по ассоциации со значени "сильно желающий, жаждущий" формируется и значение "жаждущ богатства, жадный", которое характеризуется неодобрительно эмоционально-экспрессивно-оценочной окраской, см.: "А жест ким и алчным ростовщикам узда" (Княж.,Скупой). В XIX в. н основе значений "жаждущий богатства, жадный" и "голодный" возникает и значение "жадный, ненасытный в еде" с такой же окраской, см. "он с важностью посматривал на собак, поручен ных его надзору, и изредка постегивал арапником самых алч ных" (Тург., Чертопх.).

Староболгарские слова с эмоционально-экспрессивно-оценочной окраской укоризны

Некоторые авторы выделяют слой лексики, характеризующейся эмоционально-экспрессивно-оценочной окраской укоризны, порицания. В данном случае неодобрительная оценка усиливается укоризненным отношением к соответствующим предметам, действиям, явлениям, процессам, признакам, качества Явно, что отрицательные, пейоративные оттенки неодобрения укоризны в некоторых случаях переливаются, но основание для разграничения рассматриваемого слоя служит степень оценочного оттенка. Староболгаризмы пополняют постепенно и этот слой лексики русского литературного языка. Эмоционально-экспрессивно-оценочная окраска укоризны характеризует многие староболгарские слова еще в донациональный период. В други случаях она появляется в более поздний период в результате семантических изменений. См.: беззаконие, беззаконный, беззаконствовать, бесплодие, бесплодный, безрассудный, беспутие, беспутный, бесчестный, бесчестить, блудный, блудство, вредить, вредный, глум, глумиться, гробокопатель, губитель ство, душегубный, ехидный, зверообразный, злословить, зло-

словие, злокозненный, злоречивый, злоязычный, змий, истязание, истязатель, истязать, клятвопреступление, клятвопреступник, коварный, коварство, лицемерный, лицемерствовать, лицемерить, лицемер, льстивый, льстить, малоумный, мучитель, насилие, невежественный, невежество, невежда, негодование, негодовать, неправильный, обесчестить(ся), ожесточение, ожесточить(ся), отступник, поганный, поганство, подобострастие, подобострастный, похоть, прельщать, прельщение, рабский, срам, срамить, сребролюбец, сребролюбивый, тщета, тщеславие, угодник, угождать, угождение, укоризна, укоризненный и др.

См. распространение и употребление староболгарского слова беспутный (Супр.). Его первоначальное значение - "не имеющий пути, дорог, непроходимый", напр. "птицамъ бывает прелетати беспутная мѣста" (Палея Толк.), не обладает стилистической окраской. Эмоционально-экспрессивно-оценочная окраска укоризны накладывается на возникающие семантические компоненты "бестолковый" и "легкомысленный", напр. "мы живемъ безпутно" (Посольство Васильч.), "учинили его в безпутномъ житии" (Ив.Пересв.), В XVIII в. указанные значения сохраняются напр. "по жестоком и безпутном пути моем дс локся" (Переп. Ф.Полик.), "принуждены они были от сей беспутной и вздорной женщины вытерпливать" (Зап.Болот.), "не склоняясь на безпутные предложения" (Трут.). К XIX в. первоначальное значение "непроходимый, не проезжий" выходит из употребления. Основными становятся значения "легкомысленный; бестолковый; разгульный; развратный" с окраской укоризны, см.: "во тьме вызжали женщины. Начиналась беспутная ночь ярмарки" (М.Горький,Клоун).

Староболгарские слова с эмоционально-экспрессивно-оценочной окраской презрения

Неодобрительная, пейоративная эмоционально-экспрессивная оценка усиливается в максимальной степени презрительным отношением к определенным предметам, действиям, явлениям, процессам, признакам, качествам. Староболгаризмы пополняют и разряд русской лексики с эмоционально-экспрессивно-оценочной окраской презрения. Как и в других случаях, у части староболгарских слов подобная окраска составляет их номинативное

содержание, у другой части она возникает в результате семантических изменений, которые выражают другие отношения. См.: безобразить, безобразный, безобразие, безумство, бесчинник, бесчинство, бесчинствовать, бесчеловечный, бесчеловечие, богохульство, богохульник, богохульный, варварский, варварство, возненавидеть, гнушаться, грехопадение, гнусность, демонство, детеубийство, ехидный, злодейство, злодействовать, злодеяние, злодеец, изверг, истукан, истуканный, иудин, кощунствовать, кровопийца, кровопийство, любодейство, любодеяние, малоумие, малоумный, мерзость, неистовый, неистовство, ненавистный, ненавистник, нечеловеческий, отвращать, отвращение, отцеубийца, окаянный, осквернённый, осквернять, поругание, прелюбодеяние, прелюбодей, презирать, презрение, преступный, преступление, преступник, предатель, предательство, разврат, развращать; развращенный, развратник, святотатство, скудоумный, смрад, смрадный, убожество, уродство, урод, фарисейский, хищник, хищнический, чревоугодие, юродивый, юродство и др.

См. распространение и употребление староболгарского слова бесчеловечный (Ник.Панд.,Ман.), засвидетельствованного в древнерусской и русской письменности с двумя значениями: "безлюдный, не населенной" и "безжалостный, очень жестокий", напр. "многия островы, овы людны и богаты, ови ж(е) безч(лч)ны" (Козм.), "младенца на колье въстыкаху, мучаху безчловѣчно" (Твер.лет.). Эмоционально-экспрессивно-оценочная окраска презрения стала характерной для второго значения слова бесчеловечный - "безжалостный, очень жестокий", которое становится основным в XVIII-XX вв., напр. "он был тем бесчеловечнее в своих требованиях" (Тург.,Новь).

Итак, часть староболгаризмов пополняет ресурсы эмоционально-экспрессивно-оценочной лексики русского литературного языка. В основном это освоенные слова, которые входят в определенные взаимоотношения с различными единицами русской лексики и подчиняются системности их связей. В процессе функционирования у некоторых из них изменяются значения. Возникновение различных окрасок связано с установлением новых значений.

д) Пополнение староболгаризмами состава функционально-стилистически окрашенной лексики русского литературного языка

К функционально-стилистически окрашенной лексике относятся, по мнению некоторых авторов, лексические единицы, употребительные преимущественно (или с характерной частотностью) в определенной речевой сфере, соответствующей одному из существующих функциональных стилей (деловому, научному, публицистическому, литературно-разговорному, художественному). Традиция более или менее устойчивого употребления лексических единиц в определенных речевых сферах обуславливает прикрепление некоторой части из них к отдельным речевым сферам. Именно это приводит к появлению у них функционально-стилистической окраски.

Процессы функционально-стилистического расслоения лексики русского литературного языка протекают на протяжении веков. Продолжительным является и процесс пополнения состава функционально-стилистически окрашенной лексики старославянскими словами.

Предварительно следует подчеркнуть, что многие авторы относят формирование функциональных языковых средств к XVIII-XIX вв. В сущности их истоки восходят к древнерусскому и великорусскому периоду. Но "история функциональных стилей русского языка (между прочим как и всех других) еще не исследована и не описана"[381]. Определяя состав старославянизмов, которые пополняют ресурсы лексики русского литературного языка, мы будем учитывать, что процесс их обособления обусловлен постепенным возникновением функционально-речевых сфер, на основе которых в национальный период окончательно формируются функциональные стили и их характерные речевые средства. В обобщенном виде здесь выделяются несколько разрядов старославянских слов.

---

[381] М.Н.Кожина. Стилистика русского языка, с.30

Староболгарские слова, которые пополняют состав лексики, характерной для стиля официально-деловой речи

Истоки стиля официально-деловой речи русского литературного языка и постепенное сложение системы его характерных средств восходят к Киевскому и Московскому периоду, когда появляются многочисленные документы светской древнерусской и великорусской официально-деловой письменности (своды законов, официальные грамоты, уставы, договоры, судебники, акты, челобитные, статейные списки, послания, отчеты и т.д.). В этот период намечаются контуры официально-деловой сферы (это государство, законодательство, дипломатия, канцелярии, военное, торговое дело и т.п.) и специфические черты системы письменно-литературного выражения, которая начинает функционировать в этой сфере (напр. долженствующе-предписующий характер выражения, неличный характер деловой речи, стандартизованность, отсутствие художественно-выразительных средств, специфическая терминологическая лексика, сложные предложения с условным придаточным и т.д.). См., напр., отрывки из различных официально-деловых документов Киевского периода (Русская Правда, Договор Руси с греками, Церковный устав князя Владимира): "Аче кто конь погубит, или оружье, или порт, а за повесть на торгу, а после познает в своем городе, свое ему лицем взяти, а за обиду платити ему 3 гривны" (Русск.Пр.), "Аще ли кто от людии царства нашего, ли от города нашего или от инех город ускочить челядин наш к вам..." (Дог.Руси), "Аже мужь оженится иною женою, с старою не роспутствася, муже тъ епископу в вине, а молодую в дом церковный, а старою жити" (Церк.Уст.).

Окраской стиля официально-деловой речи (или разновидности, типа языка в официально-деловой сфере) обладают прежде всего специальная правовая, административная, дипломатическая и т.п. терминология. Общеупотребительная лексика, которая используется наряду со специальной, относится к стилистически нейтральному слою, напр. быть, вода, год, два, жена, злой и т.д. Часть староболгаризмов расширяют ресурсы именно указанных разрядов русской правовой, административной, дипломатической, военной и т.п. терминологии, напр.

безвластный, безгласный, безвинный, беззаконие, беззаконник, беззаконный, бесчестие, бесчестить, благоволить, благоволение, благоволительный, благодарственный, благонадежный, благородие, благородный, благотворение, благотворить, блюститель, боритель, брак, братоубийство, владетель, владение, владеть, владычный, властвовать, властель, властитель, власть, властный, венценосец, венценосный, венчание, вещный, вещь, вещественный, взимать, воеводство, вождь, военачальник, воинник, воинственный, вооружить(ся), вооружение, воспретить, востребовать, возбранить(ся), возбранный, возразить, возражение, враг, враждовать, враждебный, вражда, вручать, вручение, всадник, главный, гласный, гласить, господство, гражданин, гражданский, гражданство, достоверный, достоверность, забрало, забральник, завещание, завещать(ся), завещатель, запретный, зазорный, законник, законница, законодатель, законопреступление, законодатель, зиждится, именование, именовать, именованный, имущий, имярек, избыток, извет, извещение, извещать(ся), извинить(ся), извод, изводить(ся), изгладить, излагать, изложение, измена, изменник, изобличить, изобличение, искупить(ся), искони, истязание, исступление, козни, коснуться, крамола, крамольник, крамольный, лжесвидетель, лжесвидетельство, лжесвидетельствовать, насилие, сбещание, обещать, область, областной, обыкновение, оруженосец, опслчать (ся), ополчение, правосудие, пребывание, пребывать, предвидеть, прение, победа, победитель, побеждать, послание, понеже, помощь, расторгать(ся), свидетель, свидетельство, свидетельствовать, согласие, соглашение, соглашать(ся), стража, страна, тяжба, упразднять(ся), учреждать(ся), учреждение, целование и т.д.

Указанный слой староболгарских слов обособляется на протяжении нескольких веков. Но это обособление является относительным, потому что многие лексические единицы используются и в других функциональных сферах. Это приводит к тому, что стилистические окраски пересекаются, происходят семантические сдвиги, которые обуславливают дополнительные изменения в функционально-стилистической окрашенности.

См. историю староболгаризма безгласный (Гр.Наз. XIв., Ман.), который засвидетельствован в русской письменности (до

XVIII в.) со значениями: а) немой, напр. "глуха была и безгла на" (Дит.Конст.Мур.), б) безмолвный, напр. "немии безгласень и нечювьствиемь истязаяся" (Ник. лет.XI). В XVIII в. наряду старыми значениями "немой; безмолвный", напр. "почто не бе гласны красавицы" (Трут.1770), возникают и новые, специализированные "такой, который не имеет права голоса", "тайный, не объявленный", напр. "мать - же мся была слаба, а я мал и безгласен" (Зап.Болот.). В XIX в. терминологизация этих значений приводит к известному семантическому сдвигу, напр. "тайный, необъявленный" и "незарегистрированный" (см. безгласное дело).

Староболгарское слово беззаконие (Син.по.) засвидетельствовано в древнерусской письменности с тремя значениями: а) действие, противное христианской этике, законам церкви, напр. "Богъ, видя наша безаконня и братоненавидение" (Посл. I лет.), б) безверие, инаверие, напр. "турки и мечть ны творять по своему беззаконию" (Хожд.Гр.Корсб.); в) нарушение закона, напр. "такова беззаконня и дурости я сирота не хочу" (АХУ, II). Именно третье значение, которое становится основным приобретает окраску стиля (типа, разновидности) официально-деловой речи.

Староболгарские слова, которые пополнили состав лексики, характерной для стиля научной речи

Истоки стиля научной речи русского литературного языка, как и начальный этап формирования характерных для него языковых средств (это - отвлеченность, обобщенность, логичность, точность изложения, отсутствие средств художественной изобразительности, частотность узкоспециальной и общенаучной терминологии и т.д.) восходят тоже к Киевскому и Московскому периоду, когда получают распространение списки с переводных богословских, исторических, естественнонаучных и др. сочинений, и древнерусские и великорусские оригинальные исторические, филологические, географические, дидактические, естественнонаучные, теологические и др. труды, а к XVIII в. и работы по физике, математике, геометрии, медицине и т.д., напр. Назиратель, Алфавит, Абзуковник, Космография, Книга Большому Чертежу Подлинник о книжном переплете, система, Арифметика, История

российская, Российская грамматика и т.д. См. отрывок из сельско-хозяйственной энциклопедии "Назиратель": "И о том подобает имети прилежание, чтобы дворец был поставлен при какой горе, на который был бы лес и луг совершенный или чтобы ветри здоровые повевали, и того надобь смотрети, чтобы дворец такой был открытой от востоку солнцу, чтобы тамо летом был холод от засени, а зимою чтобы солнце освечало." См. и отрывок из работы М.Ломоносова "Явление Венеры на солнце": "Ожидая вступления Венерина на Солнце около сорока минут после предписанного в эфемеридах времени, увидел, наконец, что солнечный круг часмого вступления стал неявствен и несколько будто стушеван, а прежде был весьма чист и везде равен".

Постепенно возникают различные системы общенаучной и специальной научной русской лексики, которые пополняются и старославянизмами. Их устойчивое употребление в конкретных научных сферах определяет установление соответствующей функционально-стилистической окраски. См. напр., такие старославянские слова, как: адамантовый, астрологический, благовещение, близнец, богомил, богослов, богословие, боярин, боярский, буква, будущий, бытие, величество, венценосец, венчание, верховный, вещество, витийство, вития, виноград, виноградник, вкус, влага, влагалище, владыка, внимание, внушать, воздух, воздушный, воззрение, воззвание, возлежение, возраст, волхв, воображение, вооружение, вопрос, восклицание, воскресение, воспитать, воспитание, восприятие, восстание, восток, восточный, врачевание, врач, врачевать, вратарь, время, вселенский, вселенная, гласный, грамматик, грамматический, давление, движение, дательный, действие, декабрьский, делитель, державный, дробитель, духовный, единица, единичный, единоначалие, единорог, единственный, естество, естественный, животное, жизнь, жрец, звательный, земледелец, землемерие, злак, знаменатель, зрение, игуменство, изваяние, извержение, извергать, извлечение, извод, изводить, изобразить, изобрести, изобретать, изобретение, изречение, изыскать, излияние, исповедать, исповедник, исповедь, исходить, исцеление, иудейский, исследование, исследовать, книжник, книжный, количество, качество, краткий, кровотечение, кровоточить, крепление, купель, летописец, маломощный, мощь, мощный, млечный, молитвенник, множество, на-

речие, нрав, образование, общество, область, правило, православный, превращение, предложение, пространство, причастие, причащать, разум, разумный, расстояние, рассуждать, рассуждение, собор, соединение, существо, теплота, терпение, тождество, Творение, усечение, учитель, учительство, уравнение, усечение, хищник, христианство, христианин, художество, художник, целение, церковный, черноризец, чиновник, член, щитник, юг, юность, явление и т.д.

Указанные староболгарские слова использовались и используются в различных научных сферах. Некоторые из них подвергаются терминологизации в результате семантических сдвигов. Другие вовлекаются в процесс детерминологизации в результате широкого распространения.

См., напр., употребление и распространение староболгарского слова бытие (Супр.), которое еще в древнеболгарском литературном языке представлено как обозначение философских понятий "существование; происхождение; начало". В древнерусской письменности эти значения сохраняются, напр. "прежде бытиа ихъ" (ВМЧ, Дек.), "научися... о бытии всего мира" (Перясл.лет.). Наряду с ними распространение получают и значения "пребывание; прибытие; событие", которые возникают как результат ассоциаций с различными значениями глагола быть (см. находиться, прибыть, происходить), напр. "Никонъ, при бытии своемъ на Москвѣ" (АИ, IV), "и жили [illegible] до Царева бытья" (Псс.Васильч.), "выписанс древнии бытья" (Козм.).

В XVIII в. староболгаризм бытие продолжает оставаться семантически перегруженным словом, см. "материалисты... отрицают бытие душ" (Эйлес, Письма о мат.), "воспоминают одного, яко Творца своего, и всего бытия" (Зыб., Слово о слож.), "а за бытие по тому делу" (Журн. Анненк.), "не нравоучение я пишу, но прямое бытие" (Маркиз. IV).

Дальнейшая эволюция слова бытие сбусловлена общим процессом стабилизации семантической структуры многозначных слов и выдвижением в качестве основного значения "существование, жизнь" и как философский термин "объективная реальность", напр. "общественное сознание отражает общественное бытие" (Ленин, Мат. и емпир.).

Следовательно, староболгарские слова как термины отдельных сфер науки засвидетельствованы очень рано в древнерусских, богословских, философских, дидактических и т.п. сочинениях. К XVI–XVII вв., когда появляются различные энциклопедии, руководства по отдельным ремеслам, лечебники, травники, труды по языкознению, арифметике, географии и т.д. староболгарские слова закрепляются за отдельными терминологическими группами.

Старобелгарские слова, которые пополняют состав лексики, характерной для стиля публицистической речи

В донациональный период начинается складывание основ стиля публицистической речи и его языковых средств. К XVI–XVII вв. появляются публицистические труды И.Волоцкого, В. Патракеева, Ив.Грозного, А.Курбского и других авторов, в которых находят выражение отдельные черты стиля публицистической речи (средства словесной образности, риторические вопросы, восклицания, различные приемы для создания эмоционального напряжения и т.п.).

См., напр., отрывок из "Первого послания Андрея Курбского Ивану Грозному": "Почто, царю, силных в Израили побил еси, и воевод, от бога данных ты на враги твои, различными смертьми расторгалъ еси, и святую кровь ихъ во церквах божиих пролиялъ еси, и мученическими кровьми праги церковные обагрил еси, и на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханные от века муки, и смерти, и гоненья умыслил еси, изменами и чародействы и иными неподобными сблыгая православных и тщатися со усердием свет во тьму прелагати и сладкое горько прозывати?"

С тех пор формируется и более или менее устойчивый состав лексических средств, который пополняется и значительным слоем староболгарских слов. В трудах Ф.Прокоповича, И. Посошкова, С.Пуфендорфа, А.Радищева и т.д. этот слой еще больше расширяется. См.: апостольский, адский, ангельский, алкать, баснословие, бездушие, безмолвие, безумствовать, бесславие, бесстрастие, бесчестный, благоговеть, благовоние, благотво-

рить, божество, божественный, богиня, вавилонский, варварство, ваяние, вдохновение, величать, венценосный, вещание, веяние, взыскивать, владычество, властелинь, властолюбивый, внимать, возглавлять, возглас, возопить, воинство, волшебство, вопить, воскрылять, воссиять, восход, всемогущий, всемирный, всесильный, вышний, вящий, геенский, глумиться, гигантский, господствовать, гражданин, грехопадение, гробокопатель, грядущий, даяние, двуличный, демонский, держатель, дерзание, дерзновение, дерзость, десница, детеубийство, деяние, достоинство, душегубный, дьявольский, единение, единогласный, единосущный, елейный, естество, ехидный, жажда, жертва, жертвенный, животворить, жребий, жупел, запечатлеть, зверообразный, зиждитель, злодейство, знамение, зодчий, идольский, изверг, изгнание, издыхание, излишествовать, изобильный, изящный, искус, исповедь, истязание, исчадие, казнь, клеверт, коварство, козни, кормчий, краеугольный, крамольный, кровопийца, кумир, лжеименитый, ликовать, лихоимство, лицемерить, лукавство, маститый, мерзость, мертвенный, мечтание, милосердие, мирстворец, младенчество, мнимый, многострадальный, мрак, мудрование, мужественный, мученический, мытарство, насаждение, наслаждение, насущный, невежество, неискусный, неистовство, немощный, неравенство, нищета, обет, обесчестить, обитание, обременить, ограждение, озарение, окаянный, ополчаться, осенять, осквернять, отечество, отреченный, парить, пастырь, первенствовать, первозданный, пламя, пламенный, победоносный, подвизать, покаяние, пострекать, празднование, празднолюбец, предверие, прекословный, прелюбодейство, пресмыкаться, претить, рабство, рабский, равенство, равнодушный, рукотворный, самовластный, самобытный, святотатство, святыня, священный, соблазн, созерцание, сонм, сребролюбец, среда, стязя, состязание, страдальчество, суетный, твердыня, творческий, торжествовать, трезвый, тщеславие, тунеядец, убожество, ухищрение, фарисейский, ходатайство, чревоугодие, человеколюбие, язычник и т.д.

Для публицистической речи особенно характерно взаимопроникновение и взаимодействие функционально-стилевой и экспрессивно-эмоционально-оценочной окраски, потому что слова с указанными окрасками в сфере публицистики объединяются общей

функциональной направленностью публицистической речи – служить средством воздействия и сообщения.

Анализ употребления староболгарских слов данного типа показывает, что в ряде случаев закрепление староболгарских лексических единиц в соответствующей сфере является результатом семантических изменений, приобретения эмоционально-экспрессивно-оценочной окраски и пр.

См., напр., употребление и распространение староболгарского слова божество (Супр.), которое в древнерусской письменности засвидетельствовано с двумя основными значениями: а) божественная сущность, бог, напр. "въскресиши мьртвьца своего божества силою" (Кир.Тур.), б) все, что относится к религии, напр. "дочи ростет, а страху б(ж)ию и всякому божеству учится" (Домостр.). К XVIII в. основное значение "божественная сущность бог" сохраняется, напр. "Нам ли, слабым, смертным, проницать в сокровенности Божества" (Моск.журн., VIII). На основе этого значения возникает переносное "о чем-л. высоком, о предмете преклонения", напр. "истина есть вышее для нас божество" (Радищ., Пут.), которое становится употребительным в стиле публицистической речи.

Условно к данному разряду относим и слой староболгаризмов, выражающих религиозные понятия и относящихся к сферам богослужения, христианских обрядов, церковного быта и т.п. В функциональных стилистиках русского литературного языка не выделяется функциональная сфера религии. Но распространение христианского мировоззрения и христианской литературы обусловило заимствование обширного слоя староболгаризмов, относящихся к этой сфере. Именно поэтому здесь выделяется слой староболгарских слов, за которым закреплена окраска, свойственная культовой, церковнославянской речи. Указанный слой начинает обособляться еще в Киевский период. См.: апостольский, апостольство, архиепископство, архиерейский, благовещение, благовестить, богоносец, богообразный, Богородица, богословие, богослов; богоугодный, богоявление, великомученик, венчание, вечерняя, владыка, владычество, владычица, вознесение, волхв, воскропять, воскресать, воскресение, воскресный, восприемник, вручать, всеблагий, всевидящий, вседержатель, всемилостивый,

всемогущий, вышний, говейный, говение, горний, господь, гранесловие, дароносие, двсеверие, девоматерь, доброговейный, духоборец, духовник, духовный, д яконство, евангельский, единоверник, единоначалие, единосущие, елепомазание, епархийский, епаршейский, епаршество, епископство, епоскопский, епитимийный, еретичество, еретический, естество, жезл, жертвенник, жертвенный, житие, жрец, жреческий, жречество, заклинание, законоучитель, затворник, заутреня, зловерие, игуменство, иераршество, иерейство, иерействовать, инсверный, инок, инокиня, иноческий, искус, искуситель, исповедание, исповедать(ся), исповедник, исповедовать, исповедь, иудов, кадильница, кадильный, каинов, канонник, кандильный, кесарев, клиросник, клиросный, клобучец, ключарь, комкание, крестилище, креститель, крещение, крещать(ся), кропление, купель, левитянин, лик, ликостояние, литургийный, маловер, манихейский, маннсдавец, маслопомазание, мародержитель, миропомазание, мироносица, мирсточивый, митрополитский, молебник, молебница, молебный, молитва, молитвенник, молитвенный, монастырский, монахиня, мощи, мученик, мученица, мученический, мученичество, мытарь, мясопуст, наместник, нарамник, настолие, наставник, начальник, неправедный, обедня, обет, сбетованный, обручение, общежитие, общежительство, оглашение, освящать(ся), освящение, осенять, останки, послушник, послушание, постник, постный, постить(ся), праздник, празнование, престол, присносущий, приставник, причастие, причастить(ся), причастник, причащение, проповедание, проповедать, проповедник, проповедовать, пророк, пророчество, рождество, священник, раскол, раскольник, светлость, свещник, святописание, святотатство, священнодействовать, священник, святыня, священнослужитель, собор, странник, странничество, страстотерпец, таинство, творец, требища, треба, требник, тлетворный, трапезник, трапезный, угодник, утреня, усыпальница, утварь, храм, христианство, христолюбивый, чернсризец и т.д.

Старобслгарские слова данного типа получают широкое распространение в древнерусской и русской литературе и письменности. См.: "ароматница серебряна золочена" (Росп.Н.Ром.), "яко и на ап(сл)ьство избра" (Сказ. о Иуде), "не прилично

архимандритомъ архиерейская действовати" (ДАИ,V), "кр(с)тити воду на с(т)ое богоявление" (Ипат.лет.), "и повеленс бысть владыцѣ" (Новг.I лет.), "кончавъ заутреню помолися" (Лавр. лет) и др.

Основная часть староболгаризмов данного типа сохраняются в едином русском литературном языке, см. "сие ли то есть апостольства вашего чудо" (Кам.веры, Пред.), "митра есть шапка архиерейская" (Кант.,Сат.I), "Уже стошла заутреня" (Гог., Ночь), "Наши инoки – летописцы записывали в свои тетради" (Печерск., Солн.), "дед носил младенца вокруг купели" (Л. Толст., Война) и др.

В светских сферах некоторые из рассматриваемых староболгаризмов подвергаются семантическим изменениям, получают переносные значения. См., напр., историю слова ангельский (Супр.), которое в древнерусской письменности засвидетельствовано как прилагательное к слову ангел, напр. "чего же намъ еще хощется лутче того? развѣ языка ангельска" (Аввв., Кн.толк.). К XVIII в. наряду с указанным значением, напр. "казалось, что я вступил в мир Ангельской" (Караме.,Письма рус.пут.), получает распространение и переносное значение "святой, безгрешный; исполненный кротости, доброты, красоты", напр. "душа ангельская, говорил сатирик"(Сидней), "ангельский быть должен голосок" (Крыл., Ворон). Переносное значение в данном случае обуславливает установление экспрессивно-эмоционально-оценочной окраски, которая является дополнительной.

В других случаях семантические изменения не сопровождаются возникновением дополнительной экспрессивно-эмоционально-оценочной окраски. См., напр., историю слова богослов (Апокал. XIII–XIV вв.), которое в памятниках древнерусской письменности представлено со своим основным значением "специалист по богословию, теологии", напр. "сице богословъ Григорие глагольетъ" (Курб.,Пис.). Оно сохраняется и в XVIII в., напр. "богослов есть тот, который учится или учит другия богословии" (Коз., Ст.филос.). В XIX в. появляется и новое значение "ученик старшего класса духовной семинарии", см. "грамматики, риторы, философы и богословы с тетрадями под

мышкой брели в класс" (Гог., Вий).

Староболгарские слова, которые пополняют состав лексики, характерной для стиля художественной речи

Отдельные характерные черты стиля художественной речи и функционально-стилевая отнесенность к ним различных языковых средств начинают выделяться еще в древнерусский период (напр. средства художественной образности, художественно-образная конкретизация, стилистические приемы, восклицания, обращения, риторические вопросы и т.д.). Первоначально жанровая система, в которой используются подобные языковые и стилистические средства, остается ограниченной (слова, повести, моления, поучения, плачи, сказания и т.д.), напр. "Слово о полку Игореве", "Моление Даниила Заточника", "Поучение Владимира Мономаха", "Повесть о разорении Батыем Рязани", "Задонщина", "Поучения Серапиона Владимирского", "Слова Кирилла Туровского" и т.д. См., напр.: "что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плъкы заворачаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода" (Сл. полк.Игор.), "о, Бояне, соловию стараго времени! а бы ты сиа плъкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы" (Сл. полк.Игор.), "Княже мои, господине мой! Вода живот рыбам, а ты людем" (Мол.Дан.), "Есмь бо яко вретище обетшало, ходяи на чинание душевое своею, иступая опаки умом своим" (Мол.Дан.).

Постепенно жанровая система расширяется, обогащаются и языковые средства, употребительные в художественной речи. Ее многогранность, обстоятельство, что художественная литература отражает необыкновенное многообразие общественной жизни чувств людей, отношения к изображаемому и т.д., предопределяет привлечение самых разнообразных языковых средств, в том числе и особенно лексических (напр. средства, отличающиеся функционально стилевой и эмоционально-экспрессивно-оценочной окраской, народно-поэтические единицы, заимствования, разряд поэтической, народно-разговорной лексики и т.д.). Особенно велика роль некоторой части староболгарской лексики в расширении ресурсов русской художественной речи.

Некоторые авторы относят начало формирования пласта старославянизмов, которые пополняют ресурсы русской художественной речи к Ломоносовскому периоду. Тогда использование старославянизмов в определенных жанрах русской литературы середины и второй половины XVIII в. (напр. в героических поэмах, одах, трагедиях, в ораторской прозе и пр.) регламентируется стилистической теорией Ломоносова о трех стилях. Функционально-стилевая и эмоционально-экспрессивно-оценочная окраска старославянизмов в этот период определяется тем, что они служат стилеобразующим средством выражения пафоса, торжественности, эмоциональной напряженности. В конце XVIII и в начале XIX в., освобожденный от условной схемы классицизма, отобранный слой старославянизмов служит основой для формирования категории поэтизмов. "Старым словам, обладавшим в прошлом разного рода "высокой" экспрессии – то эмоциональной "громкости" и "пышности", то рассудочной отвлеченности, то гражданственности, теперь, под пером выучеников Муравьева и Карамзина, была сообщена экспрессия "сладостности", нежности, пластичности и музыкальности"[383].

Но изучение старославянских традиций в древнерусской литературе показывает, что истоки формирования изучаемого пласта старославянизмов следует искать именно в указанной литературе, в которой выделяются два аспекта функционирования старославянизмов. Первый – это нормативный аспект, характерный для употребления старославянизмов в христианской древнерусской и русской литературе, в которой находят выражение нормы церковнославянского литературного языка, старославянского в своей генетической основе (т.е. в древнерусской и русской редакции старославянского литературного языка). См., напр., употребление старославянизмов в "Житии Феодосия Печерского": "нося и дрѣва на своею плещю. бѣдя же по вся-нощи въ словословлении б(ж)и", "въставъ начатъ водоу носити от кла-

---

[383] Г.О.Винокур. Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина. В кн. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 337.

дязя", "тако въ тоу нощь легъ въ келии своеи съпа сладъко", "овы гоусльныя гласы испоущающемъ дроугыя же оръганьныя гласы поющемъ", "жилище с(т)ааго д(х)а сътвори, и бы(с) въдовицамъ застоупьникъ. и сирыимъ помощьникъ" и т.д.

Второй аспект может быть назван стилистическим. Он касается главным образом состава староболгаризмов, у которых на древнерусской и русской почве имеются лексико-фонетические, лексико-семантические, лексико-грамматические и словообразовательные общеупотребительные русские эквиваленты (т.е. однокоренные варианты и разнокоренные дублеты типа аз-я, браздить-бороздить, вертоград - сад, есень - осень, нощь - ночь, рыбарь - рыбак и т.д.).

В основном именно такие старославянизмы обособляются как характерный для художественной речи пласт, пополняя ее ресурсы. См.: аз, агнец, аки, блато, блатный, брань (война, сражение), бразда, брада, брег, брашно, братия, вельми, вежды, вдовица, велегласный, вертоград, виноградарь, витание, вкупе, виждь, влачить, власы, возблистать, возвеселить, возвещать, возглаголать, воздавать, воздаяние, воздвигать, возвышать, возлететь, возливать, возрадоваться, возопить, воскрылять, воспалять, восплакать, восхождение, восшествие, вотще, врабий, врата, вретище, выя, глава, горний, гобзовать, град (в зн. город), глаголать, глагол (слово), глас, глад, гладный, грясти, грядущий, дождь, деннница, десница, длань, днешний, долу, драгой, дщерь, един, есень, езерс, елень, жребец, жупел, здравие, зерцало, зиждать, заклать, златить, златный, змий, иже, изглаголать, издыхание, израсти, камо, кладезь, клас, крава, кошница, кормчий, куща, купно, ладия, ланита, лобзание, младой, младость, мраз, млеко, мрежа, млатить, млат, нощь, сбаче, овен, озлатить, ствещать, перси, пелынь, петел, полнощь, праг, пред, прейти, превсдить, прелетать, преходить, провождать, пяток, рамена, рясны, рыбарь, свеща, секира, слана, сребро, сребрить, средина, скудель, славий, страж, тверди, телец, тысяща, убиение, хладный, хожду, пощу, хлябь, целование, чадо, чресла, чреда, чертог, шарить, шуица, юдоль, яко и т.д.

Рассматриваемый пласт староболгаризмов особобляется еще в древнерусский период и широко используется в древне-

русской светской литературе. См., напр., в "Слове о полку Игореве": "нощь, стонущи ему грозою птичь убуди", "пресп поля прикрываютъ, стязи глаголютъ", "ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось", "ни думою сдумати, ни счима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати", "что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями?"

Изучение истории употребления старославянизмов данного типа показывает, что они используются на всех этапах истории русского литературного языка. См., напр., употребление старославянизма древо: "а древес на бологомъ листвие срони" (Сл.полк. Игор.), "а древеса тугою к земли приклонишася" (Задонщ.), "азъ бо есмь, княже, яко древо при пути" (Исл.Дан.Зат.), "Уже он ловит жадным взором/Сквозь ветви древ, в глуши лесной,/Кровь одинокой и простой" (Рыл.,Всйн.), "И ветер, лаская листочки древес/ Тебя с упокоенных гонит небес" (Пушк.,Туча), "древо сие у нас ветлой именуется" (С.Бород.,Дм.Донской). См. еще и распространение старославянизма младый (младой): "посла на обиду Олгову, храбра и млада князя" (Сл.полк.Игор.), "и плакашеся по ней младъ сынъ" (Ипат.лет.), "И счастье младое умирает" (Жук., Конч.корол.), "Пускай младой герой/ Пылает и дрожит" (Дмитр.,Карамз.), "скрылим незримой толпой младое сердце Дон Жуана" (А.Толст., Дон Жуан), "О красавице младой/ Страстны юноши вздыхали" (Кольц., Письмо неизв.), "Поэт нашего времени вместо "с невестой младой", сказал бы "с невестой молодой" (Бел., Соч.Пушк.), "внимаю шум/ младого дня" (Фет, Я полон.) и т.д.

В древнерусской и русской литературе употребляются и другие слои старославянизмов: а) книжно-абстрактные, напр. алкать, божественный, бессмертие, благоухание, благодать, бытие, будущее, величие, гордыня, добродетель, единодушие, жизненный, злодейство, изящный и т.д. ;б) обозначения понятий из сферы культа, христианских обрядов, богослужения и т.п., напр. богоявление, богородица, владыка, жертвенник, иноk, крещение, пресвет, причастие, священник, трапезница, храм, черноризец и т.д.; в) обозначение определенных предметов, признаков, действий и т.д., напр. буква, боярин, варварский, вещать, вышеград, грамотей, грамматик, дьявольский, единица, жезл, завет-ный, забрало, идольский, кумир, маслина и т.д.

Но наиболее характерными для художественной речи являются стилистически маркированные старославянские дублеты и варианты.

Старославянские лексические единицы входят в разнообразные комбинации с остальными речевыми средствами и используются в художественной (и публицистической) речи для выполнения различных функций (эстетической, коммуникативной, информативной, образно-характеристической и т.п.) и художественных целей. Эти проблемы рассматриваются отдельно. Следует добавить, что в процессе функционирования некоторые старославянизмы подвергаются семантическим изменениям. См., напр., историю старославянизма агнец. В старославянских текстах это слово засвидетельствовано со значениями "ягненок, кроткое милосердное существо - об Иисусе Христе" (Супр.). В памятниках древнерусской литературы оно представлено с указанными значениями, напр. "отъ того года агньци и козлища гладомь умираху" (Жит.Сав.Осв.), "се агньць б(ж)ии" (Златостр.XIIв.), "не зри на мя, аки вълкъ на агнца" (Изб.Дан.Зат.). В русской литературе XVIII-XX в. наряду с этими значениями зафиксировано и переносное значение, "кроткое, смиренное, ласковое существо", употребительное преимущественно в художественной и публицистической речи. См.: "Видит малый агнец издалека мать свою" (Кант., Письма с прир., IV), "Христос бо наш есть ныне Пасха, жертва живая, агнец Божий" (Блаж. Феофилакт Болгарский, Катех. раск., II), "Ты думал, агнец мой послушный, / Как надо я тебя желал!" (Пушк., Сц. из "Фауста"), "Это обстоятельство превратило его из прежнего лютого зверя в наисмиреннейшего агнца" (Болот., Зап.), "Робертус, несмотря на всю свою ученую ересь, явился просто агнцем в сравнении с этим беспокойным человеком" (Плех., Экон.теория).

Старославянские слова, которые пополняют состав лексики, характерной для стиля разговорно-литературной речи

Позже всех закладывает свои основы стиль разговорно-литературной (разговорно-бытовой) речи. Уже в начале XIX в.

этот стиль как самостоятельная функционально-стилевая сфера русского литературного языка не был окончательно сформирован, поскольку не завершился еще процесс взаимопроникновения книжной и разговорной речи на единой русской национальной основе, а образованная часть светского русского общества в сфере общения активно использовала тогда французский язык.

В романе "Евгений Онегин" содержатся показательные суждения А.С.Пушкина по этому вопросу:

Я знаю, дам хотят заставить
Читать по русски. Право, страх!
Могу ли их себе представить
С "Благонамеренным" в руках!
Я ссылаюсь на вас, мои поэты,
Не правда ль, милые предметы,
Которым за свои грехи,
Писали втайне вы стихи
Которым сердце посвящали,
Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом
Его там мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?

Даже Татьяна, так непосредственно связанная с русским народным бытом, народом, природой, по свидетельству А.С.Пушкина, изъясняется с трудом на своем родном русском языке, поэтому ему приходится делать русский перевод известного письма Татьяны. См.:

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...
Что делать! Повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски.
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

(Пушк.,Евг.Онег.,гл.III)

А.С.Пушкин указывает и на необработанность прозаического языка, подчеркивая: "Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что ленность

наша охотнее выражается на языке чужом"[384].

Истоки разговорно-литературной речи тоже относятся в известной мере к древнерусскому периоду. Можно предполагать, что в судебной практике, в администрации, в дипломатии, на собрании горожан в Древней Руси (вече) и т.п. закладываются основы разговорно-обиходной речи, которая отличается от спонтанной, необработанной диалектной и просторечной речи. Еще в этот период появляются документы и сочинения, в которых находит выражение формирующаяся подсистема (разговорно-литературная) литературного языка древнерусской народности. См., напр., в "Поучении Владимира Мономаха": "Съ коня много падахъ, голову си разбихъ дважды, и руце и ногe свои вередихъ, въ оуности своей вередихъ, не блюда живота своего, не щадя головы своея"; см. еще в "Повести временных лет": "Рече Святославъ к матери своей и к боярмъ своимъ: "не любо ми есть в Киеве быти, хочу жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся сходятся"...". См. также в "Слове о полку Игореве: "И рече Игорь: "Братие и дружино! луце жъ бы потятy быти, нежe полонену быти, а всядемъ, братие, на свои бръзыя комони да позаримъ синего Дону".

Староболгарские слова, как уже отмечалось, пополняют ресурсы постепенно формирующейся сферы разговорно-литературной (разговорно-обиходной) речи. В основном это широко употребительные староболгарские слова, которые проникают как обозначения новых для речевого коллектива предметов, реалий, а также различных понятий, напр. архиерейский, безбожный, белец, буква, вериги, вестник, виноград, виноградник, вещь, влага, владыка, воздух, вторник, врач, вражда, враждовать, врач, вредить, вретище, глум, глумить(ся), говеть, господь, горнило, гостиница, довольный, еврейский, жажда, живить, жидовский, жизнь, затворник, заупокойный, знание, иудейский, клепало, козни, крамольник, крещать, кручина, лестный, лукавый, любезный, между молитва, молебен, монахиня, мощи, мрак,

---

[384] А.С.Пушкин. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А.Крылова. ПСС, т.I-XVI,М.-Л., 1937-1949,т.XI, с.34.

мрачный, мясопуст, наместник, насельник, наследник, начальник, нужда, нуждаться, область, облако, общий, одежда, парить, пламя, лица, поганский, прах, постный, постник, поститься, равный, родитель, священник, сладкий, срам, срамить, страна, телеса, тленный, тучный, урод, ходатай, церковный, черт чудный, юноша, юродивый и т.д. Следует еще раз подчеркнуть, что некоторые староболгарские слова проникают в разговорно-обиходную сферу с измененным на русской почве значением, напр. блаженный (в зн. глуповатый), блажить (в зн. дурить), братия (в зн. люди одной профессии), брань (в зн. ругань), вертеп (в зн. убежище продажных женщин), нелепый (в зн. неуклюжий), разбой (в зн. несправедливость) и др. Отмечалось также, что часть староболгарских слов проникает в рассматриваемую сферу с соответствующей коннотативностью, напр, безбожник, бесчинник, бесчинство, окаянный, оглашенный, похабство, прелукавый, фарисейский и т.д.

См., напр., распространение и употребление староболгарского слова блажить, засвидетельствованное в древнеболгарской и в древнерусской письменности со значениями: а) восхвалять, напр. "дондеже ядятъ, и его блажатъ" (Авв.Кн.Толк.), б) оказывать милосердие, напр. "бл(а)жит м(а)ти малого с(ы)на" (Наказ.чад.). К XVII в. происходит раскалывание семантической структуры и формирование омонимических образований на основе слова блажить. С одной стороны, сохраняется старое значение "восхвалять, прославлять", напр. "И всякой год плоди обильно приносила,/ Судьбу свою блажила" (Леонт.). С другой стороны, получает распространение в просторечной сфере глагол блажить со значением "дурить", связанный с подобными простонародными образованиями блажной и блажь. См.: "словом, он колобродил, блажил, покуда мочь была" (Анекд.пошех.). В русском литературном языке XIX–XX вв. сохраняется только просторечное значение "дурить; капризничать", напр. "Как закричит, у меня тот час ноги мертвеют... Ведь только блажит, знаю, что блажит, а все страшно" (Дост.Униж.и оскорбл.).

Все приведенные разряды староболгарской лексики показывают, что она является и одним из источников пополнения ресурсов функционально-стилистически окрашенной лексики русского литературного языка.

2. Пополнение староболгаризмами состава синонимических средств русского литературного языка

Староболгарские слова участвуют активно в пополнении синонимических средств русского литературного языка на разных этапах его исторического развития. Воспринимая синонимы как близкие или тождественные по значению слова, обозначающие один и то же понятие, но отличающиеся друг от друга оттенками значений (близкие), либо стилистической окраской (тождественные) либо своими признаками[385], мы относим русско-староболгарские синонимы к типу разногенетических, разграничивая однокоренные лексические варианты типа агнец–ягненок, власы–волосы, единодин, нощь–ночь, рождать–рожать, и разнокоренные лексические дублеты типа выя–шея, днесь–сегодня, паки–опять и т.д.

Генетическая близость староболгарского и древнерусского языков, наличие определенных дифференциальных признаков на всех уровнях их систем (и особенно на лексико-семантическом) является важной предпосылкой для формирования синонимических рядов, когда староболгарский литературный язык оказывается на древнерусской языковой территории. Начало процесса формирования подобных рядов намечается в древнерусской разновидности древнерусской редакции староболгарского литературного языка (по другой терминологии, в книжно-славянском типе древнерусского литературного языка или в русской редакции церковнославянского языка). Но синонимические ряды в этой системе письменно-литературного выражения остаются нерегулярными потому что русские проникновения не являются системными. См., напр., в "Житии Феодосия Печерского": "из меледа" и "из млада", "на срачици его кръвь" и "растьрзавъши сосрчицю", "въшедъ въ пещероу" и "предъ двѣрми печеры", "до де града Володимиря" и "близъ города", "не створьзе ворстъ" и "приступивъ къ вратомъ", "сего ради възволочааше" и "и тако пьхающе влачахоу", "опрсворстилъ таковыи съсудъ" и "пивс опрсвратихъ", "хочетъ тя посълати" и "кого хощете" и т.д.

---

385 А.П.Евгеньева. Проект словаря синонимов. М.,1964, с.9.

Более стабильные синонимические ряды разногенетических вариантов и дублетов устанавливаются в письменно-литературной разновидности древнерусского (и русского) языка. См., напр., в "Слове о полку Игореве": "загородите полю ворота" и "створи врата Нову-граду", "чрѣныи воронъ, поганыи Половчине" и "тогда врани не граахуть", "темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля" и "ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрои Каялы", "стоиши на борони" и "храбрыи князи доспѣли на брань", "тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя" и "хощу главу свою прилежити", "уныли гласы, пониче веселие" и "на Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ", "Ярославна рано плачетъ Путивлю городу" и "скочи къ граду Кыеву", "как раны, дорога братие" и "а с ними злато и драгыя оксамиты", "который дотечаше" и "иже погрузи жиръ", "а съ нима молодая мѣсяца" и "Храбра и млада князя", "а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше" и "всю нощь съ вечера бусови врани възграяху" и т.д. См. еще в "Молении Даниила Заточника": "ты, княже, господине, свою голову веселиши" и "а глава твоя украшена славою", "много от нихъ люди насыщаются, а сами гладнии измираютъ" и "многия люди насыщаеши, а сам голоден", "зла жена не дастъ слова рещи" и "яко глаголъ твои сладо(к)", "доброго слугу, куды послати - мало наказати" и "богатыи бо камо идет, тамо его любят", "боярин скупъ, аки колодезъ солонъ" и "очи твои яко кладязь воды живы", "не воздержи злата, ни серебра, но раздаи людем" и "ни надобе ни злата, ни сребра" и т.д.

Именно в письменно-литературной разновидности древнерусского (и великорусского) языка возникают разнообразные ряды разногенетических синонимов, потому что он оставался более открытой системой, свободно допускающей языковые средства престижного языка христианской религии. Русские проникновения в ограниченном виде представлены в культовом языке, потому что нарушение его норм резко осуждается. В.В.Виноградов с основанием подчеркивает, что "фронтальный стилистический параллелизм между двумя системами обоих типов не мог формироваться в силу резкой функциональной разграниченности сфер применения каждого из них"[386]. К XVIII в., когда в рамках единого рус-

[386] В.В.Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, с.135

ского литературного языка объединяются высокий стиль (в осно ву которого ложится русская разновидность церковнославянско литературного языка, по другой терминологии, книжно-славянский тип) со средним и низким (основа которых является русской), синонимические ряды разногенетических синонимов устанавливаются в более или менее устойчивом виде.

В большинстве случаев русские (или праславянские, восточнославянские) лексические единицы в составе разногенетических синонимических рядов типа голос–глас, ночь–нощь, опять–паки относятся к общеупотребительному слою лексики русского литературного языка и отличаются своей функциональной активностью и регулярностью употребления в речи. Старославянские лексические единицы типа глас, нощь, паки проникают как параллели, дублирующие значения русских соответствий. Несмотря на то, что дублирующие единицы обычно вытесняются из употребления, староболгаризмы указанного типа остаются в употреблении, потому что в данном случае устранение дублетности осуществляется за счет стилистической дифференциации синонимических пар. Староболгарские слова становятся стилистически маркированными, окрашенными.

Таким образом в системе русского литературного языка формируются синонимические ряды вариантов и дублетов, принадлежащих генетически к разным языковым системам, но употребительных в одном речевом коллективе, обладающих общими значениями или общим компонентом значения и отличающихся с точки стилистической маркированности, окрашенности.

Значительная часть староболгарских вариантов и дублетов закрепляется в процессе использования в древнерусской и русской литературе за разрядом стилистически окрашенной, маркированной лексики, а русские (или праславянские, восточнославянские) лексико-семантические, грамматические, фонетические и словообразовательные эквиваленты остаются в разряде стилистически нейтральной лексики. См.: аз–я, агнец–ягненок, агнца–ярка, аки–как (словно), абие–тотчас (внезапно, спять), аще–если (несмотря на то, что, разве), блато–болото, блатный–болотный, бо–потому что, брань–битва, (война, сражение), бранный–всевой (военный), бразда–борозда, брада–борода, брадатый–бородатый, брег–берег, брашно–еда (яства),

бреши–беречь, вапить–красить, вельми–очень (весьма), вежда–веко (бровь), вдовица–вдова, велегласный–громогласный, велеречивый–многословный, велеумный–мудрый, велий–великий, вертоград–сад, вертоградарь–садовник, весь–деревня, вечеря–ужин, вечерять–ужинать, вещать–говорить (беседовать, нагова-ривать), виталище–обитель, вкупе–вместе (целиком, одновременно), вижду–вижу, виждь–посмотри (вижь), власы–волосы, внимать–слушать, возблистать–засиять, возглавница–подушка, возглаголать–заговорить, воздавать–отдавать, воздвигать–строить, вздыхать–вздыхать, возливать–выливать, врабий–воробей, врата–ворота, вретище–рубище, всуе–напрасно, выя–шея, глава–голова, горний–верхний (высший), гобзовать–изобиловать, град–город, грясти–идти, даждь–дай, денница–утренняя звезда, десница–правая рука, десный–правый, длань–ладонь, дивий–дикий, днесь–сегодня, доблий–смелый, дольний–нижний (земной), дондеже-пока (до тех пор, пока), драгой–дорогой, дщерь–дочь, един – один, елико–сколько, есень–осень, елень–олень, езеро–озеро, жребец–жеребенок, жупел–горящая сера (пугало), зазрение–укс-ризна (стыд), здравие–здоровие, зело–очень, зерцало–зеркало, зиждать–строить, заклать–заколоть, златить(ся)–золотить(ся), злато–золото, змий–змей, иже–который, извлекать–вынимать, издыхание–выдох, излетать–вылетать, израсти–вырасти, изрывать–вырывать, камо–куда, кладезь–колодезь, клас–колос, колико–сколько, кормило–руль, кормчий–рулевой, котва–якорь, кошница–корзина, крава–корова, краль–король, купно–вместе, куща–хижи-на (шалаш), ладия–лодка, ланита–щека, лобзание–поцелуй, мла-дой–молодой, младость–молодость, мраз–мороз, млеко–молоко, мрежа–мережа (сеть), мышца–рука, ниспускать(ся)–опускаться, нощь–ночь, овамо–туда, обаче–однако, облый–круглый, овен–ба-ран, озлатить(ся)–озолотить(ся), отвещать–отвечать, пастырь–пастух, перси–грудь, пелынь–полынь, петел–петух, полнощный–полночный, прах–порог, плещи–плечи, прапор–знамя, пред–перед, прелететь–перелететь, пристанище–пристань, прихожду–прихожу, провождать–провожать, пяток–пятница, плашить–пугать, плахий–робкий, рамена–плечи, риза–одежда, ряснь–украшение, рыбарь–рыбак, свеща–свеча, семо–сюда, слана–иней, секира–топор, сре-дина–середина, сребро–серебро, стогна–улица (площадь), страж-

сторож, славий–сословей, скудель–глина, тако–так, твердыня–крепость, телец–теленок, толико–только, труждаться–трудиться, тук–жир, тысяща–тысяча, убо–так (и так), угобзить–насытить (дать плод), убиение–убийство, ухапать–укусить, хлад–холод, хладный–хлодный, хврастие–хворост, хожду–хожу, хощу–хочу, хлябь–поток (водопад), целование–поцелуй (присяга), чадо – дитя, чародеица–колдунья, чело–лоб, четыредесят–сорок, чревс–живот (брюхо), чресла–поясница, четверток–четверг, чреда–очередь, чрез–через, чаяние–ожидание, чревобесие–обжорство, чредитель–хозяин, чернорисец–чернец, чертог–спальня, шарить–красить, шега–шутка, шуй–левый, шуица–левая рука, юдоль–долина (горесть, печаль), ярина–овечья шерсть, яко–как (что, так как) и т.д.

Староболгарские варианты и дублеты остаются в пассивном запасе лексики литературного языка, потому что, как отмечалось, в общем употреблении функционируют общенародные эквиваленты, напр. борозда, вместе, ночь, петух и т.д. На фоне подобных общеупотребительных, стилистически нейтральных языковых средств старобслгарские соответствия постепенно и все более отчетливо обособляются как стилистически маркированные, окрашенные. "Необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно–библейского, а с другой стороны, выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, имея возможность таким образом в одной и той же речи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку"[387]. По существу это отмечается еще В.К.Тредиаковским, который подчеркивает, что "как материи, которые словом человеческим изображаются различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий"[388], что высоким

---

387 Н.В.Гоголь. В чем же, наконец, существо русской поэзии. ПСС, тт.I–XIV. М.–Л.,1947–1952,т.VIII,с.408.

388 М.В.Ломоносов. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке.ПСС,т.VII,с.588.

стилем, который составляется из речений славенс-россейских и славенских (т.е. праславянских и староболгарских), "преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими"[389].

Староболгарские варианты и дублеты рассматриваемого типа начинают выделяться как стилистически маркированный слой еще в древнерусский период. Г.О.Винокур отмечает, что составители древних литературных текстов не считают синонимическую пестроту лексики предосудительной и не избегают ее. "Но есть основания утверждать и больше. В литературных памятниках древнейшей поры нередко можно наблюдать и сознательный выбор именно того ,а не другого из возможных дублетов лексики, в зависимости от определенных стилистических условий"[390].

См. употребление старобслгаризмов вспять, глава,глас, древо в "Молении Даниила Заточника": "и начнем бити в сребреныя органы, и вопиемъ от премудрости", "крест есть глава церкви", "помилуй мя, господине, гласмъ блуднаго сына", "есмь бо яко древо сухо" и т.д.

И.С.Улуханов с основанием обращает внимание на то,что "существование в лексической системе параллельных славянизмов и русизмов дает возможность с помощью их избегать повторения одних и тех же слов"[391]. См. еще примеры в "Молении Даниила Заточника": глаголати-говорити, град-город, златой-золотой, напр. "а богатый глаголет", "Соломон премудрый говорит", богат муж везде знаем и в чужем граде друзи имеет", "в чюжих городех знают", "яко обретая корысть многу злату", "аще бы котлу золоты колца".

Д.С.Лихачев указывает и на другой очень существенный аспект. "Выбор писателем церковнославянского языка или церковнославянских слов и форм для одних случаев, древнерусских - для других, а народно-поэтической речи - для третьих, был выбором всегда сознательным и подчинялся литературному эти-

---

389 Там же

390 Г.О.Винокур. Русский язык. Исторический очерк.- В кн. Избранные работы по русскому языку. М.,1959, с.59.

391 И.С.Улуханов. О судьбе славянизмов.., с.70.

кету"[392].

Во многих случаях использование старославянских дублетов и вариантов в светской древнерусской повествовательной, повествовательно-исторической и исторической литературе действительно подчиняется определенному литературному этикету (т.е. старославянские варианты и дублеты используются как эпитеты, метафоры, при сравнениях и т.д.). См., напр., в "Слове о полку Игореве": "тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень", "нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди", "полъвци сулици своя повръгоша, а глазы своя подклониша", "мъгла поля покрыла, щекоть славии успе".

Наряду с этим следует подчеркнуть, что процесс литературной обработки текстов находится на начальном этапе формирования литературно-языковой нормы. Это обуславливает и наличие вариативности, и отсутствие последовательности и мотивированности в употреблении старославянских вариантов и дублетов.

См., напр. использование вариантов град-город в древнерусской письменности: "и ложьмень бысть градъ" (Новг.I лет.) и "съглаша бо, яко святополкъ у города съ пльсковци" (Новг I лет.), "и плакашеся весь градъ" (Пов.разор.Ряз.) и "изиде противу ему весь городъ Кыевъ" (Пов.врем.лет.), "скочи къ граду Кыеву" (Сл.полк.Игор.) и "Ярославна рано плачеть Путивлю городу" (Сл.полк.Игор.).

Важно отметить и обстоятельство, что еще в Киевский период некоторые древнерусские книжники, владеющие как нормами древнерусской редакции старославянского литературного языка, так и письменно-литературной разновидности (подсистемы) древнерусского языка, чередуют не только разногенетические синонимы, но и сами системы письменно-литературного выражения. Д.С.Лихачев считает, что со средневековой точки зрения это уместно. Выбор определяется в зависимости от того, касается ли канонах церковных сюжетов, или своих подходов, или душевного состояния своей молодой эпохи. "Церковнославянский язык

---

[392] Д.С.Лихачев. Литературный этикет Древней Руси.- ТОДРЛ, т. XVII, М.-Л., 1961, с.7.

неотделим от церковного содержания, народно-поэтическая речь - от народно-поэтических сюжетов, деловая речь - от деловых... Церковнославянский язык постоянно отделялся в сознании писателей и читателей от народного и делового. Именно благодаря сознанию, что церковнославянский язык "особый", могло сохраниться и самое различие между церковнославянским языком и древнерусским... Церковнославянский язык, несмотря на все ассимиляционные процессы, дожил до XX в."[393]. Связь между темой, сюжетом, содержанием и выбором староболгаризмов или русизмов характерна не только для поэтики древнерусской литературы. В XVIII в. выбор лексических средств стал определяться еще и в зависимости от жанров, что регламентируется стилистической теорией М.В.Ломоносова[394]. Постепенно выбор стал обуславливаться и отношением авторов к изображаемому, и характером персонажей, и их социальной принадлежностью, и хронологией, временем описаний событий и рядом еще факторов. В донациональный период выбор староболгаризмов подчиняется и желанию древнерусских авторов уподоблять язык своих сочинений престижному священному языку религии и церкви. В национальный период, когда церковнославянский литературный язык сохраняется в основном в сфере культа, состав староболгаризмов сокращается, но за то все больше увеличивается мотивированность их употребления. Эта ярко выраженная, но до сих пор не сформулированная закономерность, может быть проиллюстрирована огромным количеством примеров. Мы имеем основание указать и на другую закономерность. Традиции использования стилистически маркированных староболгарских дублетов и вариантов никогда не прерывались. Они засвидетельствованы в литературе и письменности на всех этапах развития русского литературного языка. Изменяется только состав этих лексических средств, обогащаются их стилистические функции, но традиции сохраняются устойчивыми.

---

393 Д.С.Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, с.5

394 М.В.Ломоносов. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке, с.588.

До сих пор изучение староболгарских дублетов и вариантов осуществлялось главным образом в рамках русской литературы XVIII–XX вв. и не обращалось внимание на связи и с поэтикой древнерусской литературы и на непрерывность традиций. Изучаемый материал доказывает именно устойчивость традиции в использовании староболгарских синонимических средств.

См., напр., употребление некоторых из указанных староболгарских дублетов и вариантов в памятниках древнерусской литературы в произведениях русской литературы XVIII–XX вв. Брань (битва, сражение, война, нападение, защита): "Мы... на многих бранех бывали" (Пов.раз.Ряз.), "... веля ему ни излазити на брань из града" (Пов.вр.лет), "Александръ устремися на брань" (Ник.лет.X), "С кем хочешь в брань итти?" (Хераск., Рос.), "Зазвучали оружия брани" (Жук.,Мир.), "Европа тогда была дикое позорище беспрерывных браней" (Рыл.,Прич.), "Умри за правду, честь,/ Умри на поле брани" (Кольц., Посл.), "Бежал он в страхе с поля брани" (Лерм.,Бегл.), "Будь всегда на страже, ибо брань наша еще неокончена" (Бруев.,Мат.), "За светлое дело сам поведи на брань свои полки" (А.Толст.,Смерть) и т.д.

Вран (ворон): "Вранъ черный, иди" (Пов.вр.лет), "... якоже врани на трупъ" (Флавий, Пол.Иер.), "Враны гласять: кра, кра" (Жит. Афан. Алекс.), "Внимают же и кокошем и враномъ" (Сл. поуч.), " И тем вашимъ поганымъ трупомъ накормимъ волковъ серыхъ, врановъ черныхъ" (Аз.пов.), "Всю нощь съ вечера бусови врани възграяху" (Сл. полк.Игор.), "И бысть мой ум, аки нощный вран" (Мл.Дан.Зат.), "Враги то явные, то скрытны, как враны алчные..., губят, жгут и расхищают нас" (Озер.,Дм.), "Как стаи кровожадных вранов/ Терзают беспощадно нас" (Рыл., Нал.), "Смотрите враны на дубах" (Лерм.,Кавк.), "Только враны каркали на трупа" (Майк., Слов.), "И вот я... остался ныне, яко вран нощный" (Горьк., Лето) и т.д.

Древо (дерево, древесный материал, бревно, дрова, палка, древко): "А древо с тугою къ земли преклонилось" (Сл. полк.Игор.), "... а древо не бологомъ листвие сронии" (Сл.полк. Игор.),"А древес(а) с тугою к земли приклонишас(я)"(Задонщ.), "Азъ бо есмъ княже, аки древо при пути" (Мол.Дан.Зат.), "Уже

он ловит жадным взором/ Сквозь ветки древ, в глуши лесной" Рыл.,Войнар.), "И ветер, лаская листочки древес,/ Тебя с упокоенных гонит небес" (Пушк.,Туча), "Древо сие у нас ветлой именуется" (Бород., Дм.Донск.).

Младый, младой (юный, молодой, маленький, недавно появившийся): "... посла за обиду Олгову, храбра и млада князя" (Сл.полк.Игор.), "... а сама князя млада суща" (Ипат.лет.), "... и плакашеся по ней: младъ сын" (Ипат.лет.), "Что нет к утехам сил, как у младых людей" (Тред.,Наука), "И счастье младое умирает" (Жук., Конч.корол.), "Пускай младой герой / Пылает и дрожит" (Дмитр., Карамз.), "... окружим незримой толпой младое сердце Дон Жуана" (А.Толст., Дон Жуан), "Да неужто ж сей младый столь много значит ныне в сердце моем" (Дост., Карамз.), "О красавице младой/ Страстны юноши вздыхали" (Кольц., Письмо неизв.), "Поэт нашего времени вместо "с невестою младой", сказал бы "с невестой молодой"..." (Бел. Соч., Пушк.), "Внимаю шум / Младого дня и молодой надежды" (Фет, Я полон), "Ты солдат, хотя и млад / А солдат солдату - брат" (Твард., Терк.).

Град (город, жители города, укрепленный, населенный пункт, городские стены, сад, осадная башня): "Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ гради рядяше" (Сл.полк.Игор.), "Сула не течетъ сребреными струями к граду Переславлю" (Сл.полк. Игор.), "Страны рады гради весели" (Сл.полк.Игор.), "И плакашеся весь град" (Пов.раз.Ряз.), "И пожьженъ бысть град" (Новг., I лет.), "Нам ли от града погибнути, или граду от нас пленену быти" (Мол.Дан.Зат.), "Так дух свободы / В градах и селах пролетая" (Радищ., Вольн.), "Идите спасти град великого отца своего" (Карамз., История), "Забыл я родной свой град" (Рыл., Долор.), "И села мирные, и грады в мгле пылают" (Пушк., Восп.), "Шлю Вам дружеский привет из недр сибирских, из града Иркутска" (Чех., Письмо Щегл.), "К плеяде столь прославленных имен... / Прибавился теперь и еще и он,/ Град Ленина" (Инбер., Вессм.).

Глас (голос, высказанное вслух мнение, напев, зов, возглас, звук, шум, отзвук, внушение): "На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ" (Сл.полк.Игор.), "И услыши гласъ мои" (Жит. Бор.Гл.), "Яко гласъ твои сладокъ" (Мол.Дан.Зат.), "Зовет

природы глас" (Хераск.,Плам), "Рассудка строгий глас/Забудет" (Батюшк.,Отв.Тург.), "И паки славы глас услышан здесь тобою" (Княж.,Дид.), "Природы глас предупреждая,/Мы резко счастию вредим" (Пушк., Онег.), "И звучный колокола глас дрожит" (Лерм.,Дем.), "Люби глас истины свободной" (Рыл.,Вид.), "Твой глас незримый, как дым в избе" (Есен., Твой глас), "Конь брезгует Гадом, /Ты брезгуешь гласом" (Цвет., Георгий) и др.

В составе разногенетических синонимов выделяется группа староболгарских и русских вариантов и дублетов, которые отличаются от указанных выше слов тем, что как староболгарские, так и русские варианты и дублеты сохраняются в системе лексики русского литературного языка в качестве регулярно употребительных в речи лексических единиц. Это является результатом или постепенного семантического расхождения части из них или изначальных семантических различий другой части. См.: буду - щий–будучи, бездна–пропасть, благородный–знатный, власть–волость, вертеп–сад, вращать–вертеть, главный–головной, горящий–горячий, гражданин–горожанин, даяние–дар, живущий–живучий, кипел–горящая смола, здравый–здоровый, здание–дом, загражде-ние–загородка, заграждать(ся)–загораживать(ся), избежать–выбежать, избирать(ся)–выбирать(ся), избывать(ся)–выбывать(ся), извести–вывести, извод–вывод, изгонять(ся)–выгонять(ся), издать(ся)–выдать(ся), издыхание–выдыхание, искупать(ся)–выкупать(ся), излить–вылить, изменять(ся)–выменять(ся), испить–выпить, исполнять(ся)–выполнять(ся); исправлять(ся)–выправлять(ся), изрезать–вырезать, изрыть–вырыть, иссыхать–высыхать, истекать–вытекать, исходить–выходить, исход–выход, истерзать–вырвать, исчерпать(ся)–вычерпать(ся), исчислить–вычислить, краткий–короткий, млечный–молочный, могущий–могучий, нравнор, насаждать–насаживать, невежда–невежа, обращать(ся)–обрачивать(ся), ограждать(ся)–огораживать(ся), сгущать(ся)–сгутиться, ограждение–огораживание, отвращать–отворачивать, провождение–проводы, прелагать(ся)–перелагать(ся), прелагание–переложение, порок– прах, праздный–порожний, прах–порох, пребывать–перебывать, превращать(ся)–переворачивать(ся), преграждать–перегораживать, преграда–перегородка, предавать(ся)–передавать(ся), прерывать–перерывать, пресекать–пересекать,

пресечение–пересечение, преступать–переступать, страна–сторона, странный–сторонний, страж–сторож, твердыня–оплот, храм–хоромы, хранить(ся)–хоронить(ся), чуждый–чужой и др.

Так, напр., как староболгарское слово главный (Евх.), так и русское головной засвидетельствованы в древнерусской и великорусской письменности с общими значениями: а) относящийся к голове, напр. "и власи главнии притяскли бяху" (Радзив., лет.), "умер от головные болѣзни" (Куранты); б) старший по положению, напр. "привести... и прочихъ главных людей" (Кн. Степ.), "головные князи жалобу клали" (Собр.гос.гр.дог.,I); в) важный, значительный, напр. "аще кто украдеть главное что" (Корм.,Моск.дух.ак.), "и на самомъ головномъ таинствѣ" (Чел.Ник.Добр.). Определенное сходство в звуковой форме, грамматической и семантической структуре приводит к семантической взаимопроницаемости и взаимозаменяемости рассматриваемых вариантов. Возникает дублетность и в результате избыточности, которая ликвидируется в результате постепенного семантического размеживания.

К XVIII в. семантическое разграничение уже обозначено. Староболгарское слово главный (главной) и русское фонетическое соответствие головной (головный) засвидетельствованы только с одним общим значением "относящийся к голове", напр. " "вместо главных волосов носят парукы" (Русск.интерл.), "у меня головной лом" (Письма Фонвиз.),. Значения "важный, значительный, основной" и "старший по положению" закрепляются за словом главный, напр. "се законы природы всеобщие и главные" (Брянц.,Сл.зак.природы), "главный хранитель печати" (Белл., Путеш.). Русский эквивалент головной употребляется со значениями "умственный", "идущий или находящийся впереди, передовой", "отборный", "имеющий вид головы",напр. "страсти и трудная головная работа вредны" (Вест.Европы), "на переди плот из бревен, называемой головной" (Ист.геогр.месяц.), "сахар головной" (Тариф Санкт.).

К XIX–XX вв. семантическая структура вариантов главный–головной окончательно стабилизируется. Староболгаризм главный становится общеупотребительным словом с установленной семантической структурой: а) важный, основной, напр.

"главное действие бородинского сражения произошло на пространстве..." (Л.Толст., Война и мир), б) старший, самый старший по (служебному) положению, напр. "главный врач явился немедленно же" (Панфер., Борьба). Русское фонетическое соответствие головной тоже становится общеупотребительным словом с определенной семантической структурой: а) относящийся к голове, напр. "появилась... мучительная головная боль" (Тург., Накан.), б) идущий, находящийся впереди, передовой, напр. "Луконин повел головной танк через мостик" (Симон., Парень), в) умственный (это значение становится периферийным), напр. "изобретатели, кроме головной работы, вообще делают много труда руками" (Черныш., Осн. полит.экон. Милля).

Итак, староболгарские варианты и дублеты играют важную роль в пополнении ресурсов синонимической лексики и различных синонимических рядов русского литературного языка. При сохранении общих компонентов с русскими эквивалентами староболгарские варианты и дублеты остаются на периферии системы лексики русского литературного языка как стилистически окрашенные, маркированные языковые средства. Семантические изменения обуславливают семантическую независимость вариантов и дублетов, которые сохраняются как общеупотребительные самостоятельные единицы.

3. Пополнение староболгаризмами состава средств словесной образности русского литературного языка

Средства словесной образности, образной выразительности, придающие речи эмоционально-экспрессивные качества, свойства, отличаются, как известно, большим разнообразием. Особую роль в создании словесной образности, выразительности играют тропы, метафора, метонимия, синекдоха, олицетворение, образное сравнение, эпитет, гипербола и др.[394]

Тропы – явления лексико-семантические, связанные с употреблением слов в переносном значении. Перенос наименования, значения заключается в том, что слово (возможно слово-

---

[394] Л.И.Тимофеев. Основы теории литературы. М., 1976; Л.В.Шепилова. Введение в литературоведение. М., 1968.

сочетание, предложение), обозначающее определенный предмет (или явление, процесс, свойство, признак), используется в конкретной речевой ситуации для обозначения другого предмета (явления, процесса и т.д.), связанного с первым той или иной формой смыслового отношения. Изобразительно-выразительная сущность тропов состоит в совмещении в одном слове (или словосочетании, предложении) двух семантических планов: традиционно-языкового и ситуативного, относящегося к данному случаю, которые совмещаются, связываются, создавая образ. Функция образной характеристики в этих случаях преобладает над функцией номинации.

Староболгарские слова активно используются древнерусскими и великорусскими книжниками, а также русскими писателями, публицистами и другими деятелями культуры как средство словесной образности. См., напр., использование староболгаризма врата в древнерусской и русской литературе: "грозы твоя по землямъ текутъ, отворяеши Киеву врата" (Сл.полк.Игор.), "отвориша имъ врата володимерци" (Ипат.лет.), "мало мудрости сретох во вратех" (Мол.Дан.Зат.), "В вратах добра, в вратах успеха /как пугала,торчат они" (Кн.Вяз., У страха), "Уже достигает солнце до врат запада" (Карамз. Деревня), "Смотрела грозно сквозь туманы/ У врат Кавказа на часы" (Лерм., Демон), "все они, эти верные солдаты кулис, простоявшие целую жизнь в чередях ко вратам славы" (Фед., Необ.лето).

См. еще и употребление староболгаризма бисер, представленного в древнерусской и русской литературе: "Не сыплете бисера пред свиньями" (Мол.Дан.Зат.), "Бисером своим зарница/ Розу любит окроплять" (Держ., Похв.), "И на землю расточает/ Бисер сребряной росы" (Кн.Вяз.,Два), "Душа в душу жили, роняет он ценным бисером редкие слова" (Дост., Дневн.пис.), "и не метать бисера перед Репетиловыми" (Пушк., Письмо Вест.), "поверить людям, искать симпатий - в ком? рассыпать бисер - перед кем? (Гонч., Обыкн.ист.), "Как сказать им о Льве Толстом?... Легче бисер разметать перед свиньями" (Купр., Крамола) и т.д.

В конспективной форме здесь будут рассмотрены более конкретные случаи пополнения старсболгаризмами состава средств словесной образности. Следует подчеркнуть, что в большинстве своем это старсболгарские варианты и дублеты (т.е. синоними-

ческие средства).

Староболгарские варианты и дублеты активно используются и в древнерусской и в русской литературе как средство метафоризации. Известно, что метафоры – это слова или обороты речи, употребленные в переносном значении для характеристики определенного предмета, действия, процесса, явления, свойства, признака на основе какой-либо аналогии, сходства.

См., напр., употребление староболгаризма златой (златый) в древнерусской и русской литературе: "тогда великыи Святославъ изрони злато слово" (Сл.полк.Игор.), "Боянъ, воскладая свои златыя персты на живыя струны" (Задон.), "златые игры первых лет.../ Что вашу прелесть заменить? (Жук., Певец), "Подруга возраста златого,/ Подруга красных детских лет" (Пушк., К Юдину), "Лицо бело и румяно,/По плечам златые кудри" (Радищ., Бова).

Особенно устойчивой оказывается традиция употребления староболгарских вариантов и дублетов в перифразах. Перифразы (парафразы), как известно, это выражения, описательные обороты, устойчивые сочетания, установившиеся, общепринятые или окказиональные, которые являются описательной передачей смысла другого выражения или слова. В составе определенных перифраз многие староболгарские варианты и дублеты засвидетельствованы еще в древнерусской литературе, напр. агнец божий, алчущие и жаждущие, благорастворение всздухов, божья благодать, бремена тяжкие и неудобоносимые, во веки веков, во время оно, во сто крат, во чреве матери, венец славы, вкушать от древа познания, добра и зла, власти предержащие, вложить персты в язвы, власть тьмы, возвращается ветер на круги своя, взыскующие вышнего неведомого града, вопиять гласом велиим, воскреснуть из мертвых, врата смертныя, всякое даяние благо, всему свое время, всем сердцем, выпить чашу до дна, глас вопиющего в пустыне, глад и мор, горние силы, горнило страданий, гробы повапленные, грядущее поколение, до положения риз, да минует меня чаша сия, десница божия, дело рук человеческих, довлеет дневи злоба его, дом божии, един в трех лицах, злачное место, знамение времени, избрать благую часть, изгнать из храма, испустить дух, исчадие ада, камни вопиют, камень преткновения, книга жизни, книжники

и фарисеи, ловец человеков, лобное место, меньшая братия, мерзость запустения, метать жребий об сдеждах, морская пучина, не о хлебе едином жив будет человек, не от мира сего, новая благодать, неопалима купина, несть числа, нищие духом, ничтоже сумняшеся, на сон грядущий, начать за здравие, кончить за упокой, нести свой крест, обетованная земля, огонь и купел, оружие правды, отец небесный, отделять овец от козлищ, отрясти прах от ног своих, перст божий, плоть и кровь, поругание ехидны, посыпать пеплом главу, превратиться в прах, препоясать чресла, продать за тридцать сребреников, преклонять колена, притча во языцех, простирать длани, раб божий, распни его, раздирать на себе ризы, разверзлись хляби небесные, святая святых, семо и овамо, святая троица, страха ради иудейска, стать во главу угла, суета сует, трапезу делить, тайная вечеря, терновый венец, темна вода во облацех, твердь небесная, тьма кромешная, уйти в горний мир, усекновение главы, хлеб насущный, хождение по мукам, царствие небесное, царские врата, юдоль плача и т.д. См.: "пришьли агньции б(ж)ии" (Усп. сб.), "Явися б(л)годать б(ж)иа" (Сл.Кир.Тур.), "о б(л)горастворении воздухов" (Скриж.), "глаголюща: гласъ вопиющего в пустыне, уготовайте путь господень" (ВМЧ, Окт.), "и радость бываеть самому ... и горнимь силамь" (ВМЧ, Окт.), "и созда домъ божий" (Сказ.об Адаме) и т.д. Основная часть из указанных устойчивых сочетаний сохраняется и в современном русском литературном языке. См.: "Она была прекрасна и нежна,/ Как агнец божии" (Лерм.,Маск.), "но благодать божия умы и сердца наша просвѣщающая" (Аполлод.), "даруй нам б(л)горастворение воздуха" (Уч.отр.), "в терновом венце революций/ Грядет шестнадцатый год" (Маяк., Облако в штанах), "а жизнь человеческая - это юдоль скорби" (Глебов, Правдоха).

Другие староболгарские варианты и дублеты представлены в составе различных перифраз в более поздних сочинениях. Особенно в XVIII-XIX вв. в русской литературе формируется отстоявшийся набор таких стандартизованных описательно-метафорических, перифрастических сочетаний и слов, символов, засвидетельствованных в русской литературе и публицистике. См.: аки лев рыкающий, ангел во плоте, бразда печали, бразда молнии, богиня ночи, бог брани, брег жизни, брег земной, брег

теней, вавилонское столпотворение, вихрь брани, влачить жалкое существование, возжечь пламень, возраст златой, воспалить сердца, ьрата адовы, врата жизни, врата Востока, врата могилы, врата спасения, власть тьмы, глас бездны, глас народа, глагол времен, горний мир, горний огонь, гроза брани, гром бранный, дщерь ночи, дщерь Севера, дщерь весны, древо смерти, един как перст, жить не по глаголу, житейская бразда, жизненная бразда, жар ланит, златой телец, забава бранная, закрыть вежды, избиение младенцев, имя рек, иже с ним, ищите и обрящете, испить чашу до дна, исчадие ехиднино, камо грядеши, кладезь премудрости, кричит как оглашенный, лампада злата, лучи младости, море грядущего, манна небесная, мрак неизвестности, мрак невежества, не миновать глагола, несть числа, непорочный агнец, ныне отпущаеши, опочить в бозе, опустить очу долу, отверзешася хляби небесные, от младых ногтей, огонь брани, обитель сует, обитель горняя, Орфей полунощных дубрав, плести словеса, поле брани, по градам и весям, покинуть земную юдоль, поклониться златому тельцу, пастырь стран эфира, питомец брани, праг вечности, праг Востока, праг гроба, праг могилы, поле брани, прописать ижицу, полунощные страны, риза нощи, риза темноты, свет дольний, свет горний, страж мира, страж Востока, склонить главу, смирить выю, смыкать вежды, сон хладный, спор бранный, сын хладного заката, сын долины злачной, селение горнее, трубный глас, твердь звездная, терн жизни, туман нощи, ужас браней, уйти в подземные жилища, хлябь влаги, царица стран полнощный, царь горний, чадо весны, чист как агнец, чело луны, яко тать в нощи и т.д. напр. "бежал он в страхе с поля брани" (Лерм., Кавк.пленник), "не по глаголу живешь, братец" (Григор., Бездна), "приезжаешь в город как тать в нощи" (Куприн, Гад), "он через это доберется до самого дна в этом кладезе премудрости" (Белинский, Письма), "и на челе бразды печали" (Рылеев, Войнаровский), "зубчатой молнии бразда/ огнем рассыплется пурпурным" (Языков, Пригорское), "они смыкают вежды свои, омоченные слезами (Батюшков, Похвальное слово) и др.

Перифразы рассматриваемого типа характерны для индивидуального стиля многих писателей, публицистов и других авторов XVIII–XX вв.

Во многих работах Н.М.Карамзина, напр., встречаются староболгарские лексические единицы в составе определенных перифрастических выражений. См.: дщерь гордости, дщерь небес, на персях Природы, грозная царица хлада, златые дни младенчества, преклонить выю целых народов, врата запада, глас судьбы, глас потомства, удар Всевышней десницы и др., напр. "грозная царица хлада воссела на ледяной престол свой" (Карамзин, Наталья, Боярская дочь).

А.С.Пушкин тоже использует как стилистически значимые средства подобные перифрастические выражения, описательно-метафористические сочетания и т.п., напр. бог брани, жизненная бразда, брег теней, брег жизни, врата бессмертия, врата вечности, врата жизни, луч младости, праг вечности, праг Востока, пучина моря, терн жизни, чадо свободы. См. в "Евгении Онегине":

Увы! На жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут.

В ряде произведений М.Ю.Лермонтова засвидетельствовано тоже использование староболгаризмов в составе разнообразных перифрастических сочетаний, напр. одежда бренная земли, море злата, колесница дня (Демон), смех младости, златая младость, бремя оков, луна златая (Кавказский пленник), хладная мука, лучи златые, старец-океан, златые лета (Корсар) и др. См. в "Демоне":

Так в час торжественный заката,
Когда растая в море злата
Уж скрылась колесница дня.

Староболгаризмы в составе различных перифраз встречаются часто и в публицистических работах русских и советских авторов. В.Г.Белинский в "Литературных мечтаниях" писал: "Покупщики найдутся, будут платить тебе щедро, а ты лишь умей кадить кадилом лести, умей склонять во прах твое венчанное чело". "... губи, угнетай, пей кровь и слезы, рамена согни под грузом незаслуженных почестей и титл", "...это был один из тех исполинов, которые поднимали на рамена свои

шар земной", "... только одна война возбуждала всю мощь его хладной, железной души", "Дальше, дальше, смелый юноша! Туда в ученую Германию, там сады райские, а в тех садах древо жизни, древо познания добра и зла", "И он бежит и видит искусительное древо и жадно пожирает плоды его".

См. еще в сочинениях современных авторов: "что ты женщина - и то грех, - сосуд дьявола, адовы врата" (А.Толстой, Петр I), "Ведь она испортила тебя... Ах, блудница вавилонская" (Горький, Фома Гордеев), "Это не сатана, не исчадие адово, а человек" (К. Федин, Егор), "Притих весь избирком/ Как Алпатенорком/ начал за здравие, кончил за упокой" (Д. Бедный, Победители), "В очереди, надо полагать, немало жаждущих и алчущих" (Г.Рылкин, Сикстинская Мадонна) и др.

Итак, староболгарские лексические единицы на всех этапах истории русского литературного языка остаются одним из источников пополнения средств словесной образности. Они используются в составе многообразных и выразительных перифраз, в оригинальных сравнениях, метафорах, эпитетах.

4. Стилистические функции староболгаризмов в художественной и публицистической речи

Стилистическая функция, как упоминалось, имеет место в актах коммуникации и означает назначение, роль, выполняемую единицей языка (или целой структурой) при ее воспроизведении в речи с целью достижения определенного эффекта.

З.И.Хованская с основанием обращает внимание на две функции речевых единиц: нейтрально-информативную и стилистическую, - представляющие собой способы реализации коммуникативной функции языка в конкретных актах речевого общения. О нейтрально-информационной функции речевых единиц можно говорить в случаях, когда лингвистические единицы не имеют стилистической окраски и актуализируют лишь тот семантический потенциал, который закреплен за ними языковой системой, а содержание высказывания не выходит за пределы безличной констатации факта. Если под влиянием многообразных социальных, психологических и конкретно-ситуативных факторов содержание

высказывания обогащается эмоционально-оценочными, образными и понятийно-логическими компонентами – по сравнению с его нейтральным эквивалентом, отражающим тот же факт действительности, – то можно говорить о другом способе реализации коммуникативной функции языка, а именно о стилистической функции речевых единиц[395].

Староболгаризмы, которые пополняют состав стилистически окрашенной лексики русского литературного языка, состав его синонимических средств и средств словесной образности, выполняют и различные стилистические функции. Древнерусские книжники, культурные и общественные русские деятели XVIII–XIX веков, современные русские авторы использовали и продолжают использовать обширный пласт староболгаризмов в различных стилистических целях. В исторической перспективе этот пласт сокращается, но стилистические функции становятся все более и более мотивированными.

а) Староболгаризмы как стилистическое средство, с помощью которого создается торжественная, риторическая тональность, лирический подъем

Традиции использования староболгаризмов в целях создания приподнятости, торжественности, риторической тональности, относятся к поэтике древнерусской литературы. Упоминалось, что речевые средства священного языка христианской религии, несмотря на отсутствие строго установленных норм, воспринимаются как стилистически значимые, окрашенные, маркированные единицы. Ими выражается почтительное, благоговейное отношение к выражаемому содержанию, идеям, событиям, лицам и т.д.

См., напр., в "Слове о полку Игореве": "съ вами, Русици, хощу главу свою приложити", "страны ради, гради вселѣ", "здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки", "пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ: Половци идуть

---

395 З.И.Хованская. Стилистика французского языка. М., 1984, с. 209-210.

отъ Дона", "Не ваю ли злачеными шелсмы пс крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають аки тури? Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени" и т.д.

См. еще в "Задонщине": "И пойдем, брате,.. во свою Залескую землю к славному граду Москве", "Пойдем, брате, тамо в полунощную страну - жребия Афетова", "честь и слава миру сего получивши, главы свои положиша" "Аз же помяну резанца Софония, и воскхвалю гусленными буйными словесы сего великого князя Дмитрия Ивановича", "а вою с нами триста тысящь, скованные рати а воеводы у нас крепкия" и т.д.

Поэтика русского классицизма не только воспринимает эти традиции, но и регламентирует их. В теоретических работах М.В.Ломоносова, как уже упоминалось, устанавливается зависимость между использованием "славенских речений и высоким стилем, предметом изображения (высокой материей) и высокими жанрами (одой, героической поэмой, трагедией, сраторской прозой).

См., напр., в героической поэме М.В.Ломоносова "Петр I":

Смотрел и утверждал, противу их набегу,
Грозящему бедой Архангельскому брегу:
Дабы Российскую тем силу разделить
От Ингерских градов осады отвратить.

См. и "Осмнадцатое столетие" А.Н.Радищева:

О незабвенно столетие!..
Мудрости смертных столпы, разрушив, ты паки их создалс;
Царства ты зиждешь, они расцветут и низринутся паки,
Смертной что зиждет, все то разрушится, будет все прах.

В революционной поэзии декабристов речевое богатство староболгарской лексики служит прежде всего средством выражения гражданского пафоса. Мы обратили внимание на соображения В.К.Кюхельбекера: "Не употреблять в оде, в поэме, в высокой лирической или даже описательное поэзии славянских выражений считаем столь же странным, как употреблять оные в комедии, в легком послании, в песенке или в прозаической по содержанию и духу повести."[396]

---

396 В.К.Кюхельбекер. Разбор поэмы князя Шихматова "Петр Великий. - Сын отечества, 1825, ч.102, № 15, с. 264.

Староболгаризмы как средство выражения риторической тональности, лирического подъема, пафоса свободолюбивых, революционных идей используются в оде Рылеева "Гражданское мужество", в его стихотворениях "Гражданин", "К Временщику" и др., в стихотворениях Кюхельбекера "Пророчество", "На смерть Чернова", "Тень Рылеева" и др., в произведениях Ф.Н.Глинки, стилизованных в духе библейских псалмов, напр., "Призвание Исаия", "Горе и благодать" и т.д. См., напр. отрывок из оды К.Ф.Рылеева "Гражданское мужество":

О так, сограждане, не нам,
В наш век роптать на проведенье,
Благодаренье небесам
За их святое снисхожденье!
От них, для блага русских стран,
Муж добродетельный нам.

А.С.Пушкин продолжает и творчески развивает традиции использования староболгаризмов в целях выражения эмоциональной приподнятости, торжественности, пафоса. В отличие от Ломоносова и его сторонников употребление речевых средств церковнославянского языка в поэтическом творчестве А.С.Пушкина определяется не жанровым принципом, а прежде всего темой, содержанием, внутренней идейной установки произведения в целом или отдельных его частей. См., напр. такие произведения, как "Вольность", "Памятник", "Деревня", "К Чаадаеву", " Медный всадник", "Полтава" и т.д.

См., напр., отрывок из "Медного всадника":

"Прошло сто лет, и юный град
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво".

Многие русские и советские авторы поддерживают традицию использования староболгаризмов как средства, с помощью которого создается патетическая, риторическая тональность, лирический подъем. "С церковнославянизмами, прошедшими большой путь, связано представление о веками формировавшейся высокой речевой культуре, о седой старине, о торжественности и величии слова и дела... С ними связано представление об экс-

прессии приподнято-торжественного повествования"[397] - пишет А.И.Ефимов.

См. и употребление староболгаризмов в целях выражения торжественности, эмоционального напряжения, лирического подъема, приподнятой или риторичной тональности в отдельных произведениях М.В.Лермонтова, Н.В.Гоголя, В.В.Маяковского, Д.Бедного, Евг. Евтушенко:

Но есть, есть божий суд, наперстники разврата!
Есть грозный судия: он ждет
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
(Лермонтов, Смерть поэта)

"И еще полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями" (Гоголь, Мертвые души);

Где глаз обрывается куцый
Главою голодных орд,
В терновом венце революций
Градет шестнадцатый год.
(Маяковский, Облако в штанах)

Душевной красоте советских матерей,
Вскормивших сыновей - бойцов-богатырей,
Чьей бранной доблестью гордимся мы по праву!
(Бедный, Мы возглашаем гордо славу);

Подайте, люди, глас -
Не будьте же безгласны!
В паноптикум - всех глав,
которые безглавы!
(Евт., Паноптикум в Гамбурге)

Примеры показывают, что высокая, торжественная тональность, лирический подъем создаются (наряду с другими средствами) и при помощи привлечения староболгарской лексики, представленной как единичными вкраплениями, так и определенной концентрацией.

---

397 А.И.Ефимов. Стилистика художественной речи, М., 1961, с.117

б) Староболгаризмы как стилистическое средство, с помощью которого создается лиризм, поэтическая тональность

На базе лексики (главным образом староболгарской), закрепленной за высоким стилем, тщательно отобранной и ограниченной, в конце XVIII в. формируется пласт так называемой поэтической лексики, составившей своеобразие поэтического языка большого периода в истории русской литературы и русского литературного языка. "Старым словам, обладавшим в прошлом разного рода "высокой" экспрессией – то эмоциональной "громкости" и "пышности", то рассудочной отвлеченности, то гражданственности, теперь, под пером выучеников Муравьева и Карамзина, была сообщена экспрессия "сладостности", нежности, пластичности и музыкальности"[398] – писал Г.О.Винокур.

При отборе устранению из "нового слога" карамзинистов подвергаются прежде всего архаические книжные староболгарские слова, напр. абие, воспищать, велелепие, восшествовать, добльственный, дщерь, любомщение, осиявать, отвещати, прехождение, стогны, толико и т.д. Наряду с процессом отбора староболгаризмов в творчестве карамзинистов происходит стилистическое преобразование некоторой части из них. Они вовлекаются в контексты, отличающиеся лирической тональностью, и сами притерпевали при этом "некоторый эмоционально-экспрессивный сдвиг в сторону поэтического звучания"[399].

Употребление таких "поэтических староболгаризмов", как брег, власы, врата, возлелеять, воспеть, восплакаться, выя, глава, глас, древо, длань, десница, злато, златить, куща, ланита, младой, младость, мраз, нощь, озлатить, позлатить, рыбарь, руно, секира, свеща, хлад, чреда и т.д., во многих случаях не обуславливается какими-то особыми темами,

---

398 Г.О.Винокур, Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина. В кн. Избранные работы по русскому языку., М., 1959, с.337.

399 Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия, М., 1977, с.21..

предметами изображения, жанрами или контекстами, а определяется как признак хорошего поэтического языка, изящной прозы особенностью художественной речи. В творчестве Н.М.Карамзина встречаются многие случаи подобного употребления, напр. "кораблаватель, достигший брега, говорит о путях моря", "старец чувствует хладную руку смерти" (Афинская жизнь), "златая осень побледнела", "зимний пух сыплется на хладную землю" (Остров Бергольмц) и др.

Староболгаризмы используются как средство создания лиризма и поэтической тональности еще в жанрах литературы XVIII в., относящихся к среднему стилю, как напр.в стихотворных письмах, элегиях, эпистолах, в повестях, в стихотворениях и т.д.

См., напр., отрывок из стихотворения Г.Р.Державина "Русские девушки":

Зрел ли ты, Певец Тиискый,
Как в лугу весной бычка
Плящут девушки российски
Под свирелью пастушка;
Как, склонясь главами, ходят,
Башмачками в лад стучат,
Тихо руки, взор псводят,
И плечами говорят;

Как их лентами златыми
Челы белые блестят
Под жемчугами драгими
Груди нежные дышат;
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь.

Но именно в творчестве Н.М.Карамзина и его сторонников отобранные староболгаризмы получают широкое распространение как средство создания лирической, поэтической тональности. Староболгаризмы с экспрессией поэтичности, лиризма, музыкальности используются как стилистически окрашенные речевые единицы главным образом в стихотворной речи, создавая стилистическую специфику поэтической речи XIX и начала XX вв.

См. отрывки из стихотворений русских поэтов XIX-XX веков (А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, А.А.Фета, С.Есенина, М.Цветаевой):

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный
Завётным умыслом томим...
(Пушкин, К морю)

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерный час.

Молчит его святая лира,
Он вкушает хладный сон
. . . . . .
(Пушкин, Поэт)

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется.

Потом на корабль волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет, и махнувши рукой,
В обратный пускается путь
(Лермонтов, Воздушный корабль)

Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую.
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.
(Лермонтов, Узник)

Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаей за теплом.
(Фет, Опять осенний блеск)

Ее кудрей руно златое
В каком свету, какой один,
Изображая неземное.
Сводил на землю Перуджин.
(Фет, Она)

Навсегда твои пригвождены
к древу
Красные уста.
Навсегда простер глухие длани
Звездный твой Пилат...
(Есенин, Проплясал, проплакал дождь)

Звени, звени, златая Русь,
Волнуйся, неуемный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
(Есенин, О, верю, верю!)

Всех кудрей златых-дороже мне
Нежный иней индевеющий
Над малиновой скамеечкой
У подножья твоего.
(Цветаева, Не любовницей)

А девы - не надо
По вольному хладу,
По синему следу
Один я поеду.
(Цветаева, Георгий)

Указанный отобранный слой староболгарских вариантов и дублетов используется и в русской художественной прозе и в публицистике прежде всего в перифразах и метафорическом употреблении. См.: "Страсти оставили на нем свои глубокие брази (Салтыков-Щедрин, Губернские очерки); "... с трудом раскрыл он свои отяжелевшие вежды и с удивлением увидел, что к нему ворвались чуждеземные обычаи" (Белинский, Литературные мечтания); "Директор гимназии тотчас отправился просить удостоительной чести посещения вертограда и рассадника отечественного просвещения" (Герцен, Кто виноват); "Лестно было усладиться млеком вашей мудрости" (Куприн, Корь); "Дикая степь... открыла чрево своего великого материнства и потекла млеком и медом" (Серафимович, Город в-степи); "Близ двух веков, враги то явные, то скрытные, как враны алчные, как волки ненасытны татары губят, жгут и расхищают нас" (Озеров, Дм.Донской).

В сущности истоки рассматриваемой функции староболгарских слов восходят к древнерусской литературе, в которой засвидетельствовано их использование в целях создания лирической тональности. См., напр., в "Слове о полку Игореве", в "Задонщине", в "Молении Даниила Заточника" и др.: "На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемь рано кычеть" (Сл.полк.Игор.), "ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось" (Сл.полк.Игор.), "О, Бояне, словию стараго времени! а бы ты сиа плъки ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу" (Сл.полк.Игор.), "А уже соколи и кречати, белозерские ястреби рвахуся от златых колодиц ис камена града Москвы, возвиваючися под синия небеса, звонечи злаченымы колоколы на быстром Дону" (Задонщ.), "грозно бо бяше и жалостьно тогды слышати; занеже трава кровию пролита бысть, а древеса тугою к земли приклонишася" (Задонщ.), "Княже мои, господине мои! Уподобихся жерновом, многих людей насыщая, а самъ гладсм измирая" (Мол.Дан.Зат.), "Егда ляжеши на мягких постелях под драгими одеялы, а меня помяни" (Мол.Дан.Зат.).

Все указанные примеры ясно раскрывают глубокие корни традиции использования старославянских стилистически окрашенных единиц в целях создания лиризма, поэтической тональности.

в) Старославянизмы как средство версификации

В работах нескольких языковедов обращается специальное внимание на специфическую функцию старославянизмов (по другой терминологии, славянизмов, церковнославянизмов), которые используются как средство версификации в русской стихотворной речи второй половины XVIII – начала XIX вв. Б.А.Богородицкий отмечает, что русская стихотворная поэзия по сравнению с поэзией Запада представляет ряд особенностей, зависящих от подвижности русского ударения, вариаций не полностью и приведенных и тех же окончаний и "присутствия в языке церковнославянизмов"[400]. Более подробно рассматривает вопрос о роли старославянизмов, которые используются как средство версификации, Г.О.Винокур. Автор указывает на необходимость историко-лингвистического изучения внешних форм русской стихотворной речи, разумевая под внешними формами различные отступления от общих норм русского языка данной эпохи, которые характерны именно для стихотворной речи и употребление которых, начиная с XVIII в., создает традицию так называемых поэтических вольностей, представленных и в стихотворной речи А.С.Пушкина[401]. Подробно изучаются "славянизмы как средство версификации в русской стихотворной речи второй половины XVIII – начала XIX вв." в работе И.С.Ильинской[402]. Но проанализированные слова не укладываются в рамках единого генетического пласта, потому что, как отмечает И.С.Ильинская, "под славянизмами обычно понимаются не только собственно славянизмы, заимствованные из церковно-книжной письменности различных периодов, но также и различные лексические образования, возникшие в разное время на русской почве по традиционно действующим моделям."[403].

---

400 Б.А.Богородицкий. Заметки с ритме и рифме в поэзии А.С. Пушкина. Ученые записки Казанского гос.пед.института.Факультет языка и литературы. К., 1940, вып. 3.

401 Г.О.Винокур. Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина. В кн. Избранные работы по русскому языку, М.,1959.

402 И.И.Ильинская. Лексика стихотворной речи Пушкина,М.,1970.

403 Там же, с. 5.

Версификационные средства или "поэтические вольности" помогают поэтам выдерживать определенный стихотворный размер, ритм или осуществлять необходимую рифмовку, рифму, так как они могут выбирать подходящий для конкретного случая вариант или дублет независимо от его стилистической окраски. Дело в том, что староболгарские слова, выражая те же понятия, что и общеупотребительные, стилистически нейтральные русские (или праславянские) синонимы, во многих случаях отличаются от последних количеством составляющих их слогов (напр. злато и золото, между и меж), местом ударения (напр. гра́ды и города́, ланита и ще́ка), возможностью осуществления другой рифмовки (напр. нощи – рощи, но ночи; петел – хотел, но петух), своей фонетической формой, словообразовательной и морфологической структурой (напр. свеща и свеча, рыбарь и рыбак, живаго и живого). В таком смысле староболгарские слова используются не как стилистически окрашенные, а как версификационные средства.

Широкое использование староболгаризмов в целях версификации начинает применяться именно в XVIII в. в стихотворениях, а также комедиях, сатирах, баснях, эпиграмах и других жанрах, относящихся главным образом к среднему и низкому стилям. См.:

Прихожий некий в поле
Пришел на брег реки,
Идти не может боле,
В ней воды глубоки
"Прейду", мнит, "только прежде
Пускай река пройдет!"

(Сумароков, Прохожий и река)

Звучит на башне медь – час нощи –
Во мраке стонет темный глас.
Все спят – прядут лишь парки тощи.
Ах, гроба ночь покрыла нас.

(Бобров, Ночь)

Традиции употребления староболгаризмов в технической версификационной функции ослабевают к XIX–XX вв., но не обрываются. См., напр., у Пушкина использование рифмующей пары нощи–рощи:

Людмила вновь одна в садах
Скитается из рощи в рощи;
Меж тем в лазурных небесах
Плывет луна, царица нощи.
(Пушкин, Руслан и Людмила)

См. еще и у Д.Бедного, который прибегает не только к версификации, но к звуковому и лексическому повтору, выступающим в качестве средств выразительности.

На сияющей эстраде В дивном граде Петрограде
В Петербурге - виноват Пел нам нежно бюрократ.

(Д.Бедный, На сияющей эстраде)

Следует добавить, что начало процесса использования староболгаризмов в целях версификации не только в стихотворной, но и в прозаической речи, которой присущ ритмический строй, следует отнести к древнерусскому периоду. Это ярко представлено в "Слове о полку Игореве", напр. "а древо с тугою къ земли преклонилось", "Тогда врани не граахуть", "страны ради, гради весели", "отвори врата Нову-граду" и т.д.

г) Староболгаризмы как средство создания комического, иронического или сатирического эффекта

На протяжении нескольких веков, главным образом в XVII, XVIII, XIX и XX вв. староболгаризмы используются как очень выразительное средство, с помощью которого создается нарочитое снижение повествовательного выражения, достигается комический, иронический или сатирический эффект.

Начало подобного использования староболгаризмов относится к русской литературе XVII в. и прежде всего к той ее части, в которой находят выражение антиклерикальные настроения части русского общества, порождаемые различными причинами, напр. распущенностью некоторых представителей духовенства, разложением нравов в различных монастырях и обителях и т.д. Все это находит выражение во многих произведениях русской демократической сатире. Сатирическое изображение

жизни и нравов некоторых служителей культа в XVII в., когда церковнославянский литературный язык все еще занимает доминирующее положение в социальной иерархии языковой ситуации Московской Руси, резко нарушает и традиции употребления священного языка христианской религии. Это обуславливает возможность использования его речевых средств в пародийном аспекте. В.В.Виноградов пишет, что в данный период "высокая литература перестает быть безусловным предметсм почтительного восхищения"[404].

Создание комического эффекта, тональности иронии и сатиры при помощи староболгарских языковых средств осуществляется на основе использования различных приемов.

Пародирование, гротескное подражение речевым особенностям, характерным для определенных жанров, авторов, социальных групп, в отдельные периоды функционирования литературного языка, становятся важным средством создания комического эффекта, а также тональности иронии и сатиры. Богатый материал в этом отношении содержится в известном сатирическом произведении XVII в. "Служба кабаку", в котором пародируется церковнославянский текст церковной службы в честь мученика, пострадавшего за веру. Но в "Службе кабаку" мученик – это пропойца, пострадавший на кабаке. Автор опирается на части церковного текста, знакомые грамотным людям, учившимся читать по Часослову и Псалтыри, и потому пародирование достигает цели – создания комического эффекта и даже тональности иронии и сатиры. Так, напр., в "Службе кабаку" пародируется церковнославянский текст молитвы: "Отче наш, иже сидиш ныне дома, да славится имя твое наше, да прииди ныне и ты к нам, да будет воля твоя, яко на дому, тако и на кабаке, на печи хлеб наш будет..." (См. в "Часослове": "Отче наш, иже еси на небесах, да святится имя твое, да приидет царствие твое, да будет воля твоя, яко на небеси, тако и на земли, хлеб наш насущный даждь нам днесь").

---

404 В.В.Виноградов. Вопросы образования русского национального литературного языка. – Вопросы языкознания, 1956, № 1, с.14

Пародирование, гротескное подражание речевым особенностям, характерным для служителей культа или лиц, изучавших язык христианской религии, может использоваться в случаях, когда авторы прибегают к нарочитой контрастности между языковыми средствами и предметом речи, вызывающим осуждение. Так, напр., в "Сказании о крестьянском сыне" воспроизводятся речь крестьянского сына, лентяя и вора, который предпочитает учению, церковнославянской грамоте добывание "денешки скорой и горячей" у "мужиков богатых и богобоязненных". Богобоязненный глупый мужик принимает вора за "ангела господня", потому что тот обокрадывая его, произносит отдельные церковнославянские слова и выражения. См.: "Нашел вор на блюде калачь да рыбу и учал ясти, а сам рече: "Тело Христово приимите, источника безсмертнаго вкусите"... И увидел на крестьянине нову шубу и он снял да на себя облокался, а сам рече: "Оделся светом, яко ризою, а я одеваюся крестьянскою новою шубою". И та крестьянская жена послышала и мужа своего разбудила, а сама рече мужу своему: "Встань, муж, тать, у нас ходит в клети". И муж рече жене своей: "Не тать ходит, но ангел господень, а говорит он все божественные словеса".

В другой повести XVII в. "Повесть о Карпе Сутулове", в которой обличается моральный облик духовенства, несоответствием между староболгарскими и церковнославянскими средствами в речи архиепископа и попа и их поведением тоже достигается комический эффект. См. "Архиепископ же рече ей: "Госпоже моя, где мне деватися срама ради и безчестия?". Она же рече ему: "И ты, господин мой, иди в сундук и сиди"; "Поп же даде ей двести рублев и нача с нею глаголати. Она же рече: "Отче мой духовный, как еси ты прелстился на мя? Единаго часа обоим с тобою во веки мучитися". Поп же рече к ней: "Чадо мое духовное, аще ли в ксем греси бога прогневляеши и отца своего духовнаго, то чем хощеши бога умолити и милостива сотворити?"..."

Разнообразные комбинации староболгарских средств с другими речевыми элементами, контрастное расхождение между языковыми средствами и предметом речи, темой, сюжетом, отношением к изображаемому и т.п. активно используются русскими писателями XVIII-XX вв. в целях создания комического эффекта

или тональности иронии и сатиры. См. в оде "Фелица" Г.Р.Державина:

Прошу великого пророка
Да праха ног твоих коснусь
...
Там свадеб шутовских не парят
В ледовых банях их не жарят...

См. в "Гавриилиаде" А.С.Пушкина:

Схватив врага за мягкие власы
Он сзади гнет могучею рукою
К сырой земле.

См. у Ф.М.Достоевского в "Братьях Карамазовых": "Подняв вверх руки, он произнес: "– Блаженно чрево, носившее тебя, и сосцы, тебя питавшие, сосцы особенно".

См. у Д.Бедного, который сообщает, что отец Феогност
Прихожанами был на страстной седмице
уличен в полуночных прогулках к вдовице.

См. и рассказ "Есть и такие" советского фельетониста Г.Рылкина. Автор рассказа, описывая любовное свидание девушки и ее жениха, семинариста, объясняет мотивы привлечения средств церковнославянского языка: "... смиренная овца, готовясь в подруги пастыря, зазубрила на память несколько наиболее ходких в среде служителей культа выражений... – Когда же, отче, под святой венец? Дондеже ожидать?... – Люби мя и ниспошли благодать свою на рабу твою!... Ниспошлю, – твердо обещал жених... – Почто, мой милый пастырь, сподзал на нашу тайную вечерю?... – Из-за футбола. Аз есмь вратарь во славу божью. Ни одной шутки не пропустил".

См. также: "Тогда еще пылилась из них младость, подергивал робкий ус, чтоб рос, девкам на сердечную пагубу" (Л.Леонов, Барсуки), "Собственно, при его... мужицком здравии, фунта старого дубского хлеба и средней упитанности селедки Вихреву с избытком хватало бы для счастья" (Л.Леонов, Лес).

д) Староболгаризмы как средство социально-речевой стилизации

В системе образно-выразительных средств, которые используются главным образом в художественной речи, особое место занимают различные виды стилизации.

Стилизация определяется как воспроизведение писателями различных систем речевых средств, способов их употребления, манер повествования, характерных для определенных социальных прослоек, жанров литературы, писателей или литературных направлений, а также и для литературного языка на разных этапах его функционирования. В зависимости от характера стилизации и ее целей обычно различаются такие ее виды, как: а) стилизация историческая, б) стилизация жанровая, в) стилизация различных социально-речевых стилей[405]. Представляется целесообразным включить в состав различных видов стилизации и стилизацию индивидуально-авторскую.

Учитывая характерные особенности стилизации и ее разновидности, мы рассмотрим в обобщенном виде роль староболгаризмов в создании различных типов стилизации.

Один из самых распространенных видов стилизации - это социально-речевая стилизация, при которой воспроизводятся система речевых средств, способы их употребления, манера повествования, характерные для различных социальных прослоек, социальных групп. Староболгаризмы устойчиво использововались и используются как важное средство создания речевых портретов, характеристик персонажей - выходцев из церковнобогослужебной среды или близких к ней, а также людей, владеющих нормами языка христианской религии и использующих его при общении со священнослужителями.

Рассматриваемый вид стилизации представлен еще в древнерусской литературе. См., напр., в "Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков": "Священницы же... глаго-

---

405 А.И.Ефимов. Стилистика художественной речи. М., 1961, с. 95

лаху ко святому великомученнику Христову Дмитрию: "О велий
ченице и победоносче, вижь врагов наших дерзость, не токмо
нами, но и над святым твоим чюдотворным образом поругающес
Но молися, святе Дмитрие, ко господу и избави нас своею
стию и помощию от враг наших, яко же за свой град Селунь
лостиваго владыку умоли..."..."

Староболгаризмы используются как средство речевой
рактеристики священнослужителей и в русской литературе XV
XVIII в. (напр. в демократической и сатирической литератур
XVII в., в комедиях Д.И.Фонвизина "Недоросль" и "Бригадир
т.д.). См., напр., в "Повести о бражнике" воспроизведение
чи апостола Петра, апостола Павла, Иоанна Богослова: "При
ко вратом Петр апостол и рече: "Кто толкушеся у врат свят
... "Аз есмь Павел апостол, крестил Ефиопскую землю"... "
рече Иван Богослов: "Написано во евангелии: "бражником не
входимо в рай, уготована им мука с прелюбодейцы и со идол
служители..."..."

Стилизация, преследующая цель воспроизведения реч
церковнослужителей и причастных к их среде, использована в
комедиях Д.И.Фонвизина "Недоросль" и "Бригадир", в "Борисе
Годунове" А.С.Пушкина (при воспроизведении речи патриарха
отца Пимена, игумена, Варлаама, Мисаила), в "Сорочинской яр
марке" и повести "Вий" Н.В.Гоголя, в романе "Братья Карама
зовы" Ф.М.Достоевского, который создает блестящие речевые
характеристики отца Зосимы, отца Ферапонта, отца Паисия, м
наха из Обдорской обители и др. См., напр., речевую характе
ристику отца Зосимы: "млад еси, а соблазны в мире тяжелые",
"... радуюся, жено, твой младенец теперь в сонме ангелов пр
бывает", "... помяну, мать, и супруга твоего за здравие",
"паки говорю: сребра и золота не любите", "... еси вспомнишь
в нощи" и т.д. В романе "Братья Карамазовы" очень искусно
изваян речевой портрет отшельника отца Ферапонта, малогра-
мотного одичалого старика, который говорит несвязано, смеш
вая церковнославянизмы с русским просторечием: "– Видел чер
тей, у которого на персях сидит, тюмо рожки выглядывают, у
которого во чреве поселился, в самом нечистом брюхе его",
"– видишь ли сии два сука? В нощи же и се Христос руце ко
мне простирает", "Сатана, изыди! Извергая извергну" – загре-

мел отец Ферапонт". Строго придерживается норм церковнославянского языка другой герой романа "Братья Карамазовы" – монах из Обдорской обители, который рассказывает об устройстве обители: "Трапезник наш устроен тако: о четыредесятнице в понедельник, в среду и пяток трапезы не поставляют. В неделю ко штям каша. В страстную седмицу... хлеб с водой тачию ясти и зелие не варено; аще есть можно и не всяк день приимати... Во святый же четверток пием же вино."

К рассматриваемому типу стилизации, преследующей цели воспроизведения речи церковнослужителей, причастных к их среде, верующих, прибегают и современные русские писатели. См., напр., в романе Дм.Балашова "Бремя власти": "При встрече новый митрополит... изрек мимоходом: – Прилепо стольному граду имати храмы из каменя созиждены", "Алексей чуть качнул головой, брякнул: – Тако хощеши ты сказати, отче? Почто прямо не рещи с том! Так и паки так! Зри и в иных градах такожде. Русское храмоздательство ныне не суетно. Это поприще путь, а не конченая пристань. Оно отворяет врата совершенствованию, словно бы глаголает", "Отпустив бояр, Феогност задумался. Кто из них прав? И что должен содеять он днесь, дабы не возмутить ни тех, ни этих? Тогда и Псков пойдет под руку ему, поелику оба града суть одна архиепископия."

е) Староболгаризмы и церковнославянизмы как средство жанровой стилизации.

Стилизация жанровая преследует цель воспроизведения речевых средств, способов их употребления, манеры повествования, характерных для определенных жанров.

Истоки использования староболгаризмов как средство жанровой стилизации тоже восходят к древнерусской литературе. В данном случае следует учитывать, что воспроизведение речевых средств отдельных жанров связывается во многих случаях и с цитированием, с привлечением цитат из различных источников, написанных на церковнославянском языке (напр. молитвы, евангельские тексты, Псалтырь и т.д.).

См., напр., в "Молении Даниила Заточника": "Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: крест есть глава церк-

ви, а мужь женѣ своеи"; "Глаголеть бо в писании: просящему у тебя даи, толкующему отверзи, да не лишен будеши царствия небеснаго".

См. еще "Слово похвальное инока Фомы": "И о семъ бо рече великий Павелъ: "И да даст ми ся томитель, да ся не превозношу, да сосуд буду избранъ богу". Да то какъ глаголаше; "Но яко же рече Исака пророк: "Господь даст ми языкъ". И Приточникъ же рече: "Сотсвѣ медвении словеса добраа, а и сласть же ихъ – исцеление души"; и "По воздании же устъ его воздасть ему"...".

См. и "Послание в Кирилло-Белозерский монастырь" Ив. Грозного: "А в Правилехъ великого Василия написано естъ: "Аще чернецъ хвалится при людехъ, яко добра роду есмь и родъ имый, да постится 8 дней".

Использование староболгаризмов при жанровой стилизации в составе текстов, относящихся к различным жанрам, а также в цитатах из богослужебной и другой христианской литературы наблюдается в русской литературе XVII-XVIII, XIX-XX вв.

См., напр., в "Службе кабаку", в которой воспроизводятся отдельные части текстов церковных служб, паремийных чтений, житий, Часослова, Октоиха, Триоди цветной и др.: "Ныне отпущаеши с печи мене, раба твоего, еще на кабак по вино и по мед и по пиво, по глаголу вашего с миром, яко видеста очи мои тамо много пьющих и пьяных" (см. в Часослове: "Ныне отпущаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мои спасение твое").

См. еще в романе Ф.М.Достоевского "Братья Карамазовы": "Егда кто от монахов к господу отыдет (сказано в большом требнике), то учиненный монах отирает тело его... творя прежде губою крест на челе скончавшегося, на персях"; "Было сказано издревле: "И начат глаголати на мя многая некая; аз же вся слышав, глаголах в себе..."; "Тверди про себя: "Господи помилуй всех днесь пред тобою представивших", "Но благодарите творца, что дал вам сердце высшее, способное такой мукой мучиться: "горняя мудрствовати и горних искати, наше бо жительство на небесах есть..."

Использование староболгаризмов в целях стилизации

жанровой и при цитировании наблюдается и в произведениях современных авторов.

См., напр. в романе Дм.Балашова "Бремя власти": "Иван ту грамоту и поднесь помнит наизусть: "Мне убо должно есть со всяким терпением и любовью за всех страдати, нежели отмщати лукавствующим и крамолящим на меня: ничто же убо есть житие земное, все убо исчезаем и в небытие отходим, и воздано будет от Господа коемуждо по делам его. Вам же лепс было друг за друга и брату за брата стояти, а не выдавати татарам братью свою, но противятися на них за един и стати всем вкупе за Русскую землю"; "– Премудрый Аристотелиус тако глаголет: малым государствам, в коих один токмо град, подобно древним Афинам или граду Плесковскому, пристойно есть имати правление демократикус, сиречь народное, а великим – единодержавие достоит... И к сему потребно понуждение свыше от цесаря, дабы по всей земле – един глава, един закон судный".

См. и в "Детстве" М.Горького: "Дедушка читает молитвы твердо: "Тебе единому согреших, – отврати лице твое от грех моих..."; "Что ти принесу или что ти воздам, великодарсвитый бессмертный царю..."; "Господи, покрый мя человек некоторых... Даждь ми слезы..."; "ну, говори, пожалуйста: "Отче наш, иже еси..."

См. в романе Н.Вирты "Вечерний звон": "Флегонт снял с божницы евангелие и медленно стал читать. – Тогда прииде с ним и Иисус... и глагола ученикам: "Седите ту, дондеже шед помолюся тамо"; "... И пришед мало, паде на лице свое, моляся и глагола: "Отче мой, аще возможно есть, да мимо идет от мене чаша сия, обаче не якоже я хощу, но якоже ты"..."

ж) Старсболгаризмы как средство индивидуально-авторской стилизации

Стилизация индивидуально-авторская преследует цель воспроизведения речевых средств, способов их употребления, манеры повествования, характерных для стиля отдельных авторов. Староболгаризмы могли использоваться и как средство индивидуальной авторской стилизации. Так, напр. в стихотворении "Памятник" А.С.Пушкина воспроизводит особенности го-

рацианско-державинского одического стиля:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный.
К нему не заростет народная тропа.
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столба.

Ю.Тынянов умело воспроизводит речевые оссбенности стрывка из послания В.Л.Пушкина Дашкову:

Мой разум просвещен, и Сены на брегах
Я пел любезное отечество в стихах.

"Мой разум просвещен, - писал он в ответ на обвинения Деда, - и Сены на брегах я пел любезное отечество в стихах".

В романе "Петр I" А.Н.Толстого представлено воспроизведение манеры повествования и речевых средств протопопа Аввакума: "Протопоп Аввакум писал: "Кто ты, никониан? Кал еси, вонь еси, пес еси смрадный... Вспомни как жил Мелхиседек в чаще леса на горе Фаворской. Ел ростки древес и вместо пития росу лизал..." и т.д.

з) Старославянизмы как средство исторической стилизации

Стилизация историческая, при помощи которой авторы воспроизводят колорит определенной эпохи, отличающейся своей общественной жизнью, бытом, культурой и особенно языком, используется обычно в исторических романах, повестях, рассказах и т.п.

Старославянизмы служили и служат значимым и эффективным речевым средством исторической стилизации.

Важное свидетельство о возможности и необходимости привлечения старинных речевых средств в художественную ткань некоторых произведений древнерусской литературы представлено еще в "Слове о полку Игореве". См. "Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ", Игоря Святъславлича!"

Не широкое распространение этого вида стилизации осуществляется главным образом в русской литературе XVIII-XX вв., в составе которой развивается активно историческая

литература и различные ее жанры.

Староболгарские языковые средства используются в сочинениях Н.М.Карамзина (напр. Наталья, боярская дочь, Марфа посадница, История государства Российского), А.С.Пушкина (напр. Борис Годунов, Полтава, Песня о вещем Олеге, Неподвижен страж дремал), М.Ю.Лермонтова (напр. Олег, Умирающий гладиатор, Последний сын вольности, Боярин Орша и др.), М.Н.Загоскина, Н.Н.Златовратского и т.д.

См., напр., в "Марфе посаднице" Н.М.Карамзина: "когда я встречалась с ним на стогнах града", "златый жезл начальства", "докле не сокружит врагов и не смешает их в прах с земною перстию", "чувство глада терзало несчастных", "блата, нас окружающия", "кровь сограждан нам драгоценнее злата", "столетний Феодосий седыми власами отирал слезы свои".

См. еще драматическое произведение А.С.Пушкина "Борис Годунов", в котором автор прибегает к исторической стилизации, к воспроизведению колорита (в том числе и языковых особенностей) XVI в. См. речь царя:

"Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы
Они ж меня, беснуясь проклинали!"

Стилизация историческая может пересекаться и с другими видами стилизации, напр., с социально-речевой. В таком аспекте можно характеризовать речь отца Пимена:

"Подумай, сын, ты о царях великих:
Кто выше их? Никто. А что же? Часто
Златый венец тяжел им становился:
Они его меняли на клобук.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастырь вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Повсюдными являлись чернецами"

См. использование староболгарских языковых средс стихотворении "Умирающий гладиатор" М.Ю.Лермонтова:

"Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он – пронзенный в грудь – безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
Он видит круг семьи, оставленный для брани,
Отца, простершего немеющие длани,
Зовущего к себе спору дряхлых дней..."

Русские писатели XX в. (напр. Ф.И.Парфьонов, А.И. Толстой, С.П.Бородин, Ю.Н.Тынянов, Дм.Балашов и др.) умел воспроизводят языковой колорит отдельных периодов истории щества с помощью различных речевых средств, в том числе старобслгарских. Они используют их не только в авторской чи, но и в речи персонажей, поэтому в данном случае старс гаризмы выполняют двойную и даже тройную стилистическую на грузку. Они служат и средством исторической стилизации, и чевой характеристики, и социально-речевой характеристики, если воспроизводится речь священнослужителей, и даже жанро

См., напр., в романе Дм.Балашова использование вс этих видов стилизации. "Василий Калика любопытно выглядыв из возка... Велика Русь! И поля хлебородные, и сады благоде ные, и овощь многоразличная, и звери и птицы! Алени по ны шним местам... Василий Калика был ныне без меры счастлив душою... Но ему и при этом ничто не стоило взяв посох, пойти по Руси из веси в весь, кормясь подаянием, утешая страждущ духом и радуясь благодати божией, разлитой окрест".

См. в этом же романе представленную речевую характеристику монаха Алексея: "Алексей чуть качнул головой: – И бедны, и малы, и пред храмами Константинова града ничтожны суть? Таков хощеши ты сказати, отче? Так! Почто прямо не рек с тем! Так и паки так!... Зри и в иных градах такожде! Русское храмоздательство ныне не суетно, это паче, путь, а конечная пристань. Оно отверяет врата совершенствованию..."

См. и использованную жанровую стилизацию при воспр изведении молитвы Симеона в другом историческом романе Дм. Балашова "Симеон Гордый": "– Господи! Камо пойду от духа Т

...о и от лица твоего камс бежу? Аще взыду на небо, ты тамо еси, ...ие сниду во ад – тамо еси, аще возьму криле мои рано и вселю...я в последних моря, и тамо бо рука твоя наставит мя и удержит ...я десница твоя!... Господи! Да! Да! Не в жестоце и хладе единодержавия, не в тягости, подавляющей всех и вся, но в соборном согласии и дружестве спасена будет наша земля!... Боящми, Господи! Ты вручил ныне великий стол в руце мся! Будь же справедлив к смертному рабу твоему! Блага я хочу родимой земле, и в этом праведен я пред тобою! Виждь и помилуй мя!"

Умелсе и целенаправленное чередование старосслгарских, русских и других языковых средств в исторических сочинениях современных русских авторов, ссобенно тех, кто очень хорошо знаком не только с историческими фактами, но с культурой, бытом, нравами и языком народа в предшествующие периоды, напоминает сложный, разнсобразный и неповторимый язык русских летописей.

См., напр., подсобное чередование разнсобразных языковых средств в зависимсости от различных целевых устансвск в историческом романе "Бремя власти" известного советскгс писателя, историка и фольклориста Дмитрия Балашова: "Дед был для него и дедом и стцом. Поначалу так и звал тятей. Отца убили, не то увели с ссбсю татары в Шевкалову рать. Тогда же спалили дом и хлев, уничтожили всю ихнюю деревню. Дедушка с его маткой уцелели чудом... Как дедушко подымал хозяйствс, рубил клеть, ставил хлев и амбар – помнилссь смутно. Их первая корова тоже помнилась больше по ощущению большсго доброго тепла. Из детских лет сохранился в памяти постоянный голод" (Описание быта, при котором используются преимущественно праславянские и русские языковые средства).

См. другой отрывок из этого же романа: "– Господи! – кричит Иван... – Пусть я смраден! Но иные, пошедшие за мною?! Земля, язык, присные, поверившие в меня! Соблазнил их аз и ты, днесь, оных, соблазненных мною, караешь вместе со мной! Не прав ты, господи! Ввергни дух мой в геену огненную!... Господи! К тебе воззвах и к тебе прибегаю! Да, я возносил главу свою гордо и величахуся в ослеплении сердца своего. Прав ты, наказуя мя, господи!.. Ты наказуешь мя сугубо! Наказуй! Губи!

Но токмо еще об одном молю тебя ныне! Пусть грех мой со мн единым снидет во тьму кромешную, туда, где вопль, и воздых ние, и скрежет зубовный, но очисти грядущих по мне! Наслед ника моего Симеона не погуби десницею своей!..." (жанровая стилизация, воспроизводятся языковые средства церковнослав ского языка, характерные для молитвы).

См. также и следующий отрывок из рассматриваемого романа: "Отпустив бояр, Феогност задумался. Кто из них пра И что должен содеять он днесь, дабы не возмутить ни тех, н этих? "Буде примет Новгород сына Гедиминова на стол, тогда ведь и Псков пойдет под руку ему, поелику оба града суть о на архиепископия... Нет! Паки и паки рассудив, Арсения рук полагать не следует (косвенная речь священнослужителя Феогн та, социально-речевая стилизация).

и) Старсболгаризмы как средство характеристики церковнобогослужебных обрядов, быта и нравов священнослужителей и вообще верующих

Старобслгаризмы традиционно используются как средство характеристики различных церковно-богослужебных обрядов быта и нравов священнослужителей, верующих и причастных к н Это обусловлено первоначальной и основной функцией древнеру ской (и русской) редакции староболгарского литературного яз функция языка религии, богослужения, церковных обрядов. Т кое употребление старобслгаризмов засвидетельствовано как в древнерусской, так в русской и в современной русской литературе.

См., напр. в "Хождении" игумена Даниила: "Есть цер ви Въскресениа Господня всяка образом... А над полатьми под верхом исписани суть пророци святии мусиею, яко живи стоять" "А отъ Пупа земнаго до Распятия господня и до Края есть саженъ 12. Есть же Распятие господне къ встоку лиць... Исподи же под каменемь лежить прьвозданаго Адама глава, и в распие господне, егда на крестѣ господь наш Иисус Христос предасть духъ свой, и тогда раздрася церковная катапетазма и камение распадеся"; "И ту есть близ жрьтвенник Авраамсвъ, иде же положи жерьтву богови Авраамъ и закла свенъ".

См. еще в "Послании в Кирилло-Белозерский монастырь" Ив.Грозного: "... великие подвижници, ученицы его, а ваши наставницы и отцы по приятию рода духовнаго, даже и до васъ, и святый уставъ великаго чюдотворца Кирилла, якоже у васъ ведется. Се у васъ учитель и наставникъ, от сего учитеся, от сего наставляитеся"; "И вамъ молитвовавшимъ, азъ же окаянный преклонихъ скверную свою главу и припадохъ к честнымъ стопамъ преподобнаго игумена тогда сущего вашего же и моего на семъ благословения прося".

См. и в романе "Братья Карамазовы" Ф.М.Достоевского описание старчества: "Вопрос для нашего монастыря был важный, так как монастырь наш ничем особенно не был до тех пор знаменит: в нем не было ни мощей святых угодников, ни явлении чудотворных икон, не было даже славных преданий, не числилось за ним исторических подвигов. Процветал он и прославился на всю Россию именно из-за старцев, чтобы видеть и послушать которых стекались к нам богомольцы толпами со всей России"; "Избрав старца, вы от своей воли стрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни сбрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя"; "Обязанности к старцу не то, что обыкновенное "послушание". Тут признается вечная исповедь всех подвизающихся старцу".

к) Староболгаризмы как средство характеристики болгарской действительности, быта и нравов болгарского народа

В переводной и оригинальной русской литературе, в которой характеризуется болгарская действительность, быт и нравы болгарского народа используются староболгарские лексические единицы. В одних случаях – это слова, которые проникли в систему русского литературного языка, напр. болгарский, владыка, враг, одежда, мрак и т.д. В других случаях – это варианты и дублеты, которые не получают широкого распространения, или слова, засвидетельствованные в единичных примерах в древнерусской литературе; напр. агница, днесь, младые, планина и др. Употребление староболгарских слов в переводах с бол-

гарского языка или в сочинениях, в которых тема связана с Болгарией, естественный результат генетического статуса древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка, который является письменно-литературной формой языка славяно-болгарской народности.

См., напр., в партизанском эпосе "Горы дышат огнем" В.Андреева (перевод Л.Каганова): "Кого только не было? Кубратисты, "защитники" родины, цанковисты, легионеры, охранники, бранники, отецпаисиевцы (каждое имя опошлили!), ратники болгарского духа"; "Бай Иван выглядел добряком, но был суров. Его обдували не только старопланинские и среднегорские ветры"; "Мы обогнули гору Баба".

См. еще в повести А.Таха "В долине роз": "Крутые склоны Стара-Планины, были для них надежным убежищем"; "Приближалось время, когда камбан на звонице Шипкинского монастыря должен был известить о начале восстания"; "они добираются до дома бабы Кати".

См. стихотворение Н.Грибачова "Ночь в Болгарии":

А от Добрыча до Казанлыка — Сизы пар, как повилика,
На снегах планин — От ночных долин.

См. также поэму "Родник белоногой" П.Р.Славейкова:

Жила в нем тогда Гергана,
Гергана, пестрая пташка,
агница ясноокая
.....
Перед шатром визирь сидит,
с Герганы взора не сводит...
Что, молодая болгарка,
Зачем поднялась ты так рано...
Тебе ли, краса-юница,
По нивам ходить, клониться.

Следует дополнить, что во многих случаях функции, которые выполняют староболгарские слова, пересекаются, потому что целевые установки многоаспектны и сложны. Некоторые староболгаризмы выполняют одновременно несколько функций. С другой стороны, одни и те же слова могут выполнять

разные функции в сочинениях различных авторов и в отдельные периоды.

Так, напр., в рассказе Г.Рыклина "Есть и такие" староболгарские слова выполняют не только функцию социально-речевой характеристики (речь семинариста и его подруги, которая старалась подражать его речи), но и экспрессивную функцию как средство комизма и иронии (несоответствие между темой и речевыми средствами): "Вот он! Наконец произошло явление долгожданного сына божия.

– Приветик! – рече басом сын божий.

– Аминь! – ответствовала пастырю смиренная овца...

– Прошу извинить, – молвил будущий пастырь, – я, кажись, малость того... нарушил график, как говорят в миру.

– Бог простит, бог благословит, – ответствовала овца, потупив очи долу.

– Ладно, – согласился божественный ухажер.

– Пошто, мой милый пастырь, опоздал ты сегодня на нашу тайную вечерю?

– Из-за футбола. Аз есмь вратарь во славу божью. Ни одной шутки не пропустил...

Девица, ласкаво взяв в свои персты длань жениха, заворковала, аки сизая голубица:

– Люби мя и ниспошли благодать свою на рабу твою.

– Ниспошлю, – твердо обещал жених.

– Когда же, отче, под святой венец? Дондеже ожидать?

– Не трепись, дева. Не трепись и не торопись. Яко глаголют мирские, всякому овощу свое время и всякому зерну своя борозда. О, дочь моя, оставь суету сует, и да снизойдет спокойный сон на вежди твоя! Договорились?..."

См. еще в историческом романе Дм.Балашова "Бремя власти", где староболгарские слова используются и как средства исторической стилизации, воспроизведения языковых особенностей эпохи Ивана Калиты, так и как средство речевой характеристики монаха Алексея и грамотного князя Ивана: "Иван сказал, поглядев твердо в очи:

– Радсвати надо о всяком, иже предсташе пред престолом всевышнего и с ангелы и со архангелы пребывает...

– Так крестный! Но веси ли, яко пред господом потянет чаша сия? Веси ли передняя и задняя, днешнее и пребудущее подвига сего? А ослабну? А не возмогу? А прельщусь пагубою мира? Суета сует и всяческая суета!...

– В бренном и временном житии нашем все. И власть предержащая прейдет, как и иное прочее. Вечен только господь!

– мнится мне, яко много в языке нашем сокрытых сил, и токмо потребен пастырь добрый ему, дабы восприял он над прочими, яко кедр ливанский. И тебе, крестный, скажу: ты еси пастырь добрый. Не ослабни токмо и не начни торопитися..."

Одни и те же старославянские слова могут быть использованы как средство создания и торжественной тональности, и лиризма, и др.

См., напр., употребление староболгаризма злато в стихотворении "Смерть поэта" М.Ю.Лермонтова:

Но есть, есть божий суд, наперсники разврата.
Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата...

См. это же слово злато:

Его стихи блестят как злато
(А.А.Дельвиг, Певец)

Обобщая, следует подчеркнуть, что церковнославянский литературный язык (древнерусская и русская редакция старославянского литературного языка) на всех этапах истории русского литературного языка (письменно-литературной разновидности древнерусского и русского языка и древнерусской и русской разновидности древнерусской и русской редакции старославянского литературного языка) служит важным источником пополнения его стилистических ресурсов. Старославянизмы пополняют состав стилистически окрашенной лексики русского литературного языка, состав его синонимических средств, средств словесной образности. Старославянизмы выполняют разнообразные стилистические функции в художественной и публицистической речи. Их широкое использование в различных жанрах и видах древнерусской, русской и современной русской литературы и письменности является ярким доказательством непрерывности культурно-исторических традиций ее поэтики.

Глава шестая

ДРЕВНЕРУССКАЯ И РУССКАЯ РЕДАКЦИЯ СТАРОБОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (СОБСТВЕННО ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК) – ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ПОПОЛНЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Древнерусская и русская редакция староболгарского литературного языка (собственно церковнославянский литературный язык, по другой терминологии) служит также и одним из источников пополнения фразеологических ресурсов русского литературного языка значительным слоем фразеологических единиц. В работе воспринимается более широкое толкование фразеологических единиц, к которым относим не только фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания, но и фразеологические выражения (поговорки, пословицы, крылатые слова, словосочетания в функции постоянных сравнений, повторяемые цитаты, различных типов клише, речевые штампы и т.д.). Таким образом, мы принимаем во внимание универсальные, общие и характерные признаки фразеологических единиц – семантические сдвиги в значениях лексических компонентов (представленных в словосочетаниях или предложениях), воспроизводимость и устойчивость. В некоторых случаях не все указанные признаки представлены в одинаковой мере, что связано и с определенными свойствами. Это – идиоматичность, для которой характерно слитное значение (фразеологические сращения и фразеологические единства), или аналитическое значение (фразеологические сочетания).

Наличие в русской фразеологии фразеологических единиц, источником которых служила переводная и древнеболгарская христианская, богословская, богослужебная и т.п.литература, не является изолированным фактом. Подобные библейские и другие церковнославянские устойчивые сочетания встречаются во многих языках. Это естественный результат распространения христианства и христианской литературы. "Библия, особенно в Средние века, остается настольной книгой. Стилистическая

красота этого сборника легенд сильно влияет на словотворчес европейских писателей"[406]. Различные авторы (писатели, журн листы, публицисты, политические и культурные деятели и др.) используют церковнославянские устойчивые сочетания[407], пото что они выражают житейскую мудрость, различные идеи и образ потому что они отличаются своей художественной выразительно и эмоционально экспрессивной окрашенностью.

Из широкого круга вопросов, относящихся к проблеме церковнославянских устойчивых сочетаниях в русском литерату ном языке, в этой части работы отобраны только несколько.

1 Генезис церковнославянских устойчивых сочетаний

Наименование „церковнославянские устойчивые сочетан объединяет неоднородные по генезису фразеологические едини и выражения. Но генетические отличия в некоторых случаях ос таются трудно доказуемыми, потому что, привлекая "такие ис точники, как Библия, Омир или Езоп, мы вообще приближаемся границам мифа, к полной неуверенности относительно того, что является первоисточником соответствующего выражения"[408]. С другой стороны, существуют устойчивые сочетания, которые не являются непосредственными цитатами из христианской библей ской, богословской, церковной и т.п. литературы, а созданы на их основе, на базе отдельных мифов, образов, сюжетов. "Но ко гда такие выражения появились, кому они принадлежат, не все да возможно точно установить"[409]. В отдельных случаях трудно разграничиваются и устойчивые сочетания, возникшие в списан ной переводной христианской, церковно-богослужебной, бого словской и др. литературе от устойчивых сочетаний, представ-

406 С.Г.Займовский.Крылатое слово.М.-Л.,1930, с.17-18.

407 Условный термин "церковнославянские устойчивые сочетания служит для наименования фразеологических единиц и фразеологических выражений, источником которых является христианская церковно-богослужебная, богословская и т.п.литература - П.Ф.

408 С.Г.Займовский. Крылатое слово, с.12

409 Н.С.Ашукин, М.Г.Ашукина. Крылатые слова.М.,1960,с.4.

женных в христианской оригинальной древнерусской литературе. Поэтому классификация изучаемого материала дается в самом общем виде.

– Часть церковнославянских устойчивых сочетаний относится к старозаветным и новозаветным источникам, распространенным в Киевской и Московской Руси в списках, напр. Бытие, Исход, Книга Иисуса Навина, книги царств, Товита, Иова, Псалтырь, притчи Соломоновы, Песня Песней, Екклезиаст, Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна, Деяния Апостолов, послания Иакова, Петра, Иоанна, Павла, Откровение Иоанна Богослова и пр. Некоторые авторы обозначают подобные устойчивые сочетания и выражения термином библеизмы. Они сохраняются в русском литературном языке в церковнославянском или в русском переводе.

См. агнец божий (Иоан 1,29), агнец пасхальный (Лука, 22,7), адовы врата (Матфей 10,18), адские муки (Псалт. 114,3), аки лев рыкаяй (Откр. 10,3), алчущие и жаждущие (Матфей 16,18), альфа и омега (Откр. 1,10), бить себя в грудь (Лука 23,48), блаженны миротворцы (Матфей 5,9), блажен муж, который не ходит на совет нечестивых (Псалт. 1,1), божья благодать (1 Коринф. 15,10), бог дал, бог взял (Иов. 1,21), бог весть (Бытие 3,5), бросать камень (Иоанн 8,7), бросать жребий об одеждах (Матфей 27, 35), бросать слова на ветер (Иов. 6, 26), бремена тяжкие и неудобоносимые (Матфей 23, 4), будьте мудри, как змии, и просты, как голуби (Матфей 10, 16), в мгновение ока (1 Коринф. 15, 22), во веки веков (1 Петр 5,11), в поте лица (Бытие 3,19), во время оно (Иоанн 1, 35), во многоглаголании несть спасения (Матфей 6, 7), во едину от суббот (Лука, 24,1), во сто крат (Матфей 13, 8), во чреве матери (Псалт. 21,11), во многой мудрости много печали (Екклез. 1,18), велики и чудны дела твои, господи (Откр. 15,3), венец славы (1 Петр 5,1), вера без дел мертва (Иаков 2,26), вера, надежда и любовь (1 Коринф. 13,13), верный в малом и во многом верен (Лука 16,10), весь мир (Матфей 25,34), вечные муки (Матфей 25,46), вкушать от древа познания добра и зла (Бытие 2,17), вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю (1 Царств 14,43), власти предержащие (Римл. 13,1), вложить персты в язвы (Иоанн 20,25), власть тьмы (Лука 22,53), возложение рук (Деяния 8,18), возвращается ветер на круги своя (Екклез. 1,6), возвращается пес на свою

олевотину (II Петр 2,22), взыскующие вышнего неведомого гра
(Посл.евр.13,14), вопиять гласом велиим (Матфей 27,46), вос-
креснуть из мертвых (Марк 9,10), врата смертныя (Псалт.106,
18), врачу, исцелися : сам! (Лука 4,23), всяко даяние благо
(Иаков 1,17), все произошло из праха и в прах вернется (Екк
3,20), всему свое время, и время всякой вещи под небом (Екк
3,1), всяк человек ложь (Псалт. 115,2), всем сердцем, всей д
шой (Второз. 6,5), выпить чашу до дна (Исаия 57,17), геенна
гнненная (Матфей 5,22), где будет труп, там соберутся орлы (Ма
фей 24,28), где нет больше дров, огонь погасает (Притчи 26,2
глас трубный (Иезек.33,4), глас вопиющего в пустыне (Исаия 4
3), глад и мор (Иезек. 7,15), горе миру от соблазнов (Матфей
18,7), горнило страданий (Премудр. 3,6), господь кого любит,
того и наказывает (Притчи 3,12), гробы повапленные (Матфей 2
27), грядущее поколение (Псалт.101,19), грехи молодости (Пса
.24, 7), грехи молодости (Псалт.24,7), да минует меня чаша с
(Марк.14,36), дающий нищему не обеднеет (Притчи 28,27), дел
рук человеческих (Премудр. 13,10), до скончания века (Матфей
28,20), дети дьявола (I Иоанн 3,10), до основания разрушить
(Псалт.136,7), довлеет дневи злоба его (Матфей 6,34), дом бо-
жий (Бытие 28,17), живая вода (Бытие 21,19), его же царствию
не будет конца (Лука 1,33), еже писах, писах (Иоанн 19,22),
жатвы много, а делателей мало (Лука 10,2), жнет, где не сеял
(Матфей 25,24), закон и пророки (Матфей 7,12), зарыть талант
в землю (Матфей 25,15), звезда от звезды разнствует во славе
(I Коринф.15,4), земля, где течет молоко и мед (Левит 20,24),
земля еси и в землю изыдеши (Премудр. 17,1), злачное место
(Псалт.22,2), знамение времени (Матфей 16,3), зубовный скрежет
(Матфей 10,42), и беси веруют (Иаков 2,19), избрать благую
часть (Лука 10,42), изгнать из храма (Лука 19,45), иже с ним
(Лука 22,49), им же имя легион (Марк 5,9), имеющий уши слышать
да слышит (Матфей 11,15), испустить дух (Матфей 27,50), исче-
зать, аки дым (Псалт.101,4), ищите и обрящете (Лука 11,9),
камни вопиют (Лука 19,40), камня на камне не оставить (Матфей
24,2), камень преткновения (Исаия 8,14), книга жизни (Откр.
6,8), книга за семью печатями (Откр. 6,8), кому много дается,
с того много и взыщается (Лука 12,48), конец пришел (Иерем.

51,13), концы земли (Псалт 21,28), корень зла (Иов 19, 28), кость от костей и плоть от плоти (Бытие 2,23), краеугольный камень (Исаия 28,16), кто сеет ветер, пожнет бурю (Осия 8,7), кто думает, что он что-то знает, тот ничего еще не знает так, как должно знать (1 Коринф. 8,2), кто не со мной, тот против меня (Матфей 12,30), кто не против вас, тот за вас (Марк 10, 40), кто погубит душу свою, тот спасет ее (Матфей 16,25), левая рука не знает, что делает правая (Матфей 6,3), легче верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царствие небесное (Лука 18,25), лицо земли (Бытие 7,4), лсвец человеков (Марк 1,17), лобное место (Матфей 27,33), лоно Авраамово (Лука 16,22), любить ближнего, как самого себя (Левит 19,18), любовь сильна , как смерть (Песни 8,6), медный лоб (Исаия 48,4), между небом и землей (II Царств. 18,9), меньшая братия (Матфей 25, 40), мерзость запустения (Даниил 9,27), метать жребий об одеждах (Псалт.21,19), мир вам (Лука 24,36), мир дому сему (Лука 10,5), много званых, мало избранных (Матфей 22,14), морская пучина (Михей 7,19), меч духовный (Ефесян. 6,17), на земли мир, во человецех благоволение (Лука 2,14), начало премудрости страх божий (Псалт. 110,10), не добро быти человеку единому (Бытие 2,18), не о хлебе едином жив будет человек (Второзак. 8,3), не насытится окс зрением,не наполнится ухо слушанием (Екклез. 1,8), ненасытимы глаза человеческие (Притчи 27,20), не человек для субботы, а суббота для челсвека (марк 2,27), не ведают, что творят (Лука 23,34), не от мира сего (Иоанн 8,23), не судите, да не судимы будете (Лука 6,37), не всякий, говорящий мне: "господи, господи!", войдет в царство небесное (матфей 7,21), не я ли, господи? (матфей 26,22), неопалимая купина (Исход 3,2), нет покоя (Иов 3,26), несть числа (Псалт. 103,25), несть пророка в отечестве своем (Лука 4,24), ни на йоту (матфей 5,18), нищие духом (матфей 5,3), ничтоже сумняшеся (Иаков 1,6), нести свой крест (Иоанн 19,17), обетованная земля (Ереям 11,4), овому талант, овому два (матфей 25,15), овцы без пастыря (Марк 6,34), огонь и жупел (Бытие 19,24), один сеет, а другой жнет (Иоанн 4,37), от лукавого (матфей 5,37), оружие правды (II Коринф. 6,7), отец небесный (матфей 5,48), стрясти прах ст ног своих (матфей 10,14), отделять овец от козлищ,козлищ от ягнят (матфей 25,32), оце-

живать комара (Матфей 27,24), око за око, зуб за зуб (Второзак. 19,27), перековать мечи на орала (Исаия 2,4), переполнить чашу (Псалт. 22,5), перст божий (Второзак.9,10), песнь песней (Песнь, заглавие), положить душу за кого-н. (Иоанн 15,13), пост и молитва (Марк 9,29), последние будут первыми (Матфей 19,30), порождение ехидны (Матфей 3,7), по образу и подобию (Бытие 5, 3), плоды трудов (Премудр. 3,15), поднять меч (Исаия 2, 4), посыпать главу пеплом (Иов 2,12), почить от дел (Бытие 2,3), приносить плоды (Матфей 13,18), негде приклонить голову (Лука 9,58), придите ко мне вси труждающиеся (Матфей 11,28), прах и пепел (Бытие 18,27), превратиться в прах (Премудр.2,3), предел, его же не прейдеши (Даниил 6,7-8), препоясывать чресла (Иов 40,2), приносить (в) жертву (Левит 23,25), прильпе язык к гортани (Псалт. 136,6), притча во языцех (Второзак. 28,37), псу живому лучше, нежели мертвому льву (Екклес.9,4), птицы небесные (Матфей 6,26), пути истины (Премудр.5,6), раб ленивый и лукавый (Матфей 25,26), ради бога (Псалт.68,8), разве я сторож брату моему (Бытие 4,9), распни его! (Марк.15, 13), разодрать на себе ризы (Матфей 26,65), разверзлись хляби небесные (Бытие 7,11), рече безумец в сердце своем несть бог! (Псалт.13,1), род проходит, род приходит, а земля пребывает во веки (Екклес.4,4), рождество Христово (Матфей 1,18), рука смерти (Даниил 3,88), с миром идти (Бытие 26,29), святая святых (Исход 26,34), служить мамоне (Матфей 6,24), смерть! где твое жало? ад? где твоя победа? (Осия 13,14), со страхом и трепетом (Псалт.54,6), сосуд скудельный (Исаия 30,14), сотворить себе кумира (Исход 20,4), соль земли (Матфей 5,13), стомаха ради (I Тимофей 5,23), страха ради иудейска (Иоанн 19,38), спасать душу (Марк 3,4), спать вечным сном (Перем. 51,57), ставить во главу угла (Псалт.117,22), стезя правды (Псалт.26,11), суета сует (Екклес.1,2), сыны человеческие (Бытие 5,23), сыны века сего (Лука 16,8), тайна сия велика есть (Ефес.5,32), терновый венец (Марк 15,17), темна вода во облацех (Псалт.17,12), твердь небесная (Бытие 1,14), тленное тело (Премудр. 9,15), толцыте и отверзется (Лука 11,9), продать за тридцать сребреников (Матфей 26,15), тьма кромешная (Матфей 22,13), умыть руки (Матфей 27,24), фиговый листок

(Бытие 3,7), хлеб насущный (Притч.30,8), хранить, как зеницу ока (Второз.32,10), хромать на оба колена (III Царств.18,21), царство небесное (Матфей 20,21), чающие движение воды (Иоанн 5,3), человека не имам (Иоанн 5,7), что делаешь, делай скорее! (Иоанн 13,27), что есть истина? (Иоанн 18,38), что ты посеял, то и пожнешь (Галат.6,7), щит веры (Ефес 6,16), яко тать в нощи (I фес 5,2), явиться с пустыми руками (Исход 23, 15), юдоль плача (Псалт. 83,7) и т.д.

Отдельные устойчивые словосочетания и выражения получают распространение с некоторыми изменениями по отношению к своему облику в первоисточниках. Но в целом они связаны с соответствующими первоначальными устойчивыми словосочетаниями и выражениями, поэтому они условно относятся к рассматриваемому разряду. См., напр., ничто не ново под луной (и ничего нет нового под солнцем - Екклез. 1,9), См. еще: все за одного, один за всех (II Коринф. 5,15), всуе приемлет (Исход 3), воздать должное по делам (Притчи 12,14), вливать новое вино в старые мехи (Матфей 9,17), в чужом глазу сучок видим, а в своем бревна не замечаем (Лука 6,41), если кто ударит тебя в правую щеку, обрати и другую (Матфей 5,39), заднюю созерцать (Исход 33,23), злоба дня (Матфей 6,34), дорога милостыня во время скудости (Премудр. Иис. 35,23), до основания разрушить (Псалт.136,7), жертвенный агнец (Исход 66,3), идти по стезе чьей-л. (Иов 24,13), копать яму кому (Екклес.10,8), излить свой гнев (Откр. 16,1), кесарево кесарю, а божие богу (Матф. 22,21), кто не работает, тот не есть (II фес. 3,10), кто без греха (Иоанн 8,7), как зеницу ока беречь (Второзак.36,10), ложь во спасение (Псалт. 32,17), мягкие слова кости ломят (Премудр. 25,15), метать бисер перед свиньями (Матфей 7,6), метать громы и молнии (Октр. 4,5), мертвая буква (II Коринф. 3,6), нет ни эллина, ни иудея (Галат. 3,28), напоять оцтом и желчью (Псалт.68,22), невзира на лица (Матфей 22,16), оглядываться назад (Бытие 19,17), отправляться к праотцам (IV Царств. 22,20), пропасть между кем/чем (Лука 16,26), первый между равными (Премудр. Иис. 32,1), отдать богу душу (Псалт. 30, 6), поднимать знамя (Псалт.19,6), питаться медом и акридами (Марк I, 6), плыть против течения (Премудр.Иис. 4,30), по градам и весям (Лука 13,25), против рожна идти (Деяния 9,5),

своя своих не познаша (Иоанн 1, 10-11), свято место пусто не бывает (I Царств. 20,18), сильные мира сего (II Царств. 7,9), смертный грех (I Иоанн 5, 16-17), совратить с пути истины (Премудр. 5,6), судить по делам (I Петр 1,17), тайное стало явным (Лука 8,17), тяжесть свалилась с плеч (Псалт. 80,7) и др.

Генезис отдельных фразеологических единиц и выражений обусловлен более старыми источниками. Так, напр., выражение "врачу, исцелися сам!" было известно еще Еврипиду и Плутарху, афоризм "я знаю только то, что ничего не знаю" часто используется Сократом, устойчивое сочетание "пройти сквозь огонь, воду и медные трубы" встречается в античной литературе. Фразеологические единицы и выражения подобного типа включаются в наш материал, потому что они получают распространение посредством христианской богослужебной и богословской литературы.

Появление церковнославянских устойчивых единиц и выражений является результатом широкого распространения христианских богослужебных, богословских и т.п.книг, среди которых особой популярностью пользуются Евангелие, Псалтырь, Притчи и премудрости Соломона, Песнь Песней, Екклесиаст, Апокалипсис и т.д., многие из которых используются не только в богослужении, но и в качестве учебных книг. В древнерусской и русской литературе церковнославянские устойчивые сочетания служат оригинальным средством художественной выразительности. Многие из них проникают даже в разговорную речь, сохраняясь до наших дней. Анализ эволюции и распространения сотен подобных устойчивых единиц и выражений показывает, что первоначально они зафиксированы в списках с христианской богослужебной, богословской и т.п. переводной древнеболгарской литературы. Постепенно их начинают использовать древнерусские книжники в своих оригинальных сочинениях. Таким образом, осуществляется процесс их заимствования и проникновения в систему литературного языка. См. примеры: терновый венец (Марк 15,18, Остр.ев.; Кир.Тур.), что посеешь, то и пожнешь (Галат. 6,7 ; Новг.I лет.) и т.д.

Выделяется разряд церковнославянских устойчивых единиц и выражений, источником которых с большей или мень-

лей уверенностью можно считать христианская церковно-богослужебная проповедническая, житийная и т.п. литература, религиозные обряды, церковный быт, напр. аз грешный; ангел-хранитель; благорастворение воздухов; блаженной памяти; божья тварь; божьей милостью; бренное тело; бог простит; в руце божией; в сем веке; вечная память; Ветхий завет; великий пост; воздеть руки (горе); вознесить очи (горе); возложение рук; вопиет и глаголет; всевидящее око; во вся тяжкая; второе пришествие; всех и вся; все и вся; греховное древо; грешная рука; град стольный; до положения риз; десница божия; до скончания века; до последнего издыхания; душой и телом; его же и мощи приемлют; елико возможно; един в трех лицах; жертва вечерняя; житейское море; жития святых; житейская суета; закон божий; земной рай; и остави нам долги наша!, идти на Голгофу; избавлять благочестивых от искушения; идти на дух; исчадие ада; Исаия, ликуй!; кропить святой водой; ковчег завета; кадить фимиамом (ладоном); крестное знамение; крестный ход; легион бесов; матерь божия; многая лета; на сон грядущий; начать за здравие, а кончить за упокой; наш брат Исаакий; небесные силы; око недреманное; опочить в бозе; один в двух естествах; отцы церкви; отпущение грехов; ныне и присно и во веки веков; Новый завет; причислять к лику святых; преклонять колена; пещные действо; петь аллилую; петь осанну; петь Лазаря; простирать длани; промысл божий (божий промысл); пуп земли; райское житье; раб божий; святыя врата; с младых ногтей; святое писание; свет этот; свет тот; светлое воскресение; святая неделя; святой дух (святым духом); семо и овамо; служить молебен; святая троица; смертный час; страстная седмица; сошествие святого духа; сырная седмица; страсти господни; символ веры; страшный суд; страшное пришедствие; страшная Голгофа; стадо Христово; страх божий; стадо смирных овец; трапезу делить; тайная вечеря; усекновение главы; уйти в горний мир; хождение по мукам; ходить по мытарством; Христова невеста; Христос воскресе; царство небесное; царь небесный; царица небесная; царские врата; церковное покаяние.

Утверждение подобных устойчивых и терминологических сочетаний обусловлено тоже широким распространением древне-

русской и русской христианской литературы, посредством кот рой они проникают и в светскую сферу, напр. великий пост (Ефр. Корм, Псковск. I лет.), аз грешный (Юр.ев.,Дух Ив.Да божий промысл (Изб.1073 г., Ипат.лет.) и т.д.

К другому разряду относим устойчивые сочетания и выражения, которые формируются на основе различных библейск мифов, легенд, образов, цитат или по образцу некоторых биб ских и церковнославянских фразеологических единиц и выраже Точное определение источника подобных устойчивых сочетаний выражений станет возможным после целостного изучения языка древнерусской литературы и письменности. Мы включаем их в данный раздел условно, поскольку они связаны в структурном или семантическом отношении с существующими библеизмами, це ковнославянскими устойчивыми сочетаниями и выражениями. Так напр., устойчивое сочетание "волк в овечьей шкуре" формиран на основе евангельского текста: "Берегитесь лжепророков, ко торые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные" (Матфей 7,15), Н.М.Шанский указывает на то, что фра зеологизм волк в овечьей шкуре по своему лексико-граммати ческому составу в качестве целостной единицы является иско но русским[410]. Но данные свидетельствуют о том, что он форм руется в древнерусской разновидности староболгарского литера турного языка древнерусской редакции (или книжно-славянского типа древнерусского литературного языка, по терминологии В.В Виноградова). Он засвидетельствован в проповеди епископа К.Т ровского: "Ар;и попь бяше... вълкъ овечею покровенъ кожею".

На основе устойчивого сочетания агнец божий (перенос ное обозначение безгрешного человека, милосердного суще ства или Иисуса Христа) постепенно возникают: агнец незлоб (Мин.Сент.XII в.), агнец чистый (Иак.пам.Влад.). К XVIII в. получают распространение устойчивые сочетания непорочный аг нец, кроткий как (яко) агнец. См.: "Она смиренна яко агнец"[4

---

410 Н.М.Шанский. Фразеология современного русского языка. М., 1968, с.87.

411 Словарь русского языка XVIII века, вып. 1. Ленинград, 1984, с.22.

См. подобные устойчивые сочетания и выражения: Адамовы веки (Бытие 5); Аредовы веки (Бытие 5); беден, как Лазарь (Лука 16); беден, как Иов (Иов 17); бесплодная смоковница (Матфей 21); блудный сын (Лука 15); блудница вавилонская (Откр.17); быть на седьмом (втором) небе (II Коринф.); божьей милостью (I Коринф. 3), и божьей милостью поэт; бросать слова на ветер (Иов 6); и бросать деньги на ветер; возвести очи горе (Иоанн 11) и возвести брови горе; воздать должное по делам (Притчи 12) и воздать должное по заслугам; владыка неба и земли (Бытие 14,19) и владыка жизни; взявшие меч, мечом погибнут (Матфей 26,52), и кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет; вавилонский плач (Псалт. 136); вавилонское пленение (Псалт. 136); вавилонская тоска (Откр.18), вавилонское столпотворение (Бытие 11); Валаамова ослица (Числа 22); Валтасаров пир (Даниил 5) и пир во время чумы; вера горами двигает (Матфей 17); ветхий Адам (Римлян.6); воскресение Лазара (Иоанн 12); всякой твари по паре (Бытие 6); горнило страданий (Премудр.6,3) и горнило страстей; дело рук человеческих (Премудр. 13,10) и кормиться трудом рук своих; египетская работа (Исход 1); египетский плен (Исход 1), египетские казни (Исход 7); египетская тьма (Исход 10); заблудшая овца (Матфей 18); ему должно расти, а мне умаляться (Иоанн 3,30) и мне время тлеть, тебе цвести; запретный плод (Бытие 2); златой телец (Исход 32); змий-искуситель (Бытие 3); избиение младенцев (Матфей 2); Иуда - предатель (Матфей 26); Иудин поцелуй (Иоанн 28); Каинова печать (Бытие 4); кающаяся Магдалена (Лука 28); козел отпущения (Левит 16); купель Силоамская (Иоанн 9); корень зла (Иов 19) и корень бед; лепта вдовицы (Панд.Ант.XI в.) и внести свою лепту; лицо земли (Бытие 7) и лицо мира; любовь сильна как смерть (Тени 8,6) и любовь сильнее смерти; манна небесная (Исход 16); Мафусаилов век (Бытие 5); милостивый Самарянин (Лука 10); малые мира сего (Марк 9); мертвая буква (II Коринф.) и мертвая бумага; морская пучина (Михей 7,19) и водяная пучина; мир всему миру подаждь (Мин.Новг. XII в.) и мир во всем мире; небесная сила (Панд.Ант.XI в.) и небесная воля; никто не может служить двум господам (Матфей 6,24) и слуга двух господь; не шути с невеждою (Сирах. 8,4) и не оспаривай глупца; отде-

лять плевелы от пшеницы (Матфей 13) и вырывать плевелы из чего-л., очищать что-л. от плевелов; обетованная земля (Ев. 11,4) и обетованный край; отсылать от Понтия к Пилату (Лука 23); отречься, как Петр от Христа (Матфей 26); отделяйся от врагов твоих и будь осмотрителен с друзьями твоими (Сир. 6,13) и избави меня, боже, от друзей, а с врагами я сам справлюсь; последние будут первыми (Матфей 19,30); плоды усилий, превращение Павла в Савла (Деяния 13); продать правс первородства за чечевичную похлебку (Бытие 25); сыны века сего (Лука 16,8) и герой нашего времени; Содом и Гоморра (Бытие 19); суд Соломона (III Царств. 3); упасть на добрую почву (Матфей 13); фараоновы тощие коровы (Бытие 41); Фома неверный (Иоанн 20); целомудренный Иосиф (Бытие 39), язык многа делает (Иаков 3) и язык мой, враг мой и т.д.

Процесс формирования устойчивых сочетаний на осн некоторых библеизмов или библейских образов, мифов, легенд и т.д. явился активным и продолжается до наших дней. Во многих случаях подобные новообразования, служат средством художественной выразительности, экспрессии, юмора и сатиры. Ср. напр., устойчивое сочетание быть на седьмом небе. О седьмом небе упоминается в Коране, в иудейской мифологии и в христианско-богослужебной литературе (II Коринф., Кн.откр.Авр.). На основе указанного устойчивого сочетания возникает окказиональное быть на седьмом спутнике. Так в рассказе "Таня хочет быть баронессой" Г.Рылкин пишет: "Маня была на седьмом... По старой привычке хотелось сказать - на седьмом небе. Но вы сами понимаете, что в наши дни, в дни нашего победоносного проникновения в космическое пространство, седьмое небо уже не кажется нам чем-то особенным, очень далеким от земной тверди. Сейчас уместно пустить в ход другое выражение при обозначении высокой степени радости и счастья. А потому и скажем с вашего разрешения. Маня была на седьмом спутнике".

Библейские и другие церковнославянские устойчивые сочетания и выражения характеризуются большим разнообразием своих структур, лексического состава, значений, своей эволюции.

2. Лексический состав библейских и других устойчивых сочетаний и выражений

Изучение лексического состава устойчивых сочетаний и выражений, источником которых является христианская библейская, богослужебная, богословская и другая церковнославянская литература, дает основание для выделения нескольких групп.

Во-первых. Большая часть подобных устойчивых сочетаний и выражений характеризуется своим постоянным, устойчивым лексическим составом. Это обусловлено главным образом их семантической целостностью, тем, что они воспроизводятся в речи в готовом виде, традициями в их использовании в представленном виде, устойчивыми связями компонентов, устойчивостью структуры, грамматической формы, в некоторых случаях определенными рифмическими, эвфоническими и т.п. факторами. См., напр.: аз есмь, алчущие и жаждущие, альфа и омега, благорастворение воздухов, во сто крат, всякое даяние благо, глад и мор, дело рук человеческих, лобное место, притча во языцех, царские врата, хождение по мукам и др.

Во-вторых. Другая часть устойчивых сочетаний и выражений, относящихся к христианской церковно-богослужебной, богословской и др. письменности, допускает различные изменения лексического состава. При этом обычно подвергается изменению и их значение, которое приобретает некоторые смысловые эмоционально-экспрессивные оттенки. Изменения в лексическом составе находят разнообразное выражение.

В одних случаях некоторые из компонентов устойчивых сочетаний и выражений могут заменяться синонимами или словами, близкими по функции, напр. адамовы веки (времена), кроткий (ласковый, послушный, смиренный) агнец, бросать (кинуть) камень, ветхий Адам (человек), идти (отпустить) с миром, плоды трудов (усилий), хромать на оба колена (ноги), упасть на добрую (благоприятную, благодатную) почву, ударять (быть) себя в грудь и т.д. Изменения могут быть связаны заменой старобългарского компонента (компонентов) общеупотребительным русским, напр. быть себя в перси и быть себя в груди, воздеть руки горе и воздеть руки кверху, глас вопиющего в

пустыне и голос вопиющего в пустыне, златой телец и золотой телец, ищите и обрящете и ищите и найдете, простирать длани и простирать руки, тяжесть свалилась с рамен и тяжесть свалилась с плеч и др. Наблюдаются случаи замены отдельных компонентов контекстуально-ситуационными "синонимами", которые обычно остаются окказиональными. См., напр.: в руце божией (медиков); блудный сын (дочь, отец); совлечь с себя ветхого (петербургского) человека; перст (шиш) божий; отрясти прах от ног (сапог) своих; не хлебом (пейзажем, рыбой, мясом, огурцом) единым жив (сыт) человек; причислять к лику святых (лауреатов); глас вопиющего в пустыне (в эфире, в Каракумах); страха ради иудейска (полицейска) и т.д.

Подобные замены компонентов обычно используются как эмоционально-экспрессивное средство, в целях стилизации, достижения различных эффектов. См., напр., два отрывка: "С простертой дланью вдохновенно Полонский здесь читал стихи (Блок, Возмездие) и "Когда почтенный капитан привел ее в каюту, он прежде всего запер дверь на ключ, а потом простер к даме лапы" (Горький, Очерки и наброски).

В других случаях изменения связаны с сокращением отдельных компонентов устойчивых сочетаний и выражений, которым достигается большей выразительности и целенаправленности значения. Некоторые из них получают распространение именно в сокращенном виде, напр. нищие духом (см. в источнике: "блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное" – Матфей 5,3), алчущие и жаждущие (см. в источнике: "блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся" – Матфей 5,6), по образу и подобию (см. в источнике: "И рече Бог: сотворим человека по образу нашему и по подобию нашему" – Бытие 1,26). Другие фразеологические сочетания и выражения получают распространение в двух вариантах – в своем исконном составе и в сокращенном, напр. продать право первородства за чечевичну похлебку и чечевичная похлебка; в чужом глазу сучок видим, а в своем бревна не замечаем и сучок в глазу; зуб за зуб, око за око и зуб за зуб; вкушать от древа познания добра и зла и познание добра и зла; довлеет дневи злоба его и злоба дня; ныне присно и во веки веков и во веки веков; кость от костей, плоть от плоти и плоть от плоти и др. См. "довлеет дневи зло-

ба его – этого никогда не нужно забывать при изучении истории человеческой мысли" (Плеханов, Н.Г.Чернышевский) и "Ледоход всегда составляет событие и злобу дня" (Чехов, На реке). Некоторые из рассматриваемых фразеологических сочетаний и выражений употребляются обычно в своем первоначальном виде, но отдельные авторы допускают индивидуально-окказиональные сокращения состава. См. первоначальную форму устойчивого выражения на земли мир, во человецех благоволение и его сокращение: "Сначала меня поразило, особенно после Берлина, полное отсутствие просящих нищих. Думал "во человецех благоволение". (Маяковский, Париж).

В третьих случаях изменения обусловлены расширением лексического состава определенных устойчивых сочетаний и выражений. Часть из них утверждается общественной практикой в расширенном (по сравнению с источником) составе, напр. метать громы и молнии (и библейский текст: "На третий день, при наступлении утра, были громы и молнии" – Исход 19,16), воздать должное по делам (воздать по делам), стереть с лица земли (и лицо земли), питаться манной небесной (и манна небесная), божьей милостью поэт (и божьей милостью); тишь, да гладь, да божья благодать) и др. Расширение лексического состава может явиться результатом авторских намерений достижения определенного эффекта. См., напр., фразеологизм златой телец: "марко повел развивать войною классовой золотого, до быка дорогого тельца" (Маяковский, Владимир Ильич Ленин). См. еще: выпить до дна чашу (испытаний), нести свой (тяжкий) крест, посыпать пеплом (свою грешную) главу, корень (всякого) зла, (гранитные) камни преткновения, всяк человек ложь (и мы тож), раб божий (обшитый кожей) и т.д.

К изменениям относятся и грамматические инновации (изменения в числе, падеже, времени, виде и т.д.). См. напр.: бросать камень (и камнем); во время оно (и во времена оны); гроб повапленный (и гробы повапленные); иже с ним (и с ними); камни возопиют (и вопиют, вопияли); Иудин поцелуй (и поцелуй Иуды); на сон грядущим (и грядущий); ничтоже сумняшеся (и сумняся); пуп земли (и земной пуп); блаженныя (и блаженной) памяти; врачу (и врач), исцелися сам; довлеет дневи

(и дно) злоба его; на земли (и земле) мир; во целсвецах (и во челсвеках) благоволение; терновый венец (и венок) и др. См.: "Каждому дню довлеет злоба его" (Вяземский, Старая записная книжка) и "Довлеет дневи злоба его – это никогда не нужно забывать" (Плеханов, Н.Г.Чернышевский).

Следует дополнить, что устойчивость ряда фразеологических сочетаний и выражений обуславливает сохранение в их составе различных староболгарских слов и форм, которые в современном русском литературном языке относится к архаизмам, напр. аки лев рыкаяй; аз есмь; аз грешный; агнец пасхальный; адовы врата; благорастворение воздухсв; блаженныя памяти; бить себя в перси; бренное тело; блажени мирстворцы; блажен муж, который не ходит на совет нечестивых; во время оно; во чреве матери; во многоглаголании нет спасения; во сто крат; видеть небо отверстым; власти придержащие; вложить персты в язвы; воздеть руки горе; вопиет и глаголет; всевидящее око; всякое даяние благо; всуе приемлет; во главу угла ставить; во гресех равны; вкушать от древа познания добра и зла; в поте лица; возвращается ветер на круги своя; все и вся; всякой твари по паре; вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю; вопиять гласом велиим; врачу, исцелися сам!; глад и мор; горний мир; греховное древо; гробы повапленные; глас вопиющего в пустыне; град стольный; да всскреснет Бог и расточатся врази его; еже писах, писах; его же царствию не будет конца; его же и монаси приемлют; един в трех лицах; златой телец; змий – искуситель; заблудшая овца; зарыть талант в землю; земля еси и в землю отыдеши; ижс с ним; ищите и обрящете; иди ко мравию, о лениве; камень преткновения; камни вопиют; кипеть млеком и медом; кесарева кесареви и божия богови; легче верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому всйти в царствие небесное; ловец человеков; матерь божия; не всяк глаголющий мне: "господи, господи", внидет в царствие небесное; на земли мир, во человецех благоволение; несть пророка в отечестве своем; ныне отпущаеши; нерукотворенное око; напоять одтом и желчью; начать за здравие, а кончить за упокой; овцы без пастыря; отделять овец от козлищ; отрясти прах от ног своих; опочить в бозе; овому талант, овому

ада; прильпе язык к гортани; предел, его же не прейдеши; по трудам и весям; перст божий; простирать длани; пещись о чем-н. препоясать чресла; почить от дел; рече безумец в сердце своем несть бога; разодрать на себе ризы; с младых ногтей; семо и овамо; сосудь скудельный; своя своих не познаша; темна вода во облацех; толцыте и отверзется; тайна сия велика есть; тайная вечеря; твердь небесная; трубный глас; терновый венец; тварь божия; усекновение главы; чающие движение воды; царствие небесное; царские врата; человека не имам; яко тать в нощи; цдоль сия и т.д.

3. Семантические особенности библейских и церковнославянских устойчивых сочетаний и выражений

Устойчивые сочетания и выражения, источником которых является христианская церковно-богослужебная, богословская и т.п. литература, могут быть проанализированы с точки зрения семантической, семантической целостности их компонентов, семантических связей с первоисточниками, семантической эволюции.

Известная часть из них сохраняет свои непосредственные связи с источником, напр. агнец пасхальный; божий суд; в руце божьей; вечная память; возложение рук; второе пришествие; геенноогненная; дом божий; земля еси и в землю отыдеши; исчадие ада; крестное знамение; матерь божия; опочить в бозе; перст божий; прах ты и в прах обратишься; предать богу дух; суета сует; сын божий; служить молебен; страстная седмица; святая троица; царские врата; церковное покаяние; Христова невеста и т.д.

Большая часть рассматриваемых устойчивых сочетаний и выражений постепенно теряет свою культовую окраску, включаясь в непривычные новые контексты, приобретая новые значения, напр. ангел-хранитель, адские муки; блаженны миротворцы; взыскующие неведомого града; вера без дел мертва есть; вкушать от древа познания добра и зла; власть придержащие; воскресение Лазаря; всевидящее око; выгнать из храма; да минует меня чаша сия; заднюю созерцать; отдать Богу душу; его же царствию не будет конца; змий-искуситель; запретный плод; злачное место; знамение времени; Иудин поцелуй; кесарево

кесареви, а божие богови; книжники и фарисеи; козел отпущения; кадить фимиамом; на сон грядущий; начинать за здравие, а кончить за упокой; нести свой крест, наш брат Исаакий; не от мира сего; не ведают, что творят; овцы без пастыря; несть пророка в отечестве своем; нет ни эллина, ни иудея; ноев ковчег; обетованная земля; от лукавого; око недреманное; один в двух естествах; по образу и подобию; петь аллилую; петь аллилую и осанну; почить от дел; принести жертву; разверзлись хляби небесные; святая святых; святым духом; символ веры; тьма кромешная; хождение по мукам; чающие движение воды и т.д.

Так, напр., устойчивое сочетание око недреманное засвидетельствовано в христианской литературе (Мин.праздн. XII в. 112) со значением "не спящий, не засыпающий" и как название иконы. Постепенно оно теряет культувую окраску, приобретает переносное значение. В современном русском литературном языке оно употребляется со значением "бдительный человек", "тайный полицай", напр. "строгий отбор гарантировал и нас и наших гостей от недреманного ока – от развившегося в то время невероятного сыска" (Телешов, Записки писателя).

Некоторая часть фразеологических единиц и выражений, возникших на основе различных библейских мифов, легенд, притч и т.д., еще в своих источниках выражает определенную житейскую мудрость, не связанную непосредственно с религиозным мировоззрением, принимают характер сентенций, афоризмов, напр. будьте мудры, яко змии, и просты, как голуби; во многоглаголании несть спасения; возвращается ветер на круги своя; волк в овечьей шкуре; врачу, исцелися сам!; всякое даяние благо; всему свое время и время всякой вещи под небом; вливать новое вино в мехи старые; возвращается пес на блевотину свою; взявшие меч, мечом погибнут; во многой мудрости много печали; где будет труп, там соберутся орлы; жатвы много, а делателей мало; звезда от звезды разнствует; имеющий уши слышать, да слышит; ищите и обрящете; кто сеет ветер, пожнет бурю; много званых, мало избранных; отойди от зла и сотвори благо; один сеет, другой жнет; псу живому лучше, нежели мертвому льву; предоставьте мертвым погребать своих мертвецов; род проходит и род приходит, а земля пребывает вовеки; суббота для челове-

ка, а не человек для субботы; что делаешь, делай скорее; что посеял, то и пожнешь и др.

Ряд подобных фразеологизмов и устойчивых выражений, которые в источниках употреблены в буквальном значении, постепенно приобретают переносное, которое становится общеупотребительным, напр. бросать камень; блудный сын; бесплодная смоковница; во чреве матери; всякой твари по паре; Валаамова ослица; гром и молнии; зарыть талант в землю; заблудшая овца; златой (золотой) телец; земная твердь; избиение младенцев; имя им легион; левая рука не знает, что делает правая; ложь во спасении; метать жребий об одеждах; манна небесная; напоять оцтом и желчью; отрясти прах от ног своих; отделять овец от козлищ; овому талант, овому два; отделять плевелы от пшеницы; продать за тридцать сребреников; препоясать чресла; стомаха ради; терновый венец; труба иерихонская и т.д.

Устойчивое выражение "метать (бросать) громы и молнии против кого-л." в значении "гневно говорить, выступать, бороться против кого, нападать на кого" представлено в литературе поздними примерами (XIX-XX вв.). В древнерусской литературе засвидетельствовано буквальное значение, напр. "и по дъвою дънию мълънии бывъши, и грому велику" (Патер. Син., 85), "бутто гром велик и молния страшная" (Азовск.пов.,99). К XVIII в. устанавливается выражение "бросать, метать, пускать гром (громы)", см. "Еще Пожарский мещет гром" (Дмитриев, I). См. окончательное сложение выражения: "узнает Чапаев, что где-нибудь на складе хранится аршин полтораста сукна, сколько-нибудь шапок, валенок, полушубков, - и мечет громы-молнии, домогается, чтобы все это было отдано в армию" (Фурманов, Чапаев).

Процесс переосмысления устойчивых сочетаний и выражений, заимствованных из христианской церковно-богослужебной, богословской и т.п. литературы, находит выражение на всех этапах истории русского литературного языка и продолжается до наших дней. Эти устойчивые сочетания и выражения отрываются от своей естественной нравственно-философской основы, приспособляются к новой общественно-культурной обстановке, приобретают новые значения, созвучные социальной действительности.

Так, напр., устойчивже выражение "кто не работае тот не ест", которое первоначально выражает "обыкновенную робовладельческом обществе формулу робской трудовой повин ности"[412], подвергается новому осмыслению и становится вы жением одного из принципов социалистического общества – н допустимости тунеядства, жить чужим трудом. Устойчивое вы жение "последние будут первыми" (см. "Иисус сказал им: ис тинно говорю вам, что вы, последовавшие за мной, – в паки бытии, когда сядет сын человеческий на престоле славы сво сядете и вы на двенадцать престолах судить двенадцать ко Израилевых. многие же будут первые последними, а последни первыми". – Матфей 19,28; 30) изменяет свое значение и ст вится созвучным новым идеям. См. в "Интернационале": "Вес мир насилья мы – разрушим/ До основанья, а затем/ мы наш мы новый мир построим,–/Кто был ничем, тот станет всем".

Изучаемые устойчивые сочетания и выражения, как остальные фразеологические единицы, могут рассматриваться равнозначные предложениям или семантическим эквивалентам или словосочетаний.

В основе устойчивых сочетаний и выражений, равноз ных предложениям, лежат более сложные формы мышления – суж ние и заключение, напр. бог дал, бог взял; во главу угла с ставить; возвращается ветер на круги своя; воздавать должное делам; выпить чашу; метать бисер перед свиньями; не рой др гому яму, сам упадешь в нее и т.д. В основе устойчивых соч таний и выражений, равнозначных словам и словосочетаниям, лежит понятие, напр. бросать камень, всевидящее око; в пот лица; злачное место, имя им легион; невеста Христова; отпр виться к праотцам и др.

С точки зрения семантической слитности компонентов фразеологические единицы, источником которых является хри- стианская церковно-богослу[illegible]ная, богослужебная [illegible] лите ратура, как и остальные фразеологизмы, распределяются по разрядам, обоснованным А.В.Виноградовым (фразеологические

412 Н.С.Ашукин, М.Г.Ашукина. Крылатые слова, [illegible], с.318.

единства, фразеологические сочетания)[413] и дополненным Н.М. Шанским (фразеологические выражения)[414].

К фразеологическим сращениям относим устойчивые сочетания, обобщенно-целостное значение которых не определяется значением составляющих их компонентов, напр. как зеницу ока (хранить, беречь) (бдительно, заботливо, тщательно); златой телец (деньги, символ богатства); питаться акридами (недоедать, голодать, бедствовать); козел отпущения (человек, на которого сваливают чужую вину); яко тать в нощи (скрытно, незаметно); земная юдоль (жизненный путь с его заботами, трудностями, печалями); притча во языцех (о ком-л., чем-л. очень надоевшем); темна вода во облацех (о чем-л. неясном, туманном); опочить в бозе (скончиться, умереть) и т.д.

К фразеологическим единствам причисляем такие устойчивые сочетания, общее значение которых потенциально эквивалентно словам и может быть мотивировано частично смыслом составляющих компонентов, напр. вложить персты в язвы (коснуться больного, легко уязвимого места), геенна огненная (ад, преисподняя), по мановению руки (мгновенно, внезапно), вкушать от древа познания добра и зла (начинать познавать что-л.), довлеет дневи злоба его (хватает на каждый день своей заботы), благорастворение воздухов (о чистом, напоенном ароматами воздухе) и т.д.

К фразеологическим сочетаниям, общее значение которых мотивировано семантикой составляющих компонентов, могут быть отнесены, напр. перст божий (предопределение судьбы) сомкнуть вежды (закрыть глаза), воспринять схиму (дать строгий монашеский обет), воздать хвалу (похвалить, поблагодарить), камень преткновения (затруднение, помеха), обетованная земля (место, куда что-н. сильно стремиться попасть) и т.д.

Фразеологические выражения характеризуются своей семантической членимостью и состоят из слов со свободными

---

413 В.В.Виноградов. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины; Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В: Избранные труды. Лексикология и лексикография, М.,1977.

414 Н.М.Шанский. Фразеология современного русского языка, М., 1985.

значениями. В их число помещают крылатые слова, цитаты, пословицы, поговорки, номинативно-терминологические сочетания, клише и т.п. Некоторые авторы отделяют подобный тип устойчивых сочетаний от собственно фразеологических единиц и определяют их как фразеологизированные выражения[415] или фразеологизированные сочетания[416]. См. не о хлебе едином жив будет человек; не судите, да не судимы будете; вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю; великий пост; страстная седмица; царские врата и т.д.

4. Экспрессивные свойства, стилистические функции и приемы использования устойчивых сочетаний и выражений, источником которых является христианская церковно-богослужебная, богословская и т.п. литература

Устойчивые сочетания и выражения, источником которых является христианская церковно-богослужебная, богословская и т.п. литература, как и остальные фразеологические единицы русского языка, использовались и используются как действенное стилистическое средство. Учитывая популярность рассматриваемых устойчивых сочетаний и выражений, древнерусские и русские авторы привлекают их в целях выражения в более доступной и образной форме прокламируемых ими идей, мысли, суждения, умозаключения. Этим они помогают читателям проникнуть в сущность явлений, воздействуя и эмоционально, достигая определенного стилистического эффекта.

В обобщенном виде в данном разделе рассматриваются экспрессивно-стилистические свойства, стилистические функции и различные приемы в использовании устойчивых сочетаний и выражений, источником которых является христианская церковно-богослужебная, богословская и т.п. литература.

---

415 М.Н.Фомина. Современный русский язык. Лексикология, М., 1983, с.256.

416 А.Н.Кожин. Составные наименования в русском языке. В: Мысли о современном русском языке. М., 1969, с.34.

Фразеологические единицы (устойчивые сочетания) и выражения, источником которых является христианская церковно-богослужебная, богословская и т.п. литература, характеризуются определенными экспрессивно-стилистическими отличительными свойствами. Подобные отличия возникают в результате преимущественного употребления некоторых из этих фразеологических единиц и выражений в различных функциональных сферах, а также и как следствие того, что они выражают не только мысли, понятия, но и отношение к ним, чувство, экспрессию. В зависимости от этого можно разграничить несколько групп.

Фразеологические единицы, которые употребляются преимущественно в книжных стилях, особенно в стилях публицистической и художественной речи, и для которых характерна определенная экспрессивно-стилистическая окраска приподнятости, торжественности и т.п., напр. алчущие и жаждущие; геенна огненная; глас вопиющего в пустыне; знамение времени; до последнего издыхания; камня на камне не оставить; камень преткновения; кровь от крови; плоть от плоти; испить чашу до дна; отрясти прах от ног своих; разверзлись хляби небесные; терновый венец; чающие движения воды и т.д. См.: "... вы разве не та же интеллигенция? – Кровь от крови и плоть от плоти!" (Федин, Города и годы), "В терновом венце революций/ Грядет шестнадцатый год" (Маяковский, Облако в штанах).

Фразеологические единицы и выражения межстилевого типа, для которых свойственна "нулевая стилистическая характеристика"[417], напр. всей душой, всем сердцем; Ветхий завет; вера, надежда, любовь; душой и телом; дом божий; живая вода; крестное знамение; лобное место; ни на йоту; отец небесный; свет этот; святая неделя; тайная вечеря; царские врата и т.д. См.: "У нас теперь одно лишь чувство – месть. Но мы иначе понимаем это. Мы отошли от Ветхого завета. Где смерть за смерть" (В.Инбер, Пульковский меридиан).

Фразеологические единицы и выражения, которые употребляются преимущественно в стиле разговорной речи и которые отличаются своей экспрессивно-стилистической окраской

---

417 О.С.Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957, с.243.

непринужденности, фамилярности, напр. аз да буки; боже мой; бог знает; господи боже мой; неверный Фома; отдать богу душу; против рожна идти; слава богу и др. См.: "Ничего, гляди, изучай, удостоверься, неверный Фома!" (Леонов, Когда заплачет Ирма).

Основная часть из рассматриваемых устойчивых сочетаний и выражений относится к книжному пласту фразеологии, что определяется ее генезисом.

Данные фразеологические единицы и выражения выполняют разнообразные стилистические функции, авторы используют различные приемы в их употреблении. В целом они служат средством выразительности, содействуют обогащению речи, которая становится более образной, эмоциональной и выразительной. Указанные устойчивые сочетания и выражения используются как в речи авторов, так и героев, напр. "Еще в школьные годы Семенюта всегда бывал козлищем отпущения" (Куприн, святая ложь), "Разверзлись хляби небесные, и льет, и льет" (Вирта, Аграфена Капитоновна).

– Устойчивые сочетания и выражения, источнитом которых является христианская церковно-богослужебная, богословская и т.п. литература, могут служить средством стилизации, создания речевых портретов священнослужителей или лиц, имеющих отношение к религии. "Отец Павлин, – А я удалился. Сказано: "Отыди ото зла и сотворишь благо". Я не прятался, но сан мой..." (Горький, Достигаев и другие); "О дочь моя, оставь суету сует, и да снизойдет спокойный сон на вежди твоя" (Рылкин, Есть и такие).

– Изучаемые устойчивые сочетания и выражения используются в случаях, когда дается описание церковного быта, церковных обрядов, жизни священнослужителей и т.п., напр. "Кипело оскорбление, нанесенное ему, имеющему немало заслуг перед престолом и святейшим Синодом, пастырю православного стада" (Гомин, Голгофа), "Двинулся крестный ход" (А.Толстой, Петр I),

– Рассматриваемые фразеологические единицы и выражения привлекаются и в целях исторической стилизации, воспроизведения речевых особенностей, характерных для оп-

ределенной исторической эпохи, различных социальных слоев и т.п., напр. "-А разве можно ее винить? По-старозаветному -всё грех, что ты женщина - и то грех, - сосуд дьявола, адовы врата" (А.Толстой, Петр I), "Пусть грех мой со мною единым снидет во тьму кромешную, туда, где вопль, и воздыхание, и скрежет зубовный, но очисти грядущих по мне! (Балашов, Бремя власти).

- Церковнославянские фразеологические единицы и обороты могут быть использованы как средство эмоционально-оценочной характеристики. Различные явления, события, признаки получают оценку автора или персонажа при помощи фразеологизмов, которые, благодаря свойственным им образность, метафоричность, выразительность, в сжатой форме, но полностью раскрывают их сущность, напр. "Ему хотелось рассказать, как погибал он, с небывалой беспощадностью изобразить свою нищету и тот страшный в своей обыденности быт, что искалечил его, делал "бесплодной смоковницей" (Бунин, Деревня), "Старик был возмущен; в голосе его звучава досада, злоба, даже слезы... - Ведь она испортила тебя... Ах, блудница вавилонская! (Горький, Фома Гордеев).

- Интересующий нас тип устойчивых сочетаний и выражений могут выполнять усилительно-экспрессивную функцию. Высказывая определенную мысль, идею, суждение, оценку, автор привлекает соответствующую фразеологическую единицу, семантически сходную, но экспрессивно окрашенную. В таком смысле осуществляется изменение повествовательного, стилистически нейтрального высказывания, напр. "Правда горьковского образа заключается в том, что это - не сатана, не исчадие ада, а человек" (Федин, Егор Булычев), "В борьбе рабочего класса от увидел только проявление все тех же грубых материальных интересов, все то же служение мамоне, которое отвращало его от "третьего сословия"..." (Ермилов, Достоевский).

- В других случаях наблюдается противоположный прием, при котором авторы сначала включают в речевую ткань фразеологизмов, используя их метафоричность, образность и выразительность, а дальше приводят семантически сходные

мысли, идеи, образы и пр., но в стилистически нейтральной тональности, напр. "Я был уже готов к тому, что колонию "прихлопнут", но злоба дня в колонии – посевная кампания все тот же ремонт в колонии – не позволяли мне специально страдать по случаю наробразовских гонений" (Макаренко, Педагогическая поэма), "Строгий отбор гарантировал и нас, и наших гостей от недреманного ока – от развившегося в то время невероятного сыска" (Телешов, Записки писателя).

– Устойчивые сочетания и выражения, заимствованные из христианской церковнобогослужебной богословской и т.п. литературы, используются и как средство, при помощи которого соответствующие мысли, идеи, образы, оценки и пр. высказываются иносказательно, метафорически, в виде скрытых сравнений, сопоставлений, напр. "Не думайте, что это мое орудие критики, – сказал он потряся топором, – нет... Но некоторое усекновение главы ожидает вас (Горький, Короленко),"Он не говорит, а кричит, стучит кулаком по столу – гром и молния! Подхалимы оправдывают и гром, и молнию, и благой мат" (Рыклин, Хочу привествовать).

– При помощи церковнославянских устойчивых сочетаний и выражений, используя различные приемы и комбинации речевого материала, авторы достигают эффекта иронии, юмора, сатиры, напр."Юные поэты... не без волнения пробегают четвергсвые номера "Русской почты", в которых Илья Платонович производит еженедельное избиение литературных младенцев" (Куприн, По заказу), "– Дарвин – дьявол, –громко сказала его жена; доктор кинул головой и тихонько буркнул: – Валаамова ослица" (Горький, Жизнь Клима Самгина, I), "На выставке отдам кому-нибудь. В очереди, надо полагать, немало жаждущих и алчущих" (Рыклин, Сикстинская мадонна).

– Выделяется и номинативное употребление фразеологических единиц и выражений, заимствованных из христианской литературы, которые используются в качестве наименований отдельных произведений, заглавий рассказов, статей, эпиграфов и т.п. Авторы отбирают подобные фразеологизмы, при помощи которых в сжатой форме выражает скрытый, основной смысл. Напр. названия известных произведений Л.Толстого

"Хождение по мукам", Н.Вирты "Хлеб наш насущный", Г.Маркова "Соль земли", эпиграф к поэме М. Лермонтова "Мцыри" – "вкушая, вкус мало меда и се аз умираю".

– Изучаемые устойчивые обороты используются в некоторых случаях в начале раздела, главы, абзаца как логическое образно-метафорическое начало развития идеи, замысла автора. В других случаях подобные фразеологизмы приобретают значение заключительного аккорда, вывода, заключения. См. "Еже писах, писах . Вероятно – в чем-то ошибся , что-то преувеличил" (Горький, О Пришвине), "Нам остается лишь посоветовать "примиренцев": изучите, товарищи историю раскола, разберитесь в причинах неудачи плехановского примиренства, не вливайте нового вина в старые мехи! (Ленин, т.9, с.138).

– В некоторых случаях авторы используют несколько фразеологизмов в целях достижения определенного эффекта, более подчеркнутой экспрессивной оценки, образности, напр. "Есть вещи, которые даже нашему брату, в семи водах мытому, прошедшему и огонь и медные трубы, забыть невозможно" (Герман, Дорогой мой человек).

– Многие фразеологические единицы и выражения, в том числе и заимствованные из христианской литературы, подвергаются некоторым изменениям, в большинстве случаев окказиональным, под пером различных авторов. Эти изменения обусловлены их желанием приспособить подобные устойчивые обороты к более непосредственному выражению соответствующей мысли, идеи, образа, достигнуть определенного стилистического, экспрессивного эффекта. Укажем только на отдельные случаи[418].

См. "Не единым пейзажем сыт человек" (Крокодил,1959, № 25 и "не хлебом единым жив будет человек"), "А разобрано дело и опять в комитетах тишь, гладь и канцелярская благодать" (Правда, 4 августа 1954 и "тишь, гладь и божья благодать), "Ты вот что-удались! Отыди от зла... и сотвори нам закуску" (Горький, Фома Гордеев и "отойди от зла и сотвори благо"), "И днем, и ночью, и в утро, и в полдни /Сидят и бормо-

---

[418] Подробности см. в работе П.Филковой "Църковнославянска фразеология в съветската художествена и обществено-публицистична литература". Годишник на Софийския университет, т. IX,2.С.,1965.

чут/ Дуры господни" (Маяковский, Шесть монахинь и "рабы господни").

И так, фразеологические единицы и выражения, заимствованные из христианской, церковно-богослужебной, богословской и т.п. литературы, играют существенную роль в пополнении ресурсов русской фразеологии.

*

С традициями древнерусской и русской редакции старославянского литературного языка связаны различные словообразовательные, морфологические и синтаксические особенности русского литературного языка. Они представлены на разных этапах его исторического развития и так многосторонни, что могут стать объектом отдельного исследования.

Укажем только на два типа разногенетических явлений, которые следует учитывать при анализе словообразовательных и грамматических особенностей.

С одной стороны, в русском литературном языке на разных этапах его исторического развития представлены определенные старославянские словообразовательные и грамматические признаки, характерные именно для древнерусской и русской редакции старославянского литературного языка, напр. лексические единицы с приставками -пре (превращать, преграда, пре-градить, предатель, предать и т.д.), -пред (предложить, предавить, предтеча и др.), -вез/вос (возвращать, воздух, восстать, воскресение и др.), -из/ис (издыхание, излить, изречь, ископать и др.), -раз/рас (разум, развратить, разделить, растение и др.), действительные причастия настоящего времени и прилагательные с суффиксами -ущ, -ющ, -ащ, -ящ (алчущий, будущий, внемлющий, грядущий, горящий и др.), формы род. пад. ед.ч. м.р. - аго (живаго, святаго, окаяннаго и др.), формы род.пад.ед.ч.ж.р. -ыя (благ ыя, добрыя, святыя и др.), формы им.пад.мн.ч. (великия, злыя, чудныя и др.), формы им.пад. мн.ч.ср.р. (добрая, многая, светлая и др.), причастные обороты и т.д.

С другой стороны в русском литературном языке (XVIII-XX вв.) сохраняются под воздействием традиций древнерусской

и русской редакции староболгарского литературного языка целый ряд грамматических форм, которые были свойственны древнерусскому языку (XI–XIV вв.). К таким грамматическим архаизмам относим старые падежные формы имен существительных, напр. формы звательного падежа (*бсже, господи, владыкс, врачу*), старые формы местоимений (*мя, тя, ся, ми* и др.), старые формы имен.,дат., твор., пад.м.р.,ср.р. мн.ч. (*гради, по местом, с щиты, в садех*), старые формы существительных, которые склонялись по консонантному типу (*от дитяти, с небеси, словеса* и др.), старые формы прошедших времен (имперфект, аорист, перфект со связкой, давнопрошедшее время), инфинитива (*читати, глаголати, рещи*), формы второго лица ед.ч. глаголов настоящего (будущего простого) времени (*читаеши, пишеши*), старые результаты палатализаций (*жестоце, пастуси, руце, нюси* и др.) и т.д.

Все эти образования и старые формы сохраняются в пассивном составе языковых средств русского литературного языка. Они используются главным образом в художественном и публицистическом стилях в целях исторической и жанровой стилизации, речевой характеристики и т.д.

См., напр., в историческом романе Дмитрия Балашова "Время власти": "О земле своей пекусь и в жестоцем [illegible] сердца своего! Повиждь и внемли нижайшему рабу своему" (молитве); "Я – проклятие, сошедшее с небес" (в молитве), "не жаль лишити ся хоромины богатыя" (в речи царя), "– [illegible] ти надо с всяко, яко предстанеш пред престолом всевышнего с ангелы и со архангелы пребывает" (в речи князя), "– [illegible] и малы, и пред храмами Константинова града житель будеш? Что хощеши ти сказати, отче? Ах! Ничто яко по [illegible]" (в речи священнослужителя).

Грамматические архаизмы встречаются в составе устойчивых сочетаний и выражений, заимствованных из церковно-богослужебной, богословской и т.п. литературы, напр. "*кесарево кесареви, а божие богови*", "*дондеже [illegible] злоба его*", "*в рудe божией*", "*цари небесныя*", "*[illegible] цех*", "*темна вода во облацех*", "*отворзшася [illegible]*", "*им же жена владе*", "*помре всяк [illegible]*",

лаша гордыню", "согреших, яко прославихся", "вкушая, вкусих мало меду и се аз умираю", "еже писах - писах", "прильпе язык к гортани", "своя своих не познаша", "и разодраша ризы его и об одежде его меташа жребий", "ничтоже сумняшеся", "еле мс-жахом", "предел, его же не прейдеши", "камс грядеши", "ныне отпущаеши", "несть им числа", "их же имена ты, господи, веси" и т.д.

См. примеры в русской художественной и публицистической речи: "Мы можем исполнять только те государственные законы, которые не противны божеским: "Кесарю Кесареви, а божье богу" (Л.Толстой, Ходите в свету), "Сердце царево в руце божией" (А.Толстой, Князь Серебряный), "Зачем дорога построена... где и какую питательную ветвь надо провести, все это для него - темна вода во облацех" (Салтыков-Щедрин, Праздный разговор), "Мы чиновники, руки по швам, прильпе язык к гортани, а Дмитрий Никитич наш сидит с губернатором" (Писемский, Фанфарон), "И все это они делали ничтоже сумняшеся, и дешево, и скверно" (Лесков, Котин и Платонида), "Звенящей болью любовь замоля/ Душой иное шествие чающий,/ Слышу твое, земля:/ "Ныне отпущаеши" (Маяковский, Человек), "А пока сижу в Москве и принимаю посетителей, им же несть числа" (Чехов, Письмо А.С.Суворину) и т.д.

Даже выборочно представленные примеры ясно свидетельствуют о роли древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка в пополнении грамматических ресурсов русского литературного языка.

Заключение

Древнеболгарский литературный язык сыграл большую международную роль .Особенно велика эта роль в развитии литературно-языковых процессов в Киевской и Московской Руси.

С традициями староболгарского литературного языка (древнеболгарского и среднеболгарского периода) связаны важнейшие аспекты литературно-языкового развития в донациональную эпоху (XI-XVII вв.).

На основе староболгарского литературного языка формируются его древнерусская редакция (конец IX-XIV вв.) и

его русская (великорусская) редакция (XV–XVIII вв.), представленные в переводной и оригинальной христианской древнеболгарской и среднеболгарской литературе. Древнерусская и русская редакции староболгарского литературного языка связаны своей общей староболгарской языковой основой и разграничены хронологически и с точки зрения разного состава устойчивых древнерусских и русских языковых черт.

Древнерусская редакция староболгарского литературного языка становится языковой основой возникшей древнерусской разновидности (книжно-славянского типа), а русская редакция староболгарского литературного языка – языковой основой русской разновидности (книжно-славянского типа). Древнерусская и русская разновидности древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка представлены в оригинальной христианской древнерусской и русской литературе. Они связаны общей языковой основой (это древнерусская и русская редакции староболгарского литературного языка), а разграничены хронологически и с точки зрения большего количества древнерусских и русских языковых черт.

Регулярные исправления богослужебных книг обуславливают прочность, устойчивость языковых норм древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка, которая к XVII–XVIII в. становится языком православных христианских церквей и обозначается обычно термином церковнославянский (литературный) язык, сохранившийся до наших дней.

Древнерусская и русская разновидность древнерусской и русской редакции староболгарского литературного языка (книжно-славянский тип древнерусского литературного языка, по терминологии В.В.Виноградова) функционирует как особая разновидность литературного языка древнерусской и русской народности до XVIII в. К середине XVIII в. она становится языковой основой высокого стиля и объединяется со средним и низким стилями, которые обособляются на русской языковой основе.

Староболгарские языковые традиции играют важную роль в сложении системы единого национального русского литературного языка на народной основе. В этой системе объединяются воедино все исторически сложившиеся языковые средства, в том

числе и староболгарские, которые группируются на основе других принципов (функционально-стилистических, стилевых) и новых системных связей.

Древнерусская и русская редакция староболгарского литературного языка и их древнерусская и русская разновидность служат образцом в процессах формирования письменно-литературной разновидности (народно-литературного типа) древнерусского (XII-XIV) и русского (XIV-XVIII вв.) языка, представленной в древнерусской и русской сригинальной светской литературе.

Древнерусская и русская редакция староболгарского литературного языка становится важным источником пополнения лексических, стилистических, фразеологических, словообразовательных и грамматических ресурсов русского литературного языка.

Древнерусская и русская редакция староболгарского литературного языка (собственно церковнославянский литературный язык) играет значительную роль в литературно-языковых процессах в Болгарии в XVII-XIX вв. Россия подарила человечеству, в том числе и Болгарии, "Слово о полку Игореве" и "Задонщину" Пушкина и Лермонтова, Л.Толстого и Достоевского, Маяковского и Айтматова, Чехова и Горького, Ахматову и Цветаеву, Чайковского и Шостаковича, Мусоргского и Дунаевского, Репина и Левитана, Павлова и Вавилова, Шаляпина и Гагарина и т.д. и т.д.

Учитывая все многообразие культурного взаимодействия, мы имеем основание закончить мудрыми, содержательными словами академика Д.С.Лихачева: "Глубокое проникновение в культуры прошлого и культуры других народов сближает времена и страны. Единство мира становится все более и более ощутимым"[419].

---

[419] Д.Лихачев. Великое наследие. М., 1980, с.32

Источники и использованные сокращения

ААЭ. I–IV. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею АН, тт.1–IV, СПб.,1836.

Азб.XVII в. Азбуковник (Алфавит). – Рукопись ГИм.,Син.,№ 353.

Азб. XVI в. Азбуковник и Сказание о неудобь понимаемых речех.– Сказание русского народа, собр. И.Сахаровым, тт.1–2, СПб.,1849.

Аз.пов. Историческая повесть о взятии Азова в 1673 г. В: Воинские повести Древней Руси. М.–Л., 1949.

АИ. I–V. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею АН, тт.I–V. СПб., 1841–1842.

Алекс. Истрин В.М. Александрия русских хронографов. Чт. ОИДР, 1849, кн. 1–2.

Алексеев. Алексеев П. Церковный словарь. СПб.,изд.4, тт.1–5, 1817–1819.

АМГ, I–III. Акты Московского государства.СПб.,1890–1901, тт.I–III.

Амф. Амфилохий. Древле–славяно–греко–русский словарь из Юрьевского евангелия 1118–1126 гг., М.,1877.

Андреев. Андреев В. Горы дышат огнем. М.,1975.

Апокал. Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского. Рукопись БАН, Ник. № 1, XII в.

Апост. Воскресенский Г.А. Древнеславянский апостол. Вып. I. Послание святого апостола Павла к римлянам. Сергиев Посад., 1892.

Апост. XIII в. Апостол XIII в. См. Срезн.

Апр.мст. Апракос Мстислава Великого. М., 1983. Рук.XI–XII вв. Мстиславово евангелие.

Арифм. магн. Арифметика, сиречь наука числительная... Л.Магницкого. М., 1703.

Арх. Архангельское евангелие. М., 1912.

Ассем.ев. Ассеманиево евангелие. [illegible]
Ассеманиу. Изба, 1955.

Ахм. Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. М., 1979.

АЮ. Акты юридические. СПб., 1838.

Балаш. Дмитрий Балашов. Бремя власти. М.,1983; Симеон Гордый. М., 1988.

Барат. Баратинский Е.А. Полное собрание стихотворений, тт.I-II. Л., 1936.

Батюшк. Батюшков К.Н. Сочинения, тт.I-III. СПб., 1885-1887.

Бел. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений, тт.I-IV. М.-Л., 1953-1954.

Бенед. Бенедиков В.Г. Сочинения, тт I-II, СПб.,М.,1902.

Бер. Лексикон словенороський Памви Берынды. Київ, 1961.

БЕР. Георгиев В., Гълъбов Ив., Заимов Й., Илчев Ст. Български етимологичен речник. Тт.1-3. С., 1971, 1979, 1986.

Бес. Вал. Моисеева Г.Н. Валаамова беседа - памятник русской публицистики середины XVI в. М.-Л., 1958.

Бест. Бестужев (Марлинский) А.А. Собрание стихотворений. Л., 1948.

Библия Остр. Библиа, сиречь книги ветхого и нового завета, по языку словенску. Напеч. в Остроге Иваном Феодоровым.1581г.

Блок. Блок А.А. Собрание сочинений, тт.I-XII, Л., 1987.

Бород. Бородин С.И. Дмитрий Донской.М., 1941.

Боян.пал. Боянский палимсест. Добрев Ив. Глаголическият текст на Боянския палимсест. С., 1972.

Брун.Толк.Псалт. Брунова Вирцбурского толкование на псалтырь. Пер.с лат. Дм.Герасимова, 1535 г. Рукоп.Гим.,Син.,№ 306.

Брюс. Брюсов В.Я. Избранные стихи. М.-Л., 1933.

Бум.Екат. Политическая переписка имп. Екатерины II, ч.V, Сб. РИО, СПб., 1893,-т.87.

Бунин. Бунин И.А. Собрание сочинений. М., 1968.

Варл.Хут. Похвала и чудеса Варлаама Хутынского XV в. Рукоп. ГБЛ, ф.256, Рум.№ 154.

Васс.Патр. Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.-Л., 1960.

Вед. Ведомости времени Петра Великого (1740-1741 гг.). М., 1903-1906, т.1-2.

Вейсм. Вейсманов немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.

Вел.Зерц. Державина О.И. Великое Зерцало и его судьба на русской почве. М., 1965.

Верес. Вересаев В.В. Полное собрание сочинений, тт.I-XVI.М., 1929-1930.

Вирши. Вирши. Силлабическая поэзия XVII-XVIII вв. Л., 1935.

Вкл.Ант. Изюмов А.Ф. Вкладные книги Антониева Сийского монастыря 1576-1694. Чт. ОИДР, 1917, кн.2.

Влад.лет. Владимирский летописец. ПСРЛ, т.30,М.,1965.

Влх.Словарь. Влахов Словарь. Пер.С.Медведева. Рукоп.Н.Н.Попова, к.XVII в.

ВМЧ. Великие Минеи - Четии, Собранные всеросс.митр.Макарием. М.-СПб., 1868-1917.

Волог.Перм.лет. Волгодско-Пермская летопись.ПСРЛ, т.26.М.-Л., 1959.

Вопр.Кир. Вопрошание Кириково по сп.Новг.син.Кормчей 1280 г. См. РИБ, т.VI.

Воскр.лет. Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ, т.7,8. СПб., 1856-1859.

Вост. Востоков А.Х. Стихотворения. Л., 1936 .

Вост.Слов. Востоков А.Х. Словарь церковнославянского языка. СПб., т.1-2, 1858-1861.

Врач. Брачанское евангелие. Попов Б. Врачанско евангелие. С. 1914. Български старини. кн.IV

Врем.Ив.Тим. Державина О.А. Временник Ивана Тимофеева. М.-Л., 1951.

Вел.чел.Ник.Пуст. Великая челобитная Никиты Добрынина. в:

Румянцев Р. Н.К.Добрынин. Сергиев Посад, 1916.

Гал.ев. Галицкий список книги Евангельских чтений конца XI
См. Срезн.

Г.Амарт. Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнеслав
русском переводе. Пг. 1920, т.1.

Геогр.ген. Варений Б. Географиа генеральная небесный и земн
водный круги... Пер. с лат.яз. Ф.Поликарповым. М.,1718.

Геогр.Тат. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России
М., 1950.

Геом.Крафта. Краткое руководство к теоретической есметрии
соч. Г.В.Крафтом. Перев.с нем.яз. Ив.Голубцовым. СПб.,1748.

Геров. Геров Н. Речник на българския език т.1-5. Пловдив,
1895-1904.

Герц. Герцен А.И. Собрание сочинений, М.,1948.

Гнед. Гнедич Н.И. Илиада Гомера. Перев. Н.Гнедичем. СПб.,
1829.

Гог. Гоголь Н.М. Сочинения, .I-V...,1957.

Горький. М.Горький. Собрание сочинений,тт.I-XXI. М.-Л.,1949
1954.

Горяев. Горяев В.Н. Сравнительный этимологический словарь
русского языка. Тифлис, 1895.

Г.Пиз.Шест. Шляпин И.А. Шестоднев Георгия Пизида в славянс
русском переводе 1585 г. СПб.,1882.

Гражд.с дет. Гражданство обычаев детских. В: Бунаков Н.Д. Памят
ники старинного русского воспитания. Пг.,1918.

Грам.Всевсл. Две грамоты кн. Всеволода Юрьеву монастырю, по
1136 г. ИАИ по ОРЯС, т.8, СПб. 1859-1860.

Грам.митр.Кипр. Новг. 1393 г. Проильная грамота митр. Кип-
риана Новгороду 1393 г. Собрание государственных грамот и
договоров. М., 1848.

Грам.митр.Фот. Пск. 1419 г. Послание митр.Фотия псковскому
духовенству. 1419. Русская историческая библиотека, т.VI.

СПб., 1908.

Греч. Греч, Н.И. Полное собрание сочинений, тт.I-V.СПб.,1838.

Триб. Грибседов, А.С. Полное собрание сочинений, тт.I-III. СПб.-Пгр., 1911-1917.

Триб. Ист. Феодора Грибоедова История о царях и великих князьях земли Русской. СПб., 1896.

Триг.Цамбл. Русев, П., Давидов, А., Гълъбов, Ив., Данчев,Т. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. С., 1971.

Гр.Наз. XI в. Будилович, А. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи XI в. СПб., 1875.

Гр.Новг. и Псков. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.

Г.Фирс. Никольский, Н. Сочинения солвецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам. ПДП, № 188. Пг., 1916.

Давыд. Давыдов, В.Д. Сочинения, тт.I-III. СПб., 1893.

ДАИ, I-XII. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные АК, тт. I-XII. СПб., 1846-1875.

Даль. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I-IV. СПб., 1880-1882.

Дам. Афон.гора. Афонская гора и Соловецкий монастырь. Труды чудовского иерод.Дамаскина. ПДП, № 43, СПб., 1883.

Девг.д. Кузьмина, В.Д. Девгениево деяние. М., 1962.

Держ. Державин, Г.Р. Сочинения, тт. I-VIII. СПб.,1868-1878.

Д.Иос.Колом. Титов, А.А.Иосиф, архиепископ Коломенский. Чт. ОИДР, 1911, кн. 3.

Длр. Против иудеев Николая Де Лира. Пер. с лат. Дм.Герасимова, 1501 г. Рук. ГИМ, Увар., № 346.

Дн.П.Толст. Путешествие стольника П.А.Толстого 1697-1699. Русский архив, т. I, вып. 2, 1888.

Добр. Добролюбов, Н.А. Полное собрание сочинений, тт.I-VI. М.-Л., 1934-1941.

Добр.ев. Конев Б. Добрейшево евангелие. С., 1906.

Добром. Добромирово евангелие. С., 1975.

Дом.Домострой по Коншинскому списку и подобным. Чт. ОИДР, кн.2, 1908.

Дост. Достоевский, Ф.М. Полное собрание художественных произведений, тт. I-X, М.-Л., 1926-1930.

Д.патр.Ник. Дело о патриархе Никоне. СПб.,1897.

Д.протест. Памятники к истории протестанства в России. Чт. ОИДР, кн.3, 1884.

Д.Рост. Ростовский, Дм. Рассуждение о образе божии и подобии в человеце. М., 1714.

Др.пам. Срезневский, И.И. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882.

Дух. и дог.гр. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950.

Дух.регл. Духовный регламент. СПб., 1721.

Д.Шакл. Розыскные дела о Феодоре Шакловитом и его сообщниках, тт.I-IV. СПб., 1884-1893.

Дьяч. Дьяченко, Г. Полный церковнославянский словарь. М.,1900.

Дюверн. Дювернуа, А. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894.

Еванг. Древне-славянское евангелие. Труд Г.А.Воскресенского, Сергиев Посад, 1894.

Евх. Синайский Евхологий: WAHTIGAL, R. EUCHOLOGIUM SINAITICUM. DEL 2. LJUBLJANA, 1942.

Евфр.Уст. Иноческий устав преп.Евфросина. Чт.ОИДР,кн.4,1908.

Елиз.Библия. Библия сиречъ книга священного писания ветхого и нового завета. М., 1751.

Ен. Мирчев, К. Кодов, Хр., Енински апостол.С.,1965.

ЕОЛ. Тальман, П. Езда в остров любви. Перев.с фр. на рус.

В.Тредиаковского. СПб., 1730.

Епиф.Лексикон славено-латинський Е.Славинецького та А.Корецького-Сатановьского 1619 г. Київ, 1973.

Ерм.Ерм.Клибанов, А.И. Сборник сочинений Ермолая Еразма. Тр. ОДРЛ, т.16, 1960.

Ерм.лет, Ермолинская летопись. ПСРЛ, т.23. СПб.,1910.

Ерш. Ершович. Повесть о Ерше Ершовиче.-В: Русская демократическая сатира XVII в. М.-Л., 1954.

Ефр.Корм. Древне-славянская кормчая XIV титулов. Труд В.Н. Бенешевича. т.I,СПб., 1906.

Ефр.Сир. XIV в. Поучение Ефрема Сирина по сп.XIV в. См. Вост. слов.

Жит.Авв.Робинсон, А.Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания.М., 1963.

жит.Авр.Смол. Житие преподобного Авраамия Смоленского и служба ему. ПДРЛ, вып. 1. СПб., 1912.

Жит.Ал.Нев. Бегунов, Ю.К. К вопросу об изучении жития Александра Невского. Тр.ОДРЛЯ, т.17, 1961.

Жит.Ал.чел.бож. Адрианов, В.П. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности.Пг.,1917.

Жит.Ант.С. Житие Антония Сийского. Рукоп.ГБЛ, ф.310.

Жит.Бор.Гл. Сказание о Борисе и Глебе.-В: Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971.

Жит.Зос.С. Житие Зосимы и Савватия Соловецких. Рук. ГИМ, Вахр., № 71.

Жит.Конст.Фил. Житие Константина философа. Чт.ОИДР, кн.2, 1863.

Жит.Мих.Клоп. Повести о житии Михаила Клопского. М.-Л.,1958.

Жит.Серг.Р. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М.,1892.

Жит.Стеф.Перм. Житие святого Стефана епископа Пермского, на-

писанное Епифанием Премудрым. СПб., 1867.

Жит.Феод. Житие и жизнь Феодора, игумена Студейского.- В: Выголексинский сборник XII-XIII вв. М., 1977.

Жит.Феодос. Житие преподобного Феодосия, игумена Печерского. В: Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971.

ЖМНП. Журнал Министерства народного просвещения.

Жук. Жуковский, В.А. Сочинения, тт.I-VI.СПб., 1878.

Заг. Загоскин, М.Н. Полное собрание исторических и бытовых романов, повестей, рассказов. Тт.I-II. СПб., 1903.

Зак.акты. Воскресенский, Н.А. Законодательны акты Петра I. М.-Л., 1945.

Зап.Бол. Жизнь и приключения Андрея Болотова. СПб., 1871-1873, ч.1-4.

Землеоп. Новейшее повествовательное землеописание... СПб., 1795.

Зерц. ест. Зерцало естествозрительное... 1713.Рук. ГПБ,№ VII,

Златостр. Малинин, В.И. Десять слов Златоструя XII в., СПб. 1910.

Зогр. Зографское евангелие JAGIČ,V. QUATTUOR EVANGELIORUM CODEX GLAGOLITICUS OLIM ZOGRAPHENSIS NUNC PETROLITANUS. BEROLINI, 1979.

Зогр.пал. Добрев, Ив. Палимпсестовите части на Зографското евангелие.- В: Константин-Кирил Философ. С.,1971.

Зрил. - Зрилище жития человеческого... М., 1712,Рук. ГПБ.

Иак.Бор.Гл. Сказание Иакова о Борисе и Глебе.-В: Срезневский, И.И. Сказание о святых Борисе и Глебе. СПб., 1860.

Ив.Гр. Послания Ивана Грозного. М.-Л., 1956.

Ив.Пересв. Сочинения Ив.Пересветова. М.-Л., 1956.

Игн.Пут. Хождение Игнатия Смольнянина 1389-1405 гг. В: Православный палестинский сборник, вып.49,СПб., 1887.

Изб.1073 г. Изборник 1073 г. СПб., 1880.

Изб.1076 г. Изборник 1076 г., М.,1965.

Изм.Измарагд XIV-XV вв. Рук.БАН, 13,2,7.

Илар. Сл.Розов, Н.Н. . Синодальный список сочинений Иллариона - русского писателя XI в. ч.32,с.2, 1963.

Ильф.Петр. Ильф И., Петров, Е. Сочинения. М., 1953.

Инбер. Инбер, В. Избранное. М., 1947.

Ин.Сказ. Так называемое Иное сказание.РИБ, т.13.Л.,1925.

Йоан Екз. Иванова-Мирчева, Д. Йоан Екзарх Български. Слова. Т.I. С.,1971.

Ио.екз.Бог. Богословие святого Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна екзарха Болгарского.-Чт. ОИДР,кн.4, 1877.

Ио.екз. Шест. Шестоднев, составленный Иоанном екзархом Болгарским. - Чт. ОИДР, кн.3, 1879.

Ио.екз. Грам. Грамматика св.Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна, екзарха Болгарского.-В: Калайдович, К. Йоанн, екзарх Болгарский, М.,1824.

Ио.Леств. XII в. Лествица Иоанна Синайского по сп.XII в.-Вост.

Ио.Мал.Хрон. Истрин, В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. - Сб. ОРЯС, т.90,91,кн. 11-12. СПб., 1913.

Иос.Вол. Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л.,1959.

Ипат.лет. Ипатьевская летопись. ПСРЛ, т.2,СПб., 1908.

Иппол.Ант. Срезневский, И. Сказания об антихристе в славянских переводах с замечаниями о славянских переводах творений св. Ипполита. СПб., 1874.

Ис. и Варн. Изречения Исихия и Варнавы по русским спискам. ПДП, № 92. СПб., 1892.

Ист.ересей. Казакова, Н.А. Лурье, Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI в. М.-Л., 1955.

Ист.кн.Моск. Андрей Курбский. История о великом князе москов-

ском.-В: Памятники литературы Древней Руси. М.,1988.

Истом. Букв. Букварь Кариона Истомина. М.,1696.

Ист.Трои. История в ней же пишет о разорении града Трои Фригийского царства. М., 1709.

Каз.ист. Казанская история. М.-Л., 1954.

Каз.лет. История о Казанском царстве. Казанский летописец. ПСРЛ, т.19.СПб., 1902.

Каляз.чел. Калязинская челобитная. -В: Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977.

Кам.веры. Камень веры Стефана Яворского. - Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884.

Кант. Кантемир, А.Д. Сочинения. Т. I-II. СПб., 1867-1868.

Карамз. Карамзин, Н.М. Сочинения. Тт.I-II. Л., 1984.

Киев.пс. Киевская псалтырь 1397 г. М., 1978.

Кир. Тур. Еремин, И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского. - Тр. ОДРЛ, XI, 1955; XII, 1956; XIII, 1957.

Кл.Охр. Ангелов, Б.Ст., Куев, К.М., Кодов, Хр. Климент Охридски. Събрани съчинения. Тт. 1-3, С., 1970, 1977, 1973.

Кл.Смол. Никольский, Н. О литературных трудах митр. Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892.

Клоц. Клоцов сборник. DOSTÁL,A. CLOZIANUS. PRAHA, 1959.

Кн. Ен. Соколов, М.И. Славянская книга Еноха Праведного. Чт. ОИДР, кн.4, 1910.

Кн.жит.Ростовский, Дм. Книга житий святых. Киев, 1705.

Кн.зак. Книги законные... Сб. ОРЯС, т.38, № 3,СПб., 1885.

Кн.Земл. Книга зовомая земледелательная... Рукопись БАН,34, 5,23. 1705 г.

Кн.истор. Книга историография... СПб., 1722.

Кн.ключ. Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. М., 1948.

Кн.Марс. Книга Марсова или воинских дел... СПб., 1713.

Кн.мир. Книга мирозрения... СПб., 1717.

Кн.морск. Книга морская зело потребная... СПб., 1721.

Кн.муз. Карманная книга для любителей музыки... СПб.,1795.

Кн.Степ. Книга Степенная царского родословия. ч.1-2. ПСРЛ, т.21. СПб., 1908-1913.

Княж.Княжин, Я.Б. Избранные произведения, Л., 1961.

Козм. Книга нарицаемая Козмография. СПб., 1768.

Козма Пресв. Бегунов, Ю.К. Козма Пресвитер в славянских литературах. С., 1973.

Коз.фил. Философские предложения.., соч. Я.Козельским. СПб., 1768.

Кольцов. Кольцов, А.В. Полное собрание сочинений. СПб.,1909.

Кон. О земледелии. Писано Ив.Комовым..., М., 1788.

Кони. Кони, А.Ф. Судебные речи. СПб., 1905.

Конст. Болг.поуч. Сборник воскресных поучений, извлеченных Константином, пресв. Болгарским. - В: Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882.

Корм.Балаш. Кормчая Балашева, с прибавлениями. Рук. БАН, 21, 5,4.

Котош. О России в царствование Алексея Михайловича. Соч. Гр. Котошихина. СПб., 1906.

Краш. Описание земли Камчатки. Соч. Ст.Крашенниковым. СПб., 1755.

Крыл. Крылов, А.И. Собрание сочинений. М., 1986.

Купр. Куприн, А.И. Собрание сочинений. Тт.I-V. М., 1982.

Кур. Курочкин, В.С. Собрание стихотворений. М.-Л.,1938.

Курб.Ист. История о великом князе Московском. Соч.кн.Курбского. Т.1,РИБ, т.31, СПб., 1914.

Кюх. Кюхельбекер, В.К. -Сб.Декабристы. М.-Л.,1951.

Лавр.лет. Лаврентьевская летопись, вып.1-3. ПСРЛ, т.1.М.,19

Лаж. Лажечников, И.И. Сочинения, Тт.I-XII. СПб., 1883-1884.

Лекс. Бер. Лексикон славенороссийский... Памвы Берынды. Киев, 1627.

Лекс. Вейсм. Немецко-латинский и русский лексикон. Э.Вейсман СПб., 1731.

Лекс. Трояз. Лексикон трояэычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище... Сост. Ф.Поликарпов М., 1704.

Лекс. XVI в. Лексис с толкованием словенских мов просто. - Чт. ОИДР, кн.II, 1884.

Леон. Леонов, Л.М. Собрание сочинений. Тт. I-III. Харьков, 1928-1929.

Лерм. Лермонтов, М.Ю. Полное собрание сочинений. Тт.1-4. М.-Л., 1948.

Леск. Лесков, Н.С. Полное собрание сочинений. Тт.I-XXXVI. СПб., 1902-1903.

Лет.Авр. Летописнэй сборник, именуемый летописью Авраамки. - ПСРЛ, т.16, СПб., 1889.

Лет.Ман. Дейчев, Ив. Летописта на Константин Манасий. С., 1963.

Лет.свод 1493 г. Сокращенный летописнэй свод 1493 г. ПСРЛ, т.27. М.-Л., 1962.

Леч. Лечебник. Рук.Пушкинского Дома, № 367.

Лож. и отреч. кн. Ложные и отреченные книги русской старины. СПб., 1862.

Лом.Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений, Тт.I-XI. М.-Л. 1956-1959.

Лук. Сочинения и переводы Вл.Лукина. Ч.1-2. СПб., 1765.

Лук.Жид. Поучение еп.Луки Жидяты. ИОРЯС,т.18, СПб., 1913.

Львов.лет. Львовская летопись. Ч.1-2. ПСРЛ, т.20, СПб.,1910-1914.

Магн.Арифм. Арифметика, сиречь наука числительная... М.,1703.

Майк.А. Майков, А.Н. Полное собрание сочинений, Тт.I-IV. СПб., 1914.

Майк.В. Сочинения и переводы В.И.Майкова. СПб., 1867.

Мар. Ягич, И.В. Мариинское четвероевангелие. , 1960.

Марл. Марлинский, А.А. Полное собрание сочинений. Тт.I-XII. СПб., 1838-1839.

Маяк. Маяковский, Вл. Собрание сочинений, М., 1947.

М.Гр. Сочинения преподобного Максима Грека. Ч.1-3. Казань, 1860-1894.

Мен. Мудрость Менандра по русским спискам. ПДП, № 88, СПб., 1892.

Мин. ВМЧ. Великие Минеи - Четии, собранные митр. Макарием. СПб., 1868-1899.

Мин.1096 г. Ягич, И.В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. ПДРЯ, вып. 1. СПб., 1886.

Мол.Дан.Зат. Зарубин, Н.Н. Слово Даниила Заточника. Л., 1932.

Моск.дел. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968.

Мст. Апракос Мстислава Великого. М., 1983.

Мусик грам.Дил. Смоленский, С.В. Мусикийская грамматика Николая Дилецкого. ОЛДП, 128. СПб., 1910.

Надпись Мостичу. Станчев, Ст., Иванова, В., Балан, М., Боев,П. Надписът на Чъргубиля Мостич. С., 1955.

Назир. Назиратель. М., 1973.

Нарež. Нарежный, В.Т. Романы и повести. Ч.I-IX. СПб., 1835-1836.

Неизв.драма. Русские драматические произведения 1672-1725 г., т.1, СПб., 1874.

Некр. Некрасов, Н.А. Полное собрание сочинений. Тт.I-XI. М., 1948-1952.

Неот. Бор.Гл. Срезневский, И.И. Сказание о святых Борисе и Глебе. СПб., 1860.

Ник.Панд. XIV в. Пандекты Никона Черногорца. См. Срезн.

Нил.Сор.Мол. Молитва, составленная препод.Нилом Сорским. - Никольский, Н.К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. ОРЯС, т.82, № 4, СПб., 1907.

Нил.Сор.Пред. Нила Сорского предание и устав. ПДПИ, № 179, СПб., 1912.

Нил.Сор.Уст. Нила Сорского предание и устав. ПДПИ, № 179, СПб., 1912.

Ник. Творения Н.П.Николаева. Ч.1-5. М., 1795-1798.

Нов.пов. Новая повесть о преславном Российском царстве. М.-Л. 1960.

Новг. Корм. Новгородская Кормчая по сп. 1280 г. - Сб. ОРЯС, т.65, № 2. СПб., 1897.

Новг.лет. (I). Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888.

Новг.лет. (IV). Новгородская четвертая летопись. Вып.1-3. ПСРЛ, т.4, ч.1. Пг.-Л., 1915-1929.

Нордстет Слов. Российский с немецким и французским переводами словарь, сочиненный Ив.Нордстетом. Ч.I-II. СПб., 1780.

Огар. Огарев, А.И. Полное собрание сочинений и писем. М.-Л., 1934.

Озер. Озеров, В.А. Трагедии. Стихотворения. Л.,1960.

Остр. Востоков, А.Х. Остромирово евангелие, СПб., 1843.

Остр.А. Островский , А.Н. Полное собрание сочинений.Тт.I-XVI. М., 1949-1954.

Откр.Меф.Пат. Истрин, В.М. Откровение Мефодия Патарского... М., 1897.

Охр. Ильинский, Г.А. Охридские глаголические листки. Пг.,1915.

Охр.ап. Кульбакин, С.М. Охридская рукопись апостола. С.,1907.

Паис.сб. Паисевский сборник к XIV в. - В: Срезневский, И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867.

Палея Ист. Попов, А. Книга бытия небеси и земли (Палея Историческая). - Чт. ОИДР, кн.1, 1881.

Палея Ист.сокр. Сокращенная Палея русской редакции. - Чт.ОИДР, кн.1, 1881.

Палея Толк. (1406 г.). Палея Толковая по списку, сделанному в г.Коломне в 1406 г. М., 1892-1896.

Палея Толк. (1477 г.). Толковая Палея 1477 г. СПб., 1892.

Пам.отреч. Памятники отреченной русской литературы, собр. и изданы Н.Тихонравовым. Сб. ОРЯС, т.58, СПб., 1894.

Панд.Ант. XI в. Пандект монаха Антиоха. ОИДР., М.,1913.

Пар.слов. Парижский словарь московитов. 1586 г.,Рига,1948.

Пат.Печ. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб.,1911.

Пат.Син. Синайский патерик. М., 1967.

Пах.Жит.Алек. Житие митрополита всея Руси святого Алексея, сост. Пахомием Логофетом. ОЛДП, 4,вып. 1-2. СПб.,1877-1878.

Пауст. Паустовский, К.Г. Повести. М.,1979.

Перец. Мих.Феод. Переписка царя Михаила Феодоровича. - В: Письма русских государей и других особ царского семейства. Т.1. М., 1848.

Переясл.лет. Летописец Переяславля Суздальского. М.,1851.

Петр.Зл.Кл. Действие о князе Петре Златых Ключах. Георгиевский, Г.Н. Две драмы Петровского времени. Изв. ОРЯС, т.10, кн.1, 1905.

Печ.Печерский, А. (Мельников, П.И. Полное собрание сочинений. Тт.I-VII. СПб., 1909.

Пир. Пирогов, Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача.

СПб., 1885.

Пис. Писемский, А.Ф. Полное собрание сочинений. Тт.I-XXIV. СПб., 1895-1896.

Писк.лет. Пискаревский летописец. -В: Материалы по истории СССР, II, М., 1955.

Писм. патр.Никона. Письма патр.Никона к царю Алексею Михайловичу. - В: Письма русских государей. т.1, М.,1848.

Плач о плен. Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства. РИБ, т.13, вып.1. Л.,1925.

Плещ. Обозрение Российской империи в нынешнем ея новоустроенном состоянии, учиненное ... С.Плещеевым. СПб., 1787.

Пнин. Пнин, И.И. Сочинения, М., 1934.

Пов.бел.клоб. Повесть о новгородском белом клобуке. - В: Памятники старинной русской литературы, вып.1. СПб.,1860.

Пов.Вав.ц. Скрипиль, М.О. Сказание о Вавилоне-граде. Тр.ОДРЛ, т.IX, 1953.

Пов.врем.лет. Повесть временных лет. Пг.,1916.

Пов.Карп.Сут. Повесть о Карпе Сутулове. - В: Русская демократическая сатира XVII в. М.-Л., 1954.

Пов.Мам.поб. Повесть о Мамаевом побоище. Сб. ОРЯС,т.81. СПб., 1906.

Пов.Ник.Зар. Повести о Николе Заразском. Тр. ОДРЛ, т.VII, 1949.

Пов.об.Акире. Повесть об Акире Премудром. ОИДР. М.,1913.

Пов.о Бас. Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле. М., 1969.

Пов.о бражн. Повесть о бражнике. - В: Русская демократическая сатира XVII в. М., 1977.

Пов. о Ерш. Повесть о Ерше Ершовиче. -В: Русская демократическая сатира. М., 1954.

Пов. о Карпе Сут. Повесть о Карпе Сутулове. -В: Русская де-

кратическая сатира. М.-Л., 1954.

ов. о крест.сыне. Сказание о крестьянском сыне. -В: Русская мократическая сатира. М.-Л., 1954.

ов.о начале Москвы. Повесть о начале Москвы. -В: Материалы по стории СССР, II. М., 1955.

ов.о Фоме. Повесть о Фоме и Ереме. - В: Русская демократическая сатира XVII в. М.-Л., 1954.

ов. о Царьгр. Повесть о Царьграде Нестора-Искандера. -В: Русские повести XV-XVII вв. М.-Л., 1958.

ов. Петре Златых Ключей. Повесть о Петре Златых Ключей. - В: Кузьмина, В.Д. Рыцарский роман на Руси. М., 1964.

ов.Петре Орд. Повесть о Петре, царевиче Ордынском. - В: Русские повести XV-XVII вв. М.-Л., 1958.

ов.П и Февр. Скрипиль, М.О. Повесть о Петре и Февронии. Тр. ОДРЛ, т.VII, 1949.

ов.прих. на Псков. Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков. М.-Л., 1952.

ов. Ульян.Осор. Скрипиль, М.О. Повесть об Улиянии Осорьиной. Тр. ОДРЛ, т.VI, 1948.

олев. Полевая карманная книжка... СПб., 1795.

олех. Полежаев, А.И. Стихотворения, Л.,1937.

олон. Полонский, Я.П. Стихотворения и поэмы. Тт.I-V.СПб.,1896.

ольск.д. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством. т.I. СПб. РИО, т.35, СПб., 1892.

омял. Помяловский, Н.Г. Полное собрание сочинений. Тт.I-II. М., 1935.

оп.Попов, М.И. Собрание сочинений и переводов, ч.1-2. СПб., 1722.

осл. Ив.Гр. Послания Ивана Грозного. - В: Памятники литературы Древней Руси. М., 1988.

Посл.Курбск. Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным. В: Памятники литературы Древней Руси. М., 1988.

Посл. Филоф. Послания старца Филофея. Малинин, В. Старец Е зарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

Поуч. Илар. Поучение св. Илариона. Никольский, Н.К. Матери лы для истории древнерусской письменности. Сб. ОРЯС, т.82. СПб., 1907.

Поуч.Ио.Злат. Сборник слов и поучений Иоанна Златоуста. ПД вып. 158. СПб., 1905.

Поуч. митр.Петра. Поучение Петра митрополита Киевского. – Памятники старинной русской литературы, вып. 4, СПб., 1882.

Поуч.Серап. Вл. Поучение Серапиона Владимирского. Петухов, Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. Зап.ИФФ ч.17, 1888.

Поуч.Феогн. Поучение митр. всея Руси Феогноста. Никольский, Н.К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. Сб. ОРЯС, т.82, СПб., 1907.

Поуч. Феод. Печ. Слова и поучения Феодосия Печерского. Еремин, Н.П. Тр. ОДРЛ, т.V, М.-Л., 1937.

Правда Рус. Правда Русская. Т.I. М.-Л., 1940.

Прав. Смирнов, С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. Чт. ОИДР, кн.3, 1912.

Прав.исп.веры. Православное исповедание веры. – В: Православная богословская энциклопедия. Т. I-XII. СПб.,1900-1911.

Пращица. Книга сия именуемая, новосочиненная противо вопросов раскольнических. СПб., 1721.

Преобр. Этимологический словарь русского языка. Сост. А.Преображенским. Вып. 1-14. СПб., 1910-1916.

Пресл. Азб. Константин Преславски. Азбучна молитва. – Куев, Азбучната молитва в славянскиге митератури. С., 1979.

Пресл. Уч.ев. Константин Преславски. Учително евангелие. Михайлов, А.В. К вопросу об Учительном евангелии. Древности,

М., 1895.

Прикл. Приклады како пишутся комплементы разные. М., 1708.

Притчи. Эзоповы притчи. М., 1712.

Прок. Прокопович, Ф. Слова и речи поучительные... ч.1-4, СПб., 1760-1744.

Прол. (слав.-рус.). Славяно-русский пролог. Ч.I. - В: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 2, СПб.,1896.

Прол. (ст.печ.). Пролог сентябрьской и мартовской половины года. М., 1641-1643.

Прол. (1339 г.). Пролог по рукописи ПБ, № 58. ОЛДП, 136. Пг., 1916-1917.

Прол. (Ф.). Пролог сентябрьской половины года. Финляндские отрывки. Рук. БАН, 4,9,20.

Прос.Арс.К. Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима, изд. иером. Арсений Каллуда. ПДП, № 46. СПб., 1883.

Псалт.Бол. Дуйчев, Ив. Болонски псалтир... С., 1968.

Псалт. XI в. Погорелов, В. Чудовская псалтырь XI в.,СПб.,1910.

Псалт. Симон.д. 1280 г. Арх. Амфилохий. Древнеславянская псалтырь до 1280 г. М., 1880-1881.

Псалт. толк. Феод. Псалтырь с толкованиями Феодорита. Рук. ГБЛ, Ф. 256.

ПСЗ. Полное собрание законов Российской империи. Тт.1-3. СПб., 1830.

Псков. I,II лет. Псковские летописи, вып. 1-2. М.-Л., 1941, 1955.

Пустоз.сб. Дружинин, В.Г. Памятники первых лет русского старообрядчества. Пустозерский сборник. ЛЗАК, вып. 26,СПб,1914.

Пут.Лукьян. Путешествие священника Лукьянова. Русский архив, 1863.

Пушк. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений. Тт.I-X. М.-Л., 1949.

Пч. Семенов, В. Древняя русская Пчела... Сб. ОРЯС, т. 5. СПб., 1893.

Радзив. лет. Радзивиловская, или Генигсбергская летопись. I. ОЛДП, 118. СПб., 1962.

Радищ. Радищев, А.Н. Полное собрание сочинений. Тт. 1-3. М.-Л., 1938-1952.

Разин. вост. Крестьянство и национальные движения в революционном движении. М.-Л., 1931.

Рассужд. церк.-слав.яз. Ягич, И.В. Рассуждения южнославянской старины о церковнославянском языке. - В: Исследования по русскому языку. ОРЯС, т.1, СПб., 1885-1895.

Р.Джемс. Ларин, Б.А. Русско-английский словарь - дневник Ричарда Джемса. Л., 1959.

Регл. Дух. Регламент Духовный. М., 1721.

Речн. инд. Козма. Давидов, А. Речник индекс на Презвитер Козма. С., 1976.

Реш. Решетников, Ф.М. Сочинения. М., 1890.

РИБ. Русская историческая библиотека. СПб., 1875, т.II; СПб., 1878 т.IV; СПб., 1908, т.VI; СПб., 1909, т.XVI.

РИД. Гешев, Ив. Рилски граголически листове. С., 1956.

Рим. деян. Римские деяния, вып. 1-2. ОЛДП, 5,35. СПб.,1877-1878.

Рит. Книги суть риторики. Рук. ГИМ, Син. № 933.

Рог.лет. Рогожский летописец. ПСРЛ, т.15, вып.1, М.,1965.

Росп.Лаз. Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под.ред. Н.Субботина. Тт.I-VIII. т.IV, ч.I. М., 1878.

Росс.целл. Росскийский целлариус, или этимологический лексикон, изд. Ф.Гелтергофом. 1771, М.

Рук.лекс. Рукописный лексикон первой половины XVIII в. Аверьянова, А.П. Л., 1964.

Рум. Востоков, А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.

Рыкл. Рыклин, Г. Вот какие дела. М., 1963.

Рыл. Рылеев, К.Ф. Сочинения, СПб., 1893.

Ряз.Корм. Рязанская Кормчая, 1284 г.

Срезневский, И.И. Обозрение русских списков Кормчей книги. Сб. ОРЯС, т.65.

Сав.Грудц. Скрипиль, М.О. Повесть о Савве Грудцыне. Тр.ОДРЛ, т.V, 1947.

Сав.кн. Щепкин, В.Н. Саввина книга. - В: Памятники старославянского языка, т.II, вып. 2. СПб., 1903.

Садн. SADNIK, L. R.AITZETMÜLLER. HANDWÖRTERBUCH ZU DEN ALTKIRCHENSLAKISCHEN TEXTEN. HEIDELBERG, 1935.

Салт. Салтыков-Щедрин, Е.М. Полное собрание сочинений. Тт.I-XIX. М.-Л., 1933-1941.

САР. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Чч.1-6. СПб., 1806-1822.

Сб. Друж. Дружинин, В.Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI в. ЛЗАК, вып. 21. СПб., 1909.

Сб. 1348 г. Куев, К. Иван-Александровият сборник от 1348. С., 1981.

Светл. Светлов, М.А. Избранные стихи. М., 1932.

Сераф. Серафимович, А.С. Полное собрание сочинений. Тт.I-XV. М.-Л., 1928-1930.

Сим.лет. Симеоновская летопись. ПСРЛ, т.18, СПб., 1913.

Сим.Пол.Бес. Симеона Полоцкого беседы против протестантства. Рук. БАН, 33,7,4.

Сим.Пол.Орел.рос. Полоцкий, С. Орел российский. ОДДП, 133. Пч.,1915.

Син. Синопсис или краткое собрание от различных летописцев

о начале славяно-российского народа. М., 1714.

Син.пс. Северьянов, С.Н. Синайская псалтырь. Пг., 1922.

Син.пат. Синайский патерик. М., 1967.

Сим. Симонов, К. Так называемая личная жизнь. М., 1978.

Сказ. Авр.Пал. Сказание Авраамия Палицына. М.-Л., 1955.

Сказ. Ал.Невск. Сказание о подвигах великого князя Ал.Невского. ПДПИ, № 36, СПб., 1882.

Сказ. антихр. Срезневский, И. Сказание об антихристе в славянских переводах. СПб., 1874.

Сказ. Инд.царств. Истрин, В.М. Сказание об Индейском царстве. Древности. Тр. СКМАО, т.1, 1895.

Сказ.кн. Влад. Дмитриева, Р.И. Сказание о князьях Владимирских. М.-Л., 1955.

Сказ.крест.сыне. Сказание о крестьянском сыне. - В: Русская демократическая сатира. XVII в. М.-Л., 1954.

Сказ. о куре и лис. Повесть о куре и лисице. - В: Русская демократическая сатира XVII в. М.-Л., 1954.

Сказ. о попе Савве. Повесть о попе Савве. - В: Русская демократическая сатира XVII в. М.-Л., 1954.

Скит. Скиталец, с. Повести и рассказы. М., 1935.

Скотт. Скотт, М. О естествознании. Рук. ГБЛ. Муз. № 2955,1670г.

Сл.Дан.Зат. Слово Даниила Заточника. Л., 1932.

Слепч.ап. Ильинский, Г.А. Слепчанский Апостол, XIII в., М., 1912.

Сл.Илар. Розов, Н.Н. Синодальный список сочинений Илариона, русского писателя XI в. - SLA IA , ч.32. PRAHA, 1963.

Сл. и поуч.пр.яз. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. ЗМАИ, т.18, 1913.

Сл.Иппол. об антихр. Новоструев, К. Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе. М., 1868.

Сл.Ис.Сир. Исаака Сирина слова. Вилинский, С.Г. Послания старца Артемия. Одесса, 1906.

Сл.Кир.Тур. Слово Кирилла Туровского в новую неделю по пасце. Калайдович, К.Ф. Памятники российской словесности XII в., М. 1821.

Сл.митр.Дан. Жмакин, В. Митрополит Даниил и его сочинения. Чт. ОИДР, кн.2, 1881.

Сл. о бражн. Повесть о бражнике. - В: Русская демократическая сатира XVII в. М.-Л., 1954.

Сл.Кондр. Польский общий словарь и библейский. Пер. К.Кондратовичем. СПб., 1775.

Словн. SLOVNIK JAZYKA STAROSLOVENSKÉGO. Tt. 1-3. PRAHA, 1968-1989.

Сл.полк.Игор. Слово о полку Игореве. М.-Л., 1950.

Сл.похв.Фомы. Инока Фомы слово похвальное о благоверном князе Александровиче. ПДПИ, № 168, СПб., 1908.

Сол.Соловьев, В.А. Фельдмаршал Кутузов. М., 1945.

Солоух. Солоухин, Вл. Слово живое и мертвое. М., 1976.

Соф.вр. Софийский временник по рукописям XV-XVI вв. М.,1820-1821.

Соф. I лет. Софийская первая летопись. ПСРЛ, т.5.Л.,1925.

Соф. II лет. Софийская вторая летопись. ПСРЛ, т.6. СПб.,1853.

Соч.Иннок. Послания и письма Иннокентия... XVII в. Будовниц, Н.У. Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1969.

Спаф. Арсеньев, Ю. Статейный список посольства Н.Спафария в Китае. ВАИ, вып. 17. СПб., 1905.

СРНГ. Словарь русских народных говоров. Вып.1.. сл. М.-Л., 1965 сл.

СРЯ XI-XVII вв. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып.1-13. М., 1975-1989.

СРЯ XVIII. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1-5. Л.,1984-1989.

СРЯ. Словарь русского языка, состав... Вторым отделением ИАН. Тт.1-4. СПб.: М., 1895-1929.

ССРЛЯ. Словарь современного русского литературного языка. Тт.1-17. М.-Л., 1950-1965.

Срезн. Срезневский, И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893, т.1; СПб., 1902, т.2; СПб., 1912, т.3.

Стеф. Стефанит и Ихнилат. Стихотворная книга басен... Л.,1969.

Стих. XII в. Стихирарь месячный. Рук.БАН, 4,9,13. XI-XII вв.

Ст.книга. Степенная книга царского родословия. ПСРЛ, т.XVI. СПб., 1865.

Стоглав. Стоглав. Казань, 1887.

Ст.польск.сл. SLOVNIK STAROPOLSKI.ZESZ.1-34.WARSZAWA,1953-1970.

Ст.укр.сл. Словник староукра'нсько' мови XIV-XV вв. Тт.1-2. Ки'в, 1978.

Ст.чешск.сл. STAROČESKY SLOVNIK.1-13.PRAHA,1968-1982.

Суб.мат. Материалы для истории раскола за первое время его существования. Тт.1-9. Под ред. П.Субботина. М., 1874-1895.

Суд. Судебники XV-XVI вв. М.-Л., 1952.

Суб.Полное собрание всех сочинений... А.П.Сумарскова. Ч.1-10. М., 1787.

Супр. Северьянов, С. Супрасльская рукопись. СПб., 1904.

Сурк. Сурков, А. Избранные стихи. М., 1947.

СЦРЯ. Словарь церковнославянского и русского языка. Тт.I-IV. СПб., 1847.

Тат. Татищев, В.Н. История россиская. Кн. 1-5. М. 1768-1848

Твард. Твардовский, А.Т. Избранное. М., 1947.

Тип.лет. Типографская летопись. ПСРЛ, т.24. Пг.,1921.

Толк.неудобь реч. Толкование неудобь познаваемом в писаных речем. Ковтун, Л.С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.-Л., 1963.

Толстой, Л. Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений. Тт.1-18. М., 1928-1954.

Толстой, А. Толстой, А.Н. Собрание сочинений. Тт.I-X. М.,1961.

Том.пс. Щепкина, М.В. Болгарская миниатюра XIV в. Исследование псалтыри Томича. М., 1963.

Торж. Торжественник. Сб. похвальных слов, житий особо чтимых святых. ПДПИ, вып. 158, СПб., 1905.

Травн. Травник. Флоринский, В.М. Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1879.

Требн. Требник. Рук. БАН, № 72.

Тред. Тредиаковский, В.К. Избранные произведения. М.-Л.,1963.

Триодь Цветн. См. Срезн.

Тург. Тургенев, И.С. Сочинения. М.-Л., 1947.

Тын. Тынянов, Ю.И. Кюхля. Л., 1938.

Тютч. Тютчев, Ф.И. Полное собрание стихотворений. М.,1933.

Ул.Ал. Уложение... Алексея Михайловича. М., 1649.

Унд. Листки Ундольского. Карский, Е.Ф. Памятники старославянского языка. Т. 1, вып. 3, СПб., 1904.

Упырь Лих. Списки с рукописи Упыря Лихого 1047 г. Срезневский, И.И. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882.

Урядн. Книга глаголаемая урядник. - В: Собрание писем царя Ал.Михайловича. М., 1856.

Усп.сб. Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971.

Усп.Н. Успенский, Н.В. Сочинения. Тт.I-IV. М.,1883.

Усп.Корм.Ио.Схол. Кормчая Иоанна Схоластика. Сб.ОРЯС, т.62. См. Срезн.

Фасм. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка.

Тт.1-4. М., 1964-1973.

Фед. Федин, К.А. Собрание сочинений. Кн.I-II, Л.,1934-1935.

Феод. Печ. Еремин, И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского. Тр. ОДРЛ, т.5. 1947.

Феод.Студ. Преподобного отца Феодора игумена Студийского о останцех церковных канон. Казанский, П.С. История православного русского монашества. М., 1855.

Феод.толк. Погорелов, В. Толкования Феодорита Киррского на псалтырь в древнеболгарском переводе. Варшава, 1910.

Фет. Фет, А.А. Вечерние огни. М., 1979.

Физ. Карнеев, А. Материалы и заметки по литературной истории физиолога. ОДДП,92.СПб., 1890.

Физ.Гил. Руководство к физике, соч. П.Пиларовским... СПб., 1793.

Фил.ест. Философия естественная..1718. Рук. БАН,17.14.3.

Флавий, Пол.Ер.Мещерский, Н.А. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.-Л., 1958.

Флор. Флоринова экономиа. СПб., 1738.

Флор.сб. Летописное сказание о VIII-ом (Флорентинском) соборе. Малинин, В. Старец Елезарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

Фонв. Полное собрание сочинений Д.И.Фонвизина... СПб.,1888.

Ф.Прокоп. Феофан Прокопович. Сочинения. М.-Л.,1961.

Хемн. Хемницер, И.И. Полное собрание стихотворений.М.-Л., 1963.

Хер. Творения М.Хераскова. Ч.1-12. М.,1796-1803.

Хил.Л. Кульбакин, С.М. Хиландарское листки. Памятники старославянского языка, т.I,вып.1. СПб., 1900.

Хожд.Ант.Новг. Книга паломник. Православный палестинский сб., ч.17, СПб., 1899.

Хожд.Аф.Ник. Хождения за три моря Афанасия Никитина. М.-Л., 1958.

Хожд.Вас.Хождение гостя Василья. - Православнэй палестинский сб., т.2.СПб., 1884.

Хожд.Дан.иг. Житье и хожденье Даниила Русьскыя земли игумена. Православный палестинский сб., т.1.СПб.,1885.

Хожд.Игн, См. Хождение Игнатия Смольнянина. Православный палестинский сб., т.4.СПб.,1887.

Хожд.Стеф.Новг. Хождение Стефана Новгородца. Памятники древнерусской литературы, вып.4. Л.,1934.

Хом. Хомяков, А.С. Стихотворения. М.,1868.

Хрон.Г.Ам. Истрин, В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т.1. Пг. 1920,т.2.1922.

Хрон.Ио.Мал. Истрин, В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн.1. СПб., 1897.

Хроногр. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

Цамбл. Похв. Русев, П., Гълъбов, И., Давидов, А., Данчев,Г. Похвално слово за Евтимий от Гр.Цамблак. С.,1971.

Царств.кн. Так называемая Царственная книга. ПСРЛ, т.13. СПб., 1906.

Церк.уст.Влад. Церковный устав князя Владимира Святославича. Памятники древнерусского канонического права, РИБ,т.36. Пг., 1920.

Церк.уст. Яр. Церковный устав князя Ярослава. Памятники русского права, вып.1. М.,1953.

Чап. Чапыгин. Степан Разин. М., 1962.

Черн. Храбр. Куев, К.М. Черноризец Храбър. С., 1967.

Черн. Чернышевский, Н.Г. Полное собрание сочинений. Тт.I-XV. М., 1939-1953.

Четвер.Ал. Четвероевангелието на цар Иван Александър. С., 1980.

Чех. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем Тт.I-X. 1944-1951.

Чин.исп. Чин исповедания. Голубцов, А. Чиновник Новгородс. Софийского собора. Чт. ОИДР, кн.2. 1899.

Ч.Николы. Три чуда русской записи XI в. - В: Житие и чудес св. Николая Мирликийского и похвала ему. НДПИ, № 34. СПб.,

Ч.Серг. Р. Книга о чудесах преподобного Сергия. НДПИ, № 70 СПб., 1888.

Чуд.Погорелов, В. Чудовская псалтырь XI в., СПб.,1910.

Чулк. Чулков, М.Д. Сочинения. СПб., 1913.

Шест. Г. Пиз. Шестоднев Георгия Пизида в славяно-русском пе воде 1385 г. СПб., 1882.

Шест.Ио.ек. Шестоднев, составленный Иоанном ексархом Болгар Чт. ОИДР, кн.3. 1899.

Шишк. Шишков, В.Я. Емельян Пугачев. М., 1946.

Шол. Шолохов, М.А. Тихий Дон. М., 1965.

Шукш. Шукшин,В. Избранные произведения, Тт.I-II. М.,1975.

Эренб. Эренбург, И.Г. Падение Парижа. М., 1942.

Эретель. Эретель, А.И. Гарденины. Чч.I-II. М.,1890.

ЭСРЯ. Этимологический словарь русского языка. Вып.1-7. М., 1963-1983.

ЭССЯ. Этимологический словарь славянских языков. Вып.1-15. М., 1974-1989.

Юн.Зерц. Юности честное зерцало. СПб.,1919.

Юр.ев. Амфилохий. Древле-славяно-грего-русский словарь из Юрьевского евангелия. М.,1877.

Язык. Языков, Н.М. Полное собрание стихотворений. М.-Л.,1934

BARTULA C. ELEMENTY PRASŁOWIAŃSKE ZDAUIA ZŁORONEGO W JĘZKY SRAROCERKIEWNO-SŁOWIAŃSKIM.-IN: Z POLSKICH STUDIÓW SLAWISTYCZNYCH. SERI 4. PARE NA VII MIĘDZYNORODOWY KONGRES SLAWISTÓW W WARSZAWIE. WARSZAWA, 1973.

BIRNBAUM H. ON THE SIGNFICANCE OF THE SECOND SOUTH SLAVIC INFUENCE FOR THE EVOLUTION OF THE RUSSIAN LITERARY

LANGUAGE.-IN: INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC LINGUISTICS AND POETICS. 1974-1975,T.21. THE PETER DE RUDDER PRESS.

BÖCK W. FLECKENSTEIN CH.,FREYDANK D. DER RUSSISCHEN LITERATURSPRACHE. LEIPZIG,1974.

BROZOVIĆ D. STANDARTNI JEZIK. ZAGREB, 1970.

DURNOVO N.N. SUR LE PROBLÈME DE WIEX-SLAVE.-TRAVAUX DU GERCLE LINGUISTIQUE DE PRAGUE,I,1929.

FERGUSON CH. DIGLOSSIA.-WORD,1959,V.15.

GALÁBOV,I. PROBLEME DER ALTBULGARISCHEN LEXIKOLOGISCHEN FORSCHUNG. WIEN.WIENER SLAVISTISCHES JAHRBUCH.24,1978.

GEROV B. DIE GRIECHISCHEN, SEMITISCHEN UND LATEINISCHEN WOMIN IM ALTBULGARISCHEN, ГСУ, 39, София, 1942-1943.

GRIVEC F. O SVOBODNICH PREVODIH V STAROSLOBEŇSKIH EVANGELIJIH. SLAVIA,25, 1956,NR 1.

HAMM I. STAROSLOVENSKA GRAMATIKA.ZAGREB, 1958.

HAUPTOVA Z. LEXIKÁLNI ROZBOR APOŠTOLA ENINSKÉHO.-IN: STUDIA PALAEOSLOVENICA. PRAHA,CSAV, 1971.

HAVRÁNEK B. OTÁRKAEXISTENCE CIRKEVNI SLOVANŠTINY V POLSKU.-SLAVIA,1956,T.25, вып.2.

HORÁLEK K. LEXIKÁLNIMU SLOŽENI STAROSLOVÉNŠTINY.-PHILOLOGICA, 2,1956, NR 1.

HORÁLEK K. K OTÁZCE LEXIKÁLNICH BOHEMISMŮ V STAROSLOVÉNSKÍCH PAMÁTKACH.-IN: SLOVANSKE STUDIE. PRAHA, 1946.

HÜTTL-FOLTER G. DIE TRAT/TOROT - LEXEME IN DEN ALTRUSSISCHEN CHRONIKEN.-WIEN, 1983.

ISSATSCHENKO A. MYTHEN UND TATSACHEN ÜBER DIE ENSTEHUNG DER RUSSISCHEN LITERATURSPRACHE.WIEN,1975.

JAGIĆ V. LIE SLAVISCHEN COMPOSITA IN IHREN SPRACHGESCHICHTICHEN AUFTRETEN. ARCH.SLAV.FIL.,20-21,1898-1899.

KEIPERT H. ZUR GESCHICHTE DES KIRCHEN-SLAVISCHEN WORTGUTS IM RISSISCHEN.-ZEITSCHRIFT FUR SLAVISCHE PHILOLOGIE,XXXV,1970.

KIPARSKY V. RUSSUSCHE HISTOR.GRAMMATIK,T.3,HEIDELBERG,1975.

KURIMSKY A.,LEŠKA O. CIRKEVNĚSLOVANSKA TRADICE A CIRKEVNĚ-SLOVANSKÉ DĚDICTVI V RUŠTINE.-IN: BULLETIN ÚSTAVU RUSKÉHO JAZYKA A LITERATURY.T.X,PRAHA,1966.

KUNA,H. REDAKCIJE STAROSLOVENSKOG KAO LITERARNI JEZIK SRBA I HRVATA.-SLOVO,15-16,1965.

Пенка Димитрова Филкова
ДРЕВНЕБОЛГАРСКИЕ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Българска
Първо издание

Рецензенти проф.Н.Дилевски,проф.Ив.Добрев
Изд.редактор Екатерина Солнцева-Накова
Художник на корицата Пенчо Мутафчиев
Худ.редактор Красимира Михайлова
Техн.редактор Елена Пискова

Изд.индекс 369
Код 36/9535122631/5020-4-91
Формат 60/84/16 Тираж 500 + 65
Печ.коли 31,25 Изд.коли 29,06 УИК 27,72

Университетско издателство "Св.Климент Охридски"
Печат и подвързия - печатна база БЕК